

к. 625(2)
9 32

Николай Ядринцев

**Сибирь
как колония**

Николай Михайлович ЯДРИНЦЕВ

Сочинения

*Под редакцией С.Г. Пархиловича
Составитель Ю.Л. Мандрика*

К 60.1
9

Николай Михайлович
ЯДРИНЦЕВ

Том первый

Сибирь как колония

Современное положение Сибири.
Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее

Нижневертолетное
КУ "БМО"
ИНС. № 96805/1-1-КО.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮР. МАНДРИКИ

Тюмень, 2000

ББК 63.5
Я 32

Я 32 **ЯДРИНЦЕВ Николай Михайлович**
Сочинения: Т. 1. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее/Под ред. С.Г. Пархимовича. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. — 480 с. — (Краеведческая б-чка журн. «Лукич»)

Книга «Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее» — переиздание работы известного ученого, общественного деятеля и писателя Н.М. Ядринцева.

Адресована всем, кто интересуется историей края, Сибири.

- © Мандрика Ю.Л. (составление), 2000.
- © Пархимович С.Г. (комментарии), 2000.
- © Кухтерин А.С. (иллюстрации), 2000.
- © Издательство Ю. Мандрика (сформирование), 2000.

ISBN 5-93020-076-9
ISBN 5-93020-084-X (том I)

ЯДРИНЦЕВ Николай Михайлович
(1842–7.06.1894)

Из племени областников

Накопление научных знаний о Сибири началось задолго до присоединения этого края к России. Первыми сибирскими краснедами были арабские географы, западноевропейские путешественники, купцы, миссионеры и дипломаты (Марко Поло, Плато Карпини, Сигизмунд Герберштейн, Матвей Меховской и др.) и русские первопроходцы, участники новгородских и московских военных экспедиций за Урал.

Авторы научных трактатов и летописцы этого периода, как правило, знали о Сибири понаслышке, получая сведения из вторых, третьих уст. Поэтому в их описаниях реальные сведения перемежались с фантастическими, а Сибирь была окутана ореолом таинственности, развеять который предстояло грядущим поколениям исследователей.

Начиная с конца XVI века, колонизационный поток увлекал за Урал тысячи и десятки тысяч русских поселенцев, каждый из которых открывал для себя Сибирь. Постепенно прежняя terra incognita становилась для новых сибиряков осязаемой, зримой, родной страной. Постоянно общаясь с аборигенами края, русские жители знакомились с их языками, обычаями, фольклором. В их повседневную жизнь прочно вошли местные названия рек, гор и урочищ...

Новые знания закрепились в устной традиции и в течение нескольких десятилетий были достоянием лишь самих русских сибиряков, доходя голым эхом до европейцев.

Семнадцатый век в сибирской историографии по праву можно назвать летописным. Имелю в летописях — общесибирских и городовых — в сжатой форме были сконцентрированы реальные сведения о сибирских народах, хроника похода Ермака и «поставления» первых русских городов и острогов в Сибири. Эти сочинения должны были ответить на сакраментальный вопрос, поставленный еще в «Повести

временных лет»: «кто... ..первое княжати начал, и откуда пошла есть земля Русская» (читай — сибирская).

К концу семнадцатого века третье поколение русских сибиряков воспринимало этот край как свою Родину, поэтому интерес к его истории был вполне понятен. Первые собственно сибирские краеведы проявили себя в петровскую эпоху: историк, картограф и этнограф, уроженец Тобольска Семён Ульянович Ремезов и сибиряк поневоле, сосланный из Малороссии Григорий Новицкий — автор «Краткого описания о народе остяцком». Однако их начинание не было подхвачено земляками: грамотные люди в Сибири были большой редкостью. Долгое время Северную Азию изучали просвещённые «варяги», в большинстве своём иностранцы: Н. Спафарий, Н. Витсен, Ю. Крижанич, Д. Г. Мессершмидт, П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер и другие.

Наконец, к середине девятнадцатого века Сибирь созрела для изучения «самого себя». Прервавшуюся традицию местных летописцев Ремезова и Новицкого возродил Петр Андреевич Словцов. Его фундаментальный труд «Историческое обозрение Сибири» (1838—1844) современники оценили как «эпоху в сибирской исторической науке». Его видение особого места Сибири в российской истории и идея сибирского патриотизма были с восторгом и энтузиазмом подхвачены земляками.

К концу 50-х—началу 60-х годов созрело поколение молодых исследователей-сибиряков, идейных последователей П. В. Словцова: Г. Н. Потанин, Н. С. Шукин, С. С. Шашков, Н. М. Ядринцев и другие. Для них, ровесников «Исторического обозрения Сибири», этот огромный край был не только объектом научного изучения, но и родным домом. Поэтому их отношение к природе и истории Сибири, судьба ее народов, в отличие от холодной академичности и бесстрастности заезжих профессоров, было в высшей степени эмоциональным. Более того, их волновало не только прошлое, но и настоящее, и будущее Сибири.

В 1860 году, будучи студентами, эти молодые люди создали в Санкт-Петербурге кружок сибирского землячества, в недрах которого вскоре оформились идеи нового общественно-политического движения, получившего название «сибирское областничество». Областники считали Сибирь колонией России и призывали к отделению ее от метропо-

лии. По их мнению, Сибирь, добившись экономической и политической независимости, могла пойти по пути Соединенных Штатов Америки и достичь процветания. Понимая, что немаленькое отдаление от России персально, они требовали для начала отменить уголовную ссылку в Сибирь, открыть там университет и т.п.

Одним из лидеров областников был Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894), уроженец Омска. После трех лет учебы в Санкт-Петербургском университете он вернулся на родину, где вместе с Г. Н. Потапиным продолжил активную пропаганду идей областничества. Их многочисленные публичные выступления и статьи в «Томских губернских ведомостях» имели заметный общественный резонанс. Просветительская деятельность Ядринцева «сотоварищи» до поры, до времени не вызвала особых нареканий со стороны властей. Гром грянул лишь в 1865 году, когда уличенные в пропаганде сепаратизма областники были арестованы и заключены в омскую тюрьму. По делу «Об отделении Сибири и образовании республики, подобно Соединенным Штатам» были осуждены 19 человек, в том числе и Ядринцев.

Три года заключения и последовавшие шесть лет ссылки не прошли даром для Николая Михайловича. Он продолжал собирать научные материалы, написал ряд научных и публицистических статей, в которых продолжал отстаивать идею особого места Сибири в российской истории, но ее будущее видел уже только в составе России.

В 1876 году Ядринцев вновь вернулся в Омск и поступил на службу в Главное управление Западной Сибири. Позднее он благодарил судьбу за то, что она свела его с генерал-губернатором Западной Сибири Г. Н. Казнаковым, который сочувственно относился к идеям своего подчиненного и всячески поддерживал его инициативы. Неугомонный Ядринцев сразу же развернул активную общественную и научную деятельность. Спустя год в Омске при его участии был создан Западно-Сибирский отдел Русского географического общества, а в 1882 году Ядринцев основал газету «Восточное обозрение» с приложением «Сибирский сборник», где краеведческая тематика было приоритетной. Кипучая энергия, разносторонность научных интересов и работоспособность Николая Михайловича поразительны. Посвятив вторую половину жизни изучению быта и решению проблем коренно-

го наследия Сибири и переселенцев из европейской части России, он совершил в то же время несколько комплексных экспедиций на Алтай, в Минусинский край и Монголию. В 1891 году за успешную и плодотворную научную деятельность Ядринцев был награжден золотой медалью Русского географического общества. Певец Сибири и «друг переселенцев» регулярно печатал публицистические статьи в «Восточном обозрении», «Вестнике Европы», «Русских ведомостях», «Русской жизни» и других изданиях.

Главным результатом его изысканий и раздумий о прошлом и будущем Сибири явились две монографии — «Сибирь как колония» (1882) и «Сибирские инородцы: их быт и современное положение» (1891). В них он предстает одновременно как ученый и публицист, причем вторая ипостась превалирует. И сегодня, спустя более ста лет, эти работы читаются с интересом и, несомненно, представляют собой не только историографическую ценность. Их автор собрал богатый фактический материал, использовал работы многих ныне забытых исследователей. Ряд поднятых им проблем, в частности — вымирание коренных народов, актуальны и по сей день, хотя и приобрели новую окраску.

В то же время современного читателя наверняка смутят некоторые обобщения Ядринцева и безупречная терминология («этнологическая борьба», «высшие и низшие расы и племена» и т.п.). Но из контекста все же видно, что повода для обвинения его в расизме нет: под «высшей расой» (культурой) Ядринцев подразумевает просвещенную европейскую цивилизацию, до высот которой должны в конечном счете подняться «дикие» сибирские аборигены (в необходимости этого пути и способности их к достижению названной цели он не сомневается). Не всегда тезисы Ядринцева согласуются с приводимым им же фактическим материалом (заметьте преобладают данные по Забайкалью и Восточной Сибири). Так, приводя примеры голода среди русских и инородцев, он делает вывод о вымирании последних. В другом случае, декларируя культурное превосходство русской национальности над аборигенами Сибири, исследователь на ряде примеров доказывает неспособность представителей «высшей расы» не только поднять аборигенов на свой уровень, но и сохраниться среди них как этнос.

С другой стороны, Ядринцев безусловно добился главного: он привлек внимание к сложной сибирской проблеме.

10 Н.М. Ядринцев. Сибирь как колония

матике широких кругов научной общественности и власть предержащих, призвал к безотлагательному принятию необходимых мер для улучшения жизни «несчастливого края». Мрачную и безотрадную панораму сибирской жизни лидер сибирских областников завершает строками, полными надежд на светлое будущее этого края, когда в нем вопарятся гражданские права и свободы, прекратятся злоупотребления властей, ссылки в Сибирь, распространится образование и т.д. Отраднo сегодня сознавать, что многое из перечисленного стало явью...

С. Пархимович

*Колонии посвещенного общества, утверждающиеся
в безлюдной и малонаселенной стране,
скорее всякого другого человеческого общества движутся
к богатству и благосостоянию.*

Адам Смит

От автора

Посвятив большую часть жизни изучению края интересного, но малоизвестного, мы решились соединить в одно целое все наши наблюдения и плоды литературных работ о Сибири, чтобы дать картину современной жизни нашего Востока, поучительную для русского общества. Если склад народной жизни в сиропейской России вызывает наше особое внимание, то не менее интереса может представить проявление той же жизни русского народа на обширных окраинах среди новых условий и новой обстановки. Несомненно, что здесь, среди девственной природы, характер того же населения должен проявляться оригинальнее и самобытнее. Передать некоторые черты из жизни этого края и познакомить с ним ввиду недостатка сочинений и существования смутных представлений о Сибири было нашей целью.

Мы имели в виду рассеять предрассудки и ложное понятие о нашем Востоке, сложившееся по его печальному прошлому, и показать, что этот край мог бы при лучших условиях быть страной довольства, богатства и счастья.

Наши владения на Востоке и обширные пространства Сибири получают особое значение теперь, когда поднимается «переселенческий вопрос», на котором сосредоточено одинаково внимание правительства и общества. Русский народ стремится издавна продолжить тропу в Сибирь, и ввиду чувствительной потребности переселений этот край несомненно будет играть в будущем еще большую роль. Избыток населения и потребность в земле не только не ослабляют, но постепенно будут возрастать, и поэтому места, свободные для переселений, будут цениться более и более. Малонаселенные земли, по выражению Литтле, призваны играть огромную роль в будущности человечества.

Мы имели в виду рассмотреть положение Востока именно с этой точки зрения. Затем мы не могли не коснуться того этнологического процесса и всех изменений, какие со-

верпаются в обстановке новой страны. Необходимо изучить все особенности ее, влияние на человека, все оригинальнейшие проявления быта для того, чтобы составить понятие об условиях человеческого существования здесь. Наконец в этой стране мы видим зарождающееся общество, в котором проявляются те же человеческие стремления, постепенно формируются кости и мускулы живого организма, совершается промышленный и культурный рост, пробуждается гражданская жизнь и духовные потребности, которые требуют удовлетворения.

Конечно, трудно было дать полную картину жизни и всех оттенков ее ввиду разнообразия племен и народностей, раскиданных на обширнейших в мире пространствах. Но мы старались хоть отчасти обобщить добытые этнографические наблюдения в различных местностях края, сознавая, что подробная научная разработка еще впереди. Наши очерки имеют скорее в виду возбудить любознательность и интерес к изучению Востока. Имея перед собой наступающее трехсотлетие исторического существования края, мы считали не бесполезным представить некоторые итоги, познакомить с насущными потребностями и с вопросами, выступающими в его жизни.

Касаясь современного положения Сибири, рядом с исследованиями в своих текущих литературных работах мы должны были часто давать ответы на немолчные запросы жизни, поэтому тон нашего изложения не всегда является объективным и спокойным; но едва ли мы заслуживаем упрека в том, что, приходя на зов жизни, мы стремились ответить на него всеми силами души и полагали здесь весь жар своего сердца. Принадлежа к поколению, стремившемуся сознательно отнестись к нуждам своей родины и быть ей полезным, мы старались внести посильную дань в изучение ее вопросов, всуя, что другие поколения, одушевленные той же любовью, выполнят последующие задачи гораздо полнее и лучше нашего.

1881 — 1882 гг.

С.-Петербург.

Русская народность на Востоке

1.

Естественные и географические условия Сибири. — Климат и топография. — Естественные богатства. — Удобства жизни. — Реки как пути сообщения. — Будущность края в условиях географического положения. — Расположение русского населения, его распространение. — Отношение к инородческому элементу. — Взаимные влияния. — Вырождение и результат смешения. — Культурное влияние. — Пропорция русского населения к инородческому. — Средства сохранения национальности и свойства высшей расы.

Немного найдется стран, представляющих столько нового, оригинального и любопытного, как в естественнo-историческом, так и этнологическом отношении, подобно нашей восточной окраине, и в то же время едва ли существует страна, о которой бы соотечественники знали меньше и имели более смутные и неопределенные понятия. Несмотря на то, что уже три столетия, как край этот приобретен русскими и более полутора лет открыт для исследования науки*, несмотря на то, что первыишие светила европейской учености, как Гумбольдт, Ледобур¹, Эренберг, Розс², Бернард Котта и другие, удостоили его исследованиями и оставили здесь свои блестящие имена, несмотря на то, что со временем Мессершмидта и Палласа в Сибири пресыщало множество путешественников и экспедиций; Гмелин, Георги, Клапрот, Кастрен изучали здесь азиатские народности, а в последнее время география Азии, и в том числе Сибири, освещена великими трудами Риггера; несмотря на это, познания о Сибири весьма слабо проникли в русское общество. Многие доселе верят еще, что громадная пло-

* Первые сведения о Сибири занесены в Книгу большому чертежу 1627 г., а вообще Зауралье было известно русским с 1465 г. О Сибири упоминается в космографии Себастьяна Мюнстера в 1544 г.

Сноски, имеющие цифровую нумерацию, принадлежат автору комментариев и помещены на С. 474—478. К словам, обозначенным астериском (*), имеются примечания автора, которые помещены внизу страницы — Прим. издателя.

шадь, лежащая к востоку от Урала, представляет негостеприимную пустыню с суровым климатом, вечными зимами, неудобную для культуры и страшную для жизни. Это предубеждение невежества доселе тяготеет над злосчастною страной.

Отдаленность края, его нстронутость, подавляющая природа, могучее проявление стихий и трудность борьбы с природою в новых местах, как и сознание бессилия, чувствуемое не подготовленным для борьбы человеком, в связи с мифом о неизвестном и таинственном, всегда устрашающем, действительно заставляли видеть в этом крае нечто негостеприимное, но эти предубеждения день ото дня разрушаются жизнью, и несомненно придется когда-нибудь пожалеть, что наше незнание помешало оценить настоящее значение столь богатого края для государства.

Поэтому, приступая к описанию жизни и истории распространения русского населения на Востоке, мы считаем неспешным хотя бегло познакомиться с географическими и топографическими условиями нашего Востока по современным данным.

Пространство Сибири от Урала и до Восточного океана и от южных степей, входящих в состав края, до Ледовитого океана, т.е. между 45° и 77° северной широты, определяется пыпе в 245700 кв. миль, или 11885400 кв. верст. причем должно сказать, что все исчисления дают только приблизительное понятие о величине территории за неприведением в известность всех земель на этом огромном протяжении*. Во всяком случае должно признать, что территория азиатской России, или Сибири, превосходит европейскую Россию вместе с Финляндией и Царством Польским более чем вдвое; мало того, она занимает пространство больше, чем вся Европа, составляет четвертую часть Азии, превосходит Австралию и немного менее половины Африки. Такое протяжение территории заставляет приравнивать ее скорее к частям мира, чем к областям государства. Одна из губерний, далеко не самая большая, — за Уралом, Томская, составляет 18% всей России. превосходит Великобританию в 2 1/2 раза, Пруссию — в 3 раза. Францию — в 1 1/2 раза. Эта губерния равняется 15688 кв. милям, но рядом с нею Тобольская занимает уже 25749 кв. миль.

* По последним сведениям, пространство Сибири показывается в 226924 кв. м, но здесь не принимаются во внимание две области, Акмолинская и Семипалатинская. По исчислениям г. Венюкова, пространство азиатской России равняется 268855 кв. м. Кроме 245000, указанных нами, 61400 кв. м приходится на туркестанские владения.

Все протяжение Западной Сибири равно 2964649 кв. верстам и Восточной Сибири 8654000 кв. верстам. Такая часть мира едва ли может почтаться когда-либо излишнею и ненужною для человечества. Раскидываясь от Полярного круга до среднеазиатских степей, эта страна заключает все климаты — от вечных полярных льдов до среднеазиатских жаров, от безжизненной тундры и ледяных пустынь с ископаемыми мамонтами, усеявшими своими костями прибрежья Ледовитого моря, до цветущих благословенных уголков у подножия Алтая, до роскошных оазисов Чуйской долины и озера Иссык-Куля, до берегов поражающего южною растительностью Амура. Эти изменения в климате сопровождаются самыми причудливыми изменениями природы с самой разнообразной флорой и фауной. Таким образом, только развс часть Сибири в широтах полярного холода, под 70°, может быть признана суровой по климату и труднодоступной для жизни, но и это можно признать, только игнорировав тот факт, что торговцы и промышленники уже основали здесь свои фабрики и что здесь създава существовт значительное инородческое население со своим промыслом. Что касается средней и южной Сибири, то она обладает умеренною климата, не уступающей средним губерниям России; мы не говорим уже о тех уголках, дышавших южной природой, которым может позавидовать Малороссия и которые влекут ныне к себе целые потоки русского крестьянства.

Вс, что можно сказать, — это то, что континентальный климат Сибири обладает крайними переходами от суровых зим к жаркому лету, но это жаркое, почти тропическое лето вознаграждает человека за леденящий мороз, как яркие цветы Сибири награждают за бледные покровы зимы.

Для человека, привыкшего к климату Всликороссии, зимы Сибири не кажутся более тягостными. Вскрытие рек в апреле и замораживание в октяб্রে и нояб্রে не представляет ничего необыкновенного*. Напротив, в различных широтах Си-

* Недавно напечатанные таблицы замерзания сибирских рек в записках Зап.-Сиб. отдела Географического Общества, кн. 2, 1880 г. дают следующие указания:

	Вскрытие	Замораживание
Юг Сибири: Бия — в Бийске	11—13 апреля,	2 ноября
Омь — в Омске	12—22 «	1 «
Омь — Барнаул	12—19 «	24 «
Иртыш — Усть-Каменогорск	10—18 «	10 ноября
Средн. Сибирь: Томь — Томск	21—22 «	16 октября
Тобол — Тобольск	13—25 «	8 ноября
Север: Омь — Обдорск	19—24 мая	22 октября
Обь — Нарым	30 апреля	12 октября

бири, как доказывает сама жизнь, легко акклиматизируется само разнообразие по привычкам население, начиная с малороссы и бессарабца, кончая архангельцем; малороссы при этом выбирают более южные степи Сибири. Вообще же полоса между 60° и 45° представляет слишком достаточно простора на огромном протяжении в 8000 в., чтобы найти место для жизни и развернуть известную культуру*.

Природа и топография Зауралья представляет крайнее разнообразие. На большом протяжении здесь чередуются равнины, степи, огромная лесная полоса и наконец на юге и востоке проходят несколько значительных горных хребтов, придающих многим местностям Сибири горный характер. Степи средней Сибири весьма отличаются от среднеазиатских и киргизских степей; так называемая барабинская, ишимская и кулундинская степи составляют не что иное, как равнины, покрытые роскошной травяной растительностью и усеянные берзозовыми рощами, плодородие которых изумило академика Милдендорфа. Некоторые степи можно назвать пампасами Сибири, среди них помещаются огромные водные бассейны вроде озера Чаны, занимающего 2910 кв. верст, окруженного массой других второстепенных озер. Озера эти усеяны табунами сибирской дичи. К югу степи покрыты солными озерами.

Благодаря обширным пастбищам на севере и юге Сибири в ней пропитывается, по последним сведениям, только в одной западной половине 11249900 голов скота, в том числе 2703300 лошадей, 93500 оленей, 170500 верблюдов, 1606000 рогатого скота и 5679300 баранов. При этом верблюды, 1300000 лошадей, 700000 рогатого скота и 4200000 баранов приходится на киргизскую степь, а остальное — на земледельческую полосу. Если мы прибавим к этому половину такого количества скота в Восточной Сибири, мы поймём, что скотоводческие богатства Сибири замечательны и превосходят австралийское скотоводство, считавшее недавно до 10000000 голов скота.

Лесная полоса Сибири, начинающаяся с 57° с. ш., простираясь к северу, представляет сплошные урманы и тайги. Северная тайга сменяется к югу в Кузнецком и Бийском округах Томской губернии так называемой «чернью».

Эти девственные леса изобильны вековыми кедрами, лиственницами, елями, соснами и другими породами хвойных

* Пространство, удобное по климатическим условиям для жизни и для культуры, между 60° и 45° исчисляется в 115152 кв. мили.

деревьев, а в южной черни — береза, тополь, осина и даже липа увеличивают разнообразие: множество ягод, кустарники, как таволга, жимолость, аргай, и другие породы прибавляют растительность, а дикий хмель и выющиеся растения, обвивая эти леса лианами, напоминают купки девственной Америки.

Лесная площадь Западной Сибири в 11 округах Томской и Тобольской губерний считается в 56 миллионов десятин, не считая лесов Семипалатинской и Акмолинской областей, имеющих около 1 миллиона десятин. Такое количество превышает пространство казенных лесов трех крупных северных губерний России. Олонешкой, Вологодской и Пермской, имеющих только 55000000 десятин. Мы не говорим о лесах Восточной Сибири и Амура, превышающих приведенные цифры более чем вдвое.

На юге Сибири обилие рек, падающих с высоких гор в плодородные долины, составляет ирригацию этой местности. В то же время долины Бухтармы или часть Забайкалья и Амура пользуются благословенным климатом.

Цветущая альпийская растительность здесь покрывает луга и склоны гор, благоприятствуя развитию скотоводства и пчеловодства, которые представляют ныне уже богатые зачатки жизни. Многие горные местности Алтая и Минусинского края по своей живописной природе не уступают Швейцарии, а течение Иртыша в горах напоминает Рейн. Горный район одной Западной Сибири равняется пространству пяти европейских Швейцарии и представляет несравненно более разнообразия. В ней те же альпийские озера, величественные водопады и вершины гор, увенчанные облаками и вечным снегом*. На юге Сибири, в Катунских альпах, находится свой Монблан, не менее живописный, со спускающимися в долину глетчерами. Горы Сибири достигают высоты 10 и 12 тыс. футов над поверхностью моря. Хлебопашество на них простирается до высоты 4000 ф. Обращаясь вообще к полосе, доступной для земледелия, мы не можем не признать, что ввиду протяжения Сибири полоса эта не может быть незначительной. Почвенные условия в большинстве крайне благоприятны. Десять округов Тобольской губернии и почти вся Томская, исключая северные

* Алтайская флора роскошна и разнообразна: фиалки, жасмин, белая и желтая роза, сибирские лилии, пионы, дельфиниум, роскошные махры, гиацинты, великолепные рододендроны покрывают горы.

части Парынского округа, находятся в земледельческой полосе; точно так же и значительная часть Енисейской, Иркутской губерний и всё Забайкалье. Земледелие распространяется ныне в степях и горных местностях Сибири, где азиатские народы с издавна употребляют орошение.

Почва Сибири по своей тучности не требует удобрения. Брем выразился, что настоящее золото Сибири — это её чернозем. Урожай на девственной почве огромен.

Таких способных к хлебопашеству земель Министерство Государственных Имуществ высчитало в Западной Сибири 660915 кв. в., или 69465866 десятин, или 32,4% общего пространства, а в Восточной Сибири 1612390 кв. верст, или 167890110 десятин. Несмотря на этот поверхностный расчет, одни цифры поражают воображение. По сведениям казенных палат, в числе крестьянских надделов пахотных земель к 1878 г. в Тобольской губернии было 5773272 дес. и вдвое болше в Томской.

Но русское население ежегодно еще завоевывает множество земель из-под лесов, и земледельческое пространство все болше расширяется. Приняв во внимание эту земледельческую полосу Сибири, мы должны признать, что в будущем здесь может найти пропитание население в несколько десятков миллионов, и Сибирь как колония будет представлять достаточный запас земель для избытка населения европейской России.

Огромные расстояния и континентальная замкнутость Сибири мешали долго её открытию и сообщениям с ней.

Морские берега её долго были недоступны, береговой континент болше расчлененными, но с другой стороны, внутренние пространства богато наделены озерами и реками. Некоторые озера, как Байкал, составляют род внутреннего моря, оно равняется 576 кв. м. Озер величину от 300 до 10 миль считается 17.

Что касается рек, то они еще болше представляют удобств сообщения, и по ним с издавна двигалась колонизация.

Сибирь обладает четырьмя первоклассными речными бассейнами, которые могут уподобиться только величине американских рек; три из них текут с юга на север и могут обеспечить продовольствия бесплодному северу произведениями юга. С другой стороны — огромные реки богатством притоков составляют сеть водного сообщения между западом и востоком. Совокупность всех четырех бассейнов,

обнимая 152500 кв. миль, то есть $\frac{3}{4}$ всей азиатской России, показывает, что рано или поздно предоставится возможность объять речным сообщением большую часть Сибири, от Якутска и Восточного океана до Камско-Волжского бассейна, и от Туруханска и Обдорска до Митусинска, Кяхты, Бийска, Зайсана и Уссурийского края. Ничтожность волоков давно возбуждает мысль о соединении небольших промежутков капалями: таких волоков на всем протяжении насчитывается не более двух.

Эти же волокни могут быть легко соединены пыле железными дорогами*.

Сами моря, как Ледовитый океан, являясь не столь недоступными, судя по последним экспедициям Норденшельда и опытам сношений Европы с Сибирью. Точно так же есть основание надеяться, что побережья Амура не всегда будут пустынями и торговля на Восточном океане получит оживление.

Что касается южных границ Сибири, отделенных от азиатских государств хребтами Тянь-Шаня, Алтая и Саян, как и среднеазиатскими пустынями, то нельзя сказать, чтобы сообщения с Азией не были доступны чрез них, хотя они и способствовали изолированию Сибири в древнее время. Намеченные уже русскими торговые тракты в Китай, Монголию и Туркестан при условиях новейшей цивилизации могут только совершенствоваться; поэтому азиатские государства не могут считаться для нас более чуждыми.

Такое географическое положение азиатской России, смыкающейся с одной стороны с европейским миром и соприкасающейся с другой — с внутренней Азией, не может не указывать в будущем важной политической и культурной роли, которая намечается её исторической жизнью.

Все будет зависеть от того, насколько русское население на Востоке сумеет овладеть своим положением и развить свои внутренние общественные силы. По естественным и экономическим произведениям Сибирь давно заслуживала внимание и обладает дарами природы в завидной степени.

* Соединение Камско-Волжского бассейна с Обским уже осуществляется проведением Тюменской железной дороги. А соединение Обского и Енисейского — каналом по пути, открытому Фунтусовым, подтвердилось изысканиями инженеров Сиденсера и Аминова и признано вполне осуществимым (см. Экспедиция Министера Путей Сообщения на водоразделе Оби и Енисея 1875 г. капитан-лейтенанта Сиденсера. Изв. И.Р.Г.О., т. XIV, вып. 3).

До сих пор её богатства в виде пушнины, дорогих мехов, золота и минералов не всегда расчетливо эксплуатировались и, исчезая бесследно из страны, не создали прочной местной промышленности, но такое положение не всегда будет продолжаться.

Без сомнения, этому краю предстоит еще промышленное развитие, причем его естественные богатства будут открываться более и производительность увеличиваться.

Природные и естественные условия края таким образом открывают нам богатую страну вместо безжизненной пустыни. После того, как четырехмиллионное население, раскинувшись в различных широтах, создало здесь начало оседлости и формируется в гражданское общество, едва ли придет кому-либо в голову отвергать здесь возможность жизни. Напротив, обширные потоки колонизации и увеличивающееся влечение русского населения на Восток указывают, что ей предстоит когда-нибудь играть весьма важную роль в будущем. Вот почему на положение Востока, его жизнь, состав населения, его насущные нужды и потребности более, чем когда-либо, предстоит обратить внимание.

Рассматривая по этнографической карте распространение русского населения восточной окраины, от Урала к Восточному океану, мы видим следующую картину: по югу всей Сибири, тотчас по переходе через Урал, вплоть до границ верхней Тунгуски, впадающей в Енисей, тянется сплошная лента русского населения; эта сплошная масса занимает пространство между Верхотурьем и Троицком, Тобольском и Петропавловском, суживающаяся между Тарой и Омском и несколько расширяющаяся между Томском и Бией; далее, в Енисейской же губернии, по рекам, впадающим в Енисей, около Нижнеудинска она резко обрывается. Остальное пространство — пустыня, только по течению рек в этой пустыне тянутся сие тонкие красные нити населения по Оби, Енисею, Лене до Якутска и по заселяемому Амуру, едва-едва разветвляясь кое-где в паутину, как, например, к Вилюйску, или с Амура по правой стороне Уссури и к Николаевску. Остальное пустынное пространство отмечено кое-где разбросанными крапинками и гнездами, как бы пикетами русской народности. В сущности, это распределение можно сравнить сдвигающейся на Восток колонной; сначала сплошной, потом суживающейся, наконец, совершенно теряющейся в пустыне, как теряется река в песча-

ной степи; неприятеля здесь изображает отесняемый по ту и другую сторону инородец; армия эта ведет ожесточенную борьбу с природой; она намечает дороги, наводит мосты, рубит леса, и ее разведчики, часто удаляясь далеко вперед, не успевают оглянуться, как леса эти снова за ними поднимаются, выпрямляются, и передовая колонна остается замкнутая ими и одинокая среди пустыни, отдаленная от прочего населения.

Крутом этого русского населения и между ним по пустыням расположены инородцы, остатки финских² и тюркских племен. На этнографической карте — по обе стороны красной ленты русского населения — пустыни Сибири отмечены этими азиатскими инородцами. Мы видим здесь самые разнообразные типы туземцев, примыкающих с юга и севера к русскому населению. Прежде всего тотчас за Уралом встречается с русскими племя вогулов, далее сибирские татары, потомки Маметкула; севернее — остяки, самоеды, тунгузы, якуты, юкагиры, коряки, чукчи, камчалалы, гиляки; к югу окружают русских киргизы, алтайцы-калмыки, сойоты, буряты, корейцы, китайцы, а на западе — сарты и узбеки Туркестанского края.

Некоторые из этих инородцев, несмотря на то, что своими поселениями занимают обширные пространства, довольно малочисленны в сравнении с русскими, как тунгузы, чукчи, камчалалы; некоторые же — киргизы, буряты — составляют довольно значительное сплошное население, представляющее все задатки крепкого и прочного существования. В общей же сложности все инородцы, окружающие русское племя, своєю численностью немного уступают русским.

Колонна русского населения прошла, как мы сказали, в середину, она раздвинула инородцев. Некоторые из них остались еще почти неприкосновенными, другие совершенно исчезли; есть и такие, которые перемешиваются с русскими или утдели в самой середине, окруженные русским племенем. Несмотря на свое преобладание и расовое превосходство, русская народность не могла, однако ж, поглотить инородцев, не смешиваясь с ними, не кунив свою победу слитием, т. е. не окрасившись сама побежденным инородческим элементом. Смешение это происходило и происходит по преимуществу там, где русское население теснее сталкивается с инородческими племенами и где оно уступает численностью, т. е. преимущественно по окраинам своей колонны.

Восприимчивая инородцев по сторонам, русское население в середине быстро всасывает, претворяет их и поглощает. Поэтому только около самых границ мы встречаем резкие инородческие помеси, а в середине идет уже сплошной слой русского племени, переваривший и переработавший уже смешанные элементы.

Такие ассимиляция и смешение с инородцами русского населения, закинутого за Урал около трех столетий назад и медленно освещаемого приливами колонизации, не могли не наложить особой печати на тамошнее население. Мы знаем, что такая ассимиляция, смешение между расами, происходили у многих народов, и когда-то русское население смешивалось и претворяло в себя инородческие элементы и по сию сторону Урала. Теперь оно претворяет их за Уралом, и перед нами живой анатомический разрез старой исторической картины.

До сих пор о подобных изменениях народностей, о переждении их под влиянием природы, новой обстановки и, наконец, о соединении в новые типы при смешении с чуждыми расами, существовали различные мнения и строились гипотетические теории, которые, правда, дают приблизительное объяснение процесса, каким шло формирование народности, но не могут достаточно осветить некоторых подробностей этого процесса. На нашем Востоке происходит один из подобных процессов, чрезвычайно важный и интересный для исследователя — этнограф и историк. Кроме того, мы можем здесь, так сказать, по живым следам, проследить, какими средствами обладает русское население на Востоке для сохранения своей расовой самобытности, а также каковы сила и значение нашего колонизационного движения.

Путешественники-этнографы дают довольно ясное понятие о том, как меняются характер и склад жизни населения на Востоке под влиянием новой обстановки. «Чувствительную разницу замечаете вы, — пишет один из них, — когда из середины России перенесетесь чрез Уральский хребет и очутитесь где-нибудь на равнинах Иртыша и Оби или на холмистых берегах Томи: другой говор, другой обычай, иной характер во всем, которого вы сразу не определите, но тем не менее чувствуете. Затем едете до Красноярска и далее по Енисейской губернии — и новых особенностей уже не встречаете и, только вступив в Иркутскую губернию и еще более приближаясь к г. Иркутску, встречаете новый тип. Преобладание черных волос

перед русыми, черные или карие с томным выражением глаза, значительно выдающиеся скулы, широкий нос — все эти признаки очень ясно указывают на примесь монгольской расы*.

Другой автор так рисует довольно наглядную картину сохранения и изменения славяно-русской народности в различных географических и этнологических сферах её колонизационного распространения: «В Западной Сибири, особенно по центральной географической линии колонизационного распространения русского населения от Урала до Енисея, славяно-русская народность, по-видимому, не подверглась резко заметным изменениям. Но и здесь такие наблюдательные путешественники, как Эрман, Кастрен и другие, замечали некоторые вариации или оттенки в национальном типе и характере туземного русского населения. Особенно заметны физические и нравственные особенности в русско-сибирском населении Приалтайского и Северо-Поморского края, с одной стороны, в верховьях Иртыша и Оби, а также по рекам Таре, Тоболу и другим, вблизи татар, киргизов и алтайских калмыков или бурутов-теленгитов, а с другой — в низовьях Оби и за северо-восточным склоном Урала, в прежнем средоточии вогуличей, обско-приморских самоедов и остяков. По Иртышу и Оби многие ясачные остяки и вогулы, вследствие смешения с великорусскими крестьянами, первыми колонистами, совершенно обрусели и вошли в состав великорусского населения». Точно так же во многих западносибирских деревнях, бывших некогда «ясачными татарскими селениями», в настоящее время живет совершенно обруселое или переролившееся смешанное потомство татар и русских**.

Таким образом, смешение и перерождение на Востоке совершалось двумя путями: при посредстве кровного родства и примеси к русской народности инородческого элемента, а также вследствие восприятия самими инородцами русского языка, образа жизни, смешения с русскими, а затем полного слияния и исчезновения среди русской народности. Такое смешение происходит на Востоке с очень давнего времени, под влиянием различных исторических обстоятельств. Оно началось немедленно по завоевании Сибири, может быть, потому, что как завоеватели, так и завоеванные в ту эпоху стояли на довольно

* Ровинский, путеш. в Восточн. Сибирь. Зап.-Сиб. отд. Геогр. Общ.

** Под именем татар разумеется в Сибири и часть алтайских народностей. Волости обрусевших и выродившихся татар находятся в Кузнецком, Бийском и Барнаульском округах Томской губернии.

близком уровне культуры и развития. Происхождение большей или меньшей массы такого смешанного населения в Западной Сибири по географическим и историко-географическим условиям было неизбежно. Просматривая даже немногие сибирские акты первой половины XVIII века, мы и в них находим довольно указаний на ближайшее и непрерывное бытовое общение и физиологическое смешение русских с азиатцами, в особенности с татарами, киргизами и калмыками. Калмыцкие, бухарские и киргизские купцы постоянно приезжали с товарами в Тобольск и Ирбит, разъезжали и проживали по другим сибирским городам и по лесным партиям человек по 170 и более, имели здесь своих друзей. Многие из них селились в сибирских городах и деревнях, принимали русскую веру и женились на русских. По словам Миллера, «многие из бухарского народа поселились в сибирских городах».

Сибирские казачьи команды нарочно отправляются в улусы или юрты калмыцкие и киргизские, чтобы, по словам актов, захватывать в полон калмыцких и киргизских баб, девок и ребят, и сибирская губернская канцелярия «взятую добычу людей отдавала им в раздел». Многие русские покупали киргизских и калмыцких девушек и мальчиков; нередко сами урянхайцы или калмыки дарили русским старшинам и сержантам близлежащих сибирских крепостей «баб и девок и ребят калмыцких, круглых сирот», особенно в голодные годы. Таким образом, в состав населения западносибирских городов и деревень непрерывно прибывали калмыки, киргизы и другие инородцы, которые, принимая русскую веру и женись на русских женщинах, постепенно русели: одни из них находились в услужении и на работах у своих хозяев, другие обучались разным ремеслам и записывались в цехи и т. п. Такой способ обрусения калмыков и других племен утверждён был высочайшим указом от 16 ноября 1737 г. Русские, в свою очередь, женились на киргизках, калмычках и других. С другой стороны, и в самые центры поселений или кочевьев сибирско-азиатских племен невольно вносился больший или меньший контингент русского племени и тем способствовал образованию и выделению обруселых поколений. Русские частью попадались в плен, а частью и сами добровольно уходили в кочевья калмыков и киргизов и там нередко женились. Так, например, в кошах калмыцких находились, между прочим, русские яицкие казаки, женатые на кал-

мычках. Иногда беглые русские солдаты укрывались у киргизов и женились на киргизских женщинах. У калмыцких родоначальников, зайсапов или нойонов, русских пленных находилось человек по 25; некоторые были мастерами, устраивали заводы для плавки серебра, меди и литья пушек. Еще больше, кажется, было русских женщин в плену у калмыков и киргизов.

Вообще, по свидетельству исторических актов, с начала XVII века славяно-русская народность в Западной Сибири более или менее подвергалась непрерывному и продолжительному смешению с местными азиатскими племенами, и особенно с вогуличами, остяками, татарами, калмыками и киргизами. Уже в первой четверти XVII века физиологическое смешение первых русских колонистов с азиатскими племенами до того усилилось, что московское высшее духовенство находило нужным прекратить или ограничить этот естественноисторический организационный процесс. Точно так же в первой половине XVIII века митрополиты тобольские нередко вопияли против такого же беззастенчивого смешения русских с женщинами вогуличками, остячками, татарскими, калмыцкими и киргизскими. И вот вследствие такого физиологического смешения с разными сибирскими азиатскими племенами славяно-русская народность и в западносибирском русском населении, естественно, более или менее подверглась некоторым изменениям в самом своем физическом типе, усвоила некоторые признаки или отпечатки физического очертания татарского, киргизского, калмыцкого, остяцкого и вогульского. Эти новоприобретенные особенности замечены были уже в прошлом столетии. «В них (т.е. в жителях Западной Сибири), — писал еще Татищев¹, — довольно в лице смуглых, калмыковатых и довольно от природы смешанной калмыцкой, татарской и киргизской». Смешение с азиатскими инородцами, конечно, должно было сильнее отразиться на окраинах. В середине, как замечают исследователи, русское население еще остается чистым, но на севере, например в Обдорском или Березовском краях, смешение русских колонистов с остяками, самоедами и татарами доходит до того, что русские совершенно превращаются в инородцев. Кастрен нашел в этом крае русских, совершенно смешавшихся с самоедами. Наиболее любопытные данные в позднейшее время по этому предмету дала туруханская экспедиция, которая, кроме наглядных наблюдений, сделала различные анатомические и кра-

физиологические измерения. Север Сибири когда-то колонизовали казаки и служилые люди, а часто и великорусские торговые и промышленные ходяки, вышедшие преимущественно из узлов Холмогорского, Устюжского и Вологодского. Вместе с русскими поселились там и зыряне. Впрочем, главная масса переселенцев состояла из русских. Физиологическое смешение малочисленного русского населения с разными туземными племенами в Туруханском крае началось с первого десятилетия XVII века и более или менее продолжалось и до сих пор. В начале русской колонизации все инородческие племена Туруханского края были, по выражению актов, «не мирны», т. е. возмущались против русских служилых, торговых и промышленных людей. Потом, после усмирения немирных племен, между ними и русскими торговыми и промышленными людьми установились более или менее мирные торгово-промышленные отношения. И вместе с тем началось более тесное бытовое сближение и физиологическое смешение русских и инородцев, продолжающееся и теперь. Надобно, правда, заметить, что в Туруханском крае физиологическое, или брачное, смешение русского племени с инородческими племенами, по-видимому, еще не очень сильно. Причиной этому, относительно остяков, вероятно, слишком низкая степень развития в них домохозяйственных способностей и привычек и отталкивающая неприятность этого племени, а относительно других инородцев — их наибольшая изолированность от русских, недоступность вследствие их уединенности и разбросанности в тундрах и лесах. При всем том, хотя и поодиночное и медленное, но неизбежное, непрерывное и повсеместное смешение инородцев с русским населением и в Туруханском крае составляет существенный исторический или этнологический факт. Начиная с Верхнеимбатца (63° с. ш.) до Дудинки (69° с. ш.) простирается область племенной миссисации сравнительно более слабой или менее заметной. С Дудинки же по низовью Енисея и за Тундрой, по уверению туруханского миссионера священника Доброхотова и долго находившихся там казаков, представляется настоящая область смешения или, как говорят туруханские казаки, «смешиты» племени. Как ни мало заметно смешение русских с остяками и другими азиатами в имбатцких пределах, но «мы, — говорит г. Шапов, член туруханской экспедиции, — даже при самом скором проезде от Верхнеимбатца до Туруханска (63°—65° с. ш.), еще не задаваясь воп-

росом о смешении русских с туземными племенами, видели уже несколько примеров русскоинородческой метисации, резко бросавшихся в глаза. Так, в Верхнеимбаткск один поселенец из духоборцев женился на остячке и до ранней смерти её прижил с нею пять детей с смешанным русско-остяцким обликом». На низу Енисея и за Тушдой русские, по недостатку своих женщин, еще чаще женятся на инородках или, как говорят туруханцы, на «азиятках». Туруханские казаки, долго жившие там вахтерами при хлебных магазинах, единогласно утверждали этот факт. Вот слово в слово их рассказ: «На низу — народ смешанца: русские берут азияток, азиятцы берут русских женщин. За Тушдой тоже; самоеды женятся на тунгузках и долганках, долганы (помесь тунгузов с якутами) и тунгузы берут и самоедок, и тунгузок, и якуток; русские всех берут — и самоедок, и тунгузок, и якуток, и долганок, и юраток, и остяток. Дальше до Анбары — тоже народ все смешанца; долганы, якуты и крестьяне, друг у друга берут баб». Так, по общему наблюдению самих туруханских жителей, русское население в их крае довольно сильно смешивается с инородческими племенами. Точных и подробных статистических сведений об этой метисации, конечно, в туруханском «отдельном управлении» нет да и собрать их чрезвычайно трудно. Но и за отсутствием общих числовых показаний представляемые нами факты, при всей их отрывочности и неполноте, с полной достоверностью и достаточной убедительностью подтверждают то общее заключение, что и на севере Енисея, и по сторонам его славяно-русская народность постоянно более или менее смешивалась и смешивается с туземными азиатскими племенами.

Такое же смешение с инородцами мы находим и далее на Востоке. «Если мы взглянем на русскую народность в Якутской области, — сообщает журнал Сибирского отдела географического общества, — то увидим и там, быть может, еще более поразительный пример ее физического и психического видоизменения. Здесь в видоизменении ее опять действовали вместе физико-географические и этнологические края. Русские колонисты, при их малочисленности в сравнении с туземным якутским населением, неизбежно и невольно должны были утратить свою национальную самобытность и устойчивость, и во всем, заодно с якутами, подчиняться местным физико-географическим и этнологическим условиям. И вот они почти совершенно слились с якутами, объединились с ними брачным смешением и образовали

вообразную, смешанную якутско-русскую пародность. Черты лица и всего физического строения русского или обрусевшего и смешанного якутско-русского населения почти вполне усвоили признаки племенного типа якутов. Природные якутские уроженцы, проживающие в Иркутске и сами в своем лице довольно заметно представляющие облик природных, чистых якутов, так характеризовали нам физический тип обруселых якутов и русских, происшедших от смешанных якутско-русских браков: «Народ этот более сухощавый, как и коренные, природные якуты, и смугловатый, но уже не так, как настоящие якуты, которые весьма смуглы. Волосы у чистых, природных якутов, черные, даже «светят», и жестки, а у обруселых якутов или у якутских русских — весьма темно-русы и менее жестки, но нередко бывают также и очень черны и жестки. Беловолосых или рыжеволосых вовсе нет ни между чистыми якутами, ни между обруселыми. Глаза у обруселых якутов и у природных якутских русских жителей больше походят на глаза природных чистых якутов, чем на глаза российских поселенцев, но менее узки, чем у китайцев или монголов. У обруселых якутов, равно как и у давнишних, природных русских якутских жителей, скулы несколько выпуклы, но менее, чем у природных, чистых якутов; нос плосковатый, но «не чрезвычайно». Якутки красивее буряток, и потому русские сплошь и рядом берут их за себя замуж. Оттого природные якутские русские жители, представляющие четвертое, пятое или шестое туземное смешанное поколение, по наружности несколько не разнятся от якутов или весьма мало в чем разнятся».

Но если мы находим смешавшееся и почти превращающееся в инородцев русское население на севере Сибири, поглощение которого могло бы быть объяснено его незначительностью, то подобной же бедностью и недостатком русского элемента оно не может быть объяснено на юге, куда русское население подошло к инородцам, так сказать, сплошной стеною. А между тем здесь совершаются те же явления, как на севере: русские смешиваются с тунгузами, якутами, бурятами. Смешение населения здесь происходит также двумя путями: обрусением некоторых инородцев, браками их с русскими жителями и внесением своих национальных признаков в среду русскую; точно так же и обратно, в силу брачного влечения русского населения к инородческому.

В юго-восточной Сибири, говорят известия сибирского отдела, в верховьях Ангары до Братского порога, особенно в

верховьях Лены до р. Илги, по р. Иркуту, в окрестностях Байкала и во всем Забайкалье до Амура, славяно-русская народность подверглась не менее заметному и, кажется, еще более типичному видоизменению в физическом строении. Здесь в изменении ее главным образом действовали не столько физико-географические, сколько этнографические условия, не столько климат, почва или вообще физическая экономия края, сколько физиологическое смешение славяно-русской народности с монголо-бурятским и отчасти тунгусским племенем. Самое характеристическое явление в этнографической организации восточносибирского населения представляют так называемые «ясачные». Это крещеные буряты, женившиеся на русских женщинах или иногда на крещеных бурятках и живущие особыми дворами или селениями, отделенными от бурятских улусов. Они частью поселены в особых селениях или деревнях, частью расселены по русским селам, деревням и даже городам. Так называемые «ясачные селения» большей частью целиком населены одними «ясачными», т. е. оседлыми и обруселыми бурятскими поколениями. Таких селений, например, в Балаганском округе 13, в Верхотенском — 7; едва ли не больше всего их в Забайкальской области. Другие ясачные водворены вместе с русскими крестьянами в русских селениях. Во многих русских селениях половина жителей состоит из русских крестьян, а другая половина — из обруселых бурят или ясачных.

Вот эти-то своеобразные жители юго-восточной части Сибири, так называемые «ясачные» и «оседлые инородцы», во всей наглядности представляют нам самый типический пример видоизменения славяно-русской народности под влиянием физического смешения ее с азиатским племенем, совершенно другой расы. Достаточно взглянуть на представителя этого ясачного, бурятско-русского населения Восточной Сибири и сравнить его с родоначально-русским типом или с болгаром, чехом, сербом, поляком, чтобы увидеть, до какой степени видоизменился чистый славянский тип в этом восточносибирском ясачном населении, вошедшем в состав русской народности и год от году пополняющемся новыми поколениями, приходящими в состав его из бурятского и тунгусского племен. Но и помимо ясачных селений везде в Иркутской губернии, и особенно в Забайкальской области, постоянно совершается естественный исторический процесс местного этнологического видоизменения русской народности, вследствие постоянного сожительного бы-

тового смешения русского населения с бурятским племенем. Вероятно, многие, а местами, быть может, и большая часть крестьян, которые, числясь под этим именем в ревизских сказках и церковных ведомостях, живут вместе с ясачными в одних поселениях, не что иное, как «выродки» (по туземному сибирскому выражению), или потомки более древних ясачных, живших еще в XVII и XVIII столетиях, а теперь уже совершенно слившихся с русским населением или мало-помалу перешедших в состав и категорию сословия крестьян или же разночинцев, купцов и мещан. Иначе ничем нельзя объяснить, например, таких сплошь и рядом встречающихся явлений, как браковатый³ тип многих из старинных уроженцев так называемых чисто русских крестьянских сел и деревень, и, в частности, часто встречающийся, особенно в Нерчинском крае, в духовенстве и его потомстве. Эрман также описывает, как замечательную местную этническую особенность, почти повсеместное распространение в русском населении города Иркутска и Забайкалья монголо-бурятского типа. В самом городе Иркутске, не только в простонародье, но и в среднем сословии, он встречал множество лиц, как мужчин, так и женщин, которые поражали его своим монголо-бурятским обликом. А в Забайкальской области он сплошь и рядом видел мещан, купцов и особенно крестьян и казаков. почти совершенно обурятившихся по наружности, языку и быту*. Доктор медицины Шперк, долго занимавшийся медико-топографическими исследованиями и наблюдениями в Восточной Сибири, в забайкальских казаках также заметил сильное изменение русской народности под влиянием бурятской крови. «Забайкальский казак, — говорит он, — это смесь русского выходца с забайкальским бурятом; в наружности бурятский тип даже значительно преобладает: кровная помесь с бурятами имела влияние и на черты лица, и на все физическое строение тела, и на самую психическую сферу забайкальских казаков**». В некоторых прибайкальских деревнях, например, в Алацах, в 1801 году водворены были вольные военные поселенцы, служившие в России при Суворове. Они, по словам Мартова, переженались здесь на бурятках и уже имели (около 1827 года) взрослых детей. При первом взгляде на взрослое поколение тотчас видно нечто общее с характеристикою монголов. То же замечено было уже давно Палласом.

* Ermans, Reise, II, 250.

** Медико-топограф. сборн., стр. 66.

Подобное же слитие с инородцами мы замечаем во всей Сибири, как в восточной, так и в западной; но Западная Сибирь до сих пор исследована менее.

В некоторых местах Сибири жители прямо называют себя *смешницей*, смешанным народом, выродками. «Из обоюдных или взаимных браков бурят и русских происходит, — пишет Паллас, — род *мулатов*, которые имеют несколько монгольское обличие и черные или очень темные волосы, но в то же время правильные и приятные черты лица; они известны под именем *карьмов* или *карьмок*». Таким образом, потомки, происходящие от подобной помеси, получили даже областное местное название. Мы уже говорили о смешанной расе, образовавшейся от смешения якутов с русскими; обратимся теперь к остячкам карымам.

Вследствие физиологического смешения с северо-енисейскими азиатскими племенами, преимущественно с остячками⁶, физическое строение русского туруханского населения, естественно, более или менее подверглось некоторым весьма заметным изменениям. В физиономии русского туруханского населения сплошь и рядом проглядывают черты обличья остяцкого, юрацкого, тунгузского, самодского и якутского. Дети от браков коренных, природных русских туруханцев с остячками сохраняют общие черты остяцкой наружности. большую или меньшую выпуклость скул, смуглый цвет лица, черные, жесткие волосы, общую сухощавость телосложения при несколько выдающейся остяцкой неуклюжести, непропорциональность частей в общей структуре тела. А дети от браков новоприхожих русских поселенцев с остячками более принимают черты русского облика, белый цвет лица, светлые волосы, большую стройность и крепость телосложения, но все-таки несколько разнятся от чистокровных русских людей. Здесь даже русские, не смешавшиеся с инородцами, в последующих поколениях изменяют склад тела и становятся несколько похожи на инородцев, особенно на остяков. У многих русских, особенно у мешан туруханских, цвет волос, лица и всей кожи на теле, а также сложение костей лицевых, плечевых и позвонков почти совершенно такие же, как у остяков. Оттого они, подобно остякам, при довольно низком росте, более или менее сутуловаты, коренасты, с плечами широкими, большей частью толстошисы, часто с заметно кривыми и довольно массивными ногами, выплядывают, подобно остякам, несколько исподлобья.

Такой же новый тип встречается и в ясачных селептях от смеси бурят с русскими. «В большей части ясачных селептий в настоящее время живут уже по преимуществу почти совершенно обруселые бурятские поколения. В них сначала послышны были крепкие буряты, женатые большей частью на русских женщинах. Теперь в них живут их дети и внуки, женатые также на русских или ясачных и обруселых из буряток женщинах. По наружности, при поверхностном взгляде, эти обруселые бурятские поколения часто кажутся уже совершенно русскими крестьянами, хотя с первого же взгляда кажутся и отличными, отменными чем-то от них. Цвет лица и кожи у обруселых потомков первоначальной русско-бурятской помеси становится ис-смугла-бллым или смугловатым; у женщин, при черных волосах и бровях, часто значительно более или ярче окрашен, чем у мужчин; волосы делаются более мягкими, по большей части сохраняют черный цвет, но иногда бывают и темно-русые; узкость глаз и выпуклость щек или верхней части skulls, хотя и не вполне, но значительно уменьшается, у мужчин является даже борода, хотя большей частью, и даже почти всегда, небольшая, короткая, редкая. Все эти изменения окончательно или наиболее выразительно обозначаются во втором, но большей частью в третьем поколении. Но, с другой стороны, нередко в третьем, четвертом и даже дальнейших коленах бывает хотя и неполная, но весьма заметная реверсия или довольно резко бросающаяся в глаза возвращение к признакам бурятского прародительского типа. И вообще, во всех тех смешанных поколениях, которые первоначально произошли от смешения бурят с русскими женщинами и русских с женщинами бурятскими или ясачными и потом от времени до времени подвергались повторному скрещиванию с бурятами или ясачными, образовался такой своеобразный народный тип, который представляет собой более или менее однородные характеристические признаки, но не вполне или не во всех отношениях сходные с признаками родоначальных, прародительских типов — славяно-русского и монголо-бурятского. Во всех этих поколениях более или менее сохраняется черный цвет волос на голове, свойственный бурятам, большая или меньшая суженность или как бы сшитость глазных век с правой стороны и левой стороны лица, большая или меньшая выпуклость и массивность верхней части скуловой или челюстной кости, часто большая или меньшая кривоноготь или выдающаяся в разные стороны изогнутость коленной части ног,

походка с большим или меньшим перекачиванием с боку на бок и часто довольно подвижная, живая. Наконец, борода большей частью бывает, как мы сказали, короткая и редкая или жидкая и нередко проявляется даже стремление к безбородости».

Точно такие же типы образуются от помеси с тунгузами, коряками около Охотска, с березовскими остяками, киргизами и т.д. Все эти помеси носят общий характер монгольского или финского типа; в Западной же Сибири подобный отпечаток в физиономии называют калмыковатостью. В казачье войско Западной Сибири входило много различных рас в виде выкращенных пленников; кроме сибирских инородцев, на семипалатинский рынок привозились на продажу рабы из каракалпаков, бухарцев, индийцев и проч. Поэтому у сибирских казаков нет общего типа, как, например, у уральских; в сибирском войске замечается необыкновенное разнообразие, и, по словам одного наблюдателя, можно и теперь еще узнать чисто русскую кровь по широкому и крутому лбу — таковы фамилии, происшедшие от драгунов, записавшихся в казаки, и от малолетков. Есть типы необыкновенно красивые, может быть, происходящие от бухарцев; но много широкоскулых физиономий, отличающих монгольское происхождение; последние, кажется, преобладают. Встречаются иногда странные типы: так, один тип подходил вполне под описание гунна, приведенное Миль-Эдвардсом; другой тип напоминал китайца до такой степени, что казаки звали его «чурдют» (по-киргизски — китаец). При смешении русским передаются инородческие черты: узкоглазость, небольшая скуластость, смутный цвет лица и волос; зато инородцы получают русские черты, смягчающие резкие отступления низшей расы.

Смешанный тип так распространен в Сибири, а в некоторых местах, при недостатке великорусского чистого населения, достиг даже такого господства, что чистый великорусский тип считается за нечто исключительное и также получил местную кличку «маганый». Маганый — это белокурый пришелец с великорусским типом, противоположность метису-карьму. Когда хотят их отличить, говорят: «Это маганый, это — карым». Сибирская девушка говорит, например: «Я не люблю маганого, я люблю карыма».

Своеобразный, полуинородческий тип карыма не представляет резкого безобразия, некоторые находят его даже красивым

в европейском смысле. Вот, например, отзыв одного из этнографов: «Вообще едва ли мы ошибемся, — говорит он, — если скажем положительно, что в общем составе или результате, как мужчины, так и женщины, происшедшие путем смешения русского племени с бурятским, представляют собой часто довольно красивый физический тип или облик, несколько похожий на тип греческий или иногда цыганский, а по замечанию некоторых других наблюдательных лиц, похожий на тип итальянский». Очень может быть, что такое сходство получается в силу южного отпсчатка, который носят на себе инородцы. Подобные отзывы о помеси с инородцами в крайних своих сравнениях с итальянками и гречанками, может быть, и грешат некоторой преувеличенностью. Но указания, что тип этот находят вообще не исприятным, подтверждается таким беспристрастным судьей, как Паллас. Он говорит, что карымы обладают «правильными и приятными чертами лица». Тип этот во всяком случае может считаться если не особенно красивым, то привлекательным или, в крайнем случае, не безобразным*.

Постепенное смешение с инородцами не могло не повлиять на привычки, вкусы и влечения русского населения на Востоке. Так, у местного населения образовалось даже особенное расположение к бракам с инородцами. «Благосостоятельные русские сельские жители, — говорит Паллас, — а также и многие горожане с давних пор уже имеют обычай выбирать себе в жены бурятских или монгольских женщин, кровь которых, по их уверению, горячее крови русских женщин, и буряты, побуждаемые временными выгодами или расчетами, охотно дозволяли своим дочерям креститься и выходить замуж за русских. Встречаются и такие примеры, что богатые буряты крестятся из-за того только, чтобы иметь возможность взять замуж за себя русских женщин». Расположение к бракам с инородцами на восточной окраине замечается не у одних простолудинцев, часто подчиняющихся горькой необходимости; оно встречается и в более требовательных насчет красоты сословиях. Вот что говорят по поводу этого «Известия Сиб. отдела

* При исследовании инородцев в 1880 г. во время нашей экспедиции в Алтай мы видели весьма многие инородческие типы и нашли, что типы северных алтайцев, живущих в десах Бийского и Кузнецкого округов, весьма отличаются от южного монгольского типа, а население кумандинцев представляет весьма привлекательный тип, весьма приближающийся к кавказскому. В некоторых местах вырождение привело то, что невозможно отличить русских от потомков инородцев, смешанных с русскими.

Г. О.»: «Бранковатый, или бурятский, тип и обличие появляются постоянно в сибирских туземно-уроженных родах казахов, мещанских, купеческих и чиновничьих. Все чаще и чаще русские женятся на крещеных бурятках, а новокрещеные буряты — на русских жнницах, и поколения их опять сливаются с русским населением, привнося с собою в народный склад его более или менее своеобразные особенности». И далее: «достойно замечания, что даже в половом подборе русско-сибирский вкус более или менее согласуется со вкусом бурятским и нередко *пленяется* бурятским идеалом женской красоты». Обобщение инородческую красотой явилось на Востоке настолько же чисто физиологическим процессом, насколько и проявлением сердечного чувства. Забайкальский поэт Баудьдауф стихами избрал истинную историю одного русского, влюбившегося в тунгuzu. Русский полюбил ее за дикую смелость, за своеобразную прелесть дикарки, отдающей беззаветно свое сердце. Идеал инородческой красоты поэт перелает следующими стихами:

«...он пожирает
 Очами чудные красы.
 Тунгузки черные власы
 Кругом довиты оргуланом (поязга);
 Он, разукрашенный маржаном,
 На стройном девственном челе
 Горит, как радуга во мгле.
 В ее устах не дышат розы,
 Но дикий огненный ургуй (сибирский полевой цветок)
 Манит любовь и поцелуй».

В другом стихотворении, посвященном бурятке, поэт вспоминает о белой инородке, подарившей участием его, большого и одинокого, среди пустынной степи, он с признательностью говорит о ее самоотвержении. По всей вероятности, не раз подобные чувства играли роль в привязанностях русского человека, закинутого на далекий Восток. В одной русской песне, распространенной в Сибири, поется, как добрый молодец долго блуждал по пустыне, пока не нашел «полоняночку», т.е. инородку. Любовь руководит фатально красивой буряткой, уходящей из семьи, чтобы соединиться с бедным русским парнем, как и чувствами нередко вполне развитого русского и обладающего тонким эстетическим чутьем. Таинственный голубой цветок любви отыскивается во всех широтах, русский находил этот «милый цвет» также и в «Даурии пустынной и угрюмой».

Вкус к инородческому типу сильно развит в современной Сибири. Приятный тип, происходящий от последовательной метисации, великорусская национальность на Востоке даже предпочла своему и отдала ему все свои симпатии. «Несколько черноватый или смуглый цвет лица, — говорит автор этнографического исследования, — сибирякам, по-видимому, нравится более, чем рыжий или красный. По крайней мере, во многих местах Сибири, особенно восточной, слово «краснорожий» синонимично слову «безобразный» и употребляется как бранное слово, тогда как слова «черномазый халзат, карым или карымочка» употребляются, как мы слышали, как слова ласкательные или лобезно-путивыис, например, относительно детей или девиц. Блондинты, рыжие и краснолицые великороссы поэтому не в ходу в Сибири, и местный вкус ставит идеалом красоты бронетов. Это подтверждается, например, следующим наблюдением. Раз в Иркутске, в одной мепанской семье, переселившейся из окрестностей Байкала, несколько двсущек, прирордных русских сибирячек, рассматривали картину, изображавшую преимущественно монгольские или китайские лица. Когда они сообщали друг другу свои мнения о том, которые лица, мужские и женские, казались им «хорошенькими», то оказалось, что все это были такие лица, которые по преимуществу или даже с особенной типичностью выражали собой чисто азиатский, монгольский или китайский тип: узкие глаза, плоский нос, широкие и толстые скулы и прочее, только при большей пропорциональности и округленности общего очертания лица. Лица, смахаваюпис несколько на черкесов, татар или цыган и греков, казались им «странными».

При такой склонности сибирского русского населения к слиятию с инородцами необходимо заняться исследованием, к каким последствиям, как физическим, так и нравственным, приводит это слияние. Необходимо исследовать, какие дурные последствия происходят от смеси с расой пизшей, более слабой и развивавшейся в крайне скудных естественных условиях. Таковы изменения в росте, силе и в потере многих культурных черт и инстинктов. Этнографические наблюдения доказали особенную невыгоду для славяно-русской народности при смешении с северными инородцами. Физиологическое смешение русского туруханского населения с туземными азиатскими племенами весьма заметно сопровождалось некоторыми изменениями в его росте. Нет сомнения, суровый туруханский

Климат и скудное питание составляют собственную причину общей малорослости природных туруханских жителей. Но несомненно и то, что и постоянное, из поколения в поколение переходившее смешение русских с остяками и другими туземными инородцами оказывает не менее существенное влияние на уменьшение роста русских туруханских поколений. В средней и особенно южной части Енисея и климат благоприятнее, и русское население, по-видимому, более свободно от примеси инородческой крови. Там и население выше ростом. Из русских жителей Туруханского края туземные уроженцы, казаки и особенно мещане, у которых не отцы только, но и деды, и прадеды родились в Туруханском крае, ростом, с одной стороны, немного выше туземных остяков и тунгузов, с которыми они от времени до времени смешивались посредством брачных союзов, а с другой стороны, ниже южносибирских русских жителей и новоприехавших из России поселенцев. Средний рост остяков енисейских и байхинских — 2 аршина 1 вершок, самые высокие из них достигают до 2 аршин 5 вершков, у русских жителей Туруханского края средний рост 2 аршина 3 вершка, высший — 2 аршина $5\frac{1}{2}$ вершков. Жители южных частей Енисея уже выше ростом, даже казаки туруханские, у которых отцы или деды родились где-нибудь южнее в Сибири, ростом до 2 аршин 6 вершков. Точно такое же влияние производит смешение с северными расами и на понижение силы. Физическая, мускульная сила русского туруханского населения также, по-видимому, несколько понижалась, частью вследствие неудовлетворительного питания, а частью и вследствие смешения его с такими слабосильными инородцами, как остяки, тунгузы и прочие. У верхнесибирских остяков, по собственному их сознанию, самый сильный человек легко поднимает только 5 пудов. По сознанию байхинских остяков, у них самый сильный поднимает 6 пудов и весьма редко 7 и 8 пудов, средней силы байхинский остяк поднимает только 4 пуда, так же, как и юрак. Русские объясняют малосилие остяков тем, что они мало питаются хлебом, а больше едят рыбу, иореу, изредка пробавляясь зимой мясом, например, оленьим, медвежьим и больше всего беличьим. Но и сами русские туруханские жители большей частью немного сильнее остяков. Из 12 туруханских мещан и казаков, при нас поднимавших с возов на плечи и переносивших в амбар кули с мукой на расстояние не более 2 сажень, человек 10, помоложе, могли сами поднять с воза на плечи и нести в

амбар куль пудов в 5 или 6. Некоторые могли поднимать и пудов 7 тяжести. Вообще же почти все эти 12 человек, хотя в неодинаковой степени, по с большим или меньшим трудом и усиленным напряжением поднимали и переносили кули пудов в 5 и 6. Особенно слабее силой оказывались, по-видимому, те природные русские уроженцы Туруханского края, у которых и телосложение, и обличие наиболее представляли оттенки остяцкой породы. Вообще, по всей северной долине Енисея, между 61° и 65° с.ш., сколько мы могли разузнать, средней мерой силы считается способность поднятия 6 пудов, и сами «низовые» сибирские жители сознаются, что они малосильнее «верховых» русских жителей. В селе Ворогове (61° с.ш.) один 60-летний старик нам говорил: «Низовой народ, мы так полагаем, силой против верхового не будет. Мы полагаем, говядина силы придает человеку: вот на приисках верховые живут на говядине и поднимают по 8 пудов, а мы, как едим одну рыбу, то с трудом поднимаем и 6 пудов». Сами русские туруханские жители сохраняют предание, будто прежде, особенно вначале, когда отцы их пришли из России, они были сильнее, а нынешние поколения совсем измельчали и обессилели.

Самая выгодная сторона новой расы, происшедшей от смешения, — это уменьшение плодовитости. Плодовитость русского смешанного туруханского населения ослабела в сравнении с плодовитостью великоруссов, частью под влиянием сурового полярного климата, недостаточного питания и усиленного напряжения рабочей энергии в упорной борьбе с дикой природой, а частью и вследствие унаследования более слабой плодовитости путем смешения русских с остяками, тунгузами и другими северносibirскими ипородцами. Русская туруханская женщина несколько плодовитее женщины остяцкой, но значительно менее плодovита в сравнении с женщиной южносибирской или великорусской (особенно в зажиточных семьях). По словам нижнесибирских остяков, у них женщина никогда не родит более восьми детей, такая плодовитость составляет редкое исключение, обыкновенно же они ролят не более четырех и даже трех детей. Несколько южнее, у верхнесибирских остяков, женщина родит иногда даже девять детей. Байхинские остяки-самоеды уверяли нас, что прежде женщина родила у них до десяти детей, и это было самое большое число рождений, ныне же из 43 остяков только у одного жена родила восемь детей. Русские туруханские женщины ролят больше, чем ипородчес-

кис, но меньше, чем русские женщины в более умеренных и теплых полосах России, в среде иной этнической метисации и при других, более благоприятных условиях скотоводческого и земледельческого способа пропитания. Вообще, производительность русских женщин, не только по мере удаления в сферу сурового полярного климата, но и по мере усиления русско-инородческой метисации, все более и более ослабевает, частью вследствие климатического влияния, частью вследствие наибольшего расхода силы на трудное добывание пищи и других средств жизни, а частью и вследствие физиологического смещения русского населения с наименее плодovitыми племенами, каковы остяки, тунгузы, самоеды и другие северо-азиатские племена. В частности, от браков русско-остяцких метисов рождалось всех детей, сколько мы узнали, шесть, семь и, самое большее, девять. Такие последствия, вместе с уменьшением рождаемости и силы, конечно, должны считаться печальной утратой лучших национальных и расовых черт русской народности, они выражают собой понижение и вырождение высшей расы. Факт этот заслуживает серьезного внимания.

Мы имеем основание, однако, думать, что не везде и не со всеми инородческими племенами метисация производит ослабление плодovitости. При наших исследованиях мы видели примеры, где потомки русских, смешанных с инородцами, весьма размножились. Так, по ревизским спискам мы проследили нарастание населения в кумышской инородной управе, где было до десяти семей инородцев в прошлом столетии. Ныне же потомки их образовали целые деревни и представляют многочисленное поколение. Инородцы кумышской инородной управы притом совершенно выродились и утратили инородческий тип, то же замечается на быстренской управе Бийского округа.

Любопытно было бы проследить, какие изменения происходят при смешении в отдельности с каждой из туземных народностей Сибири национального русского типа, чтобы судить о тех или других наследственных последствиях. Как мы видим, помеси с низшими северными инородцами ведут к прямому ущербу, но, может быть, этот факт имеет место только при смешении с северными инородцами, а при смешении с другими последствия происходят другие, не столь опасные и ведущие к совершенному вырождению расы. Затем необходимо определить, какие изменения в типе потомков, происходящих от метисации, можно считать неважными, и какие ведут к ослаб-

лению физической организации, силы и способностей. Известно, что уменьшение роста не всегда сопровождается уменьшением силы, известны национальности низкорослые, но приземистые, коренастые и плотные, отличающиеся значительной силой. Точно так же инородцы-дикари обладают при низкорослости иногда замечательной ловкостью, гибкостью, проворством, например, буряты в борьбе, и так далее. Любопытно поэтому знать, переходят ли к русским при смешении подобные способности. В умственном и духовном отношении точно так же, не все инородческие расы лишены способностей; нередко они отличаются замечательным развитием их. Мы чрезвычайно мало знаем наших инородцев и с именем киргиза, бурята и якута привыкли соединять тупоумие и относиться к ним презрительно. Но вот что сообщают, например, русские и иностранные путешественники об якутах: «Прекрасно одаренные во всех отношениях, искусные во всех ремеслах, которые быстро перенимают у русских, и при этом, как кочевники, немного требующие, якуты производят мирные запасы даже русской народности, т.е. обьякучивают русских. Своими склонностями, хитрой ловкостью и бесстыдством якуты, особенно городские, напомнили Миддендорфу жидов. Народ, который таким образом умеет господствовать, несмотря на чужое владычество, во всяком случае заслуживает нашего внимания, и какие бы ни были недостатки у этого народа, ему нельзя отказать в силе его народности». Точно так же замечают, что киргизы обладают развитой фантазией, замечательным поэтическим и художественным чувством и самым веселым юмором. Интересно исследовать, насколько подобные способности отражаются на русских при физиологическом слиянии. При смешении рас обыкновенно замечается закон, по которому при слитии с новыми народностями присоединяются и некоторые новые качества, не бывшие в прежней расе. Как ни поверхностны этнологические наблюдения на нашем Востоке, но и здесь замечается, что некоторые особенно изощренные способности, выработанные инородцами в условиях их местного быта, передаются и русским. Так, тушгузы известны, например, своей зоркостью. Когда один путешественник в Сибири следил за затмением спутников Юпитера при помощи телескопа, инородец видел простым глазом и объяснял, как большая звезда проглотила и выплюнула маленькую. Георги пишет о них: «Тунгузы чрезвычайно зорки и чутки, по тем тупее у них обоняние. В стрелянии из

луков они метки. В местах, где они кочуют, им знакомо почти всякое дерево, всякий камень и проч. Следы зверей узнают на утопанном мхе, траве или просто по знакам на голой земле, где посторонний человек никак не может заметить ничего особенного. Когда хотят иметь свидание в других местах, то место умеют отыскивать так точно либо делают пальцем на снегу или па земле такие чертежи, что непременно где надо сойдутся». И туруханские тунгузы обладают такой же зоркостью, остротой и приметливостью органа зрения. «Они знают в лесах, — говорил про чапаирских тунгузов один туруханский казак (Кандин), ходивший вместе с ними «лесовагь», — знают каждый хребет, каждый камень, каждое дерево. Им приметна всякая узя, всякая чуть заметная дорожка в лесу, они узнают след всякой лыжи, белки, волка. По следу на земле или на снегу, продавленному лодыжками медведя или волка, узнают, сердитый или нет медведь, опасный или нет для их оленей, хитрый или нет волк. Своих они узнают по разным следам лыж, по размашке шагов, по кругам по снегу, по заломам на деревьях, по сучьям, набросанным на дорогу, по обтопанным на снегу следам. Каждая баба узнает след лыж своего мужа. Есть такие зоркие тунгузы, что видят далеко, с хребта на хребет, с камня на камень, за 7 верст пересчитывают стадо диких оленей, стреляют и никогда не простреживают мимо».

«Русские, — сообщает этнографическое исследование Щапова, — вследствие скрещивания с остяками и тунгузами приобрели, хотя и в слабой степени, те же их особенности. Так, они усвоили замечательную способность тунгузов — особенную утопченность зрения. Точно так же и русские туруханские уроженцы, особенно низовые, «затундренные», отличаются такой же зоркостью и приметливостью. Они приобрели эту особенность частью вследствие усиленного употребления органа зрения, какое необходимо обуславливается у туземных зверопромышленников блужданиями по лесам и тундрам, а частью, быть может, и вследствие унаследования этого свойства от тунгузов, путем физиологического смешения с ними. Несмотря на то, что на низу Енисея и за тундрой страшные пурги и метели заносят и без того елва проторенные, чуть видные дороги, и нередко случаются там так называемые галлюцинации пустыни и снежная слепота, какую пришлось испытать Миддсдорфу, природные низовые и затундренные жители никогда не сворачивают, не уклоняются с дороги и не

заблуждаются, тогда как новоприхожие поселенцы нередко теряются без вести в тундре, не имея возможности никому убежать. Природные низовые и затундренные жители примечают и узнают дорогу по так называемым ими «кыгчам» или по расположению куржаков и заиндвелостей на деревьях, по наклону, или, как там говорят, «прилежанию травы» на тундре, по направлению конусообразных сторон, заструг или сутробов и суметов снега и т.п.». В доказательство этого приводится следующий пример: «Раз Кирьян Евдокимов Иевисвский, крестьянин за Толстым Носом, с Толстого Носа ехал домой, ниже, в Коргу, взял да нарочно оставил дорогой стойку вина, чтобы попробовать сына, может ли он ездить в темную дорогу, в пургу. Приехал домой да и послал сына найти флягу. «А в котором ветру ты ее оставил, по какому ветру ехать?» — спросил сын. — «Поезжай, как знаешь, как глаза научат». Поехал сын и в темноте разглядел и нашел фляжку».

Из сказанных доселе наблюдений таким образом оказывается, во-первых, что славянская раса при смешении своем с инородцами весьма нередко оказывала весьма слабое влияние и терпела понижение в своих качествах, отсюда явилось вырождение русской народности, но рядом с этим нельзя было не заметить в других случаях, что русская народность, ассимилируя инородческие племена, приобретает не одни отрицательные признаки, но и разнообразит свои способности, а также заимствует некоторые положительные качества в изощренных способностях и опущениях. Каковы бы ни были новые положительные качества, приобретаемые расой, другая сторона явления даст, однако, известное предостережение и указывает на необходимость принять какие-либо меры против понижения славянской расы в Сибири.

Из наших личных наблюдений и исследований по этому предмету мы вывели, что восприятие и преобладание инородческих признаков зависит от числа русских и инородцев и численного преобладания того или другого племени, как и процентного отношения в той или другой местности. Так, на севере в Березовском, Туруханском крае и на Лене встречается чаще вырождение и обынородчивание русских и понижение расы, чем в средних округах Сибири. Преобладание на севере инородцев выражается в 354–445% над русскими, а в середине Сибири — от 3% до 16% на русское население.

Далее смешение с различными племенами и расами дает различные последствия. Наименее выгодные в этом случае

смешения с наиболее низшими расами и индифферентны или выгодны с равными и высшими.

К наиболее низшим инородцам в Сибири по типу, культуре и образу жизни могут быть отнесены: остяки, самоседы, кочевые калмыки, киргизы, буряты, тунгузы, коряки, чукчи, камчадалы-гиляки и т.п. Это низшие представители финской и монгольской расы.

К более высшим: тюрки, бухарцы и сарты, татары, часть оседлых алтайцев, как кумондинцы, кузнецкие черневые татары, вогулы, зыряне.

Смешение с последними отражается меньшими изменениями в типе и понижением расы, в качественном достоинстве. Мы не могли не обратить внимание, что культура и образ жизни, который ведут инородцы, весьма способствуют расовым особенностям и различиям. Поэтому все племена, переходящие к высшей культуре, изменяют свои качественные способности. Истина, может быть, не вполне доказанная, но подтверждающаяся некоторыми научными соображениями и отдельными наблюдениями. В деле смешения культурная сторона инородцев дает себя чувствовать. Указанные высшие типы сибирских инородцев обладают и более развитой культурой. Очень не мудрено, что по мере повышения в культуре и образе жизни остальных низших племен поднимется несколько самая раса и смешение будет иметь менее невыгодных сторон.

Но если славяно-русская национальность при сближении и слитии на Востоке с инородцами была часто бессильна сопротивляться физическим и физиологическим изменениям, подчиняющимся законам метисации, то любопытно взглянуть на сохранение ею культурных черт и традиций, принесенных из-за Урала, которыми должны измеряться ее нравственная высота и культурная устойчивость поселения. Культурное значение славяно-русской национальности при сближении с инородцами должно было обнаруживаться, во-первых, отстаиванием собственных культурных качеств от инородческого влияния, и, во-вторых, влиянием этой культуры на самих инородцев. Но как при всяком сближении, здесь не могло не произойти взаимодействия и, вместе с передачей инородцам кое-чего русского, усвоения и многого инородческого. Способностью этой передачи и степенью заимствования от инородцев может измерять-

ся только степень нашего культурного влияния за Уралом. Культурные черты всякого народа выражаются в его бытовом складе, занятиях, привычках, обычаях, миросозерцании, верованиях и языке. Русские принесли с собой, конечно, то и другое. Культурные черты русской национальности были, без сомнения, выше инородческих. — вот почему она должна была бы, мало того, что отстоять свою культуру, но и привить ее к среде низшей. Влияние русской пародности на инородцев действительно не могло пройти бесследно, но точно так же произошло и обратное действие, т.е. русские сами восприняли многое от инородцев. Заимствование инородческой культуры, обычаев и языка русскими на Востоке составляет несомненный факт. При этом, конечно, играл роль тот уровень развития, которым обладала русская раса за Уралом, точно так же, как и многие другие внешние условия. Тем не менее этнографические исследования убеждают нас, что здесь русские терли очень часто вместе с типом и свои характеристические признаки, нравы, обычаи, веру и даже язык — словом, утрачивали свою национальность. С кем бы они ни сталкивались — остяки, тулгузы, якуты, буряты и киргизы имели на них сильное влияние, и русские им уступали. Особенно заметно обывородчение русской расы мы замечаем, конечно, на окраинах. С самого момента завоевания обнаружилась уже склонность русских к подражанию многим инородческим обычаям. Затем, при совместной жизни с инородцами, заимствованные привычки получили еще большее развитие.

Многие точные изыскания свидетельствуют, что подобное обывородчивание происходило уже в XVII и XVIII столетиях. Прежде всего, имело место отатарение русских и полигамия⁸ среди русского населения. «Вообще, как ясные, крепенные полуобруселые татары, так и смешавшиеся с ними русские, — сообщает в географическом журнале, — долго сплошь и рядом отличались татарскими полигамическими наклонностями, сладострастной чувствительностью и непокорностью православно-церковным русским правам и обычаям. По свидетельству одного документа 1746 года, как русские пленных киргизов крестили, так киргизы русских «обасурманивали»⁹. Как киргизы и калмыки, принимая русскую веру, прижимались и за хлебопашество, так иногда беглые солдаты, по свидетельству одного рапорта 1748 года, «принимали киргизскую веру и стада овечьи пасли». При замстной

* Матер. для истор. Сибири, стр. 152.

наклонности русского сибирского населения подражать азиатцам иногда сами сибирские начальники находили необходимым или полезным усвоить некоторые азиатские обычаи, например, калмыцкие, и вводить их в быт русского населения. Вообще, по примеру киргизов и калмыков и сообразно с местными условиями климата и степей, западносибирское и особенно приалтайское русское население больше сделалось скотоводческим, чем земледельческим, обзавелось, посредством вымена у киргизов и калмыков, большими табунами лошадей и стадами рогатого скота, даже большей частью всло полукошачей образ жизни, постоянно перемешаясь из одного места поселения на другое. В самом земледелии русские усвоили некоторые приемы коренных туземных азиатцев.

Вследствие тех же исторических условий русское население до последнего времени обнаруживает подобные же свойства. И теперь русские, в отношении усвоения ими ипородческих обычаев и отступления от национальной культуры, стоят почти в том же положении, как и их предки. Отзывы путешественников, ученых и этнографических отчеты, которые дают нам записки ученого общества, представляют нам картину, даже более безотрадную, чем можно было предполагать. Вот, например, свидетельство Кастрена о русском обдорском населении: «Обдорские жители, представляющие разнородную помесь, заброшены судьбой на ледяные берега Ледовитого океана, и дух их скован узами, которые так же крепки, как этот лед, который оцепеняет сердце природы в их теперешнем отечестве. Оковы эти — грубость, невежество и дикость. Правда, эта грубость соединена со многими прекрасными, любви достойными качествами, с хорошими инстинктами, с невинными чувствами и добросердечностью, но при этих прекрасных, добрых и благородных чертах, к несчастью, встретил я у этих же людей так много отвратительного, так много звериной грубости, что, наконец, я их менее люблю, чем соболезненно оплакиваю... Русская колонизация началась здесь (в обской тундре) столетие назад, большая же часть колонистов утвердилась здесь в последние 30 лет. Коренные жители этой страны — остяки и самоеды. Как у них, так и у русских, совершенно им уподобившихся, нет никаких умственных интересов, хотя сколько-нибудь выходящих из ряда обыденной остячко-самоедской жизни. В своем образе жизни, даже в способе питания, русские здесь уподобились туземным осяткам и самоедам. Когда я в первый

раз приехал в Обдорск и вопел в дом одного мещанина, переселившегося сюда из Тобольска, я нашел всю его семью сидяшею на полу и пожирающею сырую рыбу, которую сам хозяин дома разрезывал на части. Образованнейший житель города хвастался тем, что в течение целого полугодия ел одно сырое мясо. Проживавший там поляк, хороший повар, живший прежде в Петербурге, жаловался, что его искусство приносит ему мало пользы в Обдорске, так как люди здесь живут по-самоедски. Одежда у русских здесь такая же, как у самоедов и остяков. Многие из них схожи с самоедами и в том, что держат более или менее многочисленные олени стада. Наконец, русские жители Обдорского края стали так же дики, боязливы, как туземные остяки и самоеды. Живет здесь одна старинная русская фамилия. Их праотец во время войны Петра Великого с королем шведским изменил царю и бежал в этот отдаленный уголок света, чтобы здесь избавиться от напасти. Сочлены, сродники этой фамилии не хотели иметь со мной никакого сообщения. Встретил я их на улице, в расстоянии на выстрел, так они побежали и заперлись у себя дома. С таким же страхом и несприязненностью принимала меня и большая часть прочих жителей города, которым я казался опаснейшим пройдохой в коммерческих сделках». Наконец, вместе с умонастроением и понятиями остяков, самостов и татар, березовских и обдорские русские жители усвоили и много слов остяцких, самоседских и отчасти татарских. Так, например, в одном Березовском крае из 78 местных русских слов, записанных г. Абрамовым, до 28 слов остяцких и татарских. Подобные черты приводятся о столкновении и взаимодействии нашим с бурятами: «Сообразно с большей или меньшей физической ассимиляцией и умственный склад русского населения в дауро-монгольской, а равно и в верхоленской стране во многих отношениях весьма замтно приспособился к умонастроению монголо-бурятского племени и усвоил немало его умственных и нравственных качеств». Паллас, сказав о физиологическом смещении забайкальского русского населения с бурятским племенем, замсчает, что «вследствие этого смещения русские жители усвоили и бурятский язык, так что последний сделался почти господствующим языком простого народа*. Шперк также замсчает: «Кровная помесь забайкальских казаков с бурятами имела влияние не на одни черты лица и физическое строение тела, она обнаруживается и в

* Pallas, Reise, III, S. 275.

психической сфере. Этому, конечно, много способствовали и обстоятельства жизни казака в Забайкалье. В результате вышло, что казак сделался более зверопромышленником и пастухом, чем домовитым человеком и хлебопашцем». Вследствие этого скотоводство нигде в Восточной Сибири так не развито, как в забайкальских степях. В домашних делах и обычаях русское забайкальское население немало усвоило изделий, обычаев, поступков и сноровок бурятских. Так, например, русские бабы, по примеру буряток, шьют по-бурятски «яргачи» — козлиные или тарбаганы шубы, у которых на груди нашиваются шелком разные узоры и передняя пола делается шире исподней, при опоясывании накладывается наверх другой полы, застегивается на боку ши, так что пола покрывает грудь. У бурят русские заимствовали умские или обычай выделывать пуговицы и корольки из разных костей. У бурят русские перенимали обычай и искусство делать у ножей черешки костяные, по бурятскому образу, по тому же образцу они стали делать разные вещи, относящиеся к конской сбруе — стреножники, узды и прочее. Подражая бурятам, русские приучают, посредством стреноживания, по всем правилам бурятского наезднического искусства, самых диких лошадей оставаться влрзт, куда приедут, и стоять без привязи на одном месте. У бурят они заимствовали и все принадлежности седлания лошадей, удержав и названия бурятские. Подобно бурятам, русские «сият арака» — вино, только не из кобыльего молока, но по всем правилам бурятского винокурения и со всеми бурятскими орудиями, усвоив при том и бурятские названия этих орудий. По примеру бурят, русские готовят «секшу», т.е. варят кровь животного и, смешивая кровяной сверток с жиром, едят с таким же удовольствием, как и буряты. Подражая бурятам, русские научились искусно есть полусырое мясо из-под ножа, разрезывая его у самых губ снизу. Казаки обыкновенно «бросают в волу целого барана, в большой котел, скипятят кое-как и едят, сидя крутом, поджав под себя ноги по-бурятски и по-бурятски же разрезая куски мяса ножом у самого рта, под нижней губой. Подобно бурятам, русские, за неимением трубки, курят из земли, выкапывая ямку и вкапывая в нее какую-нибудь дудку от растения, соломинку и т.п.». Мало того, в самом умонастроении, в понятиях и верованиях забайкальское русское население значительно ассимилировалось с бурятами. Например, почти все забайкальские казаки и крестьяне, и мешане, у которых опы и деды родились уже

там и многие предки были бурятско-русского смешанного происхождения, вполне верят в бурятское шаманство или ламайское прорицательство. Это замечено не только в отдаленной глуши Забайкалья, в средоточии монголо-бурятского населения, но и в окрестностях Байкала, вблизи Иркутска, например, в селениях Култуке, Тунке и др., где, по словам одного миссионера, русские держат даже и бурятских идолов, истуканов или божков на вышках своих домов и там шаманствуют тайком. В Нерчинском округе русские лечатся у шаманов, к шаманам обращаются с просьбой пошаманить, когда потерпят какую-нибудь вещь. Согласно с бурятами, русские отправляясь в путь, на половине дороги кладут что-нибудь па дерево — дньги или хоть волосок с головы, в благодарность за то, что благополучно просхали до половины дороги.

Наконец, множество слов монголо-бурятского языка вошло в состав русского языка, которым говорят казаки и крестьяне, так, в сборнике слов русского наречия Нерчинского округа, составленном одним тамошним священником, записано 96 слов чисто-монгольских или бурятских, совершенно усвоенных местным русским наречием и бессознательно произносимых как коренные славянские слова.

Как в Забайкальской области, так и в Верхоненском крае русское население значительно ассимилировалось с туземными бурятами и тунгузами. По рекам Илге и Тутурс, особенно в селениях, находящихся в вершинах этих рек, крестьяне, подобно местным тунгузам и бурятам, более заботятся о скотоводстве, чем хлебопашеством. Во всех селениях Верхоненского округа крестьяне, подобно окружающим их бурятам, завели так называемые по-бурятски «утуги», или особые загороди за огородами и гуменниками или позади селений, десятин от 2 до 4 и более, частью для пастьбы в нем телят, по главному образом для кошения лучшего, так называемого «утужного» сена, состоящего преимущественно из пырья. Подобно бурятам, богатые крестьяне имеют обычай держать, сверх падобности, более или менее многочисленныя табуны лошадей и стада коров и овец, которые, как и у бурят, «ходят на воле» или пасутся в степях без пастуха. Наконец, подобно бурятам, многие русские крестьяне, особенно в прежнее время, имели обычай строить хотя па одном дворе два дома: летний и зимний; зимняя изба называлась «зимовьсм» и как бы соответствовала зимникам, или зимним избам бурят.

В некоторых домашних изделиях русские также усвоили бурятские образцы. Например, форма колес у телег, и особенно одноколок, «крюк», устройство трубиц у них, а также большие деревянные чанки грубого изделия, халбагаи, или большие деревянные ложки, деревянные ганзы или трубки, берестяные чуманы и т.п., все это принято от бурят и отчасти от тулгузов. Некоторые русские даже нарочно нанимали ясачных из бурят работников для делания колес по образцу бурятскому и продавали эти колеса русским на телеги: их хорошо раскупали и расхваливали. В обывденной жизни русских крестьян Верхоленского округа также немало привычек и обычаев, схожих с бурятскими. Они, подобно бурятам, не брезгают есть мясо вонючее, с червями; убивая скотину, тут же варят в котле пачинепные кровью кишки и едят их. Подобно бурятам, и крестьяне варят «саламат» из сметаны с мукой. Подобно бурятам, они едят большую часть без вилок и ножей, из деревянных чашек, подобных бурятским и делаемым нередко бурятами. В одежде русских жителей Ленского края также кое-что перенято от бурят или тулгузов. Подобно туземным, отдаленным от Иркутска бурятам, и русские ленские жители в значительной степени отличаются диковатостью и тупостью. При всяком внезапном и новом впечатлении они «дивуются» и как бы с дикарской рефлексивностью, всплескивая руками и разиня рот, восклицают: «А-а-а! ай! Ой, дивопьки!» или совершенно по-бурятски: «Ай-похой, ай-похой!». Когда ссыльные поляки стали делать в верхоленских селах колбасы, шить сапоги по европейскому фасону, то местные жители, по словам одного ленского жителя, «дивовались» всему этому и говорили: «Диковинка, колбазы какие-то стали делать, сапоги косые, хитро!». Как буряты, по словам Болдонова, побывши в городе, с диким удивлением рассказывают, как о диковинках, о хороших домах, о хороших экипажах и лошадях, обо всем, что видели на базаре, в лавках и магазинах и т.п., так и ленские крестьяне, изредка бывая в «Иркутском», как они выражаются, тоже всему там «дивуются». При грубости и дикости русские жители Верхоленского округа, наравне с бурятами и тулгузами, отличаются высшей степенью азиатской лени и неподвижности. «Говоря о хозяйстве верхоленских крестьян, — замечает Шперк, — нужно сознаться, что при грязи и бедности, совершенная апатия к разумному хозяйству так и проглядывает на каждом шагу, показывая совершенное отсутствие стремления к улучшению его». Подобно бурятам

и тунгузам, многие лепские мужики, особенно «низовые», сваливают всю тяжелую работу на баб. Наконец, и в умственном отношении русские жители Верхоленского округа значительно освоились с бурятами и тунгузами. И здесь многие крестьяне верят в шаманство и парочко съезят в бурятские улусы шаманить по бурятской лопатке, когда кто запеможет в семье или потеряется что-нибудь. В русском паречии лепских жителей также немало слов бурятских и тунгузских, как и в забайкальском. Они также говорят, например: адали (подобно), галахай (крапива), качирик (двухголоватый бычок), нохой (собака) или нох-нох-нох! (скликанье собак) и т.п. В самом русском языке они выговаривают некоторые буквы как буряты, например, букву с как ш: вместо «Семсн», говорят «Шемсн», вместо «все» — «вшпе» и т.д.

То же явление замечается и при столкновении русской народности с якутами. Соотносительно с физическими изменениями, и в умственном складе якутско-русской народности можно полметить более или менее значительные отклонения от славяно-русского умственного типа. Воспитание молодых поколений, происшедших из смеси русских с якутами, их понятия, нравы и язык — все подверглось преобладающему влиянию якутской народности. «О воспитании детей здесь заботятся мало, — пишет Враггель о русских жителях города Якутска, — ребенка с малолетства отдают обыкновенно какой-либо якутке, которая, вскормив посылно и по крайнему свосму разумению, гола через два или три возвращает воспитанника, конечно, уж несколько обьякученного, родителям, дома он дорастает и, научившись несколько грамоте у священника или причетника, посвящается постепенно в таинства сибирской торговли пушным товаром или определяется в писцы какого-либо присутственного места, для достижения чинов, на которые и в Якутске бывает крайне ладки. Таким первоначальным воспитанием здешнего юношества обьясняется с первого взгляда странное явление, что даже в несколько высшем кругу общества якутский язык играет почти столь же главную роль, какую французский в обеих наших столицах. Это обстоятельство крайне поразило меня на одном блестящем праздничном обьсде, который давал богатейший из здешних торговцев мехами в имнины своей жены. Общество состояло из областного начальника, почтеннейшего духовенства, чиновников и некоторого числа купцов, но большая часть разговоров была так

испещрена фразами из якутского языка, что я, по незнанию его, принимал в беседе весьма слабо участие». Гартвиг, основываясь на словах Миддендорфа и других путешественников, высказывает даже такое замечание: «Якуты представляют нам замечательное явление покоренного народа, навязанного победителям свои обычаи и язык, народа, не только не подвергшегося влиянию завоевателей, но, напротив, втянувшего его в свою сферу. Так, в Якутске, или городе якутов (этим именем называют себя, не без некоторой национальной гордости, все тамошние уроженцы), несравненно более говорят по-якутски, чем по-русски, ибо почти все тамошние ремесленники — якуты, все няньки — якутки и даже богатый русский пушной торговец нередко женится на якутке». Не менее поразило Миддендорфа, что, вступив в Якутскую область, он встретил русских только по происхождению, а по образу жизни совершенно обьякутившихся, даже трудно было бы в земледельческой, первоначально русской колонии Амгинской найти проводника, говорящего по-русски. Точно так же удивило Миддендорфа, что в пустыне между Якутском и Охотском не только тунгузы и их жены говорили чисто по-якутски, но и в самой прислуге путешественника находились тунгузы, не понимающий другого языка, кроме якутского. Ни один русский не задумается вступить в брак с якуткой. В домашнем быту русское якутское население во многом ассимилировалось с туземными природными якутами. Дома в селах строятся «на вкус якутский», как выражался один беседовавший с нами русский якут, проживающий в Иркутске. В домах на якутский лад поделаны сплошные лавки от стены до стены из цельных, «четвероугольно» обделанных и вместе сплошных бревен наподобие нар, с аршин ширины.

Наконец, и русский язык в Якутском крае подвергся значительному влиянию языка якутского. Большинство окрестного населения Якутска хотя и знает русский язык, по довольно плохо, и говорит по-якутски. Еще более поразительные данные представляют нам ученые исследования об одичании и об инородчении Туруханского края. Еще в 1814 году смотритель туруханских поселенцев Давыдов справедливо заметил о русских жителях верховых станков Туруханского края: «По замечанию моему, в 18-ти зимовьях зимовщики поступками своими более походят на азиатцев». И действительно, как свидетельствуют записки сибирского отряда, туземные или природные русские туруханцы и в психическом отношении довольно выразительно

разнятся не только от великоруссов, но и от других юго-восточных сибиряков. Недаром они и сами представляют юго-восточную и юго-западную Сибирь другой, несколько «чуждой или этнографически отличной страной и называют ее «Русью»: «мало ли чего у вас там, на Руси, не по-напему, лучше», — говорил один туруханский мещанин, по виду похожий на остяка, когда у нас зашла речь о Южной Сибири. Природные русские туруханцы до того чувствуют себя чуждыми прочим местностям Сибири, что, запуганные молвой об упразднении города Туруханска и о переселении их на юг, они хотят лучше переселиться еще дальше на север, на низ Енисея, чем, например, в Минусинский край. Как остяки, которым мы советовали переселиться куда-нибудь в южные края Сибири и заняться земледелием, наотрез отвечали нам: «Нет, душе неохотно, сердцу неугода», — так и русские туруханские мещане на тот же совет энергически возражали нам: «Мы неподходячи туда, нам неохотно оставить свое место, где родились, да и не умеем взяться за тамошние работы». Вообще, при всем, заметно отличающем их добродушии, простосердечии и откровенной общительности, при ближайшем, простом и кратком обращении с ними, они обнаруживают, однако ж, подобно остякам и тунгузам, некоторую недоверчивость, боязливость, скрытность и лукавство в отношении новоприезжих «из Руси», особенно на людей чиновных они поглядывают дикомерно, как бы исподлобья, отвечают на вопросы как будто нехоти, желая поскорее отделаться от них. Далее, вследствие давнишнего смешения и сожительства с инородческими племенами, коренные русские туруханцы, естественно, унаследовали вместе с инородческой кровью множество инородческих свойств и привычек. Образ жизни их во многом подходит на образ жизни туземных остяков, самоедов, якутов.

Подобно остякам и другим туземным инородцам, они любят есть сырую рыбу, летом, во время рыболовства, живут в чумах отдельными семьями. В домашнем употреблении у них немало тунгузских и особенно остяцких принадлежностей или изделий, вроде «потакуя» — кожаного саквояжа тунгузского, или вроде «ытов» — берестяных корзинок в 1¼, четверти длины и в четверть ширины, вроде «унтисв» — берестяных ведер для носки воды, или «бальгии» — из бересты согнутых, круглых и низеньких шкатулок для ниток, иголок и прочего. Подобно бродячим инородцам, тунгузам и затундренным самоедам или долганам, и русские поселенцы или посадские горо-

да Туруханска до 20-х годов нынешнего столетия предпочитали бродячий образ жизни зверопромышленника оседлой городской жизни. Многие туруханские мешане «отходили» па низ Енисея, за тундру, для зверопромышленничества и, подобно тамонним инородцам, жили разрозненно в так называемых «отъезжих зимовьях», похожих на тунгузские «голомы». В начале нынешнего столетия за тундрой было до 26 таких отъезжих зимовий. Вообще, наклонность к бродячему быту пересиливала в туруханских мешанах великорусскую народную наклонность к городской, промышленной оседлости.

В умственном складе и понятиях природных русских туруханских жителей также много сходного с примитивным мирозерцанием туземных остяков, тунгузов, юраков и самоэдов. Справедливость, впрочем, требует заметить, что природный здравый смысл у них, вообще, развит достаточно, есть сметливость, находчивость в трудных обстоятельствах жизни. В рассказах своих и беседах с нами они обнаруживали довольно смышленности, остроумия и наблюдательности. Но при всем том и ум их заметно поддался влиянию туземных азиатских понятий. В низовьях Енисея русские придерживаются даже некоторых ипородческих суеверий: за образами, например, на божницах держат «инородческих истуканчиков» или божков и занимаются вместе с туземными инородцами шаманством. Как тунгузы туруханские, проникнутые фанатическим страхом таинственных сил природы, поклоняются, например, высоким горам и приносят в жертву им белку, соболя, горноста я или лисицу, чтобы эти высокие горы не задержали их, так и русские туруханские казаки и промышленники некогда со страхом проплывали мимо одной высокой горы на Нижней Тунгузке, так называемой «Шапаниной Сопки» и, боясь, чтобы какое-то горное чудовище Шапан не задержал их лодки, клали на берегу у горы несколько собоней, белок и прочее.

Наконец, вследствие смешения с разными туземными племенами русское население Туруханского края приобрело и некоторые лингвистические особенности. Местное, областное наречие его усвоило немало вариаций и отличий под влиянием языков остяцкого, тунгузского и прочих. В Туруханске некоторые казаки и мешане умеют говорить по-остяцки и по-тунгузски. А на низу Енисея и за тундрой русские почти вовсе не употребляют русского языка, а говорят на местных инородческих

ких языках — на якутском, самодском и тунгусском. Наконец, самый выговор некоторых звуков и тон разговора или повышения и понижения голоса в речи, характер вокализации у русских туруханских уроженцев отличаются, сколько мы заметили, почти теми же особенностями, как и у остяков. Например, подобно остякам, они вместо букв *ч, ш, ж* и *р* выговаривают *с, з* и *л* или *рл* и т.п. Говорят: «Посел осень большой дождь, в избе сыпко жарко, близки худо зивут, мерлой альсин» и т.п.

Не менее русские подвергались ипородческому влиянию и в других местностях, как, например, в Западной Сибири, на границе киргизской степи, где казаки, мало того, что перешли местами к скотоводству, но заимствуют у киргизов одежду, обычаи и язык. Нравы эти проникли даже в среду офицерского сословия. Иногда офицеры являлись в города совершенно окиргизившиеся. Крестьянство на Бухарме и южной границе Сибири также усваивает азиатскую одежду и т.п.

Подобную же азиатскую окраску приобретает, как говорят, и русское население в Туркестанской области. Что касается влияния русских на инородцев, то нет сомнения, что и это обратное влияние действовало довольно опутительно. Такому обрусению особенно подверглись буряты, которые при смешении с русскими усваивают земледелие, начинают жить оседло, принимают русский язык и веру. Точно так же мы видим якутское население, не только перешедшее к русской культуре, языку, совершенно обрусевшее, но и сделавшееся самым промышленным и способным населением Восточной Сибири. Зато некоторые инородческие национальности не только тут подпадают влиянию русской культуры, но решительно подчиняют ее себе. В этом случае мы видим, так сказать, различную упругость и стойкость рас, которые замечны и во многих национальностях. Есть национальности, которые способны необыкновенно быстро перейти к другой культуре, верованиям, языку, как, например, зыряне, вогулы, но есть и такие, которые отстаивают свою национальность веками, как, например, евреи. Точно так же и в среде азиатских народностей любопытно сделать подобную этнографическую классификацию. Рядом с этим многое в жизни наших инородцев зависит от их объема, численности, плотности, в какой они живут и соприкасаются с русским населением, от высоты их культуры, свойств религии и способности сливаться с другими расами.

Склонность к смешению и слитию русских в Сибири обнаруживается, по нашим наблюдениям, наиболее и совершается легче с финскими племенами и тюркскими, причем с новокрещеными из язычества более чем с переходящими из магометанства, которых число очень невелико. Скрещивались и полное смешение целых волостей, как и вырождение инородцев замечается среди вогулов, алтайских черновых татар в Кузнецком, Бийском и Барнаульском округах, где находится совершенно выродившаяся кумышская инородная управа.

Помеси с киргизами, монголами, тунгузами и т.п. также попадаются, но составляют менее обычное явление.

Определить в точности все физиологические, психические, как и культурные метаморфозы русского населения, совершающиеся в различных местностях на нашем Востоке, точно так же, как и выяснить законы метисации, предстоит, без сомнения, дальнейшим этнографическим изысканиям, но и собранные уже ныне данные дают некоторый материал для некоторых социологических выводов. Первое, к чему можно прийти, — это к тому, что если русские, в силу своего расового и культурного превосходства, наконец, в роли завоевателей, хотя и повлияли на инородцев поднятием их расы при помощи метисации, передачей им своей культуры, языка, некоторым нравственным и умственным влиянием, то в то же время не могли и сами перенести подобного влияния без потери своих расовых черт и без изменения в своем типе, физиологическом складе, способностях и даже бытовых и культурных чертах. Понижение и отступление это было временами в такой степени сильно, что уподобило их совершенно инородцам. Мы видим, что смешение, как и бытовое сожительство нашего населения на Востоке с инородцами отразилось не одним физиологическим изменением, как следствием метисации, но и выразилось в духовном и нравственном родстве с азиатскими племенами, в перемене воззрений, нравов и образа жизни. Из приведенных примеров видно, что в общем русские переходят к полигамии, к инородческому воззрению на женщину, они воспринимают фетишизм, антропоморфизм, шаманизм и идолопоклонство, усваивают предрассудки, приметы и суеверия инородцев, изменяют одежду, переходят к образу жизни и промыслам инородцев, наконец, забывают русский язык и воспринимают инородческий. Все эти явления одичания нашего населения уже теперь дают себя

чувствовать. Постоянное заимствование от инородцев входит в обычай вообще русского населения за Уралом и влияет на весь его склад. Многие незаметно вошло в нравы, иное смешалось с предрассудками, с мифологией и демонологией русской, третья находится в сыром виде и пугается с русскими обычаями, как часто полуазиатский костюм с русской рубахой. А это дает нам повод заключить, что расовая устойчивость русских на Востоке далеко не так прочна, как предполагалось, что русские во многих случаях склонны были скорее подчиниться инородцам, чем над ними господствовать, и что они более заимствовали от инородцев, чем передали им. Все это наводит на вопросы: надо ли считать наше слияние и метисацию с инородцами при настоящих условиях выгодными для русской национальности? Что будет, если на таких же условиях она будет продолжаться в будущем? И каковы должны быть предприняты меры, чтобы избавиться от тех невыгодных последствий, которые ныне обнаруживаются? Подобные вопросы имеют тем более жизненное значение в нашей истории, что метисация с инородцами на Востоке далеко не представляет явления отжившего, законченного; она только еще начинается, и дальнейший процесс ее развития угрожает в будущем охватить русское население на всем Востоке. В самом деле, мы видим на Востоке русское население среди значительного количества инородцев, стоящего перед ним стеной. Население это еще не тронутое, сближение с которым не проникло еще внутрь, все эти народности верны своему языку, национальности и полудикому образу жизни. Более развивающиеся сношения, самое просвещение инородцев и обращение между русскими должно повести в будущем непременно к усилению метисации и взаимного влияния. Взглянем же на контингент русских на Востоке, который должен одержать верх в своей национальности.

По произведенным нами исследованиям в западной части Сибири, русское население находится в следующем отношении к инородческому:

	Инородцев	Русских
В Тобольской губернии	74220	1121259
В Томской губернии	67971	930914
В Акмолинской области	335103	110469
В Семипалатинской области	472656	49883

Таким образом, отношение это в различных областях и округах является далеко не равномерным; так, в двух южных областях мы видим инородческое население преобла-

дающим. Точно так же в частности распределение по округам в двух губерниях показывает весьма различные проценты инородческого населения, как-то:

В округах:

Березовском	445,90%
Сургутском	345,67%
Тобольском	16,92%
Тюменском	9,34%
Туринском	6,72%
Тарском	7,06%
Ялуторовском	3,05%

В Томской губернии, округах:

Кузнецком	16,48%
Бийском	12,89%
Томском	7,94%
Мариинском	2,42%
Капгском	1,83%
Барнаульском	0,56%

Из этого видно, что в северных округах Тобольской губернии инородцы превосходят русских в числе, в южных округах Томской губернии они составляют видный процент. Точно то же мы видим на окраинах Енисейской и Иркутской губерний.

В Туруханском крае, Митусинском округе и Забайкалье число инородцев весьма значительно и в некоторых местах господствует над русским элементом. Это неравенство увеличивается всё более к Востоку — в Якутской области, на Амуре и на Камчатке. Наконец, в Западной Сибири с юга примыкает еще огромный инородческий район — Туркестан. Поэтому уступающее численности русских инородческое население в Сибири обновляется новыми силами с нашими завоеваниями на Востоке. В общем по этнографическому составу племен согласно счету, приходящему г. Венпоковым, численность всех инородцев с оренбургскими киргизами на нашем Востоке равняется 4515736 д. Между тем, русская национальность может считаться никоим образом не более 4800000.

Перевес этот, при неравномерном распределении, нельзя не признать весьма слабым. Такое огромное число инородцев, воздействующих на русскую национальность и, так сказать, могущее ослабить ее расовые и культурные качества, неизбежно заставляет задуматься о том, насколько необходимо обеспечить ее от ослабления и поглощения постоянным обновлением и подкреплением высшей расы путем колонизации.

С другой стороны, мы видим, что сближение и слитие русских с инородцами является неизбежным и неотразимым в силу физиологического влечения. Ограждение искусственными мерами от этой метисации и затруднения, делаемые ей, едва ли приведут к цели, да и едва ли рациональны, так как мы должны стремиться не к отчуждению от инородцев, а сближению с ними; культурное повышение их для нас будет гораздо выгоднее, чем предоставление им полной замкнутости. При таком положении нам остается рассмотреть только те шансы, при которых сближение это может быть наиболее благоприятным для русской расы ввиду сохранения ее высоких расовых черт и способностей. В этом случае важен прежде всего качественный, кроме количественного, в русском населении. Без сомнения, сила сохранения расовых и национальных черт обуславливается высотой культуры, умственным развитием и теми средствами, которыми обладает население. Какими культурными и умственными средствами обладало русское население в прежние времена — это легко себе представить, если мы припомним, какими явились за Урал русские несколько столетий назад, в среде чуждых народностей, и как низок был их нравственно-умственный уровень.

Представителем нашей колонизации на Востоке был русский крестьянин. Он явился сюда без всяких знаний, без существенных научных и технических средств и сил для борьбы с природой, суровым климатом, физическими преградами. Население за Уралом, сверх того, было изолировано, оно находилось без всякого сообщения десятки лет в лесах и тундрах, отрывавших от земледелия, оно было поставлено в звероловческую среду и само переходило к скотоводству, звероловству и рыболовству. Даже независимо от инородцев, оно, таким образом, отступало от культуры и дичало. Можно удивляться, как при таких ничтожных средствах русский народ еще мог сделать то, что он сделал, т. е. проходил моря, степи и льды, проложил повсюду пути, основался и удержал огромную территорию, в два раза большую, чем занятая всем русским народом. Положив основание повсюду будущей колонизации, он выполнил большую часть самой трудной работы и совершил половину исторической задачи. Едва ли можно отказать ему в героизме, но трудно также и не понять, что подобная борьба не отразилась на утрате многих высших, культурных свойств и не сделала это население более грубым и отсталым.

Какими слабыми культурными и умственными средствами обладает русское население среди инородцев до настоящего времени — это видно из многих свидетельств путешественников и ученых. Вот некоторые выдержки из того же географического журнала. О Нижнеколымске сообщает, например, один автор:

«Не только в городе, но и во всем Нижнеколымском крае замечается полное отсутствие грамотности. Нет ни одной школы. Местное начальство и священники относятся к этому делу с полным равнодушием; до сих пор не сделали ни одного шага к образованию народа. Все занятие детей нижнеколымцев состоит в том, что с утра до вечера, в буквальном смысле, гонять собак; неприличную брань они употребляют на каждом шагу. Понятно, какие плоды происходят от такого воспитания и для нравственного, и для умственного развития населения: невежество и грубейшие пороки — отличительная черта местных жителей. Почта получается три раза в год, читать положительно нечего; нет ни книг, ни журналов, ни газет». То же сообщает г. Кастрен об Обдорском крае: «В Обдорске не нашел я ни одной книги, кроме сибирского регламента, ни одной ежедневной газеты, кроме тех, какие дамы в потемках сочиняют, никакого собрания естественных предметов и древностей, хотя для всего этого там могли бы быть значительные собрания. Из числа христиан я не мог найти там ни одного индивидуума, который был бы занят иным интересом, чем тот, как бы получить бесчеловечный процент. Другого ничего нельзя и ждать от людей, которые чужды утех и наслаждений цивилизованной жизни и у которых одно только на уме — как бы хитростью и обманом притянуть к себе трудом и потом приобретенное имущество простодушного и доверчивого туземца. Такие поступки, правда, делают их счастливыми, но вследствие этого большая часть из этих искателей счастья стали нравственно портиться, погружаться в зверскую грубость» (Известия сибирского отдела).

Не лучше положение и Туруханского края, по описанию Третьякова и других позднейших посетителей. Но не одни глухие окраины и тунды находятся в таких условиях. Отсутствием умственных и просветительных средств отличаются вообще все провинции на Востоке. Как самые отдаленные, они были поставлены в самые худшие условия в этом отношении; как на местности отдаленные, мы не обращали на них внимания. Чем далее к Востоку, тем просвещение менее развито.

Чем, значит, ближе сталкивается русское население с инородческим, тем меньшими орудиями для борьбы оно снабжается. В этих отдаленных провинциях нет умственных центров, нет ученых обществ, могущих развивать потребность к знанию, единственное ученое общество — географический отдел — страдает таким недостатком и умственных, и материальных средств, как свидетельствуют его отчеты, что не только может удовлетворить своим обширным задачам науки на Востоке, но едва поддерживает свое существование. Точно так же на отдаленном Востоке мы не встречаем и других учреждений, могущих поддерживать высшее образование, сделать его представителем европейской цивилизации и содействовать расовым преимуществам, помощью поднятия умственного уровня.

А при таких умственных средствах едва ли можно надеяться на культурные завоевания и цивилизацию дикарей, окружающих нас. При отсутствии этих средств наша персидская колонна цивилизации, врезавшаяся среди инородцев за Уралом и идущая совершать завоевание, становится похожа на отряд пионеров, высланных вперед прочистить дорогу без кирок, топоров, лопат и других инструментов.

Единственным залогом и умственного, и социального преобладания русского населения должно быть его высшее культурное развитие. «Чтобы выдержать борьбу, — пишет один из ученых географического общества, — и в то же время исполнить культурную миссию относительно превосходящего и поставленного в лучшее положение инородческого населения, нужно иметь достаточный запас существенного развития, энергии и вообще нравственной силы» (Известия сибирского отдела, 1871 г., №№ 4 и 5, стр. 51). «Прогресс будет еще больший, если вы дадите русскому населению школу», — говорит в другом месте путешественник. Чем более играет роль физиологическое вырождение и понижение расы, тем более должно быть гарантировано повышение культуры. Если просвещение и цивилизация составляют естественное право человечества, то здесь оно имеет особое значение, как единственное спасение народности. Попятно, какие заботы и усилия необходимы здесь, чтобы поднять население на высшую степень развития и дать ему, так сказать, нравственный перевес. Надо помнить, что от умственных и просветительных средств будет зависеть и судьба нашего существования на Востоке.

Областной тип русской народности на Востоке

II.

Народно-областной тип и этнические условия его образования. — Последствия видоизменений под влиянием природы, климата, питания и смешения с инородческим элементом. — Характер сибиряков. — Определение его Екатериной II. — Физический тип, изменения в языке. — Умственный склад и уровень способностей. — Изменения великороссийского характера. — Взгляд на природу. — Предания. — Суеверия. — Любопытность и стремление к новизне — Индивидуализм. — Промышленный характер. — Сибирская крестьянская община. — Процесс народного творчества в условиях новой жизни.

Колонизация Сибири есть факт далеко не завершившийся, а потому произнести над ним какой-нибудь решительный приговор было бы слишком смело, тем не менее некоторые черты и особенности этой колонизации и теперь знакомят нас с теми явлениями, которые уже сложились окончательно при данных исторических условиях. Мы хотели только выяснить в нашей первой главе, что соприкосновение и метисация русского населения с инородческими племенами на громадных пространствах Сибири сопровождалась не только изменением физиологических и общественных свойств прошлого племени, но отчасти и совершенным его поглощением. Русская колония не только усваивала физический тип и психические особенности инородца, но даже воспринимала его культуру. Изменения эти не составляли отдельных и случайных фактов, но отразились на всей массе русского населения на Востоке. Врзавшись в среду инородческого населения, русские преимущественно обывороднились по окраинам, и от окраин, в большей или меньшей степени, влияние это распространялось на всю массу населения, так что инородческая кровь окрашивала русскую национальность даже там, где она не была в непосредственном соприкосновении с инородцами. Поэтому из русского населения на Востоке должен был сформироваться новый тип. На образова-

этого нового этнографического типа, как в физическом строении, так и в нравственных признаках, указывают последние этнографические исследования восточносибирского отдела Географического Общества. «Обобщая все изложенные нами выше факты физиологического смещения в Сибири славяно-русского племени с разными североазиатскими, — говорят «Известия сибирского отдела Географического Общества», — мы приходим к тому общему выводу, что, во-первых, в физическом типе своем сибирское русское население путем скрещивания с туземными азиатскими племенами, по-видимому, стремится образовать несколько *своеобразный народно-областной тип*, не разделяющий в одинаковой степени признаков родоначальных рас — славяно-русской и азиатско-инородческих. Общей, наиболее выдающейся в настоящее время характеристической чертой ее физического типа, по-видимому, представляется особенный преобладающий тип, если можно так выразиться, бронстический, отпечатывающийся в себе однородное, но в то же время и заметно-своеобразное выражение помеси славяно-русского племени со смуглыми, черноволосыми североазиатскими племенами. Конечно, все эти отличительные признаки физической структуры русского сибирского населения еще не выразились резко, не установились в строго очерченный, всеобщий, однородный физический тип; в очертаниях его часто встречаются большие или меньшие реверсивные уклонения, вариации и вообще неустановившиеся черты. Это естественно и неизбежно среди только что начинающейся, разнородной помеси народонаселения, при слиянии разнообразных племенных элементов. Но, несмотря на то, все-таки повторяем, уже и в настоящее время в сибирском населении более или менее заметно стремление к образованию, путем скрещивания и местных физико-географических и этнологических условий, *однородной и несколько своеобразной областной народности*. Итак, вот один из новых фактов, подмеченных нашей этнографией: изменение великорусской народности на Востоке во всем ее составе. Конечно, это изменение происходило не от одной метисации и восприятия инородческой крови русским племенем: оно также обуславливалось другим пришлым элементом, наконец, климатом и многими другими физическими влияниями. Такие же изменения, под влиянием новой природы и ее особенностей, мы видим в истории колонизационного движения у других народов. Антропология и этнографическая география немало приво-

дят этому примеров. Физические условия имели влияние на вырождение европейцев в Абиссинии и Аравии. В Австралии признаки, свойственные англичанам, начинают изменяться с первого поколения, как удостоверяет Купингам. Медики давно доказали это физическое видоизменение англосаксонской расы под влиянием новой, чуждой ей среды.

Броссер, известный своей наблюдательностью и обширным изучением, свидетельствует о значительных изменениях типа англичан в Америке в типе янки. «Не особенно много времени нужно на то, — говорит он, — чтобы установить значительную разницу между типом настоящего англичанина и англичанина-переселенца в Америке». Нет сомнения, что в этом отношении русские колонизаторы Сибири не могли составлять исключения из общего правила.

Сибирский климат, сухой и континентальный, отразился на физической организации сибирского населения. Сила этого влияния хорошо доказана Дезором. Влияние сухого континентального климата отражается в различных видоизменениях анатомического и физиологического строения, так и в дыхательных органах, строении желез, замеченном слабом развитии их и т. п. Замечено, что сухой климат влияет также на всю жизненную обстановку. Дома весьма быстро становятся голыми для жизни после постройки вследствие быстрого высыхания, в сибирских жилищах нет сырости, несмотря на то, что здесь весьма часто моют полы и стены, хлеб скоро делается черствым, тысячи других мелочных обстоятельств не могут не составить особенность жизни*.

Кроме чисто географических условий, на пришлую расу должны были воздействовать и другие особенности колонизируемого края, как, например, пища. Новейшие исследования ясно доказали, что в некоторых местностях Сибири, особенно в Охотском и Гижигинском краях, а также Амурской области, русское население под влиянием местной диеты или образа питания подвергается очевидным изменениям в самих пище-

* В только что вышедшем Очерке санитарного состояния Западной Сибири, составленном при Окружном Западно-Сибирском военно-медицинском управлении 1880 г., подтверждается и констатируется факт сухости климата и резких термических переменов; к сожалению, читатель не находит никаких указаний влияния такого климата на физическую организацию человека. Гораздо более интересны статьи о климате в Томской губернии: Ведомости 1875 г., также и наблюдения доктора Думберга об алтайском климате. В общем, влияние сибирского климата подлежит еще исследованию.

варительных органах. К таким изменениям надо отнести приспособленность желудка местных жителей к очень медленному прохождению экскрементов через кишки, вследствие питания рыбой и мясной пищей исключительно, чем питаются по преимуществу на Востоке. (Исследования Шперка и «Известия сибирского отдела», т. III, № 5, 1873 г., стр. 249).

По сделанным доселе наблюдениям, пища, которой питаются сибирское население, и в том числе крестьянство, состоит в преобладании и разнообразии мучных блюд. В Сибири, в хлебных полосах, питаются более пшеничным хлебом, который выпекают ржаной, далее — пруженики, шаньги, пироги. оладьи составляют у многих ежедневную принадлежность пищи. Пироги всевозможных родов — с мясом и рыбой, иногда цельно запеченной, а также цельными в огромном количестве, — составляют любимые кушанья сибиряков. Мясо, благодаря изобилию скотоводства, во многих местах составляет видную часть питания и доступно крестьянству. Во многих местах Сибири сохранился обычай при каждом удобном случае по нескольку раз в день находить предлог для еды; сибирский чай сопровождается всегда «прикусками», т. е. пирогами и прочим. У крестьян существуют завтраки, паузины, ужины и т. д. Чай вошел в общее употребление среди всех сословий и употребляется в большом размере, как и вино. Все это если и способствует с одной стороны хорошему питанию, долгодетию сельского населения, с другой стороны — в городской жизни и зажиточных классах порождает чрезмерное употребление яств и создало преобладающее животное-питательных наслаждений вместе с тяжеловатостью и медленностью психических отправления.

Все эти разнообразные влияния новой природы, взятые вместе, не могли, конечно, не изменить несколько физической организации типа и не придать психических отличий «русско-сибирскому» населению. Подобное областное отличие в местных жителях было замечено еще в половине прошлого столетия, и императрица Екатерина II сделала этнографическую характеристику русского населения на Востоке: «Как естественные произведения, растения и животные, так и люди в России и Сибири, — говорит она, — не схожи ростом и лицом; сибиряки смуглы, самые восточные из них *похожи на китайцев* (на монголов); русские, например нижегородцы, не имеют ничего общего с сибиряками. На берегах Волги жители рослы и стройны; белокурые ярославские красавицы не имеют никакого сходства

с сибирскими женщинами, особенно иноплеменными. Жители Ярославля, Архангельска, Вологды трудолюбивы и веселы, новгородцы слывут сутягами, галичане слывут простыми и прямодушными. Сибиряки умны, лобознательны и предприимчивы». (XVIII век, М. 1869 г., кн. IV, стр. 440—442). Как бы ни была поверхностна эта характеристика, но она доказывает тот же факт, что новообразующаяся сибирская народность — приходящая ветвь славянорусского племени — вследствие колонизации подверглась уже значительному изменению своего родоначального типа. Но, кроме изменений, так сказать, физиологических и этнографических, самые бытовые формы, занятия и нравы русского населения должны были получить особый оттенок. Изменения эти произошли даже в языке, который, по замечанию г. Ровинского, представляет некоторые особенности в новом областном говоре. «Сибирское наречие, конечно, произошло от северо-русского, — пишет г. Ровинский, — но двухсотлетняя раздельность с коренной Россией, совершенно иные естественные условия жизни и иные условия исторические, вместе с разнообразными столкновениями со множеством других народностей, о которых в коренной России не имеют и понятия, дали ему развитие вполне оригинальное. Распространенность и устойчивость говора Восточной Сибири, имеющего свою особую фонетику, много особенных грамматических форм, отчасти особенное словообразование и своеобразный способ выражения, со словарем более чем в 3000 чисто местных слов, неизвестных в общем русском языке, — дают ему полное право занять место в ряду с остальными наречиями России». (Замечания и словарь сибир. нареч.; Извест. сиб. отд., т. IV, 1873, стр. 21).

Ясно, что на Востоке складывается новый этнографический тип, с которым нас хорошо знакомят исследования г. Ровинского и статьи г. Шапова, напечатанные в «Известиях сибирского отдела Геогр. Общ.». Мы постараемся коснуться тех выводов, к которым пришли эти почтенные исследователи. Физиологическая помесь с инородческим элементом, влияние новых физических и исторических условий, как мы сказали, не могли не отразиться и на психической природе русской народности. Она неизбежно должна была приобрести новые инстинкты и новые склонности, а потому и развитие способностей должно было принять новое направление; нет сомнения, что это своеобразное развитие в будущем приобретет еще большее значение. Вот какие притворы и обобщения, между прочим, сделаны о сию-

собностях и оригинальных психических проявлениях областного населения Востока. В духовно-физической организации его прежде всего замечается больше, чем в развитии европейско-российского народонаселения, происшествие разных резких изменений и уклонении физиологических и патологических, прогрессивных и регрессивных. Они обусловлены многими неблагоприятными обстоятельствами при первоначальном заселении страны и первых столкновениях с другими расами, а также невыгодным естественным подбором. На них-то ученое исследование и останавливает свое главное внимание.

Путешественник, посетивший Сибирь, на каждом шагу поражается резкими контрастами и хаотическим смещением всевозможных противоречий и крайностей; он замечает в сибирском населении, с одной стороны, более или менее замечательные умственные дарования, с другой стороны — микроцефалов, кретинов, идиотов или вообще «дурачков», как говорят в Сибири, а также карликов с недостаточным нервно-мозговым развитием. Такие крайности и видоизменения то в ту, то в другую сторону очень понятны при помеси различных народностей, при внесении самых разнообразных элементов и признаков прародителей. Вместе с этим известны и некоторые местные патологические проявления уродств в данной местности, еще не объясненные и, может быть, находящиеся в связи с климатом и неблагоприятными физическими условиями. К таким явлениям относятся, например, в Верхояльском округе и некоторых местах Восточной Сибири развитие зобов и сопровождающего их кретинизма и идиотизма.

Зобитость начинает проявляться вообще с началом половой зрелости. Одна статья из местных свидетельств представляет нам несчастное положение сибирской девушки, тщательно скрывающей свое уродство перед замужеством (газета «Сибирь»). Зобитость в некоторых местах Сибири стремится сделаться наследственной органической особенностью всех жителей данной местности. Доктор Кашкин, производивший исследования на Лене, свидетельствует, что зоб распространяется и разносится даже по селениям, где прежде его не было. «Мы убеждены, — пишет он, — что существующая здесь эпидемия зоба будет иметь неслучайным своим последствием персроджающее туземного населения и прогрессивное увеличение числа кретинов, если только не обратят внимание на уничтожение вредных местных условий».

* В Западной Сибири зоб замечен в Алтае в Тигеринском, Ашуревском поселениях и между жителями Риддерского рудника. Но он существует так

ме зоба, в некоторых местностях Сибири замечаются и другие патологические явления, так, например, «икота», «порча», составляющие какие-то нервные припадки и господствующие между крестьянством Западной Сибири. Юродливые и дурачки, выродившиеся идиоты, предвешатели и ведуны встречаются в каждом сибирском городе.

К другим причинам местного быта, влияющим неблагоприятно на рождение и здоровье, развитие населения, относят наши этнографы разные болячки, заносимые принятием населением. В этом отношении играет роль громадный прилив ссыльного люда, приносящего с собой из русских тюрем и арестантских и физическую худость, и нравственную испорченность.

Вот что говорит по этому поводу г. Шапов: «Нам кажется, рождение уродов, идиотов, дураков и т.п. в Сибири в значительной степени зависит от беспорядочности полового подбора и неправильности половых отношений, обусловливаемых преобладанием ссыльных преступников, испорченной нравственности и с разными (физическими пороками, численным неравенством полов в Сибири, а также сильным развитием проституции, соединенной с безобразным пьянством» и т. п. О неправильности полового подбора, нередко проявлявшегося и в браках, в Сибири сложилась даже особая поговорка: «Платье на тряпке, урод на руке». К числу постоянных патологических явлений, подтачивающих организм сибирского населения, надо отнести и занесение сифилиса в Сибирь, партиями ссыльных и амурскими штрафными солдатами и чрезвычайное его распространение между местными жителями*. В Сибири, говорят очевидцы, есть деревни, сплошь зараженные, целые инородческие племена охвачены этой болезнью**. Понятно, что в отдаленных и глухих местах население, предоставленное самому себе, без медицинских средств, где в целые районы и округа не заглядывал ни один доктор, болезнь может охватить население и

же по р. Бии в Енисейской волости, и зобатое население находится на берегу Телецкого озера, по Пыже, по р. Лебенью и в кузнецких десах.

* В пересыльных замках и в больницах находится, как показывают наблюдения, масса арестантов, зараженных сифилисом. Ссыльные несут его в Сибирь скрытым, и он обыкновенно развивается на дороге. Точно так же арестантские партии, как доказали исследования, разносят тиф по Сибири, и ими же в 1871—1872 гг. была занесена холера. Очерки санитар. состояния Западной Сибири, 1880 г., стр. 83—84.

** О распространении сифилиса см. Санитары. Список Западной Сибири изд. 1880 г., Омск, стр. 85—86 и болезни, господствующие в Березовском округе. Медико-топографические материалы д-ра Соколова.

похожи на те, которые обыкновенно приводятся в пользу мужчин и женщин; для всякого другого человеческого общества они должны были бы показаться несколько обидными. Однако приводимые примеры в пользу даровитости сибирско-русского населения убеждают нас в том, что пробуждение и развитие сибирского таланта совершалось до сих пор только на другой почве и в другой социальной среде. Пожалуй, сибирско-русское население и даровито, но оно поставлено в такие печальные условия, что выдающаяся умственная сила, подавленная в такой среде, должна была непременно вырваться из нее и бежать из этого края. О психических особенностях сибирского населения этнографы сообщают следующее: «Нельзя не заметить в этом населении некоторых своеобразных умственных и нравственных черт или особенностей, более или менее заметно отличающих его как от психического настроения великорусского или малороссийского народа, так и от умонастроения сибирских инородческих племен, с которыми оно смешивалось и смешивается. Сравнивая, во-первых, вообще мыслительную способность ссыльных великорусских и малорусских поселенцев Сибири с природными сибирскими — туземными сибирско-русскими — поколениями, можно заметить, правда, что русский или, как говорят в Сибири, «российский» человек, преимущественно городской, более развязан в своих суждениях, чем сибиряк. У него умственный кругозор большей частью шире, эмпирические знания разнообразнее, рассудочные способности более культивированы и развиты, умственные взгляды и наблюдения шире и разностороннее, рассказы разнообразнее и живее, речь обильнее, витязнее и выразительнее, с большой примесью слов книжного языка, хотя часто и своеобразно употребляемых. Сибиряк, наоборот, первобытнее. Ум его менее развит и гибок. Логические присмы его мышления менее развиты, ассоциации идей не так многосторонны, как у великорусса — какого-нибудь нижегородца или ярославца. Зато в сибирском русском населении рассудок, кажется, гораздо более преобладает над чувством, чем в великорусском народе. Холодно-рассудочная, практическая расчетливость сибиряков или преобладающая склонность к реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляет в них почти всякое идеалистическое умонастроение... Оттого сибиряки менее мистичны и религиозны, чем российские люди. Сибиряки в большинстве случаев совершенно чужды мистицизма: они, так сказать, более утилитаристы и материалисты, чем мистики и идеалисты», — заключает

эпиграфия свое исследование. Итак, при всей неразвитости и некультуривированности ума в сибиряке замечаются признаки реалистического направления мысли. Эта черта характера проявляется и в языке. Словцов подметил, что «сибирский разговор ленив, холоден, без легкомыслия, не текуч и малословен, как бы с числом и весом, к сожалению, темповат, по привычке пропускать глаголы, оживляющие мысль». При рассудочности и практическом взгляде умонастроение сибиряков в значительной степени отличается еще юмористическими склонностями. Но эта способность не проявляется пока ни в практике, ни в критике, ни в сатире, а сохраняется только в проявлениях обыденной «прсмешливости» (пересмеивании), выражающейся, по словам некоторых наблюдателей, нередко в просьбах и грубых формах. Следы местного умонастроения обнаруживаются также в том, что сибирское население (а многие традиционные учреждения или принципы и правила смотрит гораздо свободнее и смелее, чем великорусский народ; оно руководствуется более натуральными чувствами, потребностями и побуждениями. Так, простонародье смотрит весьма свободно, говорит г. Шапов, в Иркутске и вообще в Сибири, на «свободные», или гражданские браки. Велико-русские раскольники для объяснения этих браков усиливаются создать свое религиозное воззрение, лишут об этом церковные догматические сочинения, а народ в Сибири руководствуется в этом отношении непосредственными влечениями чувства и страсти. Самый раскол в Сибири прививается скорее своими рационалистическими сторонами. То же самое применяется по отношению к социальным явлениям. Ум великорусса отличается историко-традиционным воспитанием, а ум сибиряка характеризуется непосредственно-натуральной дрессировкой. «В умственном складе великорусского человека более отразилось влияние, — пишет г. Шапов, — продолжительного, исторического, тысячелетнего опыта и отчасти влияние европейски образованного класса. В умонастроении сибиряка более отчетливо влияние дикой сибирской природы». Это умонастроение характеризуется забывчивостью всякой исторической традиции, утратой поэзии и отсутствием всякого идеального чувства и поэтической мечтательности. Сибиряки, большей частью, — говорит г. Шапов, — забыли всю древнерусскую старину, все эпические сказания или былины великорусского народа, даже большую часть великорусских народных верований или суеверий, примет и обрядов увеселительных. Среди великорусского народа, даже в сфере такой

суровой, неприветливой природы, как природа Олонецкого края, гг. Рыбников¹⁶ и Гильфердинг находили множество «сказателей», любивших рассказывать старинные быльи русского народа, а в Сибири едва ли есть где-нибудь такие «сказатели». Наконец, самая песня, не только малороссийская, но и великорусская, которая занесена была переселенцами с Днестра, Волги или Северной Двины и Камы, в Сибири почти забыта или поется несколько своеобразно, как-то уныло, монотонно, более низкими тонами, с меньшими вариациями голоса, или даже несколько похожа на песни татар или бурят в степи, или на «христалльную, милосердную песню» арестантских партий. «По сию пору мне не удалось не только у семейских, — пишет г. Ровинский, — но вообще у сибиряков найти ни одной оригинальной песни, кроме нескольких сложенных слышными. Все их песни занесены из России и содержанием своим совершенно неподходящие к ним, поэтому при их оригинальных недостатках они искажаются еще больше их перенимателями и являются совершенно бессмысленным набором слов». (Изв. сибир. отд. имп. Геогр. Общества, т. IV, № 3, Иркутск, 1873 г.). Зато местная этнография замечает, что в сибирское население, даже в среду простолюдинов, проникло более песен из образованных слоев. Здесь часто поются романсы, взятые из печатных песенников.

Относительно взглядов сибиряка на природу один из наблюдателей чрезвычайно метко сделал следующее определение: «Достоинно замечания, что мирозерцающие сибирского простого народа в сферах, не столь непосредственно связанных с практической жизнью, взгляд на природу и ее силы резко отличаются от понятий народа европейской России, как будто старинные эпические представления, некогда там сложившиеся, улетучились из голов переселенцев во время их пути в Сибирь: коренной сибиряк смотрит на природу, как на мертвую массу, не населяет ее дедами, русалками и даже никогда не задумывается, на чем земля стоит».

То же повторилось и с историческими преданиями. Сибиряк не задумывается и не подозревает своего кровного родства с коренным русским человеком; напротив, он считает себя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской национальности. Это забвение о своем происхождении приводит сибиряка к забавному толкованию даже известных ему исторических фактов, касающихся жизни первоначальных русских колонизаторов.

ров: так, в отдаленных местах Восточной Сибири предполагают, что Ермак, пришедший из России, покорил праделов, исконных русских обитателей Сибири, и привел их на полнравство царю, или что в старину буряты делали набеги на русских коренных обитателей Сибири, чтобы выптать их из домов и овладеть землей, всегда принадлежавшей русским*. Сибиряк забыл не только вынесенную из России, но и собственную историю. Это отсутствие исторических традиций объясняется постоянными приливами и смещением населения, его разнородностью, как и отдаленностью от центра истории. Все это положило на сибиряка печать известного индифферентизма. В истории после Петра оно редко принимало участие в общей судьбе государства, сами события сюда доносились смутно и нередко вели к недоразумениям, как, например, внезапный бунт тарских жителей, не признавших акта о наследии Петра I. Народные волнения, как пугачевский бунт, едва коснувшись западных частей, дошли до Сибири в смутных преданиях и рассказах.

Войны, государственная жизнь не возбуждали здесь особого патриотизма. Во время Отечественной войны 1812 года в Иркутске были построены триумфальные ворота, говорит предание, для приема Наполеона; исторические торжества не возбуждали особого воодушевления. Недавно один забайкальский город отказывался чем-либо ознаменовать память Петра I, и если на восточной окраине где-нибудь устраивались собрания и читались патянутые спичи в память заслуг Ломоносова, то это были демонстрации только засужено образованного сословия, в которых сибирское население играло пассивную роль. Пристрастия к историческим лицам, к историческим рассказам здесь не замечается. Память Ермака мы находим уважаемой только в Тобольской губернии, где предание более уцелело. В других местах оно менее напоминает.

Это не то, что Малороссия и Украина, столь богатые своими воспоминаниями и так нежно лелеющие их. Русская общественная жизнь далека от сибиряка и только иногда доносится до него в пестрых отголосках. Вот почему путешественника сибирское население поражает своим безучастием к тому, что делается за Уралом.

Кроме того, этнографической чертой местного населения является некоторая грубость и диковатость, как бы обитая с инородцами. Диковатость эта, конечно, происходит и

* Очерк сельской жизни в Сибири. Рассказ «Коршуновцы».

оттого, что население восточных окраин совершенно замкнуто в своей полудикой сфере; оно живет вдали от центров просвещения и цивилизации, в своей захребетной и затаасженной лесной глуши, среди пекультизированной сибирской природы, где нет почти никаких источников для умственного развития и интеллектуальных интересов.

Но в этой диковатости нельзя не заметить проблесков смелой любознательности и пытливого ума. Вот отзыв аббата Шатпа о сибиряках: «Сибиряки дики и вместе с тем любопытны». Он приводит пример, как в одном доме при его появлении «четыре или пять женщин мгновенно спрятались за какую-то занавеску, но потом мало-помалу они «приручились». Жители сначала дичились астрономических опытов путешественника, а потом начали с любопытством смотреть на них. Так принимают всех путешественников в глухих местах Сибири: жители сначала дивуются на них, но потом выказывают самую живую любознательность и участие к ним. Но в то время, когда некоторые, как дикари, в Сибири удивлялись термометру, сибиряк же Невсон, едва узнав употребление его, произвел в Якутске 26 лет метеорологические наблюдения, которым отдал честь даже Милдендорф. «Диковатость, соединенная с любопытством, замечается и в других местностях Сибири», — прибавляет этнографическое свидетельство. Это дикарское любопытство, однако, быстро переходит и в настоящую любознательность, в быструю переимчивость. Черту эту так характеризовал один иркутский мещанин г. Шапову: «Наш брат сибиряк, когда увидит в первый раз какую-либо машину, дивится, но потом любопытствует узнать, в чем в ней сила, как она сделана и как действует. На первый взгляд, — прибавил мещанин, — конечно, оно диво — хитрая машина; но как рассмотришь в ней все части, что к чему приделано, что чем действует, в чем сила, так и сам можешь сделать такую машину, и диковинки тут не будет никакой». В сибирской жизни, бедной впечатлениями, за неизмением предметов, могущих удовлетворять эту любознательность, она выражается склонностью ко всяким неожиданным зрелищам и часто проявляется суетным и легкомысленным образом: ходит смотреть покойников, выбегают на улицу при всяком шуме и проч. Вероятно, театр когда-нибудь будет иметь огромный успех в Сибири. В нижней среде народа этот инстинкт любознательности проявляется массою самоучек и самородков, о которых также упоминает г. Шапов.

Диковатость и отчужденность сибирского населения по-прежнему пропадает и ныне далеко уже не везде чувствуется. Даже в глухих местах путешественников встречает живое и бойкое население, поражающее своеобразием. «Обитатели Барабы (степь Тобольской губернии), — пишет Гельмерсен, — прекрасная и сильная раса, отчасти потомки ссыльных, преимущественно новыми переселенцами. Они, по-видимому, крепки, ловки, зажиточны. Их обращение свободно и непри- нужденно, при этом они показывают чувство собственного достоинства и сознание силы. Они пас с первого же раза убе- дили в справедливости мнения, что сибиряки европейскую Россию и русских принимают за чужеземщину или иностран- цев и говорят так, как мы о западноевропейских странах.

Если сибиряк русскому, который посещает его гос- те-примимый дом, говорит дружелюбно: милостивый госу- дарь, вы русский (при этом он обыкновенно употребляет слова *российский*), то этим он не хочет сказать, что вы зем- ляк, а напротив, хочет этим обозначить противоположность себе, как сибиряку». (Beitrag zur Kenntnis des Russischen Reiches von Baer und Helmersen. St-Pet. 1848. Band. 14).

Некоторая самоуверенность, гордость и сознание особен- ностей своего областного типа и до сих пор господствует в корен- ном сибирском населении. Так, все старожилы новых пересе- ленцев называют «российскими». В своих объездах по Сибири мы также почти не встречали дикости и замкнутости населе- ния, напротив, среди него все чаще встречаются черты общи- тельности, развязности и известной бывалости. Эти черты за- мечены нами даже на глухих трактах, где население жило, по- видимому, отчужденно. Таким образом, в местном населении совершается известная метаморфоза, и оно делает известные успехи в своем развитии и мирозерцании. Это объясняется тем, что если, с одной стороны отдаленность, отсутствие обмена, соседства и породшев, жизнь в лесах и отсутствие культур- ных влияний и способствовали диковатости и грубости населе- ния, то с другой стороны были и другие влияния.

На почве Сибири совершается постоянный приток нового населения переселенцев и ссыльных, которые не могли не изменять нравов. При торговом движении, при промышленной жизни, обуславливающей движения, население в Сибири бо- лее подвижно, более имеет случаев посмотреть на людей. Сибирь — страна бывалых людей. Сперанский, столкнувшись

с сибирским обществом, заметил, что это «страна донкихотов». Здесь можно встретить людей, бывавших и в Камчатке, и на Амуре. Сибирский крестьянин исхаживал с обозами от Иркутска до Москвы. Затем жизнь населения не могла оставаться в застое. Сибирь пережила уже несколько культур: звероловную, земледельческую, золотопромышленную и торговую. Мы наталкивались на типы крестьян в глухих деревнях, где атрибуты недавнего звероловческого промысла висели рядом с представителями позднейших занятий. «Мы занимались ямщичиной и с купцами водились, теперь торговлей лесом сами занимаемся», — гоюрил крестьянин-земледелец, отец которого был зверолов-промышленник.

Надо заметить, что восприимчивость сибирского населения была живее, и оно могло благодаря свободной жизни и довольству совершать легче прогресс в материальном отношении и обстановке жизни. Быстрое восприятие новых культурных черт, всяких нововведений, как и усвоение новых привычек, совершается поэтому необыкновенно быстро в Сибири. Этим объясняются весьма быстрые перемены в образе жизни сибирского населения, не скованного никакой традицией. Всякая новизна, всякое культурное заимствование, раз оно пришло по нутру и обольстило, жадно воспринимается и проходит в массу. Живая непосредственная любознательность, как и любопытство дикаря, оказывают одинаковую услугу. Всякое культурное заимствование и обычай цивилизации в Сибири разливается шире в массу населения и делается общим достоянием.

В Сибири нет монополизирующего за собою культурную жизнь сословия, и сибирский крестьянин, как и средний класс населения, поэтому ведет себя непринужденно и развязно. Сибирский крестьянин чувствует себя равноправным, он смело входит в комнату, подает вам руку, садится с вами за стол и, если вы его пригласите, совершенно непринужденно будет пить чай, есть и свободно вести с вами речь. Это меняет обхождение с простым народом самих приезжих в Сибирь. До известной степени, при добрых отношениях, такое обхождение практикуется между начальствующими и народом. Даже приезжий кровный господин (seigneur) в Сибири должен сделать уступку купечеству, мещанину и крестьянину, если он захочет с ними сблизиться, как бы это ни оправдывалось уступкой «обычаям дикарей». Нет предмета роскоши и комфорта, нет вещи, которая бы

составляла недоступный и запретный предмет для сибирской массы. Всякий крестьянин сознает, что он все может приобрести, были бы средства. Поэтому сибирскому крестьянину доступны сюртук и картина, книги, счеты, стенные жирандолы, гардины и зеркала, украшающие дома торговых крестьян. В сибирской жизни торговое сословие, золотопромышленники и первейшие богачи постоянно выходят из крестьянского сословия и гордятся мужичьим происхождением. Бывшие крепостные крестьяне, явившиеся в Сибирь, делались видными капиталистами, занимали почтенную роль в обществе и только впоследствии выкупались и получали вольную*. Сибирское чиновничество, постоянно зависимое в материальном отношении и не составляющее особого класса, нередко выходящее из тех же низших слоев, имеет общение только с мешанами и купцами, уездное же — с сельской мужичьей аристократией; поэтому сибирское общество, не отделяемое перегородками, составляет однородную массу, где жизнь и обмен ее свободен. Все это не может не поднимать уровень жизни крестьянства.

Мода всецело господствует в Сибири и покоряет население. Пиджаки, жилеты, фуражки составляют принадлежность костюма сельской молодежи. Сибирский крестьянин никогда не знал лапти, и сапог для него — постоянная обувь. У женщин сарафан составляет рабочий костюм, большинством носится блуза и шерстяное платье, вязаные воротнички, чулки и ботиночки. Такие костюмы мы видели в деревнях Бийского округа у потомков новоселов или переселенцев, то есть «лапотников», основавшихся в Сибири не более 50 лет. Мы не говорим о селах на пути золотых приисков, где крестьянин и рабочий бросает ленги. Трудно представить себе, до чего достигают исключительные заимствования и преувеличивость. Иногда разбогатевший крестьянин заводит себе богатые экипажи, делает бал для чиновников, выпивает вино. «Сибирское простонародье отличается увлечением ко всему новому в своей одежде и вообще в домашней обстановке. — Пишет Шапов. — Даже в деревнях можно видеть пиллоны, кринолины, бумрусы со стеклярусом, сюртуки, часы с пепочками; в домах — зеркала, обои, диваны, хорошую мебель, цветы в цветниках и проч. Нет ни одного сибиряка, который бы, подобно великорусскому старосру, отворачивался, как от чертовщины, от папиросы, сигары, чаю или кофе и т.п.»

* Братья Швецовы, бывшие крепостные, получив университетское образование даже за границей, были промышленными деятелями в Сибири.

Мода и шегольство сибирских простолюдинов у русских крепостников, приезжавших в Сибирь на службу, вызывали даже жалобы на развращенность населения. Один кирзский исправник формальной бумагой жаловался на роскошь костюмов, так как в одной деревне на ярмарке он видел на крестьянках «траповые кофточки последней парижской моды в 35—40 рублей, башмаки рублей в 8, лакированные галоши» и проч. и просил принять меры против пагубного разврата. В среднем классе подобная склонность к моде выражается в подражании пеликосветской жизни. Сибирское торговое сословие брест бороды и носит немецкие сюртуки. Европейские танцы не только проникли в мещанскую, но и в крестьянскую среду. Конечно, в умственной сфере усвоение нового уже менее имеет простора, и у сибиряков менее для этого ниши, но все-таки в этом отношении сибиряки, пишет г. Шапов, по-видимому, восприимчивее и любознательнее, но крайней мере, староверческой массы великорусского народа. Менее устойчивым является просачивание взглядов, идей, но тем не менее развитие сибирских простолюдинов не могло не поражать многих. Примером служат отзывы Флеровского о сибирском крестьянстве.

Нет круга идей, в котором бы он не ориентировался при помощи здравого смысла. Многие из низшего класса усваивали в Сибири грамотность, развивали себя и приобретали начитанность. Еще в половине прошлого столетия, по свидетельству путешественника Фалька, около Тобольска жили ямщики Черепановы, из которых один составил замечательную сибирскую хронику-летопись, сделав свод из многих исторических сочинений, а брат его занимался живописью. Многие из подобных зажиточных крестьян имели библиотеки, интересовались наукой. Сибирские раскольники сносились с отдаленнейшими своими собратьями.

Таким образом, даже крестьянский ум работал над своим развитием. Характер подобных явлений, представляя оригинальную сторону сибирской жизни, должен был останавливать внимание путешественников, сопоставляющих контраст косности и отупения, в котором пребывало и вырождалось до последнего времени крепостное крестьянство России. Эти метаморфозы населения и различные изменения его на сибирской почве не могут не броситься в глаза; они доказывают как способности к умственному прогрессу вообще при условиях свободы обмена, так и ту быстроту, с

которой может идти культурное развитие русского племени при благоприятных условиях.

Если в Сибири существуют места, где население остается диковатым и отсталым, сохраняя следы замкнутой жизни, то всеми ознакомившимися с Зауральем признается ныне как факт, что вообще сибирское крестьянство по привычкам и развитию стоит выше своих собратьев в европейской России, живших под другими условиями.

Прежняя жизнь в лесах и пустынях Сибири, как и борьба с природою, если отражалась, с одной стороны, отступлением от культуры, одичанием и огрублением, черты, которые отмечены этнографами, то то же население приобрело известную крепость, выработало сметку, находчивость, способности Робинзона и стремление к самопомощи. Жизнь среди природы воспитывала решимость, отвагу, неустрашимость и дала в силу опыта долю самоуверенности, которые отличают сибирского охотника. Тип этого охотника и зверолова, отличающегося замечательными качествами, неустрашимостью и ловкостью, признаны и засвидетельствованы известным сибирским знатоком охотничьих нравов Черкасовым, сделавшим многочисленные наблюдения в сибирской тайге*. Он не мог не отнестись с полным уважением к качествам сибирского зверовщика при самых убогих его средствах и оружии. Этот охотник, зная обычаи разных зверей, обладает неустрашимостью в борьбе с медведем, быстротою в беге за оленем и сохатым, находчивостью при скитаниях в лесах. Мы сами видели типы горных охотников и крестьян в Алтае, которые не могли не поразить нас своим богатырским сложением, умением ориентироваться в лесу и замечательно меткой стрельбой из своих винтовок. Образцом неустрашимости и отваги является горное население белых русских крестьян, известных под именем каменщиков**.

К числу качеств, воспитанных в новой стране русским населением, точно так же принадлежит предприимчивость. Непочатые богатства края, увлечение звероловством, соблазнами, белкование, открытие руд и приисков, впоследствии торговля и промышленные предприятия благодаря свободе пользоваться промыслами развили этот дух предприимчивости. У первых пионеров он питался завоеваниями и походами — все сибиря-

* Записки сибирского охотника Черкасова.

** Каменщики описаны Принцем. Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ., т. I, с. 567—582, Томские Губ. Ведомости 1858 г., также отзывы Шапова.

ки в это время были землепроходцами. Затем этот дух проявлялся в поисках богатств по пустыням. До половины прошлого столетия русское население находилось еще в движении и постоянно кочевало. Впоследствии тот же дух предприимчивости воскрес во времена золотопромышленности. Сибирь в это время кишела открывателями, героями и выдвинула многие имена, присвоив им титул «паполеонов тайги». Так называли известного открывателя золота Мошарова. Этот дух предприимчивости выражался среди крестьянства в колонизационных попытках самого отважного свойства: в занятии мест на границах и за границами Китая, точно так же в некоторых смелых морских предприятиях, торговле на островах, проложении путей в степях, хождении с караванами и т.д. К сожалению, предприимчивость торгового и промышленного населения часто руководствовалась жадностью к наживе, что деморализовало, развращало население, точно так же, как жизнь в лесах и охота не могли не создать рядом с твердостью характера некоторой грубости, бесчувственности. Зверолов впоследствии легко охотился на инородца и на ссыльного, факт этого «палайничанья» и охота на «горбунов»* составлял темную сторону старинной Сибири. Жажда наживы повела от открытия богатств к взаимному хищничеству. Таковы были обратные результаты выработанных свойств, которые при других условиях культурного развития могли бы проявиться более блестяще и плодотворно.

Нам остается еще указать на одну черту местного характера, точно так же отмечаемую путешественниками и этнографами. Этою чертою, отличающею русское население на Востоке, признают «наклонность к простору, воле и равенству». Действительно, нельзя отрицать, что жизнь колонии при известном просторе, при вольнонародной колонизации, свободе в отыскании промыслов и главное — отсутствии в Сибири крепостного права не могла не наложить на население своего отпечатка. Сибирское население с виду является поэтому менее забытым, подавленным, более независимым. Этого нельзя не видеть даже в низших классах. Но, с другой стороны, по наблюдению тех же исследователей и этнографов, были и другие влияния, которые далеко не способствовали воспитанию независимости характера. Находились наблюдатели, которые, разбирая психические свойства сибирского населения, говорили, что оно не менее низ-

* «Охота на горбунов» есть преследование беглых и бродяг в Сибири.

копеклонно, раболепно, улошливо перед выспими, как грубо и дерзко с равпыми и посторонними.

Административный произвол восвод и чиновников должен был действовать на местное население подавляющим образом, говорят эти исследователи. Нигде чиновник не пользуется такой властью, как в Сибири, располагая имуществом и состоянием людей; нигде не существует менее обеспечения и гарантий для личности. Законности в Сибири почти не существовало. «Вековой административный гнет до Сперанского стоил крепостного права». Поэтому запуганное общество и личность далеко не могли сохранить здесь независимости и воспитать чувства человеческого достоинства; в доказательство принимают, что нигде нет таких заискиваний, угощений, унижения, как в Сибири, а потому выспиваются лесть, хитрость, лукавство и скрытность сибиряков. Итак, с одной стороны, штрихами сибирского характера рисовались грубость и дерзость, лукавство и унижение — свойства раба. Но с другой — они далеко не могут быть единственной характеристикой сибирской жизни, складывавшейся не совсем благоприятно. Сибирь много терпела от административного и воеводского произвола; но он все-таки не мог подавить всей жизни и самое давление на личность было другого характера, чем крепостной феодальный гнет. Сибирский крестьянин о гнете в экономической сфере, в смысле ограничения пользования благами природы, не имеет даже понятия. Когда сибирскому крестьянину рассказывают о крепостном праве, о стеснениях в земле, он не всрит и почти не может составить представления о жизни в этих условиях. Свобода пользования различными благами укоренила в нем известное мировоззрение о присутствии ему неотъемлемого права на жизнь и распоряжение известными благами. Административный произвол разнился от крепостного права тем, что в убеждениях народной массы он не входил как сознание его неизбежности, необходимости и законности. Напротив, это административное распоряжение судьбой личности рассматривалось, во-первых, как явление, от которого можно защититься, откупиться, спрятаться, наконец, против которого можно протестовать, бороться. Все население убеждено было в незаконности таких порядков и искало средств защиты против них. Во-вторых, сибирское население не постоянно жило под давлением чиновного произвола, но временами у него были просветы. Историки, подобно Шапову, придававшие огромное значение сибирскому

чиновному произволу, упускали из виду многие другие социальные явления в истории Сибири, где проявлялась борьба и известная самостоятельность народного духа. В первое время, избегая гнета крепостного и воеводского, русский человек спешил бежать в Сибирь, ища здесь «спокойной воли». При свободе колонизации вначале этот дух успел все-таки немного отдохнуть и внедриться. Когда явился воеводский произвол и казенная регламентация, население отчасти продолжало отодвигаться на окраины, искать на них убежища старой свободы, кроме того, оно проявило живейшую борьбу против самовластия. Весьма крупным фактом, выросшим на сибирской почве, явилась борьба городов и городского начала против административного. Эти черты борьбы можно видеть в эпоху начала XIX столетия, когда городские общества достаточно созрели и сплотились, чтобы показать свою силу. Трескин и Пестель употребили все усилия, как видно из истории этого времени, чтобы подавить независимость и оппозицию этого городского начала. Пиднов, разбирая историю этого времени в своем очерке «История сибирского общества в XIX столетии» (Записки сиб. отдела), находит в этом только борьбу возникающей буржуазии и богатых классов, сочувствуя подавлению ее административной властью Трескина, но это воззрение едва ли исторически правильно. Когда буржуазия соблюдала свои выгоды, она шла в союзе с произволом и в ставке с ним. Но когда произвол переходил всякие границы, городское начало стремилось отражать общий протест масс, принцип известной независимости, общественной безопасности, требование гарантий личности и имущества, принцип дорогой и необходимый для жизни каждого отдельного члена, независимо от привилегий и сословности. Этот характер деятельности не раз проявлялся в сибирских городских обществах и лежит доселе в основании сибирского населения. Точно так же сибирское население заявляло себя попытками искания законности и справедливости. Сибирь была страной челобитчиков, истцов и даже прославлена за страну «ябедников». Дюнос на злоупотребление и челобитье были обыкновенными формами протеста, хотя эта борьба нередко обходилась — она стоила многих жертв местному населению*. Но тем не менее искание правосудия, законности, правды воплотило сибирское общество и проявлялось при каждой ревизии;

* Напомним историю иркутских ссылок и гонений при Пестеле и Трескине, а также и при последующих администраторах.

оно получило еще большую силу и уверенность со времени, когда некоторые администраторы, подобно Сперанскому, становились на сторону интересов населения. Это сопоставление высшей правды местному произволу и до сих пор живуче в массе населения. Доказательством служат весьма частые жалобы и протесты, слышавшиеся из Сибири на местные неурядицы. Таким образом, в истории и жизни сибирского населения можно найти немало и других черт, указывающих на известную живучесть народного духа. Конечно, всевозможные испытания, произвол, царствовавший в стране отдаленной, единственный способ защиты — подкуп, не могли не деморализовать местного характера, — отсюда замечательны в нем свойства раболепия и заискивания. Но эти психические черты, имея свое оправдание в тяжелой жизни, далеко не принадлежат всем слоям народа в одинаковой степени.

Приводимые в примере сибирского раболепия обеды, угощения и подкупы властей, получившие в последнее время замаскированный вид пожертвований с благотворительными целями, практикуются, правда, и доселе в Сибири, но они касаются известных классов торговцев, монополистов, кулаков и мироедов, всегда находящихся в дружбе с исправниками и составляющих комплот¹¹ против остального населения. Что касается массы народа, то ей не всегда под силу эти угощения и заискивания, она лишена материальной возможности к этому, а потому ей суждено не столько заискивать и угощать, сколько молча выносить и терпеть. Слабому естественно лукавить, а угнетенному скрывать горечь в душе своей. Печать сибирского молчания, как и замкнутость населения в себе, точно так же при подобных условиях являются весьма понятными. Это плод исторического раздумья. Вот те объяснения, которые могут быть приведены для освещения указанных свойств местного населения.

К другим чертам, характеризующим население восточных окраин и отмеченным исследованиями, относится индивидуалистический промышленный дух местного населения, стремление к наживе и преобладание материальных интересов над общественными. Развитие этих своекорыстных, узких и эгоистических мотивов среди сибиряков ярко отмечено и развито историком Шаповым и беспощадно бичуется им*. «Русское насе-

* Статья г. Шапова «Об отсутствии высших чувств у сибиряков» была помещена когда-то в «Отеч. Записк».

ление, развивая в себе умственную и нравственную смелость, предприимчивость и стремление к обузделанию, к устройству, наконец, наткнувшись на богатства новой страны, быстро усвоило инстинкты хищности. Ум сибиряка всецело поглощен материальной наживой, его увлечают только текущие практические цели и интересы. Этот холодный расчет и корыстные страсти подавили в населении всякое идеальное настроение и даже общественность». «У сибиряка нет того, так сказать, социологического устроения, — пишет г. Шапов, — нет тех общепроустроительных идеалов и стремлений, какими отличается великорусский народ, но крайней мере в раскольничьем старообрядческом самоуправлении, вроде общинного самоуправления секты «общих» или духоборцев за Кавказом. Оттого к сибирскому населению не прививаются никакие общественные идеи и уставы. Как у простого народа в Сибири нет ни религиозного, ни метафизического идеала, так и у самого общества не существует стремления к идеалу общественному. Сама общественность мало развита на Востоке, это общество по преимуществу индивидуалистическое; таким его воспитала бродячая жизнь и разрозненность в лесах и степях, нажива и утрата прежних социальных связей в новой стране».

В доказательство этого индивидуалистического направления приводится весьма много примеров из современной жизни Сибири и ее склада. У сибирского общества нет других целей, кроме сворыстных и приобретательных, говорят исследователи. Это арена вечной борьбы и погони за богатством. Деньги и нажива деморализовали сибиряка прежде, чем он получил развитие и составил себе понятие о других целях жизни. Тип сибирского кулака и сибирского монополиста «чумазога», нажившего миллион, грубого, невежественного, чванного своими связями с местными взяточниками, питающего убеждение, что нет ничего в мире, что бы он не мог купить и подкупить, производит отвратительное впечатление на нового человека. Тип этот грубый и бессердечный недоступен человеческим чувствам, справедливости и упорен в своей косности. Такие чумазные кулаки побывали даже в Европе и Америке, приобретали там высший лоск, но оставались неизменными эксплуататорами и кабалителями какого-нибудь дальнего Забайкальского края, угнетателями на присягах, тиранами и мошенниками родной страны. Эти выролки, производя отвратительное впечатление, кладут позор на все сибирское население. За грехи и преступления

этих людей ныне целая народность заклеяена беспопадным приговором. Едва ли, однако, по этим выродкам местной среды должно заключать о целом населении. Индивидуалистический и промышлепный дух должен рассматриваться в общей жизни населения, но не в одних частностях.

Можно обвинять население в увлечениях, односторонности, можно сознавать его падение, но едва ли можно отрицать в нем обыкновенные свойства человеческой природы и способность к возрождению лучших человеческих чувств. Нет извращенного существа, нет павшего человека такие душе которого не нашлось бы истинных чувств и проявлений инстинктов добра. Иначе, нет души, где не был бы Бог. Тем менее можно отвергать задатки жизни, возможность пробуждения лучших стремлений и высших чувств в целом обществе, хотя это было бы отчужденное, забытое горемычное общество, подобное обществу сибирскому.

Указывая различные проявления жизни на Востоке и по следствия индивидуалистического промышлепного духа, исследователи и наблюдатели отметили давно весьма крупное явление современной жизни в Сибири — это необыкновенно развитие промышленного и торгового класса и стремление его к монополии и преобладанию точно так же, как развитие мироедства, кулачества и кабалы в крестьянском населении.

Сибирская деревня представляет два типа: разжившихся кулаков и находящихся в зависимости у них и в долгу бедных крестьян*. Погоня за паживой, промышленный дух пробуждающийся среди крестьян, давление богатых и разрозненность сил бедняков вызывает вполне серьезные опасения. С точки зрения исследователей почему-то составилось убеждение, что явление кулачества, мироедства и кабалы свойственно исключительно Сибири и вызывается особенностью местного характера жителей, за что сибирское общество и подвергалось таким ожесточенным обвинениям и филиппикам, какис отразились в статьях Шапова по поводу отсутствия высших чувств у сибиряков.

Едва ли здесь можно, однако, все сваливать на один характер и испорченность сибирского населения, как на качества врожденные и неизменные. Причины общественных явлений

* Рабочий класс в Сибири еще в XVIII столетии, по словам Радлишева, состоял из покручников и обязан был долгами. Влияние на сельскую массу современных мироедов весьма рельефно изображено в этнографических очерках Н. И. Паумова «Слова солдому ломит» и в «Тихом омуте».

должны быть исследованы глубже. Посвятив отдельное исследование истории кабылы и монополии в Сибири, мы должны заметить, что это явление было вызвано торговой зависимостью и особенностями, где население враспыленную кинулось в борьбу, стремясь приобретать и накапливать. Это явление возникло благодаря той свободе и простору, которые представляла Сибирь для приобретения материальных благ, как и одинаковой возможности всего населения преследовать их достижение. Словом, то, что в других местах выпадало на долю исключительных привилегированных классов, то в Сибири разлилось в массу. Явление это обязано новой стране и демократическому складу общества, где большее число лиц пустилось в погоню за наживой. Что кабыла и монополия нашла себе более простора, более почвы и благоприятных условий для развития в Сибири, зависело не от характера общества, а от его беззащитности и отсутствия гарантий против эксплуатации. Мироед, кулак и промышленник в Сибири напел союз с царствующим здесь беззаконием и выразил гнет резче и бесцеремоннее. Сибирский кулак «Колупаев» и «Разувас» (по Шелдрину) действовал в союзе со взяточником-чиновником и находил в нем поддержку, защиту и средство для давления на массу населения.

Промышленный дух и неправильное распределение богатств в колониях и новых землях выражается резче, чем где-либо. Американское общество также обвиняется в этом промышленном духе и индивидуалистическом характере, что, однако ж, не мешало его гражданскому процветанию. Этот индивидуалистический дух, погоня за приобретением, борьба, неправильный захват, кулачество и мироедство выступают ныне в массе одинаково и в жизни России. Сибирь испытала его только ранее.

Развитие индивидуальных страстей и промышленный характер следует за периодом опеки и феодализма, когда жизнь масс имела более экономического равенства, но в то же время была более подавлена. Таково было положение феодальной Европы и крепостных масс в России; в Сибири свободное население вступило ранее в период индивидуальной погоня за приобретением. Этот период продолжается до тех пор, пока не выступят у народов вновь социальные общественные интересы и не образуется утерянная связь и солидарность. Прежняя крепостная крестьянская община в Сибири потеряла свою связь, но тем не менее в своем развитии жизнь масс стала выше. Опыт

индивидуалистической жизни, пережитый в новой стране, однако не мог не выразиться, как всегда, весьма дурными последствиями и явлениями, результаты которых хорошо сознаются. Нельзя сказать также, чтобы это воспитание индивидуальной жизни прошло бесплодно. Оно закалило местный характер, приучило к труду, самостоятельности и самодеятельности. Такому обществу предвидится впереди не разложение, а развитие. Недостатки современного склада сибирского общества с его разрозненностью, с его своскорыстными приобретательными мотивами, с господством промышленного класса монополистов, кулаков, миросдов и кабакою белого населения хорошо чувствуются местным населением, сознается и образованными людьми края. Путешественники — не первые открыватели этого явления. Вопрос состоит в том, чтобы создать противовес этому влиянию и вернуть общество к нормальным путям человеческого развития. Русское население в новой стране, если временно стало на почву хищничества, взаимной борьбы и утратило свою солидарность, то ему не заказаны пути в будущем снова сомкнуться. Русская поземельная крестьянская община не распространяется за Уралом, как думают, а только сплывается.

Что касается вообще обвинений сибирской крестьянской общины в стремлении к индивидуализму, то мы должны отложить свой приговор до окончательного исследования характера этой общины. Сибирская земледельческая община доселе не имела еще своего исследователя. Покойный Шапов сделал опыт исследования жизни верхоленской крестьянской общины, по злесь этот обвинитель сибирского индивидуализма нашел однако черты, доказывающие сплоченность общин и замечательную способность к ведению общественных дел. Другой весьма наблюдательный исследователь, автор замечательных по глубине мысли и богатству данных о сибирской общине статей*, не отрицая в ней индивидуалистических черт, характеризует ее следующим образом. «Мне кажется, что она имеет особенности довольно оригинальные, — пишет он. — И эти особенности произошли от ее исторического происхождения. Сибирскую общину нельзя сравнивать ни с древней русской общиной — повгородской, ростовской, рязанской и проч. земель, ни с более новой, производной, так сказать, северной общиной в земле Двинской, в Вятской и Пермской областях. Первая древняя

* Община, ее принцип и ее возможное будущее. Сибирь. 1877 г., №№ 43, 44, 45 и 46.

община у славян (т.е. новгородцев), древлян, радимичей и проч. была вервью, волостью, погостом, была, одним словом, территориальной общиной. Она распалась на деревенские общины уже подлисе, в неизвестный период времени, может быть, в XII или XIII веках и в силу политических и финансовых причин. Община северная в Двинской, Вятской, Пермской землях была, вероятно, сразу деревенской. Но произошла она путем выселения вольницы. Эта вольница, иногда однодеревенская, иногда разнoderвенская, шла *артельно*, занимала небольшое артельное место на Двине, по Каме широкой, по хребтам, в лесу и занятую местность разрубала, разметывала, делила по размерам, по жеребью. Естественно, что такая община, происходящая из артели, сохраняя основной принцип личной силы, как меры завладения, тем не менее имела сильную альтруистическую закладку, была сильна чувствами симпатии и солидарности. Совсем не то сибирская община. Территориальной родовой она никогда не была, как община древнерусская. Не была основана она и артелями вольницы. Она была и осталась тем, чем представляли себе славянофилы русскую общину — *продуктом семьи*. Факт происхождения однородных общин в Сибири от разросшейся семьи был замечен почти всеми исследователями Сибири — Шаповым, Равипским*, по факт происхождения разнoderвенных общин еще подлежит исследованию.

Другой автор об общинном землевладении Сибири (Сибирь, 1877 г., № 20 и 21) подтверждает такое историческое происхождение сибирских общин. Земли было много. Каждый крестьянин брал себе добровольно столько земли, сколько хотел и мог обработать за платимый им оброк. Поэтому каждый смотрел на взятый им участок, как на наследственный; по мере расположения семьи участок рос и превращался в селение. Отсюда в Сибири многие деревни населены сплошь однофамильцами. Точно так же к основной заимке, которая представляет форму совершенно частного хозяйства, приселяются другие лица, и образуется целая община, в которую входит и первоначальный хозяин места. Земля *вольная и земская* до тех пор, пока ее много. Как скоро наши начинают сближаться и переселенцы или многосемейные захотят расширить хозяйство, сейчас обнаруживаются права общины, и являются на сцену условия *общинного*

* Мы видели общину крепостных и обрусевших инородцев, разросшуюся из 10 семей в 1500 душ выше с 7 деревнями, подтверждающую семейное начало общины.

владения, пишет автор. Мир делит ближайшие пашни и луга; в Сибири и ныне уже в большинстве переделают покосы и т.д.

«Таким образом, — прибавляет исследователь, — общинное землевладение в Сибири, не будучи приведено в форму какого-либо положения, является началом живым, развивающимся сообразно нуждам и условиям самой общины». Раз мы признаем как факт и допустим развитие этого общинного инстинкта в сибирской общине и постепенного его развития вместе с формированием общины, мы должны признать, что она сумеет при помощи того же народного инстинкта уберечь себя от разложения. Будущее историческое развитие этой общины и лучшее сознание своих интересов, конечно, гарантирует ее от преобладания в ней своекорыстных стремлений отдельных личностей.

Могущество монополистов и мироедов в Сибири не может быть долговечно и далеко не покоится на прочном и непреложном промышленном фундаменте. Сибирские беззакония и старые формы суда его поддерживают, но новые условия административной и гражданской жизни, конечно, положат известный предел незаконной наживе и обману. Историк Шапов, раскрывая печальное направление господствующее в сибирском обществе, указывает прежде всего спасение в гуманитарном воспитании. Другой исследователь говорит: «Пример Северной Америки и Сибири доказывает, что одно богатство не может создать настоящее человеческое общество, его нужно cementировать учреждениями, которые бы воспитали в нем человечность». «Страшно за общество, — продолжает тот же мыслитель, — в котором маклаковщина хочет обратиться в народную теорию, хочет залечь основанием жизни».

Несомненно, в силу этой сознаваемой односторонности развития и для сибирского населения, несмотря на господствующий индивидуальный характер наживы, также найдется выход. Этот выход найдется в тех же общечеловеческих духовных качествах, которые присущи всякому обществу.

В этом отношении надежды возлагаются на ту же общину, утратившую свою связь и солидарность только на первых порах, при завоевании пустыни. Вот эти надежды, выказываемые стороною, не питающую столь мрачного взгляда на будущее сибирского общества.

Община может не только выполнить экономическую роль, но и создать самую здоровую интеллигенцию края, и образо-

вать народный капитал в стране. Для этого необходимо призвать ее вновь к жизни, которая в ней замерла от бюрократической зависимости и недостатка коллективного духа. Современная сибирская община имеет олигархический характер: она состоит из богатых крестьян, мироздов и белых, находящихся в экономической зависимости от первых; здесь, как и в старой Сибири, зачатки под будущий труд ставят рабочих в кабалу; богатые мужики уличивают за белых подати в виде зачатка на разные работы. Эти люди составляют почти особое сословие в общине. Сословие это вызвано как существующей неудовлетворительной системой сбора податей, обрабатывающей богатого крестьянина в поруки или даже в сборщика податей, и безденежьем в стране, производимым неправильным балансом торговли Сибири и торговой зависимостью. Обращение общины в чисто фискальный орган по полатным делам сопровождалось лишением ее всех других функций — суда и самоуправления. Иностранное «согласие» — так называется сходка в Сибири — обратилось в одну пустую форму; волостные писари, которые должны бы подчиняться и отвечать перед выборными чинами, превратились в крестьянское начальство, такое положение дел тем хуже, что писари не ответственны за свои злоупотребления; отвечают безграмотные и часто неповишные выборные чины; от этого злоупотребления остаются беззащитными, и выборное начало не приносит никакой пользы.

Улучшение положения общины — самая первая потребность сибирского края. К сожалению, она до сих пор задерживалась другими стремлениями. Улучшив ее положение, на нее можно возложить управление тех трех функций, для которых теперь придумываются новые органы.

Так, община может заменить проскрируемую земельладельцев в скоплении богатства и образовании народного капитала. Если у современной общины богатство льется из рук, то это еще не свидетельствует, что у нее не будет желания и способности удержать его в своих руках, когда будут изменены мертвящие ее условия. Освобожденная от них община не уступит земельладельцам в стремлении к скоплению богатства, да притом и стимул этого стремления будет нравственнее, чем конкуренция, основанная на борьбе; место этой зависти займет здесь заботливость об общем добре. Что это чувство присуще крестьянской общине, можно видеть на том, как крестьяне строят свои церкви, как они сколачиваются на иконостас, на колокол

и с каким наслаждением слышат, как первый удар колокола разнесется на далекое пространство от деревни, как потом крестьяне любят показывать свою церковь и передавать историю ее постройки. А любовь крестьян к своим полям? Абсентеист-землевладелец не способен так любить свои поля, потому что без насилия нравственности не может смотреть с чувством самодовольства на поля, обрабатываемые батраком. Разве эта любовь крестьян не может быть перенесена с полей и церкви на школы, на общественные машины и проч.? Только этим путем может земледелие быть улучшено и может образоваться капитал в стране без тех жертвований, какие сопряжены с землевладельческой культурой. Община одна способна водворить в Сибири рациональное хозяйство. Что же касается до пореканий общины в застое, которым отличалась ее жизнь до настоящего времени, то справедливы ли эти нарекания? Можно ли от общины, в течение трехсот лет безжалостно эксплуатируемой на все лады, требовать того же, что можно требовать от нового многочисленного класса людей, выделенного из населения и освобожденного от подобной эксплуатации?

Наконец, третья роль общины заключается в охране себя от монополистов; и эта функция может найти опору в чувстве самосохранения, которое очень сильно в общинах; протекционный характер всегда отличал общину с самых древних времен, община отпосилась недоверчиво к каждому иноземцу; каждая община имела своего торговца, которому только и доверяла; это и до сих пор сохранилось в таких захолустьях, как Сибирь; до какой степени сильно это чувство самосохранения в общинах, можно видеть на старейшей и значительнейшей русской общине, известной под названием уральского войска. Правда, эта старая отчужденность и протекционизм разгораживали общины высокими стенами, делали их безучастными друг к другу; в то время, как одну общину судили, пытали и сажали на кол, другая ускакала и тюкала: «Коловичи, коловичи! Колом в дворянство жаловали!» — сознание солидарности интересов являлось только во время общего несчастья. Но против этого узкого консерватизма, ведущего к неподвижности, есть средство — коалиция общин, при помощи которой они сознают единство интересов и в обыкновенное спокойное время.

Изучение жизни сибирской крестьянской общины, по нашему мнению, должно привлечь по преимуществу пылливость

и силы молодого поколения в Сибири. В настоящее время мы относительно ее в совершенном невежестве, мы вовсе не знаем ее исторического значения; между тем если бы мы познакомились с ней ближе, мы увидели бы, что прожитая сибирской общиной жизнь имеет большое историческое значение*.

Сибирское крестьянство находится в вечной блокаде от штрафного бродяжеского населения — до 20000 бродяг находится в постоянном движении по Сибири; они грабят, воруют и обманывают сибирского мужика, «панкрутят», как сами они выражаются; занимаются разнообразнейшими видами шарлатанства, эксплуатируя страсть крестьянина к наживе и к фальшивым деньгам и его суеверие; развращают, насилюют и уводят их жен; сифилис, разврат и отсутствие добросовестности в промышленности невозможно искоренить в Сибири, пока будет существовать штрафная колонизация. И эта картина, вероятно, была прежде вдвасятеро сильнее и была бы и теперь сильнее, если бы крестьянская община не выказала удивительной способности к самозащите и любви к честному и тяжелому труду. Земская полиция в Сибири была бессильна и незаметна; чиновники терпели и игнорировали существование этого зла в стране.

И вот крестьянская община приняла миссию дисциплинирования многочисленного бродяжеского контингента на себя; меры, которые она употребила, были круты, но не другие меры принимала и сама администрация, когда только являлось у нее желание сократить зло, хотя в ее руках и были возможны другие, более гуманные средства, тогда как в руках крестьянской общины грубая самозащита — было единственное средство избавления; поэтому вопить ее за жестокость было бы несправедливо. Таким образом, в крестьянстве выработалась система отношений к бродяжничеству, которая отличается единством на всем пространстве от Нерчинска до Иртыша. Крестьянство создало обычное право, создало разные обязательства, стесняющие бродяг и служащих предупредительной мерой против катастроф, и имело в себе физическую силу постоянно поддерживать в бродягах уважение к этим обстоятельствам**.

* В 1879 году при Западно-Сибирском отделе Географического Общества издана программа исследования сибирской общины.

** «Русская община в тюрьме и ссылке» Н. Ядринцева, изд. 1872 г. «Бродяжеское население Сибири».

Не менее интересна и другая миссия, принятая на себя сибирской крестьянской общиной. — это ассимиляция новоселов. Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются от туземщины непрерывной критике и иронии, сопровождаемыми и положительными советами, как поступать на сибирской почве, как пахать землю, какие сделать уступки се деуственности, насколько и когда быть благосклонными к бродягам и когда жестокими, наконец, даже советами, как говорить, не возбуждая смеха. Под гнетом этих насмешек и совстав, подтверждаемых собственным опытом, новые колонисты быстро уступают местным обычаям, и не далее, как следующее же поколение считает уже себя коренными сибиряками и на новоселов смотрит с иронией.

Этих одних примеров достаточно, чтобы видеть, какое историческое значение имеет крестьянская община для Сибири.

Иссмотря на то, что при своем переселении на зауральскую почву община должна была выдерживать столько разрушительных влияний, что могла прийти к разложению и потерять свой кооперативный дух, иссмотря на тягость физически-монополюной эксплуатации естественных богатств ее, не оставлявших ей никаких сбережений, она все-таки составляет в стране почтенный трудолюбивый элемент, в котором лежат прочные задатки будущей гражданской жизни. Первоначальный простор для деятельности частного лица в Сибири был так велик, что не было никакого повода к ограничению деятельности одного лица обществом; конкуренция и эксплуатация человека человеком пользовались такой свободой, как в стране с сильным индивидуалистическим характером. Прешедши через Урал, русская община, подобно леднику, персаливавшему через скалу, разбилась на куски, но потом пластическая сила начинает склеивать разрозненные обломки. С уплотнением населения община начинает создавать в Сибири те формы пользования источниками богатства, которые присущи ей были на западной стороне Урала, подобно тому, как зерно, брошенное на новую почву, постепенно начинает развивать свой первичные формы.

Для полного возрождения сибирская община нуждается в реформах, в услуге ей самоуправления в хозяйственных делах и в улучшении ее гражданских отношений; этим был бы ускорен ее прогресс. Только в свободном течении жизни общины и в возбуждении общинной энергии и самодя-

тельность заключается залог преуспевания местного сибирского населения.

При благоприятных условиях и равновесии общественных сил будущность местного населения может измениться и далеко не оправдает тех мрачных предсказаний, которые делаются на основании прошлого. Характер формируется под влиянием условий жизни, и достаточно того, чтобы они изменились, как изменится и склад характера.

Из всего сказанного видно, что в современном характере сибирского населения совокупляются разнородные черты, патологичные жизнью, природою и историческим складом. С одной стороны, диковатость, след инородческого влияния, отступление от культурных привычек, холодная рассудочность, не согреваемая чувством, часто огубелость среди лесной жизни, отсутствие идеальных стремлений, преобладание индивидуалистических интересов над общественными и развитие промышленных и своекорыстных мотивов. С другой стороны, у этого населения нельзя отнять ума, любознательности, энергии, практичности, умения ориентироваться, находчивости, воспитанной жизнью, предприимчивости, известного закала характера, самобытности, самостоятельности и способности к самодеятельности. Эти таланты, воспитанные тяжкими уроками колонизационной деятельности, застыли в своих грубых первоначальных формах, их не коснулась еще прогрессивная сила знания, их не развивали исторические обстоятельства, их не осмыслила и не возбудила ни одна социальная и гражданская идея, не вызвал к жизни ни один преобразовательный ум. Но нельзя сказать, что совершенствование природных способностей здесь останется всегда недоступно. Несмотря на диковатость и низкий уровень развития, мы видим, что население на Востоке значительно изменяется к лучшему и обнаруживает быстроту восприятия, способность к познанию и к прогрессу более чем где-либо.

Кроме неблагоприятных условий, мы видим рядом особенности, в которых есть немалые преимущества. Жизнь народа складывается в Сибири в обстановке новой страны, создающей и новые формы жизни.

Необыкновенный простор в пользовании удобствами и богатствами природы, надолго обеспечивающий от бедности, свобода, с которой пользуется поселенец благами природы благодаря ее разнородности, отсутствию привилегий и равноправ-

ность населения — это такие преимущества и условия развития, которые могут дать возможность широко развернуть силы и способности славянской расы в своей колонии.

Указывая и изучая эти свойства и черты сибирского населения, мы далеки, однако, от того, чтобы прилагать их ко всей массе населения и предполагать в них окончательно выработавшийся характер. Сибирское население состоит из разных слоев и представителей по происхождению (хотя и однородно по условиям). Недостаток наблюдателей заключался в том, что они о сибиряках и о сибирской жизни делали заключения только по одной части общества. Между тем должно заметить, что нигде нет такого разнообразия в индивидуальных проявлениях и качествах, как на Востоке. Это объясняется колонизационным происхождением этого населения, как и разнообразием профессий, труда и упражнения способностей в новой стране. Промышленное, индивидуалистическое и своекорыстное направление господствует более всего в городских слоях и в промышленных пунктах. Эти качества городских классов, приписанные сибирякам, невозможно переносить на всю сельскую массу. Затем с сибирским населением не должно смешивать временно наезжее население, явившееся для спекуляции, наживы и высасывания соков из страны. Эта толпа приезжих ташкентцев, Разувасых в виде мути и пены носится вечно по поверхности сибирской жизни, она возбуждает обыкновенно ненависть и презрение местного населения и далеко не служит представителем местной жизни. Авантюристы, искатели счастья являются сплошь и рядом изыскивать богатства и даже цивилизовать Сибирь, но в сущности составляют язву края. Местное население их называет «наезжими» и «навозными». За этим временным наезжим элементом стоят ссыльные, которые также ничего не имеют общего со страной и населением, их назначение — наполнять остроги и навозить Сибирь беглыми. Только потомки этих ссыльных понемногу ассимилируются сибирской массой и делаются сибиряками. Что касается большинства местного населения, то ядро его составляют старожилы Сибири, освоившиеся со страной; с их коренными этнографическими чертами они дают самую яркую окраску жизни — это старинное население городов и сел. В среде многообразного сельского населения вырисовывается несколько типов: старожил-крестьянин, старинный пионер и колонизатор, потомок гулящих людей, промышленник, зверолов, рудокопатель, ямщик и земл-

делен. В них заметна смесь с инородческим элементом, след жизни в лесах и культурная отсталость; но эти пионеры вынесли на своих плечах всю колонизацию, все культурные завоевания. Далее мы видим тип сибирского раскольника, жившего замкнуто в своей общине, подобно забайкальским семейским и алтайским раскольникам, которые, закинутые в Сибирь, отстаивали свое существование, не смешивались ни с ссыльными, ни с инородцами, и хотя их существование было довольно эгоистично и безучастно в общей формировке жизни, но они сохранили чистоту типа и славянской расы в Сибири для будущего. Эти общины, состоя часто из бедных и разных скитальцев, подобно общине «камснщиков» в Алтае или раскольников в вершине Енисея, среди горной могучей природы и глухих дебрей, у подножия сибирских алы, воспитали свои физические силы, ловкость, смелость и составляют необыкновенно крепкое, богатырское и отважное население. Если сибирская жизнь преимущественно в верхних слоях портится и деморализуется, если местами существует вырождение, то здесь в глубине народных масс скрываются еще непочатые могучие силы, которые со временем дадут здоровые соки жизни.

Далее, как противовес инородческой крови и живая сила обновления, в Сибирь вечно движется колонизационный поток свободных переселенцев из представителей всех губерний. В сущности, в сибирской жизни совершается вечное движение, постоянный прилив и смешение разнообразных элементов огромной империи. Этот постоянный прилив переселенцев, обновляя сибирское население, вливая новые соки и прибавляя новые черты, составляет пеструю амальгаму жизни! Здесь снуют представители всех губерний, северяне и южане, великоруссы и малоруссы. Переселенческие деревни поражают пестротой элементов, яркостью и переливами этнографических красок, причем все это перерождается, сливается в одну сплошную массу с новым этнографическим типом и однородными чертами. Эта вечная этнологическая борьба², эти слияния противоположных элементов русской жизни в новой обширной стране в одно целое, это вечное претворение и наращение представляет гигантскую работу народного творчества в обширной колонии, придающей сибирской жизни нечто создающее и подготавливающее для будущего.

Инородцы и инородческий вопрос Сибири

III.

Инородческий вопрос. — История его развития. — Уменьшается или увеличивается инородческое население. — Современные статистические сведения об уменьшении инородцев. — Исторические причины вымирания инородцев. — Голод и холод. — Экономическая обстановка жизни. — Признаки обеднения. — Уменьшение средств пропитания и расширение потребности. — Торговля. — Инородческий пролетариат. — Наше культурное влияние.

Судьба инородцев в Сибири до сих пор весьма мало заслуживала внимания, а роль их в истории восточной окраины так же, как настоящее и будущее их в гражданской жизни страны, остается весьма мало выясненной. Несмотря на то, что Сибирь была когда-то более инородческой колонией, чем ныне, что она, так сказать, пестрела инородческим людом и племенами, судьбе этих племен мало уделялось внимания; единственной нашей задачей в истории было вытеснение этих племен и приобретение над ними господства. Задача эта ныне выполнена. Мы видели, что русская народность раздвинула мир инородцев и водворилась в Сибири, она получила ныне даже некоторый численный перевес; тем не менее инородческий вопрос остается по-прежнему живучим, хотя и является несколько в иной форме. Мало того, жизнь русского населения и гражданское развитие самой окраины заставляют обратить на него гораздо большее внимание.

В прежние времена инородческие вопросы в Сибири под влиянием исторических обстоятельств и отношения русского племени к инородческому имели другой характер и значение. Когда русское население явилось на Восток, инородческое царство было обширно, а русское население слабо. В это время разыгрывалась борьба за существование и преобладание в стране, причем главной целью являлось ослабление инородческого элемента и уменьшение его. Таков был взгляд конкикторов¹³-заво-

евателей. Вслед за покорением инородцев явилось усмирение их бунтов, обложение ясаком, подчинение и насильственное введение управления. Таким образом, инородческий вопрос прежил несколько фазисов и наложил тяжелую печать на существование инородцев. Тогда выступало только два вопроса: о подчинении и опеке. Но постановка этих вопросов должна была измениться, когда инородческий элемент явился подчиненным и подавленным, когда русское население стало достаточно сильным, а инородцы более слабыми и заслуживающими попечения и помощи. Самые отношения и чувства племен принуждены были измениться, потому что причины вражды уничтожились; на почве мирной жизни предстояло стагаться ильм гражданским отношениям, а русской политике — изменить свои цели, зачислив инородческий элемент в число равноправных подданных. Таким образом, инородческий вопрос в современной жизни Сибири получил иной характер и значение.

Посвятив себя в последнее время специальному изучению инородческого вопроса в Сибири, мы, если и не намерены дать общую картину положения всех инородцев, в частности, с их современными нуждами и потребностями, то, по крайней мере, решились свести в одно целое вопросы, выдвигаемые современной жизнью большинства инородческих племен, и рассмотреть их по отношению к сибирской жизни. Этими живыми вопросами выступают ныне: 1) вопрос о дальнейшем существовании инородцев и предупреждении вымирания рас; 2) экономический вопрос об обеспечении их существования рядом с культурным вопросом их развития; 3) вопрос административно-политический, касающийся гражданского полноправия инородцев и гарантий закона, наконец 4) вопрос духовного развития и просвещения их так же, как обеспечение благ высшего человеческого существования. Разрешение этих вопросов связывается с той ролью, которая отведена будет этим народностям на нашем Востоке.

В числе указанных нами вопросов самым капитальным является вопрос о сохранении жизни рас и их дальнейшем существовании; он находится в связи с существующим явлением вымирания и уменьшения инородцев — явлением, весьма общим всем расам, покоренным и сталкивавшимся с народностями более сильными и многочисленными.

Конечно, прежде всего здесь необходимо констатирование факта: увеличиваются или уменьшаются инородцы в Сибири.

Для этого, разумеется, требовались бы более подробные исследования, чем доселе сделанные. В научном отношении этот вопрос почти не тронут, по крайней мере собрание ученых на конгрессе ориенталистов в 1876 году не могло дать никакого определенного на него ответа. Но и при настоящих имеющихся сведениях и источниках о сибирских инородцах нельзя сказать, чтобы не существовало некоторых весьма важных указаний и ответов по этому поводу. Мы позволим себе отметить отзывы некоторых историков, свидетельства путешественников, санитарные исследования и статистические исчисления, какие существуют. Свидетельства о многочисленном истреблении инородцев во время войны мы находим у Миллера, Фишера, Слоцова, составляющих сибирскую историю, а также в описаниях Камчатки Крашенинникова, у Гагемейстера и многих других.

Путешественники, посещавшие север, Камчатку и Алеутские острова, передавали о поголовном избитии инородцев и захватах их в рабство: таковы были походы Хабарова на Амур, Павлупкого в Камчатке. «Промышленники истребили большую часть алеутов, — говорит г. Шапков*, — в 1792 г. жителей на островах Уналашкинского отдела считалось 2500 человек, а до прибытия русских их было вдесятеро более этого». По мнению Врангеля, до покорения русскими народонаселение Сибири было гораздо многочисленнее и разнообразнее. Исследователи сибирских племен указывают на исчезновение многих из них; так, вымерли, не оставив следа, омоки, котты, хойданы, шеллаги, апоиты, маторы, асаны, аринцы и другие сибирские племена. Историк Шапов также констатирует факт о вымирании и уменьшении сибирских инородческих рас; кроме насилия и болезней, ослабивших их число, он находит, «что лишение их прежней свободы уменьшило энергию к плодородию; изменило действие производительной системы, организацию населения, рост и довело инородцев до вымирания».

Шапов в историко-философском спектре соединяет и освещает целую совокупность причин, способствовавших вымиранию инородцев (см. Русское слово 1865 г., статьи Шапова). Кроме ожесточенной борьбы и истребления во время сопротивления при завоеваниях русскими, масса инородческих племен, ослабляемая с вторжением русских, начала подвергаться междуособиям и нападениям от соседних азиатских и китайских сопер-

* Российско-американская кампания, историч. этюды Шашкова, кн. II, с. 297.

ников. Прежние союзы распадаются, и инородцы, лишаясь способности самозащиты, представляют беззащитные толпы. С юга киргизы и джунгары мстят северным инородцам за подданство России, нападают на них и уводят пленников. Сибирские татары подвергаются нападениям, енисейских киргизов истребляют калмыки, телесы нападают на принявших подданство телеутов. Калмыки, принявшие подданство России, после паления Джунгарии преследуются джунгарами. В 1756—1757 гг. калмыков преследуют и разоряют монголо-китайцы — ими было перерезано до полумиллиона населения. Киргизы также воюют с калмыками и т.д. Словом, в это время извне и внутри мы видим разрушение инородческих царств. Вторжения русских в Азию уничтожают прежние связи и отношения, повсюду происходит передвижение и разряжение сил, которое сопровождается разложением и катастрофами. Шельм пространства пустеют, инородческие племена эмигрируют. Огромное население на юге Сибири, оставшееся многочисленными памятники, куда-то исчезло без следа. Но уменьшение и исчезновение сибирских племен продолжается и позднее под действием более медленных, но губительных влияний. Г-н Шапков в своем исследовании положения сибирских инородцев в XIX столетии приводит многие факты положительного уменьшения сибирских инородцев. «На устье Индигирки видны до сих пор следы жилищ исчезнувшего народа омаков, «которые, по преданиям, были многочисленны, как звезды небесны». Во время русского завоевания существовал народ аринцы, в 1608 г. их было 300 семей. В 1753 г. Миллер и Гмелин видели последнего инородца, говорившего по-арински, наконец из 300 семей их осталось всего 5 человек. Богоратский род, бывший в 1763 г. одним из многочисленных во время ясачной комиссии, показан был *вымершим*, и в живых было 2 человека. В Туруханском крае с 1763-го по 1816 гг. вымерло $\frac{1}{2}$ инородческого народонаселения. Когда ясачная комиссия посетила Березовский округ, то не могла найти шести родов. Затем г. Шапков приводит статистические данные из различных документов, подтверждающие это уменьшение. В 1744 г. камчадалов обоего пола было 20000 человек, в 1823 г. — 2760, в 1850-м — уже 1951.

В Березовском округе инородцев обоего пола было 21001 человек, в 1828 году — 19652, убыло в 12 лет 1349.

В Томском округе с Нарымским краем в 1816 году было инородцев 10135 человек обоего пола, а в 1832 году — 9724 человека.

В семи барабинских волостях в 1846 году было татар 4918 человек, в 1858 году — 4419. В Тогоурском отделении населения убывло с 1763-й по 1816 гг. на 137 человек, а с 1816-го по 1832 гг. — на 306 человек.

В 22 волостях Кузнецкого округа инородцев в 1827 году считалось 5160 человек, в 1832 г. — 4399, убыв 761 человек. В пяти волостях Турипского округа в 1763 году было 555 человек, в 1816 г. — 467 человек.

В Енисейском округе с Туруханским краем в 1838 году инородцев было 7740 человек, в 1864 г. — 7483, убывло 257 человек. «Таким образом, несомненно, что во многих местах инородческое население *убывает*», заключает уважаемый исследователь (с. 291). Официальный исследователь по статистике Сибири Гагемейстер приводит подобные же факты о некоторых инородцах, как, например, вогулах: с 8-й до 9-й ревизии, по его словам, корешных вогулов убывло почти 50%. О том же уменьшении вогулов в последнее время свидетельствуют доктор Альквист и Малисв.

Доктор Соколов приводит исчисление остяков и самоедов в Березовском округе с 1763 г., где население в 1753 году увеличилось на 2431 человека, в 12 лет подросло прибыль была 259 человек, в 22 года уменьшилась на 127 человек. Вымирание остяков в Нарымском округе подтверждает Осипов, в Енисейском округе — Кривошапкин, о смертности енисейских же инородцев свидетельствует академик Миддлдорф. Наконец последнее изучение и сличение числа инородцев в Западной Сибири привели нас к следующим выводам.

Вогулов в 1838 году в Тобольском и Туринском округах было 4527 человек, в 1859 году по спискам населенных мест Тобольской губернии — 3286. В 1875 году по официальным сведениям — 3913 человек. Таким образом, с 1838 г. началась положительная убыль, а в последний период самое пичтожное приращение.

Население остяков и самоедов во многих волостях представляет положительное уменьшение, в чем мы убедились, сравнивая статистические сведения в Козьмой, Подгородной, Липинской и Куноватской волостях, а также в Сургутском округе. Точно то же уменьшение инородцев мы видим из последних сведений в Нарымском округе (в 1869 г. — 7611 д., в 1878 г. — 7127). То же подтверждают и податные списки; ясак накладывался в 1834 году в Томском округе на 4965 д., в 1842 г. — на 2608, в 1878 г. — на 2134.

В Мариинском округе еще в 1868 г. считалось инородцев 2439 д., в 1878 г. — только 1870 д. Но что всего поразительнее — это уменьшение инородческого оседлого населения в Западной Сибири.

В 1851 году его считалось	40470 д.
в 1868 г.	37153 д.
в 1878 г.	37880 д.

Факты эти подтверждаются ухудшением быта и разорением тобольских, тарских и других тагар, так же, как и несчастным их положением, доказательством чего служат огромные подаянные недоимки. Кроме приведенных данных об уменьшении числа инородцев, вымирание их подтверждается сызавна свирепствующими среди них эпидемиями, производящими здесь свои опустошительные действия. С половины прошлого столетия известно множество эпидемий, свирепствовавших между инородцами, между прочим — оспа, тиф, цинга, проказа и сифилис. Эти болезни поглощали тысячи людей, находившихся без всякой медицинской помощи. В половине прошлого столетия оспа свирепствовала в Забайкалье, в Камчатке, в Енисейской, Томской и Тобольской губерниях. В 1768 году погибало от нее до 20000 камчадалов. В 1824—1825 гг. на Лене от горячки вымерли тунгузы. В Туруханском крае тиф и оспа не прекращались. Проказа (terga) и ужасная болезнь elephantiasis², по словам доктора Кибера, распространена между всеми северо-восточными инородцами.

Доктор Соколов свидетельствует о печальном положении Березовского округа, где оспа, тиф и сифилис имеют широкое развитие и угрожают обезлюдением северу*. Сифилис был занесен в этот округ уже в начале XVIII столетия, о чем упоминает спутник Филофса Лепинского Новиткий. «Человеку плотно съедает уста, нос, ноги и многим все тело даже до костей, — пишет он. — Егда кого начинает сия болезнь язвити, то он не токмо не имеет попечения о исцелении, но ниже, ради облегчения язвы согнишии чем прикрывать; но не ради о сем, бесстыем обьяв язву, за промыслом идет, и доселе ходит донеле же язвою весь поражен палает». Болезнь эта скоро получила название березовской проказы; распространение ее было так сильно, что в 1830-х годах д-р Белявский, посетивший Березовский округ для исследования сифилиса, доносил, что нет почти ни одного инородца, который бы не был заражен им. Болезни

* «О болезнях в Березовском округе» д-ра М. Соколова. Архив суевб. медицины 1867 г.

являются на севере осложненными, часто сифилис, ревматизм и шинга соединяются в один чудовищный бич. Подобное же положение инородцев в Нарымском округе описывает врач Докучаев. Штаб-лекарь Богданов свидетельствует о страшной болезненности в Туруханском округе. Недавно изданный Санитарный очерк Западной Сибири подтверждает беззащитное положение инородцев до последнего времени и свирепствующую среди них болезненность. В Березовском округе, по словам отчета, распространены среди инородцев глазные болезни от жизни в чумах и влияния ослепительного действия снега, глисты от питания рыбой, накожные сыпи от нечистоты и сифилис в различных формах. Инородцы весьма редко обращаются (а большинство и не может обратиться за дальностью расстояния) к единственному врачу в Березове. Смертность от болезней весьма значительна: в Сургутском округе 19,3% смертности дает кровавый понос и 8,8% — сифилис, здесь весьма часто бывающий смертельным. Некоторые эпидемические болезни приобретают характер стационарный. «Если прибавить, — говорит отчет, — губительное действие между инородцами оспы и весьма неудовлетворительное устройство в северных округах медицинской части (временами наезжающий один врач на все население), то нельзя не вывести того печального заключения, что северные инородцы, эксплуатируемые, кроме того, рыбопромышленниками, обречены на вырождение.

Статистика указывает на уменьшение самоедов. (В 1828 г. — 5140 человек обоего пола, в 1868 г. — 4705 человек). Подобное же вырождение (вымирание?), вероятно и у других северных инородцев, конечно, будет продолжаться, если не подоспест правительственная помощь*. Тиф и сифилис, по словам того же медицинского отзыва, угрожает в Сибири развиться до ужасающих размеров. Таким образом, вымирание инородцев от болезней тоже должно быть признано фактом. Далее инородцы при скудных и случайных способах обеспечения и с изменением их прежнего распределения начали чаще и чаще подвергаться голоду, известному еще с прошлого столетия и кончившимся смертностью и людоедством. Г-н Шашков в описании положения инородцев приводит несколько характеристических случаев подобного людоедства в Туруханском, Березовском округе и других. (В 1847 г. о людоедстве у инородцев печаталось в «Северной почте»). В

* Очерк Санитарного состояния Западной Сибири, сост. при Запано-сибирском военно-медицинском управлении. Омск, 1880, с. 56, 58, 86.

1814–1816 гг. голод уничтожает население Туруханского края, в 1827 году он свирепствует среди остяков в Нарымском округе, в 1844 году — в окрестностях Аяна. В 1862 г., по словам доктора Соколова, голод настигает инородцев Березовского округа. В 1878 году доносятся слухи вновь о таком же бедствии в Нарыме. Голод в Енисейской губернии, на Лене, в Камчатке составляет редкое явление. Если печальные последствия и влияние голода страшны в странах более населенных и обладающих путями сообщения, то они должны были в несколько раз сильнее отражаться на инородцах. В отдаленных пустынях, где эти люди лишены всякой помощи, картина голода у них ужасающая. В Туруханском крае в 1814–1816 гг. русские и инородцы питались падалью и хитовой корой. Умирало много дикарей и русских, живших по берегам Енисея. Трупы умерших от голода валялись по тундре. Даже около Туруханска валялись трупы, оторванные члены которых растаскивались по улицам города. В одной семье с голоду мать съела дочь, потом сыновьям приказала убить брата, семья несколько дней питалась его мясом, наконец съели второго сына. Когда вышло мясо и голодная смерть начала угрожать, мать снова приказала одному из оставшихся сыновей убить другого и, раздраженная отказом, бросилась на него с пожом, но братья зарубили ее топором и питались несколько дней трупом матери. Наконец они таскались по тундре, отыскивая трупы или живых людей. На дороге они открыли тело остяка и съели его (Шашков. Инородцы в XIX столетии). Доктор Соколов, говоря о голоде в Березовском округе в 1862 году, говорит, что инородцы здесь ели кротов и мышей. Осипов, описывая голод в Нарымском крае, говорит, что люди с жадностью истребляли падаль и ловили плывущие по реке трупы.

Беспомощное население среди глухих пустынь при таких условиях гибло часто бесследно, и только вдолге после несчастья слух об их бедствиях доносился до жилых мест Сибири. В 1881 г. разнесся слух тоже о голоде в Нарымском округе, и затем появилось не описание этого голода, а сообщение, что вышел на место его исправник. Но в состоянии ли он будет прекратить бедствие — не объяснено. В «Сибирской газете» 1881 г. (№№ 21 и 22) между тем раскрыто, в каком бедственном экономическом положении издавна находится этот край и его население. Таким образом, факт вымирания и уменьшения инородцев в Сибири должен быть признан как несомненный. В истории встречается несколько весьма крупных причин, прямо

влиявших на уменьшение инородческого населения и объясняющих это явление. Эти симптомы бедствий стоят рядом с другими — обеднением и ухудшением экономического состояния. Точно так же рядом с уменьшением и вымиранием некоторых племен заслуживает внимания весьма малый прирост сибирских инородцев, показывающий слабую производительную силу расы. Так, по нашим исследованиям, встречаются такого рода выводы. Татарское оседлое население в некоторых волостях Тобольского округа в 25-летие давало весьма слабый прирост, а именно: на 2057 человек едва 100 человек, в других — только 40 человек, в Тюменском округе в 12 лет татарское население с 9083 д. увеличивается только на 19 человек. В Брезовском округе в 53 года последние остяков с 21000 увеличилось едва на 2400 д. и так далее. Такого же внимания заслуживает непропорциональность полов среди северного кочевого населения, причем мужчины встречается более, чем женщины, процент жеппипи падает до 30 и 40% на мужское население, что далеко не способствует нормальному размножению.

Факт вымирания и уменьшения инородцев, правда, не охватывает все местности и все сибирские племена; так, исключение составляют, по-видимому, пока южные кочевники — буряты, киргизы и калмыки. Хотя среди последних появляются ныне те же признаки бедствий, но тем не менее отрицательное явление охватывает такую массу других племен — остяков, самоедов, тунгузов, вогулов — и распространяется даже на оседлых татар, что несомненно заставляет задуматься.

Что, если в Сибири повторится судьба многих австралийских и американских племен: что, если и здесь повторится драма гибели последнего тасманца или оправдается предсказание одной печальной самоедской сказки, в которой рассказывается, как у самоедов стояло 700 палаток, где жили 700 человек, ими управляли 7 мужей, все они были бездетны, и только у одного был ленивый и слабосильный сын. В одно утро он проснулся и увидел, что все люди его племени умерли, а все олени пропали. Он шел по пустыне, несчастный и беспомощный, он падает от усталости, грызет кости, обглоданные уж собаками. Встречаются ему люди, но безжалостные люди других племен, которые коварно и враждебно относятся к нему, его бьют и несколько раз убивают, каждый раз, однако, его воскрешает мифическое существо — однорукий и одноглазый старик с железной палицей.

Неужели эта несчастная судьба долго будет преследовать сибирского инородца, и кто явится волшебным стариком, сжалившимся над ним и пробудившим жизнь?

Исследования доказывают, что явление вымирания и уменьшения инородцев в Сибири связано с постоянным обеднением инородческих племен, упадком быта, обнищанием и всеми сопровождающими это явление бедствиями.

Обеднение и жалкое состояние оленеводов, сопряженное с уменьшением оленя, замечается на всем севере Сибири, начиная с Мезенского края Архангельской губернии, продолжая Березовским краем, Туруханским и кончая оленными чукчами. Кенан и Нейман одинаково свидетельствуют об уменьшении оленей и бедствиях, постигающих инородцев как последствия этого явления. (Нейман. «Исторический обзор действий Чукотской экспедиции». Извст. восточно-сибирск. отдел. Географич. Общества за 1871 г., вып. 3, №№ 4 и 5). Обеднение и нищенское состояние березовских остяков было замечено уже Кастреном. Он положительно указывает на бедность остяков-рыболовов, жизнь которых все более ухудшается под влиянием упадка рыболовных промыслов и эксплуатации остяков русскими рыбопромышленниками. То же самое подтверждает доктор Соколов в своем санитарном описании Березовского округа. Г-н Поляков в «Путешествии на север» удостоверяет, что все рыболовные пески на Оби захвачены русскими и что остяки и инородцы составляют кабальное рабочее сословие, лишенное собственных промыслов*. В Нарымском крае множество инородцев бросили зверопромышленность и поступили в работы к купцам, мещанам и крестьянам. Другие все переселились в Тарский округ и поступили в работы к крестьянам. Те васюганские инородцы, которые обременены большими семьями и не могли поступить в работы, остались скитаться в окрестностях. «Надо видеть, — говорит очевидец, — это несчастное семейство, которое должно жить под открытым небом, вырыв под густым деревом яму в снегу и устлав ее ветвями хвойного дерева. Эти бедняки в своих рубищах кос-как отогревают у костра свои заковевшие члены. Женщины разрешаются здесь от бремени и, не имея приюта и для прочих детей, отогревают только на холодной груди в 45 градусов мороза своего ребенка».

Инородцы в кабале у крестьянина гибнут и материально, и нравственно (отзыв Осипова о жизни в Нарымском округе).

* Поляков. Письма и отчеты о путешествиях в долину р. Оби, стр. 74—76.

Г-н Павлов, путешествуя по Оби, описывает самое жалкое материальное положение инородцев*. О енисейских остяках академик Миллендорф говорит следующее: «Во всей Сибири я не видел таких жалких кочевников, как остяков у Бахтинского селения. В лохмотьях, дрожа от холода, они приходили ко мне жаловаться, что им отпускают очень мало хлеба из казенных магазинов. Один из видных инородцев перенес голодный тиф и страдал еще болью в икрах. Мне рассказывали, — говорит путешественник, — что умирали не только отдельные лица, но даже целые чумы. Повторялась старинная история о гибели этих народов. Они погибали от соприкосновения с развитием культуры, в особенности с наплывом золотых приисков и неизбежного с ними разгула. Для инородцев были построены казенные хлебные магазины, но о возврате займа не могло быть и речи. Когда беднякам, с каждым годом должавшим, прекратили выдачу продовольствия, они начали умирать с голоду». (Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. II, ст. 14, 659, 660). Быт карагасов, камчалалов, чукчей и прочих северных бродячих и кочующих инородцев представляется не лучшим. Доктор Альквист, исследовавший обстоятельно быт вогулов, удостоверяет как умнышние их, так и полное обеднение вследствие упадка промыслов, болезней, пьянства и эксплуатации русскими. Наконец еще более изумительную картину представляет умнышние в числе, отступление от культуры и обеднение сибирских оседлых татар. В Тобольском, Тарском и других округах эти татары были до половины прошлого столетия богатым сословием Сибири, они были оседлы, имели земли и угодья, купленные и жалованные, занимались торговлей и обладали капиталами. Быт их в настоящее же время совершенно нищенский, они лишились земель, представляют полудикое несчастное население, почти сплошной пролетариат. Несостоятельность их признана официально, и за ними в Тобольской губернии считалось 480234 рубля безнадежных недоимок. Их несостоятельность объяснялась упадком промыслов, неурожаями, пожаром лесов и уменьшением зверя (журнал Главного управления Западной Сибири, 1879 г., № 154). В заключение положение их является в настоящее время почти непоправимым. Земли у них заложены крестьянам, земледелие ничтожное, скот выпал, и

* Обеднение Нарымского края свидетельствуется падением пушной торговли. До 1844 г. отсюда вывозилось товара на 200000 р., в 1844 г. — 30000 р. и в 1854 г. — на 13000 р.

сами татары признаются ленивым и апатичным населением. В подобном же положении находятся барабинские татары, бывшие прежде также более богатыми (см. о барабинских татарах. Князь Костров, а также Вагин. Томск. губ. ведомости. Каинская Бараба). То же уменьшение и обеднение татар происходит в Томском и Мариинском округах. В 1868 году мариинских татар считалось 2439, а в 1878 году — 1870 человек. Ухудшение быта при столкновении с русской культурой замечается, кроме того, не в одной северной и средней Сибири, но и среди южных кочевников. Так, быт алтайских калмыков, все более отсыняемых русским населением, по словам всех путешественников и, наконец, по местным свидетельствам, не представляет ничего отдаленного. Было время, когда гордые калмыки считались богатым сколовческим народом, стала их были громады. Несколько лет тому назад ученый ориенталист и путешественник В. В. Радлов видел еще в Алтае некоторые признаки богатства и значительные табуны, но через несколько лет и они исчезли, перейдя в руки русских промышленников. Русские люди, въезжая в чернь леса, лишают инородцев последних средств пропитания. Благополучие алтайских калмыков, свидетельствует исправник Замятин, в последнее время сильно пострадало, так что весьма уже редко встречается калмык, который имеет большое количество скота (Памятная книжка Томск. губ., 1871 г., стр. 236).

То же падение быта свидетельствуют и другие путешественники. «Ни купец, ни миссионер, ни чиновник не спас алтайца от обеднения», — говорит автор примечаний к Риттерову земледелию Азии.

Посетив Алтай в 1878-м и 1880 годах, мы сами убедились, что быт калмыков и черневых татар не улучшается, а ухудшается. Русское население все более вторгается в Алтай, множество холостей и русских селений раскидано на месте бывших кочевий. Крестьяне поставили в калмыцких землях пасеки, купцы — заимки и магазины для склада орехов. Стада забраны за долги и перенли к купцам; на целые десятки верст не встречается инородческих табунов — они принадлежат торговцам и крестьянам, хотя и пасутся калмыками. Огромное количество бедняков ныне наполняет кочевья и леса, и даже в пустынных местах, как около Телеского озера и на Чульпмане, мы не видели среди инородцев ничего, кроме бедности.

Те же признаки обеднения и упадка хозяйства замечаются и среди киргизского населения, обладавшего огромным количе-

бири было не более, то во всяком случае они раскидывались шире и свободнее, чем ныне. Отзывы историков и путешественников о жизни инородцев в прошлом и начале нынешнего столетия показывают, что древний быт их был гораздо обеспеченнее настоящего. Все это говорит, что факт обнищания инородцев, упадок их промыслов и постигающее их вымирание есть факт позднейшей истории и современного их положения. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить и сообразить ту сумму исторических влияний и все те изменения в инородческой жизни, которые произошли со времени покорения Сибири.

Прежде всего нам приходится обратить внимание на то, что район размещения инородцев не остался тот же самый, как до пришествия русских, он все более и более суживался и, наконец, явился довольно ограниченным в то время, когда население инородцев не могло не увеличиваться в общей сумме. Район же промыслов при заятии края русским населением все более отодвигался и ограничивался. Само собою, что большинство лучших земель и угодий перешли к русскому населению. Точно так же, как в Америке индейцы отодвигаются на запад, так инородческие племена Сибири отодвинуты на север и на юг, небольшие же оазисы и клочки инородческого населения внутри Сибири замкнуты русским населением. Понятно дело, что с уменьшением земельного района для звероловства, охоты, рыбной ловли, с сокращением пастбищ и уменьшением возможности передвижения сокращались и средства пропитания. Это первое. Второе: самые территории, куда инородцы были отселены и где они по необходимости должны были размещаться, далеко не всегда по климатическим, топографическим и физическим условиям соответствовали тем местам, которые они прежде занимали. Весьма различна перемещение и переселение добровольное по выбору от перемещения по необходимости, поэтому многие инородческие племена могли не найти ни тех удобств жизни, ни того естественного богатства и изобилия природы, каким прежде пользовались. Нечего говорить, что север Сибири и полоса тундр были менее гостеприимны, чем лесная и средняя полоса Сибири, солонцеватая и голая степь беднее для пастбищ, чем степи и луга близ больших рек и озер, занятых русскими.

Инородцу приходилось приучаться, приурочиваться к новому климату и условиям не постепенно, но сразу — вот начало того экономического кризиса, который мы рассматриваем. Про-

песс оттеснения инородцев и ограждение их района продолжается вместе с успехами колонизации, расчисткой лесов, занятием устьев рек, долин и т.д. Мало того, уголья инородцев не остались неприкосновенными и в тех местах, которые составляют, по-видимому, круг их района. Русские колонии не оставили инородческого района, мы видим поселения русских промышленников и торговцев на Крайнем Севере, в Обдорске, в Березоне, в Самаре, в Нарыме и других местах. На юге колонизация вторглась в калмыцкий район, средина Алтая занимается пассками и заимками, в киргизской степи лучшие земли взяты в собственность казачьего войска. По отношению к распределению землевладения замечается повсюду факт перехода лучших земледельческих угодий, лугов, сенокосов, наконец, рыбных ловель к русским.

Затем нам приходится обратить внимание на истощение естественных запасов и продуктов природы, которыми питался дикарь. Нынче факт уже несомненный, что зверь уничтожен во многих местах Сибири, в других местах он остается в ничтожном количестве. «Нсурожай» зверя чаще и чаще встречаются. Уменьшение это совпадает с заселением края, с истреблением и выжиганием лесов, которое водворилось и вошло в обыкновение с приходом русских, наконец, с усиленной эксплуатацией зверя, рыбы и всяких других продуктов. Напряжение сил инородцев между тем явилось больше, отлучки становились опаснее, изнуждение чувствовалось сильнее. Ранее инородец без особого труда добывая себе известное количество зверя и рыбы, употреблял их на собственные нужды, и более ему ничего не требовалось. Теперь он обязан был добыть известное количество зверя для себя и семьи, затем для оплаты ясака и всех поборов, какими его облагали, для того, чтобы откупиться от притеснений, завоевать себе безопасность; но и этого мало: он теперь напрягает все усилия добыть возможно более по требованию рынка. Он становится рабом этого рынка или торговли, которая импульсирует, побуждает инородца к большему истреблению царств природы, не заботясь о будущих средствах его пропитания.

Истощая один промысел, инородец переходит к другому, такие переходы в занятиях племен не под влиянием культуры, а чисто под влиянием случайных жизненных условий весьма капризны. Оленевод часто, обеднев, делается рыболовом, так же, как и охотник-рыболов, предав рыбные уголья, бросается в леса, инородец часто от высших привычек жизни переходит к низ-

шим. Выловив зверя, он истощает рыбные запасы, все это продает за бесценок и нимало не окупает свою жизнь. Он, добывающий и соболей, и черно-бурых лисиц, бобров и горностаев, посявший у груди своей драгоценнейшие меха, не в состоянии обогреться и мрзнет в тундрах, кочнсет от холода в лесах, вылавливая огромных осстров, нельм, щук, семгу, налимов и стерлятей, он страдает нередко от голода и съедает своих собак. Что может быть изумительнее! Но тем не менее это так, потому что рынок берет у него все, но не удовлетворяет его потребностям.

Вкусы и требования дикаря создаются под влиянием особых законов. Он увлекается часто предметами и произведениями не столько утилитарными, обеспечивающими его жизнь, совершенствующими и направляющими ее к лучшему, сколько потакающими его страсти и детскому увлечению. Чаще всего дикарь обольщается блестящими, но дешевыми игрушками, украшениями, как дитя, за которые готов отдать лучшие произведения своего труда, что его ставит в весьма невыгодные условия. Затем он ищет минутного удовлетворения ощущений и страстей; всякий наркот, будь то табак, вино или опиум, для него является соблазнительным и развивает в нем страстное влечение и губительную привычку. Торговля в этом случае — плохой руководитель жизни, она предлагает то, что соблазнительнее, но не то, что полезнее, и мало заботится о последствиях.

Собственно нормальных условий торга с инородцами никогда и нигде не существует. Если с одной стороны перед ним является богатый рынок с своей разнообразной мануфактурой, окрепшей под влиянием цивилизации, то дикарь является невооруженным сырьевщиком. Покупатель располагает денежными знаками, мелкими ценностями, кредитом, наконец, массой товаров, у него целая экономическая армия со всеми родами войск, с целой торговой стратегией, у дикаря ничего, кроме убогого его продукта. Он получает и товар, и деньги, он обязывается долгом покупателю и чувствует от него полную зависимость. У представителя рынка более ума, знания, хитрости и, главное, бесцеремонности, кодекс нравственности у него вычеркнут, хотя он и является под маской благодетеля; инородец выходит с открытой душой, простодушием дикаря и первобытной детской честностью. Замечено, что если торговцы допускают всевозможные начеты и обманы, то инородец старается честно платить долги, не подозревая, что они записаны двойным

мелом. Самые худшие элементы цивилизации группируются около дикаря с целью наживы. Все это ставит обмен в самые невыгодные условия. Европейский рынок поэтому делает ипородща рабом, но не поднимает его экономической и культурной жизни. Силу и могущество этого рынка хорошо сознают высшие расы и цивилизаторы. Достаточно англичанам было забросить в глухие места Азии и Америки красные европейский платок, и участь дикаря была решена. Потребность развита, а с этим создана и зависимость; зависимость крепчайшая, чем зависимость от силы и оружия. Теперь признано, что во всех странах дикарей европейская торговля при существующих приемах эксплуатации наводила чуть ли не более зла, чем добра. Эксплуатация, разорения и опустошения, произведенные ею, стоят предшествовавших войн. Сибирские дикари, обставленные еще более грубыми и бессердочными торговцами, не избежали своей участи. Познакомясь с хлебом, водкой, табаком, порохом, железом, они постоянно требуют их, и, получая эти предметы по неизмеримой цене, истощили все средства, перепродали все продукты свои, но потребность осталась неудовлетворенною, и они остаются в положении умирающего Тапала¹⁵. Вот источник экономических бедствий. В результате явился весьма странный факт. По словам путешественников и исследователей, те инородцы чаще терпят бедствия, которые познакомились с хлебом. Доктор Соколов приводит, что березовские инородцы прежде питались оленьим мясом, молоком и рыбьим жиром, пила эта, имея азотистые вещества и углеводы, была здорова. Нынче же хлеб, доставляемый промышленниками, самого дурного качества, мука затхлая, что, часто не удовлетворяя питанию, развивает болезни. Самоеды, оставшиеся при животной пище, здоровее остяков. Мишкендорф говорит то же о тунгузах, для которых были созданы хлебные магазины. Когда отпускали хлеб в дом, инородцы брали его, но не могли оплатить долга; когда перестали отпускать хлеб, они начали вымирать. Казенные хлебные магазины создали наживу для вахтеров, обогащавшихся продажей хлеба инородцам по произвольной цене, та же продажа в руках торговцев приносила не меньше злоупотребления. В том и другом случае результаты явились плачевные. Бедность сидячих чукчей и инородцев сравнительно с кочевыми оленеводами свидетельствуется Нейманом, американцем Кенаном и доктором Шперком. (Топографо-патологические очерки Восточной Сибири). Многие тун-

гузы, остяки, чукчи после истребления оленя перешли к рыболовству и сделались оседлыми рыбаками. Положение этого — признак полной нищеты и бедности, положение это презирается. Иные от скотоводства переходят назад к звероловству. Таким образом, у инородцев является регресс в жизни и развитии, как следствие обеднения, — факт, указанный уже Теилором (см. Доисторический быт человека и начало цивилизации, стр. 246). В киргизской степи люди, потерявшие скот, также делают оседлыми, но это не признак культурного развития, это последняя степень бедности. Резче всего бросается в глаза тот факт, что снабжение хлебом и казенным порохом инородцев не только не подняло их быта, но, создав новые привычки, в конце сделало их положение безвыходным*.

В жизни инородцев при уменьшении угодий и промыслов и с развитием потребностей осуществился тот безжизненный закон, который превысил их потребности над способами и средствами пропитания; при ухудшающихся условиях жизни и при первобытной культуре инородец поставлен искусственно в такие условия, что не в состоянии окупить своего существования. Вот где лежит ключ к общим его бедствиям. Рассматривая эти сложные причины ухудшения быта, обеднения, голода и сверхпашающегося вымирания, мы должны прийти к заключению, что причины эти лежат далеко не в одних физических условиях и не в свойстве рас, но все бедственные условия их, как болезни, заразы, эпидемия и т.п. несчастья, есть результат безвыходных окружающих обстоятельств, ухудшения экономического положения и беспомощной жизни инородцев. Сообразно с этим предстоит в предупреждении вымирания позаботиться об улучшении быта и экономическом положении населения, обеспечив его в смысле гражданских прав от вторжения всякого насилия. Весьма видную роль в улучшении быта инородцев должно было бы играть наше культурное влияние. Несомненно, что успехи наши в распространении культуры были бы сильнее, если бы знали лучше быт и положение наших инородцев. К сожалению, этого-то у нас не доставало, и наши культурные завоевания совершались помимо нас там, где мы не подозревали. Кузнецкие черные татары, считающиеся доселе диакрями, звероловами, даки, например, более представителей

* Шашков. Положение инородцев в XIX ст., стр. 259. Нарымские инородцы. Сибир. газета. Путешествие по Восточной Сибири Миддендорфа.

оседлого быта, чем кочевники-скотоводы, на которых преимущественно сосредоточивалось внимание. Попытки побуждения и принуждения кочевников-помадов к переходам в оседлое состояние продолжают до сих пор, но решительно не имеют успехов. Это бывает большей частью плод легкомысленных проектов и местных канцелярских измышлений.

Несколько говорить, что изменить культуру народа, обусловленную физическими условиями и вековыми привычками, не так легко, как и заставить предпочесть одно хозяйство другому. Такие переходы совершаются под влиянием весьма сильных экономических стимулов, по мере накопления средств и знаний в населении. Часто весьма цивилизованные народы предпочитают скотоводство земледелию. Пример тому представляет Австралия, Америка и т.п. Замечательно, что наши побуждения и средства всегда состояли только в принудительных и стеснительных мерах, которые скорее отталкивали и запугивали инородцев от всяких заимствований. Составлялись приказы заниматься инородцам земледелием, но при этом не спрашивалось о их способностях. Выходя из теории, что необходимо заставить заниматься земледелием, предполагается заставить, например, киргизов сделаться оседлыми путем запрещения перекочевок, раздачей земель русским в степи и стеснением кочевого образа жизни. Между тем перекочевки киргизов были экономической потребностью передвижного скотоводства, которое доставляло пропитание миллионному населению. Стеснение передвижений и лишение лучших угодий привело киргизов к обеднению, падежу скота и голоду.

Требую часто невозможного от скотоводов, где физические условия не позволяли перемену хозяйств, мы упускали из виду племена, весьма близкие к земледельческому быту. Многие оседлые волости черневых татар и кумандинцев, занимавшихся земледелием, записаны в кочевые, а земли их раздаются крестьянам для поселений. Таким образом, инородцы лишаются своих папел и лугов. Подобные же последствия предвидятся в киргизской степи. Этим самым принуждая инородцев в одном месте к земледелию, в другом мы лишаем их возможности заниматься этим промыслом.

Из этого видно, что культурный вопрос наших инородцев остается далеко не разрешенным и, при существующих отношениях русских к этим племенам, весьма затруднительным.

Условие разрешения инородческого вопроса

IV.

Гражданское положение инородцев. — Наше законодательство. — Покровительственная политика. — Ясачные комиссии. — Инородческий устав Сперанского. — Современное положение инородцев и роль местной администрации. — Ясачные сборы и злоупотребления. — Опека и снабжение хлебом инородцев. — Распространение христианства. — Попытка просвещения. Условия, при которых они могут достигнуть успехов. — Задачи цивилизации. — Будущность инородческих племен.

Нам предстоит далее рассмотреть гражданские условия существования инородцев на Востоке и тот ряд законодательных мер, которыми правительство стремилось дать им известные права. С самого покорения Сибири правительство признавало необходимым оказывать покровительство завоеванным народам, указы твердили воеводам, чтобы они обращались «кратко» с покорившимися, и служилым людям повелевалось «приказывать накрепко, чтобы они, ходя за ясакom, ясачным людям напрасных обил и налогов отнюдь никому не чинили, а собирали бы с них ясак ласкою и приветом»*. Идея покровительства и заботы об инородцах еще резче выступает в наказах Екатерины II, которая смотрит на Сибирь, как на инородческую колонию и русскую Индию, где необходима либеральная колониальная политика. Общечеловеческие идеалы XVIII столетия заставляют ее смотреть на мир, а также и на империю, как на арену, где должны примириться все племена. В это время императрица простирает свое внимание до вызова инородцев-дикарей ко двору, до покровительства бухарцам в Сибири, предоставления им многих привилегий, как торговому сословию, и водружению некоторых символов инородческого царства. В своих указах Екатерина II является настоящею защитницею и покровительницею обиженных инородцев. Взгляд этот выразился довольно определенно в указе по поволу засылки майора Шербачева для переписи инородцев в

* Истор. Соловьева, т. VII, стр. 390, 391, т. IX, стр. 430, 431.

1763 г. «Монаршим нашим словом обнадеживасм, — говорилось в этом указе, — что не только все подвластные подданные наши ясачные, равным образом и впредь в империю нашу и в подданство приходящие, содержатся будут в желасмом спокойствии, почему мы все нашим верноподанным повелесвам с оными ясачными обходиться ласково, показывая им всякое доброхотство и не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительств, но пиже малейших убытков; если же кто за сим нашим монаршим повелением дерзнет чинить ясачным народам нашим грабительства и разорения, а от ясачных в учрежденных от нас правительствах принесены будут нам на кого во взятках и в прочем тому подобном жалобы, то повелесвам пастрожайше следовать и с виновными поступать по законам, а обидимых по справедливости защищать без промедления малейшего времени, о чем сей наш манифест по всей Сибирской губернии публиковать во всенародное известие» (Манифест 1763 г. июня 13 дня). Вместе с тем при Екатерине II за оседлыми инородцами было весьма много укреплено земель. К сожалению, этот взгляд государей не получил применения в Сибири. В 1763 г. учтено было число инородцев в 186000 человек и положен оклад 165000 р. Притеснения инородцев между тем не уменьшались, несмотря на внушения правительства, оклад продолжает оставаться неизменным до Сперанского, т.е. до 1822 г., или, скорее, до новой ясачной комиссии; между тем число инородцев во многих местах изменилось. Так, в Туруханском крае вымерло от голода и болезней до $\frac{3}{4}$ инородческого населения, тогда как остальные должны были нести весь оклад*. Уложение об инородцах Сперанского в 1822 г. пыгается ввести порядок в управление инородцев, разделить их на разряды по образу жизни и дать им некоторые гарантии самоуправления, образовать инородные думы, управы и т.д. Но и этот устав, замечательно доброжелательный по духу, не мог осуществиться и пошел точно так же только к недоразумениям. Прежде всего едва ли какая-либо классификация могла быть сделана без точного исследования быта инородцев, одним канцелярским путем. Еще более явилось произвола при осуществлении этого устава и зачислении инородцев в разряды. Эти недостатки в регламентации были обнаружены в 1828 г. новой ясачной комиссией. Ясачная комиссия старалась только поправить разряды и установить новый определенный оклад. Этот оклад по переписи 1835 г. остается неизменным и доселе, а законодательство для

* Шашков, Положение инородцев. Ист. этюды. стр. 174.

инородцев, созданное Сперанским, продолжает существовать более полувека в нашем своде законов. Несмотря на его благие желания урегулировать управление инородцев и дать им некоторые права и законы, тот устав решительно не привился на деле в Сибири. Дух его остался непонятным, неувоенным, а быт инородцев остается в том же, если не худшем виде, чем до устава Сперанского 1828 года. Уступки инородческому обычному праву не оказали никаких гарантий. Древнее самоуправление исчезло, старый общественный союз разрушился, новый не создавался, и инородцы представляли стадо, загнанное земской полицией. Там, где инородцы обязывались организовать волости, там все вручалось присланному писарю, который и являлся хозяином и посредником волости с властью. Распоряжения таких писарей инородческую судьбою вели только к массе злоупотреблений и поборам. Инородческая волость являлась подчиненной на деле одним земским заседателям, власть которых являлась бесконтрольной. Это давление земской полиции, ее бесцеремонный характер, низкое развитие, ограниченное содержание в Сибири и скорые стремления не позволили возворить ни малейшего порядка и справедливости в волостях, а создали многочисленные злоупотребления, безответные поборы, практикуемый произвол, жестокие наказания, нечеловечное обращение с инородцем, уничтожали всякие следы законности. Вдали от надзора мелкие исполнители и земская полиция с своими нравами дискредитировали таким образом лучшие намерения правительства. Сибирские заседатели и исправники до последнего времени свирепствуют в инородческих волостях, ни указов государей, ни законодательство, ни гуманный устав Сперанского, ни страх закона, ни внушения человеческой совести не могли защитить, оградить инородца и заставить уважать его человеческие права. При отсутствии знаний инородческого быта, распределения инородцев и движения населения переписка об устройстве инородческих волостей и общественного управления продолжалась несколько десятков лет, но, к сожалению, от неумения организовать это дело не привела ни к чему. «В течение 40 лет дело это ограничивалось мертвой кашчеларской перепиской и не заключает ничего, что бы можно было сделать заключение о том, что и как следует учредить между инородцами». Таков был официальный приговор этого дела*. «В основе административных начал, — говорит журнал Томской казенной палаты, — должен лежать быт

* Журнал Томской казенной палаты по 1864 г.

народа, т.е. его нравы, обычаи, образ жизни, степень развития, а равно и местные условия; чтобы безошибочно определить, какой порядок управления свойственнее и полезнее для инородцев, необходимо знать их прошелдсс и настоящее, и для этого необходим ум пытливыи, наблюдательный, деятельи научные и привычные к такого рода трудам, между тем из 40-летней перспективы видно, что столь серьезный труд возлагался на земскую полицию, на земских заседателей, у коих не было ни времени, ни умения взяться за это дело как следует, почему весь труд являлся в мертвой канцелярской отписке бумаг, парализованной вс распоряжения местной высшей власти». Но вслед за вопросом управления является не менее серьезным и, пожалуй, более важным вопросом податного обложения инородцев. Ясачные сборы причинили сыздавна немало беспорядков и служили поводом к ухудшению быта инородцев. Ясачные сборы с инородцев мехами стали с первого же раза благодаря недобросовестности сборщиков тягостью и разорением для инородцев; несмотря на огромные поборы, за инородцами все-таки показывались недоимки. Вслед за покорением Сибири в 1596 г. мы находим сведения об обременении пелымских и нарьмских инородцев сборами, вследствие чего уменьшались с них сборы ясака и прощены недоимки. Те же явления продолжают во все последующее время, инородцы жалуются на разорение, насилие над ними; правительство приказывает, по возможности, шадить инородцев и взыскивать одну только подать, но никакие меры и самое прощение недоимок не помогает. В 1763 г. составляется Шербачевым перепись инородцев, и на инородческое население в 186000 палагается ясачный оклад в 165000 рублей; оклад этот не мог быть обременительным, если бы, во-первых, он взыскивался только в определенном казною количестве, во-вторых, более соответственно с количеством рабочих душ. Но с 1763 г. в быте инородцев произошли замечательные потрясения и изменения, а оклад этот оставался тот же до 1824 года.

С распределением инородцев в новые разряды и с переводом некоторых в число оседлых, соответственно Уставу Сперанского, положение дел не только не улучшается, но податная система легла еще тяжелее. Многие из инородцев, несмотря на оседлость, к этому времени совершенно были разорены. Плата до 1824 г. по 1 р. 50 к. с души, с этого года, с перевода в разряд оседлых поселения, с них последовало обложение в 11 р. с души, да по столько же за умерших с ревизии 1816 года. Все это привело к тому, что

с инородцев тобольских вместо прежнего оклада в 127819 р. с 1824-го по 1832 г. пришлось денежной повинности за восемь лет взыскать 1359845 рублей. Инородцы смогли уплатить в счет этой громадной суммы всего 735397 р., следовательно, в недоимке за ними состояло 624648 р.; в таком же положении очутились и другие оседлые инородцы. Хотя ясачные комиссии обнаружили всю несоразмерность, всю тяжесть обложения и открыли при этом много несправедливостей, тем не менее они не могли улучшить быта инородцев и сократить оклады. Напротив, после ясачной комиссии в общем сумма сборов возвысилась. Так, инородцы с 1835 г. по обложению вместо прежних 146460 р. 55 к. стали платить 525162 р. 99 к. Злоупотребления при сборе ясака не уменьшались: кроме того, на них наложены были новые повинности. Резолюции и заключения, к которым пришла ясачная комиссия, были, однако, замечательны. Комиссия ходатайствовала о сложении недоимок, «так как взыскать их было невозможно, не доведя инородцев до совершенного разорения». Недоимки по 1 января 1832 г. были, таким образом, прощены «по уважению расстроенного состояния инородцев об обременительной экзекуции и других допущенных злоупотреблений», — как сказано в указе Сената генерал-губернатору Западной Сибири. Но и за таким важным облегчением оседлые инородцы не в состоянии были платить полного крестьянского оклада, поэтому предполагено было для них в продолжение десяти лет, с 1840-го по 1850 г., платить $\frac{2}{3}$ крестьянского оклада, а с 1 января 1850 года — полный оклад. Несмотря на сделанные облегчения и льготы, а также несмотря на то, что некоторые из оседлых управ деседе обложены податью только в количестве 4 руб. 41 коп. (оседлые волости татар Томской губернии), недоимки не только не уменьшились, но возросли. Так, с 1850-го по 1860 г. увеличились недоимки у тех же тобольских оседлых татар и томских. Недоимки эти в 1875 г. по 4 округам равнялись 480234 рублям. Накопившиеся недоимки взыскиваются обыкновенно самым беспощадным образом, продажей имущества инородцев, отдачею их в заработки промышленникам, и только по истощении всех средств они представляются к сложению, то есть когда разорение достигло крайних пределов; наконец, что еще важнее, самые оклады взыскивались всегда не в положенном казенном размере, но в гораздо высшем, часто суммы, взысканные с инородцев, оставались в руках сборщиков и заселателей, а на них отмечались недоимки. Подобные двойные сборы, как причина недоимки, не всегда было

удобно объяснять местному начальству: но, несомненно, они играли значительную роль. Что касается общих повинностей, палагасмых на инородцев, то они так были тяжелы, что инородцы закладывали свои угодья и нанимали для выполнения их русских. Мирские расходы ложились на инородцев большою тяжестью, чем самые подати.

Что касается ясачного сбора с кочевых инородцев, то оклад этот мог быть точно так же не обременительным, если бы только он не отражался в увеличенных сборах и в тех затруднениях, которыми сопровождалось внесение ясака мехами. Правительство, желая облегчить инородцам внесение подати, ввиду недостатка денежных знаков предоставило им вносить меха, которые шли в доход Кабинета Его Величества, но сбор мехов сызлавна был поводом для злоупотреблений в Сибири. Несмотря на то, что инородцам предоставляется вносить ясак в казначейство деньгами, на практике является, что инородцы, напуганные чиновниками, что их запишут в оседлый оклад, предпочитают вносить мехами; между тем постоянное умощнение зверя в Сибири и его «неурожаи» ставят инородцев в большое затруднение. Самые лучшие меха в большинстве случаев покупаются у торговцев, которые пользуются случаем взять с инородцев высшие цены; соболь покупается в 15 и 25 рублей, когда в казну сдается по 3 р. Затем сбор в волости производится обыкновенно звериными шкурами с юрты, причем собираются князьями и зайсанами не по оценке, а произвольно, здесь должны войти все расходы по поездке сборщиков в город, на переводчиков, на сношение с властями. При сдаче ясака во избежание злоупотреблений закон предполагал для больших гарантий создать взнос в особом составном присутствии из казначея, исправника, стряпчего и т.д. Но это повело только к тому, что в приеме ясака явилось более лиц заинтересованных. Удивительно, что при всей требовательности, с какою относятся присмешки, при огромной стоимости ясака для инородцев, результаты явились совершенно неожиданные. В Кабинет доставлялись меха худшего качества, и вся вина сваливалась на несчастных инородцев. По поводу дурного взноса ясака не раз Кабинетом начинались переписки; местное начальство взыскивало причины ухудшения лова зверя, но истинной причины как будто бы не открывало. Таким образом, несмотря на ничтожный оклад в 1 р. и 1 р. 50 к. с дупли, сборы с кочевых инородцев удесятерились. Недоимки на кочевых инородцах были также часты; а между

тем земские чиновники составляли себе состояние в несколько десятков тысяч. Такие злоупотребления, как мы убедились обзором инородческого района, предлагают существовать. К этому же присоединилось образование волостей, содержание писарей в кочевых районах, которые внесли не столько порядка в управление, сколько новые незаконные поборы. В таком свойстве податной системы лежит одна из главных причин инородческого обеднения и разорения. Полатный вопрос, таким образом, заслуживает наиболее внимания, тем более что оклады инородцев остаются неизменными с 1835 г., а современная платежная способность инородцев не выяснена. Система взимания ясака и преобразование его в денежный сбор, в устранение существующих злоупотреблений, составит также очередную задачу. Как попытки введения правильного управления среди инородцев, так и опека правительства в ограждении инородцев от притеснений, злоупотреблений, а также заботы об обеспечении продовольствия инородцев в моменты тяжелых бедствий, к сожалению, не привели к должному результату. Правительство сыздавна запрещало ввоз вина в стойбища инородцев под каким бы то ни было предлогом. Сибирский комитет в 1830 году запрещает ввозить к самоедам даже лекарства, настоянные на них. Тем не менее винная продажа везде проникла. Торговлю вином практиковали не одни торговцы с жаждой барыша, но этим занимались священники, заседатели-управители инородцев и т.д. В настоящее время благодаря проникновению русских вино повсюду доставляется инородцам, и запрещенное не привело ни к чему, разве только повысило цену вина. Являясь как запретный плод и действуя на инородцев временами, периодически, оно имело тем более губительное влияние. Что касается создания казенных магазинов для продовольствия, то они повели только к накоплению долгов на инородцах, которые выскивались с беспощадной строгостью; раздача хлеба вела, наконец, к многочисленным злоупотреблениям, так как находилась в руках казенных вахтеров. Г-н Шанков приводит, что долг за хлеб в Туруханском округе простирался иногда до 200 р. на человека. В 1861 г. на 63 инородцах считалось 13000 р. с. хлебной недоимки. В Березовском крае в 1850 г. хлебный долг был равен 12947 руб. с., в 1852 г. — 17000 р. О накоплении подобной же недоимки в Нарымском округе в 50000 р. и о тех же злоупотреблениях сообщает очевидец в 1881 г. (Сибирская газета «Исторыи Нарымского округа», 1881 г., №№ 21 и 22). Это снабжение хлебом

имело чисто фиктивный характер; вахтера записывали хлеб на инородцев, но сами продавали его торговцам, которые уже снабжали инородцев по двойной цене. Наконец, эта торговля кончилась разорением инородцев и накоплением состояния у вахтеров (См. тоже Сибирская газета о Нарымском крае №№ 21 и 22). Магазины эти признаются ныне современным сдать самим инородческим обществам с заведыванием их избранными сторожами. К тем же злоупотреблениям вела продажа спирта и пороха.

При таких условиях и инстинктах русского населения весьма трудно было думать о цивилизующих влияниях, о православии, просвещении и снабжении инородца лучшими духовными благами.

Что русские упустили свою роль в деле влияния, это можно видеть на религиозном вопросе. Среди сибирских инородцев распространяется несколько религий. Большинство сибирских инородцев были язычниками, или шаманистами, в том числе даже нынешние магометане и буддисты. Тобольские татары приняли магометанство из Бухары тотчас после пришествием русских, и эта религия получила огромное распространение уже во время владычества русских; так, барабинские татары принимают магометанство только в 1745 г., то есть более полутора столетия находясь под русским влиянием. Ныне из 142191 инородца Тобольской и Томской губерний 47326 магометан; если мы присоединим до 788000 сибирских киргизов¹⁶, также принявших ислам, то увидим, что магометанство здесь совершило наибольшие победы. Во все время Средней Азии снабжала Сибирь своими проповедниками-ходжами, муллами, которые ревностно проповедуя ислам среди инородцев, уже полупластных русским, обратили значительную часть их в свое вероисповедание.

Точно так же весьма сильное влияние имел на сибирских инородцев и буддизм. По сведениям, собранным в 1741 г., в Восточной Сибири оказалось, что большинство бурят держатся шаманской веры, то есть язычники, а у буддистов было только 11 лапанов и 150 лам, но в 1845 году оказалось буддистов 85060, а лам — 3514, в 1848-м буддистов было уже в Забайкалье 125000, а лам — 4546. Ныне между бурятами совершенно распространился буддизм. Влияние буддизма видно и на южных алтайских племенах. Что касается остальных язычников, то они составляют теперь уже меньшинство, по крайней мере, в Западной Сибири на 820191 человека инородцев остается язычников 35873 человека, то есть 4,3 процента.

Русские встретили в Сибири три различных мировоззрения, борющихся между собою, из коих две могучих старых религий, испытывавших уже свою силу и влияние в мире; поэтому христианство здесь должно было встретить гораздо более препятствий к распространению своему. При этом влияние его появляется весьма поздно, когда другие религии овладели полем в народном мировоззрении. Первое время русские были заняты завоеваниями и приобретениями, тогда было не до проповеди. Весь XVII век проходит в усмирении инородческих бунтов. Только в XVIII веке выступают заботы об обращении инородцев в христианство, но проповедь распространяется только на северных инородцев, причем выдвигается энергия обращения остяков и вогулов Филофем Лешинским с 1712-го по 1714 годы. Что касается утвердившихся религий — магометанской и буддийской, то здесь мы чаще видим полное признание их и желание только, чтобы религиозные центры их находились вне русских владений. С этою целью даже оказывается покровительство этим религиям: в киргизской степи распространяются мечети по повелению правительства, муллам из тобольских татар назначается жалование от казны. То же самое делается по отношению к буддизму. В Забайкалье создается высшая буддийская духовная власть хамба-ламы. На долю обращения в христианство при этом остается весьма небольшой контингент язычников. Миссионерская деятельность весьма слабо практикуется. Только в 1828 г. в Березовский и Алтайский округа командированы миссионеры; деятельность этих миссий, как оказалось впоследствии, была весьма незначительна. Вообще обращения в православие только вогулы и остяки, в Тобольской губернии они составляют 27949 д., затем в Томской крещеных инородцев считается ныне 26726, принадлежащих к финским народностям и частично алтайцам. Итого: 54000 душ на всех инородцев. Православие распространялось при этом не между самыми культурными и развитыми инородцами, но среди низших их представителей, оседлые же татары, окруженные русским населением, остаются фанатиками ислама. Что касается Восточной Сибири, то православие распространилось в Енисейской губернии, где более 30000 крещеных инородцев, в Забайкальской и Якутской областях; тем не менее приверженцы шаманизма и постоянно расширяющего круг своих последователей буддизма составляют видный процент и на Востоке Сибири. Судьба православия в среде инородческих племен низкого развития рядом с борьбою и

соперничеством древних религий Азии выразилась, конечно, своеобразно. При распространении религий, кроме факта восприятия, весьма важно знать, насколько усвоена религия, принята и поддерживается ли религиозным воспитанием и примером культурной расы. Это зависит всегда от пародности, ее прививаемости. В результате борьбы мы видим, судя по числовым данным, что господство и преобладание далеко не остаются за православием; это может объясняться как тем, что инородческие племена по своему мирозерцанию более тяготели к восточным религиям, так и родством происхождения, языка и проч., которое соединяло инородцев с магометанами-татарами и буддистами-монголами. Во-первых, и главнее всего, мы видим магометанскую и буддийскую пропаганду более деятельною в Сибири; муллы и ламы, проникая и живя среди инородцев, более заискали, более приобрели симпатий и, наконец, умели действовать на дух инородца. Магометанство и буддизм являются поэтому довольно окрепшими в Сибири, православие же, совершая приобретение в среде низшей и, как мы сказали, языческой, имеет весьма слабое влияние на магометан и буддистов. С 1860-го по 1869 гт. из среды татар Тобольской губернии, составляющей 40000 сплоченного фанатического магометанского населения, крещено было только 300 человек, а в последнее время в пять лет — 58 человек. С весьма давнего времени (с 1712 г.), как мы видим, крещена значительная часть остяков и вогулов, но время несколько не укрепило их в православии; по отзывам всех ученых и путешественников, они признаются христианами номинально. «Две трети остяков, считающихся православными с первой четверти прошлого столетия, не отделились от языческих понятий», — говорит Губарев, посетивший Березовский округ. «Остяки окрещены 150 лет назад, — пишет другой очевидец, — но руководствуются внешними обрядами, и иконы лежат в заднем углу или под лавкой и вынимаются в редких случаях при приезде священника». Начальник Тобольской губернии в своем отчете за 1864 год свидетельствует то же. Обращенные в православие буряты и якуты остаются при прежних суевериях и продолжают сношаться с шаманами (см. Шапков. Инородцы в XIX ст.). «Это наружное принятие русской веры, — по словам Шапова, — не приносит им пользы, не просвещает их действительно и существенно». Весьма часто неумелые и неспособные проповедники христианства только вооружают и озлобляют инородческие племена своими при-

сами, создав несколько обращенных, они предпринимают попытку привлечь к себе остальную массу язычников, вооружают инородческое население и отталкивают от обращения. Таков, между прочим, характер миссионерской деятельности в Сибири. Миссионерских центров было весьма немного, но и в них выразились все недостатки низшего духовенства и монашества, а также известная деморализация его. Миссионер в Сибири далеко не был человеком, высоко сознающим свои задачи изучения народности и ее духа, прежде, чем приняться изменять мирозерцание. Он не был даже человеком образованным. Изолированность и замкнутость самого его доводила до отчаяния, не принося пользы окружающей среде.

Наиболее заметной и отличающейся культурным и просвещенным характером явилась деятельность алтайской миссии; благодаря усилиям и плану основателя ее, архимандрита Макария, среди алтайцев были некоторые успехи обращения, хотя число обращенных крайне невелико — в 50 лет существования в миссии было крещено при всей энергии до 5000, т.е. по 100 на год, хотя штат миссии всегда состоял из нескольких человек духовенства. Ныне паходится в алтайской миссии 12 миссионеров и 22 лица в звании причетников. Алтайская миссия рядом с обращением в христианство стремится новокрещенных приучить и к оседлости. Но это чаще задуливает кочевников. Оседлость же прививается только благодаря русским крестьянам, живущим в деревнях миссионеров.

Жалкая жизнь новокрещенных оседлых инородцев не раз обращала внимание всех путешественников: Радлова в Алтае, Кастрена среди васьюганских остяков, миссионера Аргентова среди чукчей. Последний приводит замечательный отзыв самих инородцев о результате крещения при помощи принудительного обращения к оседлости. Когда миссионер предложил одному старику крещение, он ответил: «Я был молод, русские ласкали меня, и окрестился, теперь я гляжу на бывшее иньми, стариковскими глазами. Что принесло нам крещение? Люди беднеют, стада их уменьшаются, олсны переводятся, да и самые люди переводятся; стариков почти вовсе не стало, многие умерли не по-людски. Нет, я хоту умереть по-нашему, по-человечески!». Этот страх вымирания при изменении образа жизни и прежних промыслов отталкивает инородцев от православия, где оно является синонимом оседлости.

Таким образом, факт неперемного принятия оседлости с крещением является не всегда в интересе новообращенных, захват же земель и хозяйственные распоряжения епископальными действуют на остальное, необращенное население. Такие экономические эксперименты приобретения огромных земель в пользу миссионерских монастырей и общин подрывают окончательно представителей православия в глазах язычников. Только этим, а не духом религии можно объяснить слабые успехи обращения инородцев миссионерами.

Замечательно, что там, где миссионеров не было, но шире распространялась русская колонизация, там инородцев перешло в православие гораздо более и совершенно добровольно. Сравнивая население Кузнецкого округа, Томской губернии, где колонизация уже сделала успехи, с Бийским округом, где переселение в инородческий район запрещалось, мы видим, что в первом из 15000 инородцев уже 7300 оседлых, в Бийском же округе из 27400 — едва 4500 душ. Православных в Кузнецком округе 13800 душ, а в Бийском — не более 5000. Таково влияние русской колонизации.

Нет сомнения, что успехи православия и распространения культуры были бы гораздо шире, если бы рядом шло образование и просвещение инородцев, точно так же в этом умственном развитии инородцев и пробуждении их духовных сил мы видим могучее средство их спасения и залог будущего существования. До тех пор, пока инородцы будут под опекой, не сумеют сами заявлять нужд своих, не укажут средств для спасения существования и сохранения племени, трудно рассчитывать на посторонние заботы.

Со стороны русской народности в Сибири, к сожалению, почти ничего не сделано для инородческого образования и пробуждения инородческого ума. Ни система инородческих школ, ни их характер и задачи воспитания не разрабатывались в Сибири. Попытки основания школ были случайны, точно так же, как и доступ инородцев в русские учебные заведения. Никакого привлечения и поощрения здесь не делалось, и опека над инородцами, столь ревностная в других случаях, здесь совершенно устранялась.

В 1782—1784 гг. администрация старалась о распространении школ и обучении Корану татар и киргизов, но это было чисто магометанское, а не общее образование. В XVIII столетии были попытки основания нескольких школ, но они не оставили ника-

кой памяти. В XIX столетии началось водворение миссионерских школ. Такие школы были созданы при коншинской миссии у остяков; их показывалось в 1847 г. девять с 71 чел. учащихся, но, как обнаружилось, средства имелись всего на 12 мальчиков. Школы кондинская и облорская, по официальному отзыву начальника Тобольской губернии в 1864 году, существовали скорее на бумаге. Прежде брали в кондинское училище 10 мальчиков у остяков принудительно, при помощи земской полиции. Мальчики учились по 3 и 4 года, но преподавание было так дурно и небрежно, что в них ничему не выучивались. При церквях в Березовском округе хотя и были предложены школы, но не открывались, так как духовенство не желало учить без вознаграждения; в Березовском уездном училище учился всего один остяк. Все создававшиеся и существовавшие в весьма малом числе миссионерские школы отличаются вдобавок такою односторонностью, что обучившиеся мальчики не получают дальнейшего образования, а самое большее зачисляются в причетники и служки миссии, стало быть, о способностях инородцев вообще к науке здесь ничего нельзя сказать. Что касается доступа инородцев в русские учебные заведения, то, конечно, он был весьма труден, и если попадали сюда инородцы, то случайно.

Правительство не раз пыталось поднять вопрос об инородческих школах; так, между прочим, в 1853 г. министр государственных имуществ граф Киселев спрашивал об этом сибирскую администрацию, но вопрос этот, к сожалению, не получил нормального направления и даже не мог быть основательно разработан.

Вопрос об образовании инородцев с первого же раза выдвигает несколько практических вопросов, требующих внимательного отношения и соображения с положением народности. Эти вопросы состоят, во-первых, в средствах, на которые должны содержаться школы, во-вторых, принудительности, обязательности или свободном привлечении к образованию и, в-третьих, о самом характере преподавания для инородцев, причем является вопрос о выгодах распространения знания на русском или инородческом языках. Что касается средств, на которые должны быть создаваемы школы, то весьма обширная переписка об этом предмете в 1853 году привела к одному заключению, что создание школ на счет инородцев невозможно и несущественно ввиду крайне жалкого быта и бедности большинства, находящегося в положении дикарей; всякие новые налоги и тяготы угрожают

им окопательным разорением. Несомненно, что создание этих школ должно быть обязанностью высшей расы, имеющей в виду привитие цивилизации. На предложение инородцам завести школы они отвечали обыкновенно отказом и просьбами не заводить их, будучи предубежденными и испытывая в своей жизни горькие последствия всевозможных мероприятий. С этим же связан вопрос об обязательности и принуждении обучения инородцев. Обыкновенно доселе от инородцев детей отбирали насильственно. Нечего говорить, как это вооружило инородцев против образования. Мысль об обязательности, а особенно принудительности образования, неприменимая ни к какому населению, могла вытекать только из диких взглядов местного чиновничества. Она мало того, что не полезна в смысле образования, но бесчеловечна сама по себе и нарушает всякую законность. Между тем другой системы местная земская администрация никогда не понимала; отсюда вытекала масса злоупотреблений именем просвещения. «Давай деньги, как отступное, или возьмем детей у тебя и сделаем русскими, обратим в игушу веру и отдадим в солдаты!». Понятно, какой ужас могло навести на инородцев такое просвещение. И вот инородцы доселе находятся под влиянием такой мысли, впущенной им просвещенной сибирской администрацией. Недавно в некоторых школах и в интернатах киргизской степи вынуждаемые инородцы прибегли к покупке детей у бедняков и отдаче их в школы, которые кажутся им гибелью. Вопрос русифицирования, как жгучий вопрос национальностей, немудро и грубо применяемый, порождает весьма часто только насилие и возбуждает отвращение. К сожалению, эта русификация также предлагается по отношению к инородческим школам без размышления о последствиях. Если народность весьма облизилась с русскими и даже усвоила русский язык, тогда нет никаких препятствий, конечно, к обучению на русском языке, и вопрос обучения здесь сливается с обыкновенным сельским образованием. Другое дело — относительно народностей и племен, пока весьма склонных удерживать свою национальность, свой язык, свои верования, страшась нарушения их и всякого принуждения. Для таких племен полезнее привитие знания на природном языке и перевод учебников, как и самого Священного писания, на инородческий язык; при этом, смотря по предубеждению и характеру народности, нужно обсудить, что должно предпринимать грамотности: развитие ума, как начало дальнейшего образования и знакомство с высшим христианским мирозер-

цианем, которое является само собою при знакомстве с христианской наукой, или воспитание прямо религиозное. Нам кажется, что вопрос образования и знакомство с наукою должны быть высланы для инородцев как относительно всех племен, держащихся иных вероисповеданий, где предполагается постепенное подготовление к иной религии, а не навязывание ее, могущее дать обратные результаты. Просвещение на инородческом языке и знакомство с наукою, надо заметить, нисколько не оттолкнет образованного инородца от русского языка и национальности, но более сблизит его, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью русского просвещенного мира, но и европейского. Мы видим, что успехи развития и просвещения шли у инородцев быстрее, когда религиозные книги и Евангелие переводились на инородческие языки. Доказательством служат деятельность английских миссионеров в Забайкальской области. Поселившись около Селенгинска, эта миссия прожила около 20 лет, завела монгольскую типографию, библиотеку, сделала превосходный перевод Библии на монгольский язык, обучала бурят ремеслам и создала до 3000 христиан. К сожалению, в начале сороковых годов эта миссия была выслана из Сибири и перенесла свою деятельность на Зондские острова. Ныне в успехах дела алтайская духовная миссия прибегла к подобным же переводам и преподаванию также на алтайском языке, хотя она не имела своей азбуки. Знакомство с языком инородцев дало большие знания народности и миссионерам. Далее добровольный миссионер Григоровский в Нарымском крае основал остяцкую школу, перевел на остяцкий язык Священное писание и деятельно распространял христианство. Еще к более высшей просветительной деятельности мы должны отнести опыты переводов руководств на бурятский язык в 1860 г. Болдоновым, школу Пирожкова и т.п. Таким образом, вопрос об инородческой школе является весьма важным и очередным в Сибири, так как насильственное принятие к инородцам русского языка и обязательное преподавание на нем одним терпит много неудач. Такие школы и заведения вызывают ныне только жалобы, а со стороны русских сторонников просвещения — полное осуждение. Так, например, недавно заявлено о плачевном состоянии образования среди якутов, где не только первоначальное обучение на русском языке, но даже гимназическое не приприсит никаких плодов, но служит истинною мукою для учеников. В Якутске основана, например, классическая прогимназия на деньги

якутов, где якутам предлагается сразу изучать четыре языка; все эти языки преподаются людьми, не знающими ни слова по-якутски и не умеющими объясняться с учениками. «Это горькая насмешка над населением, — говорит один из очевидцев. — Для якута даже русский язык труднее, чем для русского латинский и греческий. Между тем у населения нельзя отнять жажду знания, оно хочет учиться. Кроме прогимназии существует в улусах несколько начальных школ с полуграмотными учителями. Влияние этих школ ничтожно, потому что учителя их мало знакомы с преподаванием, при полном отсутствии какого-либо намеса на страстное, любовное отношение к делу, а во-вторых, все учебники и книжки для первоначального чтения трактуют на неизвестном языке еще менее известную природу и жизнь. Что принесет подобное образование!» (Сибирская газета, из Якутска 1881 г. № 4). Подобные же неудачные попытки преподавания на русском языке бывали и среди киргизов, мы не говорим уже о созданных искусственных пансионах для них. Обрусевшие инородцы в лице переводчиков азиатских школ, писари и проч. являются обыкновенно самым дурным элементом и эксплуататорами, взяточниками и совершенно не имеют никакого благотворного влияния на среду инородцев. Таким образом, привлечение инородцев к школе и знанию без насилия, добровольно, не отталкивая от просвещения, само собою связывается с первоначальным преподаванием на инородческом языке, с созданием особых инородческих школ и подготовлением учителей из самих инородцев, знающих свою народность, ее характер и желающих ей блага. «От школы требуется, чтобы она вложила в инородца любовь к науке и просвещению, но в нем уже есть любовь к окружающей природе и к своему племени», — говорит один из знатоков инородческого быта.

«Школа должна воспитывать эту, воспитанной любовью, она должна перенести эту любовь на науку». «Дайте ему прежде всего описание его жизни, его кочевья, описание его племени, его нравов и его историю, пусть он увидит описанным самого себя и то, что к нему ближе, пусть он узнает, что его племя совершило и что ему следует совершить. Вам нужно, чтобы инородец начал понимать те идеи о будущем, какие волнуют образованного европейского человека, дайте ему наперед представление о его племени» (Сибирские инородцы, «Сибирь»). Этими словами указывается, что истинное образование инородца не должно нарушать его связь со своим наро-

дом. Целью образования должно быть внушение любви к своему племени, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть его от прежней семьи, вырвать его и предоставить массе ту же нищету, несчастье и вымирание. Только весьма немногие образованные инородцы сохраняли связи со своим племенем и желали посвятить себя его развитию. В числе этих имен должно упомянуть Банзарова, Пирожкова, Болдонова и Дорожеева из бурят и Чокана Валиханова из киргизов. Как Валиханов, так и Банзаров получили высшее образование, они были даровитейшими и учеными людьми даже в европейской среде, и тем не менее их симпатии оставались на стороне их несчастного племени. К сожалению, такие личности только случайно пробивались из инородческой среды. Высшее европейское образование оставалось чуждо большинству инородцев, а между тем такие личности более всего могли бы принести услуг инородческому просвещению и позаботиться о судьбе своей народности. Из пробуждения инстинкта любознательности, духовной жизни и в сознательном отношении к своему настоящему и будущему будут лежать залогом сохранения племен от вымирания и гибели. Мы думаем, что такое просвещение будет источником жизни и спасителем, которое воскресит легендарного, умирающего от голода и бедствий самосла. Дух сибирского инородца остается пригнетенным, глубокая меланхолия лежит на нем, мрачная безнадежность сковывает его сердце, нет веры в лучшее, нет надежды на будущее. Вот эту-то веру, эту общечеловеческую надежду и должно создать инородческое просвещение. До сих пор мы пренебрегали инородческими способностями; но эти народности и племена ввиду данных уже образцов просвещения, как и общего выражения своих способностей, едва ли мы имеем право признавать бездарными. Мы не будем указывать на выдающиеся личности инородцев, получивших образование: подобно ученому Банзарову и блестящему Валиханову, известному путешественнику, другу ученых и поэтов, — подобные личности могли бы сделать честь своим присутствием любому образованному европейскому обществу; но мы позволим себе указать на многие отзывы о способностях инородцев, весьма серьезных и авторитетных исследователей. О самой дикой народности — самослах — Абрамов, исследовавший Березовский край, он же смотритель училища, отзывался как о весьма способном народе: ученики, попадавшие в уездное училище, обнаруживали способности к математике. Ученый Мишсендорф об-

рапаает внимание на замечательные природные дарования и изумительную жизненную энергию тунгузов. Якуты отличаются с издавна способностями и усвоили весьма быстро культуру. Киргизы давали даровитых людей и представляют народ, поражающий остроумием и богатством фантазии. Алтайцы отличаются, судя по религиозным воззрениям и умственному складу, не меньшими способностями, чем киргизы; миссионерские попытки просвещения дали образцы весьма способных людей; телесуты же и черневые татары своей наклонностью к культуре и оседлости выразили положительно способность к гражданственности. Мы не будем говорить об отличительных способностях, как, например, сартов и татар, к торговле, таланты, которыми они превзошли русских в прошлом столетии. Достаточно помнит также, что русские застали уже в Сибири известную оседлость и тюркскую культуру; завоеватели обизаны многими открытиями инородцам, инородческие памятники содействовали открытию металлов, путешественники отмечают в инородческой культуре множество изобретений, а также умение принаровиться к климату, природе и сохранению своего существования: эти жизненные таланты не могут быть пренебрегаемы; русским помимо своей воли пришлось позаимствовать многое у инородцев с целью собственной акклиматизации. Спрашивается, вправе ли мы отнимать после этого способности у низших рас, и неужели способности целых племен не могут пригодиться для нас в будущем? Сравнительная психология инородцев еще далеко не исследована научным путем, точно так же, как мы не знаем их прошлого, а их исторические услуги русской народности в Сибири еще не оценены вполне. Чем может отразиться возрождение этих народностей, проявление их таланта и народного гения — это загадка будущего. Многие азиатские народности выдвигали учителей человечества и творили своеобразные цивилизации. Таким образом, введение в мировую жизнь и область духовного творчества других племен не может остаться без результатов. Из всего этого следует, что сохранение инородческих племен, развитие образования среди них, так же, как призвание их к гражданской и умственной жизни, есть настолько же историческое право инородцев на общечеловеческое существование, сколько и исторический долг русской народности на Востоке. Разрешение этих вопросов, как мы видели, найдется в связи со многими законодательными мерами и культурными условиями, но еще более оно зависит от умственного

развития самого русского населения в Сибири. Автор, посвятивший талантливую монографию судьбе сибирских инородцев в XIX веке, г-н Шашков оканчивает свой труд следующим заключением: «Участь инородцев может улучшиться только тогда, когда истинное образование и гуманная нравственность соединятся с сибиряком; без этих благодетельных факторов свобода — сон, а счастье народа — безумная мечта; без них сибиряк всегда найдет возможность эксплуатировать инородца, как бы ревниво ни охранял закон интересы последнего». Этот совершенно справедливый вывод показывает только то, насколько необходимо гражданское развитие Сибири и усвоение самою ею начал гуманизма, просвещения и вообще цивилизации как в интересах своих собственных, так и во спасение других народностей. Инородческий вопрос, выступивший и занимающий свое место в жизни Сибири, не только вопрос настоящего, но и вопрос будущего. При всех бедствиях инородцев и при уменьшении некоторых племен, число их все-таки слишком значительно, а именно: около 4500000, считая и Туркестанский край, чтобы не быть заметным среди русского населения. Соседство с азиатскими странами: Бухарой, Средней Азией, Монголией, Китаем, — при сближении с этими странами, при облегчении путей сообщения — не может не выразиться новыми притоками инородческого населения. Китайцы и ныне уже начинают эмигрировать в Сибирь, они вторгаются на Амур и в Забайкалье. Таким образом, это грозный вопрос будущего. Он явится когда-нибудь, вероятно, весьма важным гражданским и политическим вопросом, к которому мы должны подготовиться. Часть азиатских народностей вошла и неминуемо войдет в состав русского общества, и жизнь этих народностей, как мы указали, может внести новые, оригинальные элементы в склад будущей цивилизации. Наконец, по самому географическому своему положению Сибирь, естественно, будет в соприкосновении с азиатскими государствами, которые не всегда же будут жить замкнутою жизнью и когда-нибудь будут доступны европейскому просвещению. Если Сибири суждено будет играть какую-нибудь роль в этом мировом цивилизующем влиянии, то сибирские инородцы, усвоившие при посредстве русской национальности европейское просвещение, могут явиться весьма видными посредниками этой цивилизации и оказать великие услуги общечеловеческому прогрессу.

Колонизация Сибири и современные переселения

У.

Сибирь как продукт колонизации. — Движение вольнонародных переселений. — Эмиграция и побеги в Сибирь. — Периоды казенной колонизации, промышленная, торговая и земледельческая колонизация. — Современное движение переселений. — Переселения с освобождения крепостных крестьян и после него. — Направление колонизации и места, избираемые народом. Мотивы за потребность переселяться. — Необходимость переселения при увеличении населения. — Современные задачи переселения, положение переселенцев. — Принципы регламентации и свободного выбора земель. — Их результаты. — Роль Сибири в будущей колонизации.

Всякая колонизация есть результат известных натурально-исторических и экономических потребностей мирового расселения точно так же, как колония есть памятник народно-исторической творческой работы и колонизационных способностей данного народа. Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного стремления и творчества, результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране. Без этого движения не было бы Сибири. Ватага Ермака была только продуктом брожения русской народной жизни, исканьем выхода, она была движима той же силою, какую впоследствии в XVI и XVII веках управляла тысячами народов, кинувшимися в Сибирь искать приволья из-под ита крепостного права, «от безурядицы, смуты, гнета суровой регламентации, непосильных тягот и злоупотреблений».

Поэтому мы вправе считать Сибирь по преимуществу продуктом вольнонародной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало. Обратим внимание на самое проявление колонизационных сил на нашем Востоке. Передвижение русского народа до Феодора и Бориса Годунова было довольно свободно, а склонность «брести врознь»

начала довольно сильно практиковаться в XVI столетии. Сибирь дала готовый выход этим элементам и открыла клапан движению. Законы об укреплении крестьян и «Курьев день» стеснили народ и юридически прикрепили его к земле, но не остановили движение, а, напротив, дали ему новый импульс и побуждение «броситься». Очень немудрено, что первые бегства от крепостного права были сильнее последующих, когда народ сжился с крепостным правом и создались меры предупреждения побегов. Oko-до ста лет со времени завоевания Сибирь по своему положению представляет простор для гулящего и беглого люда, хотя рядом идет и колонизация казенная. В 1622 г. производится в Сибири первая перепись населения, причем оказывается уже в ней 70000 жителей и 7400 ссыльных (Словцов, с. 138—152). В 1688 г. последовало повеление пансионных крестьян, прибывших после переписи, отослать в Иркутск на возверение, и таких пришельцев отправлено 500 человек. После переписи в 1683 г. правительство предписывает поставить «заставы крепкие, чтобы запретить беглым во множестве пересбираться в Сибирь» (приказ соликамскому и чердынскому воеводам). В 1697 г. производится повторительная перепись в Сибири. Свободная колонизация, однако, не прекращается, и после создания застав мы видим, что ввиду ее значения с этим фактом примиряется само правительство. В 1697 г. государь в наказе верхотурскому воеводе не изъявляет неудовольствия по случаю пришедших крестьян из-за Урала вследствие неурожая, а предполагает определить их на десятинную пашню. Напротив, как видно из указа 1686 г., правительство само предназначает Сибирь для гулящих людей: всех пришлых и проживающих без указанных видов в Москве с 1686 г. велено штрафовать, а в случае несостоятельности ссылать в Сибирь (Словцов, ч. 1, с. 212). Наказ государев нерчинскому воеводе доказывает, что тамошний край предполагалось заселить крестьянами, семейно бежавшими в Сибирь в больших толпах. В 1697 г. послано их с женами и детьми 624 души. К сожалению, и третьей доли не дошло до места (*ibid.* 212). Историк Сибири Словцов отводит довольно обширное место этим самовольным передвижениям народа. Говоря о населении Сибири во второй период с 1709 г., он упоминает об эмиграции с 1600-го по 1662 гг., потом в течение 47 лет, и особенно с 1680-го по 1686 гг., считая «большими ватагами уклонявшихся в Сибирь» во время волнений в крепостном классе после строгих указов 1685 г., изданных против старообрядцев, наконец — во избежание рекрутских на-

бюров. «По длинной границе от Верхотурья до Исети тогдашняя власть не могла удержать людей, — говорит историк, — пакопегт многие воеводы находили свой расчет потворствовать преумножению переселенцев, которые не прежде обнаруживались, когда разрубят леса и поднимут пашенные выгоны». «*Полевая независимость*, — продолжат историк, — ускользнувших из России не скоро вызвала к знакомству с городами и властями». Приходило, однако ж, время, когда власти узнавали о повичках и облагали оброком и десятинной пашней — так пасаждались в Сибири починки, заимки и целые деревни, записывавшиеся уже в окладе вдолге после их основания. Соответственно этому население Сибири постепенно росло, и в 1709 г. она имела уже 229227 душ, итог же податных сословий равнялся 130957 душам*. Вероятно, в эту же перепись, однако, не входило множество народа, скитавшегося по Сибири. Первое время воеводского управления в Сибири огромный произвол обложения казенной пашней, повинностями, ямской гоньбой при редкости населения, фискальный характер управления и грубая принудительная воеводская система, наконец, злоупотребление и нажива служилых людей, вошедшие в поговорку и в примере бесцеремонности и наглости, создали и в Сибири побуждение разбредаться и скрываться. По крайней мере историк Соловьев, описывая сибирские дела при Михаиле Федоровиче и рассказывая, как в Енисейске не дали обыватели просажим служилым людям подвод и разбрелись врознь, говорит, что обычай этот практиковался преимущественно на окраинах (Соловьев. Истор. России, т. IX, с. 400—403). Видя разбредаящуюся Сибирь с половины XVIII столетия, начинают жестокие преследования беглых и в Сибири, заставляющие удаляться народ в леса. Накопегт с начала XVIII столетия мы видим преследование раскольников. Словцов упоминает о 3000 угличтоженных и побитых старообрядцах на Урале, а около 1760 г. под влиянием гонений множество старообрядцев прибегло к самосожжению. Все эти меры вместе с заставами, тамождями и разъезжавшими драгунскими командами не могли не положить предела самовольным передвижениям и обширной эмиграции толпами, но они не прекратили побегов в Сибирь. Мало того, вскоре Сибирь начала получать для народа устранивающее значение: направленная сюда ссылка дискредитировала и подорвала репутацию этой страны в глазах русского народа, и вместо мифов об обетованной земле начали слагаться другие

* Историч. обзор., Словцов, ч. I, с. 309—315.

мифы, о стране, где люди ходят под землю и где не светит солнце¹⁷. Несмотря, однако, на это предубеждение, внушаемый страх, а впоследствии положительные запрещения самовольных переселенцев и преследование бегств, дорога в Сибирь не зарастала; подле торной дороги, по которой со зноном кандалов гнали партии преступников, вилась незаметная лесная тропа, по которой тайком перебирался русский свободный переселенец и беглец. Народ переселялся в Сибирь под разными предлогами и во всевозможных вилах. Бывали случаи, что дети ссыльных отцов бежали в Сибирь и здесь с помощью денег записывались в число ссыльных. Положение ссыльного поселенца было легче в Сибири, чем участь крепостного крестьянина в европейской России. Когда против общего колонизационного стремления были приняты меры, началась эмиграция тайная, и народ начал выбирать более укромные и глухие места в самой Сибири. По мере правительственной организации начались преследования против первозначений и скитаний народа в самой Сибири. В XVIII столетии, как обнаруживаются многие дела и акты, Сибирь представляла древнюю брательную Русь. В разных местах ее открывали всевозможных беглецов, странников, промышленников, скитавшихся голы по лесам, скиты раскольников и блокгаузы скваттеров¹⁸. Беглецы эти под влиянием преследования превращались впоследствии в разбойников, как, например, крестьяне Селезеньев на Бухтарме (пограничные дела Омского областного архива 1759 г., т. 47, стр. 78). Драгунские команды разъезжали по Сибири ловить беглецов и людей беспаспортных, их забирали и судили. Правительство в 1743 году указом запретило проникать за пограничную линию и за нарушение приказало наказывать кнутом всех свыше 40 лет возрастом и плетьюми и батогами — кто моложе. Но это не прекращало авантюризм, скитальчество и промышленное пионерство далеко за линиями, отделявшими русские посты; на границах кочевников, калмыков и киргизов раскидывались промышленные избушки, балаганы охотников, и русское крестьянство рассыпалось далеко, уходя иногда в глубь Средней Азии под именем охотников-соборенников, хмелевников, рыболовов и кладоискателей (см. акты Омского обл. архива 1759, 1762, т. 67, 68, 73 и материалы, собранные к истории Сибири Потаниным). По мере того как местные власти исследовали территорию и приближались к китайским границам, они открывали поселки вольных и беглых людей. Так, в прошлом столетии при Екатерине были открыты на Бухтарме целые слободы беглых людей, изве-

тных под именем каменщиков, которые были приняты в русское подданство как инородцы. Переселение в Сибирь, таким образом, сздавна делится на два рода: правительственные обязательные, или по вызову и указанию, и вольно-народные. К правительственному способу заселения Сибири принадлежали: высылка служилых людей, казаков, пахотных людьей, ямников, наконец, преступников. Мы видим первые распоряжения отправлять и селить людей в Сибирь около 1590 года, когда велено было в Сольвычегодске на всем посаде и в уезде выбрать в Сибирь на житье тридцать человек пахотных людей с женами и детьми и со всем имением; а у всякого человека было бы по три мерина добрых да по три коровы, да по две козы, по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для папши, да телеги, да сани и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодские посадские и уездные люди должны были дать им по 25 рублей человеку*. С тех пор отправка людьей для колонизации продолжается. Подобный же акт мы встречаем в 1592 году относительно заселения Пелыма, для житья в котором повелено набрать 50 человек казаков конных, до 100 человек стрельцов пеших, которым вместо хлебного жалованья велено служить из панси, чтобы впредь хлебных запасов не привозить в Пельм из России. Кроме того, переведены в Пельм на папши из Москвы, Каргополя, Перми и Вятки крестьяне, и велено им пахать на государя. Грамота 1592 года воеводам говорит по этому поводу следующее: «О всем промышляти, и город делать, и люди устроить, и места под дворы раздавати жилецким людем и казакам, смотря по тамошнему месту, как бы вперед было государеву делу прибыльнее. А казакам терским государеву жалованье слово, чтобы они государю послужили. А которые захотят в жилишы туто изо всяких ратных людьей, и их переписать, а устроить туто пятьдесят человек конных; тем и земли, пометив, раздавати, а жалованья годового сулить им польским казакам по семи рублей, а атаману десять рублей, а хлеба по семи четь муки, а овса по тому ж. А стрельцов прибирать пеших до ста человек, а сотнику по тому ж, что и атаману, и пешим стрельцам по пяти рублей да хлеба по пяти четь муки, да по чети круп, да по чети толокна человеку. А земли бы им всем давати, чтоб вперед всякий был хлебопанси, и хлеба бы не возить. А которые московские велешы девять человек из Каргополя посланы, и тем указать земли и уголья, чтоб они из

* Акты Археограф. Экспедиции. т. I, № 349. Соловьев, т. VII, ст. 419–420.

Перми с собою взяли и лошади, и животины, и сох, хотя немного, чтоб им пашни вскоре завести. А которые посланы из Перми и с Вятки на житье для пашни, и у тех бы, и хотя у четырех человек была лошадь, и животина бы с ними была, и сохи бы с ними были, хотя б к парашине завести и немного пашни, да и ржи взять на завод десять четь из Перми; и велети жилецким людям дворы себе ставить и слободы у города устроить, в котором месте пригоже и земли на пашни высмотреть лучшие, и у крепостей подавать панши на государя пахать всяким людем. А лучшие места выбрав, оставить про государев обиход до трехсот четь; а впредь та земля пахать на государя жилецким людем, которых устроят на житье. Да из таборов и кошуков папешенных молодчих людей взять со всеми семьями и с лопатами и посадить тутю на пашне. и пашни пахати велети на государя. На таборы и копуки, на тутошныя люди положить хлебом оброк, чтоб с них ничего не имать, никакого оброку, ни соболей, а иметь бы хлебом. Только устроя город и укрепя, положить на них оброк хлебной, распрося про них, что пригоже на них не положить. А церковное строение устроить, а попа и дьякона взять, елучи в Сибирь и, в подмогу, с посадских тамошних цюлов собрать сорок рубльс. А на церковь послано с Москвы два фунта ладану, два фунта темьяну да пуд воску, да ведро вина церковного и образы, и книги, и колокола, и все церковное строение».

Постройка городков и острогов была плодом восной колонизации, она двигалась весьма быстро вместе с завоеванием. В XVI столетии уже основаны были казаками Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Тара, Сургут, Обдорск, Нарым, Кетск и Верхотурье. В XVII столетии — Томск, Ачинск, Туруханск, Кузнецк, Енисейск, Красноярск, Якутск, Олекминск, Канск, Баргузин, Балаганск, Киренск, Нерчинск, Иркутск, Селенгинск и Албазин в 1650 году. Таким образом, в 70 лет мы достигли Амура, в продолжение XVIII столетия занимается Камчатка и делаются приобретения в южной Сибири, в XVIII столетии заселяются промежуточные пункты и новые крепости, как Омская, Петропавловская, Ямышевская, основывается Бийск, Семипалатинск, Усть-Камногорск, Петропавловск в Камчатке и другие. В XVI столетии мы видим создание первых ямов, или станций, для обеспечения проезда по Сибири, таковы были первые Самаровский и Демьянский ям около 1732 г., в Сибири считалось 6723 ямщика. Это было поселение, заселенное по указам, подневольное, оно совершало беспрестанные

побеги и было постоянно подновляемо. В XVIII столетии началось казенное заселение трактов и линий. Правительству понадобилось соединить промежуточными путями намеченные острогами и крепостями границы завоеваний. Так, заселяется тракт в 1593 г. между Верхотурьем и Тобольском, в 1637 г. — тракт между Березовым и Тобольском. В 1744–1745 гг. — между Тобольском и Тарой. в 1762 г. — между Ишимом и Омском, в 1761 г. — между Чаусским острогом и Томском, в 1763 г. пролагается скатрибургская дорога, в 1762–1780 гг. — тракт между Тарой и Чаусским острогом и производится заселение Барабы. Наконец, с XVIII столетия начинают ограждаться границы посредством казачьих линий и поселений. В 1720–1773 гг. возводится Иртышская линия, в 1755 г. — казачья линия между Омском и Звериноголовском, в 1759 г. — Котлывано-Кузнецкая линия, в 1764 г. — Новоколыпанская Кузнецкая линия, в 1780 г. — Бухтарминская. Подобные же черты казенной колонизации проявляются в новопокоренных местах в XIX столетии.

Вслед за военной и казенной колонизацией следуют промышленная, торговая и вольнонародная колонизации. Промышленники и искатели богатств наполняют Сибирь не менее гулящих людей, они рыщут по сибирским пространствам, по глухой тайге и прокладывают тропы, они создают блокаузы, промышленные избушки и даже предшествуют военной колонизации. Эти промышленные избушки и заимки мы находим впереди наших линий, когда Алтай и киргизская степь не находились еще в пределах наших границ. Промышленники, охотники и гулящие люди, ипотечные дела, куда бы им пристроиться, являлись не худшими пионерами, чем предприимчивые казаки. Но главную основу колонизации на Востоке составляло земледельческое население, усеявшее край деревнями; без него бы казенная колонизация не имела поддержки и стерлась бы, как смелый очерк, как замысловатый план, не получивший реального осуществления, как право на землю, очерченное ремнем воловьей шкуры, охватившее неизмеримые пустыни, но по-прежнему оставившее их бесплодными. Истинная основа жизни должна была лечь, когда в землю завоеванных стран упало первое хлебное зерно завоевателя. Таково было значение волн добровольной народной колонизации, следовавшей за военной и казенной. В XVI столетии мы видим, как работящий народ поморских мест продолжает намеченную колонизацию по Туре, Ирбети, Нише, далее на Исети и устье Миаса. На острове Исети возводится Шадринская слобода в 1662

году, недалеко от нее — остроги Масленский, Красногорский, Мехонский, слободы: Бешкильская, Ингалитская, Терсетская, Базневская, Устьмиасская, и это все между 1662-м и 1668 годами. Таким образом, паполняются промежутки между острогами и городами целым рядом слобод из охочих вольных людей, которые превосходили числом казенных крестьян, выслаемых весьма часто по восводским распоряжениям, пускавшимися в путь с тем, чтобы бежать с дороги.

Самовольная колонизация чуть ли не превосходила в первое время правительственную. По крайней мере мы паходим следующую обрисовку ее у местных исследователей.

«Неправительственная колонизация, как кажется, шла значительно быстрее правительственной. Сибирь по покорении ее открылась привольною странюю, в которой могли найти успокоение все недовольные условиями своей прежней жизни. Под прикрытием лесов и болот, а также при не водворенном еще порядке управления, не находя сопротивления между слабыми патороцями, сюда бежали воры, грабители, разбойники и разные преступники, раскольники, крепостные от своих господ, люди, избегавшие рекрутчины и платежа государственных повинностей, и вообще все те, которые по каким-либо причинам считали свободнее жить в привольных и никем не занятых обширных пространствах Зауралья. Конечно, Тобольская губерния, как первая полоса, лежащая на пути еще в не совсем известную страну, подвергалась и более частым заселениям всего этого беглого люда. Даже само правительство в первое время смотрело на эти переселения довольно благосклонно: так, указом 1597 года повелено было бежавшим за 6 лет и более, кому бы они ни принадлежали, оставаться на своих местах. Но усиленные переселения 1680—1686 гг. вывели, наконец, из терпения правительство; в 1683 г. воспоследовал указ, по которому не дозволялось пропускать в Сибирь без государственных прозжих грамот. Беглецы обыкновенно селились где-нибудь в урмане, заводи *займки*, превращавшиеся впоследствии в деревни и села; беглые расчищали лес, заводили пашню и жили иногда по несколько лет, не будучи известны правительству. Воеводы, открывая подобные поселения, накатывали на них государственную подать, но не доносили царю, так как для них были весьма выгодны подобные поселения, заселявшие и вместе с тем обеспечивавшие на будущее время обладание чужеземным краем. Через такое расселение переселенцы знакомились с окре-

стными местами; найдя более удобные, они переселялись частями. Уже в половине XVII столетия места, лежавшие на дороге из Верхотурья через Туринск и Тюмень в Тобольск, были значительно заселены; русские расселялись по ту и другую сторону дороги, в отдалении, по ркам и озерам, заводили слободы и деревни. Самовольные переселения крестьян, как кажется, продолжают и в настоящее время; так, например, деревня *Кириллинская* Тарского округа, образовавшаяся *самовольно* в Бутаковской волости, утверждена казенною палатою только в 1869 году». (Списки населенных мест Российской империи. LX. Тобольская губерния, стр. ХСVIII).

С XIX столетия, когда в Сибири сформировалось вполне административно-гражданское управление и не было ула, где бы не было своего исправника, бродить свободно и скрываться по Сибири уже было весьма затруднительно. Паспортная система и запрещение без разрешения основывать поселки и деревни сковали переселение в тесные границы; вместо бегства и свободного перехода возможно было только формальное перечисление, но для многих ли было оно возможно при крепостном праве? Правда, народ употреблял всевозможные способы к тому, чтобы проникнуть в свободную от крепостного права и обильную землями Сибирь, но каких усилий это стоило. История ссылки нам открывает много фактов, как в форме иногда полновольной ссылки скрывало затаенное желание найти свободу. Русский крестьянин записывался то в дезертиры, то в бродяги. Многие добивались быть сосланными по воле помещика, т.е. по капризу, без особой вины, и подобные случаи встречаются в легендах этого времени. Наконец в России создан особый тип «непомнящего» — в этом типе взяла свою роль и эмигрант. Свободное легальное переселение выпадало только на долю государственных крестьян. Когда правительство открывало клапан колонизации, она лилась широким потоком. В современной истории переселений мы встречаем такой период с 1847-го по 1855 гг. В одном 1854 году в Тобольскую и Томскую губернии было приписано 19163 души переселившихся. В эти годы переселение в Сибирь двигалось по вызову правительства; причем переселенцам обещаны были льготы и вспомоществование. Несмотря на то, что эти переселения требовали особых заявлений и удостоверений, также несмотря на то, что они замыкались в тесном круге государственных крестьян, переселенцы дружно двинулись в Сибирь и начали наполнять губернии. По произведенным нами исследо-

ваниям по двум губерниям Западной Сибири — Тобольской и Томской — мы видим, что в Тобольскую губернию с 1846-го по 1879 г. перечислено было 43753 души, в Томскую губернию с 1852-го по 1879 г. — 35000 душ. По межвым сведениям, в этих двух губерниях с 1852-го года до 55311 душ крестьян получили полный земельный надел. По точным исследованиям число переселенцев в одну Томскую губернию с 1852 по 1863 г. определяется в 18340 душ. Самые большие размеры переселение имело перед крымской кампанией, затем с 1855 года ослабело, но по окончании войны и с вызовом на Амур переселенцев оно снова усилилось; перед 1862 годом, временем освобождения крестьян, число переселенцев опять начало уменьшаться, а потом, за освобождением, возрастать, причем в движении приняли участие и бывшие крепостные. По количеству этих переселений и распространению их можно было бы, вероятно, проследить историю внутренней жизни России и ее экономические фазисы, если бы мы имели достаточно цифровых данных о выселениях. Несомненно, что все изменения народной жизни, все ее волнения выражались тем количеством эмиграционного материала, который всплывал на поверхность и вырывался за пределы постоянных границ жизни под влиянием кипения, зависевшего от температуры исторического момента. При передвижении государственных крестьян в Сибирь до 1863 года мы встречаем играющими роль десять губерний, восемь из них принадлежат внутренней России и две — восточной. На первом плане стояли Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Калужская, Орловская и Курская губернии. Хотя исчисление переселений по отдельным губерниям дает весьма слабое понятие обо всей совокупности движения, но из этого видно, как значительны были переселения. В 25 лет, до последнего времени, в одну Томскую губернию было перечислено 34988 душ крестьян. В 20-летие в две сибирские губернии переселение равнялось 60000 душ, и если мы прибавим к этому восточные губернии Сибири, то формально перечисленных в 20 лет в Сибирь должно быть не менее 100000 душ*. Известно, что после освобождения крестьян, и особенно по исполнению ими девятилетней обязательной повинности, в России ожидалось огромное передвижение населения, нечто вроде переселения народов, факт, к которому одни относились с опасением и робостью,

* Кроме того, мы должны принять во внимание переселения в другие области, как, напр., северо-восточные губернии. По сведениям Уфимского статистического комитета, в Уфимскую губернию переселялось до 6000 душ в 10 лет. По официальным сведениям, в Самарскую область — до 7000 душ.

другие же в этом видели неминуемое последствие задержки населения, которое слишком долго было сковано насильственными цепями крепостного права. Опасения эти и предположения тем не менее далеко не оправдались, вероятно, потому, что фактически условия наших переселений, как и многие условия народного хозяйства, не совсем совпадали со стремлением к передвижениям. По некоторым данным, мы замечаем, правда, что перечисления после освобождения крестьян вообще получили некоторый простор, и в известные годы, как в 1871-м и 1872 годах, они довольно заметно поднимались по Томской губернии (например, с 1400 до 2210 в 1871 г.), но переселения все-таки далеко не достигли ожидаемых громадных размеров. Разницу в проявлениях колонизационного стремления за последующий после реформы период, тем не менее, нельзя не заметить. Судя по произведенным нами наблюдениям, в Сибири видно, что вместо десяти прежних губерний ныне фигурируют в переселениях тридцать семь губерний, причем весьма видную роль занимают восточные губернии, как Пермская, Вятская, Оренбургская. Переселения в Сибирь не ослабевают и до последнего времени, хотя распределения по губерниям изменяются. Например, прекратились перечисления в Тобольскую губернию, но направляются все более в Томскую.

Томская губерния, о которой мы собрали более всего фактов, представляет по годам следующую лестницу переселений:

в 1870 г.	1412
в 1871 г.	1574
в 1872 г.	2210
в 1873 г.	1393
в 1874 г.	1608
в 1875 г.	1610
в 1876 г.	1254
в 1877 г.	1477
в 1878 г.	1648.

Это не ослабевающее, но ровно поднимающееся движение в среднем числе показывает, что колонизационное напряжение у нас, по крайней мере, несколько не уменьшается. Мы должны при этом заметить, что приводимые нами цифры о формальных перечислениях, как мы убедились личным наблюдением, далеко не определяют размера переселений в Сибирь и не исчерпывают их. Переселения до последнего времени совершаются в самых разнообразных видах. В сущности, струю народного движения определить не представляется даже возможности. Кроме фактических перечислений, к которым встречается много препятствий и

затруднений, народ изыскал много других способов и путей переселения. Многие крестьяне идут по паспортам и остаются на новых местах, только подновляя билеты. Списки проживающих в сибирских деревнях крестьян показывают, что люди живут здесь лет по десять и более, обзаведясь домами, но находясь в зависимости от прежних обществ. Множество лиц хлопочет по несколько лет о перечислении, находясь в переходном состоянии, давно совершив факт переселения: множество скрывается в глухих местах и дебрях или продолжает жить без приписки по лицу широкой и гостеприимной матери-России и привольной Сибири. Факт так называемых самовольных переселений играет и до сего времени весьма важную роль в истории нашей колонизации. Переселения так же, как и в древний период, вступили в две формы. Легальную, при помощи официального перечисления, и самовольную, совершающуюся без всяких формальностей, завещанную от вольных движений прошлого. Некоторые факты доказывают, что проявления последней весьма значительны. В Сибири не редкость открываемые целые деревни и слободы; в списке населенных мест Тобольской губернии упоминается образовавшаяся самовольно деревня Кирилинская Тарского округа, приписанная палатой только в 1869 году; но подобных деревень много и в Томской губернии. В Алтае и других глухих местах немало деревень, которые признаются и утверждаются после многих лет существования. Мы встречаем в Сибири множество мест, которые долго считались на карте пустынями, но впоследствии, когда являлось межевание, оно находило готовые, обстроенные деревни и довольно значительные завоевания колонизации. Так, в настоящее время производится колонизация по правым притокам Иртыша, по Ую, Шишу и Таре, соседняя огромный Васюганский волок в Тарском округе и пролагая дорогу на север, так идет колонизация по Карасуку, в Барнаульском округе, по Бухтарме и т.д. В Семиреченской области крестьяне также садятся оазисами среди пустынь, ищут укромные места на границах и иногда селятся около самих китайских владений. Но и внутри Сибири, в глухих лесах и тайге находятся еще донныи скиты, заимки, хутора и расчистки. К сожалению, эти несчастные пионеры колонизации, часто принимаемые за беглых, возбуждают при открытии их самое безжалостное отношение к ним со стороны патриархальной сибирской полиции, которая выжигает эти поселки с хлебами, с обзаведением, а люди целые годы томятся в тюрьмах.

Русское крестьянство, боясь преследований и изыскивая свободные места, стремится все глубже и глубже к азиатским границам. Известно, что прежде, чем прибыли географы, а также и пограничные власти к подножиям Катунских альп в вершинах реки Катунь, как они были уже посещены бухтарминскими охотниками-крестьянами, расположившимися в соседстве их деревнями. Горячие рахмановские ключи названы по имени крестьянина Рахманова. Относительно весьма смелого пропихновения крестьян и колонизаторов на наши окраины мы позволим себе привести два характеристических рассказа из недавнего времени. Во время нашего военного движения на Кульджу на границе был поставлен военный пост близ р. Борохузир, где оставлена была сотня казаков и военный лазарет, — вдруг около этого места появляются тереги переселенцев. Оказалось, что они пришли поселяться. Как их ни разубеждали, что здесь военная линия и заселение преждевременно, крестьяне решились ждать генерала, управлявшего краем. Прислал начальник и также представлял им разные неудобства селиться на местах, не вполне безопасных, пушил их даже, что далеко зашли, но крестьяне, прошедши дальний путь, ни за что не захотели уходить и просили записать их хотя в казаки. С разрешения семиречинского губернатора наконец они были записаны, и скоро сермяжный строй под руководством казаков учился артикулу, а между прочим и завел пашни, т.е. удовлетворил главной потребности. Ныне Борохузир — цветущее русское оседлое население Семиречинской области. Второй пример. Олин начальник, объезжая границы, узнал, что казаки всаут споры с мужиками. «Да какие же здесь мужики?» — спрашивает изумленный начальник. Отправившись в экспедицию, он увидел в неприступных горах выросшую самовольно русскую деревню. «Кто вы такие?» — спрашивает пограничный начальник. «Мы россияне!» — «Кто вам дозволил здесь поселиться и как вы смели?» — «Мы не на твоей земле живем», — отвечали переселенцы. — «А на чьей же?» — «Мы киргизскому султану, что в Китае живет, другой год дань за землю платим», — отвечали павильные русские колонисты, вообразившие, что они находятся в китайских пределах. На самом деле они были еще в пределах России, хотя в такой местности, которую знали плохо и русские. На границах Минусинского округа по Енисею уже образуются заселения. Последние путешественники, бывшие в Монголии, удостоверяют, что сибирские заимки, хутора встре-

чаются далеко за русской границей, на монгольских землях, русские люди давно пропиткают сюда, хотя географическая наука только что начинает открывать эту *terram incognitam*¹⁹.

Заселение и передвижение народа в Сибирь, таким образом, постоянное. Иногда переселенцы целыми массами наполняют местности и неизвестно куда исчезают. Так, в 1874 г. заявлялось в печати, что Томскую губернию наполнили вятские переселенцы в числе 1700 человек, которые долго отыскивали возможности переселиться сюда, но, встретив много препятствий, рассыпались бог знает куда, и до 200 человек перебралось в Енисейскую губернию. Когда-то шедшие на Амур переселенцы, не дойдя до места, также рассыпались по Сибири. В 1875 году на юге Томской губернии в обширном резервуаре переселений за последние время оказалось множество лиц вольверившихся, но не перечисленных: когда поднят был вопрос о приписке этих лиц на местах вольверения, их оказалось 1345 семей, в числе их были и шедшие на Амур. По другим же сведениям, таких переселенцев насчитывалось 2177 душ, но, вероятно, и это не все число; когда получено было разрешение оставить переселенцев на месте вольверения, местное начальство было поставлено в полное недоумение: вместо прежних лиц, которые опять исчезли в колонизационном потоке, оказались все новые самовольные переселенцы. В губерниях Восточной Сибири, по последним известиям, оказалось только официально известных до 200 семей самовольных переселенцев, а сколько еще их не приведено в известность. Ныне о таких переселенцах возбуждаются постоянные ходатайства, так как возвращение их массами из Сибири является делом невозможным, оно поведет к уничтожению целых поселений и нерасчетливому разорению людей; таким образом, правительство фактически уже примиряется с этим народным движением.

По этим фактам можно судить, с каким крупным и грандиозным явлением русской жизни мы имеем дело. История этих движений и многообразное проявление всех форм и видов колонизации послужит еще многим внимательным исследованиям и, вероятно, откроет замечательные черты для наблюдателя народной жизни. Обратимся же теперь к ее результатам и расселению пришельцев на новых землях. Приведенные факты доказывают, как давно русский народ наметил наш северо-восток. Расселение по Сибири избрало различные пути, обусловленные народными инстинктами, экономическими потребностями и физи-

ческими условиями местности. В истории колонизации Востока и Сибири мы видим, что колонизация направлялась сначала северными путями, ветвилась по сибирским рекам, единственными удобными путям сообщения древнего времени. Это был первый остов колонизации. Расположившись на двух обширных бассейнах сибирских рек, Иртыша и Оби, колонизация достигла Крайнего Севера. Огромные пространства и пустыни, разделявшие водоразделы, оставались незаселенными, такими были Тарский волок, Бараба до Томска и пространство до Енисея. С главных рек расселение располагалось понемногу по притокам с низу рек к вершинам, это называлось по-сибирски «вывершить реку». При этом население начало ветвиться и избирать места преимущественно по южным притокам рек, приближаясь к более плодородным местностям. Такой путь колонизации по рекам от мест менее плодородных к более плодородным есть естественный путь расселения всех народов. Закон этот заметил и выяснил, между прочим, Кэри*. «Возделывание земли идет в глубь страны, к плодородным долинам», — говорит он. Таков был путь расселения в Америке в Массачусете, Нью-Йорке, Нью-Гаванс, в Нью-Джерси по течению Делавары, в Висконсине, в Северной Каролине, на Миссисипи и в Техасе; таково же было заселение Мексики, Вост-Индии и Южной Америки. Естественным стремлением переселенца является занять более сносные места для жизни, хотя и менее плодородные. Только в позднейший, второй период, русская колонизация заняла среднюю земледельческую полосу Сибири, и таким путем образованы самые заселенные округа Тобольской и Томской губерний. Наконец с присоединением степей, с расширением русских границ к Китаю и отступением кочующих орд очистился юг Сибири. В климатическом отношении это лучшая полоса. Русское население уже в прошлом столетии подвигалось к границам и начинало населять предгорья Алтая, но пограничные липы полагали предел попыткам колонистов и промышленников. С начала нынешнего столетия оседлая крестьянская колонизация прорвала эти липы, и началось заселение огромной территории Алтая. Наконец, к Сибири присоединились новые области на юге, таковы были Семиречье и Амур. Для русской колонизации открылось новое обширное поле.

Рассматривая современное направление русских переселений в пределах Сибири, мы видим, что русский народ

* Руководство к социальной науке, Кэри, стр. 93, 98, 294 и др.

избирает для поселений преимущественно юг. Так, переселенцы идут в Семиречинскую область, на юг Томской губернии, в Алтай, в Минусинский край Енисейской губернии. Трудно избрать лучшие места по плодородию и богатым экономическим условиям.

Вся алтайская местность с горами, долинами, лесами, изобилием минеральных богатств составляет драгоценнейший перл Сибири. Лет сорок назад началась колонизация, и тем не менее создались уже целые цветущие волости. В пяти новообразованных волостях находится до 50000 жителей. Во всем Бийском округе — 203855 жителей обоюбо пола. С 1866-го по 1878 гг. сюда перечислилось до 8124 крестьян из внутренних губерний. Здесь совершается великая колонизационная работа русского населения. Несмотря на запрещение, крестьянство пропикло в район инородческих земель, куда переселение не разрешалось, и занимает ныне калмыцкие земли. Наконец крестьянство упорно стремится разомкнуть государственные границы и ныне находится у пределов Китая.

Во всех этих местах мы видели цветущие поселения, пользующиеся замечательным благосостоянием. Кроме Алтая, мы должны привести другой крупный пример колонизационных и культурных завоеваний. Это заселение Семиречинского края. Семиречье было присоединено почти одновременно с Амуром; такое название носят плодородные долины Или около озера Балхаша, на русской границе ныне это целая область, в которую стремится русское переселение. Вот что сообщает об этом крае в последнее время. Семиречинский край, население которого в 1872 году простиралось до 543000 душ с туземцами, имеет ныне 31800 русских жителей, но с каждым годом привлекает к себе все больше и больше переселенцев.

После 19 февраля 1861 года в Семиречье стали переселяться малороссы, тамбовцы, воронежцы и вятские вотяки; через десять лет их уже насчитывалось до 7000, все они занимаются хлебопашеством, скотоводством, огородничеством и птицеводством. Производительность почвы при орошении изумительна. По рассказу автора заметок о Семиречинском крае («Акмолинские областные ведомости», 1876, №№ 6—8), лет восемь назад при церковном доме в малой алматинской станице было воткнуто до 500 топольских кольянков, теперь они стали деревьями, имеющими более пяти верхков в отрубе; боярка вырастает более трех сажень, в отрубе — до пяти верхков; облепиха тоже,

белая акация — до 8 сажен. Прививки к плодовым деревьям делают и сейчас: же лето больше работы, которые приносят в следующем году плоды, вообще там не растет только то, что не посажено». «Семиречинский край изобилует всем необходимым для человека: в горах Атагауских и Таш-шапских находятся серебряные, медные, свинцовые, никелевые, железные и иные руды; большое природное сокровище составляют целебные минеральные источники, теплые и холодные. Иссык-кульские ключи имеют весьма высокую температуру. В малой Алматинке, близ Верного, находится источник, вода которого от множества выходящего газа кажется кипящей и так холодна, что окунувшись в нее в жаркую летнюю пору даже ли можно выдержать леденящую температуру этого нарзана. Здоровость и жизнеспособность Семиречинского края дополняют общую картину и несколько привлекают к нему симпатии.

Приводим также из «Туркестанского ежегодника» описание станции Лепсинской, где колонизируется ныне крестьянство. Лепса — одна из семи рек, вытекающих в Балхаш. Местность Лепсинской станицы, составлявшая прежде любимое кочевье джунгарских (каймацких) ханов, замечательна также своим превосходным благоустроенным климатом. Весна наигрывается здесь в конце апреля. Ветерок Лепса, летом маловодные, превращаются в это время в стремительные потоки, увлекшие камни и деревья. Весной идут проливные дожди, увлажняющие почву, а летом нередко случаются сильные грозы в горах. Вследствие возвышенного местоположения долины Чубар-агач (Лепсинской) летом там иной не так ощущается, а ночи даже довольно холодны. Летом дожди бывают редко, но травы, однако ж, не высыхают, как в киргизской степи. Являя зелень, исцеляющая цветами, ежедневно осаждают по утрам росой и сохраняет свежесть до осени, которая обыкновенно начинается в октябре и сопровождается густыми туманами. В ноябре выпадает снег, а в декабре уже устанавливается полная зима.

Таково же описание долины Бирхуздира, где велел за русским отрядом также явилось крестьянство. Долина Бирхуздирская, лежащая по обеим сторонам реки Бирхуздира, орошаемая холмными ключами и арками (ирригационными каньшами), проведенными из самой реки, изобилует превосходными пастбищами и луговыми местами. Растущие здесь в большом количестве травы и клевер весьма сочны и

питательны. Почва долины плодородна и удобна для хлебопашества, доказательством чему служит хороший урожай хлеба (сам 25 и 30), в особенности у китайских эмигрантов. На киргизских же пашнях, расположенных между развалинами пикетов Ку и Шакыр, урожай пшеницы и проса бывает сам 15 и 20. Огородные овощи также рождаются в изобилии. На Борохудзире эмигрантами разводятся хлопок, который, однако, по достоинству своему уступает бухарскому. Берега реки Борохулзиря покрыты тальником и местами густым камышом. Лес на топливо, преимущественно тополь (туранты) и кустарник саксаул, находится в 25 верстах от отряда: первый на реке Или, а второй — на урочище Айбарлы-кум; как тот, так и другой растут в изобилии. На Борохудзире водятся утки, кулики и множество фазанов, а в камышах встречаются и кабаны, стада которых бывают от 50 до 80 голов.

Кок-кезепь — при слиянии рек Большого и Малого Усека. Местность этого урочища живописна, богата волоку и изобилует хорошими пастбищами и луговыми местами; в лесу также нет недостатка; на долине урочища растут в изобилии тополь, тальник, береза, урюк и кустарники облепихи, барбариса и шиповника. Берега Усека покрыты высоким и густым камышом, где скрывается множество кабанов. Странный еловый лес растет в верховьях реки Усека, в горах, на отвесных скалах. Земля урочища, по отзывам киргизов и китайских эмигрантов, плодородна и удобна для хлебопашества.

В IV томе «Ежегодника», изданном гуркестанским статистическим комитетом, известный наш ученый г. Севернов указывает благодатные и роскошные места для поселения к югу от Иссык-Куля.

Кроме Семиречинского края, является не менее привлекательным для переселений Минусинский округ Енисейской губернии. Минусинский округ занимает самую южную часть Енисейской губернии — это житница для целого края. Округ раскидывается на 105775 квадратных верст; обширный Енисей прорезывает округ во всем его протяжении; на юге высится Саянский хребет, русские торные отряды. Степи, леса и альпийские луга чередуются в этой роскошной местности; торные реки орошают ее и способствуют богатой растительности, горы представляют разнообразные кристаллические породы. Минеральные богатства округа чрезвычайно значительны: каменный уголь, соль, железо и золото, давнее возможность развиться широко

золотопромышленности. Ныне округ заселен 45000 душ крестьян, 2785 оседлых инородцев и 23800 кочевых. Население в округе тем не менее прибывает путем колонизации. Земледелец играет важную роль между занятиями жителей и особенно распространено в долинах Енисея и в речных областях Ои и Тубы. При необыкновенном плодородии почвы Минусинский округ в отношении земледелия занимает первое место в Восточной Сибири и снабжает хлебом всю губернию. Погребовощаевым в округе занято до 50000 десятин, обрабатываемых трудом 20000 душ мужского пола. Скотоводство ведется также в широких размерах. В округе до 118000 лошадей, 130000 крупного рогатого скота и 200000 овец. Но еще более привольные местности расположены к югу округа: места эти не заняты и влекут поселенца в свои неисчислимо-богатые и прекрасные недра. В Минусинском крае население также стремится прикнуться к границам Китая и поселиться в вершинах Енисея, как и в Западной Сибири — в вершинах Катуня и Иртыша. Здесь сначала в глухих местах, как на Усе, образовались раскольничьи поселения, долго ведомые и слышавшие под именем мифического «Беловода». Теперь сюда стремятся проникнуть крестьяне, и колонизация их, по свидетельству местного жителя, была бы в высшей степени благодетельна для Усинского края.

Кроме этих мест, население стремится также в наши киргизские степи; так, например, несколько лет уже прибывают переселенцы в Кокчетавский округ Акмолинской области — лучший округ во всей степи; ныне поселено здесь до 600 душ.

Подобные примеры показывают, с каким верным чутьем и знанием народ избирает себе места для поселений. Распространение русского населения в три века на обширной территории Сибири служит достаточно наглядным примером той пользы и той существенной заслуги, какую принесла наша колонизация. Тем не менее представляется вопрос: миновала ли надобность в этой колонизации, представляется ли необходимым поощрение переселений в ее целях, или, напротив, им пора положить предел?

При всей важности и значении переселений для государства, при всем том, что вопрос этот захватывает интересы миллионов трудящегося населения, ищущего выход и облегчение своего экономического положения, к сожалению, он остается у нас в России все-таки весьма мало разработанным и выясненным не только в частности, но и в прин-

ние. Поэтому нам кажется своевременным поставить вопрос: насколько выгодно вообще переселения на новые земли, как должно смотреть на выселение народа из различных местностей, должна ли им быть предоставлена свобода, оказываться поддержка или, напротив, должны быть употреблены старания к удержанию населения на старых местах.

В настоящее время нет в Европе государства, которое бы задерживало переселение насильственно, так как право человека искать лучших условий существования весьма естественно. «Право переселения есть право жизни», — говорит один исследователь европейской колонизации⁶. Европа давно испытала историческое значение колонизации, начиная с греческих и римских колоний (сперхидий и агойкий), составлявших могущество и славу греческого и римского мира, кончая созданием американских государств и наследием колоний во всех частях света. Поэтому в Европе покровительствуют колонизации даже такие нации, которые не имеют собственных колоний и, кажется, ничего не выигрывают от нее, например Германия. Что касается до переселения людей в собственных владениях и выселения в колонии, то это считается одним из выгоднейших предприятий как для старой, так и для новой страны. «Вывоз работников и капитала из старых стран в новые, откуда, где они имеют меньшую, туда, где они имеют большую производительную силу, увеличивает сумму богатств старой и новой страны», — говорит английский экономист Миль. «При нынешнем состоянии дел на земном шаре колонизация — выходящее из всех коммерческих дел, каким может заниматься капитал старой и богатой страны», — прибавляет он. Поэтому Англия, сознав эту истину, издавна покровительствует переселениям. Смотря на них, как на весьма важное народноэкономическое и государственное средство помочь населению. Россия точно так же обязана многим совершившемуся в ней расселению: благодаря ему она получила возможность укрепить за собою обширнейшие владения в мире, которыми обуславливается ее могущество. Но, кроме этого, политического значения, колонизация у нас имеет также важное эконолическое значение. Наш народ, ища лучших и более просторных мест, при своем экстенсивном хозяйстве, в переселениях всегда находил способ поднять свое экономическое благосостояние. Потребность в переселениях,

⁶ L'émigration Européenne, son importance, ses causes, ses effets, par A. Legoyt. 1861, p. XLVIII.

как мы видим из многих приведенных фактов русской народной жизни, не только не уменьшаются, но постоянно увеличиваются. Густота населения при определенных границах населения дает себя все более чувствовать. Даже в лучших губерниях преобладающей нормой наделе очень мало укладывается от двух десятков, говорит г-н Воронцов при исследовании вопроса переселений, и не доставляет крестьянину почвх средств для содержания. Кроме того, наделы, замкнув крестьянство раз в земельные пределы, не позволяют даже расширение земельных угодий. Земле с каждым годом делается все более нестерпимо, тогда как население возрастает. Если прирост населения в плодородных губерниях положить не более процента с четвертью (1 1/4%), то население должно удвоиться в 55 лет, а увеличиться в пятаю раз в 32 года. Если при предположенном умеренном расчете также будет возрастать и потребность в земле, то через 10 лет настоятельная нужда в переселении коснется уже целых миллионов крестьян. Сильнейший поставит тогда вопрос в решительной форме. Князь Васильчиков в своей известной книге справедливо указывает на колонизацию, как на одно из средств от накопления пролетариата⁴. Действительно, явление переселений уже теперь становится фактом, повсеместно распространяющимся. Необходимость и настоятельная потребность переселения очевидны для нас, как и для других народов, и против принципа переселения едва ли могут вызвать достойные внимания возражения.

Всего менее в выигрыше от переселений, по-видимому, должны быть местности, откуда люди выселяются, так как здесь потеряны, а не приобретены рабочие руки. По этому поводу иногда высказываются люди, выходящие в этих кругах, различные опасения. Но против надобных опасений существуют весьма веские возражения.

Опасение, будто места, покидаемые переселенцами, останутся без рабочих рук, — опасение совершенно неоправданное; между тем, всякое стеснение слободы, несправдливое в самом принципе, дошло бы к величайшим несправдливостям при практическом разрешении вопроса о переселении крестьян. Что движение переселенцев, говорят, должно иметь свои границы, это не подлежит сомнению, но такие границы должны сами собою, действием естественных законов. Эмиграция будет продолжаться до тех пор, пока на местах заселяемых усло-

⁴ «Земельное и население», кн. Любомылова.

вня жизни будут выгоднее, нежели на местах покладаемых. Первые поселенцы поживут в новой стране самые обильные плоды, но их преумножат по мере занятия края будут получать уже меньшее вознаграждение за свой труд. Между тем в покладаемых местах разрежение населения естественно будет иметь следствием постоянное возрастание заработков. Этими двумя противоположными течениями цен труда — нисходящим в заселяемых местностях и восходящим в покладаемых — рано или поздно и там, и здесь вознаграждение труда будет приведено к одному и тому же уровню, и тогда наступит конец поселению. Чем виноваты люди, которых новая мера задержит в местности, откуда они стремятся под тем предлогом, что кто-то может пострадать от недостатка рабочих рук? Такая задержка равнялась бы наказанию на свободных людей обязанности прозывать свой труд в пользу других лиц по низкой цене сравнительно со стоящею на рынке. С другой стороны, всякая мера к определению границ колонизации допускает обширное поприще для произвола и случайности. Разрешение или запрещение нисеяться будет поставлено в зависимость от обилия или недостатка рабочих рук. Но понятие о недостатке рабочих рук есть, очевидно, относительное. Земледелец жалуется на такой недостаток всякий раз, как только он не находит рабочих по цене, какую платит до тех пор; между тем, стоит уменьшить цену, и от рабочих не будет отбоя. В тех самых губерниях, откуда вследствие чрезмерной населенности крестьяне целыми тысячами отправляются в отхожие промыслы, слышь и рядом раздаются голоса о невозможности достать рабочих. Курский земледелец уже начинает кричать от отсутствия рабочих, как скоро не оказывается охотников обрабатывать его поля по 5 рублей за десятину. Между тем, очевидно, что самое стремление унизиться с привычного, изжитого места, самая решимость на лишения во время отдаленного переезда есть уже признак избытка рабочих рук, невозможности найти для труда занятию, обеспечивающее человеку сколько-нибудь сносное существование. Таким образом, вопрос об обилии и недостатке рабочих рук может быть решаем совершенно различно, смотря по тому, смотрит ли решающий на дело с точки зрения крестьянина или земледельца. Кто бы ни был судьей верности этих противоположных взглядов, ему, во всяком случае, будет трудно под многообразными побочными влияниями удержаться в столь деликатном вопросе на почве строгой справедливости.

Во всяком случае колонизация не может быть рассматриваема с точки зрения интересов лиц, заинтересованных в конкуренции рабочих, хоть бы часть их умирала с голоду, она не может быть подчинена также частным интересам губернний, она есть дело самих лиц, чувствующих потребность в выселении, и дело государства, которое от этого не проигрывает, а, напротив, выигрывает, получая вместо разоренных пролетариев зажиточных производителей.

Есть еще мнения против колонизации, разложающиеся из лагеря лиц, заинтересованных в развитии отечественной земледельческой культуры. Они состоят в том, что колонизация изуродует население и тем задерживает переход к более совершенному хозяйству. Чем гуще будет население, тем скорее земледельцы перейдут к усовершенствованным системам, думают они. Но это слава ли так, потому что переход к высшему хозяйству совершается не под влиянием только тесноты и малоземелья, но для этого нужны и другие условия: известное накопление средств, орудия и умение, т.е. капитал и знание, которое не даром приобретет большее и дешезественное население. Человек нужды и голода не добудет машины Уайта, Аркрайта, парового плуга и т.д., а если и додумается до новых орудий, до новых приемов хозяйства, то не в состоянии будет применить их, потому что на это нужны будут средства. Обречь же население на голод и разорение в ожидании, когда оно накопит эти средства, слишком дорогая цена приобретаемого прогресса. Никто, конечно, не будет указывать на колонизацию, как на разрешение всех агроэкономических вопросов, которые находятся в связи с аграрными законами, установившимися специальными отношениями, распределением богатств, знаний и т.п. В этом отношении колонизация, без сомнения, должна быть признана галлантивою социальным злом, но она важна тем, что в персходные времена кризисных по мере движения экономического прогресса она предотвращает бедствия и катастрофы, открывая вовремя клапан жизни.

Несомненно, что общий закон расселения и распространения населения присущ и нам. Мировая роль колонизации громадна. Выделяя часть населения в одних местах, она создает новые ячейки жизни в виде колоний, содействует более равномерному распределению населения по земному шару, распространяет жизнь, культуру и часто создает среди пустынь новые государственные организмы.

Переселения русского народа и колонизационная его деятельность составляют весьма важный акт народной истории. Но играя видную роль в прошлом, переселенческий вопрос обещает играть еще большую роль в будущем. Доселе вопрос этот не был жизненным и острейшим вопросом русской жизни, так сказать, вопросом насущной необходимости. Правда, в государственной жизни России и в народной истории он не раз выступал весьма наглядно и заставлял обращать на себя внимание. Такова его роль была в эпохи эмиграции и переливной колонизации, но затем это явление, регламентированное государством, сковываемое старыми формами жизни и учреждениями вроде крепостного права, как бы умалаялось, погружалось на дно и получало более скрытую, чем явную деятельность. Важнее всего, что вопрос этот до последнего времени не выступал в форме неизбежно экономического вопроса, каковым он был давно уже на Западе в Европе. Недавно у нас еще говорились: «Нам ли думать о переселениях, когда сама Россия так редко заселяется». Эта фраза, вы уже видите, не совсем правильная, с одной стороны и теперь, но за нею выступили два факта, заставляющие задуматься: это факт, вполне обнаруженный жизнью, — недостаток земельных наделов и последствием этого чувствительное малоземелье, другой факт — стремление населения к выселению. Таким образом, к фразе «нам ли думать о переселениях» неожиданно прилепился другой: «но что же нам делать с символическими переселениями народа»? Таким образом, в настоящий период истории выдвинулся в России колонизационный вопрос помимо нашего желания, помимо всякой теории и требует ответа. Составив предмет тесного обсуждения и рассмотрения с различных точек зрения, он является тем же насущным экономическим вопросом, тем же потребностью, как и на Западе в Европе. Россия в этом случае не избежала общего исторического жребия. Вопрос этот, выразившийся в народной жизни весьма заметными явлениями, обнаружится со временем, вероятно, еще более. Несомненно, что число населения и потребность в земле будут возрастать, в то же время культурные усовершенствования и развитие других средств жизни, помимо земли, для орошаемого земледельческого класса едва ли подвоятся разом. Между тем, страдающая от малоземелья, подобно голоду, вызовет сами собою перелив населения. При этом надо помнить, что никакие стеснительные меры не помогут удержать население, порождая разве одно, что из движения явного

и открытого они превращаются в явление тайное и скрытое от официальных взоров, какою и была наша колонизация во все время чиновной регламентации, искусственных задержек и цепей крепостного права. Она вырождалась то в «побеги», то в «самовольные переселения», но никогда не останавливалась. Пороки для государства известный дефицит в окладном населении, она явилась для народа источником превратностей, случайностей и содела много жертв, несчастий и бедствий вместо ожидаемого блага и устройства быта. Нет сомнения, что такое положение ее не могло считаться нормальным. Поэтому вопрос о переселениях, выступающий ныне, заставляет подумать о том, каким образом сделать, чтобы стремления народа были удовлетворены лучше, чтобы в деле колонизации интересы государства более гармонировали с народными, и самая колонизация имела более благие результаты по последствиям. В настоящее минуто народные переселения предоставляны самим себе и силам народным. Они существуют без всякой поддержки, и участь переселенца часто беспомощна.

Вот в каком виде по сделанным наблюдениям представляются переселения наших крестьян.

Целые караваны повозок во 100 и более семей, человек в 300 и 400 душ, за раз движатся по сибирским дорогам. Переселенцы не имеют нигде крова, они останавливаются под открытым небом в поле. Здесь раскладывают целые семьи под телегами, бочки и дети находятся тут же. Нередко приращение семей, жак и смерть, застает людей во время путешествия, тоже среди поля. Положение значительной части переселенцев нищенское. Входя в Сибирь, они уже начинают питаться подаяниями лю деревьям, и ниществу составляет профессию переселенца, иначе дойти лю места у него неостало бы средств. На главной трактовой дороге Сибири крестьяне-строжилья сообщили нам как факт, что это лето числа обжов они помнит только две партии переселенцев, не побивавшихся, и это была большая редкость. Весь налог по части пропитания переселенца платят, таким образом, целиком на сибирского крестьянина; но помощь эта, исхоящая из добровольной благотворительности, весьма случайная.

Затруднения и дитения наших переселенцев, как указывают факты, далеко не оканчиваются дорогой, они часто только начинаются; вслед за перемещением является искомое мест для водворения, затем процесс обзаведения и, наконец, летальное перечисление.

Выселение у нас обставлено такими затруднениями, связанными с земельными обязанностями и с целой системой позитивной и паспортной системы, что перечисление никогда почти не начинается с места, оно совершается, как мы наблюдали, в конце процесса переселения. На это есть много причин. Обыкновенно переселенцы не могут справиться с перечислением своим заранее, не видя мест, куда намерены переселиться, часто они не знают даже, где найдут их. Отыскание этих мест чрез ходяков не всегда является возможным, потому что снаряжение этих ходяков и доверенных требует предварительных затрат, притом земледелец, слишком ревнивый в выборе почвы, не может ни на кого положиться, кроме себя. Вследствие этого жители с перечислением являются тогда, когда переселенцы порядочно пострадают. Имей место, обидел его, обжался и загладил первые потери при переходе. Множество лиц по-прежнему живет долго по паспортам, пока не соберется перечислиться; положение это довольно шаткое, достаточно малейшей случайности, и паспорт не будет выслан. Когда начинается перечисление, для переселенца наступает переходное состояние, тянувшееся иногда годы, мы имели случай видеть людей, живших по 12 лет и более по паспортам без перечисления, точно так же, как и людей, лет по 11 хлопотавших о переселении и находившихся в переходном состоянии. Здесь на пути встречаются всевозможные формальности. Переселенца как бы не принадлежит ни к тому, ни к другому обществу, но он несет и неподатную тяжесть, и повинность в новом месте, наконец, он несет расходы по перечислению. Если счет на него не представляется сразу за это переходное положение, то он претягивается после. Между тем надо обратить внимание на материальные средства переселенца и на расходы, которые он должен вынести при переселении и перечислении.

Совокупность всех расходов и затрат, которые должен перенести переселенец при своем переселении, как убеждают наблюдение и расчет, превосходит в большинстве сумму всего проданного крестьянского имущества. Одна дорога в ближайшие сибирские губернии обходится от 30 до 100 рублей на повозку, иные имели по 175 рублей расходов на семью; по доказанным характеристикам, расходы на повозку с парой волов обходились им в 300 рублей, затем нужны расходы на обзаведение, покупку или постройку дома, покупку скота, орудий. Подобное обзаведение, чтобы стая на ноги, требует не меньше — 100 рублей.

Переселенец в новых условиях хозяйства в Сибири не может обойтись с ничтожным количеством скота, например, с одной лошадкой, ему нужно при действительных и гучных почвах Сибири, при раскостяных пашнях иметь их от трех до пяти. При всех этих расходах переселенец должен оплатить исправно все платежи и повинности при своем выходе, по крайней мере, за два года, иначе его не выпустят из общества, затем он должен подновить паспорт до перечисления и нести некоторые повинности на новом месте; за все время дороги, когда он не имел возможности работать, он должен, как и за время производительного труда, оплатить подать. Мало того, на месте у него начинаются новые расходы по перечислению. Как ни оттягивается время переселенца, как он ни рассчитывает обернуться, но время перечисления должно наступить. Для того нужно оккупить приемный приговор, увольнительный, расходы по подаче прошения, уволить дела с волостным управлением; всякая юридическая ошибка приносит новые расходы и затягивает время. Приемный приговор со всеми другими расходами обходится 40—50 рублей, меньше — 15 рублей, но часто прежнее общество запрашивает с переселенца, чтобы уволить его, рублей 40—50. Переселенцу остается сниматься с места или платить. Пока длится перечисление, переселенец сидит тупиком из волости в город, толкает прошение в казенную палату и губернскому начальству, кто-нибудь надумит его позвать прошение и на высочайшее имя. Бывали случаи, что во время этих ходатайств, попав в руки жадных клеваников и ходатаев, переселенцы разорялись погловно, не дожидаясь перечисления. В такие сети попадали, например, до 1700 душ вятских переселенцев, принеженных в Томскую губернию в 1874 году. (Случай, опубликованный в Московских ведомостях 1875 г., № 278). Кто только не пользуется во время этого страшного переходного времени переселенцем!

Бюджет расходов показывает, что переселенцы на собственный счет и без всякой помощи достигли весьма темплым, иначе говоря, они доступны только состоятельным и богатым крестьянам, помещикам фонда не менее 500 рублей серебром.

Что же остается на долю остальных? Само собою, полное истощение и нищета, при всем том, что переселенец ограничивается минимумом потребностей, чего голодает, дрожит из-за каждого гроша и т. п. Но это еще не все; переселенец после переселения на свой счет, без всякой льготы является по перечислению с кучкою подросшего на его го-

долгу долга и недоимки, причем податная система придавливает его сразу своею колоссальною тяжестью. Пока переселенец идет и, пришедши, соберется начать перечисление, пока тянется дело, в его семье произойдет масса изменений: часть членов померет, имущество будет прожито, разъякские же души остаются на счету, и подать на его седьмой асс нарастает. Кончается тем, что в результате получается комбинация самого сложного и запутанного свойства, которую не может разобрать ни канцелярия, ни распутать сама жизнь.

Мы имели случай видеть такого рода дела: крестьянин-старик просит перечислить его в Сибирь с двумя сыновьями, пока идет перечисление, один сын взят в солдаты, другой умирает, но хилый старик перечислен в числе трех душ и обязан платить за них. Другой случай. Долги на переселенцев достигают невероятных размеров. Мы имеем документ, в котором значится перечисленных в Сибирь 25 душ крестьян, высканис на них равняется 2097 руб. 33 коп.; из этих 25 человек только 8 оказались в живых, и из них только один, имеющий имущество, которое и подлежало продаже.

Встретить переселенцев с 100 руб. податного долга — не редкость. Если мы сообразим крестьянские средства и крестьянский бюджет, не превышающий иногда 50 руб. на семью, если мы примем во внимание, что семье этой нужно прокормиться и что многие в Сибирь начинают свою жизнь нищенством и батрачеством, причем входят в частные долги, мы поймем, что такие переселенцы являются вечными недоимщиками.

Таковы результаты наших переселений при существующей податной системе, непосильных высканисах недоимок, фискальных условиях и отсутствии облегчения и поддержки во время пути*.

Что касается водворения на местах, приемов и способов колонизации, то заселение Сибири дает также некоторые важные уроки. Здесь мы видим два вида колонизации — казенной и иарольной.

Приобретение, завоевание, наконец, заселение Сибири есть продукт двух сил — государственной и волнонародной. Мы видим, что государство намечает огропи, крепости, проводит линии, наконец, пролагает тракты и, таким образом, создает, так сказать, тех и колыя, межи и план для колонизации.

* О положении переселенцев см. наши статьи «Восток 1850 и 1851 гг.», а также путешествие в Алтай Зип - Сиб. отд.л. имп. Геогр. Общества, 1850 г.»,

Народная колонизация в виде народа-плотника мало того что осуществляет план, но и выполняет все промежутки и сетку колонизации живым материалом, мало того, она часто идет дальше архитектора, расширяет здание, причем веки, колья и план являются после того, как уже началось постройка.

При правительственной колонизации мы видим массу обзаванных служилых людей, казаков, волверенных крестьян по распоряжению правительства, прикрепляемых ямщиков, назначенных на места преступников, высланных ремесленников и мастеров, даже женщин для уравнивания полов, но государство к этому вынуждается только необходимостью. Это не административная обязанность, иначе говоря, архитектор, увлекаемый жаждой создания, желая скорее обеспечить за собой места постройки, берет сам за топор. Когда настоящий работник появляется, архитектурская работа исчезает над новой громадной работой настоящих плотников. Каменная колонизация, составляя временную функцию, несмы часто делает промахи, увлекается планом и фасадом, не сообразив прочности почвы и окружающих удобств, она ломит и заставляет создавать массу непроизводительной работы, не щадит сил и не соблюдает экономии, много народу гибло на казенных трактах, немало было создано искусственных деревень и городов, которые после падения и терали значение. Образец такой колонизации — в степях и на Амуре. Но еще важнее то, что эта искусственная и принудительная колонизация не может создать настоящего импульса жизни, здесь недостает живой силы, мочучей воли, энергии, творчества, народного вдохновения. Сама по себе она одна не создала бы Сибири, не заселила бы всех пространств ее, не одухотворила бы жизнью и не привлекла бы к работе такую массу населения. Это могла сделать только добровольная колонизация. Сколько бы ни было употреблено изобретательности и остроумия со стороны администраторов и регламентаторов, они не могут заменить народного ума, они не изыщут тех новых путей и троп по своей карте, которые находит народ среди лесов и пустынь, пролагая сам себе дороги. Вот почему народно-исторические здания вырастают так неожиданно и создаются так оригинально, как не может вообразить себе самый смелый государственный ум, что в 80 лет с небольшим будет завоевана и укреплена целая часть света, как Северная Азия, территория, пресоходящая Римскую империю, не решится предсказать ни Цезарь, ни Наполеон; народ же совершает

это, не имея даже полководца во главе. Обещать в пустынном крае в известный срок создать население, культурную жизнь, возворить оседлость, построить деревни и города, проложить дороги, засадить промышленность едва ли возьмется самый могущественный государственный человек: до крайней меры он не может ручаться за успех подобной работы, он не может силою одной своей воли сотворить культурную жизнь, хотя бы сто воля и способность двигать массами превосходила силы фараона. Но народ, пушенный живым током в новую страну, создаст это с не предусмотренной быстротой.

Оттого часто там, где копостились незаметно народный труд, где работал он в тайге, где, как муравей, скользил он под почвою и за корою деревьев, где часто скрывался он в подземельях, в тайниках и дзбрых лесов от регламентации и принудительной работы, срывая занавес, мы внезапно открываем нечто более грандиозное и преносколящее египетские пирамиды, мы видим сфинксы и обелиски живой народной работы, одухотворенные, дышашие исторической жизнью и будущешью, величественные архитектурные здания подобно тем, какие насажены народными силами в дзбрых Америки, Австралии и Сибири.

Подобные примеры показывают нам, во-первых, настоящий фактор жизни и истории, во-вторых, убеждают, что народный труд в деле колонизации, в области его самодеятельности и творчества не должен быть стесняем, а представлен до известной степени самому себе.

До сих пор в деле государственной колонизации борются еще два направления: это регулирование народных движений, управление ими, искусственные поощрения, назначение на известные места, доходящее до указаний пунктов поселений, до вышивки казенных узоров, и другое, оставящее уже эти цели и имеющее в виду лишь помогать народному движению в том направлении, куда оно стремится, содействовать народной самостоятельности и выбору мест сообразно требованиям жизни и условиям культуры. Последний способ составляет прием, практикуемый ныне европейской колонизацией.

Требуются немалое проивидительности и государственной сообразительности, чтобы понять и соразмерить роль административной государственной функции в деле колонизации и не брать на свою ответственность доли труда, которой по

свойству своему никакая администрация исполнит не в состоянии; она не заставит искусственно действовать народ так, как он бы сам действовал, и не удержит сто там, где естественные условия не благоприятствуют народному труду. Точно так же, как не удержать ей ток могучих народных движений туда, куда народ имеет естественное влечение стремиться. Одной административной самоуверенности не дано творить жизнь и культуру. Этого не надо забывать. Наиболее пронырливая государственная мудрость должна убедиться в конце концов, что в руках ее находится только один механизм парового клапана, отпускающего или задерживающего народную силу, но никоим образом она не должна отождеять себя с действием пара. К сожалению, эти ошибки и заблуждения повторяются доселе, мешая свободному развитию народных сил и исторической творческой их деятельности.

Отсутствие регламентации, искусственного задержания и направления народных движений и колонизации все еще остается в традициях от прошлой казенной колонизации, хотя она давно отжила свое время. Бюрократическая самоуверенность и привычка вмешательства загмевает здоровую государственную политику и задерживает культурную историческую работу в сфере колонизации. Вот почему часто наша колонизация и самое обложение наших колоний не имеют тех успехов и прогресса, которые они имеют на Западе.

Результаты наших территориальных приобретений до сих пор были незначительны — у нас заняты огромные пространства новых земель. Нельзя сказать, чтобы наша народная колонизация не сделала никаких успехов и была робкою. Занятия Сибири от Урала до берегов Тихого океана с Камчаткой, русской Америкой и островами в весьма короткий период было несамым повновом, обильнейшим набу колонизационную способность не ниже других народов. Дух старого земледельца, дух пионерства, протирания троп не умер и до сих пор в русском народе; русские переселенцы идут вперед путешественников, вперед военных отрядов и посещают неведомые места Средней Азии, вроде Черного Иртыша, вершин Енисея и Лоб-Нора*, и тем не менее результаты нашей колонизации слабы, хотя пределы широки. Несмотря на вековые поселения, наша азиатская территория все еще остается пустынной и слабо за-

* Т. и. Пржевальский, посетив озеро Лоб-Нор, узнал, что здесь были и прожил зиму русские раскольники-переселенцы.

селенно. Физические условия были слишком неволеими в новой стране, а культурные силы населения слишком слабы. Когда-то сообщение с Сибирью через Уральский хребет произошло раз в год, двигаясь севернее по рекам, население, обязанное вышкой полностью, разлетелось, поселенное насильно на трактах — вымирало. Все усилия правительства были сосредоточены в первое время — установить сообщения по главным дорогам и соединить раскиданные переловые посты русской оседлости, намеченные в завоевательный период. Большею частью сама колонизация была осуждена служить средством заселения трактов и проведением путей. Это видно из существующего распределения жителей по Сибири. На поселения по трактам в самой населенной части края выпадает $\frac{1}{3}$ часть жителей, вообще же в Тобольской и Томской губерниях $\frac{1}{2}$ населена по дорогам. В некоторых округах, как Канском, на почтовом тракте 93,31% жителей округа. Таким образом, редкое население, тянувшееся нитями по длинным сибирским дорогам, едва связывает отдаленные пространства, куда закинула история русское население. Несмотря на борьбу с расстояниями и усильное проведение путей во все прошлое столетие, сообщение в виде представляет огромные трудности. На всю огромную территорию в 240000 квадратных миль мы видим с запада только один торговый путь в Сибирь, соединяющий Азию с Европою через Урал. На всем громадном протяжении южной сибирской границы существуют только четыре торговых прохода, обширные промежутки между этими пунктами не проникаемы для внешней торговли. Юг Сибири отлеплен обширными степями на тысячу верст как от Средней Азии, Туркестана, так и внутреннего Китая. На Востоке, несмотря на примыкающий океан, существуют только три значительных порта, и вся береговая полоса остается мертвым пространством. Еще более безлюден север Сибири с устьями величайших рек в мире, текущих с юга. Таким образом, страна даже с внешней стороны кажется уединенною и недоступною, а население отрезанным; немногие дороги составляют только первую брешь, пробитую в этот замкнутый мир. Что касается внутренних трактов, то они также едва намечены предположительной колонизацией. Мы видим одну транзитную дорогу, тянущуюся на расстоянии 6000 верст, пробитую кяхтинской торговлей среди пустынных местностей. Сообщения в сторону, по просялкам, представляют первобытные пути среди дебрей и болот; местами эти дороги в

лесах превращаются в тропинки для верховых, а во всей джунгли и кожной гористой Сибири сообщения и перевозки тяжелой производится верхом, выюками. Алтай представляет образец выючных дорог: просады здесь среди скал даже верхом совершаются с опасностью жизни. В общем, население, расположенное лишь по некоторым речам и главным тропам, составляет не более как тригонометрическую сеть, или едва намеченные черты будущей колонизации; промежутки же этой сети составляют пустыни⁴. Редкость населения Сибири обнаруживается тем, что Тобольская губерния, превосходящая более по пространству самую значительную из губерний российских, занимает, однако, сороковое место по густоте населения и заключает всего 46 жителей на квадратную милю, Томская губерния — 64, но есть области, как Амурская, где приходится один житель на квадратную милю. Представляем сравнение о сравнительной населенности, когда в некоторых губерниях России приходится по 2500 и по 2000 жителей на то же пространство (кв. милю). Даже некоторые местности Средней Азии, наполненные кочевым населением, как, например, Туркестан, являются гуще населенными, чем остальные сибирские губернии.

Обратим внимание теперь на пространства, доставшиеся нам в удел для колонизации. Одна Томская губерния, обладая 15688 квадратными милями, или 752068 кв. верст, составляет 18% пространства всей европейской России, превосходит европейские владения Великобритании — в 2½ раза, Пруссию — в 3 раза и Францию — в 1½ раза. Тобольская губерния имеет 26749 кв. миль, или 1295788 кв. верст (с областями вся Западная Сибирь заключает 61296 кв. миль). Если мы представим себе хотя часть этого пространства, а именно: всю среднюю черноземную полосу Западной Сибири, сплошь, безусловно, населенную так же, как Европа, то мы получим, что край этот может пропитать не менее 51360000 жителей, если же населить ее подобно Франции и Англии, то гораздо больше. Между тем все нынешнее население Тобольской и Томской губерний равняется всего 2861100. Вся же Сибирь, по недавним сведениям, имеет едва 4500000 душ русского населения. Ввиду этого нельзя не признать, что заселение Сибири, принимая во внимание ее

⁴ Мы позволим себе попросить обратить внимание на карту Сибири, где остаются такие огромные пространства незаселенные, как пространство между Иртышом и Обью, к северу от Тары и Нарым и Тетск, наконец, весь Алтай, степи, значительная часть Мариинского округа, не говоря уже о Восточной Сибири.

уже трехсотлетнее существование, шло весьма медленно. С ограничением попыток свободного переселения правительство когда-то думало достигнуть увеличения населения ссылкой в Сибирь, но опыт этот, как доказывают история ссылки и существующее ее положение, не привел ни к каким результатам. Ссылка наполняла Сибирь бездомным, несчастным пролетариатом, который не воздвигал оседлого гражданского элемента, но постоянно вымирал. Ссылка оставляла едва $1/2$ людей на местах, остальные исчезали или погибали. Нечего говорить, что такой контингент весьма вредно влиял на гражданственность, он не обновлял страны, не оживлял производительности, но деморализовал общество, портил его соки и составлял помеху и опасность для свободного гражданина. Попытка колонизации Сибири ссылными должна, таким образом, скоро закончиться в интересах страны. Полезно сравнить в этом случае успехи заселения новых земель европейцами. Американские Штаты благодаря привлечению свободной колонизации обладают уже 4000000 населения. Австралия, получившая в 1788 году 757 человек ссыльных, ныне благодаря свободной эмиграции имеет более 2000000 свободных граждан. Даже Канада имеет население 3672116 человек.

Чтобы понять, насколько европейские колонии обязаны увеличением своего населения свободному притоку колонизации, достаточно указать, что одни Соединенные Штаты приняли с 1820-го по 1870 годы семь миллионов пятьсот пятьдесят тысяч переселенцев¹.

Результаты нашей колонизации показывают, что роль наша в Сибири еще далеко не окончена. Положение наших окраин и их пустыньность удостоверят в чувствительной потребности колония наши слаба, бессильна и бедна. Мы далеко не воспользовались всеми выгодами наших территориальных приобретений. Между тем такие выгоды могут быть извлечены для населения при одном условии заселения пустынных пространств. Из всего этого остается вывести одно заключение, что период наших расселений и колонизации, как и задачи ее, не прекратились, но только начинаются. Когда внутри государства чувствуется экономический кризис и восстает уже грозный призрак малоземелья, тогда переселения и колонизация должны возбудить особое внимание. Нужды внешнего крестьянства от малоземелья уравновешиваются избытком земель в других местах, и если народ-

ный инстинкт сам научился удовлетворять своим потребностям путем переселений, то странно было бы отнимать у него эту возможность. На новых местах Сибири народ находит удовлетворение своим насущным потребностям в земле. Остается, стало быть, направить только колонизационное движение и воспользоваться уже существующей склонностью к переселениям народа — к выгоде настолько же населения, как и к пользам государства.

Сибирь и наши северо-восточные владения Азии в этом случае представляют многочисленные выгоды. В Сибири весьма много свободных земель, представляющих все удобства для земледелия и скотоводства, следовательно, гораздо больший выбор этих земель для переселения. По характеру страны здесь есть местности степные, лесистые, сельскохозяйственные равнины и горные пространства; климат разнообразен, начиная с сурового севера, кончая южными широтами южного Алтая, Бухтармы, Зайсая, Семиречья и Амура, все это может удовлетворить привычкам самого разнообразного населения, начиная с чалоросса, кончая архангельцем. Далее, Сибирь представляет полную возможность просторного экстенсивного хозяйства, обширность лугов благоприятствует скотоводству; во многих местностях население может пользоваться почти по 60 и 100 десятинам на душу. Обыкновенный надел равняется от 18 до 21 десятины, но при переездах дается вдвое. В Сибири большинство земель государственных, исключая только горноалтайское ведомство, где казачьи земли оплачивают шестидесятирублевым оброком с души, сколько бы кто там владел землею. Наделение переселенцев землею поэтому переходит в вечное их пользование совершенно бесплатно. Для государственных крестьян в Сибири еще не совершен окончательный надел, да и едва ли может быть скоро совершен, так как огромные пространства остаются еще не обмежеванными. Приобретение государственных земель без особенной платы и ренты составляет драгоценную особенность Сибири перед всеми другими местностями. Переселенцы, привлекаемый в другие места на земли собственников-землеуладельцев, не пользуются такими выгодами; самое привлечение переселенцев обусловлено выгодами и брызгами бывших помещиков, и рента или выкуп земли ставит переселенца в зависимое и часто кабальное отношение к владельцу земли. Доход от земледелия идет не на поощрение земледельца и усиление его хозяйства, но на по-

требу земледельца, причем улучшение земли и труд, приносящий к ней, становится достоянием только лица, которому принадлежит земля; поэтому привлечение переселенцев на владельческие земли есть прямой расчет одних, окупленный ограничением хозяйств и доходов других. Не обременяемый рентой и пнигой земледельцу переселенцев в Сибири получает, наоборот, полную возможность расширить свое хозяйство, приобращает весь доход из земледелия в свою пользу, и таким образом все благоприятствует здесь его свободному труду и широкому применению сил.

Кроме выгод переселенца, с колонизацией Сибири выдвигаются и экономические выгоды государства: государству выгоднее иметь колонию заселенную, чем пустынную, естественные богатства которой остаются после не тронутыми; в три столетия мы едва коснулись природных даров ее и коснулись, должны сознаться, самым нерасчетливым образом. Между тем мы видим, что переселенцы из европейской России, селясь между стирожилками, вносят улучшенные способы хозяйства и культуры, которые заменяют прежние: способы заплата и истощения почвы. Увеличение населения в Сибири будет содействовать развитию промышленности, созданию фабрик и заводов, для чего доселе не доставало на окраине рабочих рук. При богатой природе, прекрасной почве и дугах, при огромных залежах минералогических богатств Сибирь может приносить в сто раз более дохода, чем теперь. Привлечением переселенцев усилятся в Сибири русский элемент: колонизация придаст ему более прочности, стойкости и окажет большее влияние на инородцев, способствуя их гражданственности. При обладании инородцев над русскими, мы видим ослабление и вырождение русских. Там, где русское население в Сибири преобладает, мы видим поглощение, ассимиляцию инородцев. Переезд русского населения на Востоке окажет также значительное влияние и на наше политическое положение в Азии. Он даст возможность развернуть национальные силы, создать действительную гражданственность, которой недостает нам при всех наших завоевательных стремлениях. Только гражданственность укрепит наши владения и обеспечит их цветущую будущность. Приступить к этому нам становится тем необходимым, что азиатские государства, как Япония и даже Китай, начинают выходить из положения застоя и при помощи европейского влия-

ния могут явиться серьезной силой. Инстинкт цивилизации не может быть чуждым и им, и раз ступив на этот путь, они пойдут по нему неизбежно в силу необходимости. Мы не можем уже более приобрести новыми изданием на Востоке и их культурой хотя ради того, чтобы не отстать пред остальными азиатскими государствами. Задачи, оставшиеся для будущего, приблизились к нам незаметно, и час деятельности на нашем Востоке пробил.

Имея в виду перечисленные выгоды и весьма серьезные указания, мы должны обрести всю энергию на колонизацию Сибири, воспользовавшись всеми благоприятствующими для этого условиями времени и обстоятельства. Пропущенное нами время по сих пор должно быть наверстано.

От свободы переселения в Сибирь и прочного водворения переселенцев будет зависеть вся будущность этого края, его культурные успехи и развитие. Мы разумею, конечно, переселение свободного земельного класса России. Весь вопрос в том, пожелаем ли мы иметь этот край населенным, цветущим, полным жизни или по-прежнему оставим его безжизненным и пустыней. Что касается Сибири, то ее интерес — стремиться всеми средствами привлечь переселенцев и содействовать устройству колонистов, так как это условие ее питания, роста и приобретения жизненных сил в будущем.

Ссылка в Сибирь и положение ссыльных

VI.

Взгляд на Сибирь как страну ссылки — Настоящее число ссыльных. — Экономический быт их. — Население и бродажность ссыльных. — Политика. — Преступления ссыльных. — Стойкость ссылки. — Влияние ее на сибирское общество. — Влияние местных жителей. — Отношение к ней администраторов. — Проекты отмены ссылки.

Всегда недавно еще с понятием о Сибири соединялось непременно представление о месте ссылки, не более. Заблуждение это доселе еще сохраняется в русском обществе к пятидесяти годам Сибири и задержке ее развития. Огромных усилий стоило в последнее время разбудить русскую публику, что здесь не одно собрание преступников, но довольно давно уже выдвинутое сформировавшееся гражданское население и место для жизни полноправных граждан. Сама ссылка в гражданской жизни края давно отошла на второй план и приносит не столько пользы, сколько вреда Сибири. Обширная литература накопленная в последние годы по поводу ссыльного вопроса и значения ссылки. Мы вично много лет принимали участие в борьбе против ссыльной системы и ее последствий. Обрисовка положения ссыльных и их роли, изложенные в настоящей главе, укажут, чем являлась ссылка в Сибири.

О количестве и своем состоянии нашей ссылки обыкновенно до сих пор судили по числу высланных ежегодно в Сибирь преступников; едипетические сведения, которые мы могли получить о них, — это ведомости Приказа о ссыльных, удостоверяющие, сколько прошло уголовных преступников через рубеж России в Сибирь. Цифры ежегодно отправляющихся в Сибирь ссыльных казались нам довольно благоприятными, чтобы сделать заключение о довольно видном значении ссылки в деле колонизационном. По позднейшим сведениям, число ссыльных доходит до 19000 в год — контингент довольно значительный. Прежде

ссылка равнялась от 6000 до 9000. Это дало повод заключить, что с начала нынешнего столетия, лет в 50 с лишком, ссылка дала Сибири полмиллиона народа. По естественному прироску она должна была образовать в этот период более сорока миллиона жителей; такой континент ни не мог поселиться без позвола для малонаселенной Сибири. Далее, мы думаем, что население это должно было внести известный труд и содействовать его экономическому преуспеянию. Ссылтные, естественно, должны были населять его и обводиться здесь хозяйством; таким образом, ссылка, исключая из общества иррационального члена, делала из преступника честного и благонадежного работника. Избавляя одну страну от вредных и опасных элементов, устранив других сиюю каторы и угрозою депортации, мы давали другому краю новую кровь, трудовые силы, и самое зло, так сказать, превортели в добро на другой почве. Вслед за высылкой на Урал мы были убеждены, что все наличное население ссылных походитесь на лицо, обявлялось хозяйством, семьею, крепко повторилось здесь и благополучно производит потомство. Вот те заключения, которые могли быть сделаны насчет нашей ссылки и которые действительно были сделаны. Все это давало повод заключить об особенных преимуществах этого наказания и тии пользы, какую приносило оно России. Навязанное это считалось, таким образом, казанием и исправлением, описанием общества от дурных элементов и полезной колонизацией нового края. Оно удовлетворяло и суровых криминалистов, и представителей исправительного принципа, наконец, гуманистов, предпочитавших его душной тюрьме, так как здесь ссылные несут наказание и работают на чистом воздухе. Оно обольщало даже утопистов, желавших наказание сделать совсем нечувствительным. Казалось бы, что соединение уже столь противоположных свойств, в сущности и на деле несоединимых друг друга в самом принципе, могло бы зародить некоторые сомнения в его действительности и осуществимости, но на самом деле оно содействовало общению, соединило около себя только массу защитников ссылки и усыпило общество. Вслед за успокоением, что мы имеем полмиллиона ссылного населения за Уралом, мы уже не заботились спрашивать о том, насколько находится в наличности это население, чем оно занимается и какова судьба его. Только при начале по-ремно-ссылной реформы и после удостоверения писателей и этнографов, побывавших в Сибири, как, например, Достоевского, Лялова, Максимова, Д. Завальнича, Розинского и других,

Ссылка в Сибирь и положение ссыльных 173

мы узнали, что жизнь ссыльных и «несчастных» в Сибири далеко не находится в удовлетворительном состоянии. Отдельные картины нашей каторги и ссылки, а также «чистые» описания ее безнадёжного положения в Сибири не могли, однако, удовлетворить нас вполне. При начале реформы естествен был вопрос: о состоянии ссылки в целом ее сложности и на основании самых достоверных данных. В самом деле, принимаясь за реформу, нужно было себе выяснить, что реформировать и почему реформировать?.. К сожалению, таких-то данных и неоставало до последнего времени. Желая отчасти пополнить этот пробел, мы являясь за статистическое исследование нашей ссылки.

Прежде всего мы были поражены тем недостатком сведений, какой имеется по этому предмету, и были поставлены в затруднение отыскать самые источники, из которых могли бы ими пользоваться.

Единственные сведения, которыми у нас привычки руководствоваться, — это только цифры Приказа о ссыльных, дающие знать, сколько уголовных преступников прошло через рубеж Урала из России в Сибирь. За этим рубежом, спустя момент перехода, как о числе, так и о положении ссыльных мы уже не имеем никаких сведений; самые ведомости Приказа о ссыльных — о количестве ссылки за прошлые годы, далеко не были полны, а цифры Приказа не были разрабатываемы и публикуемы вплоть до исследования г. Анучина, кончившегося, к сожалению, 1846 годом*.

Ссылка в Сибирь ведет начало с XVI века; являясь сначала мерою исключительною, она скоро получила значение меры общегосударственной и в XVII и XVIII столетиях занимает видное место в ряду наказаний**. Высылка людей в каторжные работы в XVIII столетии направлялась не в одну Сибирь, а в Роттердам и другие места. Число высланных в Сибирь однако не привлечено к известности. Более точные известия о ссылке появляются с начала XIX столетия, и то именно с 1807 года. В это время ссылка доходила до 2035 чел. в год, но к 1823 году возросла до 6667, а в 1824 — 1827 годах она достигла 11000 чел.

* Должно пожалеть, что труд г. Анучина по второй своей части исследованной гораздо подробнейшим и гораздо интереснейшим для истории ссылки, — что статья его не могла появиться.

** В числе первых ссыльных были в 1593 году при Феодоре Иоанновичем уличенные жители, судимые по делу убийства царевича Дмитрия и отправленные в Пермь. В 1652 году повелено было указом смертную казнь для воров и разбойников заменять ссылкой.

сжегодно. Приписку такого возрастания ссылки были указы об очищении крепостей и обращении в Сибирь как маловажных преступников, следовавших в военную службу, так и бродяг (полное собрание законов, том XXXVIII, №№ 2818 и 29328); в следующие десятилетия ссылка несколько уменьшится, колеблется между 6000 и 8000 ежегодно, но затем опять начинает возрастать, доходит до 10–11 тысяч ежегодно.

Ссылка в Сибирь, расположенная по десятилетиям с 1823 года, т. е. со времени, когда приказ о ссыльных (вышедший в Тобольске, ныне перенесенный в Тюмень) мог точно учитывать число препровождаемых, представляет следующую картину:

С 1823 по 1832 —	ссылаемо было преступников	98725 чел.
С 1833 по 1842 —	«	86550 «
С 1843 по 1852 —	«	69764 «
С 1853 по 1862 —	«	101238 «
С 1863 по 1872 —	«	146380 «
С 1873 по 1877 (на 5 лет)	«	91257 «
	Всего	393914 чел.

Рассматривая увеличение нашей ссылки по периодам, мы замечаем, что ссылка наша с 1853 года особенно возрастает; против 1843 — 1852 годов она увеличилась на 21474, с 1862-го по 1872 — на 45142 и, судя по десятилетиям с 1873-го по 1877 год, данному 91257 чел., она должна будет подняться еще более и дать к 1882 году наименьших 182514 чел., но цифра эта будет по всей вероятности болше. Таким образом, рост ссылки от 30000 до 45000 в десятилетие не подлежит сомнению.

Затем, может быть, желательнó обратить внимание и на ежегодное число ссыльных в Сибирь.

Из отчетов приказа, мною лично просмотренных и подлинниках, оказывается, что ссылка еще в 1866 году равнялась 10776 чел.; с 1856-го по 1866 гг. цифра не поднималась выше 10 и 11000, исключая 1863 — 1865 года, когда пересел дала ссылка политическая, принятая во внимание польское восстание. С тех пор распределение ссылки приказом возросло к 1876 году до 19063. По навигационному же отчету главного инспектора тюменско-чинского тракта, препровождено было в Тюмень преступников 20482 чел.

В 1877 году препровождено 19042 чел. и распределено 17424.

В 1878 году препровождено 19972 чел. и распределено 17760.

Таким образом, наша ежегодная ссылка доходит, как показывают точные сведения, до 19000, даже при учете обрванных, следующих из Сибири арестантов (318).¹⁷

Такое быстрое увеличение числа ссылных, с 10000 на 19000, невольно останавливает внимание и не может не возбудить некоторых опасений за размеры этой ссылки. В одно десятилетие она почти удвоилась. Пришла же во внимание, что с 1807 года ссылка была по 2035 чел. в год, с начала нынешнего столетия видно, что она удесятерилась. Все это не может не возбудить вопроса: до каких же размеров она пойдет в будущем?

Одно неоспоримо, что ссылка у нас растет неизменно, и трудно предвидеть ее пределы, до которых может она разрастись. Мы пользовались ссылкой, немало не стесняясь, в видах карательных, как и предупредительных, в форме уголовной, как и административной. По вычислению г. Аму-чина, в 20 лет, с 1826-го по 1846 г., более половины ссылки приходится на лиц, высланных административным порядком (79909). Позднее на один Амур прошло 12 штрафных солдат. Кроме того, масса людей высылается по приговорам сельских обществ, для поощрения чего в последнее время ассигнуются значительные суммы всеми земствами. Из этого видно, что ссылка, как наказание, практиковалась у нас во многих случаях за неимением тюрем, арестантских рот, рабочих домов и создала обширный параллелизм в уголовном кодексе. Ссылка по суду до последнего времени играет меньшую роль, чем ссылка административная в Сибирь.

Число ссылных, идущих по категориям, распределяется в следующем виде за последние десять лет, с 1867-го по 1876 год:

Каторжных		18582
Ссылных	на поселение	28382
Ссылных	на возвращение	23383
*	на жительство	2551
*	в административном порядке	78686
		151584

Из этого видно, что административная ссылка преобладает в последнее время перед всеми прочими категориями ссылки по суду и составляет большую половину всей ссылки — факт, также обращающий на себя внимание.

Таким образом, ссылка должна рассматриваться у нас как мера предупредительная и как замена массы других наказаний, очень незначительных по сущности, и еще как мера колонизаторная, необыкновенно широко применяемая во всех случаях.

Итак, допуская, что ссылка наша с последними годами обнимает более полумиллиона людей (мы также охотно готовы были бы допустить, что она обнимает и миллион), нам остается спросить, где эти полумиллиона народа, несколько они сохранились и каково их приращение в Сибири. Это для нас будет, без сомнения, гораздо важнее цифры выселенных. В этом случае чрезвычайно важно становится знать, сколько находится наличным числом всех сельных, переоселенных и водворенных в Сибири. К сожалению нашему, мы нашли менее всего объяснений по этой части в нашей официальной статистике. Некоторые уверяют, что число приписанных сельных в Сибири, числящихся по официальным отчетам, равно 202854 человека. Несколько вернее эта цифра, мы не беремся судить, приняв за основание самостоятельные изыскания. Цифра приписанных сельных, однако, может быть измерена по сведениям приказов о сельных, распределяющих их на место поселения, и по губернским отчетам. Из губернских отчетов за 1873 год видно, что на каждую из четырех главных сибирских губерний числилось сельных поселенцев от 40 до 50000 человек; в Иркутской губернии считалось до 1873 года 48000 человек*. В Томской губернии по губернаторским отчетам — 50000 человек; в Забайкальской области за 1870-й и 1872 г. сельных числилось 21335; в Якутской области 2987**. Таким образом, на все губернии Сибири с областями и Амурским краем можно считать числящихся водворенными на поселение до 209000 человек и прибывающих ежегодно на губернию около 3000***. Заметим, кстати, что сведения эти крайне противоречивы и неопределенны, но самое важное то, что число людей, считающихся по официальным спискам, далеко не составляет числа действительно надолго существовавшего населения. Многие частные исследователи, как Ползен, д-р Шрек, проводивший исследование приписанным поселенцам в Верхояльском округе, доказали, что надолго сельных может считаться едва 1/3 часть. Теперь это подтверждается и другими официальными данными, по отношению к целым губерниям. Уже к 1872 г. во время статистической переписи Иркутской губернии оказался недостаток в 15987 душ. Это объяснено было тем, что в официальные сведения отосланы всюду все население, приписанное к известному участку, а в статистическую перепись попало

* Пятидесятая книжка Иркутской губернии за 1873 г., стр. XI.

** Восточная Сибирь, календарь 1874 г., стр. 136, 137.

*** В 1873 году в Енисейскую губернию в течение года прибыло сельных 2619. В Томскую губернию — 2234 человека.

лишь одно наличное население. Убыль, по мнению статистического комитета, произошла оттого, что масса лиц находится в безвестной отлучке с места причисления и что эти отлучки даются исключительно на 4000 ссыльного населения (114 км. Иркут. губернии 1873 года, XI). Поданнейшие официальные данные еще более разъяснили дело. Подворная опись по Иркутской губернии ясно определила громадный недочет ссыльнопоселенцев против числившихся по спискам. Начальник Иркутской губернии генерал Шалашников лично убедился, что налицо их едва $\frac{1}{2}$ часть на месте; затем столько же уволены на заработки, а большая половина в бегах и неизвестной отлучке, искрою со дня прихода своего в участок. Для более точной проверки были командированы, наконец, особые чиновники в три округа: Нижнеудинский, Балганский и Иркутский, которые довели, что в этих волостях *нет* более двух третей ссыльных. Из 10378 душ, причисленных и числившихся в волостях, оказалось в действительности только 1994 души обоего пола, 2476 уволены на заработки, а остальные 5561 человек в бегах. Другие сведения подтверждают, что из 45000 приблизительно ссыльного населения только тысяч 14 живут в местах причисления, около 10000 находятся на промыслах и заработках, остальные — в безвестной отлучке. Есть волости, как Мантурская, в которой из 2400 причисленных поселенцев живут только 300, но указываются шифры, когда вместе 5 и 7 тыс. в волости причисленных ссыльных отлучка 200 и 300, как видно из описной местного начальства о положении ссыльных и их отлучках; то же подтверждается и во всей Сибири.

По показаниям тобольской администрации, в 1875 году ссыльных в Тобольской губернии числилось по спискам 51122, находилось же в действительности 34293, то есть недоставало 16829 человек.

В Томской губернии считалось 29675 чел., а находилось налицо 25024, то есть недоставало 4651 чел. ¹⁾

При этом та же администрация удостоверила, что в Тобольской губернии считается до 13226 чел. в неизвестных отлучках, а в Томской губернии — до 1450 чел.

По последнему учету, произведенному в Томской губернии особи командированными чиновниками, оказалось, из 28828 числящихся на причислении ссыльных 9796 лиц в неизвестных отлучках, то есть $\frac{1}{3}$ часть не находится налицо.

Для более тщательного исчисления ссыльных была, кроме того, произведена подробная перепись ссыльных по волос-

тям, одной на округ, причем оказалось, что в 11-ти волостях Западной Сибири из 14722 причисленных ссыльных находилось только 6277 в наличности, то есть недоставало 57%.

Все это едва ли говорит за колонизационное значение ссылки при существующих условиях.

Оно приводит к заключению, что наличное ссыльное население в Сибири составляет громадную разницу с числом высланных сюда и числом приписанных во волостям. Мы видим, что кроме числа вымиравших по дороге, бегуных с пути, оно уменьшается против приписки немедленно по прибытии от каких-то причин на $\frac{1}{2}$, и даже $\frac{1}{3}$. Таким образом, из 200000 мы вправе считать наличными едва 40 и 60 тыс. оставшихся в местах ссылки, а вместо укльваемых 500000 ссыльных во весь период и миллиона, выросшего путем наращения, которые, как мы предполагали, обогатили Сибирь, нам представляется 400000 потерянных и неизвестно куда девшегося народа, умершего или погибшего в бегах. Картина совершенно обратная и крайне неутешительная.

Если бы подобная потеря людей и могла показаться преувеличенной, то, во всяком случае, недочет целыми десятками тысяч, который выше является доказанным, не может не заслужить внимания.

Увеличение населения Сибири путем ссылки было крайне ничтожно, как указывают факты. Это доказывается, во-первых, тем, что до настоящего столетия и вплоть до двадцатых годов ссылка была ничтожна по численности. Второе — беспорядками этой ссылки, самым составом, возрастом и отношением между нолами в среде ссыльных, которые нимало не способствовали плодovitости, размножению и приросту населения в Сибири. Наконец, пропорцией ссыльного нола к числу других жителей Сибири, как прежде, так и ныне. Уже Сперанский, въехав в Сибирь и собрав все сведения о составе и количестве ссыльного населения, делает следующие открытия в одном из своих писем. «... Не думай и не позволяй себе думать, — пишет он, — чтобы Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число их как капля в море, их почти не видно, кроме некоторых публичных работ. Невероятно, как вообще число их малаважно. По самым достоверным сведениям, они едва составляют до 21 ч. в год, и в том числе никогда и десятой части нет женщин. Со временем я издам таблицы, которые увидят просвещен-

ную Европу»⁸. Сперанский, кажется, задался по этому о причудливой проступности в России. Таблицы, изданные г. Анучиным, подтвердили эту ничтожность ссылки в прежние время. Эти же таблицы указали на состав ссыльных по возрастам и полам. Средняя продолжительность жизни поселенцев в Сибири не могла быть более десяти лет, так как все они являются уже взрослыми и преимущественно между 30 и 50 годами⁹. Затем, самая пропорция ссыльных женщин не соответствовала мужскому населению, так как ссыльные женщины составляли $\frac{1}{2}$ часть, если 18 женщин приходилось на 100 мужчин, и $\frac{1}{2}$ часть их была старше 40 лет¹⁰. Притом, самый характер женского населения, как мы увидим ниже, далеко не был благоприятен и благоприятен бракам. По позднейшим сведениям о пересылке за 1867, 68, 69 и 70 годы видно, что женщин проходило ссыльными партиями через Тюмень $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ на число мужчин¹¹. Ссыльные редко обзаводились семейством в Сибири. Существующие исследования указывают, что ссыльное население в Сибири решительно не увеличилось, так, например, свидетельствует г-н Гагенмейстер в статистическом обозрении Сибири, предпринятом по распоряжению министерства внутренних дел.

О существующем распределении контингента ссыльных и их отношении к числу местного населения можно иметь некоторые позитивные сведения по губерниям. В списках населенных мест Томской губернии, изд. центрального статистического комитета за 1868 г., приводятся следующие, довольно полные цифры о числе и составе ссыльных в губернии. Категориях, приписанных на поселение, водворенных на каторге, в цехе слуг, с женщинами и детьми, числилось всего 34915 человек, из них было 21622 м. и 13293 ж. п. Из подробной таблицы в списках видно, что собственно ссыльные составляют 77,1%, их дети — 21,4% и по воле принятые с ссыльными женщины и дети — 1,5% всех ссыльных. На 100 м. муж. пола вообще приходится по 61,5 женщ., в частности, на 100 м. муж. пола собственно ссыльных по 53,3 женщ.; на 100 мальчиков 88,1 девочек. *Из общего числа ссыльных наибольшую категорию*

⁸ Ист. свед. о деятельности гр. Сперанского в Сибири, Вагина, 1872. Т. I, стр. 76 и 77.

⁹ Алучин. «Материалы для изд. стат. России», Тобольск, ч. 1, стр. 44.

¹⁰ Алучин. «Материалы для уголов. статист. России», Ч. I.

¹¹ Табл. прив. о ссыльных, опублик. в № 171, 1875 г. «Голос». С 1870 г. и до 1877 г. преступников прошло 31319 мужчин и 4745 женщин. Добра воля следует за нами в год. на 13000 м. 2035 ж. и 3976 детей.

составляют *дремале*, именно 42,4%, приписные — 27,1% и поселенцы — 5,3%. Распределение по округам является далеко неравномерным, особенно в Томской губернии: в округах Томском их 51,4%, из числа распределенных в губерниях, то есть более половины; в Мариинском — 28,2%; в Каинском — 19,7%; в прочих округах — 0,7%; в Барнаульском горном округе зато нет ни одного сельничего. На число всех жителей губернии приходится сельничих по округам: в Томском — по 12,6 души на 100 обстою поля, обстою населения; в Мариинском — 19,3 и в Каинском — 7,8 на 100⁴.

⁴ О распределении сельничих и числе их в Иркутской губернии дают понятие последние сведения иркутск. статистического комитета за 1873 год. На 100 жителей общего населения губернии, взятых в каждом округе особо, приходится сельничих, считая всех приписанных на поселение в губернии: в Иркутском — 15,3%; из этого числа женщины только 4,7%; в Баянском — 9,1%, из этого числа женщины 1,6%; в Нижнеудинском — 15,5%, женщины 4,7%; Верхояльском — 4,3%, женщин 1%; Киренском — 3,6%, женщины 0,7%. Вообще сельничие составляют 10,7% из 100% общего числа жителей губернии, из коих 7,8% мужч и 2,9% женщин⁵. Из этого распределения видно, что губерния, наиболее населенная сельничими, содержит весьма довольно ничтожный контингент по отношению ко всему другому населению. Надобно помнить при этом, что это далеко не полное число сельничих, а только фиктивный максимум, числящийся по спискам. На каждую из сибирских губерний приходится сельничих, как видно по познейшим сведениям:

В Тобольском губ.	1228433	жит.	39000	сельч.	то есть 4,8%
В Томской губ.	1032599	•	28000	•	• 2,9%
В Енисейской губ.	427517	•	45000	•	• 10,5%
В Иркутской губ.	383573	•	40000	•	• 10,4%
В Байкальской обл.	480000	•	21338	•	• 4,3%
В Якутской обл.	242001	•	2987	•	• 1,2%

На всю Сибирь, таким образом, можно положить 198122 сельничих, а на все находящееся свободное русское население — 5,2%. Распределение сельничих неравномерно как по губерниям, так и по округам. В некоторых местах они скучены до чрезвычайности; в Каинском и Мариинском округах Томской губернии они составляют почти $\frac{1}{4}$ населения и могут ввести в заблуждение о значении ссылки в Сибирь;

⁵ Списки населенн. мест, вел. центр. стат. ком., т. IX, Томск, 1868 г.

⁶ Наместник кинешин. Иркут. губ., изд. стат. комит. 1873 г., стр. 331.

зачто в иных округах их нет совершенно, тогто так же, как и в дельцах обществах, так, например, в Семипалатинске, в Калачике, в Охотском крае, в Акмолинской области и т. п.

Точных сведений о природе сельских путем браков и рождений решительно не собралось до сего времени, поэтому о потомстве сельских мы не имеем точных сведений; но, судя по причинам, препятствовавшим размножению и потомству сельских, можно заключить, что прирост этот был ничтожен. А причины, препятствующия размножению, были множество, как-то:

1) преобладание между сельскими холостых, оставшихся таковыми на целую жизнь; 2) поздний возраст; 3) приближение между сельскими дряхлых и старых, в огромном проценте, как показывает Томская губерния; 4) запрещение бродягам вступать в брак первые пять лет; 5) затруднение браков для каторжных; 6) разрыв браков при отлучке в Сибирь; 7) неблагоприятное положение сельских из браков с семейной жизнью; 8) невозможность мужьям заключить брак с сельскими; 9) процветание в сельском населении проституции, развитее болезней, сифилиса и многое другое. Все эти причины составляли и даваиа препятствие размножению сельнопоселенцев и парализовали его.

Поэтому все исследователи приходили к заключению, что прирост здесь был незначительный*. Зато есть неопровержимые свидетельства преобладающей смертности между сельскими. Смертность эта огромна до последнего времени и начиналась во время переселки; переселенные арестанты заболели в партиях и нередко на дороге их поражают чума эпидемии. В 1873 году еще доносило сибирское начальство, что между арестантами появился такой тиф, что больные были переполнены, большие жаражи конями, вьючей и окруженных арестантов, больных было 1136 человек и умерло в одной больнице 109 человек.

Далее идет смертность сельских в ссылке под влиянием бесчеловечных условий быта на сибирских приисках, где смертность более, чем в других местах, ряд скоростных смертей, которые на сельских выпадают по преимуществу, и, наконец, гибель во время бегств и исчезновение людей в неизвестности во время бегств и бродяжничества. Такой смертности и счета не ведется в Сибири: пропал, так пропал! Но в конце огромный

* К этому выводу пришли в «Статистическом обозрении Сибири» с. Гельрейтер и исследователи сибирской колонизации П. Перес. Медленный рост сибирского населения, достигавший ныне 3500000, покрывает одну прибыль путем рождений избыточного населения и полное отсутствие ссылки.

дефицит ссыльного населения ясно показывает, как велики подобные потери людей. Что касается едущих за ссыльными женщины и детей, то о них известно и выяснено только два факта. Между женщинами замечается нравственное падение вследствие пребывания в партиях, и в Сибири, они являлись не способными к семейной жизни; что касается детей, то они поражают смертностью в пути; недавно из Москвы еще отправлялись арестантские дети, зарожившие корью, и размыслили эпидемией*. При отсутствии медицинской помощи на баржах и пароходах, на этапах и во время пешеходного странствия по Сибири смертность эта постигла половину всех детей. Нечего говорить, что подобные условия никогда не способствовали сохранению и целости даже существующих сельских семейств. †

Все это дает нам повод предположить скорее о вымирании ссыльных, чем о их приросте; что подтверждается вполне недочетом числящегося по спискам населения, которого вместо прибыли оказывается на $\frac{1}{2}$ менее. Всякое предположение об их семейственном приращении привело бы иначе нас к заключению, что они в объеме $\frac{1}{2}$ всего числа исчезли куда-то с женами и детьми.

Обратимся теперь к самому положению и жизни ссыльных в Сибири, которые лучше всего откроют нам современное состояние ссылки и дадут понятие о значении этого наказания, как оно проявляется в действительности. ‡

Неутешительно и безвестное положение ссыльных давно уже свидетельствуется многими исследователями; нам остается остановиться на самых позднейших и — как менее всего оспоримых — официальных донесениях. Лучшим свидетельством быта ссыльных мы сочли нужным представить извлечение из отчета о быте ссыльных Иркутской губернии, доставленного ревизором иркутских поселений. Записка эта касается современного положения ссыльных в волостях и степени их зажиточности и оседлости в месте притиски. Всех ссыльнопоселенцев в экономическом отношении иркутский ревизор делит на два главных разряда: «домовладельцев» и «бездомных». Из домовладельцев одни занимаются хлебопашеством, другие ремеслами и т. п. Вторая категория бездомных большей находится в сельских работниках у крестьян на сроки или поленно, наконец, занимается ремеслами, и третья категория — нищенствующие. §

Домовладельцев вообще очень мало, пишет ревизор; так, на

* Известие из Тюмени. «Голос», № 283, 1874 г.

пример, к Кимельмейской волости из 496 ссыльных, проживавших в местах причисления, насчитывается лишь только 109 домохозяев; из них только 59 сами хозяева-хлеботашы, остальные живут в работниках. Большая часть домов — ячужки, разваливающиеся от времени; хлебопашество производится в чрезвычайно малом размере, много-много, если поселенец засеивает 4 десятины. (Надо заметить, что при сибирском хозяйстве крестьяне засевают вабое и стрёс болес), то есть столько, сколько нужно для прокормления его с семейством; избытка хлеба для продажи почти не бывает. Редею у кого можно найти несколько штук рогатого скота: большая часть имеет по одной лошади и коров, но есть и такие, которые и того не имеют, а занимают лошадей у крестьян за время полевых работ. Вообще, положение поселенцев-хозяев далеко не удовлетворительно, притом многие из них имеют большие семейства, по 5 и более человек детей. Редкие исключения зажиточности представляют или поселенцы, бывшие долго кабатчиками, или вышедшие что с присягов. Поселенцев-работников в описываемой волости было 236 человек, и из них 200 человек живут срочно у крестьян, остальные нанимаются временно на разные работы и идут в пастухи, сторожа и проч. Эти последние обязанности исполняют старые и болезненные люди, не способные к тяжелому труду. Из числа 236 чел. работников только 15 имеют кое-какие дома. Обыкновенно хороший работник в этой местности получает в год 70 рублей и, кроме того, обувь и верхнюю одежду; но хороших работников-поселенцев очень мало, и большая часть из них — люди пожилые, слабосильные, потратившие свои силы в острогах и по большой сибирской дороге. Поэтому и оплата труда их очень низкая: многие из них получают не более 30 рублей в год, другие еще меньше. Некоторым договаривают у хозяев себе присягов, то есть обременение с четверть десятины земли семенами хозяина. Если положение поселенцев-домохозяев неудовлетворительно, сообщает режизор, то положение работников-поселенцев можно назвать бедственным. Проходят годы тяжкого бесперывного труда, а он, работник, не сберет сам ни копейки из получившей платы; притом это обуславливается способностью сибирского крестьянина казнить работников! Такой кабакетелый бестравен, работник получает деньги и прибавки от хозяина «на пропой» и ежегодно находится в долгах. Поэтому большинство предпочитает быть поденщиками, хотя заработок их ничтожен: рублей 50 в год, что

ство хватает на прокормление. Ремесленники в волости имеют следующий заработок: дерезинский портной — 30 копеек в день, на хозяйских картах, сапожник — 30 копеек, кузнец, плотник и столяр выработывают даже более рубля в день, по-видимому, достаточно; но, во-первых, работа бывает непостоянная, случаются долгие перерывы по недостатку заказчиков; во-вторых, ремесленники большей частью пьяницы, поэтому и их быт неудовлетворителен. Другие же, как, например, густуки, караульные сторожа, получают вознаграждение, еле достигающее та пропитание, а некоторые живут из одного хлеба. Наконец, в каждой волости находится несколько десятков положительно не способных ни к какому труду, это — старики, дряхлые, немощные, калеки, например, слепые, хромые, разбитые параличом, они терпят и голод, и голод — халоб потому, что летом и зимой ходят в одних изорванных лохмотьях, и *зимой* — когда бележит, сильный мороз принуждают их сидеть в избе, лишенных возможности собрать христовым именем несколько кусков хлеба.

Все это относится, однако, до положения поселенцев, обитавших в Сибири, осевших и составивших культурный класс. Это, конечно, меньшинство поселенцев. Еще интереснее замечания иркутского ревизора о поселенцах льготных и только что приписанных; он приводит просто цифры их пребывания налицо, которые служат достаточной характеристикой этих людей. На выдержку пяты 1869 и 1870 годы: всех вновь причисленных в эти годы к описываемой волости поселенцев было 555 человек, из них уволено по билетам на золотые промыслы и другие работы 193 человека, живут на месте, причислены — 125, умерли 12 и в *неизвестной отлучке* 225 человек; следовательно, из всего числа поступивших только *одна четвертая часть проживает в местах водворения, и половина почти неизвестно где находится*. Всех же сельных находится в отлучке в упомянутой волости 645 человек. Самовольные отлучки, по мнению иркутского ревизора, обыкновенно происходят от приписанных сельных. Указанные 555 человек сельных происходили: 21 из явловых, сосланных за неоднократные побег из службы, 8 киргизов, 9 из крестьян, а остальные все *бродяги, судимые и осужденные за бродяжество*. Такой контингент, из которого предполагалось сделать оседлое население в Сибири. Заметим, кстати, что по преступлениям сосылаемые за бродяжество составляют главный контингент ссылки: так, в 20 лет в Сибири было сослано 48556 бро-

дят, что составляет $\frac{1}{3}$ всего числа преступников (Анучин). По свидетельству иркутского ревизора ссыльных, бродяги, «происхождение большей частью из белых солдат, скрывающих свое прежнее происхождение, и из ссыльных, возвращенных снова в Сибирь, представляют по преимуществу нравственно испорченных людей. Ко всякому даже малейшему труду они чувствуют отвращение, как наблюдатель, автор записки свидетельствует, что подобные бродяги, содержась в тюрьме, прятались под нарами, как дети, чтобы не выйти почитать двор. Для бродяги, вкусившего всю сладость бродяжеской жизни, невыносимо тяжело принятая за тонор, соху, борону, поэтому большая часть бродяг скорее нанимается на золотые промыслы, прельщаясь задатками и разгульной жизнью, но на промыслах надо работать, и бродяга бежит с приисков большего частью даже во время следования туда, пропивши и задаток, и одежду нанятого. Не являясь на место причисления из боязни быть возвращенным на прииск для отработки задатка, он уходит в бега, бродит по Сибири, ища легких средств к жизни, и там, где подобные бродяги появились, пандаются кражи, грабежи и разбои. Допытываясь, о причинах бродяжничества, свидетель удостоверен, что не раз слышал рассуждение бродяги, что «жить на одном месте ему тоскливо», да и не к чему «особенно привязываться к месту»; ведь он хотя и «бесшабальная» голова, да одна, поэтому и не для чего ему и трудиться; он «несчастный», обречен самой судьбою закончить свою одинокую забубенную жизнь где-либо в закоульях Сибири. И действительно, большая часть поселенцев, происшедших из бродяг, ведет безобразную жизнь; к тому же первые пять лет по прибытии в Сибирь им запрещено вступать в брак сими законом (650 ст. Уст. о пасп. и белгых).

К довершению картины положения ссыльных ревизор поселений рисует нам отношения туземцев и крестьян к ссыльному населению. Он говорит, что поселенцы жаловались на стеснение, причиняемое им крестьянами, и на недружелюбные отношения к ним. Ревизором приводится по этому поводу в пример несколько разобренных им жалоб, из которых видно, что крестьяне довольно пристрастны в жизни к поселенцам. Бывший крестьянский голова выстроил конюшню, примкнув их к поселенческой ибушке, и не обратил внимания на его жалобы, что ссыльный будет жить как крот, в темноте. Когда поселенец обратился к крестьян-

скому скоду, то, вместо удовлетворения, поучил предложеник перенести дом на другое место. Другой крестьянин вывез себе из леса притовловленное поселенцем «дранье» (гес), воспользовавшись неотпущностью ссыльного, не сделавшего на дранье условленных знаков по местному обычаю. Поселенцы другой волости жаловались, что крестьяне обложили их сбором, так называемым рекрутским. Некоторые из ссыльных прельявляли претензии, что они не избавлены от постоя в их домах прохаживших рекрутских партий и несут эту повинность наравне с крестьянами и т.п.

Вообще, чуть не повсеместно, прибавляет ревизор, поселенцы жалуется на стеснения в наделе пахотной землей и сенокосами, чем и объясняют свое нерасположение к хлебопашеству. Они говорили, что им отводят лесную чащу или землю кочкватую, требующую немощных усилий для обработки, вследствие чего большая часть ссыльных нанимает готовую уже расчищенную землю, а между тем в распоряжении почти каждого сельского общества находятся огромные залежи разработанной земли, никем не занятой, остающейся после смерти владельцев или по другому случаю без употребления. Считая подобную землю своею собственностью, крестьяне предлагают лучше отдавать землю внаймы за деньги, чем наделать бесплатно поселенцев. В некоторых местах ссыльные жалуется также на принуждение их к отбыванию повинностей, преимущественно дорожной, хотя по 738 ст. Уст. о ссыльных поселенцы в виде льготы избавляются от этих повинностей до приниски их к обществу. Все жалобы поселенцев, обращаемые к крестьянским скодам и к сельским властям, оказывалось, остаются без последствий или решаются не в их пользу. ¹

Вообще, крестьяне относятся к поселенцам враждебно, пишет ревизор: как только поселенец поправит свое состояние, они начинают завидовать ему или чаще подозревать его. Говорят обыкновенно, что поселенец кого-нибудь ограбил, нажил деньги фальшивыми бумажками, и индут разные способы разорить его. Поселенцу предоставляется один выход — кабальный труд у крестьянина, и труд этот, конечно, не отличается справедливостью: жалобы на хозяина в сельскую управу остаются без удовлетворения, а при жалобах хозяина — поселенца обвинят, хотя бы он был прав. Сверх того, хозяева-крестьяне расправляются часто с работниками соб-

стеннопрочно. Апелляции для поселения нет. У крестьян сложилась поговорка: «Варнаку, — как нылают крестьяне ссыльного согражданина, ругаясь и шутя, — веры нет».

Приводимые печальные отношения к ссыльным, раскрываемые лицом, вполне достоверным, показывают нам, во-первых, прежде всего, что происхождение ссыльных имело не забываемся в новой местности и в новом обществе, как предполагала цель этого наказания и как были уверены крестьяне до сего времени. Пример отношения к ссыльным в Сибири мог быть объяснен одним продуктом грубости нашего крестьянства. Но такое недружелюбное отношение к ссыльным проявлялось и в других несравненно более развитых обществах, как, например, в Австралии, из одного уже смещения элементов общества честных граждан с людьми, законными законом, оторвавшимися да вышедшим из самого дела сомнительного нравственного характера. Если подобное предубеждение возросло в Сибири, в среде крестьянства, не могшего по своему развитию понимать, что удержание и сожительство с ссыльными не бесчестит их, то оно показывает, что здесь были более ощутительными и действительными причины. Один уже состав преступников указывает на их сомнительные нравственные достоинства, почему крестьянство и не могло приглядеться уваженней и признать их за одинаковых себе сограждан. Повеление ссыльных в Сибири, их побег, преступления и средства жизни вдобавок также не показывали их благонадежности. Все это заставило в общем установиться такому взгляду среди местного крестьянства, который прямо вынесен был из опыта, и потому самое предубеждение имело некоторое основание. В заключение трудно было бы от одного сибирского крестьянства требовать особенно возвышенных, гуманных отношений к преступнику и забвения всего того прошлого, когда другая гражданская среда извергла его за преступность и с этим же клеймом приписывала к крестьянскому обществу. Но в жесткости этих отношений была и не одна тенденциозная сторона: горечь их упреждалась тем, что местное сибирское крестьянство несет ежедневно огромные траты, повинности и тяжести, являющиеся ссылая, которая не может не чувствовать, они заключались в людских, различных жемках повинности по препровождению ссыльных, по содержанию в волости ле устройства их, в оплывании их содержания в больницы и различных хлопотах при приселении ссыльных. При отдалении своего имуще-

сты и интересов от подобного пришлого и незнакомое населения, надо сознаться, все-таки не совсем безопасного; при всех этих напоях, обременениях и заботах, налагаемых ссылкой, крестьянство не могло остаться к ссылке хладнокровным, а к самому ссыльному — дружелюбным. Утвердились в среде крестьянства предубеждения и враждебные отношения вообще к ссыльному не могли не отражаться в частностях, без сомнения, многими несправедливостями — это обусловилилось в общем обычаями и заплатами крестьянских обществ, стремившихся заместить чем-нибудь на ссыльном, как и бедриным положением наследного, представлявшим простор и возможность его стеснения. Вследствие этого, возренье на ссыльных усилнилось в крестьянстве: почти иррациональное, но явилось и другое зло: отсутствие иррационального положения у ссыльного, отсутствие всякого имущества и его бесправное положение, обуславливаемое лишением всех прав состояния, создали для него такое зависимое положение в деле и высказия труда, которое повело прямо к кабале. Ссыльный, даже при желании заняться трудом, ставится на необходимость соглашаться на все условия крестьянина. Условия эти крайне невыгодны: ссыльный не имеет никаких гарантий, что труд его окупится. В самих общах, наносимых колонистом, он не может найти управы. Все это не столько поощряет его, сколько отращает окончательно от труда и побуждает к бродяжеству. Оставшия деревни старожилов, ссыльные отправляются искать по Сибири более выгодного заработка; поэтому они стремятся массами на прииски, где, однако, встречают тот же кабальный труд, только в более грандиозных размерах. Положение это рисуется следующими чертами у автора «Списков населенных мест в Томской губернии»:

«Ссыльные, не имеющие оселости, составляют большинство; они живут преимущественно в работниках у старожилов или перехивают для работ из одной деревни в другую; но самая главная их масса занимается ежегодно на золотые прииски. Результатом подобной жизни людей этого разряда бывают по большей части крайняя нищета и проступность. В большинстве случаев это происходит от разгульной бездельной жизни самих поселенцев, но частью же от равнодушия и даже некоторого презрения к ним старожилов, которые не называют их иначе, как «варьян», техническое слово, выходящее «монетника». Главной помехой для ссыльных служат золотые прииски, привлекающие их тем, что, проработав менее полутора, можно воз-

вратиться с деньгами, тем более, что задатки даются весьма хороши. Однако же заработки кончатся почти всегда тем, что ссыльный не только не получит с собой денег, но даже не имеет возможности возвратиться в место своей партии. Нам и работники к старожитам не менее гибельна для ссыльных. Старожиты задатками и обещанием устроить со временем жизнь ссыльного удерживают его год за годом только до тех пор, пока ссыльный имеет силы работать, по истощении же сил отказывают такому работнику, не только не устроив его будучи акти, но даже иногда не заплатив следственных денег»⁴.

Кабальные отношения и несправедливость к поселенческому труду, таким образом, вошли в обыкновение в Сибири во всех отраслях заплать. Доверием характеристики быта ссыльных по губерниям и их положения могут служить отзывы местных губернаторов в их ежегодных отчетах. Начальник Томской губернии в 1873 году доложил, например, следующее: «Все ссыльные в губернии находятся в жутком. Экономический быт ссыльных не изменился и по-прежнему находится в жалком положении. Большая часть этих людей, отвыкнув от трудовой жизни, по прибытии на место ссылки на ищет оседлости и ведет жизнь почти бродячую. Оседлость приобретает те только из них, которые приходят сюда с семействами и приносят с собой материальное средство для первоначальной домохозяйства. Отношение ссыльных к коренному населению хотя и не враждебное, но тем не менее всякий сибиряк смотрит недоверчиво на ссыльного, а ссыльный — на сибиряка, и оба они недолюбливают друг друга».

В заключение томский губернатор характеризует особенный наплыв ссыльных в округах и обременение ими волостей. При скотении ссыльных повсюду является то, что многие ссыльные при недостатке заработков впадают в новое преступление и делаются иногда по годным членами общины; поэтому начальник края приходил бы нужным приослаблять на десять лет слабейшие губернии ссыльными.

Вопрос об устройстве быта ссыльных занимал постоянно особое внимание, которым, по соседности с местным, принимались различные меры к трогичному возведению их на местах поселения. Енисейский губернатор пишет: «Устранялись казенные извещения из ссыльных, вылазались и до сих пор являются возвратные и безвозвратные пособия; были устраняе-

⁴ Список 188 с. 81 || д. 10000 П. И., мл. центр. статистич. комит. Т. IX, Томск, 1868 г., стр. LXXVI.

мы дома и неки слуг, ходатайствуя о разрешении ссыльным приобрести недвижимое имущество», но все принимавшиеся меры не привели к ожидаемой цели, и вопрос этот до сих пор остается открытым. В настоящее время путем различных запросов лицами, хорошо знакомыми с бытом ссыльных и их отношением к коренному населению, добыты только сведения, поакрепитные цифровыми данными, которые свидетельствуют, что коренное население, как сельское, так и горючее, страдает от постоянного наплыва ссыльных, несет за них тягости, а взамен не получает ничего, кроме массы преступлений и забот о поддержании существования уже не способных ни к каким работам по изумрунку, старости и т.п. Из цифр, приведенных в статье «Народная нравственность», очевидно, что громадный процент преступлений падает на ссыльных, к тому же самых важных, в сильной степени подрывает и благосостояние, и нравственность населения, среди которого они живут. Без всякого участия ссыльных это население вследствие преступности их по необходимости несет обязанность устраивать и поддерживать исправительные и сельские тюрьмы, развешивать повсюду арестантов, держать над ними караул, отбывать этапную повинность, надзирать обшарк, поветях и т.д. Кроме того, большая половина дел в местных правлениях суть дела по завальнично сельнопоселенцами, а расходы на содержание этих управлений, простирающиеся до весьма значительной цифры, лежат исключительно на крестьянах. Наконец, поселенцы, признанные не способными к пропитанию себя, хозн и получают ежегодно пособие из дерекелентского капитала в размере 19 р. 13 к. на душу, все-таки остаются на попечении крестьян, так как за невозможностью существовать на полученное пособие обращаются к нищенству. Таким образом, поселенцы с самого поступления в Сибирь, еще полные сил, и редких случаях обращаются к труду постоянному, могуте достигать прочное благосостояние, а по большей части поддерживают свое существование работой случайной, неопределенной, переходя с места на место, что причудит их к бродяжничеству, или же начинают на золотые промысла, зарабатывают там хорошие деньги, но употребляют их по окончании операции на пьянство, разгульную жизнь, снова начинают и остаются на промыслах до старости или полного упадка физических сил от изумрутельной работы. С наступлением же этих кризисов расходятся по деревням и селениям для нищенства».

Иркутский губернатор в тех же отчетах приводил, что положение сельных находится несущественным до последнего времени. Положение поселенцев, как по значительности числа их, так и по разбросанности и по затруднительности регуляции этой бродячей массы, представляет более трудности и часто совсем лишает администрацию возможности принять какие-либо меры к улучшению быта этой части населения, тем более, что и средства администрации крайне ограничены.

Еще более безуспешным представляется положение сельных в Якутской области, по отчету ее начальника. Сельно-поселенцы Якутской области в селениях низкого хозяйства не имеют: не знакомые с образом жизни якутов и языком их, они никак не могут сжитья с ними и потому при первом случае уходят на прииски Олекминского и Киренского округов. Большинство из них, бродячих, несколько не заботится об обеспечении своей будущности, и заработки пропадают немедленно и кабаках. В деревню они возвращаются после нескольких лет, истощенные физически, увечные и дряхлые, где живут скитальчеством и нищизном. С 1873 г. прибыло на поселение в область 115 семейств и 534 человека башкир, но устройство их невозможно, так как башкиры не имеют собственных средств на устройство. Они претерпевают во всем недостаток; скоты также бедствуют. Сверх того, якутский начальник просил о прекращении ссылки старых и дряхлых сектантов, богалелен для которых нет достаточной, а содержание их для правительства дорого (36 р. 50 к.). Таким образом, из всех отчетов местного сибирского начальства оказывается, что быт сельных находится далеко не в удовлетворительном состоянии. Большинство сельных не находится вблизи: значительная часть из них не имеет никакого имущества и ломообморожения, ведет бродячую жизнь, условия труда дурны и стеснительны, средства обеспечения скудны; даже у приписанных и оседлых сельнопоселенцев преимущественно господствуют бедность и нужда. Бедственное положение сельных, обреченных в большинстве на бродяжничество и нищенство, свидетельствуется в заключение наглядными на них ведомками. По официальным отчетам означено, что в Томской губернии ведомка на сельных простирается до 41015 рублей. В Енисейской губернии всего ведомки считались в 1873 г. 65572 р. Большая часть ведомки считается на сельнопоселенцев и крестьян из поселенцев, как

выражается отчет. В Иркутской губернии только в четырех волостях за ссыльными числилось в 1873 г. педоимок 20783 р. Недоимки эти обуславливались тем, что ссыльные не имели собственности и никаких средств обзавестись хозяйством, присутствием дровяных и сирых, приписанных к обществу, пребыванием ссыльных в неизвестной отлучке и, в заключение, отказом крестьянских обществ принимать эту недоимку на свой счет, так как притиска совершается без согласия обществ. Но, кроме полатных недоимок, несостоятельность ссыльных характеризуется хлебными долгами и ссудами из хлебных капиталов. Хлебной недоимки на поселенцах Иркутской губернии веляния экспедиции о ссыльных числилось 2256 р., тогда как на крестьянах только 940 р., на ссыльных более, чем на дворянских (Памяти князя, Иркут. губ. 1865 г.). Все это доказывает, что наши ссыльные во все время пребывания в Сибири обречены на безвестное существование. Попытки, что при таких условиях никогда не было достижимо и исправление: напротив, должны были проявиться результаты обратные.

Экономический быт ссыльных уже поному не может быть удовлетворительным, что ссыльные ничем не обеспечиваются и их приписывают к деревням и городам, оставляя пропитываться, как они вдумают. Понятно, что ссыльный без всяких средств, встречаемый не всегда дружелюбно, в среде, совершенно незнакомой, не может сразу присесть к занятию, если бы и хотел, при этом надо принять во внимание, что масса ссыльных вдобавок не способна к труду, так как это и было в большинстве причиной их преступления. Ничего нет удивительного, что масса ссыльных находится без занятий, бродяжничает и нищенствует.

К 1876 году из 51122 чел. ссыльных по Тобольской губернии показано 13276 в бетах и 9689 чел. без определенных занятий.

Обзаведшихся домами ссыльных в Тобольской губернии в 1877 году считалось 11325 чел., то есть $\frac{1}{4}$ часть.

В двух губерниях ссыльных на погочении сельских обществ состояло 1347, свободных от платежа податей — 14287, но, конечно, количество недоимок за ссыльными достигает ныне 661718 р., не считая 9000 р. хлебной недоимки и 23930 р. за лечение. Недоимки эти в большинстве признаны безнадежными.

Произведенная проверка ссыльных в Томской губернии обнаружила, что на 28828 чел. ссыльных только 3445 чел. занимаются хлебопашеством и 20824 чел. не имеют ровню никакому

го имущества: недвижимки за ссыльными считается 191496 рублей. Недвижимки эти накаплиются, несмотря на предостереженную ссыльным в первые годы льготу. Такие данные в общем итоге по губерниям далеко не рекомендуют быта ссыльных. Рассматриваемая в частности, оп представляется не более утешительным. Экономический быт ссыльных, по произведенной переписи в волостях, так выражается цифровым способом: на 100 ссыльных приходится: семейных — 44%, домо-владельцев — 22% и сельскохозяйственных хозяйств — 13%. Затем на 100 ссыльных: 57% считается в отлучках и только 43% — налицо. Из числа последних, старых и ученых 15% и нищенствующих — 7%. Что касается положения ссыльных в городах, то быт их является еще более безотрадным. Из пригородов мединских обществ в сибирских городах видно, что ссыльные в большинстве пребывают в праздности и нищете и едва 16% из них живет оседло. Перепись по некоторым городам обнаружила, что на 100 ссыльных: 67% находится в неизвестной отлучке и только — 33% налицо. Из этих последних: 8% живет на квартирах, 10% — на заработках, 10% — в услужении, остальные 15% — бездомные пролетарии, «не имеющие не только пристанища, но и одежды».

Нам остается прибавить, что все до сих пор принимавшиеся меры и попытки улучшения быта ссыльных, начиная с организации их по деревням в 1809 г. и кончая проектами Сперанского и уставом о ссыльных, не привели ни к чему.

Местная администрация никогда не в силах была справиться с массой присылаемых ссыльных и была заята исключительно только рассылкою и распределением их по деревням. В этом состоит роль ее до последнего времени. Год от году увеличивавшаяся ссылка принесла только беспорядок. Печальный быт ссыльных остается все тот же, что и сообщается в ежегодных отчетах.

Дурные материальные условия жизни ссыльных поселенцев создали из них пролетариат, который породил и многие другие явления в Сибири, а именно: нищету, бродяжество и побегии ссыльных. Что касается нищеты поселенцев, то оно является обыденным и обыкновенным, которому уже никто не удивляется.

Масса дряхлых и неспособных ссыльных содержится самим правительством на казенном вспомоществовании и в богадельнях. Недостаток этих богаделен, однако, постоянно вызывает

жалобы местного начальства, большая часть нищенствующих живет на счет сел и городов. Некоторые города жалуются на обременение их нищенством: так, в 1870 г. в «Томских губернских ведомостях» мы встречаем «Мысли об уничтожении бродячества и нищих в городе», статья жалуется на скопление нищих, бродяж и насчитывает те суммы, которые несет местным благотворительность. Полагая самую умеренную сумму по койке с каждого дома на нищих, и то образуется сумма в 8 000 р., но в некоторых домах выходит до 10 руб. и более в год, пишет автор. Из нищих встречаются и мелкие ворюжки, причиняющие ущерб жителям; затем между ними находится масса детей без призрения. Факты эти привели местного исследователя к мысли об основании Царского нищенского учреждения и райбюджетного дома, куда соединить всех нищенствующих сельских, так как это было бы дешевле для города и полезнее для нравственности самих нищих («Томск. губ. вел.» в 1870 г., №20). Это показывает, что даже местное общество, при беспорядочности нашей ссылки, начало приходить к мысли об устройстве какого-нибудь исправительного заведения (своего рода пенитенциарного заведения) для буживания сельских. Бродячество и нищенство по деревням, конечно, менее подлежит учету, но несомненно, что содержание массы нищенствующих сводится к значительным пожертвованиям. В некоторых деревнях крестьяне для прохаживающих поселенцев строят и отводят особые избы и содержат на свой счет прохаживающих сельских, нередко снабжая их в первое время и дозавачными принадлежностями. Пролетарияты беглые, до 30-ти тысяч в год, исключительные толкаются на счет крестьян. Количество этого бродячества, судя по отлучкам сельских из волостей, засвидетельствованных официальными данными, огромно. По паспортным книгам Иркутской губернии выдано было поселенцам видов для отлучек 9195, но масса поселенцев уходит без всяких паспортов или, ввзя их только на первое время для отлучки, совершенно исчезает. Под влиянием тех же неостепенных условий в среде сельских рождаются побегы; побегы эти идут с каторги и с поселенцев; причинами их являются, как доказано, для каторжных — дурные условия на каторге, отсутствие строго устроенных мест заключения, отсутствие всякого надзора и безнадежность самих каторжных достигнуть когда-либо лучшего положения. Что касается до бегств сельнопоселенцев, то они обусловлены отчасти контингентом преступников, из которых присылается большин-

ство уже готовых бродяг и людей, не способных к труду, дурными материальными условиями, встречаемыми тутчас на месте поселения, отсутствием всякого имущества и связей в месте поселения, несправедливыми отношениями к большому лаемому труду, полной бесправотностью ссыльного в месте поселения, дающего повод его притеснить, безнадежностью ссыльного при беспротной ссылке и тоской по родине. Бегства из Сибири начинаются уже из ссыльных партий и с дороги. Так, например, по свидетельству военного министра, известно, что при пешей пересылке всегда оказывалось 15% беглых на 120000 передвижных арестантов. Переход от бродяжества к бегству у ссыльнопоселенцев является естественным; для ссыльнопоселенца малейший повод дает случай к бегству; находящиеся на притиски бегут с них и не возвращаются в места притиски из опасения быть высланными назад, и это их разом делает беглыми. Значительная часть ссыльных не знает, что делать в Сибири, и по привычке к скитничеству, наконец, под влиянием чужих, вбежавших их, естественно стремится в Россию. Бегство поселенцев, не имеющих никаких препятствий, гораздо значительнее даже бегства каторжных. Есть доказательства, что из одной губернии, Енисейской, в три года ушло в бега до 6000 поселенцев. Весь недосчитываемый статистическими переписями по волостям контингент притисанных ссыльных, равный $\frac{1}{4}$, должен считаться в большинстве на долю беглых. Как мы привели, по последней поверке в четырех иркутских волостях из 10378 душ числится 3651 в бегах, кроме уволенных на заработки. В Мансуровской волости той же губернии из 2400 притисанных поселенцев только 300 живут на местах причисления, до 500 человек — на золотых промыслах и частных работах, а остальные 1600 человек — в неизвестной отлучке, то есть в бегах. Местами на 5000 поселенцев приходится только 300 в наличности. Судя по этим исчислениям по волостям, нужно положить почти половинное число на каждую губернию ссыльных отсутствующих. На некоторые губернии число это доходило до 20000, а на весь контингент ссыльных в Сибири — до 100000. Число это было бы ужасно для беглых, если бы оно не заключало в себе безвестно пропавших в бегах и погибших; доказан и известен, кроме того, тот факт, что масса беглых убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лесам, их просто стреляли, как зверя. Это дало повод одному из наблюдателей сибирской жизни заметить даже, что если бы кре-

стыние не упреждали беглых, то с ними едва ли Сибирь могла бы справиться (Д.Завалишина, письма о Сибири, «Моск. вед.» 1865 г.). Погибель, самая страшная, массы людей таким путем заслуживает внимания даже более, чем усиленная смертность ссыльных. Исчисление бродяг показывает приблизительно, что число пропавших без вести, то есть погибших в лесах, должно считать до $\frac{2}{3}$. Таким образом, на существующий в живых и постоянно передвигающийся контингент беглых приходится потратить не менее 30000 — 40000. Число пойманных ссыльных в Сибири и в России могло бы дать некоторое понятие обо всем количестве побегов, но, к сожалению, данные эти не везде известны, отчетности им не велось, и они не сведены ни к какому общему итогу. Что касается Сибири, то собрание этих сведений затруднялось тем, что ссыльные беглые судились различными ведомствами, а именно: гражданскими судами, судом военным, где побегли сопряжены были со значительными преступлениями, наконец, полицейскими управлениями, которые исключительно разбирали бродяг. Поэтому число беглых не вошло ни в один судебный ведомости, не вошло оно и в какие бы то ни было статистические отчеты. Значительная часть беглокаторжных просто высылалась назад на заводы. Однако значительность бегств из Сибири свидетельствуется тем, что с 1827-го по 1846 г. в числе ссыльных в Сибирь, по сведениям тобольского Приказа, означено было 18328 возвращенных сибирских беглых. По отчетам, опубликованным г. Максимовым из ведомостей сибирских заводов, видно, что со всех заводов каждое десятилетие бежали 12929 человек, ловили же и возвращали их только 2730 чел. В десять лет в Сибири было поймано 13788 бродяг мужчин и 3528 женщин. Бегства из Сибири не прекращаются и до последнего времени. К 1 января 1859 г. считалось во всех нерчинских заводах не возвращенных из бегон ссыльнокаторжных 3104 и 508 горных служителей. В беггах оказывалось, таким образом, 24% всех ссыльных. По сведениям 1869, 1870 и 1871 г., представленным чиновнику министерства внутренних дел Власову при решении сибирской каторги, видно, что с кары нерчинских приисков из числа 7462 чел бежали 1016. Вообще с Амура, с Сахалина, с забайкальских каторжных работ за это время из 10228 каторжных бежали 1430 чел. Процент беглых местами доходит до 50.

По имеющейся официальной таблице Иркутского солеваренного завода за несколько лет, которую мы могли добыть,

видно, что с 1860-го по 1870-й на 2999 рабочих процент беглых
 разнится ежегодно:

в	1860	25 %
«	1861	9 «
«	1862	18,5 «
«	1863	28,5 «
«	1864	32,5 «
«	1865	32,5 «
«	1866	30,5 «
«	1867	23,5 «
«	1868	37 «
«	1869	45 «
«	1870	41 «

Таким образом, можно убедиться, что были годы, когда с
 Иркутского солеваренного завода уходило из 100 человек 90!

Притяжи побегов с каторги до сих пор не учтены и нахо-
 дятся в связи с ее недостатками и неустойчивости, так что ссылки
 местные власти. Последние сведения о положении каторги,
 заимствованные нами из официальных отчетов, рисуют следую-
 щую картину*. В 1873 году на нерчинских рудниках было 2758
 ссылнокаторжных; большая часть их употреблялась на золотые
 промыслы кабинета. Ссылнокаторжные только испытанные
 содержатся в тюрьмах, а разряды исправляющихся, по преименно
 помещены, живут вне тюрем, в собственных домах и по кварта-
 лам у других сельских и обывателей. Здания, в которых содер-
 жатся каторжные, ветхи и тесны; та же теснота в казармах кон-
 вика, которая не дает возможности держать три смены. Больные
 преступники помещаются в зданию, которое находится в разру-
 шенном состоянии; вследствие такого положения тюрем при-
 ступлено было к выводу из карийских промыслов «богачество»
 в числе 300 человек. Выхожу с заводов ссылнокаторжных в этом
 году 585 человек, а возвращено из бегов 26. Кроме того, в Забай-
 кальской области катю 372 бродяги. В течение года ссылнокато-
 ржными слезало было 50 преступлений.

В Иркутской губернии ссылнокаторжных в 1873 году
 считалось 1867. Они содержались на солеваренных заводах,
 Иркутском и Усть-Кутском, железодельном николаев-
 ском и частью во вновь строящейся Александровской цент-
 ральной тюрьме (бывшем винокурном заводе). В этой тюрь-
 ме помещено в конце 1873 года 384 чел. об. п. Каторжные

* Это подтверждается и многими другими данными: отъездами и возвра-
 щениями, добытыми нами в Сибирь при этнографическом исследова-
 нии распределения сибирского бродячества (см. Русская обштина в
 тюрьме и ссылке Иркутская).

содержатся частью в квартирах, частью и казармах по имени Юрем, вследствие чего побегу значительны. В 1873 году из Иркутского соляного завода бежал 321 человек, а из Александровской тюрьмы — 16 человек. В 1872 году из Усть-Кутского из 110 человек бежали 56.

О содержании ссыльных на Сахалине мы имеем сведения по официальным отчетам г. Власова*

Таким образом, тяжелые условия каторги при беспорядочном и неустроенном состоянии естественно вызывали побег. В прежние времена это было столь привычное явление, что пичальник завода при приеме партии выкрикивал: «Кто хочет остаться, получай одежду, а кто в бега, тому незачем!» Каторжники предостерегались не только оставаться на заводе или уходить немедленно. Ожидая же, которую не брали беглые во избежание преследований, представляли выгоду экономии начальству. Начальство знало, что все равно каторжых не удержишь, результатом являлось, что нет такого ошачьего каторжного или бродяги, который не был бы уверен, что он уйдет с сибирской каторги. В последнее время это заливается глазами процессами. Корреспондент одной газеты передает (1875 г.) о случившейся сцене, происшедшей 23 января в Иркутском окружном суде при объявлении в окончательной форме решения суда белому каторжанику Гарному (он же Гарманов). Эффектно зная цепляя и поставив свою борозку, он спокойно выслушал судебный приговор, обречавший его на каторжную работу в продолжение двенадцати лет и одного месяца и на семьдесят один увар плетями. Когда был объявлен этот приговор, Гарный, до того времени молчавший, оперся на решетку и молвил:

— Семьдесят одна плеть! Двенадцать лет с месяцем в каторге! Милотышко-с, господа судьи! Строго! Строго!

Ему велели молчать; но Гарный, очевидно, ризуевек перед публикой, произнес следующий протест против судебного решения:

— Ведь, пожатуй, и лошади не именьет семидесяти одного увара! И зачем мени осудили к нечетке? Почему не семьдесят плетей? Лучше бы уж дали круглое число, 75, да ровно 12 лет или на 13 годков в каторге бы приказали... Ну, уж суд! Господа судьи бекли строги, а господа присяжные спали.

* Как удостоверают местные источники, побег с Сахалина также часты, и ссыльные легко перебираются на Амур и даже. Этот прибрежный остров даже не гарантирует безопасности Сибири.

Гарный осведомился, кто исполнил обязанности старшим, и дал обещание когда-нибудь покороче познакомиться с ним. Такое обещание смутило многих присяжных, вовсе не желавших воспользоваться знакомством с головорезом, который далее потребовал возвращения ему отобранных у него вещей и денег.

Преследующий г-н Волков объяснил дерзкому преступнику, сохраняя хладнокровие и полное достоинство, подобающее суду, что вещи и деньги пойдут на покрытие судебных издержек. Гарный, выслушав этот законный ответ, воскликнул:

— Ну, суд! У вора деньги поругают! Ну, да ничего: пусть мои денешки полежат здесь в сохранности, по крайней мере проценты накопятся. *Я ведь возвращусь сюда и получу капитал с процентами...*

Бродяжничество в Сибири до последнего времени не уменьшается. В одной Томской губернии поймано бродяг:

В 1870 году	1600
« 1871 »	904
« 1872 »	662
« 1873 »	703

В Забайкалье — до 500 человек и т.д.

Это показывает, что бегство и бродяжество ссыльных и каторжных продолжает существовать в Сибири, несмотря на неоднократно возбуждаемый вопрос об этом и предпринятые в последние годы в Восточной Сибири особые преследования беглых. Даже сам Сазокин же гарантирует от бегства, так как по последним сведениям видно, что с пост. Дуэ с 1869-го по 1871 г. бежало до 60 каторжных, через пролив поймано из них 27, убито при поимке 8, а 25 так и исчезли. Один из наших беглых каторжных на Сахалине перерезал целое японское семейство. Все это приводит к заключению, что побег и эти не могут быть устранены при настоящей форме и положении ссылки. Постройка каторжных тюрем не прекратит бродяжничества и побегов ссыльных, не мочущих примириться со ссылкой. Местные условия Сибири только благоприятствуют этому: обширные пространства, невозможность уследить за ссыльными, покровительство и приспособляемость бродягам со стороны других ссыльных, составляющих оседлое население, наконец, терпимость и боязнь со стороны крестьян, обусловленная их собственными интересами, не значить войны с ссыльным бродячим воином.

тум из опасения мести поджогам, которыми угрожают сельские и случае их поимки, в заключение, администрация в Сибири, как сама сознается, не обладает достаточными средствами и силами бороться с этим явлением, а тем менее прескратить его. Сибирские тюрьмы по тракту до того наполняются иногда бродягами, что местное начальство отказывается помещать их, и дается удостоверение властным властям официально прекратить преследование бродяг. Томский губернатор сделал однажды около города Оби, и в одно утро было взято 800 человек. Такие облавы на беглых, как на волков, устраиваются во всех сибирских городах. Около некоторых деревень Сибири дымуют по 2 и по 3 тысячи скопившихся этих странников, в сибирских тюрьмах сосредоточивается временами по 1000 и по 1500 беглых бродяг. В екатеринбургском замке недавно встречалось по 300 заключенных бродяг из сельских, возвращающихся в Россию*. Беглые из Сибири попадают во всех городах России и в Петербурге. С 1867-го по 1873 год, по сведениям петербургского обер-полицеймейстера, было задержано в Петербурге 8015 бродяг, 145 белых и 276 десэтриров — таково распространение из Сибири бродяжества. Нечего говорить, что оно не может быть устранено частными мерами. Оно находится в связи с неудовлетворительною системою. Некоторые, объясняя бродяжество, как явление мирное, находят его не столь опасным, как другие; но это, во-первых, не подтверждается, ибо преступления бродяг значительны; а второе, во всяком случае, условия жизни, сопровождаемые бродяжеством, и результат его — острое, плети или гибель — едва ли могут считаться нормальными и само явление желательным для кого-либо. Достаточно для того рассмотреть ближе сами преступления бродяг; мы увидим при этом, какое они оказывают влияние на общий уровень нравственности.

Одним из самых печальных результатов неудовлетворительного состояния сельских являются преступления их, обнаруживающие свое влияние на общий уровень нравственности. Конечно, сельские не приносят с собой нравственных элементов, но сторонники сельки выражают всегда мнение, будто преступники в Сибири с переменою места и среды теряют свои дурные наклонности и становятся иррациональные. Мало того,

* Из Томска от 17 марта 1881 г. известили, что по дороге, идущей к селу Битюковское (в 60 в. от Томска), было найдено 13 трупов неизвестных личностей. Подознано, что последние бродяги — беглые сельские. Несчастные погибли во время буранов.

соединилось мнение, что Сибирь представляет даже меньшую преступность, чем Россия. Ввиду такого утверждения необходимо проверить, действительно ли это все так. Мы уже видели, что обстановка ссыльных и их настоящее неудовлетворительное положение никак не могло способствовать особенному сохранению нравственности. Тяжкие условия труда, нищета и бедность, отсутствие оседлости, праздность и бродажность, наклонность к побегам не могли не усилить наклонности к преступлениям. Точно так же не мог благоприятствовать нравственности ссыльных celibat, преобладание в нем мужского населения над женским, предшествующая жизнь по острогам, долгое этапное странствование по прежним тюрьмам — все это не могло не отразиться на нравах ссыльных. Но оставим все это в стороне и возьмем ссыльного, как человека, независимо от прошедшей его жизни; каково окажется развитие его нравственности исключительно под влиянием условий сибирской жизни?

Обращаясь к мнениям лиц, близко сталкивавшихся с ссыльным населением, к отчетам местного начальства, наконец, к мнению сибирских обществ и крестьянства, мы приходим к заключению, что отзывы эти о нравственности ссыльных в большинстве не особенно благоприятны и не дают права заключить много о их способностях и поведении.

Администрация, управлявшая ссыльными в Сибири, давным-давно высказывала взгляд, не особенно выгодный, о жизни ссыльных и их нравственном достоинстве.

Из подлинных отзывов мы можем указать на следующие.

Вот что свидетельствует иркутский ревизор поселений: «Ссыльные ремесленники не отличаются нравственностью и в большинстве пьянствуют. Ссыльные, иногда хорошие работники и ремесленники, по низкой степени своей нравственности, лени и бездельности делаются не способными к постоянному труду, почему и предаются бродажеству или же уходят в золотые промыслы, где работа временная и требует не искусства, а физической силы. С подобными рабочими частная предприимчивость не может двигаться». Такой отзыв приводит томское начальство в 1873 году. Енисейское губернское начальство говорит: «Из цифр, приведенных в статье «Народная нравственность», очевидно, что громадный процент преступлений ссыльных в сильной степени подрывает и благосостояние, и нравственность населения, среди которого они живут». Иркутское начальство дает следующий отзыв: «Большинство поселенцев,

находящиеся в забвении на золотых приисках, разрабатываемые в тюрьмах, канцелярской работе, арестантских ротах и во время продолжительного следования их в Сибирь, продолжают и здесь развивать все дурные наклонности. Они нисколько не беспокоятся о своей будущности, и все, что зарабатывают на приисках, оставляют в питейных заведениях и снова занимаются в работу, где и продолжают свое существование до негодности их к работе, нищенству, бродяжничеству и легкой преступности. Все оглыны сводятся к тому, что единственный труд, доступный для ссыльных, — золотопромысловый, действует на них исключительно деморализующим образом. Что касается отзывчивости населения, то оно исполнено еще больших предубеждений. Название поселщика всегда намекает в Сибири на сомнительное нравственное качество. Поведение ссыльных не пользуется репутацией, а труд их чрезвычайно низко ценится по его достоинству. Что касается ссыльных из бродяг, то они совсем оказываются не способными к труду. Местами отношение населения к ссыльному элементу доходит до ненависти. Не доверяя вполне сложившемуся предубеждению, точно так же, как и считая его довольно неточным определением, мы должны, однако, обратиться к более доказательным данным в оценке сравнительной нравственности ссыльных и их влияния на окружающую среду. Единственно бесспорно и определенно меркою здесь могут быть цифры уголовной статистики и сумма преступности в Сибири. К сожалению, таких-то исследований и не существовало. Поэтому нам составило немало труда выдвинуть и добыть некоторые сведения по этой части*.

Несмотря на то, уже некоторые общие данные по уголовной статистике России указывают на участие ссылки и распределение преступлений. Уголовные сведения г. Анучина представляют нам постоянное возрастание преступлений и увеличение преступности от запада к востоку. Максимум этой преступности

* Обыкновенно преступления ссыльных, находящиеся в Сибири, смешивались с преступлениями всех других сословий в Сибири. В общей же сумме преступности в Сибири вошла в общее итеги преступности всей России. Во многих отчетах о преступлениях ссыльных доставлялись только из судебных мест, между тем как значительная часть преступлений совершенно не вошла в счет, так как возмозможности и каторжные и особенно брацки подзащиты в Сибири разбирательству различных учреждений: на каторге — заводскому начальству, на приисках — горному начальству, в городах — гражданским судам, судам военным, полковским учреждениям, разбиранным исключительно бродяг, тюремному начальству и т.д., которые никогда не соединялись в одну ведомость, а в некоторых до сих пор сведений не имеют.

возрастет в приуральских губерниях. К сожалению, указанные данные эти кончатся пределом Урала и не охватывают Сибирь, которая не вошла еще в нашу уголовную статистику. Но уже первое место по преступлениям, принадлежащее Пермской и Оренбургской губерниям, дало повод заключить исследователю, что развитие преступлений стоит здесь в связи с распространением бродяжества беглых и оседлых, возмущающихся из Сибири, что подтверждается и цифрами (Анучин, Матер. к утол. статист. России. Ч. I, ст. 188). Это одно уже дает намек, что Восток в высшей степени преступности едва ли подлежит особому исключению, и что положение его не может находиться в лучших условиях, чем соседние с ним губернии. Напротив, возрастающая прогрессия преступности по направлению к Уралу намекает на совершенно обратное.

Число преступлений, сделанных носителями и каторжниками и беглыми на рассмотрении судебных мест в Сибири, по сведениям, доставленным в министерство юстиции, считалось в 1867 году — 93 и 1868-м — 98. Первое место занимало по преступлениям ссыльных бродяжество, второе — убийство, третье — воровство, четвертое — зажитательство. Цифры 98 преступлений, однако, составляет, как мы увидим ниже, только ничтожную часть общего числа преступлений ссыльных в Сибири. То же подтверждается и опубликованной таблицей о преступлениях ссыльных с 1838-го по 1847 г., взятой, вероятно, из отчетов приказа о ссыльных (таблица эта напечатана ныне в Иркутском казенном на 1875 г., стр. 177). Как эти неполны подобные сведения, но распределение преступлений и в ней показывает, что вслед за бродяжеством, которое мы не вносим в число уголовных преступлений, первую роль играет у ссыльных убийство, вторую — воровство, третью — грабж, четвертую — подделка ассигнаций. Но для нас, конечно, более интересны позднейшие и более полные сведения. Собственно преступлений, по последним отчетам, во всей Сибири значилось: в Иркутской губернии в 1872 г. — 426, и число осужденных — 160; в 1873 г. число преступлений было 473, число осужденных — 113; в Енисейской губернии по статистике 1873 г. преступлений 1545 и осужденных — 1188 на население в 372000; в Томской губернии преступлений было 826, осужденных — 401; в Забайкальской области в 1873 г. число преступлений 73, число осужденных — 137; в Приморской области за тот же год преступлений 35, осужденных — 102; в Якутской области преступлений 112, осужденных

— 43, в Семипалатинской области преступлений 285, осужденных — 41. (В Семипалатинской области сыльных нет). По уголовным отчетам, в сибирских губерниях первое место по роду преступлений занимает смертоубийство, второе — подделка кредитных бумаг, третье место — кража, четвертое — нанесение ран. В эти места судебных дел не вошло бродяжество, которое занимает, конечно, первое место в Сибири. Распределение преступлений, как мы видим, совершенно оригинально. В российских губерниях распределение преступлений идет в таком порядке: кража, грабеж, смертоубийство, зажитничество, увечья и раны*. Провление в Сибири на первом плане таких преступлений, как убийство, грабеж, подделка монеты, нанесение ран, показывает уже на какие-то особые условия проявления преступлений. Нет сомнения, что здесь имеет влияние ссылка. Значение цифр местной уголовной статистики объясняется следующими характеристиками местной нравственности в отчетах губернаторов. Местную уголовную летопись сибирские начальники губернии дополняют следующими характеристиками: поповнясь долгами, не имевшими твердых нравственных убеждений, Томская губерния, как и вся Сибирь, представляет больше всякой другой страны вероятности для проступков и преступлений. Вообще сыльные обнаруживают на нравственность народа самое неблагоприятное влияние, и это влияние тем сильнее, чем более отношение сыльных к коренному населению. Преступления в Томской губернии увеличились в таком порядке: в 1870 г. их было 639; в 1871 г. — 693, в 1872 г. — 766; в 1873 г. — 826, то есть в год увеличились на 60. Краж было 206; убийств — 100; увечий и нанесенный ран — 82. Число преступлений по нарушению устава монетного и подделке кредитных билетов равнослось: в 1870 г. — 83-м, в 1871 г. — 132-м; в 1872 г. — 90; в 1873 г. — 93-м. Фальшивые кредитные билеты входят в губернию путем провоза их арестантскими ширтвами и проходящими бродягами; часть их подделывается на месте преимущественно сыльными. Сбыт их производится инородцам и малограмотным крестьянам. Бродяг поймано в 4 года 3869 человек (Томский отчет).

В последнее время собраны сведения о преступлениях, совершенных исключительно сыльными; причем оказалось из данных за 5 лет, что по Тобольской губернии сыльные совер-

* См. общ. обл. деятельности судебных мест и статистических сведений о подсылках, изд. министерства юстиции, 1874 г.

шают ежегодно до 1093 преступлений, по Томской губернии — 1749, причем одно преступление приходится на 28 ссыльных. Воровство, бродяжество и особенно убийство занимают наиболее видное место среди преступлений. Кража — 56%, убийство — 7,63%, грабежи — 3,6%, нанесение ран — 3,62%, подделка кредитных билетов — 2,25%, бродяжество — 14%. С 1870-го по 1876 г., по собранным сведениям, задержанных бродяг в Тобольской и Томской губерниях оказалось 8047 человек. Число содержащихся ссыльных в тюремных замках за десять лет в Тобольской губернии было 9828, в Томской — 6728. Из 40 и 50 ссыльных ежегодно один бывает в тюрьме за преступление или по подосрецию. При этом нельзя не обратить внимание, что округа, где ссыльные возвращаются, по удостоверению томского начальства, дают в 5 раз более заключенных, чем округа, изъятые от ссылки, как-то: Бирский, Барнаульский и Кузнецкий. Все эти данные, как мы полагаем, не особенно рекомендуют исправительное значение нашей ссылки, а также не совсем подтверждают теоретические измышления о том, что ссыльный в новой среде при обилии земель в Сибири и благословенном сибирском климате должен возвратиться на путь истины.

Еще более наглядную картину преступлений представляет Енисейская губерния по отчетам губернатора. В течение 1873 г. рассмотрено было в судебных местах 1545 дел; число осужденных в общем населении губернии составляет больше 0,4%, или 4 осужденных на 1000 человек. Против 1872 г. число осужденных болес на 267 человек и число преступлений — на 354. По многочисленности первое место между преступлениями занимает смертоубийство, составляя 72% в общем числе преступлений; затем следуют: воровство кража и воровство-мошенничество — 23,3%; нанесение ран и увечий — 15,6%; нарушение уставов монетных — 5,9%; грабежи — 4,6%; преступления по службе государственной и общественной — 3,3%; бродяжество — 2,9%. По сословию в числе осужденных было дворян потомственных и личных — 1,2%; купцов и мещан — 15,5%; крестьян — 23,5%; военного сословия — 7,3%; инородцев — 13,1%; поселенцев — 30,6% и ссыльнокаторжных — 8,8%. Принимая во внимание, что в числе крестьян есть крестьяне из поселенцев, оказывается, что более половины всех преступлений совершено уже раз осужденными в российских губерниях населением: поселенцами, каторжными и крестьянами из поселенцев. Из 507 человек поселенцев и ссыльнокаторжных, осужденных за все преступления,

в смертоубийстве — 135 человек, что составит 26,7% общего числа обвиняемых; в порочстве-краже и в воровстве-мошеничестве — 21,1%; в нанесении ран, увечий и других повреждений — 19,5%; в нарушении уставов монетных — 5%; в остальных 22 разных преступлениях обвинено из 507 человек только 65, или 12,9%; следовательно, это прошлое население совершает самые тяжкие преступления.

От преступивших Иркутской губернии, являющихся на долю населения, мы собрали следующие сведения. в 1868 г. осуждено было в каторге 19 человек, к ссылке и на порочение — 5 и к исправительным наказаниям — 51 человек. Из числа 19 приговоренных к каторге 11 человек ссыльнопоселенцев. В 1871 г. к каторге приговорено 30 человек, к исправительным и

ни одного поселенца; в 1872 г. к каторге приговорено 42 человека, в том числе 31 поселенец; к исправительным наказаниям — 118 человек, в числе приговоренных 31 поселенец и 39 других сословий. По ведомости о преступлениях за 1873 г. видно, что ссыльных осуждено было 38 человек по губернии, то есть столько же, сколько крестьян, не считая осужденных бродяг; все это показывает, во-первых, что число уголовных преступлений в четыре года увеличилось более чем вдвое и, во-вторых, что более важные преступления совершаются исключительно обитателями области в 1873 г. с

следующим содержанием:

Побои и бродяжество	
Кража со попомом	
Кознокрадство	
Убийство	
Нарезание имени и фамилии	
Нанесение ран	
Грабеж	
Подлог	
Подделка монеты	2
Перевод зинического золота	1
Захват	1
Проживание по фальшивому	1
	1

было 73 преступления, из которых главную роль играли убийство, нанесение ран и кража; в течение года ссыльнокаторжными сослано было 50 преступлений: сверх того, судилось пойманных 372 бродяги. О нравственности Якутской области начальник области в 1873 г. заявляет преступлений в 1873 году, в сравнении с шестидесятилетним годом, увеличилось на 60, и прибавляет, что большинство осужденных — ссыльные, лишённые всех прав состояния за прежние преступления и, как безнравственные, уже раз сосланные в отдалённую область.

Таким образом, уголовная статистика приводит нас к совершенно другим результатам, чем до сих пор предполагалось. Она показывает, что ссыльное население далеко не так добродетельно и нравственно, как думали, и Сибирь далеко не обладает таким спокойствием, как уверяют.

Местная уголовная статистика открывает нам: 1) что преступность в Сибири превосходит все другие местности, 2) лестница преступлений представляет то оригинальное явление, что здесь крупные и самые опасные преступления стоят в первом ряду, как убийство; 3) Сибирь, благодаря ссылке, обладает некоторыми специфическими преступлениями, как-то: бродяжеством и подделкой монеты и кредитных бумаг, столярным бродяжеством — на первом месте перед убийством, а преступление по подделке монеты на втором месте после убийства; 4) усиление преступлений в Сибири год от году возникает в неизмерно быстрой прогрессии. Так, в Томской губернии оно увеличивается ежегодно на 60 по отношению к цифре 600. В Якутской — тоже на 60, в Енисейской возросло в год на 500 с 1000 и в Иркутской увеличилось в четыре года более чем вдвое; 5) в заключение, исчисления уголовной статистики обнаруживают, что преступления в Сибири падают в большинстве на долю ссыльных. Так, по официальному отчету Енисейской губернии, заявлено, что более 50% самых тяжких преступлений совершалось ссыльными. Осужденных из крестьян было 23,54% поселенцев и ссыльнокаторжных — 39,04%. В Иркутской губернии отношения осужденных ссыльных к свободным ескимовцам по тяжко-уголовным делам выражаются в таком отношении: сослано в три года в каторгу 11 ссыльных на 8 крестьян, 24 — на 4, 31 — на 11, и в 1873 г. осужденных было как ссыльнопоселенцев, так и крестьян по 38. Но при этом надо принять еще во внимание число тех и других. Количество преступлений ссыльных распределяется на их число и 40 и 45000, число же преступ-

ников остальных сословий на количество в 327000 и 328000 жителей — это разница огромная. При такой пропорции численное преобладание количества преступлений сельских обнаруживает, что преступность между сельскими сословием является не только не ничтожною, но поразительною. Вот факты, которые не могут быть не признаны знаменательными.

В дополнение к уголовным сведениям и анализу преступлений в Сибири следуют происшествия, публикуемые в «Губернских ведомостях», которые даже дают нам возможность составить себе понятие об особенностях многих сибирских преступлений и их местном типическом характере.

Обратным преступлением могут быть следующие: «Иркутские губернские ведомости» сообщают, что в Киренском округе в деревне Чугуевой 10 мая в одиннадцатом часу вечера поселенцы (сельские): Вулканов, 22 лет, и Мухамед Неномишпий, 30 лет, через калом окна в питейном заведении крестьянина Якова Черкашина вошли в горницу, где спали сам Черкашин с женою, оба пьяные, и дочери их: Анна, 15 лет, у которой были на руках отцовские деньги, и Авдотья, 3 лет. Злодей ирландия пржежде всего маленькую девочку, которая вскорее и умерла затем, попытался захватить у Анны, принесли ей несколько тяжелых ран и, отняв деньги, хотели убить, но в это время проснувшая поселенец Воронев. Узнав его голос, Анна начала кричать и звать на помощь, что и заставило бежать убийц.

Из Индма от 28 февраля 1875 года извещали в «Биржу»: «В последний день масленицы, 22 февраля, в нашем городе было совершено зверское, несладкое преступление. Под вечер этого дня к устроенной среди города горе для казни подлезали трос узарей, схватили в свои руки девушку тринадцати лет и унесли ее за город, несмотря на отчаянные вопли несчастной жертвы. За горном девочка была растлена и изнасилована тремя похитителями поочередно. Потом истопля возвратились в город и выбросили полумертвую девочку на улицу. Полиция, не могшая предупредить зверского преступления, хотя и оказала энергию при розыске злодеев, но девочке это не было утешением: она через сутки умерла в городской больнице».

Недавно из Красноярски было рассказано такое событие. В местной женской гимназии пропала горничная. Вслед затем найдена была на берегу обезображенная голова, косы прядены в уши. Далее, собака тащила по городу человеческую руку. По этим частям узнали пропавшую девушку, она была варварски

умерщвлена и изрезана, у пей вырезаны были груди, половые части и проч. Одновременно в городе исчезли швейцар женской гимназии и писарь из какой-то канцелярии, на которых и layало подозрение. Вскоре оказалось, что они были оба ссыльно-казачьими, жившие в Красноярске по фальшивым паспортам, и один из них даже был сторожем женского заведения. Наконец, характеристическим происшествием может служить преследование в Иркутске 5 октября 1873 г. В Иркутске была убита адова, кутчиха Чурина, с дочерью, хухарка, бурят работник и дворник; последние двое брошены в Ангару, на набережной которой стоял дом Чуриных; горничная лешушка была обещана одним из убийц и залушета петлей, но по случайной случайности осталась жива и явилась впоследствии единственной обличительницей преступников. Вообще убийство это сопровождалось возмутительнейшим извращением. Конечно, обстоятельство это навлекло много шуму в столице нашей ссыльной страны, хотя подобные убийства не редкость в диком крае. Убийство было совершено по заранее обдуманному плану и составляло, говорят, первое из задуманных. В преступлении участвовали трое ссыльноопосенцев и трое бродяг. Преступники вели себя на суде, как и перед наказанием, весьма хладнокровно. Некоторые из них сознавались на суде в совершенном злодеянии, говорили весьма спокойно: «взяли да и придушили», или: «придуши да и бросил в Ангару». Некоторые из них в тюрьме еще обещались перерезать половину горла; они были уроженцы Витебской, Каменец-Польской и Тверской губерний, ссыльные в Сибирь, попавшие в чужую страну, озлобленные на все их окружающее. Ввиду зверского преступления трое из главных преступников, виновных в убийствах и грабеже, судимы были военным судом и приговорены к повешению. Иркутск был свидетелем самого ужасного зрелища.

Значительная часть сибирских преступлений отличается зверством и грубостью. Это зависит как от свойства преступников, озлобленных каторжником, артистом преступления, так и от местных суровых и огрубляющих условий жизни. В Сибири, как в стране девственной, пустынной, при слабом влиянии власти и полиции, преступление становится смелее и необузданнее; наконец, благодаря простоте жизни, патриархальности и слабо развитой гражданственности и отсутствию городской цивилизации, которая всегда предполагает большую осторожность, преступления проявляются без утонченности и

хитрости, а в самых грубых и простых формах. Люди, наблюдавшие жизнь ссыльных на золотых приисках, передавали, например, что в Сибири тонкий мошенник часто ведется грубым злодеем; где он действовал прежде утонченными средствами, с помощью хитрости, обмана, изобретательности, там, в Сибири, действует просто «бухом топора», потому что и изобретательности такой не требуется.

Однако в России сложилось мнение, что в Сибири решительно не замечается опасности для гражданской жизни, и местные жители никогда не жалуется на преступление, а потому заключили, что сами преступления дискриминативны и редки. Чтобы выяснить себе это, мы составили хронику за два последних года обо всех печатавшихся выходявших из ряда вон событиях в газетах, которая может довершить картину местной жизни.

Хроника эта содержит 33 возмутительных происшествия и дополняется следующими сведениями о некоторых городах. При переписке томской городской управы по поводу увеличившихся преступлений оказывается, что с 1 июня по 7 октября 1874 г. в городе было 30 случаев убийств и воровства, а по иркутской ведомости показано 58 преступлений этого рода — в 3 месяца. По обнародованному свещением газеты «Сибирь», в районе Иркутского военного округа ежегодно решается от 30 до 40 дел, которые прекращаются за неотысканием виновных. Наконец, из Енисейска нам пишут далее, как в нынешнюю зиму сообщалось следующее: «Лишь только успели несчастные обыватели оправиться от горя и успокоиться после страшной катастрофы (известного пожара), как нежданно-негаданно у них явилась новая тревога и новое беспокойство за свою жизнь и имущество. В городе в течение самого короткого периода времени было совершено несколько убийств, грабежей и краж. Некоторые из этих преступлений по своему зверскому характеру, смелости и неразборчивости в отношении места и времени их совершения положительно выходили, как говорится, из ряда вон: были случаи кровавых сцен среди белого дня, на людных улицах. Паника до того ошалаела местным обществом, что, несмотря на его привычное равнодушие ко всякого рода преступлениям в среде его разразились сильные протесты и явное негодование на бездействие местной полиции».

Такие факты не дают повода заключить о значительной безопасности жизни в крае. Нефакт незаменности преступлений в Сибири точно так же получил настоящее объяс-

нение в последнее время; он объясняется привычкой к преступлениям. Самые ужасные преступления здесь не производят впечатления. Вот что об этом пишет один из наблюдателей сибирской жизни: «В одну зиму, часов в 6 вечера, было невозможно ходить по улицам. Какие-то молодцы с пестями, на тройке, в кошеве разезжали по городу и ловили арканом и баграми проходящих и проезжающих по улицам. И все это шло с рук и считается вешью, крайне обыкновенною, к которой жители привыкли и пригладлись. Предмет для разговоров всегда есть; но тон самих разговоров идет как о погоде. Какая-нибудь кумушка совершенно хладнокровно, нисколько не возмущаясь, рассказывает об убийстве или воровстве, как будто дело идет о зарезанном теленке или разбитой посудине. В первое время я удивлялся подобным вещам, потом мало-помалу совершенно привык и обмылся»⁶.

Сибирь в этом случае похожа на постоянное поле битвы, где оставшиеся в живых весьма мало говорят об убитых. При темноте и невежестве сибирской массы населения общество должно не замечало окружающих извещений, оно не жаловалось на ссылку и совершенно сжилося со своим положением. Если заявлялись жалобы по поводу преступлений, то обвинялась обыкновенно недостаточная бдительность полиции. Таких жалоб мы немало встречаем в корреспонденциях, а в последние времена в Томске об этом загорелось некое дело. Городская управа ввиду усилившихся грабежей и краж (а уголовная хроника этого города, как видно, поразительная) просила полицию усилить бдительность и наблюдать за ночными сторожами. Полиция обязалась. А за представление томскому губернатору на вид этих происшествий или городская управа в наличном составе отдана была под суд. Дело это перенесено в сенат. На самом деле в городе с 1 июля по 7 октября 1874 г. было 30 случаев убийства и воровства, а по «Полицейским ведомостям» показано 38 преступлений этого рода в три месяца. Вот источник этих пререканий! Такие пререкания не редкость в Сибири ввиду местных особенностей края.

Однако настоящие причины преступлений начинают все чаще выясняться.

Нравственное влияние ссылки, кроме того, отражается и многими другими явлениями в Сибири. Так, указывается на развитие разврата, незаконных сожитий и увеличение незаконных рождений в крае. Иркутская губерния по числу неза-

⁶ См. Не столь отдаленные места Сибири // Отеч. зап. 1875. Июль. С. 19.

конных рождений, например, занимает второе место. (В Иркутской губернии на 100 т. жителей приходится 391 незаконнорожденный, в Петербурге — 497, в Москве — 237, а в Саратовской и Рязанской губерниях — 51— 52). Несоразмерность полов между сельскими естественно влечет к разоруту; те же явления замечались и в Австралии и, по словам Дюжэна, составляют самую невыгодную сторону ссылки.

Точно так же указывают в Сибири на распространение сифилиса, заносимого партиями*. В Иркутской губернии называет целое селение, где эта страшная болезнь поражает людей совокупно семьями, не исключая грудных и рожающихся детей. Д-р Шнерк о том же свидетельствует на Амуре. Кроме того, ссылка, говорят, не могла остаться без нравственного влияния на само воспитание сибиряков, на их нравы. Наши учителя, пишет один сибиряк, няньки, гувернеры, капиталисты, местная интеллигенция и даже сами власти, например, волостные писаря, — из ссылки, что не могло остаться без последствий. Местное общество заражалось влиянием преступников. Ссылка научила сибирское крестьянство страсти к промыслу фальшивыми билетами; здесь существует целый иркутский промысел срезывания чаев, в котором нередко участвуют сами купцы, как недавно открылось в Канске. В Сибири существует множество спекулянтов, которые служат только организаторами преступлений, для которых исполнителей доставляет бродячее население; организатор должен скрыть и спродать продукт преступления, и, конечно, ему достается львиная часть при этом. Ссыланные конокрады, фальшивомонетчики, срезыватели чаев находят у подобных лиц приют и практику; из-за этого неудивительно, что торговля не распространяется, и в некоторые места бывает иногда небезопасно купцу ехать. Отсутствию личной безопасности следует приписать отсталость Сибири в промышленном отношении, вплоть до взаимных отношений и перевещественное состояние края. Ссылка производит растлевающее влияние и на другие сферы общественной жизни. Она охватывает сибирскую промышленность, практику чиновничества и наконец даже простирается на шес-

* Последние санитарные отчеты свидетельствуют положительно о распространении заразных болезней по главному ссыльному тракту. Ссылными разнесены peste typhi, и чума была занесена козера (см. Санитарный отчет по Зап. Сибири д-ра Ремезова). Ботликой и зараженный сибирский элемент, небезопасно действуя раскольничью, часто влечет и иным образом, отражаясь на рожденьем и развитии порока.

питание летей. Г-н Максимов говорит, что сибирские варианты русских сказок «напоминают бродяжескими персонажами; известно также, что сибирские дети играют «в бродячьи» — «поджог» и даже разыгрывают сцены бродяжеского самосуда.

Понятия о собственности и гражданственности в Сибирь поэтому более, чем где-либо, поколеблены, пренебрежение к чужому интересу развило хищничество и неразборчивую наживу; борьба с ссыльными породила самосуд, массу бесправия; наконец, сама ссылка извратила до известной степени нравы администрации. Вредное влияние неравноправности сибирского населения отражается и на нравах полицейской администрации Сибиря. Привыкнув большей частью практиковать свою власть на бродягах, сибирский чиновник практикует те же средства для знания истины или для исправления зла и на полноправной части сибирского населения. Лучшим примером этого может служить следующий случай: в 1871 г. смотритель карийского зятого промысла Демидов открыл убийство, совершенное одним каторжным, чтобы раскрыть все подробности преступления, Демидов пытал через палача жену убийцы, которая была женщина свободная, пришедшая в Сибирь с мужем добровольно и, следовательно, избежавшая от телесного наказания; потом он пытал одиннадцатилетнюю дочь убийцы; девочку держали на воздухе, и палач сек ее розгой с головы до пят; ребенку уже давно было несколько ударов плетью, и когда она попросила пить, ей подали соленого омлета. Плетей давно было бы и больше, если бы сам палач не отказался продолжать битье. И между тем жестокость Демидова есть естественное последствие того воспитания, которое он должен получить, долго управляя ссыльной массой. Все это далеко не свидетельствует о благотворительном нравственном влиянии ссылки. В заключение мы считаем нелишним привести несколько выписок из корреспонденции, выражающих отношение местного общественного мнения к ссылке. В корреспонденциях чаще и чаще слышны жалобы на бродяг, беспаспортных и бесприютных ссыльных, наполняющих города и порождающих преступления. Так, 1873 году корреспондент из Омска, рисуя положение осаждаемого бродягами и преступниками города, восклицает: «Постоянная ссылка в Сибирь не нужна для европейских губерний; льда ствигит нас в постоянную блокаду отверженных людей. И нигде, кажется, эта блокада не чувствуется так сильно, как в Омском округе» («Камско-волжская газета» 1873 г., № 89, кор-

респонденция из Омска) Из Енисейска в январе 1875 г. сообщают по поводу уголовного случая, совершенного поселенцем (кражи в церкви). «В последнее время пролетарият наш усилился нашествием новых лиц, из которых большая часть приписана сюда в мешане и, по отсутствию здесь работы, в зимнее время положительно бешует. Они же совершают преступления» («Новое время», 1875 г. №12)*. Из той же губернии послышется далее такое известие: «Сибирь» сообщает, что большой негаль сельных и бродяг был причиной того, что в Енисейской губернии в первые только пять месяцев нынешнего года было ограблено семь церквей и, сверх того, было четыре покушения на ограбление. При одном случае в селе Юксовском на 17 апреля убит трапезник. К счастью, почти все злоумышленники пойманы. При исследовании открылось, что воры изобрели новый способ проникать в церкви через разборку дымовых труб.

Наконец, в последнее время все корреспонденции из Омска, Томска, Красноярска, Енисейска и Иркутска сливаются в единогласный протест против ссылки в край. Передавая о бедственном положении ссыльных, корреспондент из Енисейска в 1875 г. прибавляет: «Ссылка эта приносит чистейший вред краю; отрицать вред ее для Сибири и признавать ее пользу и необходимость могут только люди, не жившие в Сибири и не видевшие массы ссыльных на новой, чуждой им стороне. Чем скорее Сибирь избавится от этих подневольных, пришлых людей, тем она больше выиграет в нравственном и материальном отношении».

«Сибирь, как известно, служит для России как бы вентилятором, — пишет корреспондент из Томска, объясняя местные преступления, — в который выходит все ненужное. И все это группируется по большей части в наших больших городах, в особенности в Томске. Каждое лето присекаются тысячи поселенцев, которые, войдя в Сибирь, выпускаются, как говорится, на все четыре стороны решительно без всяких средств к жизни. Незначительные местности, новизна обстановки и трудность достать какую-нибудь работу при изобилии рабочих руж невольно заставляют поселенцев прибегать без разбора ко всяким средствам к существованию. Легко понять, как у нас при такой обстановке должны процветать всякие виды мошенничества и безобразия.

* Мы могли бы привести подобных корреспонденций массу, которые мы имели под рукою за два последних года, но ограничимся только некоторыми.

Даже при хорошей погоде было бы трудно совершенно гарантировать жителей от грабеской, убийств и проч., между тем, у нас в настоящее время нации на деле почти не существует, если же они и исцумает зависть о своем существовании, то в таких исключительных случаях приносит жителям более вреда, чем пользы». Наконец, иркутский корреспондент по поводу слухов об отмене ссылки выражается таким образом: «Хотите ли знать, что думают сибиряки о ссылке? Влияние ее давно испытывается Сибирью, и отношение населения к ней довольно определенно выяснилось хотя бы потому, что нет ни одной проезжей дороги, где можно было бы ездить безопасно. Недавно разбойничали около Нерчинска, Томска и Тобольска, так что не было проезда у этих пунктов Сибири. Этим путем совершается у нас искусственная оспа городов, легенды «о двенадцати разбойниках», явившиеся в прошлом столетии, осуществляются и в наше время: еще на двух в окрестностях Иркутска поймана шайка, систематически грабившая в городе и окрестностях. Летом убиты были две беззащитные женщины, теперь, по слухам, идет процесс одного адвоката из ссыльных, обвиняемого в отравлении иркутской дамы, своей доверительницы. При генерале Синельникове повешено трое ссыльных бродяг, изрезавших в Иркутске целое семейство. Но это только преступления из ряда вонходящие. Сколько ссыльных вторгается в семейную жизнь с покосом денег и свесей, сколько обманов и неудовольствий мошенничества — и не перечесть! Ссыльные становятся здесь во главе промышленных предприятий; они играют видную роль в обществе, они являются иппедигенцией».

«Несмотря на то, что ссыльные пользуются у нас доверием, они, тем не менее, производят на все общество глубоко развращающее влияние. Нам известно, сколько разврата под влиянием нищеты поселили ссыльные в местностях, прилегающих к частным зодотым приискам. Понижение нравственного уровня города Иркутска, выражающееся в громадном развитии проституции, положительно объясняется бедностью ссыльных женщин; умножение преступлений против чужой собственности определяется нищетой преступников. Думают, что без ссыльных в Сибири не будет рабочих рук, что упадет земледелие и не станет ремесленников. Мы знаем, что земледелие делается из ссыльных разве один из ста, да и то едва ли. С открытием ремесленных школ нам рабочие из ссыльных вовсе не понадобятся. А если понадобятся труженики на при-

иски и на фабрики, то только клинкие клич — целые артели явятся из европейских губерний, как теперь они явятся отовсюду даже на амурские прииски, как свидетельствуют факты. Ссылка сделала то, что Сибирь стала неудобобитаемой для самих сибиряков, и они бегут из нее без оглядки».

Указания эти и отсылки, ссылающиеся из самой Сибири, не могут теперь уже не заслужить некоторого внимания ввиду подтверждающих фактов угоновой статистики и общего положения ссыльных. Они показывают, что мнение о правдивом и морализующем значении нашей ссылки в тех формах, в каких она проявляется, миновало и должно утратить свое значение.

В заключение нашего очерка остается сделать небольшое соображение, во что обходится ссылка государству и местному населению, чтобы иметь понятие о выгодности и дешевизне этого наказания. ...

Как за границей, так и у нас утвердилось мнение, что ссылка как наказание, представляет необыкновенно удобный и дешевый способ избавиться от преступников. Выгоды его основались обыкновенно на том, что государству чрезвычайно мало стоит переправить преступника в какую-нибудь местность, и затем оно спасает уже всякие заботы о нем о себе, предоставляя его собственным силам. Дешевизна эта обусловливается вообще прежним воззрением на наказание и на личность преступника. Самый дешевый способ отделаться от преступника был, конечно, смертная казнь, которая и практиковалась в древнейшее время. Затем явились изгнание и ссылка. Древние формы ссылки не отличались особенною дешевизною и польза их о преступнике. Англия перевозила преступников, как рабов, — из кораблей и продавала на плантации. Наша неслыханная гоньба ссыльных в прежние времена также могла считаться дешевым наказанием. Их гнали целыми тысячами, связанными цепями, как скот. Селили как попола, часто в местностях, где они тотчас же вымирали; так, например, Чигерин погубил тысячи ссыльных на болотистом Барабе во время проведения дороги. Жизнь ссыльного мела цену. Но со временем ссылка, однако, требовала все больших и больших потерь — предложению о ссыльном и больших государственных расходов, не говоря уже о том, что дешевизна наказания никогда не говорила за его совершенство.

При защите ссылки как наказания в современных формах и в доказательство дешевизны его обыкновенно ссыла-

ются на незначительность расходов на них по нашим сметам, но мы поднимим себе здесь некоторое выяснение этих цифр, точно так же, как и укажем на более полную оценку стоимости нашей ссылки.

«Стоимость пересылки для казны в Сибирь одного арестанта нынче вычисляется средним числом в 50 р., принимая снабжение его и одждою; но здесь разумеются одни путевые издержки, но есть одни кормовые, притом принято препровождение только по главному сибирскому тракту, имеющему искусственные пути по Волге, Каме, и перевозку от Перми до Тюмени на пароходах, что составляет только одну ветвь пересылки. Зато не принято во внимание содержание тракта, который хотя и сокращает время на препровождение арестанта, но стоит довольно дорого, что до сих пор затрудняло выделение пересылки по другим трактам. Затем не причислено препровождение ссыльного по пешеходному тракту до главного сибирского и препровождение по Сибири пешком путем до места назначения, что значительно поднимет содержание арестантов в дороге, так как 1000 верст делается здесь в 68 дней. До Сибири доходит арестант в полгода и перетко в год. Ничто ссыльному не препятствовало оставаться в больнице, и, накоплет, за ним на казенный счет часто следовала и семья. (С 1867 г. по 1871 год проследовало в Сибирь за ссыльными 5581 женщина и 12627 детей). К этому надо причислить содержание ссыльного в тюрьме до отправки в Сибирь и до раскрепощения на месте, наконец, содержание ссыльного (в тюрьме) до весны, вследствие приостановки с 1867 г. зимнего препровождения. Все это должно возыметь на него издержки. Препровождающие команды также должны войти и счет пересылки, которые хотя в числе 14867 нижних чинов и употребляются конноироваия не одних ссыльных, а также и пересыльных, но 20 команд с 1386 чел. конюя служат на главном ссыльном тракте исключительно ссыльной системе, точно так же, как и другие команды, особенно в Сибири. Все это увеличивает стоимость пересылки. Уже г. Юферовым вычислено было препровождение одного арестанта с издержками в 142 р., но если причислить содержание его до весны в центральном пункте, стоящее не менее 60 р., разложить расходы на семейства, содержание четырех экзеквудии, инспекторов по пересылке и водворению ссыльного, затраты на

* С 1 мая по 1 октября 1874 г. отправлено из Тюмени 7644 мужчины, женщины и детей пешком порядком.

водворение, то штрафа эта окажется вдвое, если не втрое больше. Дальнейшие материальные и нематериальные убытки от сырьевой системы, как, например, поборы, содержание бродяг в тюрьме на счет казны пелле тоды, не подвергавшихся никакому вычислению, но они тоже не могут быть опущены в общий расчет сырьевой системы. Все это послужило поводом в последней редакции записки о тюрьменной и сырьевой реформе в комитет тайного советника Зубова при окончательном рассмотрении сырьевой реформы дать следующие заключения: «Сибирская ссылка обходится для государства весьма дорого. Расходы на сырьевых в настоящее время производятся из разнообразных источников, как-то: из сумм общества попечительного о тюрьмах, из государственного казначейства, из тюремного капитала, капитала министерства внутренних дел, из государственного земельного собора, из городских доходов, из сумм приказа о ссыльцах, а значительная часть их обывается, кроме того, сибирскими жителями в виде натуральной повинности. Если стоимость ссылки определять теми только расходами, которые производятся из сумм государственных, в тесном смысле этого слова, то дешевле ее в сравнении с другими мерами наказания ссылка бы вне всякого сомнения. Однако государственным расходам следует прибавить не только тот, который занесется в сметы министерства финансов, но и все другие расходы на общие цели, производимые жителями в виде денежной или натуральной повинности. Раз признав эту бесспорную истину, необходимо согласиться, что сибирская ссылка — мера в высшей степени дорогостоящая для государства. Обшир пересылка арестантов в пределах европейской России, несмотря на последовавшие по этой части улучшения и достигнутую экономию, обходясь в 1869 г. в 5778000 руб., не считая расходов на содержание управлений центральных и губернских. Общее число всех пересылаемых в европейской России арестантов доходит до 120000, так что пересылка одного человека обходится в 49 р.; из этого числа пересылаемых по распоряжениям сырьевых мест 12000 человек, остальные же пересылаются обыкновенно на весьма значительные расстояния, иногда лишь из одного уезда в другой той же губернии, так что стоимость пересылки не меньше 200 руб. В Сибири передвижение арестантов составляет натуральную повинность жителей; если даже расходы на передвижение там вдвое меньше, чем в европейской России, то окажется, что средняя стоимость передвижения одного арестанта до места ссылки об-

ходится в 300 рублей серебром, то есть расходы, употребляемые теперь на переложение одного арестанта до места ссылки, были бы достаточны для содержания его по меньшей мере в течение 4 лет в самой дорогой тюрьме европейской России. Принять же во внимание, что значительное число тяжких преступников вследствие побегов высылаются в Сибирь по два раза и более, даже до 16 раз, окажется, что издержки на пересылку каждого арестанта должны быть приняты в бálыных еще размерах. Этим серьезным расходом далеко не заканчиваются издержки, которые необходимо затратить на ссыльнопоселенцев и ссыльнокаторжных. Постройка тюрем и ремонт их требуют громадных текущих расходов, несмотря на их неудовлетворительное состояние. Содержание всех ссыльных, которые вследствие болезней и дрехоты впадут в невозможность поддерживать свое существование, ложится на местные население, и так как болезни вследствие изнурений в пути, бродяжества и неправильной жизни в острогах между ссыльными весьма часты, то пошито, до какой степени тяжела для местных жителей эта обязанность. Содержание же ссыльнокаторжных в тюрьмах всецело ложится на государство и, как показал действительный опыт, отовсюду не окупается произвольными работами. Ко всему вышесказанному следует еще прибавить, что сравнительная незначительность суммы, расходуемой в настоящее время на отправление каторжной ссылки, объясняется лишь тем, что правительство уклонялось от дарованиящих мер, которые были бы необходимы для правильного ее отправления. Число должностных лиц, имеющих надзор за ссыльными, далеко меньше необходимого, получаемое ими содержание всегда незначительно, ссыльные не имеют школ, требующие законом богадельни не устроены, даже сибирская стража до того незначительна, что из сибирских острогов и мест поселения не бежит почти только тот, кто сам не желает. Словом, при существующем бюджете не могут быть достигнуты ни карательные, ни исправительные задачи ссылки, и для того, чтоб поставить ссылку сколько-нибудь удовлетворительно, было бы необходимо произвести громадные затраты, перед которыми 10 миллионов рублей ежегодного расхода представляются ничтожно ничтожными. По этому можно судить, что издержки на ссылку должны оцениваться за одно переложение арестанта по 300 р., следовательно, списать в 4800000 ежегодно при существующем контингенте ссыльных. К этому должно быть причислено содержание отап-

ного тракта и военного конвоя с 14867 ч. нижних чинов, содержание на пути поременных замков, этапов и прочее; наконец, подводная повинность, выполняемая населением, которая должна войти в счет государственных расходов^{6*}. Содержание половины пересыльной стражи, по вычислению г. Лохвицкого, должно быть не менее 2000000 и всех расходов на ссылку более 5000000 р., а тогда стоимость на арестанта будет равняться уже не 300, а 800 руб.^{6*} Все это — казна, а сколько еще стоит она обществу? Дешевизна ссылки до сих пор тем и обуславливалась, что значительная часть издержек падала непосредственно на общество, в виде особой натуральной повинности. Начиная уже с того, что государство ссылкой преступника в другое общество слагало всякую заботу о нем и предоставляло содержание его собственным его силам; когда же ссылчатый не мог помочь себе, он дожидался всею тяжестью на общество. Судя по тому, в каком неудовлетворительном состоянии находится наша ссылка, надо заключить, что это было в большинстве именно таким образом. Если бы казна продолжала держать преступника в тюрьме, она расходовала бы по 74 р. на человека. Теперь же обществу приходится содержать ссылчатого. Принимая даже арестантское содержание, на 12000 ежегодно изущих ссылчатых потребуются 880000 р. Но весь контингент ссылки, проживающий в Сибири, равняется 202834 чел., и на прокормление его необходимо 15009716 р. Известно, что ¹/₄ ссылчатых не обзаводится хозяйством и бродяжит Бог знает где; предполагая, однако, только половину бродяг, прокормление ссылчатых об-

* До чего доходит и как год от году увеличивается содержание сибирских замков и этапов, видно из следующих сведений: в последнее время в Иркутской губернии построено 10 новых этапных тюрем, предост еще построено 16, на покрытие этого расхода выделена казна в 452292 р., да в предшествовавшее трелетие издержано на тот же предмет 133500 р. В Томске построена центральная пересыльная тюрьма для избежания крайней тесноты и потоплена значительная казны; то же предполагается сделать и в Красноярске. В Томской губернии возведено 13 зданий зданий, на что в 1870 и в 1871 годах ассигновано 44000 рублей; в 1870 году на исправление томского замка ассигновано 19717 рублей 38 коп., издержано 16000 руб.; в 1873 году предложен для той же цели новый расход в 16000 рублей, которые, конечно, и употреблены уже по назначению. Даже в удаленных городах: Канске, Барнауле, Бийске и Мариинске вследствие тесноты поременных помещений от притока бродяг и пересыльных оказалось необходимым устроить новые тюрьмы, которые уже проектированы. Словом, расходы на постройку и ремонт поременно-этапных помещений в Сибири весьма значительны и увеличиваются с каждым годом. См. соответствующие отчеты губернаторов Сибири за 1871, 1872 и 1873 годы.

** В Англии пересыльные арестанты обходятся, надо заметить, еще дешевле, а именно: 180 фунт. стерл., то есть 1080 р.

десять обществ в 7,5 миллиона. Вычисленные и прирванные 40000 бровей, поступающих по Сибирю, одни стоят 2960000 р. крестьянству ежегодно. К этому необходимо прибавить содержание порем городами и местными обществами, добавочные расходы по содержанию этапов, подводную повинность для партий, убытки крестьянства и большие расходы на поселенцев, недолжки их, удлиняемые населением, ценою, убытки от преступлений, совершаемых ссыльными.

Содержание порем в сибирских городах падает на местное общество, так, по отчетам губернаторов видно, что тюрьмы содержались в Красноярске из государственных и земских сборов, в Ачинске, Канске и Минусинске — на счет городских доходов, Енисейске же — на счет сбора с жителей. Подводная повинность ложится значительной тяжестью на крестьян. Так, по официальному отчету, в одной Енисейской губернии пересылка и препровождение арестатов требует ежегодно 5202 человека и 5296 подвод. На сельские общества ложатся значительные недолжки за ссыльных, по подвоям, по уплате больших денег за поселенцев, приходящихся по 300 — 400 р. с одного сельского общества; наконец, расходы по содержанию усиленного отряда волостного правления выслу множества поселенческих дел и переписки о них³⁴; такой расход доходит до 50 к. с души сверх платимых за собственные надобности. Один уж этот расход может составить значительную сумму в сложности. Все это в совокупности заставляет нести местное население, кроме содержания ссыльного, целую массу новых налогов за него³⁵. Заметим, что вся тяжесть системы падает на одну часть населения империи, и именно на Сибирь, в Сибирь же — по преимуществу на крестьянство. Край, таким образом, выполнял временную повинность по содержанию преступников за некое государство. Если некоторые лица в Сибирь находили ее выгодною, как, например, золотопромышленники, черпавшие из контингента ссылки свою ежедневную ступу, если привилегированные князья не замечали ее, как избавленные от налогов, то крестьянство в Сибирь не могло ею не тяготиться. Убиты за поселенцев, которых общество часто не вида-

³⁴ В Сибирь в самых малых волостях у волостного писаря по пяти и шести человек поместников, а в большинстве — по 10 и 12, с жалованьем от 12-ти до 45-ти руб., смотря по месту и дорожные прикормочные деньги. В Иркутской губ. расход на волостное правление равняется 4500 р. и доходит до 74,5 коп. с души. Такие волостные правления выпускают до 10 и 20000 экземпляров №№ в год, и $\frac{1}{2}$ переписки относятся к ссыльнопоселенческому управлению.

³⁵ Так, например, иные выкашивают с обществ за перевозку бровей.

до и в глаза, кроме партии, борьба с брожением, постоянные похрюки, ползает «замок» (угорю), избушек не могли не ощущать материального благосостояния крестьян и не давать себя чувствовать. Крестьянам часто приписывалось брать ссыльных в работники; снабжать их землю присевком и проч.; таким образом, в Сибири пробовали принить систему кабалладу, практиковавшуюся в Австралии «assignment system»²⁹, но она ничего не давала крестьянам, кроме убытка, ибо ссыльный просто садился на шею мужику. Поэтому крестьянство сплосло и разом отсыпалось от приема ссыльных и выразило протесты против приписки ссыльных. Некоторые местные акты свидетельствуют об этих протестах, облеченных в легальную форму. Напр., в 1806 г. Иркутский земский исправник Олалын прислал верховленскому комиссару подробный проект о принятии крестьянами ссыльно-поселенцев в работники с условием снабжения ссыльных за работу пищей, одеждой, денежной платой и присевками, на что крестьяне верховленских общин в полном своем составе ответили следующим актом, который мы считаем необходимым привести целиком: «В полном собрании народа, в единогласном и твердом мнении утвердил общественным проением отказаться от предписания исправника и комиссара, скромно претпосывая а то же время своим возражением оговорку, что хотя общество претписаниям начальства всегда должно с крайним усердием повиноваться, но что в настоящем случае то значительному числу в крестьянском обществе бедных крестьян из сельских мирских староженов, нуждающихся в наемной работе у своих общинников, по малости запасов и присевков у самих крестьян, не имеющих силы и могути распахивать много земли, по общей скудости достатков у большей части их общество ленских крестьян никак не может согласиться с претписанием господина исправника о принятии крестьянами поселенцев в работники со снабжением их присевками на две десятины и проч.»³⁰. Обременительность повинностей по содержанию и устройству ссыльных, как и по прокормлению дряхлых и старых (привезти их отрожен), которые, за изменением обстоятельств, исключительно принычались на счет сельских обществ, порождают и до сих пор многочисленные жалобы сибирских сельских обществ.

Наиболее очевидным свидетельством о том, какую тяжесть падает ссылка на местные общества и какой вред

²⁹ Известия сибирск. отдела импер. Геогр. Общества. Т. VI, № 3, 1875 г. стр. 106.

порождает она, служат притворной мешанской городской общине, представляемые на имя высшего начальства, с ходатайствами приостановить приниску к дим ссыльных. Вот некоторые из этих приговоров.

Ялуторовское мешанское общество, выставляя между прочим, что на одного коренного жителя общества приходится по 2 ссыльных (на 263 души приписано 570 ссыльных), жалуется, что поселение ставят жителей в большое затруднение и даже разорение разными кражами и мошенничествами. При этом побужительными причинами такого поведения ссыльных общество выставляет немилые средства и заработков, почему ссыльные самовольно удаляются «куда-либо в другие местности, откуда за беспечность препровождаются местными начальствами обратно, другие же из них, по преимуществу на месте работ, постоянно занимаются разными кражами и мошенничествами, чем поставляют жителей в крайнее разорение».

Туринское общество, жалуясь также на увеличившееся причисление к нему ссыльных, причем в городе приходится один ссыльный на двух старожилов-мешан, прибавляет: «... что причисление ссыльных к городу не только не прекращается, но с каждым годом увеличивается, так что чисто ссыльных может скоро пережить число старожилов, из коих многие изнуждены будут искать себе других, менее заселенных такими людьми мест». И это причисление, говорит общество, представляется неизбежным впоследствии, особенно для менее зажиточных мешан, так как за неплатежом долгов ссыльными леюлька докучает на общество; «между тем как сами ссыльные, оставаясь в праздности и без всяких средств к честному существованию, впадают в беспорядочную жизнь, сопровождаемую пьянством, развратом, воровством и другими преступлениями, которые усмотреть и предупредить при большом скоплении в городе ссыльных становится для полиции почти невозможным».

Тарская дума объясняет: «Ссыльные, выславные в Сибирь из внутренних губерний России за преступления и проступки, а большею частью за дурное поведение и их прежних обществах, перенесли сюда праздность, пьянство, молчаливость, разврат и буйство, а иногда даже грабежи и убийства, в которых они, как люди опытные и находчивые, редко когда по суду изобличаются. При том же они своим дурным поведением служат соблазном для некоторых горожан-старожилов, и особенно для молодых людей, из которых некоторым уже привились эти пороки».

около 750 человек, из которых только 100 мало-мальски знают ослело, и то, только сссылных, также весьма сомнительной нравственности; последние же 600 в полном смысле бездомные пролетарии и составляют истинный бич обществу, ибо при всей своей историчности и закоренелости в праздности, пьянстве и в развлекательных увеселениях, вносят свои дурные привычки в семейства бедных старожилов-мещан, развращают молодое поколение, перелевая словом и делом все утонченности сссылной профессии по части мошенничества, и увлекают во все пороки... И этих-то пасынков прежних благоустроенных обществ, выброшенных из среды тех обществ на их мещанские слабые плечи по силе закона, они, мещане, должны считать своими членами единственно ввиду того, что они подлежат наравне с мещанами платежу мирских сборов на общественные надобности.

Обратив внимание на эти истины, один из администраторов воскликнул: «Нельзя не сознаться, что в этих нелегальных городских общинах выразился голос населения, вырванный справедливыми жалобами правительству, в силу многолетних глубоко пренебреженных испытаний и что во всех протестах при их различных проявлениях звучит одна и та же истина».

Теперь мы можем довольно точно оценить, чего стоила Сибирь ссыльным! Мы указали уже, что значительная часть каторжных должна была содержаться праздно и ей предоставлялось уходить в бег. Что касается поселенцев, то они жились без средств, без всякой помощи, прожизняя новую местность, часто не зная, чем заняться, и, по опытам правительственных ревизий и исследований, жили «нищенством и преступничеством». Весь этот контингент ссылок бродяжил и питался полянством на счет местного населения. Таким образом, вся тяжесть ссылок по содержанию преступника пала на белое сибирское земледельца. Крестьяне притривали в первое время поселения, отводили им избы, кормили их и снабжали пооданием! Если мы представим себе около 200000 населения, постоянно требующегося всеми средствами около туземцев, на которых Сибирь должна произвести хлеб, одежду и проч., в том числе от 30 до 40000 бродяг, расхаживающих по дорогам и питающихся исключительно полянством и воровством, мы поймем тогда, во что это обходилось Сибирь! Сверх того, мы не считаем значительной части новинки, которые несут крестьянство и страна как последствие ссылок. Для ссыльной системы от Урала до Амура построены

этапы и в городах обширные тюрьмы на 1500 и 2000 сельских, которые построены и содержатся местными обществами и достройка которых обходилась не менее 200000 р. на каждую. Постройка тюрем год от году увеличивается, и неизвестно, каков предел будет этим увеличивающимся расходам. Нечего говорить, что все это не может достигаться справедливым, ложась на один край. Ссылка ссылаема у нас одну «классическую тюрьму» из этого края, который несет неудобства и тяжести ее. Вот почему замечания, что Сибирь несет тяжкие века все трех своей праматери, выказанное кем-то, не лишне основания. Мы видим, что она несла, кроме того, и значительные материальные пожертвования и лишения. Сделав в Сибири сток нечистот, ссылка породила бесчисленные беспорядки и неудобства, летшие всей тяжестью на край. Смешав громадное население с ссыльными, она дала полную возможность развитию преступлений, породила два разнородных класса, развила казбу, содействовала в крае анархизму сословий, наконец, деморализовала население и испортила жизнь общества, а потому составляет ныне положительное ядро и «язу кдья», как выражаются многие официальные документы. Чрезвычайные последствия ссылки дали себя знать такими чувствительными результатами Сибири, что она, как уверяют, едва ли скоро от них оправится. Ссылка задерживала и парализовала жизнь местности и установила на нее особые, исключительные воззрения, которые можно назвать *кааторскими*. «Обширный край, — прекрасно замечает вице-адмирал Посет в своей записке о ссылке, — пространством в 2/3 раза большей европейской России, богатства которого еще недостаточно оценены и исследованы, осужден быть местом жительства тяжких преступников из среды 70 миллионов населения. Мера эта имела основание, когда Сибирь, кончаясь Камчаткой и Омским морем и имея за собой пустынный Тихий океан, сама считалась пустынною землею и обитательными имел по преимуществу одни дикие и кочующие народы. Теперь, когда Тихий океан с каждым днем все более обращается в новое Средиземное море, когда через приобретение Амурской области России приоткрылась к этому морю; когда сопредельные России государства открылись и быстро развиваются, теперь необходимо дать и Сибири возможность вступить на путь развития, необходимо снять затопившее над ней склямо «стране преступников». Постоянная ссылка таких людей в продолжение двух веков в страну малонаселенную не могла не иметь развращающего влияния на это население. Ссылка

ка служит главным основанием жалоб в настоящее время и общества, и начальства в Сибири на недостаток людей, заслуживающих доверия и могущих быть употребляемыми с пользой для края. Такое состояние населения останавливает развитие страны, составляет главную причину общего равнодушия к бедствиям Сибири и к ее обитателям, хотя, говоря вообще, мало нравственным, но весьма способным. Страна остается как бы забытою, и вместе с тем с каждым днем все более отстает от соседних ей стран Востока». Таким образом, ценою ссылки приписались в жертву самое существование и развитие нашего Востока.

Все неудобства и тяжести ссылки при настоящих условиях приводят нас к заключению и неизбежному выводу, что стоимость ссылки и затраты, делаемые на нее казною и обществом, не выкупаются ее результатами.

Спиренное положение раскрывает самый печальный и разительный быт ссылного населения, ссылные бегут, и Сибирь вместо полезных работников наводнена массою бездомного и праздного пролетариата. Вместо исправления при печальных условиях ссылного быта наказание это дает обратные результаты, а именно: испорченность, бродяжничество и преступления ссылных.

Вместо ограждения общества путем изолирования и помещения преступника ссылка у нас способствовала возвращению преступников, наконец, наводнила Сибирь преступлениями, год от года увеличившимися в невероятных размерах, и, таким образом, неся местность лишиться безопасности, и жизнь Востока представляла такие условия, которые несовместимы с жизнью какого-либо гражданского края.

В последнее время как администрация, так и местное общество одинаково сознали неубоства ссылки и ходатайствуют об ее отмене и ограничении. Таково же мнение всех комиссий и законодательных работ по этому поводу. Зло ссылки неисчислимо. Между прочим, ссылка до сих пор служила тормозом в распространении на Сибирь общих гражданских прав и искажала само воззрение на страну и ее развитие. Необходимость отмены ее, таким образом, вполне обнаружена временем, созвана обществом и правительством.

История эксплуатации богатств на Востоке

VII.

Богатства Сибири и что под ними разумеется. — Естественные произведения края. — Открытия Сибири и влияние его на дух русского народа. — Улучшение Сибири. — Слово о нем. — Поиски за богатствами. — Последствия разведывания. — История эксплуатации природы. — Меха, золото, земледельческие и скотоводческие продукты. — Хищнические способы культуры. — Последствия этого — Торговля и промышленности Сибири в современном ее состоянии

Сибирь издавна слывет страной «богатою». Пора, однако, определить, что разумеется под именем богатств Сибири, естественные ли произведения природы, еще не тронутые, способность ли к эксплуатации богатств, продукты ли и накопления народного труда и средства удовлетворения, дающие населению известное довольство и обеспечение?

Нетрудно угадать, что в большинстве ищ именем богатств Сибири разумеются прежде всего ее естественные произведения и природные запасы, а отсюда уже понятие о богатстве переносится на все остальное.

Рассматривая топографические и естественные условия края, действительно мы не можем не признать их довольно благоприятными. Естественные произведения неорганического царства, флора и фауна, раскинутые на сотни тысяч квадратных верст, представляются громадными запасами для будущего. Природа Сибири весьма разнообразна. Мы видим здесь значительные минеральные богатства на Урале, в южных степях, на Алтае, в Нерчинском округе, на Амуре и в других местах. В Сибири разрабатываются серебро, золото, железно, свинец и медь, находят обширные залежи каменного угля, еще не тронутого, добывается графит, богатейшие яшмы, порфиры, мрамор и т.д. Но еще ценнее изобильные леса и земли Сибири, благоприятствующие культуре. По вычислению г. Богдановича, через Урал доставля-

ется из Сибири до 70000000 кг хлеба. Алтайский округ славится по Оби с юга Сибири и тому же хлебу по 1000000 пудов.

В Сибири приходские переселенцы начинают разводить в значительном числе лен и пеньку, которые со временем составят здесь видную культуру. Скотоводческие произведения точно так же играют видную роль при миллионах голов разного скота. Г-н Латкин высчитывал, что Сибирь могла бы доставить путем вывоза ныне до 80000000 кг сала, масла и мяса. Леса Сибири ссыздания доставляли дорогих зверей и пушнину, причем добыча соболя считалась десятками тысяч (в 1850 г. — 43600 соболей), горностей — то же самое (1860 г. — 56000 шт.), белка считалась миллионами (1870 г. — 4175010 шт.). Кроме того, до последнего времени вывозятся из Сибири шкурки тини, пушские даже за границу. В Сибири в два столетия добыто 22000 мамонтов. Рыба, добываемая миллионами пудов, не имеет только потому сбыта и бросается на месте, что не умеют солить и готовить ее. Мы не говорим о многих продуктах природы, до которых еще не коснулось производство. Таким образом, обилие естественных произведений несомненно. Раз они существуют, естественно, они должны обогащать и удовлетворять вполне местные потребности. Мало того, является вопрос о сбыте и обмене произведениями. Страна не может быть вечно замкнутой и изолированной. Внутри и извне пролагаются пути. Запад ее имеет уже торную дорогу; на Восток, юг и север начинаются попытки сношений с остальным миром Европы и Азии, причем вопрос идет об экономическом значении края не для одной империи, но и для всемирной торговли. Окружающие моря, огромные реки, колоссальная природа, громадные запасы естественных продуктов открывают, по-видимому, обширную перспективу в будущности этой части света и сблизывают воображение самыми обольстительными мечтами.

Все чаще и чаще в литературе как и в русских ученых и промышленных обществах слышится голос о необходимости разработки естественных богатств Сибири, о возбуждении производительных сил ее, особенно ввиду проектов соединения Сибири железными путями с Россией и Европы с Азией. С открытиями Норденшельда¹⁾ и Виттенса в Швеции и Англии появляется целая литература, знакомящая Европу с Сибирью ввиду изысканий соединения сибирских рек и открытия выходов из замкнутого промодного края. Среди этих толков, проектов и предположений мы постоянно слышали: «Пора открыть реальные богат-

ства, скрытые в неведомой Сибири, пора обратиться к их разработке; Сибирь — это золотое дно, золотой сундук наш».

Таким образом, становится логично заглянуть в этот золотой сундук и оценить его действительные сокровища. посмотреть, насколько мы обладаем ими и как по ним тогда пользовались, в какой степени мы сумели овладеть физическими и естественными условиями богатой страны, чтоб обратить их в свою пользу, чтоб развить с помощью их гражданственность и промышленность, насколько, наконец, оказалось у нас на то нравственных и умственных средств. Чтобы ответить на это фактически более или менее вескими данными, нам необходимо обратиться к истории экономической жизни этого края.

Посмотрим сначала, какими результатами сопровождалось завоевание богатой Сибири для России. Открытие новых стран, а тем более целых континентов, составляет обыкновенно эпоху для народов; открытие Сибири, а с нею и азиатского материка, для русских должно бы быть тем же самым, чем было открытие Америки для европейцев. Известно, что открытие Америки произвело переворот в европейской культуре и промышленности; оно внесло массу сведений и знаний в старый европейский мир, полугигуло пауки, открыло новые пути торговли, вывело Европу произведениями новых стран, перенесло на европейскую почву множество растений и животных, ввело в употребление в Европе кофе, табак, сахар и открыло целый ряд неизвестных до тех пор источников богатства и удобства жизни для европейских народов. Разнообразные продукты американской природы и закипевшей там человеческой деятельности стали прибывать к портам Европы. В свою очередь берета вновь открытого богатого и обширного континента гостеприимно принимали вытесняемые нуждой и голодом массы европейских выходцев, вносивших в новую страну энергию мускульного и интеллектуального труда. Таким образом, обмен сношений и взаимный усладу увеличился, и благосостояние человечества увеличилось. Таким же явлениями, по-видимому, должны были бы сопровождаться и наши открытия новых стран. Действительно, в первое время наши завоевания в Сибири и Азии не могли не дать возбуждающего толчка русской предприимчивости и колонизационному движению русского населения.

Вслед за географическими открытиями не мог не интересоваться русских новый отменный вид сибирской природы, более величественный и разнообразный, чем общий вид велико-

русской равнины, обилие различных естественных произведений, разнообразие сибирской флоры, фауны и минеральных продуктов; все это возбуждало пылкость, энергию к разведкам и к изысканию богатств природы. После Ермака сотни и тысячи русских людей, служивых, торговых и промышленных, а также гулящих молодцов и ушкуйников²⁵, бросаются в новый край искать счастья, важны и обогащения. Минеральные богатства Сибири были до того заманчивы и привлекаемы для предприимчивых и любознательных людей, что многие пустились в Сибирь разведывать не только золотую, серебряную, медную и железную руду, но и драгоценные камни, минеральные продукты, как, например, серу, слоду и проч.

Вследствие открытия минеральных богатств в Сибири во все сибирские города, ко всем воеводам постоянно присылались указы или грамоты о приискании руд и дорогих камней «со всяким рачением», точно так же, как велено было расспрашивать всех сибирских инородцев о местонахождении золотых, серебряных и других руд. В то же время составлялись заметки о птицах и зверях, дошедших на островах и неселомых речках Сибири; но более всего в деле промыслов обратил на себя внимание соболь; его предписывалось ловить и доставлять в царскую казну. Из птиц явился запрос на сибирских кречетов и соколов; русские обращали внимание и на ценные растения; служилые и промышленные люди отыскивали в Сибири реветь и открыли естественное его месторождение; разыскивались лекарственные травы, и сбор их предписывался царской грамотой в 1675 году. Вообще сибирская природа представляла много нового, редкого и удивительного. Богатства казались неисчерпаемыми и возбуждали жадность припыхлых людей. Но в этом стремлении к открытию естественных богатств, к овладению ими не было ни системы, ни умения, ни знания. Вместо того, чтобы самим разыскивать и анализировать руды при помощи минералогии, пришедшие люди расспрашивают только инородцев, просят у них указаний, а воеводы ограничиваются тем, что велят «кликать ключ бирючам (то многие дни, кто вездет по рекам золотую, серебряную и медную руду и складные горы, и они бы, приходя в стезюжую избу, сказывали мне, холопу твоему», пишет царю енисейский воевода в 1660 году. Сведения о золоте, серебре и драгоценных камнях Сибири землепроходцу Ерофею Хабарову сообщила, например, даурская женщина Мездичан. Таким образом, не русские, а инородцы руководили многими открытиями. До последнего време-

ни сибирские золотопромашленники обязаны были открытием здесь не только и не исключительные явления, а туземцам, в которых они постоянно прибегали. В горном Алтае руды отсысаны по древним чудским копям. Ясно, что русский человек шел ощупью в этом новом для него мире. Несмотря на то, что русские старались отыскать золото с начала открытия Сибири, что в этом было заинтересовано правительство, жемчуга и множество частных лиц, золото и драгоценных было открыто только в сороковых годах, то есть через 250 лет после поисков и порываний. Еще менее заботились русские о животных и зверях, составлявших источник сибирского богатства; так, они преследовали соболя с дрекольями и дубинами, били его коромыслами около жилищ, истребляли тысячами и миллионами, но никто не позаботился изучить и описать его нравы. Когда он теперь почти истреблен в Сибири, о нем не сохранилось никакого научного исследования. Точно то же надо сказать и об олене. Имел огромное культурное и хозяйственное значение в жизни сибирских инородцев, он остался вне всякого научного исследования. Мы не умели акклиматизировать животных, развести коз и лучшие породы овец; марала (благородный олень) легко приручается; рога его стоят до 1000 рублей, если продать их в Китай, а мы и не думали сделать его домашним, и только теперь начались подобные попытки в Алтае*. Хлебоблагодатство равнялось чрезвычайно туто в Сибири, табак долго не развилась, хотя он превосходно растет на юге. Из последних опытов видно, что в Сибири можно акклиматизироваться вишня и яблоня, но вишня осталась только как-то случайно в одном утолке Западной Сибири. Русские не могли акклиматизировать в Сибири дуб, это полезнейшее и драгоценное дерево, листву точно так же не разводили, хотя и есть положительное доказательство, что она здесь в некоторых местах принимается, самый ремень, о котором было столько слухов и который возбуждал вопрос и умыслы о его разведении, прекрасно процветает в московском алтеекарском саду, по отгону Палласа, а между тем разведение его не обратило на себя внимания в его собственном отечестве. При такой скудости знания, при общем невежестве, конечно, трудно было воспользоваться природою и

* Приручение марала началось на юге Сибири лишь в 30-х годах нынешнего столетия, когда он был в большей части Сибири уничтожен. Преследования его и истребление продолжается. Домашних маралов в Алтае в 1878 г. было только около 100 особей. См. отчет и отчеты о работках Ком. Зн. Запад.-Сибирск. отд. Геогр. Общества. Кн. I. 1879 г. Сведения о мараловодстве. Яринцев).

ее произведениями. Чтобы уметь открывать или находить богатства природы, нужны были знакомые люди, а из Сибири доносили, что «от тамошнего наводна и из русских людей вспомогатели, способных к отысканию всяких раритетов, не обретается»; или Иван Власов извещает царя в 1680 году «А прислал он, Трехинка, чистый руды пять фунтов и того синего камени уломок, которым та руда обыскана, а каков та руда и краска, в какое дело годится ль, того мне, холопу твоему, не по чем, потому что в Селенгинском, Баргузинском и Иркутском рудных местах руд и красильников нет».

Из всего этого очевидно, как слабы были наши интеллектуальные средства и знания во время покорения Сибири. Не человек являлся здесь господством природы, а природа господствовала и подавляла его. Открытия шли наудачу и случайно; самая местность узнавалась опылко. Эти подлоло повод к следующему приговору историка: «Сибирская природа или естественная экономика возбудила, с одной стороны, в русских умах естествопознавательную любознательность и промышленную пытливость, а с другой стороны — обнаружила умственное бессилие русского народа в борьбе с природой и в пользовании ее произведениями. Русским недоставало, во-первых, основательного изучения и знания естественных и агропологических наук, во-вторых, призыва на помощь слабосильным, неразвитым русским умам могучих и несравненно более развитых умов европейских. Открытие новой громадной области, как Сибирь, возбудив русские умы, в то же время как нельзя более ясно обнаружило и умственную импотенцию русского народа» (Шапов, «Извл. геогр. общ.», т. IV, № 2, стр. 81).

То же самое открылось в промышленной и культурной жизни этого края. Рассматривая промышленную деятельность Сибири в первое время, мы видим как будто одушевление и энергию, русский народ, кинувшись из-за Урала, становится предпримчивым, его охватывает исступление, жажда богатств. Новый край с огромными его лесами, в которых так много было редких зверей, с величайшими в мире реками, полными рыб, с величественными горами, с сокрытыми в них минералами — все это вызвало на новый труд, на новые изыскания. Кроме того, по историческим обстоятельствам русский человек в первый раз на сибирской почве почувствовал волю и отдался необузданной свободе. Крепостной раб, кабальный, подневольный человек ищет в новых местах убежища и отдается поискам впервые

за личным счастьем и богатством. В это время Сибирь представляется оживленной картиной, на север казаки плывут на стругах и покоряют инородцев; они рассылают отряды в разные стороны и строят городки и «остроги» (то есть крепости); за ними следуют промышленные люди и соборезники; иногда охотники и зверовщики рассылаются далеко вперед покоренных местностей по неведомым пустыням, ставят промышленные избушки и блокгаузы; в одном месте собирают ясак, в другом — добывают и преследуют зверя, отыскивают руды и мамонтовую кость, отбивают или менают скот у инородцев; создается целый промысел хмелевания, организуются соборезные или рыбные артели, являются буровщики, то есть раскалыватели курганов для отыскивания в них драгоценностей. Правительство и частные лица соревнуются в заботе богатств, и казна под копейку наплетет широкою рукою монголами на азиатское открытие, на великий ценный промысел. Народ в Сибири под влиянием поноскою за богатствами преобразился в бродячек и кочующих авантюристов, так что государству и правительству впоследствии предстояло много труда и усилий прикрепить его к месту. Когда правительство старалось устроить ямы или ямщицкие поселения, создать заводских крестьян, распространить хлебопашество, ему долго не удавалось привести в исполнение свой план. Народ по-прежнему разбредается искать промыслов в лесях, жизнь без контроля и опеки поправилась русскому человеку; он грешил новыми баснословными богатствами, создавал новые мифические страны: то на островах Леловитого океана, то в южных степях Сибири. Так основывались каменщики на Алтае, боровые на Енисее и много других раскольничьих поселений. Регламентация не удавалась в Сибири, указы и распоряжения восводились бессильны перед духом свободного движения. В продолжение всего XVII века происходит лавина народа по Сибири и прикрепление его насильственным образом. В это время случаются странные превращения: один казенный человек, посланный с поручением в Шульбинский завод, возвращаясь назад, обогатился соборезным промыслом, да так и жсел в лесу, где его берут как белого и наказывают плетями. Другой крестьянин Кольянов-Воскресенского завода проводит десять лет одиноко в лесях, на промысле, конечно, и не думая о паспорте, а когда возвращается, то его признают за белого (Акты и материалы для истории Сибири, изд. Моск. общ. ист. и древн.). Наконец, для прикрепления бродячего люда власти предписыва-

няют крестьянам не отлучаться из дома и *почевать* у себя. Но гвард, несмотря ни на какие предписания, шел и разбрасывался по всем местностям Сибири. В горы и пустыни его тнула безотчетная страсть: к плодородным полям и обильным рекам его привлекали промысел и земледелие. Девственный край возбуждал корысть и промышленный инстинкт. Правительство также сознавало, что богатый край может быть предметом его эксплуатации. Московская казна тщательно собирает и сосредоточивает в руках своих пушное и звериные богатства. Петр Великий обращает внимание на Сибирь и пытается положить здесь начало горным промыслам. С этого времени создаются казенные заводы и приписываются к ним крестьяне. Впоследствии начинается торговля с Китаем и Бухарой. Екатерина II обращает особенное внимание на бухарскую торговлю и покровительствует ей. Со времен Петра мы уже начинаем думать о проложении пути в Индию. На Восточном океане возникают морские промыслы и, наконец, целые русско-американские владения с их компаниями. Мы мечтаем о флотах, географические и промышленные горизонты наши все более и более расширяются; под влиянием этих планов Сибирь получает особенное значение в глазах правительства и русского общества. Даже при Александре I продолжают составляться разные проекты о заселении и устройстве Сибири: мы думаем развить кашмирских коз на юге Сибири, а русские министры восторженным тоном XVIII века называли ее «Перу и Мексикой нашей». «Сибирь — золотое дно!» — делается пословицей и всенародной поговоркой. Миллер составляет в то же время обширное описание о торгах сибирских и пророчит огромную будущность этому краю. Действительно, по этим описаниям видно, что действительные богатства в Сибири того времени были изумительные. Жители около Якутска еще во времена Миллера помнили, как около жилищ были соборы. На промышленника, ходившего в артели, приходилось по семидесяти саженей. На островах промыслы были еще богаче: в 1760 году на островах Восточного океана¹¹ добыто было по 108 бобров на каждого работника, а по 50 и 60 добывалось в обыкновенное время. Точно такое же было изобилие лисец, белок, рысей, маралов, оленей, диких коз и всякого другого зверя. «В 1754 году, — пишет автор «Ежемесячных сочинений», — в одной деревне около Нерчинска, в 25 верстах, артелью из 25-ти человек в один день загнано было в огород 4027 диких коз — такова была до-

быча». «Рыбные промыслы в Сибири можно назвать изобильными, — пишет автор «Золотого дна»²⁴, — хлебопашеством и скотом против российских вышеописанные места несравненно изобилуют». Когда началось хлебопашество на девственной почве, урожаи были громадные, в 1755 и 1756 годах в Нерчинском округе с посева одной меры хлеба собиралось тридцать две, а двадцать и двадцать пять — постоянно; даже в неурожайные годы хлеб стоил не дороже 10 коп. за пуд. Обыкновенно ржаная мука продавалась по 4 коп. за пуд., пшеничная — по 7 коп., овес — по 20 коп. четверть. Почва была до такой степени тучна, что удобрения не требовал; земля разрыхлялась коновыми и при малейшем неослоснии ее земледелец обращался к новой. Изобилие в лесах давало возможность пользоваться почти даром лесным материалом и т.п. По мере развития оседлой жизни и земледельческого труда явились зачатки некоторой культуры. Мало-помалу в Сибири, по словам Миллера, начинало обыводиться и собственное производство; в 1755 году Миллер указывает на производство юфти в Сибири, которую выделывали в Томске, Тюмени и Иркутске. Начинало распространяться железное производство: «Железо стало выходить и из Сибири, — говорит Миллер, — и этим товаром со временем можно будет снабжать не одну Сибирь, но и обратить его немалое число в российские и заморские торги». Стеклянная посуда также начинала выделываться в это время. «И сим товаром от себя Сибирь довольствоваться будет», — жалкая надежда Миллера. Из этого видно, что зачатки существовали даже зачатки трезвой промышленности. Торговые сношения Сибири шли довольно оживленно на севере с Архангельском, завязались прочные сношения с Бухарой, и русские прикажники жили в Джунгарии; заводились деятельные сношения с Китаем; все общало, повидимому, видное промышленное и торговое значение обширного края. Вновь присоединяемые владения только усиливали его цену. Дошедши до Восточного океана, открыв массу островов, достигнув даже Калифорнии, где была русская колония «Росс», русские опять обратились к южным границам Сибири и начали присоединять степи; в конце XVIII столетия приключула киргизская степь, впоследствии — Туркестан. Присоединив сначала просто огромную пустынную территорию, русские лишь постепенно начали созидать качественность приобретенной. В XVIII столетии и в половине его с появлением образованных людей в Сибири и путешественников яснее определи-

лось значение и ценность приобретения Сибири. Как только касалось Сибири научное исследование, оно постоянно открывало новые источники богатств. «Какой богатый залог скрыт здесь для будущей промышленности! — восклицает геолог Шуровский при взгляде на кампеллоузольный Кузнецкий бассейн, занимающий площадь в 40000 верст, — здесь находятся железная руда, обширные леса и величественная судоходная Томь, удобная для сбыта произведений. Салаир — русский Цинциннат! Салаирские горы содержат золото и серебро, кузнецкий Алтай — золото, каменный уголь и железную руду». «Все это, — говорит г. Шуровский, — лежит пока втуне: кузнецкая котловина представляет столько выходов для Сибири, что в этом случае могут соперничать с нею только Англия, Бельгия и Россия со своим Донским бассейном». Таким образом, чем больше знакомился с этим краем, чем глубже входили в его необъятные недра, тем более росла его слава и тем чаще слышались восторженные отзывы о нем. Так, сенатор Корнилов в 1828 году начинает свое описание следующим панегириком: «Сибирь, сие богатое и обширнейшее достояние России, приобретенное на заре побед наших и славы, в век великого Иоанна IV, представляет собой такую картину, которая всегда воспитит истинного патриота. Он несомненно приступит к замечаниям местных подробностей, от которых много зависит и благоденствие страны сей, и польза самой России ибо Сибирь своим сокровищами, своим богатством по всем трем царствам природы со времени приобретения имела и будет иметь всегда важное на Россию влияние, как на коммерцию, так и на внешние и внутренние обороты оной» («Замечания о Сибири», Корнилов, 1828 г., стр. 1). Сибирь начинала составлять для нас, таким образом, предмет патристической гордости, как для британца — его обширные, могущественные колонии. Не было царствования, в которое Сибирь не напоминала бы о себе новыми открытиями и подарками с Ивана Грозного — завоеваниями и сободем; при Петре I — открытием рудников, буржеским золотом и торговлей с Китаем; при Екатерине II — буржеской торговлей, присоединением степей, Камчатки, американскими владениями; при Павле — мечтами о проходе в Итидио; впоследствии, в сороковых годах, — открытием золота; в пятидесятых — присоединением Амура, Усури; в шестидесятых — Средней Азии, в семидесятых — Сахалина и т.д. Каждое из этих открытий и присоединений порождало новые мечты и будило мысль о Сибири. Мы

собирали тысячи обширных планов иланей торговли, обогащения и могущества в Азии, и нишнему патристическому самонамично не было никаких границ.

Но не всегда господствовало время обширных планов и прославления богатств Сибири. Весьма часто после временных восторгов и упреждений начиналось охлаждение и разочарование. Планы и надежды не всегда осуществлялись и обогащение не так легко давалось, как думали. Мы терпели неудачи на южной азиатской границе, на путях в Индию, в Камчатке и на Восточном океане (притомным ливисдалито для русско-американской компании и разочарование Амуром). Вслед за этим мы так же быстро переходили к другим крайностям. Горькие обличения спышались тогда предшествующим заблуждениям. Разочаровавшись в сложной действительности, мы переносили негодование на край. Отнимая от него всякое экономическое значение, объявляли его быть вечно мертвой тундрой, пустыней и заброшенным местом, пригодным лишь для ссылки и каторжного труда. Таков, например, был отзыв и взгляд на Сибирь известного писателя Герсеванова, доказывавшего в сороковых годах, что Сибирь не имеет никакой будущности и существует на счет России, принося скорее убытки, чем выгоды*. Но это был не один взгляд Герсеванова, это был приговор многих русских людей. Только с открытия золота кредит Сибири поднимается, мы снова с восторгом сулим ей будущее Калифорнии, а потом опять забываем. Эти иллюзии вечно преследуют несчастную страну.

Но теперь наступило, наконец, время проверки этих восторженных возгласов, мы обязаны обратить внимание и на другую сторону медали, посмотреть поближе, каким образом шло промышленное и культурное развитие этого края, и всегда ли он имел то значение, какое ему приписывали. В самом деле, нельзя не заметить, что когда говорили о природе и естественных условиях, вечно слышалось восторженное отношение к новизне, к девственности края и богатым запасам его развития; когда же обращались к жизни его, населению и особенно к его гражданственности, то являлось самое горькое разочарование. Социальная беспомощность этого края постоянно обозначалась довольно медленным его заселением. В начале нынешнего столетия считалось и Сибири 1800000 жителей на 250000 кв. миль. Русское население

* «Сибирь, питаясь сокнами России, сама мало от того учитает, а отнимает силы у своей кормилицы». Герсеванов. Отецество. записки. 1845 г. О торговом значении Сибири.

средних губерний Сибири не превосходит до последнего времени 3500000, что на 10708000 кв. верст представляет самое ничтожное заселение. Ясно, что Сибирь прежде всего не имеет достаточно рук для обработки своих произведений.

Что касается способов разработки естественных богатств Сибири, то мы не только не обогатились здесь, не только не положили основания прочной промышленности, а, напротив, уменьшили и истощили производительность края. Причиной этого являются те способы эксплуатации, какие мы прилагали к нему: вся промышленная деятельность Сибири была сосредоточена в первое время на расхищении естественных богатств и запасов природы. Расхищалось все самым непредусмотрительным образом. Набросились мы на соболя и дорогих зверей и быстро уничтожили их; зверь начал удаляться с запада на Восток, и к половине прошлого столетия его почти не было уже в Западной Сибири; в начале настоящего столетия мы встречаем жадобы, что улов его уменьшается даже в тех сокровенных местах, где он еще оставался. Г-н Шуккин в «Путешествии» своем в Якутск представляет доказательства убыли зверя уже в 30-х годах, так, соболь в 1825 году было в продаже 18000, а в 1830 году — было только 6000; лисица вместо 14000 было 7400; песец вместо 18000 — 9000. Г-н Кривошапкин в своей книге, описании Енисейского округа, замечает, что количество зверя в Енисейской губернии, особенно в Туруханском крае, значительно уменьшалось: так, в 1825 г. из Туруханского края было вывезено 28000 штук соболей, 140000 песцов и 300000 белок. Из таблицы за пятнадцать лет о количестве звериных шкур, поступающих в ясык и в продажу торгующим лицам Енисейского округа от ипородцев, видно, что в 1846-м и в 1847 гг. соболей поступало на пятнадцать и девятнадцать тысяч рублей; в 1850 году с трех округов поступило даже на 35000, а в следующие годы поступление ценилось только сотнями рублей («Енисейский округ», Кривошапкин, стр. 19, 23 и приложение 1-е). Вообще замечается, что в Сибири сильно уменьшаются соболь, песец и олень, зато как бы увеличивались хищные звери: медведи, волки, барсуки и рыси (Кривошапкин, стр. 23). Из этого видно, что в Сибири происходит обратное движение культурному порядку: хищные звери прибавляет, а полезное убавляет. Так, например, белка исчезает от недостатка питания вследствие выжигания лесов. Пожары, истребляющие леса в Сибири, вообще громадные: они занимают тысячевверстное пространство.

Причиной же размоложения хищных зверей выставляется следующее довольно замечательное объяснение: «Опустошение и гибель большинства инородцев сперва и ниюю горячкою, а в 1850-м и в 1851 годах — оспою, было до того сильно, что ваялось между по лесам много трупов, которые привлекали хищных зверей, вроде медведя, россома и волков, от алчности которых бсжали дальше лучшие звери» (Кривонанкин, стр. 19). Это оригинальное объяснение бросает отчасти свет вообще на страшную бстемонцию крив.

Истечение звероловства, конечно, должно было неблагоприятно отразиться на благосостоянии сибирского населения. В половине прошлого столетия енисейский депутат Самойлов в комиссии уложения при Екатерине II говорил о звероловстве как об основном предмете торговли; все местные капиталы были заняты им. В начале нынешнего столетия в один Китай сбывалось из Сибири до 8 миллионов белчихих инкур; в 1836 году было вывезено только 4 миллиона; в 1837 г. — 2900000. Сбыт белки в пятидесятих годах на нижегородскую ярмарку не прсышал трех миллионов. В результате — как мы не охранили меховую торговлю казенными монополиями и запрещали сбыва мехов за границу — ценный зверь был все-таки истреблен. В последнее время такая же мера употреблена была относительно Амура: вывоз пушных богатств был запрещаем за границу; но в Сан-Франциско образовались целые торговые дома, занимающиеся торговлей русскими мехами с Амура.

В 1850 г. еще на Ирбитскую ярмарку привозилось до 108000 шт. горностая и 43600 соболов, в 1860 г. — только 56000 первых и 16200 вторых, в 1870 году еще менее: 24000 горностая и 5150 соболов. До чего пала меховая торговля в России, видно, что в 1874 г. вывезено из России мехов на 2250000 руб., а привезено из-за границы на 6000000 руб. Академик Бер доказывал еще в 1838 г., что торговля синной шестией будет выгоднее для России, чем пушной товар, и это вполне подтвердилось.

С того же жадностью, с какою приплыше люди накупились на звероловство, они сначала набросились было и на горные промыслы. Сколько усилий было употреблено в прошлом столетии на разсыкание горных богатств! Из звероловческой колонии мы вдруг захотели сделать Сибирь горнозвщской. Под влиянием этой мании тысячи крестьян на юге Сибири были приписаны к казенным заводам. Это были своего рода крепостные до 19 февраля, обьявленные тяжелой повинностью достав-

лять рушу, обжигать уголь и т.д. В некоторых местностях сибирская администрация старалась развить и поднять горное и рудничное производство посредством ларового и полневольного труда преступников. Железные руды действительно представляли неистощимое богатство в Сибири, но каких результатов достиг этот полневольный труд? Несмотря на все искусственные меры, на все усилия, горнозаводская промышленность находилась в плачевном состоянии и Сибирь продовольствовалась металлическими произведениями Урала, из той же европейской России. Общая ценность годового добычи всех металлов равнялась для России в сороковых годах 35000000 р.; при этом с завалов Уральского хребта получалось 45000000 р., а с сибирских колывано-воскресенских заводов — около 5 миллионов, и, наконец, с нерчинских — 2 миллиона рублей. Всего же добывалось в Сибири не более как на восемь миллионов рублей. Цифра ничтожна в общей массе производства. Нерчинские и колывано-воскресенские заводы, поддерживаемые правительством со времени Петра, стоившие ему миллионов затрат, год конец приносили казне только убытки. Упадок алтайских заводов доказывает ныне уменьшение добычи металлов. В 1851 г., по сведениям Гагемейстера (Историч. статист. обозрение), в Алтайском горном округе добывалось до 40 пуд. серебристою золота, 22152 пуд. золотистого серебра и 250075 пуд. меди. Ныне падение производительности рисуется следующими цифрами.

Годы:	золота		серебра		спития		меди		чугуна				
	п.	ф.	п.	ф.	п.	ф.	п.	ф.	п.	ф.			
1871	18	19	21	845	36	32	61198	31	32953	28	14070	-	
1872	19	32	7	-	682	14	28	51445	18	25737	29	35675	20
1873	29	6	78	85	611	6	15	30627	7	38516	32	51858	20
1874	29	29	64	58	608	26	66	35255	11	42036	14	30000	-
1875	33	10	88	65	593	15	59	40085	20	39590	21	30000	-
1876	11	8	32	42	616	15	93	30497	-	32645	-	30000	-
1877	11	24	95	34	616	-	53	30476	-	28700	-	30000	-
1878	10	32	-	-	613	3	-	39388	20	26678	-	17147	-
1879	29	25	12	-	561	32	-	28290	7	28690	-	36000	-

Статистический обзор о состоянии Западной Сибири с 1874-го по 1878 год, приложенный к западносибирскому адрес-календарю на 1879 г., составленному на основании официальных отчетов, свидетельствует то же. «Каменная предприимчивость по разработке золота, — говорит упомянутое обозрение, — в Западной Сибири идет не особенно быстро вперед. На алтайских горных заводах она в последние время уменьшилась с 33

тупон на 11, то есть на 30%, добыча серебра понизилась на 35%. Зато, сравнивая частную золотопромышленность, видно ее превосходство. В Томской губернии намыто на промыслах в 7 лет 857 пуд 2 фунт. 16 зол., по 122 пуда в год. По всей же Западной Сибири намыто на частных промыслах золота в течение 7 лет 911 пуд. 33 фунт. 66 золот. 75 долей. Следовательно, частные промыслы дали в 6 раз более в сравнении с казенными заводами». Уменьшение горной и заводской производительности в Алтае обнаружилось в закрытии некоторых заводов, как Томского, на сокращении работ в Звенигорском руднике и уменьшении добычи руд в Зауральском руднике, а именно: в 1864 году здесь добывалось 1267000 пудов руд и 1283 пуда серебра; в 1878 году руд — 740000 пудов и серебра — 518 пудов. Доксанный и обнаруженный нерацональный способ казенного хозяйства в Алтае, сопряженный со значительными злоупотреблениями, вызывает ныне необходимость передачи заводов и разработку металлов в частные руки. Что касается частной железной производительности, которая начала прививаться в Енисейской губернии и начале нынешнего столетия, она пала от упадка, нанесенных ей золотопромышленностью. «Нескогда было думать о железе, ведь деятельность поклонило золото», — говорит г. Шуровский. В настоящее время в Восточной Сибири опять возникает частное железное производство, но выделяется железо незавидного качества и сбывается на золотые прииски. Недавно даже Забайкалье пользовалось железом, привозимым с Урала. То же уральское железо идет в Нижний, а потом уже ввозится в Сибирь, делая двойной огромный путь.

Вслед за тем самую видную роль в разработке сибирских богатств, конечно, играло золото. При истреблении звероловных богатств, при неудавшейся горнозаводской промышленности, не вышедшей из состояния прозябания, мы обратили внимание на золото. Случи о баснословных богатствах привели сюда толпы искателей приключений. Во времена золотопромышленности воскресла прежняя, давно уснувшая предприимчивость, и началась алчная погоня за наживой разных промышленников, какими были Попов, Мошаров и другие. Неведомые моря и пустыни заменяет теперь сибирская тайга, то есть депрессивные леса, раскинутые на тысячи верст. Сибирь начинает играть для России роль Калифорнии; все гонится за золотом, и большинство капиталов сосредоточивается только на этой промышленности. Открытие этих новых богатств, как ни было

выгодно оно для государства, в деле культуры Сибири, однако ж, произошло совершенно обратное влияние. До золотой горячки край, ослепленный в погоню, начал было отдаваться своим мирным занятиям; население от злороловства начинало переходить к земледелию, понемногу зарождалась и местная заводская промышленность — словом, какая ти на есть культура начала было формировать привычки и нравы местных жителей. Золотопромышленная горячка разом остановила это движение, повернув его в другую сторону. Все капиталы, все силы населения устремились к ней; земледелие и промышленность были забыты, и на Сибирь стали исключительно смотреть, как на золотой рудник. Но что же было ей золотое, чем вознаградились эти страшные жертвы, принесенные ею добыче? Тайга была искожена воюм и поперец, увлечение достигло высшей степени. Между тем, как это увлечение продолжается несколько лет, вдруг доносятся вести об оскудении золота и истощении прежних богатств. В самом деле, сначала шло постепенное возвышение добычи золота: в 1830 году частная золотопромышленность изработывала только 4 пуда 22 фунта драгоценного металла; в 1836 году она достигла 84 пудов; в 1837 году — 106 пудов; в 1842 году — 575 пудов; в 1846 году — 1238 пудов; в 1847 году — 1370 пудов. Затем добыча стала падать на 1200 п., на 1100 п., а в 1852 году было извлечено только 900 пудов.*

В пятидесятых и шестидесятых годах слышится уже жалоба и плач на истощение золота: оказалось, что приемы нашей разработки золотых руд были такие же хитинические, как и в других отраслях промышленности. Гоняясь за фунтом лишнего содержания, мы снимали золото только сверху, а остальное потребляли в овалах. Сама обстановка труда на золотых приисках была в высшей степени безобразная, действительно каторжная; все предоставлялось простой случайности и произволу эксплуататора, где не было ничего похожего на человеческие отношения к труду и положению рабочего. Таким образом, золотопромышленность прошла какими-то мертвыми уратами по Томской и Енисейской губерниям и теперь совершает последние подвиги на Олекме, за Байкалом и на Амуре. Там, где прошла эта промысловая чума, не осталось никаких культурных следов. На местах брошенных приисков шумят леса и

* В 1879 г. на частных приисках южной Томской губернии добыто золота 163 пуд. 9 зол. 55 а., в Ачинской области всего 26 ф. 15 з. 48 а. В Семипалатинской — 9 пуд. 16 ф. 42 з. 74 а.

нет даже признаков человеческого жилья. В сибирских городах золотопромышленность не оставила никаких заметных памятников, кроме запущенных увеселительных садов и нескольких конкурсов, пустивших по миру кредиторов. Кроме того, золотопромышленность имела те невыгодные последствия, что породила абсентеизм. Многие являлись в Сибирь временно, наездом и, разбогатеv в ней, увозили из нее свои богатства и бежали сами. Точно так же золотопромышленность не оставила и следа благосостояния в местном крестьянстве. При прежней системе золотопромышленности население обатщилось золотками, а рабочие сливались при входе и выходе с прислужкой; от этого явилось не лишнее основание мнение, что золотопромышленность только развратила коренного сибиряка. Говорят, что золотопромышленность подлила заработка и дала возможность крестьянину возвысить цены на сельскохозяйственные продукты, но если допустим даже, что цены на сельскохозяйственные произведения и повысились, то не надо забывать и того, что крестьянин платит теперь за все покупаемое гораздо дороже; что он прежде находил у себя дома, то теперь приобретает из витрин и третьих рук кулака. Золотопромышленность подвигла все мелкие ремесла и отдала завладевающим ими прежде поселенцам на прислужку; она же отдала руки от земледелия и стеснила его. А между тем вслед за развитием золотопромышленности веде раскинули свои сети винокурственные заводы и увеличилось пьянство.

Вслед за эксплуатацией зверей, руд и золота мы обратились к эксплуатации скотоводческих и сельскохозяйственных продуктов Сибири. Сибирь ныне представляется вполне сельскохозяйственной страной, земледелие существует повсеместно, кроме северных окраин до 57.25° с. ш. Количество пахотных земель громадно. В одной Западной Сибири считается под обработкой миллион 3741753 десятин. По официальным сведениям 1879 года.

	Пашенно земли	Счито
в Тобольской губернии	1540536 четв.	5470601
• Томской губернии	994135 •	4516156
• Акмолинской области	51340 •	1446029
• Семипалатинской	25847 •	129211
Всего в Западной Сибири	2611858 четв.	10210602

Но казенные цифры эти далеко не указывают всю производительность девственных полей. Сибирское скотоводство измеряется следующими цифрами в Западной Сибири:

История эксплуатации богатства на Востоке 245

в Тобольской губ. 1879 г.	2401861 гол	на 100 д.	195 гол
* Томской губ.	2425000	* « 100	* 234
* Акмолинск. обл. у кирг.	2345981	* « 100	* 694
* « « у русск.	179936	* « 100	* 155
* Семипалатинской у кирг.	3509764	* « 100	* 740
* « « у русск.	116400	* « 100	* 224
Всего	10978942	голов скота.	

Половина, если не столько же, приходится на Восточную Сибирь. Несмотря на это изобилие, здесь не видно, что земледелие и скотоводство стоят далеко не на высокой степени. Способ хозяйства тот же, хищнический, как и в других отраслях хозяйства. Богатые скотоводческие степи были для нас мертвым капиталом. Целые стада лошадей и овец на приюльных степях пропадали для нас и часто гибли от случайностей, болезней и действия стихий, как гибнут буйволы в Америке и Африке. На барабинской степи съезжав падают скот от сибирской язвы, в киргизских степях гибнут сотни тысяч голов от боскормицы и «джута»*. Недавно на Туркестанском тракте не было лошадей для сообщения. В иных местах Сибири скотоводство поражает изобилием. Едва сибирская отличается быстротой, лишь тройка обворочает пугника. Но достаточно взглянуть на уход за скотом, на отсутствие рационального хозяйства, чтобы разочароваться. В Сибири скот решительно не ценится ни во что, для скорой сдачи, чтобы выручить лишнюю рубль или полпшник, крестьянин загоняет лошадь. Многими животными продуктами не умеют пользоваться и совершенно бросают их, так, например, потгонщики скота нанимают стрижь по дороге баранов и отдают шерсть даром или бросают ее на месте. В скотоводческих местностях скопывается огромное количество навоза, который нигде не пристраивается, даже не идет на удобрение. В Сибири часто деревни переселяются в другое место потому, что «больно занамились», то, что служит в других местах средством для поднятия культуры, является здесь препятствием. В таких залежах образуется натуральная кристаллизация поташа, сама природа, таким образом, доказывает уютот-

* Как огромны в Сибири падежи скота, отстоявшиеся целые местности, видно, что в одно 25-летие в Тобольской губернии пало 37626 лошадей и 290515 голов рогатого скота, убыток от этого равнялся 376400 р. (Список вынесен мест Тоб. губ. с. ССХТ). В Томской губернии в 7 лет с 1860 г. по 1866 г. пало 17748 голов скота по 23300 на год. В 1876 г. у киргизов от болезни и боскормицы погибло 173998 шт. скота, и по свидетельству ветеринара Гзовского в одной Семипалатинской области ежегодно падает до 20000 голов. Сибирская язва и чума составляют настоящие стационарные эпизоотии.

ребление, но им никто не поддается. Те сырые продукты, на которые обращают внимание местные жители, добываются грубо и первобытными способами. Так, например, сало, добываемое из животных, не перетапливается и не очищается. Во время провоза и добыwania теряется масса продукта даром: кожаное местное крестьянство же умеет выделывать, просмоленное и тяжелое сырье везется валью и по дороге раскисается. Несмотря на обилие сала, сибирский крестьянин не может им воспользоваться даже для своих надобностей. Он не умеет обработать сала и жжет в зимние вечера лучину. Сеет он лен, а носит рубашку из грубого, дубочного холста; у него много шерсти, а вы видите его одетым в какую-то дерюгу, сквозь продуваемую ветром; под ногами его множество железа, а он употребляет деревянный замок, теляту с деревянными пюльями, окна его нинерской хлякни заткнута бумагой и слякой вместо стекол; он не умеет делать мыла, а потому обходится при помощи «подмылья», то есть моется крапеными кишками. Таким образом, обилие продуктов не улучшает его быта, и сибирский крестьянин беден и беспомощен среди своих мифических богатств как последний дикарь. Вывоз и сбыт сырья точно так же не обогащают его. Сырье обыкновенно сбывается по самым низким ценам заезжим кулакам. Хлеб в некоторые годы был так дешев в железных округах, что им кормили свиней на провозку на Ишимской ярмарке. Как в деле скотоводства, так и в хлебопашестве преобладает тот же хищнический способ: похищаются новины, срубается лес, сеется на девственной земле хлеб, дающий в первые годы огромный урожай (сам-30 и сам-40), но после первых годов земля считается выпаханной, и земледельец бросается на новое место, на новую девственную почву. Многие губернии Сибири производят излишек хлеба; хлеб идет отчасти на прииски, рудники и заводы, но эта ничтожная часть сбываемого хлеба засеждается расстояниями и дурными путями сообщения по пустынным и непроходимым местностям внутри Сибири, а в Россию его вовсе не привозится. Поэтому Сибирь тлится даже своими необыкновенными урожаями. В последнее время, впрочем, придуман был исход хлебным богатствам Сибири: в ней начали спекулировать на винокурении; край покрывался винокурными заводами, и Сибирь вместо золотопромышленной становится винокурной. В Томской губернии в 1870 году было 22 винокурных завода и выкурено вина на 1282168 р.; в 1871 г. выкурено вина на 2021960 р.; в

1872 г. на 2166884 р. и т.д. В 1879 г. в Западной Сибири на винокурение было употреблено хлеба 2058326 пудов, из этого количества выкурено 85368536 ведер безводного спирта, или 2134213 ведер вина. Вообще же винокуренная производительность равнялась к 1880 году 2225002 руб.: на водочных заводах — 289479 р. и пивоваренных — 244702 р. Таким образом, до последнего времени винокурение занимает в обрабатывающей промышленности одно из первых мест. Точно так же винокурение развивается в Тобольской и Иркутской губерниях. Что же приносит эти заводы местному благосостоянию? «Заводы эти хотя и годятся для сбыта хлеба, но далеко не искупают того вреда, который вносит они распространением спиртных напитков в среду рабочего сословия и становится истинным злом в годы неурожайные», — говорит один официальный отчет. О влиянии этой промышленности в Иркутской губернии сообщается следующее: «Влияние развития винокурения на край не представляет ничего отрадного; винокуренные заводы не имеют никакого сельскохозяйственного значения; а между тем замечается всюду развитие пьянства и его гибельных последствий. Это вызвало борьбу генерал-губернатора Сигельникова против этого зла, последовали отказы винооторгоцам в открытии кабаков; но борьба эта не увенчалась успехом, винокурение и кабаки снова восторжествовали». Такова послепняя форма эксплуатации «золотого дня» — Сибири. В настоящее время много говорят о вывозе сибирских богатств, о сбыте их вне ее пределов путем улучшенных путей сообщения, но не мешают подумать и о том, к чему послужит этот вывоз при нерациональных и хищнических способах эксплуатации, — к чему, как не к окончательному расхищению, истреблению и истощению последних запасов и произведений природы? Истощение это замечается на каждом шагу: это видно в выгорании лесов, в истреблении зверя, в расхищении металлов, в вывозе сырья без возмещения земле ее производительной энергии и в истощении почвы.

Во всей этой экономической эксплуатации поражает нас notably отсутствие всякой предусмотрительности и страшное невежество населения. Как будто житель Сибири не думает оставаться в ней дольше запрошного дня, как будто он пришлый человек, случайный кочевник, который ныне здесь, а завтра там, и ему нет никакого дела до того, чем будут жить его сын, его внук, его правнук. Он без разбора и без оглядки хватает все, что есть лучшего у него под рукой, и, схватив, расхилив и обе-

зобрав, обращается к новой спекуляции. Мы набрасывались на все, на золотые самородки, на соборы, которого били около жилищ, но как только предстала настоячивый труд, требовались некоторые усилия и умение для создания прочной культуры и промыслов, основанных не на одной случайности, не на слепом счастье, мы отступали, переносили и жаловались на скудость природы в этих лесных странах. Так мы переходили от промысла к промыслу. Сибирская промышленность и сырьевые богатства напоминают старую легенду Уланга, в которой один владелец замка и старый рыцарь пытается сделать подарок своим дочерям; одной он дарит золотую цепь: «Я, — говорит он, — встретил в лесу одного пезнакомца с золотой цепью и убил его для того, чтобы тебе сделать подарок». Другой он дарит стрелу и говорит то же самое: «Я встретил чужеземца, отнял у него стрелу и умертвил его»; третьей он дарит шеток, объясняя его приобретение таким же путем. Каждая из дочерей восклицает при этом: «Отец, ты убил моего жетпика!» Точно так же добыча звероловных богатств в Сибири стоила жизни инородцу, золото разоряло и убивало промыслы крестьянства, расширение земледельческих богатств равнялось похищению шетка. Со смертью каждой из этих промышленностей народ лишается одного из средств к жизни.

Предшествовавшие примеры эксплуатации Сибири и пользование краем только в известном направлении подали повод к мнению, что Сибирь обречена навсегда быть страной сырья и поставщицей его для других местностей; что ей суждено быть постоянно страной земледельческой и скотоводческой и что единственная экономическая ее сила только в сбыте этих продуктов. Такое воззрение на экономическую судьбу Сибири становится преобладающим. По поводу сибирской железной дороги не раз откровенно заявлялось: «Главная цель дороги — это эксплуатация сибирских богатств и вывоз сырья для снабжения им русских мануфактур, точно так же, как сбыт фабрикатов на рынках Азии». Но так ли это? Если отсутствие промышленности и хищная, эгоистическая эксплуатация края держит его до сих пор на низкой ступени культурного развития, то следует ли из этого, что и на будущее время Сибирь должна быть обречена тому же экономическому застою, той же печальной участи «золотого дня», беспомощно расхищаемого? Как бы ни была богата страна своими естественными продуктами, но если

она останется на том экономическом уровне, чтобы только вывозить их от себя, не перерабатывая их у себя дома, она неминуемо обречет себя на вечную кабалу и эксплуатацию другими, более сильными в промышленном отношении местностями; она будет в постоянной зависимости от чужих рынков, датшей чужого капитала и в конце концов обеднеет и разорится до последней крайности. Таково именно настоящее положение Сибири. Она пользуется всем привозным и несет все невыгоды от этой экономической зависимости. А между тем потребность в удобствах жизни и запрос на мануфактурные произведения год от году увеличивается. Мы видим, что потребности сибирского населения все более расширяются, запрос на мануфактурный и заводской товар является и в крестьянской среде.

Для удовлетворения местных нужд могла бы служить местная обрабатывающая промышленность. Обилие животных, растительных и минеральных произведений, кажется, должно было бы создать здесь заводскую и богатую кустарную промышленность. К сожалению, обрабатывающая и заводская производительность Сибири стоит ниже всех отраслей хозяйства и дает самые ничтожные уроги.

В то время, когда Западная и Восточная Сибирь потребляет не менее, как на 6000000 руб. привозных заводских товаров и мануфактур, суля по оборотам ярмарок (на одной Ирбитской ярмарке сбывалось недавно для Сибири мануфактур на 23179000 руб. и на 30 миллионов на Нижегородской), местная заводская промышленность недавно произвела на 6377857 руб. (Военно-статистический сборник, ч. I). По подробным, собранным нами из разных отчетов сведениям, в 1873 г. оказалось, что в Сибири было 1262 разных завода и кустарных заведений, которые произвели на 15347293 руб. заводских продуктов; но надо принять во внимание, что здесь весьма видную роль играло винокурение (а именно 8627300 р.). По сведениям, с 1879-го по 1880 год заводская промышленность Западной Сибири достигает оборота в губерниях и областях всего 10501038 руб. Цифра эта показывает, какую ничтожную часть занимают местные произведения в приобретаемых мануфактурах. Надо заметить, что в большинстве местная промышленность довольствуется простогом обработкою сырых продуктов. Если мы выведем винокурение, то увидим, что в общем числе заводов и фабрик в Западной Сибири играют роль, главным образом, кожевенные заво-

ды, составляя 30,22%, а по сумме производства — 22,88%. Са-
лотопенные заводы составляют 17,6% всех заводских оборотов.
Что касается вышних производств, то они почти не зарожда-
лись в Сибири. В Западной Сибири, например, до 1880 г. осно-
валась одна сукошная фабрика, выдельвающая в этом отчестве
шерсти грубого сукна на 193446 р.; в край, где находится несто-
пимые рудники и богатство металлов, на всю Сибирь 3 же-
лезных завода и в Западной части 3 чугуно-литейных заведе-
ния с оборотом в 138750 р. Ничтожность заводской промышлен-
ности в крае доказываетя вдобавок тем, что из 3219193 души
населения Западной Сибири в 1879 г. занято было на местных
заводах всего 10109 человек*. Немалую услугу краю, и даже боль-
шую, чем крупная мануфактура, могла бы оказать кустарная
промышленность, зачатки которой уже сыздавна появились в
Сибири; эта промышленность до сих пор для крестьянства за-
менила мануфактуру, она поддерживается в последнее время
притоком ремесленников и переселенцев из России**, к сожа-
лению, настоящее значение ее еще вполне не оценено.

Само правительство чувствовало необходимость поднять эко-
номические силы Сибири развитием в ней местных производств.
Так, в 1835 году министр финансов Канкрин пробовал обратить
внимание на развитие промышленности в Сибири, предлагавшая
местным начальникам добыть от местных промышленников све-
дения о том, какие производства могли бы развиваться в крае и
что до сих пор мешало их развитию. Из переписки оказывалось,
что в Тобольской губернии могли быть развиты различные про-
изводства, Курганский округ изобилует скотоводством, в нем
произрастают суккловина и питательные травы, а поэтому мож-
но бы устроить: а) выделку суккловинного сахара, патоки и ра-
финированного; б) стearиновое производство, в) выделку круп и
крутичатой муки; г) обработку покрывных и пуховых шелк; мож-
но бы увеличить кожевенные заводы с выделкой на них клея; е)
развести меринсовых овец и пчеловодство. В Туринске замча-
тельны ремесла кузнечное, слесарное и выделка холста, которые
могли бы идти гораздо лучше. Задержка промышленности и сла-
бое развитие ее объясняется, во-первых, тем, что нет знающих
капиталистов для заведения фабрик, а купечество предпочитает

* Памятная книжка Западной Сибири 1881 г. Исследования Павлова —
Сибирьского о промышленности Сибири с 1868 по 1876 г.

** См.: Кустарные промыслы в Сибири и значение их. Ядринцев. Рус-
ская мысль. 1881 г.

свои спекулятивные обороты; во-вторых, нет мастеровых для ма- нифактурного дела, доказательством чего приводятся фабрика Мельсера, которая могла возникнуть только тогда, когда владель- ны были мастера из России (Донские обители губ. правления генерал-губерн. Западн. Сибири от 24 апреля 1835 г.). Точно то же дало в своем ответе и томское начальство. Приглашенные для собрания сведений купцы ответили: «Заводов, фабрик, а также каких-либо промышленных заведений заводить потому не мо- жем, что в Сибири не имеется необходимых мастеров». Для по- оцнения сибирской промышленности в 1839 году 11 сентября утверден был, наконец, указ о раздате даром земель в Сибири под фабрики и заводы (Архив главного управления Западной Сибири, д. № 2147). Но поощрение это не привело ни к чему, потому что оных земель было мало: нужны были техническое образование, умение вникать за промышленное предприятие, опытные рабочие руки и, наконец, понимание экономических нужд края.

Говоря об иркутском обществе, самом видном во всей Сибири, один из путешественников замечает: «Надеемся, что нас никто не упрекает в несправедливости, если мы скажем, что в Иркутске между купечеством, играющим в жизни са- мую важную общественную роль, царствует крайняя необра- зованность, и этим, конечно, не обидятся люди, о которых я говорю, потому что им и нигде получить образования, а мно- гие из них вышли из простых ямщиков и обозных приказчи- ков. Такое положение общества отзывается и на его делах; кроме торговли, основанной на количестве, золотопромыш- ленности и соединенной с ее производством винокурения, не идет ни одно промышленное и более широкое предприя- тие. Не выручают тут ни чарный ум, ни предприимчивость» (Очерки Вост. Сибири Ровинского). Эти слова глубоко спра- ведливы уже потому, что в истории Сибири мы встречаемся и с отсталой, и с предприимчивостью русского народа, но ему не хватало чего-то другого. Ему не хватало истинного со- знания экономических особенностей края и создания само- бытной, а не посреднической промышленной роли.

При отсутствии собственной производительности, естествен- но, создавая экономическую зависимость края в сфере торгов- ли, которая повлияд на весь склад экономической жизни насе- ления. В самом деле, взглянем на историю экономических со- ошений Сибири. Создавая этот край обречен пользоваться всем

привозным. Первым экономическим ядром в Сибири, по завоеванию ее, явились снабженные необходимым продовольствием, Сибири, населенная пришлыми людьми, «людьми гулящими», плантерстами, браданами, зерновщиками, промышленниками, требовавшими обеспечения всем. Правительство должно было заботиться о продовольствии населения и привозило хлеб сюда. Впоследствии снабженным край торговали занялось купечество, но сношения с новым краем были затруднительны. Торговые сношения Сибири с ее метрополией, Москвой, производились только раз в год. Сообщения совершались по рекам, товары сплавлялись на дощавиках, через волоки тащились парта людьми, купцы иногда зимовали, операция торговли была медленной; поэтому только редкие купцы проникали в Сибирь, но, являясь сюда, становились единственными монополистами, при беспреквальной и отсутствии конкуренции. Товары и припасы, привозимые монополистом, продавались по необыкновенно высокой цене, и покупатель был в полном его распоряжении.

Из истории торговли на Востоке известно следующее. Уже далеко до прошлого столетия начался ввоз в Сибирь и Азию русских товаров. В Верхотурье стояла тогда таможня, где бралась пошлина с товаров. Пошлина бралась и с товаров, и с денег, привозимых сюда. «А ежели бы с денег пошлины не было, — объясняют тогдашние правила, — то бы мало в Сибирь российских товаров возили и больше ездил бы с одними деньгами» (Изв. о торгах сибирск. Миллера, 1735 г.).

Сибирь в это время во всем нуждалась; уже Миллер описывает, как сбыт товаров был значителен: «В Сибирь идут шелковые и шерстяные штоты и парчицы русских фабрик, некоего золота и серебра, золотые и серебряные полумены и сетка русских фабрик, которых в сибирском торгу больше употребляется, чем чужестранных, для того, что купцам дешевле становится, а сибирские жители о доброту оных в тонкости рассуждать не знают. В Сибирь привозились и жесткие обитые бадлы, и стекло, и медная посуда, и вина. Миллер сообщает интересные цены этого времени: «В Ирбите и Тобольске разница невеликая, — говорит он, — ежели там четвертью частью более покупаемой цены товаров продать можно, то купец доволен. В Енисейске некоторые товары поднимаются в двойной цене, в Иркутске — тройной и четвертой и выше цен. Сахар стоит в Ирбите 5 руб. пуд, в Тобольске — 7 руб., в Енисейске — 10 руб., в Иркутске — 20 руб., в Якутске — иногда 40 руб. Красное вино стояло в Архангельске

1 р. впрямь, в Ирбите — 2 и 3 руб.; в Сибири его пропавали в 20 и 40 рублей. Миллер упоминает о нечаявшей развиваться в половине прошлого столетия заводской промышленности в Сибири; он говорит, что железо стало выходить из Сибири и что «со временем им можно будет не только всю Сибирь удовлетворять, но и употребить его немалое количество в российские и заморские торги». То же говорит про стеклянные заводы: «И сим товаром от себя Сибирь довольствоваться будет». Но все это не оправдилось: заводы в Сибири пали. Зато Азия начала снабжать Сибирь бумажными и шелковыми товарами. Бухарские караваны привозили из Джунгарии бумажные ткани, шелсы, под именем иреченны; Китай привозил дабы, шелк; из России же везли холст и крашенину. Поэтому азиатские товары стали вытеснять русский миткаль и холстинку: они наводнили Сибирь и принудили население к среднеазиатской мануфактуре. Русской мануфактуре трудно было соперничать. В это время, пишет Радцивев, почти вся Сибирь ходила в белье и платьях из бухарских и китайских тканей; жители ходили в дабовых и фанзовых рубехах; голь — шелковая китайская материя — была распространена по всей Сибири; в нее наряжались солдаты и крестьянки, шили сарафаны и чепцы, облитые позументами; в сибирских канделяриях употреблялась китайская тушь вместо чернил (О караванной торговле с Джунгарией и Бухарией // Чтен. Моск. общ. любви и истор.). Бухарские купцы при своей ловкости даже велись за торговлю русскими товарами. Но русские купцы начали жаловаться, указывая на льготы бухарцам, и свободная торговля с Азией была прекращена. Бухарцам не приказано было являться в Россию. В 1800 г. тариф прекратил и китайский ввоз. Он имел в виду, чтобы русские товары были повышаемы в цене, а китайские — понижаемы. Тариф 1824 г. уничтожил всякую конкуренцию иностранного товара. Граница была замкнута. Китайские и бухарские шелк и фанза исчезли, а ее заменили миткаль, крашенина и разная привозная дерюга. Замкнутая со всех сторон Сибирь в это-то время получала только товары с русских фабрик через Ирбит. В 1832-м и 1833 годах, по словам Словцова, приобреталось Сибирью 35752980 р., по 15 и 20 миллионов в год российских товаров. Московские, костремские, владимирские фабриканты в это время были обеспечены от конкуренции. В начале нынешнего столетия и 30-х годов опять было возникла козкая своя промышленность в Сибири, например, железная, по ее прихотливая золотопромьшленность. Потребности, между тем,

на Востоке росли. Рассматривая ввоз в Сибирь товаров, мы видим, что она ничего не делала своего до последнего времени: железо шло с Урала, сукна, ситцы — из Костромы, Москвы, железо — из Иванова; она получает и хрупкую посуду из Москвы, точила из Челябинга, дуги и деревянные изделия из ишаринского заводского Чесанова, даже ложки привозятся семеновские, Нижегородской губернии, даже дрянные привезли. К характеристике торга в Сибири служат следующие слова секретаря Тобольского статистического комитета Смоленского по поводу ярмарок: «Мануфактура русская идет для Восточной Сибири из Нижегородской ярмарки, для Западной — с Ирбитской. Сибирские купцы берут в кредит, и потому товар всегда залежавшийся; особенно много дурного товара на мелких торжах Тобольской губернии. Вязниковцы сдают дешево и кормятся даром: нанятые сибиряки принимают их как странников. Обманы, запрашивание постоянно в ходу, но мануфактуры вырассыла» (Смоленский. Ишимская ярмарка // Тобольские губернские ведомости. 1857 год). В примерах товаров тут же секретарь статистического комитета приводит, что веревки, например, привозят пачочное, а продают за сахарное в Сибири, берут за него по 7 руб. пуд, когда оно в Нижнем 4 руб., его одного продается на 7000 руб. на одной ярмарке. Баскалейский товарит, что они получают по 35 и 50 процентов на рубль. Ирбитская мануфактура вошла в переговоры «Никуда не гоно, так в Сибирь», — говорят фабриканты. Г-н Овсянников в исследовании о сибирском транзите на Нижегородской ярмарке свидетельствует: «Самые важные из товаров, идущих из России в Сибирь, — мануфактурные товары — создаются в Московском и Приокском районах, и если вылаются в Сибири за заграничные и петербургские, то только для прикрасы. Между тем, иностранные товары в Сибирь не попадают. Табак, сахар, сласти идут с юга, вина — из Кизляра и Мазюка или *нутропейской фабрикации* — из Москвы» (Нижегородский сборник Т. IV. 1871 г. Стр. 53).

Из этого видно, что «о доброте оных товаров сибирские жители и доселе в тонкости рассуждать не знают», как выражался Миллер. Кроме того, вина для Сибири начали фабриковаться в Ирбите. Там одно время была откровенная вывеска: «Здесь приготавливаются мадера, зерес и другие виноградные вина для Сибири». На дороге в Сибирь смелыми торговцами были устроены кутора для фабрикации и переработки вин. То же происходило и с другими товарами. Не стесняемая низкой конкуренцией,

мануфактура благодетельных костюмочей и москвичей пустилась в самую отчаянную фальсификацию. Так же поступали и другие заводчики. В «Ирбитском листке» за 1876 год напечатано: «В ноябре 1875 года из Кушкура от Г.М. было отправлено в Иркутск 22 короба обуви. В Томске при осмотре этих коробов обуви оказалась только в 3-х коробах, в остальных 19-ти — дрова и солома» (Ирб-арм.лист. 1876 года, № 8). Такова эта торговля. Монопольные явления — кабала и обман — были естественным последствием ее. До 20-х годов у нас была странная монополия, — сообщает Н. П. Булатов, — *всего два, три куша* едвали на ярмарку и торговали ирвижскими товарами. Местные произведения были чрезвычайно дешевы: на пять рублей вы могли закупить припасов на две недели, но цены на товары были ужасные. По приезде с ярмарки они несколько понижались. Так, например, сахар вы могли сначала купить по 1 р. 50 коп. фунт, через неделю цена уже поднималась на 20, 25 коп. на фунт, через два, три дня еще... еще..., а через месяц доходила до 2 р. 50 коп. Бумажный платок вертик в 6, уродливый, каких нынче не возымет ни одна крестьянка, стоил по 1 р. 50 коп.; сука почти не было, сукно носили только самые знатные люди, а в общем уют-ребенки была наива. Сукно было аршин по 15 рублей, и что это за сукно! Верно, ни один жмадарь нынче такого не носит, толщиной в палец, ворс, как заячья шерсть, ливня. И эти господа уверяли, что они дешевле продовать не могут. Когда купец уступал даже знакомым по покупной цене, и то брал барыша 18%. Дело было просто. В Сибири ходили ассигнация; серебро если и являлось иредка, то как товар, а не монета, и то были только один рубль. Мелкой монеты здесь вовсе не водилось. Между тем во внутренних губерниях, как известно, и монета, и ассигнация ходили с ладом⁹. Купец покупал на ассигнации и платил 10 руб., а с ладом записывал 11 р. 90 коп. Нам и в голову не приходило, что нас так обирают, — присовокупляет Булатов (Вагин, о Сперанском, ч. I, стр. 570—571). Но влияние монополистов не ограничивалось дорогой продажей товаров: они скупали у крестьян продукты по самой низкой цене, давали им в кредит товар и забавляли.

Подобный характер торговли продолжается и доселе в различных местах Сибири и особенно чувствителен на отдаленных окраинах. Какое поприще нажин представляют, например, Ташкент, Амур, Камчатка! 13 февраля 1873 года в камере самаркандского мирового судьи разбиралось дело

купца Соколова, при котором разъяснилось, что наши купцы в Ташкенте берут ныне не только 90%, но и 1 р. 35 коп. на рубль, то есть 135% барыша и объясняют это публично.

Торговлю на Амуре характеризует следующая корреспонденция морского офицера: «Здесьние купцы на товар, знаете ли, какие проценты берут? 200%, 300%, 400% и 500%. А случается — и более. Так что если бы мы, гадьямарина, ждали бы все на берегу, то мы бы ходили не хуже кронштадтских посласких. Приказчики в лавках, например, жалования совсем ничего не получают, а условливаются с хозяевами так: хозяин говорит, что этот товар стоит столько-то, и ты должен получить за него столько-то, остальное все, что возьмешь больше, — твое. И такие контракты свидетельствуются с приказчиками в полицию. Выходит что же? Хозяин завода получает процент на товар; потом первый приказчик, продавая товар нашим купцам, берет процент известный, да еще наши купцы берут проценты такие, какие им вздумается, то есть 200%, 300%, 400% и 500%, и, кроме того, еще приказчики набавляют опять-таки столько, сколько им вздумается! Так, например, обои (шпалеры), которые в Питере стоят кусок 40 коп., — вы здесь платите 1 р. 75 коп.; лампа, которая у вас стоит 1 р. или 1 р. 25 коп., здесь 5 р.; японская икатулочка, мадежская, которая на месте стоит 0,5 доллара (доллар — 1 р. 40 коп.) или того меньше — здесь 10 р. и т.д. Почему все это? Потому что нет конкурентов. Здесь 3, 6 куштов створились грабитель и грабитель. Явились, например, здесь раз какой-то человек помещиком, явился доставлять мясо и экипаж, что-то рубля на 2,5 денежка прежнего поставщика, — и что же? Ему не отдали подряд».

Положение Камчатки характеризуется уже тем, что сообщение с ней совершается один раз в год и сношения ведутся с Амура через Нерчинск, Иркутск, Якутск сухим путем. По описанию протоиерея Громова, этот край совершенно ныне отрезанный. Нечего говорить, в какой власти находится он у местных спекулянтов и монополистов. В последнее время пуд муки стоил 5 р. и фунт гороха — 4 р. Заметим, что деньги здесь страшно дороги. Назеты и кредиты купцов в подобных местах характеризуются следующим типическим случаем, рассказанным Коттрелем: «Несколько лет назад один человек с Индигирки заказал якутскому купцу резную золоченую раму для доставленного ему в наследство образа св. Николая. Цена была договорена в 70 р. На следующий год заказ готов, и

счастливый обладатель его дает купцу 56 шкур белых лисиц, рассчитывая каждую шкуру за рубль; но остался должен 14 рублей. По истечении 7 лет, в то время, как бедный владе-
 лещ св. Николая заплатил своему займоданцу 90 шкур, или 90 рублей за капитал и проценты, купец прислони себе са-
 мый лис свитытеля и возвратил его только тогда, когда выну-
 дил исктеля с должника в 1200 рублей!» Проценты подобного
 рода обыкновенны в тех отдаленных местах, говорит Кот-
 трель. Расчет был сделан таким образом: купец получил шу-
 ру за 1 р. и продал ее за 2,5; следовательно, первоначальный
 долг из 14 шкур стоил ему по этой оценке 35 р. Если бы он
 эти деньги употребил в Якутске на торговлю, рассуждал наш
 торговец, он имел бы выгоды 150%, столько же — в следую-
 щий год и т.д. (Sibirien nach seiner Naturbeschaffenheit, seinen
 gesellschaftlichen und politischen Verhältnissen und als Strafolonie,
 geschildert von Carlos Herbert Cottriel s/ 121, Dresden und
 Leipzig, 1846). Положение отдаленного Амура не в лучшем
 состоянии; в этот благоприятный по климату край прино-
 сился хлеб вокруг света, и предметы необходимости с провозом
 достигают неимоверных цен. Монополии и дерекун уде-
 сятеляют цены. Но кроме того, стачки, монополии и скупи
 существуют и по всем городам Сибири, а также по всех мес-
 тных ярмарках. Жалобы на это беспрестанно выражаются в
 корреспонденциях из Сибири. Такое положение дел обус-
 ловливается самим свойством сибирского хозяйства.

Сибирское хозяйство складывалось состоит в расхищении и вы-
 возе сырых продуктов природы. Если мы взглянем на Ирбитско-
 ю, Крестовскую или Ишимскую и Нижегородскую ярмарки,
 они нам образуют, что производят Сибирь и что сбывает. Так,
 на Ишимской ярмарке мы видим главные предметы сибирско-
 го торга: сырое сало из киргизской степи, с ишимских, яку-
 торовских и курганских салотопен, с 500000 баранов. *Синее*
сало: свитыли в Ишиме даже нарочно откармливаются хлебом
 так, в 1860 году в Кургане откармливались 7200 свитей, на ко-
 торых пошло 144000 пудов хлеба. Далее, *коровье масло*: до 60000
 пудов его идет через Таганрог в Константинополь. *Кожн, це-*
тина, пушнина, дикая птица, как и *домашняя* составляют пред-
 мет сбига. В Ишиме гуси откармливаются для сала на 200 штук;
 далее — *рыба, скот*, все это вывозится, а взамен получается
 мануфактура. Здесь мы видим уральское железо, костромские и
 ярославские ситыи, нижегородские сундуки, черепские то-

чила, шадринские пряники и деревянные изделия из Тагила, Нижнего и т.д. Может, не всякому известно, что турок получает коровье масло из Сибири через Россию на Дону; лондонский аукцион освещается стеариновой свечкой из сибирского сала, широкие пуховая шляпа, покупаемая европейцем, приготовлена из шерсти сибирского зайца; сапоги, выделываемые в Лейпциге из сибирской кожи, красуются на ногах немца; чепец и говорить уже, что сибирский мех и обивает шею европейской певички, и служит полкладой паша китайского императора". Несмотря на богатство и разнообразие произведений, Сибирь пользуется, одевается и протыпывается, однако, всем прошедшим через горнило русских фабрик. В то время, когда в Сибири только начнется заводская промышленность, сибирским сырьем и продуктами питается вся заводская промышленность Казани, Екатеринбург и других соседних местностей. Стариловый завод Крестовниковых в Казани покупает до 170000 пуд. сибирского сала; Екатеринбургский завод Плещановых — 35000 пуд. Всего из Сибири сала вывозится до 980000 пуд. Казань закупает также на Ирбитской ярмарке и в Семипалатинске меха и вышеляет их; для этого в Казани 11 скорняжных заведений. На 8 казанских овчинных заводах обрабатывается 19300 пуд. овчины, привозимых из Сибири. Ленотрядильная фабрика Алафузова получает из Сибири 30000 пуд. кулеи и льна. Масла коровьего получает Казань из Сибири 25000 пуд. В горах Вятке и Слободском и их уездах вышеляется до 250000 яловых кож на сумму 875000 р. Треть этого сырья закупается в Сабии и т.д. (Сибирский транзит и Нижегородская ярмарка // Нижегородский сборн., т. IY. Стр. 54-60). Количество ввозимых и вывозимых товаров может характеризоваться цифрами, например, Ирбитской ярмарки, существующей по преимуществу для Сибири. Сумма оборота ее равняется от 40 до 50 миллионов. Маткой ружья здесь продается на 2200000 р., кож — на 4300000 р., коровьего масла — на 900000 р., шетны — на 460000 р. и т.д. Мануфактур отпускается на оной Ирбитской ярмарке от 25 до 30 миллионов. Свойства сибирской производительности видны также и на оборотах Нижегородской ярмарки. Сибирские товары, идущие сюда: сало, льняное семя, шетна, волос, кожи, коровье масло, кедровые орехи, меха, рыба, пряники, овтипы, чай, металлы, соль. «Сибирский транзит, — говорит г-н Овсян-

* Распределение сибирских товаров к Петербургу, Москве и Казани можно видеть в исследовании г. Овсянникова о Нижегородской ярмарке.

пшени, — то есть наиболее ценные товары, отправляемые из Сибири и с Урала в Россию, из внутренней России — в Сибирь и на Урал через Нижний, равняются от 13 до 14 миллионов пудов и оцениваются приблизительно в 30000000 р» (Нижегород. сборн., 1871. 4. Стр. 47).

Сущность производительности Сибири и характер ее обмена состоит в сбыте собственных сырых продуктов и приобретении всего, до мельчайших потребностей хозяйства, привозного из европейской России.

«Мануфактура в Сибири вся раскупается. Несмотря на обшны, на запрашивание при торге, ситца крестьяне просто расхватывают, — пишет г. Смоленский, — то же и с железом. Сибирь любит страшно мануфактуру. Сибирский крестьянин ходит щеголевато и любит ситца, сапоги, сукно и прочее. Потребности развиты сильно; оттого крепостники, выезжающие в Сибирь, жалуются на развращение нравов». О щегольстве присковых крестьян писал с изумлением недавно ротмистр Паули. «Есть деревни около иртышских, где последние мода у крестьян в полном ходу; крестьячки ходят в кринолинах, мужики — в сюртуках». Наряду с этим есть масса крестьян, которым мануфактура при своей дороговизне совершенно недоступна. Наоборот, получают необыкновенно дорого мануфактуру, дешевизна местных произведений страшна. Мы указываем массу примеров эксплуатирующей крестьян и иждорцаев в Сибири кулаками и монополистами. Также можно себе представить, много ли вытратило «золотых эшек», когда за бесенок шли соборы, черно-бурые лисицы, когда промышленник собирает с осыпки за несколько грошей рабы, которой бы хватило иждорцу на год. До сих пор у чукчей за пуд черкасского табаку покупается 5 речных бобрров, 10 красных лисиц, 10 хушиц и 30 песпсов. Нейман в Чукотскую экспедицию видел на ярмарке сам, что чукча платил по бобру за армяк два копейки (Путеш. Неймана // Изв. Сибирь отд. Геогр. общества).

При дешевизне звероловства и продуктов расхищаемой природы не менее идут за бесенок и продукты скотоводческие и земледельческие. Хлеб в 1859 г. на Иртышской ярмарке продался по 15 и 16 коп.; урожай давал сам-16 (Смоленский); промышленники скупали коровье масло по 3 р. 40 к. пуд, пуд сала и кожи стоили 2 руб. В шестидесять годов один татарин в Акмалинске покупал баранин, получая 20000 тушек и 19000 пуд. сала, сало продавал, тушки отдавал киргизам в долг с обяза-

теляством в следующем году уплатить целым бараном. Хлеб в Сибири некуда девать — им кормят свиней; скот так дешево, что крестьянину ничего не стоит для удалой еды запрячь лошадей. В Кузнецке, как говорит один путешественник, мешане имеют громадные покосы и держат лошадей. «Зачем?» — спрашивают их. — «Возить сено с покосов». — «А сено?» — «Кормить лошадей». Недавно крестьяне Восточной Сибири не знали, куда деться с дрожжами, и пропихивали по ветру хлеба около кабаксов. Сами урожаи служат только к понижению цены продукта. Сибирь, словом, залыгается под током плотов сытых за нематериальным сбытом. Уже Мальтус²³ в своем сочинении о народонаселении замечал это явление в жизни Сибири и русского Востока.

Таким образом, сырые сибирские продукты покупаются по самой низкой цене, почти за бесценок, а привозные — втридорога. Значительная часть крестьян не может приобрести самой необходимой мануфактуры при ее дороговизне. Бедный сибирский крестьянин носит свой холст и шьет дома плохую дерюгу, пропьющую его в морозы, делает плохую обувь из кожи; за немением железа употребляет деревянный замок, телегу с деревянными гвоздями; хижина его с соломою, бумагою в окнах вместо стекла; имея в избытке сено, он не может, однако, приобрести мыла и в глухих деревнях моется квашенными мыльцами. Привоз и барыши мануфактуриста страшно набидают ему: один автор в 1836 г. в «Тобольских ведомостях» привел расчет, что Сибирь на одном стареине переплачивает 60000 руб. (Тобск. губ. вест., 1838 г., № 43). Из этой картины видно, что вся Сибирь находится в положении инорода к торговцу. Потребности у нее развились сильно, но окупить их своими продуктами она не в силах: сколько она эти два продукта купит торгует в кредит. Вот что сообщает г. Бутин об этом торге: «За Байкалом, на Неринской ярмарке, привоз товаров мануфактурных развивается полутора миллионом; на наличные деньги их приобретает всего на 375000 руб., что составляет 25% общего итога, то есть 75% из потребляемого привозного товара берется в долг. За это на Нижегородской ярмарке налагается за кредит мануфактуристам от 10% до 25%, кроме провоза. Кроме того, мануфактурист набищает вперед за риск».

«Какое бы страданье, — пишет г. Бутин, — что у нас есть немало торговых домов, которые торгуют на подобных условиях в продолжении нескольких лет сряду, затем систематически

«выполнит на сделку со своими кредиторами в России; еще сильнее, что некоторые оптовые торговцы и фабриканты не особенно пренебрегают на сибирских купцов, если те в подобных случаях уплачивают конек по 25 за рубль, и даже открывают им снова кредит. Разгадка этому весьма проста, — объясняет г. Бутин, — многие фабриканты, действуя как бы *в отаче*, упорно держат высокие цены на свои товары, а потому не особенно страдают даже при неслыханных сделках. То есть торгуют они без риска» (С.-Петерб. вед., 1873 г., № 108). Свидетельство это сибирского торговца, как человека компетентного в этих делах, совершенно подтверждается многими фактами и вообще ходом сибирской промышленности. Все частные условия и продажи на ярмарках Нижегородской, Ирбитской и других держатся на обширном кредите. Собственные капиталы фабрикантами и купцами торговцами от этого кредита очень хорошо усвоены. Привычка сдавать товар только в кредит, получая впоследствии огромные барыши, и также выгода сбывать плохой, залежалый товар при этом до того вошла в обыкновение, что московские торговцы отказываются даже иногда иначе продавать. И этим объясняется случай с одним сибирским опытным торговцем, явившимся закупать товар в Москву, которому ответили: «Нет, на деньги мы не отпускаем: хотите — так берите в кредит!» Зато и те, которые пользуются кредитом, усвоили себе особые обороты. Известны сибирские торговцы, которые банкротились и предлагали на выбор или полный отказ от уплаты, или повременить, дать им обернуться кредитом в Москве. Забирая товар, они затем поправляли дела на сибирских покупателях. Сибирские торговцы так привыкли пользоваться чрезвычайными обстоятельствами, наживаться в счет проноза, на счет случайных повышений цен, что при мысли о железной дороге высказывали даже опасения, как бы она не подорвала их монополии. Те же отношения, которые существуют в мелочной и частной торговле, отражаются и в общей. Они подтверждаются итогами и валютными шифрами обмена на Нижегородской, Ирбитской, Ишимской и других ярмарках, то есть — всего торговле Сибири. Ирбитская ярмарка имеет оборота до 50000000 руб. По ведомости 1866 года продано на ней мануфактуры в Сибирь на 23179800 рублей. Продано сибирских сырых произведений на 6719400 руб.

На Никольской ярмарке в Ишиме сбыто русской мануфактуры на 1036340 руб., сибирского сырья — на 856900 руб.

На Крестовской ярмарке, Пермской губернии, по отчету 1868 г., мануфактуры продано на 3376990 руб., сибирского сырья — на 510000 руб.

Отношение и процент, каким выражается оборот мануфактуры сравнительно с сырьем, указывает, что ценность сырья никогда не покрывает запроса на мануфактуру. Обнаруженные цифры близки к предположению, что Сибирь кредитуетесь на 75%. Вся сумма товаров, в недавние годы обрешавшихся на Илимской, Ирбитской и Иыанонской ярмарках, о которых мы могли найти только сведения, распределалась таким образом: покушаса в Сибирь мануфактуры на 27593130 руб. и сырья слалса на 8086300 руб. В последний, 1875 г., на Ирбитской ярмарке из суммы 43000000 руб. мануфактура занимала 30000000 руб. (Ирбит. ярмар. лист. 1876, № 1).

Относительно Нижегородской ярмарки мы узнаем только из исследования г. Овсянникова по поводу железной дороги, что привоз сибирских товаров на Нижегородскую ярмарку равняется от 15 до 16000000 р.; сбыт же мануфактур и бакалси в Сибирь и на Урал, как и в Азию, равняется 2500000 пудам (ценность не обозначена).

В общем по поводу проведения железной дороги было высчитано, что в Сибирь проходит 18000000 пуд. клади. Если провоз в Западную Сибирь мы положим по 1 р. за пуд, а в Восточную Сибирь — до 6 р. за пуд (нынешняя цена), мы пойдем, что переплата за провоз равняется почти 63 миллионам рублей, которые ложатся значительной тяжестью.

Итак, наш Восток в большинстве потребления должен оплачивать мануфактуру и провоз ее по самой дорогой цене и при самых невыгодных условиях торго. Из этого видно, что над Востоком тяготее самая широкая и грандиозная мануфактурная эксплуатация. В этом случае Восток и Сибирь стоят в той же тяжелой зависимости, как всякая страна сырья к мануфактурному рынку, не умевшая обеспечить себя собственным хозяйством. При бесцеремонной наживе мануфактурная эксплуатация здесь отражается явнее хуже.

Нельзя сказать, чтобы невыгоды такого положения дел в крае не замечались. Так, например, ввиду обнаруженных стремлений относительно эксплуатации богатств на Востоке и вывоза их, при обсуждении вопроса о сибирской железной дороге, не раз завлеченных, явились уже опасения: не будет ли при таких условиях сама железная дорога орудием для продолжения

тех же средств наживы, какие практиковались до сих пор, и не пора ли позаботиться скорее о развитии местных промыслов, дабы железная дорога могла быть употреблена не для одного вывоза сырья, а и для пользы края и населения? Наконец, чрезвычайно важно определить в указании наиболее ненормальных явлений и отношений на Востоке, кто более всего проигрывает. Мануфактура, постоянно увеличиваясь в потреблении, как известно, всегда сама распоряжается своею пенью, она имеет все шансы распорядиться рынком; зато сырье идет по самой низкой цене. Мануфактура, все более и более развивая потребности, расширяет район покупателей и все более получает выгоду; капитал ее в общей сумме растет, но сырье, сколько ни функционировало при чужих ценах, никогда не равняется капиталу, сведенному за мануфактуру, отсюда — невозможность погасить долг, кредит и вечны капризы мануфактуриста. Кредит этот не может уплачиваться исправно, потому что, в частности, продавец мануфактуры в Сибири опирается на производителя сырья; отсюда — рад перемещавшихся банкротств; сибирский торговый капитал постоянно допается и служит выразительным признаком общего народного дефицита всей страны. Кто же больше всего проигрывает в этом дефиците? Мануфактура и мануфактурист, доставляющий на Восток товар, — явно в выигрыше, несмотря на сибирские банкротства; лично он не разоряется, хотя ему долг не платят иногда, но он его давно выбрал в процент на кредит. В общей сумме покупка мануфактуры сильно растет. Это можно видеть на вносе мануфактур на ярмарки. Как торговля ее увеличивается, свидетельствуют, например, цифры шерстяных и бумажных товаров. В 1857 г. на Ишимскую ярмарку ихшло на 173000 р., в 1867 г. — уже на 234000 р.; и так все мануфактуры. То же видно и из цифр Ирбитской ярмарки за последние два года. Что касается сибирского торговца, берущего в кредит у мануфактуриста, то мы приводили свидетельство сибирского торговца; а что и он не в потере — видно из того, что он идет на сделку, платит 25 к. за рубль, ибо капиталу у него мало, но оставляет себя на черный день и опять роживается, или мануфактурист, наконец, великодушно погасив давно уплаченный долг, дает ему вновь в кредит и делает опять своим агентом в торговле. Банкротства не уменьшают кредит для Востока, ибо не другой, так третий агент, сибиряк, является для передачи мануфактуры, торговые дома влияют и усиливают, для ману-

фабрикста это — просто расчет приказчиков, и сословие кулаков и торговцев в Сибири не уменьшается и не пропадает, торговля идет по-прежнему. На кого же ложится тяжесть дефицита? Кто все оплачивает? Ясно — потребитель мануфактуры. Говоря о сибирских банкротствах, г. Бутин идет в эту сторону усмешку: «Потребители, в конце концов, также страдают, — говорит он, — потому что посредники между ними и производителями, то есть торговцы, любят жить не по средствам, и все делаемые на себя расходы, нередко доходившие до весьма значительной суммы, непременно падают на потребителя, в виде приплава на покупаемом товаре, так как фабрикант, прочувший одной, другой «делкой» (т. е. банкротством), обыкновенно *повдвигает цену* на предметы своего производства». Итак, потребитель несет все тяжести; он дает и барыши фабриксту, и платит за него кредит; он кормит сибирского торговца, служащего перелатником и живущего не по средствам, он же отвечает и за банкротство последнего. Вот кто в убытке. Но потребитель мануфактуры есть в то же время и производитель сырья, то есть рабочий и земледельческий классы Сибири, а с ними — все звероловы и скотоводы, русские и инородцы. На них, на этот низший класс рабочего крестьянства и инородцев, обрушиваются все невзгоды. Мы указали, что положение сибирского торговца-капиталиста не особенно прозрачно: он на пользу у фабрикста, дающего ему в долг товар для распродажи по наивысшей цене; пену эту он должен выбрать на еще себе получить барыши. Комиссионного процента, который ему придется, при высокой без того цене мануфактуры, ему мало; он жаждет «жить не по средствам», как выражается г. Бутин; он хочет, наконец, сделаться капиталистом и брать на наличные тот товар, который ему отпускали в долг; все это заставляет его искать себе монополии — вот ее причина; затем, с целью расширить и скорее сбыть товар потребителю, он решает: *пущать его в кредит*, за который опять берет процент. В этом случае торговец берет пример с фабрикста, захватывающего его кредитом; он старается и сам кабанить. Сибирский торговец, раздавая привезенный товар в кредит, в то же время и скупщик сырья; иногда это сосредоточивается и не в одном лице, но это все равно. И в этом случае сибирский торговец — агент фабрикста. Чтобы получить больше барыша себе при слаче сырья на ярмарке или этим сырьем пополнить долг за розданную мануфактуру, он старается возможно понизить

цену сырья, как можно менее давая производителю, и этим опять служить целям и выгодам мануфактуриста. Действует же он в этом случае к явному ущербу страны и ее производительных сил и, разоряя других, разоряется часто сам. Но, желая наживы и стремясь уплатить нарастающий долг, он в том и в другом случае, то есть отдавая в кредит мануфактуру за огромные деньги инородцу и крестьянину и скупая у него сырье как можно ниже, действует беспощадно, употребляет все средства обесчелования, обмана, чары, фальсификации. Торговец помнит, что и он должник, а потому кабалит другого. Вот что должно считать источником сибирской кабалы. На производителе сырья, крестьянине, между тем, зиждется целая пирамида тягостей. Крестьянин оплачивает жизнь мануфактуриста, приказчика его, сибирского купца, оплачивает провоз, кредит и сбывает свой продукт в ущерб себе, не зная, куда с ним деваться. Поскольку вечный ничей, вечные долги на производителя сырья и покупателя мануфактуры, он не может и не в состоянии их выплатить, потому что ему год от году сваливается на шею и чужой долг: от пестей долг страны и торговца.

Последствия этих ненормальных отношений развиты в следующей главе.

Таков в главных чертах промышленный и экономический вопрос края. Несомненно, что разрешение этого вопроса будет лежать только в развитии внутренних сил Сибири.

Нам продолжают твердить по-прежнему о вывозе богатств края при помощи улучшенных путей сообщения и, так сказать, об открытии новых клапанов из Сибири; но разрешается ли этим вопрос благосостояния? Один явлов не будет ли последней ликвидацией оставшихся богатств края, если мы только не позаботимся о средствах увеличения его производительности, если мы не дадим ему возможности развивать собственные свои силы? Только от экономической культуры мы вправе ожидать оживления нашего Востока и приобретения им настоящего значения.

По этому поводу уже раздаются довольно веские и разумные голоса со стороны местных граждан, наиболее проникнутых нелинеймерным желанием развития родного края, — голоса, несколько охлаждающие горячку к северным путям и вывозу произведений из Сибири. Вот пример подобного отзыва*.

* Инструкции и сибирская торговля. Схоринкова. Сибирская газета, № 34.

В смысле культурно-образовательного пришествие нового человека, а тем более с Запада, насаждающего у нас, у русских, всякие новшества, более чем желательно; сибиряк не настолько дик, чтобы бояться высшей культуры; он давно готов принять лучшие формы жизни, потому что старые слишком уж устарели и стеснили его жизнь и свободу. Как человек в неволе рад первому встречному, так и сибиряк, сжатый Уральским хребтом, рад человеку, пришедшему с южного Запада. При всей еще незначительности здесь иностранного элемента сибиряк все-таки, сравнивая иностранца с собой, замечает большую ранимость и поучается ей, находя его порядки лучшими, достойными подражания. Со стороны же экономической пришествие западного человека, «из не наших», едва ли особенно желательно, потому что западный человек с искони века привык только эксплуатировать восточного человека; не следует же он для нас исключением! Если бы западный человек ввозил к нам сахар, масло, керосин, консервы разные, мебель, машины и т. п., все это мы принимали бы охотно и за все это с готовностью отдавали бы наши бумажки, лишь бы не требовал он за все это нашего сырья, в особенности нашего хлеба, которым мы в годы неурожайные сами едва прокармливаемся; пусть он берет от нас то, в чем мы сами не нуждаемся и что тем или другим путем все-таки уходит за границу, например, пусть он берет от нас скотские рога, шетину, шерсть, пушнину и т. п. Для достижения этого представляется один путь — путь конкуренции. Но прежде всего надо устроить наши внутренние пути сообщения, соединить наши реки каналами, железными путями и вызвать таким образом к жизни новые рынки, рынки внутренние, которые бы урегулировали цену на все в Сибири, уничтожив в ней резкую разницу, благодаря которой одни местности голодают, а другие от избытка домяются. Эти рынки удержали бы в себе местное сырье, не отдавая его при нужде за границу, и создали бы, таким образом, противовес иностранной эксплуатации.

Точно такие же отзывы слышались по поводу железной дороги.

Само значение для местной производительности этих дорог в последнее время в Сибири возбуждает опасения, не лишенные основания, а именно: предполагают, что деятельность этих железных дорог будет направлена прежде всего к

вывозу сибирских произведений в сыром виде. Между тем, вопрос о вывозе сырья по самой низкой цене, так сказать, спекуляция на него, не может рассматриваться в смысле выгоды для народной экономики. С точки зрения этой экономики всегда будет иметь более значения обработка собственных произведений на месте, давая труд населению, повышая его рабочую плату и путем обработки возвышая цену местных произведений природы.

Вторая географическая особенность Сибири, побуждающая к насаждению и развитию производительных сил, это соседство с азиатскими странами и значительное число инородцев, как входящих в состав сибирского населения, так и прилегающих к границам. Сибирь по отношению к соседним дикарям и рынкам Азии должна когда-нибудь играть роль мануфактурного рынка. Если дороги заводские и мануфактурные произведения для Сибири, то можно себе представить, как должна повышаться цена их на среднеазиатских, туркестанских и монгольских рынках. Для того чтобы снабжать эти рынки нашими произведениями и сколько-нибудь конкурировать с произведениями иностранными, проникающими в Азию, а также сделать наши произведения для азиатцев доступными по цене и склонить их к приобретению предметов нашего производства, мы должны подвинуть самое производство как можно ближе к их границам, и в этом случае Сибирь должна представить наиболее соответствующий этим целям район. Если различные изделия и произведения, в том числе и предметы кустарной промышленности, проникают из России в Монголию, Китай и Туркестан, то можно себе представить, насколько усилятся сбыт их при развитии сибирской промышленности.

Такое должно быть в общем направление экономической жизни края, если он захочет воспользоваться своими богатствами произведениями и своим положением.

Экономическое положение Сибири

VIII.

Демографическая и экономическая история Сибири. Исследования по истории Сибири, ее географии, этнографии, истории, культуры и искусства. — Труды Института истории, географии и этнографии Академии наук СССР. — М.: Наука, 1964. — 200 с. — 100 экз. — Цена 1 руб. 50 коп. — ISBN 5-02-000000-0.

Экономическая неразвитость края, его исключительное положение и зависимые торговые отношения не могли не отразиться на быте и степени благосостояния местного населения. Мы считали, что когда-то сложилось представление, что в Сибири живут богато и население благоденствует. Ныне это подлежит пероценке. Известная зажиточность населения за Уралом и большее благосостояние крестьян, чем во внутренних бывших крепостных губерниях России, права, не могли не броситься в глаза всем жителям и путешественникам. Это объяснялось отчасти условиями жизни сельского крестьянина, нокая страна, девственные поля, незанятые леса, свободный труд и отсутствие крепостного права. Но рядом с этим весьма давно уже замечено другое явление, это — явление бедности, нищеты и крайне зависимого положения. Подобные факты, найденные повсюду, заслуживают большего внимания, чем благословенные райские уголки, указавшие как редкое исключение в Сибири. Мы говорим об экономическом явлении, давшем повод некоторым исследователям обрисовать Сибирь, как место самых грубых, корыстолюбивых стремлений, довавшихся до разжорения трудящуюся часть населения и вырвавшихся в монополию и кабалу. Сделав попытку исследования в особой монографии по истории монополии, кабалы и новейшего мифроэкономика на Невсте, мы не могли не найти связи и причин этого явления с общим экономическим положением края.

сотни десятин, имеют сотни штук скоти, имеют обширные пчелники — и все это достается им за бесценок. Подобные люди достигают огромного влияния в сельском обществе, влияют на все дела, ходят как распорядители, как факторы экономической жизни и являются даже узурпаторами власти, они держат своих односельчан, как рабов, чинят беззаконные суд и расправу, делают массу злоупотреблений.

В исходе XVIII и 1-й четверти XIX столетия в Кузнецком округе Верхне-Томской волости в деревне Березовой жил богатый крестьянин заводского ведомства Иван Степанов Новиков. Дом у него построен был на берегу реки Березовки при впадении ее в Томь на городскую руку и далеко отличался от прочих как величием своей, так и красивым наружным видом; богатое же внутри убранство комнат делало его похожим на дом значительного помещика. В смежности с этим домом находились два порядочной величины сада, правильно расположенные, с фигурными беседками, цветными градами и в разных местах скамейками. Занимаясь Новиков хлебопашеством в огромном размере и торговал разного рода скотом в значительном количестве. Часть хлеба отправлялась им сплавом по рекам Томи, Оби и Иртышу на продажу в Сургут и Березов. Для работ по хлебопашеству и ухода за скотом он содержал до 80 работников из годовой платы и для примотра за полевыми работами, за порядком в доме и для исполнения торговых дел более 40 приказчиков. Главное же управление по торговле ввержено было томскому мешанину Федору Корнуганову, который и распорядился всем полностью. Сам Новиков держал только один значительные торговые предприятия, с важностью выслушивая доклады и мнения чинов стоящих перед ним главноуправляющих и некоторых более смелых приказчиков, поверял торговые книги, делал по ним замечания, сводил счета и вообще действовал как именитый торговый человек. Для выезда своего имел лучших лошадей и много городских экипажей; в числе последних была даже выписана из Москвы коляска, в которой Иван Степанович четверней или парой обзавелся иногда поезд свои; засыпные разных хлебом, или ездил в город куда требовала надобность по делам его, или просто, вздумав прогуляться к своим знакомым, имея их множество в высшем чиновном кругу. Посадка в город сопровождалась всею роскошью знатности, состояла кортеж из 4 экипажей, из коих в главном сидел обыкновенно сам Новиков, а в остальных сидели приказ-

чики. Под своз такой свиты требовалось около 20 лошадей, которые по предварительному извещению и заготавливались на станциях езда не за неделю до приезда его, ожидая Ивана Степановича как несую важную особу. Такой образ жизни при уме его и независимом состоянии чрезвычайно сблизил Новикова с должностными лицами, любившими и даже уважавшими его. К сожалению, он только во зло употреблял это расположение и, не будучи чужа корыстолюбия, богатство *приобретал не совсем добросовестными средствами*. Не неся никакой общественной должности, он, однако же, тем не менее безнаказанно управлял Верх-Томской волостью, и притом так деспотически, что не только волостное и сельское начальство покорствовало ему, но и земские и горные власти смотрели на него сквозь пальцы, а крестьяне лишены были возможности противодействовать ему и рабоплю подчинялись всем его приказаниям. Ни одна мирская сходка не оканчивалась без решения Ивана Степановича, ни одно распоряжение начальства не приводилось в исполнение прежде, пока не прикажет он. Очень редко бывал на мирских сходках, Новиков знал, однако же, все, о чем происходило на них совещание по той причине, что после каждой сходки являлась к нему депутация из крестьян и просила его совета и решения. Дурно ли, хорошо ли прикажет он, но дело решалось окончательно по его наставлению, и если кто осмеливался противоречить, ему грозили одним словом, что так приказал Иван Степанович. Волостное правление носило одно пустое название и скорее было канцелярией Новикова, чем присутственным местом: все споры между крестьянами, жалобы их на обиды, один другому нанесенные, и прочие нески и тяжбы их разбирались одним Новиковым, во дворе дома его или на станциях во время проезда, у той квартиры, где он останавливался. В первом случае строгий судья-самозванец каждый день, утром или после обеденного отдыха, выходил на крыльцо и, сев в приготовленные кресла, выслушивал жалобы и просьбы собравшейся толпы крестьян, спрашивал ответчиков и обсуждал обстоятельства, тут же решал дела окончательно, и горе обитавшему: его поводили к столбу, на дворе прытому, привязывали ремнями и наказывали плетью до тех пор, пока угодно было Ивану Степановичу: а он был до того жестокосерд, что то и дело кричал: «Прибавьте ему», так что иногда несчастного уносили на руках полумертвого; подобные решения случались и на станциях, хотя и нечасто. Во время рекрутских наборов по по-

лучении в волостном правлении указа о приготовлении очередных семейств для поставки рекрутов, хотя и составлялся для этого мирской сход, на котором избирались семейства, на очередь состоящие, но все это была пустая форма. Иван Степанович улаживал дело по-своему. Он на дому у себя составлял список о тех лицах, которых желал отдать в рекруты, и без всяких дальнейших рассуждений отсылал его в волостное правление с приказанием, чтоб поименованные в нем семейства немедленно приготовили были к отпращивке, и затем в назначенный день отсылали их в рекрутское присутствие с писемками от себя на имя кою следовало. Приказанные, таким образом, принимались в рекруты без малейшего в чем-либо затруднения и задержки, так что волость означалась за один раз, без ледомки, и считалась в этом случае самой исправной. Обчитать при расчете кого-нибудь лишними процентами на одолженные взаимны деньги Новиков также не считал для себя грехом. *Крестьяне постоянно были у него в долгу и сколько ни уплачивали, все оставалось недоимка. Избытки в езде, а также и в артузах приехали входить в счеты торговли Ивана Степановича; крестьяне очень мало продавали и стороне рукот; все велось к нему и сдавалось приказчикам, а цены за принятый товар зависели от самого Новикова беспрекословно. Если он улаживал, что у какого-нибудь крестьянина появилась хорошая лошадь, то, не раздумывая долго, сейчас же посылал приказчика к владельцу такой лошади с приказанием отобрать ее и привести к нему. Последний отправлялся, осматривал вонюшь и, найдя ее доброю, увезил на двор Ивана Степановича, а хозяину приказывал явиться туда же через неделю. Не смея ослушаться, крестьянин молча смотрел на увеличивую и нерешко любимую лошадь и не решался делать ни малейшего возражения. Когда лошадь Новикову понравится, то оставался вовсе у него, а прежнему хозяину, явившемуся в назначенное для того время, платили за нее, сколько исцумается Ивану Степановичу и всегда менее против стоимости; крестьянин оставался доволен и тем, что получил, очень хорошо понимая, что ни убеждения, тем более возражения, не поведут ни к чему доброму; его же приказуют вытолкаль вон, а при случае отомстят еще сильнее. Высшие власти, посещая Томск и Барнаул, также хорошо знали Ивана Степановича; принимали его запросто на чай или обед. Ездил с ним по городу в одном экипаже и при случае пивали за его здоровье. Биография эта помещена в «Томских губернских ведомостях» 1858 г., №43.*

Во время путешествия нашего по Сибири мы наталкивались постоянно на подобных крестьян-богачей, державших остальных в кабале.

В деревне Костылевой мы встретили обширное хозяйство крестьян братьев Красноусовых. Дом их был построен на торосскую ноту, обширные сараи и склады окружали обширный двор, 5 сараев были наполнены 17000 пудов скнуленного хлеба. Хлеб скупался по 17 и 20 копеек, продается же нуждающимся крестьянам по 50 к., а на рынке — по 70 коп. Пеняты значительные дивиденсы. Красноусовы имеют 2 мельницы, до 300 голов рогатого скота, распахивают наймом до 100 десятин земли и во время уборки хлеба у них работают до 40 работников, в большинстве это допотопки, труд десятинника оплачивается им в страду 2 руб., а обыкновенного работника — 3 руб. Работник от Пасхи до Дмитриева дня, до 26-го октября, получает у них 25 руб., сапоги, 2 пары рубаш со штанами и бровни. К торговле присоединяется ростовщичество. Крестьяне-богачи раздают товар и деньги в долг крестьянам, славя двойные цены. За долги идет беспощадное взыскание и за долг, таким образом, приобретается не только скот, но и крестьянские дома. В каждой волости и на каждый район есть один или два таковых выдвигнувшихся крестьян-скупщиков. До каких размеров может дойти обогащение этим путем, примером служит состояние и доход крестьянина Сорокина, именного недавно хозяйство на Карасуке к югу от Юдинской области и арендовавшего земли у горного ведомства. Он имел запасов до 100000 пудов пшеницы, в табуле его находилось 8000 голов скота, в том числе 500 арзамасов. Торговля скотом огромна, рогатого скота отправляют в Оренбург — 2800 голов, в Енисейскую тайгу на привокз — 1500 голов, на Иртыше сдается 1400. Кроме того, у него находится кожевенный завод, на котором выделывалось 5000 кож. В Павлодаре 2 лавки с мануфактурными товарами. За разными лицами долгов, между прочим, за одним оренбургским торговцем — 150000 рублей. По смерти своей в 1878 году он оставил по завещанию деньгами 6-ти сыновьям по 40000 руб. каждому — 240000 рублей, 2-м племянникам по 40000 руб. каждому — 80000 руб. и 3-м дочерям по 5000 руб., всего 130000 руб. Состояние и изобилие этого крестьянина, занимавшегося покупино и продажей хлеба и скота, равнялось более миллиона рублей. Такого разницы в материальных условиях и степени богатства среди сибирских крестьян, зависящая от способов приобретения, а так-

же влияния деревенских скупщиков и кулаков в сибирской жизни, являясь, давно подмеченным различием исследователями. Мы видим, что в глухих местах на Барабе при отсутствии конкуренции, шестых ценах на хлеб, нуже крестьян в деньгах и потребности кредита, влияние кулаков и скупщиков чрезвычайно сильно и увеличение их богатства происходит на счет остального крестьянства, отягавшее чрезвычайно невыгодно на экономическом уровне массы.

Земледелецкая кабала существует во многих местах Сибири; ближе сказать, трудно было бы найти место, где бы это явление не существовало. Вот как описывает явление мироедства один корреспондент в другом конце Сибири, в Верхонском округе. «Обширные владения земель без пределов породило особую общественную язву в Верхонском округе: это — кабалу-барачество. Земли много, и богаты из крестьян, располагая более значительными силами, эксплуатируют бедных, постоянно занимаясь расчисткой удобных к хлебопашеству мест, которые по сибирскому обычаю переходят от отца к сыну, от сына к внуку и т.д., из рода в род, они захватывают огромные участки земли: так, некоторые имеют до 300 десятин и засевают посредством покотей по 100 десятин, подчиня, благодаря своему влиянию, за бесценок труд беднейших собратьев, строят барки и сплавляют хлеб до Витима или Мачинской резиденции, где и получают 400 и 500 процентов за затраченный капитал. При наступлении срока уплаты податей, когда бедное население мечется из угла в угол, в это время мироеды ловят этих несчастных, и если жертва попадется в лапы, явивши каких-нибудь несчастных 10-15 руб., то ей уже не вырваться вечно». «Я знаю один подобный пример, — пишет корреспондент, — за долг отца, бывшего персонально маленькую сумму и работавшего до самой смерти на своего кредитора для удовлетворения, причем все-таки долг возрос при смерти его до 200 рублей, мироед взял от матери вдова более взрослого 14-летнего сына, оставил ее с двумя малюскаами, и местное волюстие правление, облекни это рабство законным порядком, засвидетельствовало, что вдова за долг отдала своего сына на 8 лет в работники».

Рассматривая тип мироеда — земледелецкого крестьянина, мы видим в нем соединение ростовщика, получающего плату и проценты трудом, шовзывить который состоит в его произволе. Но является и другая, более сложная форма

кабады: это — кабата *торговая*, когда дается производителю *перед* задаток на будущий продукт или он снабжается товаром. Она существует также во многих местах Сибири.

Образчиком мы можем представить положение алтайских крестьян по описанию известного ученого Радлова. Вот что сообщает Радлов в «Reise durch den Altai» в XXIII томе архива Эрмитажа (Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, Berlin). «Много кадров около Телецкого озера, но жители крайне бедны. Большое дерево дает 30 фунт. орехов, худое — 2 фунт. Пуд стоит 1-2 руб. ассигнациями. Кедровая торговля, которая могла бы доставить достаток жителям, и есть главная причина бедности. Урожай кедровых орехов бывает годом, по дешеным сказкам — через три года. Во время неурожая и белок мало. Вот в такие-то плохие годы купцы пользуются положением белянков и щедро при наступлении первого худого года открывают им свои ланки под условием, что осенью за каждый рубль ассигнациями они должны доставить пуд орехов; если покупатель не доставит, то должен вместо каждого недостающего пуда доставить два рубля. Доли в следующие два года увеличиваются так, что сможет быть удовлетворен только тем, если белянок в хороший год сможет собрать столько орехов, сколько должен купцу. Для ясности представляется пример. Иноходец берет от купца в начале первого худого года товару на 20 руб. ассигн. и обещает осенью 20 пуд. орехов. Но он доставит только 10 пуд. и остается, таким образом, купцу должен 20 рублей ассигн. Купец верит и долг до следующего года под условием — опять доставить 20 пуд. Но второй год дело еще хуже, и он может доставить только 5 пуд. орехов и остается должным 15 пуд., то есть 30 руб. ассигн. Купец отсрочивает опять долг на год, но и в этот год иноходец доставляет только 5 пуд.; таким образом, долг его возвысится в 25 пуд. орехов, или 50 руб. Если в следующий хороший год удастся ему доставить 30 пуд., то на второй год он должен только 40 пуд., и если в третий год доставит 30, то останется должен 20 пуд. *По купцу получает за 20 руб. ассигн. 100 пуд. орехов, которые он продает за 150 руб. ассигн.* Понятно, эта торговля должна обелять народ, потому что купец шесть лет терпит долг на иноходе. и все, что ему не заплачено в орехах, должно быть заплачено деньгами, мехами или скотом». Вот что сообщает потом г. Радлов о характере торговли на Алтае: «Китайские товары: чай, дабы продают нагиб купцы уж в самом Алтае и на Чуе поданным нашим калмыкам. Чай там ценится в два теленка или в одного большого барана; больше не дабы, ян-

два-три-бу, кузенные за два чаа, продаются за три. Большая часть купцов имеет на Чуе или в Атасе заимки, где на калмыцких землях держат свой скот на пашажном корму. Там зимует и поправляется худощавый скот; там вырастает мелкий скот и лошади, и вербюшки, необходимые купцам для перевозки тяжелых, там они кермаются и вырастают без всяких издержек со стороны хивиев. Кроме того, купцы отдают ценные стада для охрания по осени выгонной для них вене. Что такой торговец даст чрезвычайно много прибыли купцам — понятию из вышеказанного, но все-таки многие из наших торговцев не довольствовались этими выгодами и пользовались отдаленностью края, чтобы еще увеличить свою прибыль. Я уже говорил ранее о том случаи торговли об одном объеме, существующем при торговле с инородцами. Это приважу товаров на мелкий скот, остающийся на вырост у хозяев. Теленок, например, кузенный за 1 рубль, остается у первоначального хозяина: это ему нужно потому, что корова без теленка молока не даст; в четвертый же год помешник выростит этого теленка уже в виде взрослого быка, так что из одного рубля у него выйдет 15 или 20 рублей; в случае же смерти скотины покупщику удваивается стоимость теленка частью закринными шкурами и другими товарами, а частью — мелким скотом, который остается у хивиев опять на вырост, так что купец собирает изгода от одного чаа в течение многих лет скот и изгода в стоимости нескольких быков. Такие же расчеты производятся за товары, данные вперед на осень за бездомные шеруды и орды. В 1860 г. я имел случай видеть процесс, где одному торговцу за нескольких белковых шкурок и за два шаа, в общей сложности за 28 коп., присуждено было получить от двоездана, живущего около реки Шибита, *41 быка!* При сибиринии даттов торгующие паша часто бываю на свиданиях расборными в средстве, они, если должны оказываться несогласными, просто, как говялят, у кого-нибудь из соседей или родственников отбивают скотого скот на том основании, что этому соседу или родственнику легче получить скот от должника, чем самому купцу. Калмыки — народ смелый, бояливый и не смеют жадничать. Кроме того, я сам видел, что некоторые торговцы не утрудились даже покупать скот и лошадей, приобретенных не совсем чистым путем, и бывали с рук по обстоятельствам или в Монголии, или дальше в Сибирь. Понятно, что торговля в таком отдаленном месте скрята от всякого надзора правительств; производимая с народами боязливыми, как наши калмыки, она должна

была кончиться с эксплуатировкой местных богатств. Алтай стал так беден, что я, проезжая в нынешнем году, почти не узнал тех местностей, которые посещал еще в 1860-м и в 1865 гг. Скота на дороге нигде не было видно, даже прекрасная Урусская долина была пуста, а где есть скот, везде слышно: «Ходжаймын мамы» (купецский скот). Особенно обделены чужие дворяне, отлившиеся прежде своим богатством. Правда, и чума, и другие причины, не относящиеся к нашему предмету, виноваты в этом; но значительная часть вины падает на несправильность торговли, не отраженной законом. Впрочем, купцы наши вели исправную торговлю не с одними нашими подданными; их торговые сношения с соседними монголами также не были чисты от насилия». Г-н Радлов приводит множество примеров этой бесправной торговли и силы купцов среди инородцев. Взыскание долгов, нарастающих до огромных размеров, сопровождается отнятием имущества и скота — так приходится этому несколько случаев: «Монгол Д. с тремя товарищами пригнал 8 верблюдов в пункт Суок с казенным грузом; кушты захватили этих верблюдов и говорили солдатам, что они возьмут их в обеспечение долга, сделанного 15-ю человеками монголов из разных станиц, и что Д. с товарищами легче могут взыскать с них долг. Обращение к мажорскому чиновнику Ка никак не помогло; русские не выдвали захваченных верблюдов, но представили Ка список должников, который был передан им Дзялуну; но удовлетворения хозяев верблюдов до сих пор не последовало. Правда, тому, кто не знаком со здешним ходом дел, невероятным покажется такое повеление русских купцов у китайских пограничных пунктов; но мне самому привелось быть свидетелем, как русский купец бесцеремонно привязал монгольского солдата к своей горте, потому что он был должен ему большое число сурковых шкур, хотя должник от долга своего несколько не отказывался; купец мне сам сказал, что он только для того привязал должника, чтобы получить от него законную расписку, которую монгол с самого начала согласен был дать». Как мы видим, купец не стесняется унизить подобную расписку даже с китайским солдатом. «Такие отношения, конечно, не могут содействовать развитию торговли; напротив, они могут привести ее к падению и совершенному уничтожению». По мере того, как вырастала здесь торговля и росло число купеческих заимок, все более и более беднеет народ. Странная вещь, крестьянам запрещено селиться в Алтае будто бы для сбережений территорий инородцам, а куп-

дам дозволяют заволить свои пауковые гнезда. Битшие несколько десятков лет тому назад в Алтае уверяют, что в Алтае господствовало лучшее благосостояние, что алтаец, имевший 50 — 100 лошадей, считался за бедного. Описывая эти явления, г. Радюв приходит к заключению, что обеднение всего края лежит в тех формах торговли и злоупотреблениях, какие применяются к итиродам.

Ту же монополию, те же присмы торговли мы встречаем в Туруханском, в Березовском крае, в Нирьмском и киргизской степи. До какой степени проявляется монополия и кабала крестьян среди русского населения, а также в какое она вошла обыкновение, считается как бы законною, может служить примером следующий факт в Тобольской губернии, замечаемый нами из корреспонденции 1872 года. «В Тобольской губернии был поднят шум рыбопромышленниками против березовского исправника, будто он запретил крестьянам натиматься менее, как за 25 рублей. Оказалось же, что он приказал не владать видом иначе, как крестьяне прежде не заплняют подати. Это было вызвано тем, что по Тобольскому округу накопилось 473548 рублей 47 коп. недоимки. Причиной этому было заглошение лугов и падеж скота. В это время, конечно, приключилось думать уже не о податях, а как бы не умереть с голоду. Таких разоренных людей водостыбие и сельские пачальники, не обращая внимания на различное количество сил в семье, принуждали начинаться и даже отдавали насильно к рыбопромышленникам без всякого притоора, даже малолетних. Пригоняли народ к рыбопромышленникам туртами, — говорит корреспондент, — и все это делалось за полгода. Распоряжение исправника было только в ущерб 25 тысяч монополистов, кулаков, которые и подыали гвалт. Рабопромышленники, как оказалось, нанимают крестьян на сезон за 6—14 рублей, и таких было 2000 народу. Половина должна была платить подати за 2, 3, 4 и 5 душ. Подати приходилось по 10 руб., а рабочему же давали монополисты 13 р. 50 к.: ясно, что они были вечно в убытках и долгах» (Восм. иллюстр. 1872 г., №190). Те же кабанье отношения мы видим и при ведении золотопромышленного дела: «Наша капиталистами крестьян для перевозки тяжести на прикиз поставила последних в роль кабаньих огноманки к перьям, — свидетельствует д-р Кривошапкин в «Одессанци Енисейского округа». Ремесла вообще, как и земледелие, были оставлены крестьянами, привлекаемыми золотопромышленностью, которая, по мнению г. Кривошапкина, более принес-

ла вреда, чем пользы крестьянам. Также влечение к легкой наживе и надежда на будущее. Отправив население от труда, поставим его в специальное положение. Такое состояние крестьян, а также необходимость сдать подати непременно в сентябре месяце, когда еще у них не могут быть выручены деньги с продажи снятых в лето хлебов и сена, заставили крестьян с радостью принять землевладельческие услуги капиталистов. А лиха беда, как говорит народ, начать только: там уж спохватиться, да те скоро выкрутятся! Вот и пошло: за них платили подати, им доставлялись в числе платежа одежда, обувь, при недостатке — и самый хлеб, мясо, рыба, чай, сахар, масло, жир, кожа и проч. Поэтому толер откупался какой ни пошла (в Ирбиты не смотрят на достоинство закупаемого товара), цены выставляются, очевидно, какие выдумают, а крестьян зауславливают при этом для перекупки вперед, с большим повышением цен, которые через полгода, когда придется везти, могут разгореться вдвое; да, кроме того, так как крестьянам при перевозке нужен по дороге для корма лошадей овес, то богачи-перевозчики снабжают их натурою, и уж, конечно, к большому разорению крестьян (Енисейский округ и его жизнь. Кривошапкин. 1865 г. Стр.7-8). Из этого видно, что формы подобной зависимости принимаются во всех отраслях сибирской промышленности, отражаясь самым тяжелым образом на хозяйстве населения.

Что замечательно, так это то, что явление монополии и каббалы выражается не в одном каком-нибудь сословии или группе в Сибири, но оно видно во всех слоях и проявляется также между крестьянами и кулаками, как и между крупными капиталистами. «Богатый крестьянин есть самый низший и самый многочисленный род хищников-эксплуаторов в Сибири, — пишет один исследователь, — и никто не пользуется такой дурной славой в Сибири, как богатый мужик. Эти люди составляют почти особое сословие в стране: есть целые деревни домов в 40, состоящие исключительно из богатых мужиков, которые в окрестных деревнях имеют своих «пошникмдников» и «десятничиков», по местному выражению, то есть массу рабочих и кабальников. Черты из жизни сибирского крестьянства, убиваемого и разоряемого мироедством, кулачеством, кредитом и закабалением, лихими, выходящими из той же крестьянской среды, мы находим в любопытных бытовых очерках Н. И. Нумова, представляющих замечательно ярко и правдиво эти явления крестьянской жизни. Из этого разра-

да людей в Сибири выходят монополисты целых обширных промыслов и округов; на таких монополистов нередко указывают путешественники, пославшие Сибирь. Так, Шюллер упоминает о Сотникове, державшем в монополию Туруханский край. Другой путешественник, Коттрель, говорит о купчихе Б. в Минусинском округе, подчиняющей себе всю торговлю этого края. В Нарымском крае указывают монополиста В. На реке Кети славился священник, державший торговлю в своих руках и подчинявший всех жителей. Таких лиц множество. В городах существуют своего рода скупники, кулаки и прасолы, держащие в руках своих рынки⁴. Те же формы монопольи и кабалы поддерживают крупную промышленность: эксплуатация русско-американской компанией своих владений была основана на подобных началах; наконец, развившаяся золото-промышленность в Сибири выразилась то же при помощи задатков с той разницею, что только оформила кабату в стеснительные контракты, которые при кажущейся легальной форме имеют, однако, подкладку сплошь да рядом незаконную.

Нельзя подобные факты, как они не резки, принимать за исключительные, свойственные Сибири. Инстинкт корысти и жадности — черты, присущие всему человеческому обществу. Кулачество и то же мироедство, как и способы закабаления кредитом, существуют и во многих местах в России; особенностью этого явления на Востоке может быть разве то, что они проявляются здесь грубее и необузданнее благодаря неразвитию населения, его дикости и историческим условиям. Особенность сибирской жизни состоит в том, что среди русским населением на Востоке находится огромная масса инородцев, которая представляла удобную почву для эксплуатации и наживы всякого рода благодаря неравности, бесхитростности дикаря, низкой культуре и его бесправно, несумевшего и незнанию защитить себя русскими законами. О характере наживы явечет инородцев свидетельствуют следующие факты. В торговле русских с инородцами цены устанавливаются до сего времени стачками торговцев, которые берут страшный барыш и держат в руках покупателя. В низовьях Енисея до сих пор промышленники берут с инородца 12 р. за пуд павли, 80 коп. за фунт черкасскою табуку (Туруханский край, Третьякова). Капитал в киргизской степи

⁴ Какое имеют господство прасолы на местных рынках и как они эксплуатируют крестьян — см. корресп. из Павлодара газета «Сибирь», № 21-й, 1875 г.

учетверяется уже на другой год. Как ведется торговля в степи, можно судить по тому, что русский торговец брал за миткаль, стоящий 5 коп., — 30 коп.; пине длинной выделки продавался за побарана, то есть киргиз платил 1 р. стр. за аршин; дерзавинное блондо продавалось за барана, то есть за 1 рубль (Описание киргизской степи. Красовский. Ч. II. Стр. 244). Кроме того, русские турки стараются навязать всегда товар в долг инородцу, причем при повышении цен накапливается огромный долг, ставящий инородца в кабалу. Спекуляция торговца в долг существует в Туруханском крае, где инородцы в неоплатных долгах за хлеб, точно то же совершается и в киргизской степи.

Не опит купцов, но и сибирские казаки, на значительном протяжении вовсе не занимающиеся земледелием, спекулируют на счет киргиза. Они берут у купцов товары и развозят их также в кредит киргизам, обмывая и обманывая их при этом. Г-н Красовский, составивший по официальному поручению описание положения киргиза, говорит, что казак спекулирует мелко, но с громадным барышом. Пользуясь всеюю нуждою киргиза, он продает ему хлеб или выдает в долг по неустойной цене. «В течение года киргиз не один раз приедет в селение за хлебом, будучи тотот за недостатком его и продаже на базаре отдав присланную кожу первому знакомому казаку за полпуда муки; но инди между киргиза, казак купит у него за это количество муки две кожи. Между тем, полпуда муки стоит 15 и 20 коп., а две кожи — 6 руб. Пользуясь случаями самыми крайними, — прибавляет Красовский, — прибегая иной раз к обману, в другом — не пренебрегая и воровством, казак копит по мелочу киргизский товар до первой пощажки на линию, где, сбыв его, купит для пролажи в степи хлеба, чтобы снова сбывать его при крайности киргизам» (Опис. кирг. степи. Ч. I. Стр. 415).

Обратимся к Березовскому краю. Вот что сообщает о торговле там автор мелико-топографических материалов о болонских и вымарианских инородцев в Березовском округе д-р Соколов: «Русские купцы, снабжая остяков и самоделов, приняв за правило снабжать инородцев привозными товарами в долг до ярмарки или до следующего года, и это продолжается из года в год, так что инородцы постоянно закабалены не только за себя, но и за детей. Остяки были честны и простосердечны и платили долги. Купцы пользуются случаем продавать затхлую муку, так они сделали в 1862 году. Когда случился недостаток хлеба, начали инородцам вытаскивать

из амбаров остатки прежней муки со всяким сором, пылью, мышиным пометом и продавали по каким угодно ценам».

Из этого видно, что на нашем востоке и индее инородным пришлою Востоку в лице кабанчиков теперь является пролетариат самого жалкого вида в лице инородца: над ним тяготеет какая-то историческая судьба, велд за завоеванием он несет в себе презрение низшей расы; он оставлен в сырую обстановку дикой природы, которая давит его в силу его невежества и беспомощности. Как дикарь, он не знает русских законов и форм быта, и вот при первом столкновении он испытывает самые грубые формы торговли и эксплуатации его труда и промыслов. По мере того, как потребности инородца растут, он становится все в большую зависимость и безвыходное положение. Быт его ухудшился даже сравнительно с прежним временем: когда инородец приучился к хлебу, он более почувствовал нужды в нем и чаще страдает от голода. Доктор Соколов свидетельствует, что самоеды, остающиеся при животной пище, здоровее остьков, которые снабжаются промышленной мукой дурного качества и при самых стеснительных условиях. Радлов, описывая быт телеутов, сравнивает с ними инородцев, которые уже вошли в соприкосновение с русскими, и приходит к неудовлетворительным выводам. Ввиду этого, как мы указали, в его очерках он считает культурное влияние и злоупотребление в торговле по отношению к инородцу.

Вот эти-то указанные причины и бесправие инородца и дают особенно резкое направление сибирской кабале. Те же способы кабалы, практикуемые среди инородцев, входят в нравы, обычай и прием торговли по отношению к русскому потребителю.

Факты эти во всей совокупности явлений не могут не заслужить серьезного внимания. Мы видим, что они не составляют редкого и единичного явления, но охватывают всю жизнь страны и выражают характеристическую сторону быта. Эти явления проникают во всю экономическую жизнь Востока с высших экономических ступеней до низших, имея во главе богатей и капиталистов, промышленников, ростовщиков, кулаков, крестьян и мироедов, пиявчески высасывающих своего брата мужика. Они отражаются в самых разнообразных способах наживы и монополии, начиная с захватов целого края на откуп до стачек на сельских и городских базарах, как и ярмарках; понятно, что они вызвали некоторые опасения и преувеличения. Если эти многие явле-

ния были свойственны старым формам хитического хозяйства, то естественно желать, чтобы они не возникали под новыми формами хозяйства и промышленности.

Чтобы объяснить себе столь различное и обширное развитие сибирской торговой монополии, кабалы и кулачества, становится необходимым изучить их в условиях местного быта. Рассматривая явление монополии и кабалы на нашем Востоке, рядом с историей промышленности мы находим, что оно коренится в истории Сибири довольно давно.

Развитие различных форм этой монополии здесь обуславливалось во многом особыми географическими, экономическими и историческими причинами.

Промышленный дух, например, имел более простора в Сибири. Когда Россия жила крепостным правом, в Сибири большинство населения отдавалось промыслу, торговле и спекуляции. Сибирь, таким образом, рано переживала промышленную горячку, и в характере ее жителей резко обрисовалось стремление к наживе всевозможными путями. Отдаленность и глушь способствовали зарождению таких явлений, которые не могли существовать там, где властвуют более законность и гражданственность, наконец, этому способствовали и особые исторические причины, к которым мы обратимся.

Сибирский промысел и нажива, как и торговля, получили свое начало в эпоху завоевания края. Грубые и бесперемонные способы этой наживы обуславливались сначала войной и неприятельским обращением с инородцем, не изглажившимся и впоследствии: война и промысел шли здесь рядом. Отражение завоевательных воззрений и принципов можно проследить во всей истории промышленной жизни края. Самое завоевание Сибири не было плодом одного воинственного и рыцарского духа; это завоевание руководствовалось практическими целями промышленной наживы. Казаки обыкновенно убивали инородцев и делили добычу, впоследствии научились вдобавок обращать их в рабство. Промышленные люди следовали за казаками и также завоевывали и грабили*. В эту первую эпоху, можно сказать, «промышляли инородца» как зверя.

Когда край был покорен, завоевательные изыскания перестали действовать. Вслед за покорением Сибири и обложением инородца ятаком, то есть с наступлением даже мирного време-

* История Сибири. Фшер. Стр. 204.

ни. «промысел инородца», однако, не прекращается. Он принимает только новую форму усмирения бунтов. Побор ясака в казну, суд над инородцем, управление — все сопровождалось частью нажитого, где об руку с казаком действовал и промышленный человек. Он приучился действовать трубо, дико, захватом. Смотри на инородца как на завоеванный народ, всякий побор, всякое обирание его считалось законным. Трибунс переходил в побор, побор — во взятку, ирвана, перешедшие от казаков к воеводам, к служилым людям, перешли и к промышленникам. Не было состояния, не было учреждения в Сибири, которое бы не эксплуатировало инородца; плетеры колонизации, крестьяне-звероловники, хмелевщики, отираквившиеся на пограничную линию за промыслом, и те вели войну с инородцем. Кроме имущества инородца, он и сам делается на всю жизнь собственностью. Сибирь не избежала общего закона колоний, колонист здесь создал рабство инородца, и история этого рабства, проходившего через всю историю Сибири до XIX столетия, достаточно выяснена ныне историческими документами. Рабами приучились сыздавна спекулировать. Первоначальный полон послужил предметом мены и торговли. «Даже забвение инородок для налоожничества и брака тмело своею целью не одно удовлетворение половых инстинктов, но также и коммерческой барыши», — пишет автор «Истории рабства в Сибири» г. Шаников. Когда кончилась война, то усмирение бунтов также сопровождалось захватом ясирей, самое усмирение было только предлогом для добычи рабов. «Начиная от воевод и кончая последним кутншником, — пишет историк рабства в Сибири, — захватывали для той же цели дикарей совершенно мирных и ни в каких бунтах и замыслах не виноватых; dignity самых мирных дикарей никогда ничем не была обесчещена от насильного захвата их в неволю». Точно так же рабы добывались и путем торговли. Для этого существовал вывоз рабов из-за границы воюющими между собой инородцами. Голод и бедствия способствовали тому, что русские покупали инородческих детей. В Березовском крае мальчиков продавали по 25 к., а девочек — по 20 к. Правительство с Петра уже боролось против этого рабства. Но оно являлось под разными фикциями. Новообращенные в христианство обыкновенно призывались в кабану «воспреемниками». На инородцев накапливались кабальные записи.

² Подобные фикции обращения инородца в рабство практиковались и другими народами. Такой же обычай упоминается существовавшим в

Такое положение дел продолжалось до 20-х годов нынешнего столетия и даже позднее. «С самого завоевания вплоть до наших дней, — говорит историк Стюарт, — народонаселение Сибири разделилось на два класса: на рабский класс из инородцев и лиц казачьих, класс многогрешный, состоящий из инородцев, и законный класс работников-кабальников». Рабов употребляли для домашних работ, на эзеронах, на передвижении товаров, для земледельческих работ и прочее. Под влиянием подобных же взглядов установились и торговые отношения к инородцу, когда начинались с ним торговые сношения. Когда запрещено было держать рабов, рабство, по-видимому, рушилось; оно в сущности не уничтожилось, оно приобрело только новую форму кабалы и существует в форме торговой кабалы до сего дня. Торговля с инородцами и мена с ними составляли важнейшую статью наживы для русского населения Сибири, торговля эта сыздавна сопровождалась бесчисленными злоупотреблениями. Головин встретил в Камчатке разрезающих подъячих и солдат, которые с вином разрезали по инородцам и промышленляди у них соборы. То же самое и еще больше делали купцы. «Ведкий камчал имеет между кушами кредитора, — писал путешественник, — у которого инородец берет, не спрашивая цены, разные безделицы, купит же записывает в книги десятирубль цену, купле 10 рублей вышлется в 100 рублей». И это также было во всех уголках Сибири. Купцы действительно по отношению к инородцу с военной бесцеремонностью при взыскании долгов. Например, в конце XVIII столетия купец Ситанов в Туруханском крае, развозил товары и казачья инородцев, был, по словам г. Третьякова, автора книги «Туруханский край», полным властелином. Он требовал себе здесь «божеских почестей», управлялся с инородцами собственноручно, обращал в работы для себя, заставлял других и, когда свирепствовала здесь торговля, ездил по урдам, брал имущество мертвых и больных и провозил чистый трагед. Можно себе представить, до чего развилась бесцеремонность такой наживы и прелесть истории Сибири. Итак, инородцы явились первой жертвой эксплуатации и кабалы. Судьба их изображена яркими чертами в истории рабства в Сибири и истории Русско-американской компании (Историч. эпохи. Шандов) Мы не имеем возможности пересказать этой грустной повести наших столкновений с инородцами, кон-

Калеской колонии у англичан, как видно из статьи W. Sandford о калеских в Essays by members of the Birmingham speculative club 1870.

чинствен вымиранием целых племен в Сибири, так же, как голодом и голоданием, мы не остаемся на страницах, напоминающих подобные же столкновения испанцев среди диких племен Америки, но мы не можем не указать на те средства наживы, которые здесь употреблялись. Рассматривая экономические отношения инородцев к русскому населению, мы видим, что оно действовало здесь, во-первых, захватом угодий у инородцев, которое совершалось тремя путями: просто забираемcem силой угодий, покосов, рыбных ловлей, путем грабежа и «воронства» (Историч. этюды. Шашков. Стр. 251); путем заклада и отбирания угодий за долги (с. 252), долги эти неслыханным на инородцев по 200 и 300% ; угодья закладывались за 1 р. 50 коп. и эти заклады с 1688 года не могли быть вымачены по 1822 г., например, то есть инородец не мог выплатить 1 р. 50 коп. в 135 лет; наконец кончили тем, что такие угодья, как рыбные березонские пески, перешли захватом в руки русских, а остатки разорились и потеряли ресурсы к жизни (стр. 258). Далее, эксплуатация инородцев и обирание их производилось под видом торговли и недобросовестной наживы, сопряженной со всеми злоупотреблениями, в контрабанде, фальсификации, поддельных расчетах и на стремлении захватить инородца. «Инородцы — вечные рабы лукавых землевладельцев», — писал официально начальник алтайской миссии в 1853 г. Сказавши были известны ужасные злоупотребления при торговле. Путем торговли и другими способами все инородческое имущество переходило к русским, а инородцы беднели до того, что не имели возможности добыть себе другой пищи, кроме падали или толченой коры. В Туроханском крае муку продавали по 4 р. 90 к. на фальшивый безмен с примесью льда и песка.

Торговцы взяли на себя поставку инородцу хлеба, спичек, пороха и рыболовных припасов, задвая вперед или приобретая при нужде, во время голода, все, что мог инородец дать. Закабалив инородцев вперед, поставили их в такое положение, что те бросили заниматься звероловством самостоятельно, а пошли в работники к русским на хлеба и содержание, отдавал за это одно весь свой труд. Даже крестьянин стал приобретать в кабалу инородца, и чем беднее был наниматель, тем инородцу еще было хуже. «В таких работниках, — писал Осипов в 1864 году о Нарымском крае, — здесь люди гибнут материально и нравственно».

В таких условиях начинала развиваться сибирская кабала и монополия, находил широкое поприще на беззащитном инород-

це. Действительно, в XVIII столетии нам представляется готовая широкая картина монополии, охватившая весь Восток. После поетной тажиклы ледествие завоевания и покореия завователи, казаки воеводы, промышленники стали искать нажимы в торговле и спекуляции. Пример монополии в Сибири был показан казною. Сначала монополией пользовалась одна казна, она собирала в ясак пушнину, отыскивала руды, взята в монополию мамогтовую кость, продажу вина, табаку и ревеня. Рядом с этим занялись торговлей для себя воеводы и служилые люди: Воеводы торговали всем, говорит история Сибири, ланком, съестными припасами, скотом, невотыпками, пушнитою, песторубными женщинами. Рядом с казкою промышленник занимался тем же торговством с иторошом, а полчас и грабежом. Даже сослови, стоявшие в стороне и не предназначенные к торговле, пустились в наживу под влиянием сибирской жизни. Дворяне, командированные в Сибирь на службу, поселясь в разных местах Сибири, «привизегии своего дворянства растратили», как пишет летописец, и занялись промыслами. Даже монахи, как авантюрист Козыревский, были и завосытателями, и промышленниками. Монастыри также увлекались промышленной деятельностью, пишет автор «Очерков нравов в старинной Сибири». Они приобрели пашни, покосы, рыбные ловли, учены покупались или отнимались у инородцев. Села выгивали гушших людей, им давали лошадей, хозяйство и брали *кабельные заныи*, что они должны вечно работать на монастырь и давать 5 снопов. Торговля точно так же увлекает и белое духовенство. В краях Березовском, Нарыском, Бийском, Турханском и по всем сибирском окраинам духовные были первыми торговцами и монополистами, пишет автор «Нравы старинной Сибири». Это было явление столь частое, что указы XVIII столетия предписывали светским властям «того смотреть накрепко, дабы духовные персоны под образом рылеждов с требами для наблюдения к спасению человеческому *кучества* не оправдали б». Но светские власти сами вели торговлю. Торговля духовенства держалась до 1820–35 годов, но и теперь еще не все искоренена. В Березовском округе около этих лет вся торговля была в руках протонера Ереунова. Он торговал вином, покупая медю по 3 р. и продавая инородцам по 40 р. Торговые люди еще шире и несобуданнее раскидывали сеть самой бесцеремонной наживы. Можно себе представить, какую выгоду представляла торговля, когда за медный котел давалось столько соболой, сколько и с могло войти в самый котел доверху.

Вино составляло попомогу в торговле, и инородцев сначала спивали и во время тяжелого похмелья склоняли на воские условия. Кроме того, обычай кабалы с инородцев переносился очень быстро и на русских крестьян, но кабада русских имела и самостоятельное значение, занесенная издревней России и сохранившаяся на Востоке. Многочисленный след ее встречается в актах. Первые гулящие люди, эти русские пидальго, охотно давали на себя кабальные записи, иногда за несколько пинти на дашую жизнь. Кабальные записи брались и с переселявшихся крестьян. С развитием в Сибири кое-какой промышленности, пишет историк, кабада усилилась. В XVIII столетии возникла Роклицко-американская компания с рабочими, состоявшими у нее в неотплатной долговой зависимости. Когда антайские, уральские и другие заводы были в частных лип в зависимости, то здесь, рядом с каторжными, работали и *кабалники*. Монастыри имели кабальных крестьян. Промышленники закабалили рабочих на промыслах, не могли этим не пользоваться и торговцы. Торговцы-монополисты при отсутствии конкуренции в Сибири, привоза и разливная товары, обесцеливая, обмерная, наконец, стараясь иууать в долги, поступали так же с сельскохозяйственным русским сословием, как с инородцами. По словам Радинцева, в прошлом столетии разв: *один из ста* барабинских поселыпиков жили не в долг, а то были все наемщики и получали заплатку от купцов. Торговцы пользовались их трудом и обогатились. Надо прибавить, что в это время ставили в безжалостную нужду и зависимость крестьянство беспрестанно постигавшее Сибирь в прошлом столетии бедствия, означенные у Столовича в виде особой главы «Неродными бедствиями». Это были вторжения неприятеля, яца, оспа, пожары, мер и неостаток хлеба. Все это приволялось разорением жителей и дороговизной хлеба. Титостные повинности, исправление дорог, бесплатная поставка припасов, почтовая гоньба, доходившая до того, что елили на людях, когда не было лошадей, — все это разоряло и тяжело ложилось на крестьян. На крестьянах обряжались педомки, за которые следовала отдача на зароботки чащдям лишим. Все это заставляло крестьян бросить земледелие, хлебопашество падо. Упадок земледелия привел к дороговизне хлеба, притом пожинились спекуляторы, продавая его по 10, 12, 15 р. пуд. Пользуясь нуждою крестьянства и дешевым скупом сырых продуктов при этой нужде, торговцы захватили себе в руки пелье округа. Так, во второй половине прошлого столетия купец Попов имел в руках При-

камский, Приуральский, Приуральский край и был здесь монополистом; прислаивали его развозили товар, променявали на сере и оставили в долг. Богатство Поповых возрастало страшно. Они терпели при несчастях, теряя по 180000 рублей, и это им было ничто. Около 500000 рублей истратили они на попытки разжечь золото. При таких условиях росли быстро крупные монополии в Сибири. Приказчики при громадных доходах с торговли и казаны делались хозяевами, так. Поповы были сначала приказчиками у Зелениных, а Зеленинов — у откупщика Походникова. Капиталы накоплялись при бесперебойной работе, и накапливались быстро.

Последствие таких явлений — рядом с наживной опих шла обеднение сельского и инородческого сословия. «Видно, что Сибирь, как страна, заключает в себе золотое дно, — писал Словцов, — но как часть государства представляла ничтожную и беззаслуженную область. Посадский, поселянин, промышленник или торгош — туземный и инородец трудился, но трудился как наемник. Sic vos pop vobis edificatis, fabricatis и подобные приемы виртуозов очень приличествуют тогдашней Сибири» (Истор. обзор. Сиб. Ч. I. Стр. 267).

Различные формы монополии, казаны и торговых злоупотреблений, давая себя повсюду чувствовать, не раз вызывали вмешательство самого правительства, а также меры, стремившиеся к ограничению их.

Как в прошлом, так и нынешнем столетии мы встречаем борьбу администрации на сибирской почве с различными злоупотреблениями и сопротивлением к преобладанию монополий. Ранее правительство ограничивало промышленников и простирало свое вмешательство с одними фискальными целями, так, оно запретило промышленникам и торговцам обирать соболя прежде сбора ясака, чтобы не было убытку государственной казне, но впоследствии это вмешательство и ограничения потребовались уже в ограждение завоеванного инородческого населения от бесцеремонного грабежа и эксплуатации промышленных людей, кинувшихся спланивать, забавлять население и создавать рабство в Сибири. Только благодаря усиленным и законодательному вмешательству не развилось это рабство, как в Америке, и было прекращено покушение создать его в Сибири. Так, известны многие указы против закабаления инородцев, а именно: указы Петра 29 июня 1726 года, 1741 г., 1748 г. В половине XVIII столетия однако, рабская тенденция воскресла и

укреплять, найдя опору в крепостническом духе, перенесенном из России. Купцы сибирские просили, чтобы им дозволили иметь крепостных, вида готовый элемент для этого и инородцах. Но дух Екатерининского законодательства был уже против этого. Тогда появились в Сибири неслепальная кабыла и захват инородцев. В 1808 г. Высочайшим указом 23 мая был нанесен новый удар невольничеству в Сибири. Но, несмотря на то, еще в 1825 г. в Омске сибирские рабовладельцы в числе 31 человека избрали поверенного, чиновника Яковлева, для подачи просьбы на высочайшее имя, упомянул о «произвольных», по их мнению, «действительных присутственных мест по отбору невольников». Но приверженство указам 8 октября 1825 г. и 30 января 1826 г. окончательно прекратило эти рабовладельческие покушения и назначило срок освобождению всех инородческих невольников. Однако законодательная власть, пренебрегая врожденные ей общественные элементы в виде рабовладельчества и кабыла, пробоявшейся утвердиться на легальных основаниях, не могла изгладить покушений и инстинктов русского, и особенно торгового населения к закабалению инородца под всякою другою формою. Мы видим у нравительства по мере замирения Сибири точно так же постепенное стремление упрочить управление инородцев, устроить позитивную систему и по максимуму ограничить их от торговой эксплуатации и резервации. Это произошло различными мерами: к первым мерам относится *умеренный ясак* по окладу 1763 г., оказавшийся, однако, с повинностями и благодаря тогдашним злоупотреблениям неслепким; работы ясачной комиссии Сперанского, пробывавшей установить управление инородцев; посылка двух ясачных комиссий при императоре Николае I для устройства инородцев и исправления недостатков уложения Сперанского, сложение недоимок с инородцев, накопившихся по 1 января 1832 года. Рядом с этим правительство не могло не обратить внимания на ту эксплуатацию, которую создавали по отношению к инородцу русские. Чтобы обеспечить инородцев от частной эксплуатации, казна пыталась сама брать на себя продовольствие их, но это не удалось. Вымирание и голод инородцев, происходившие до Сперанского, заставили предпринять систему казенного продовольствия хлебом, но она была в первое время в самом дурном состоянии. Сперанский обратил на это внимание и усилил объемы и средства казенного продовольствия — организована была продажа в долг. Но едва сибирское уложение успело войти в

Нормативен документ 199

199

Ведро продавали им иногда за 40 р. Но достаточно было и одной бутылки, чтобы у пильного отобрать всех соболей. Вино строго запрещалось продавать сыздавна, но это не помогало, и торговцы контрабандно всегда торговали им, торгуют им купцы и чиновники. Инородцам, кроме того, страстно любят мухомор, заменяющий вотку «Чрезмерное употребление мухомора, говорят, бывает часто причиною смерти, но торговля мухомором в Английске, например, укоренилась давно для чужек а в 1866 г. извещали — она находилась в руках русского купца К...» (Сибир. вестн. 1866 г., № 13).

Злоупотребления торговли продолжают и до сих пор. Все меры правительства к ограждению инородцев, как оказывается, не достигали цели, но рядом с этим мы видим все-таки постепенные усилия ограничить явные беззакония. Меры ограждения и покровительства инородцев доселе не имели, однако, ни постоянства, ни последовательности и впадали в беспрестанные ошибки. Чтобы прекратить грабь и притеснения купцов, правительство предписывало местной администрации взять на себя продовольствие инородцев в отдаленных местах, но это приводило только к тому, что чиновники брали на себя торговлю и злоупотребляли властью и за себя, и за купцов.

Как по отношению к инородцам, так и во всей своей промышленной деятельности на Востоке местное торговое сословие, как мы видим, следовало своим, особым путем к жизни и обогащения. История показывает нам, что постоянными целями, к которым оно стремилось, была монополия. Тенденцию к этой монополии мы указали коренящуюся давно в истории Сибири. До Стержского могущество купцов в Сибири было страшное, купцы хотели монополизировать все. В начале нынешнего столетия откупщик Переложников изьял на откуп половину России и всю Сибирь. Полуянов, тобольский купец, был в связи с ним и иркутскими купцами, которые все стремились к стачке, то есть к тому, чтобы ввести свой торг и монополию, устранив других. Старались ограничить торг мешан, убить мешанство — подавленное его состояние замечать и думать, налагали пошлины, с целью запретить торговлю крестьян, иконовцев, в 1810 г. в Иркутске монополизирована была даже продажа торговли в городе тремя купцами. Контракт начинался так: «*Наше, кроме нас и тех, кому собственноручно от нас будет дано свое позволение, не должно торговать мясом в городе*» (Изв. сиб. отдела Географ. Общ.).

Наконец, борьба монополистов с администрацией разгоралась при Трескине. Борьба и раздражение против трескинских вре-мени во многом объясняется этими мотивами. Некоторые думают, что в это время купечество стремилось управлять общественными делами и добивалось власти, что на отдаленном Востоке зарождался древний Новгород. Но это едва ли так; факты говорят, что это вовсе не было стремление к правильному самоуправлению, а было стремление к монополии. Точно так же и, наоборот, напрасно видеть в борьбе Трескина с купечеством уничтожение монополии. Трескин сам хотел монополизировать мех в пользу своею и подчиненных, на этом основании он имел стачки и с купцами, как показало следствие Сперанского. Словом, это была обыкновенная игра в сибирской истории, где купечество жаловалось на произвол не из-за произвола, хотя он и был, а из стремления к монополии; старая администрация выказывала злоупотребления купцов не для искоренения монополии, а затем, чтобы завладеть ей самой. Наконец прибыл в Сибирь Сперанский: из материалов о ревизии его видно, что он открывал также на пути повсюду злоупотребления частной наживы. Ленское и киренское население жаловалось не на одних исправников, а также и на самодурство купцов. Киренские купцы считали за крестьянами огромные долги, заложивши раи, жилили делаться неплатящими должниками. Купцы великодушно с них внакидывали долги, раздвигали по деревням (без протоков, нолью, бес-совестно обмалывали крестьян в своих обязательствах, притесняли и обманывали инородцев и проч. (Шанов. Сибирское общество. Изв. сиб. отд. Геогр. Общ.). Так было почти везде в Сибири. В книге г. Вагина о времени Сперанского мы видим, что раскритые злоупотреблений в Нарымском крае показало, что торговля здесь была также монополизирована. В Тулпе притеснялись буряты купцом Белозеровым (стр. 99). Из дел Тельшинской фабрики оказывались стачки чиновников с купцами (стр. 100). Ревизия Сперанского в Киренске показала монополию торговли вином (стр. 103). В Томске купцы стесняли крестьян и наложжи на них сами пошлину за торговлю сельскими произведениями (стр. 154). Даже епископ Михаил протесствовал против странной монополии и злоупотреблений купечества (стр. 38, 39. Вагин. Ч. I). В Сибири образовывалась капиталистическая олигархия, тяготевшая страню на крестьяни. Сперанский застал ее в борьбе с администрацией Трескина. Как ни жаль было сочувственно смотреть на эту борьбу, как на подавление возникшей буржуазии,

каблившейся народ, но мы видим, что тогдашняя сибирская администрация вовсе не считалась подвигать купцов во имя их злоупотреблений, а имела личные мотивы и побуждения. Сперанский взглянул на это, конечно, строго, он ввязался прежде всего искоренить участие чиновничества в монополии и отменить администрацию. Он также отменил ту регламентацию в торговле, которая была предлогом для чиновничьих притеснений, по в то же время и качестве образованного теоретика, последователя учения Адама Смита и примерности особой торговли он снял всякие путы, всякую удачу с торгового сословия и своими законами о невмешательстве дал ему впоследствии усилиться. Сперанский, увидя пеленку казенную монополию, созданную Трескильем, наряду чиновников, естественно, сел на сторону задвинутой торговли, но он не был на стороне и частной монополии. (Меры его см. Свобода хлебной торговли и проч. См. Вагин Ч. I. Стр. 178. Гл. X. Стр. 334, 337, 353, 355). Он отвергал просьбы купцов о монополизировании торга, прямо думая на торговлю и прочее. Он пытался поощрить вообще развитие частной промышленности, поэтому старался покровительствовать купцам, вел знакомство с мещанством Качинским и другими, не поощряя их злоупотреблений. Злоупотребления Качинским считались необнаруженными, они продолжались до решения сенатора Тонстого, даже отвести долее, до Муравьева. Купцы Черныше в Баргузине делали то же. В Якутске даже существовала система грабежа под видом торговли... (Вагин Ч. I. Стр. 586–587). В развитии промышленности и поощрении торговцев Сперанский видел вообще благо края и в устранении опеки для торговцев — «свободу обмена» — «libre échange». Но он не видел другой стороны сибирской жизни. Поэтому, думая покровительствовать свободе торговли, Сперанский не создал особых законов против притеснения монополии. Он устранил только при себе ее личным вмешательством. Но как только уехал, торговцы начали действовать в прежнем направлении. «Мысль Сперанского, — пишет г. Вагин, — осталась неисполненною» (Ч. I. Стр. 355). Мало того, эта свобода была для них поощрением действовать бесконтрольное. Сперанский не подозревал, что под именем «libre échange» сибирские промышленники будут разумеать только свои монополистические и казальные цели. Впоследствии сибирское торговое сословие так урывало к захватыванию инопольта и крестьянина, что стало считать это несомненным своим законным правом и первым правом всякого коммерческого предприятия. Выражением жела-

нии и понятий сибирских купцов в XVIII веке служит просьба их и упоминания, данные депутату Самойлову, отправленному из Енисейска в Екатеринбургскую комиссию. Они уполномочили своего товарища просить «отдать им *в жительство* торговлю в Енисейском и Туруханском краях. Просит *запретить* торговлю иногородним. Просит дать им *монополию* волею сообщения между Иркутском и Енисейском, запретив иркутским купцам сплавлять по Ангаре товары на своих судах. Просит себе монополию *винокурения* и *виноторговли*. Просит об *введении* в Енисейской губернии крепостного права. Просит об *юридическом* приравнивании *кабалы детей нищих*, чтобы за воспитание утвердить их в *халоство*. Наконец, город просит *об вспомоществовании* себе от казны. Впоследствии просьба *монополии* заменилась просьбой *привилегий*. Те же стремления торгового сословия и те же воззрения прошлого столетия отразились в 1855 г. в записке К. о Туруханском крае, Данилова в испрашивании *привилегии* пароходства на Енисейске и в просьбе Лавровского, просившего нелья Туруханский край себе в *аренду*» (Енисейский округ. Кривошапки. Стр. 14).

Из этого видно, что стремление к монополии шло издавна и сохраняется до последнего времени. Кабала сталаась спутником сибирской жизни и промышленности, составила подкладку ее и отразилась в различных промыслах. Так, между прочим, кабальные условия труда вошли целиком в золото-промышленность: задатки, выдаваемые рабочим, одежда и продовольствие, засчитываемые работой, не что иное, как тоже старинная форма эксплуатации и прежних договоров. В золотопромышленных контрактах были даже такие права, по которым хозяин мог перепродавать рабочих на другой прииск, и в этом отражается явление торговли людьми. Контракты золотопромышленных рабочих носили до последнего времени самые сесительные условия. Наконец, здесь существовало множество злоупотреблений. «В отношении к рабочим, — говорит автор одной статьи о золотопромышленности, — злоупотребления совершаются при найме, при продовольствии, при снабжении необходимыми вещами за дорогую цену, несмотря на дурное качество, при удовлетворении прихотей и потворстве дурным наклонностям (например, пьянству) за цесоразмерную цену, при малой заботливости о санитарных условиях и при отсутствии всяких мер касательно обеспечения будущности рабочих.

Золотопромышленники жалуются большей частью и на администрацию, и на рабочих, но положительно свидетельствуется всеми близко знакомыми с делом, что без злоупотребления администрации и без эксплуатации рабочих, наконец, без вреда местному населению и казне золотопромышленники не могли бы получать огромных выходов, какие получаются, по крайней мере, крупными из них» (О золотопромышленниках в Сибири. «Московский ведом.» 1875 г., № 70).

Исключительные условия золотопромышленного труда и их монополичный характер давно обращают на себя внимание. Замечательно, что подобные же условия пробуют возникнуть и в Сибири и в едва начинающейся заводской промышленности, по крайней мере этому представляются следующие недавно опубликованные факты. В одной из томенских фабрик условием найма ставилось пользование продуктами от фабрики исключительно из его лавки, хотя фабрика находилась около города; здесь существовали лавочки и зачеты вперед, снабжение нанимаемых дурной провизией и затхой мукой, отчего начали развиваться болезни, практиковались обезглавливания, масса злоупотреблений и бесправий, свойственных только пражскому быту (Курьер, С.-Петербург вест о фабрике Ядринникова в Тюмени). Сибирская промышленность, таким образом, является как бы несмыслимой без кредита, штрафов и закабаления. Из этого видно, что обычки старого быта пробуют просачиваться и под формами нового промышленного склада. Самые промышленные изобретения формируются на Востоке совершенно своеобразно. В виде поощрения промышленности в Сибири принято просить только монополий и привилегий. Когда промышленники начали говорить о поощрении золотопромышленности для края, то они наумели вместо отдачи работого в них полную власть, мало того, они требовали, чтобы их предприятиям постоянно помогала администрация, так они вытребовали присутствие на приисках казаков, содействие администрации и сельских обществ в доставке рабочих и поимке беглых. Дурное содержание на приисках естественно вызвало или бегства, и предупреждение этого составляет до сих пор предмет искательства и хлопот золотопромышленников. Эти предупреждения являются не в виде улучшения быта, а в виде желания прикреплять рабочих и возвращать его с помощью власти.

Подобные требования местных монополистов-хозяев считаются ныне обременительными для самой администрации и

ставят власть в бесчисленные затруднения. Наиболее честные представители администрации, всмотревшись в условия этих отношений, почти своим долгом взять сторону не монополистов и эксплуататоров, а эксплуатируемых, как людей, нуждающихся в Бессалитном положении. Таково было отношение генерал-губернатора Восточной Сибири Стеньяникова. Узнав о том беспорядки и притеснения, какие практикуются золотопромышленниками в сибирской тайге шлами от надзора, он делал попытки облегчить положение рабочих, обеспечить им их заработок, который весьма искусно вытаскивается обратно при помощи волаки и товара, а также при расчете. Для предотвращения партий рабочих посылались особые доверенные лица, а заработок рабочих предлагалось отдавать на хранение. Такими мерами генерал-губернатор желал хоть сколько-нибудь сохранить трудовые деньги людей, работающих целое лето, сохранить от соблазнов и сетей, расставляемых им золотопромышленниками и кабатчиками в то время, когда семьи этих тружеников голодали по деревням и ждали возвращения отцов и братьев с заработком, большею частью, к несчастью, доселе явившихся обобранными хозяевами.

Принимая во внимание все эти явления, исследователи местной экономической жизни не могли не останавливаться на подобном характере деятельности местных экономистов и смотреть на него как на экономическое и гражданское зло. Один из исследователей, обрисовывая их значение в крае, сообщает, что сила, значение и смелость подобных эксплуататоров и монополистов растет по часам и достигает огромных размеров. «Действуя с бесцеремонностью, этот класс людей простирает претезии на все: на землю, леса, воды Сибири и недра земли. Он стремится захватить и эксплуатировать все, устанавливает свои цены на хлеб, мясо, волку, соль и старается захватить себе весь рынок. Бель города в Сибири, которые находятся почти в крепостной зависимости у подобного эксплуататора и кулака».

Весьма характерными примерами приводятся следующие факты из местной жизни. Зная, что железю привозилось с Урала, один промышленник в Восточной Сибири построил завод и конкурентней вытеснил привозное железо. Подобное предприятие было бы, конечно, выгодно для края и населения. Но если уральское железо было вытеснено, монополист разом поднял цену вдвое. Второй случай: тот же эксплуататор на винокурни-

ном заводе предложил окрестным крестьянам брить барду по 15 коп. бочка, рассчитывая ею за полевные работы или за землю. Когда скот привез к барде, цену понизил разом на 60 коп., и стали давать только тем, кто обещал работать на заводе. У крестьян, отказавшихся от покупки барды, начал пасть скот, и кончилось тем, что пять деревень закабалдились этому предпринимателю. Из этого видно, что даже местная заводская промышленность далеко не послужит с пользой для края, если будет управляема подобными монополистами. Такая натная нажива и хищничество практикуется без всякой застенчивости. Подобный класс монополистов и спекулянтов является ныне силой давят на общество, кабалит массу людей, руководит общественными делами, преследует личные цели, зажимает ушастей, рисуетя благотворителями, а в последнее время — и просвещенными интеллигентами, но на деле преследует цели монополии и грубейшего бесправия и наживы. Нет сомнения, что указанный класс хищников не мог не возбудить отвращения и негодования, точно так же, как возрастанис и усиление его не может быть признано как благоприятное явление в будущей гражданской жизни восточной окраины.

Рассматривая причины ненормальных экономических явлений на Востоке, мы приходим к заключению, что они лежат в историческом прошлом края и в особых условиях, созданных его исключительностью, отдаленностью, гнепдством произвола, отсутствием законности, наконец, коренившихся в торговой зависимости края, культурной отсталости и отсутствии собственной промышленности. Прежде всего мы видим общую эксплуатацию области ее мануфактурным рынком, а затем эксплуатацию внутреннему посредниками чертолами и монополистами. Таким образом, это не столько явление местной безразветвенности и особого характера сибиряков, как предполагали некоторые, сколько явление чисто экономического порядка, сообразно чему должны быть изыскиваемы средства помочь ему.

Само собою, что наш Восток не должен остаться чуждою странною монополией, мироедства и купечества, точно так же, как не может ему быть суждена вечно одна торговая зависимость. Чтобы избавиться от нее, страна должна позаботиться о развитии своего хозяйства и промышленных производств, начиная с ремесленных и кустарных. Но, утрачив инешнюю монополию и кабаду, она, конечно, должна

будет обратиться и к внутреннему устройству жизни. Злоупотребление и кабала, как мы видим, во многом подерживает на Востоке бесправие и отсутствие законности. Исключение новых судей, широкая гласность, покровительство инородцу и гражданское подношение на Востоке — вот лекарства от грубых захватов и злоупотреблений, но, кроме того, конечно, потребуются и некоторые экономические средства предупреждения монополии и кабалы.

Очень немудрено, что в будущем в жизни Сибири придется еще считаться с притязаниями монополистов и мироедов, как и со старой традицией наживы, если не явится на помощь населению разумные силы общества и сознание зловредных путей экономического развития, гражданская доблесть и более нравственные основы общечеловеческой связи и солидарности интересов всего населения.

Общие условия цивилизации не могут не повлиять на местный строй жизни на Востоке и, конечно, установят более нравственные и мерализующие общечеловеческие отношения. Во всяком случае, трудно предположить, чтобы дальнейшая жизнь населения не могла быть гарантирована от известнейших экономических злоупотреблений, созидаемых правительством и обществом, и не было никаких путей более злого развития. Мы видим, что наш Восток далеко не обделен природою при общей гармонии интересов и плодотворном направлении труда — он может рассчитывать на завидную будущность. Сила и богатство его будут развиваться обильно дарою и производительности, географические условия указывают ему известную роль в мировой торговле, и от него будет зависеть при помощи развития своих внутренних сил и искусства занять первенствующее и царящее положение в экономической жизни народов на сфере Азии.

Управление Сибирью и реформа Сперанского*

IX.

Запутанная в деле управления Сибирью за отдачностью края. — Эпоха отцовского управления, ее недостатки. — Введенский период и злоупотребления. — Петровский период. — Реформа в Сибири. — Правы чиновничества. — Пестель и Трескин в Сибири. — Борьба с герцогами обществами. — Сибирский банк. — Пленение Сперанского, его реформа, открытие каменноугольных. — Вклад Сперанского на управление Сибирью. — Законодательные работы. — Сибирские учреждения 1822 г. — Деятельность и недостатки управления. — Исключение Успенский практики сибирских учреждений. — Новые административные проекты. — Сперанские задачи управления.

Управление Сибирью было сопряжено всегда с громадными затруднениями, так как она представляла собою завоеванный край, в котором приходилось удерживать новонаприобретенные земли, усмирять инородцев, вести дипломатические сношения с азиатскими странами, заводить торговлю, отыскивать промыслы, колонизировать страну и обеспечить ей продолжение. К этому еще присоединялась чрезвычайная отдаленность Сибири от Москвы и Петербурга на целые тысячи верст, а следовательно — и от притязательного надзора. В этом и состояла всегда «особенность управления» этим краем. С одной стороны, свойство деятельности в крае вызвало особые полномочия, быструю распорядительность и обозрение дел на месте, с другой — отдаленность края требовала особенного контроля и надзора за правителями, так как в этом крае всего легче могли развиться злоупотребления, произвол и самовластие. В преобладании того или другого из этих начал, в борьбе их и трудности совмещать обе эти задачи заключается вся история сибирского управления и до Сперанского, и после него.

В древнее время посылались сюда воеводы, обремененные громадною властью, им предоставлялось неограниченно завла-

* Большая часть настоящей главы была помещена особой статьей в «Вестнике Европы», 1875 г.

вать всеми частями управления: войском, судом, сбором даяка, ссыльными⁶; кроме того, им поручались промышленные казенные монополии: торговля мехами, вином, табаком, речнем, мамонтовой костью и проч. Сначала правительство во взгляде на Сибирь руководствовалось заведомыми соображениями, потом — фискальными. Управление являлось совершенно усмотренно воевод: «Делати по тамошнему делу и по своему взымоту, как пригоже и как Бог вразумит», — говоривалось в инструкциях. Воеводы определялись почти в каждый из городов. Причем воеводы тобольские члывались, иногда сибирскими, они не были подчинены друг другу и не имели между собою никакой связи на месте, сплосся с «Сибирским приказом» непосредственно. Воеводы переменились очень часто, «независимо от смены отдельных воевод вследствие открывавшихся злоупотреблений по челобитным и доносам товарней или дяков, были еще общие раскрасования воевод, применялись с возвращением нового государа или при иных обстоятельствах, — пишет г. Фойницкий, изучавший сибирские дела этого времени. — Кажется, это было сознательной мерой политики, направленной к тому, чтобы воеводы долго не зааживались и не делались слишком смелыми в злоупотреблении» (Управление ссылками И. Я. Фойницкий). Полная перемена воевод повторилась в 1629-м, в 1635 г. и позднее. Другая мера обеспечения власти против чрезмерного усиления и неправильных действий воевод состояла в назначении им помощников, юраришей и дяков. Несмотря на то, что они могли доносить на воеводу, дела не улучшились и соревнования воевод вело только к интригам, те устраняя произвола и беззаконий. В первое же время бесконтрольность воевод породила такие злоупотребления, что высшее московское правительство должно было начать борьбу с ними. Чтобы предупредить злоупотребления воевод, им запрещалось иметь мехов и имущества более, чем необходимо; по возвращении их из Сибири их обыскивали с женами, детьми и домашними; но столь ничиные меры, конечно, не помогали хлу. Воеводы неживались, да и на самое назначение они смотрели как на ножи. Сами наджива и хлщничество считались совершенно законными, естественным в новозавоенном крае и выработались постепенно историей и жизнью этой страны. Военный побор и контрибуции постепенно переходили во взятку при гражданском управлении; «попото» переходил в кабалу и

* Полн. собр. закон. № 561.

рабство и народа с татарины переносилось на русское; военачальническая власть со всеми привилегиями оставалась и при гражданском управлении, резкой черты между ними не было; абсолютное повиновение, требуемое завоевателем, переносилось и на колониста; промышленная монополия в пользу правительств возбуждала дух той же промышленной наживы и в воеводах; эксплуатация всякого рода практиковалась как частными лицами, так и вельждами. Взгляд на край, как на место наживы, был твердо усвоен сверху донизу. Страна эта не имела и тени гражданского самоуправления и потому вплоть до настоящего столетия славилась громадным взыточничеством. Строгие указы против рабителей посылались сюда постоянно, воевод часто сменили, отдавали под суд, иногда даже били кнутом, но все это не помогало делу. Разные «конфузии» и беспорядки в Сибири не прекращались, и от подлейших управителей обыватели терпели по-прежнему «несносное разорение». Петровская эпоха представляет дезорганизацию прежних учреждений и замену их новыми³⁵. «В течение почти всего XVIII ст. ведение судбами Сибири представляло пеструю и постоянно изменяющуюся картину. Сибирский приказ с подчинением сенату утратил всякое значение. Со своей стороны сенат, обремененный массово дел, не мог иметь времени для разрешения текущих вопросов сибирского управления. Множество самостоятельных нейтральных ведомств, друг от друга не зависимых, решавших сибирские дела, породили разрозненность и спутанность в управлении. Власть, потеряв единство, не нашла гармонии и в Сибири. Вначале местное управление раздвоилось: подле тобольского губернатора явился независимый от него иркутский вице-губернатор. В 1764 г. Сибирь разделяется окончательно на два губернаторства. «Введение губернского управления умножило в Сибири число инстанций, увеличило переписку, а с нею — деловую проволочку и преследование канцелярий, открывавшие широкую дверь спекулятивному и злоупотреблениям» (Фойнилкин). Общее губернное учреждение в Сибири ведомо было в 1782-м и 1783 г. без всякого соображения с местными особенностями края, прибавляет тот же автор. Оно не дало ни большого единства, ни гарантий от злоупотреблений. Сибирь разделилась на три наместничества, в которых учреждено два генерал-губернаторства: тобольское и иркутское. Во всех наместничествах общее учреждение было введено на всем его пространстве, со всеми верхними и нижними расправами, налвор-

ными судами, соседними судами и проч. Граншцы уездов были назначены без соображений с местными условиями, и во многих пустынях появились полные уездные штаты. Число инстанций умножилось, но и медленность увеличилась. В 1797 г. генерал-губернаторства были упразднены, упразднено и Кольчанское наместничество, в части которого — Алтайском горном округе — взамен учреждено горное управление, независимое от гражданского пачальства. Тобольское и Иркутское наместничества были переименованы в губернии, но в Иркутскую губернию назначен военный губернатор с гражданской властью. Для сокращения производства все средние места закрыты и совестные суды также уничтожены. Таким образом, шла беспрестанная административная планировка. Смена наместничеств, генерал-губернаторств и проч. задачи управления не разрешала. «Отсутствие всякого надзора в центре, разрозненность власти на месте были характеристическими чертами этой эпохи, — говорит исследователь. — Злоупотребления служилых людей не только не унимались, а продолжались с большою силою». Власть воевод всецело переходит к наместникам и генерал-губернаторам, при этом она является настолько же обширна и бесконтрольна. Отсюда те же последствия — произвол, самовластие и развитие злоупотреблений.

Начиная с Петра I, наказания правителей усилились: их ссылали на каторгу, им вырывали языки, били кнутом, рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что до мозга костей проникло в нравы. Взяточничество и после петровской реформы осталось таким же, какты было и до нее. «Крестьянам, — писал де Геннин²⁹ Петру, — белым разорение от судей, и в городах от земских управителей, и в слободах зело тягостно и без охранения, а купечество же и весьма разорилось, так что едва посадского капиталиста сыскать можно. И хотя здесь всем известен *экземпль*, учиненный князю Гагарину (то есть казнь его за вятки), однако здесь, в Сибири, не унимаются бездельники. От земских комиссаров лишше сборы чинят и обиды народу. Судебные комиссары делают великие пакости и неправды. И хотя челобитные и донесения на них от белых людей есть, но никакого розыска и решения не чинится, и на кого быт челом, те по воле ходят, и знаемо (то есть известно), что таким ворах потячки от надворных судей. Также об учиненных обидях от солдат рассмотрен и резолюций не чинится. А камериры³⁰ своим подчиненным, также надворные суды

и магистрат своим подчиненным потакают». Из этой картины, представленной де Геннином, видно, что взяточничество и побор охватывали в XVIII ст. в Сибири всех лиц, все учреждения, с высшего до низшего, все судебные и административные должности. Брали все, начиная с губернатора и кончая канцеляристом; брали всем, что имел обыватель. Так дело идет в продолжение всего XVIII столетия. Желобков, казначей в 1726 году, «любопытными вымыслами из великих себе выток составил огромное состояние», он брал всем, начиная с золота и драгоценных мехов, кончая мясом и яйцами. Иркутский реинюр Крылов влмучил у иркутских жителей одними деньгами до ста пятидесяти пяти тысяч рублей. Развитие злоупотреблений являлось следствием настолько же громадной власти, сосредоточенной в одних руках, насколько и полной бесконтрольности. Правители, пока жили в Сибири, не боялись ничего и ничего. Часто они не обращали внимания на царские указы и действовали наперекор им. Так, какой-то воевода Васильевский не только «дворов и пашен, и сенных тохазон охотникам согласно царскому указу не дал, но и посылатился, с которым была послана царская грамота, убил и изувечил». Власть над личностью и имуществом при таком порядке была полна. Воеводы и губернаторы в XVIII столетии отличались железным управлением. Телесные наказания, кнуты, темницы и пытки, «огонь и железо» были орудиями этого управления. Прямые казни, конфискации имущества, заключение и казни личностей, имущество которых хотел приобрести воевода были в полном ходу. Нигде самовластие не достигало таких размеров, нигде правители не являлись такими всемогущими, как в Сибири в прошлом столетии. Они окружали себя царскими почестями и пользовались неограниченной властью. Уже воевода задала пир на весь мир, и кто к ним не являлся на торжество, должен был доставлять приношение. Генерал-губернатор Гагарин употребил свою власть в Сибири, чтобы скопить огромное состояние; он украсил дом свой как дворец, на потолке у него был асфальт с дорогими рыбами, лошади подковывались золотом и серебром. Наместники еще более кичились властью, и в 1782 г., когда Кошкин открывал наместничество, он стоял на императорском троне и принимал поклонение от всех сибирских народностей. При нем также задалась пирина для народа с жареными быками. Дворы губернаторские были набиты чевдапшинами. У Чичерина было 150 гайдуков; Ясоби привез с собою 40 человек

одних музыкантов. Немцов завел лейб-стражу под названием «глухой команды». В Иркутске один губернатор из подражания архиепископу, которому заиграла, приказал при своем выезде стрелять из пушек. Главный начальник нерчинских заводов Нарышкин устраивал пиры, разбрасывал казенные деньги, составил себе лейб-стражу из крестьян и каторжников, из бурят сбирчивал *красный суворовский полк* и брал винные торжки. Следом, сибирские управители стремились постоянно к «вицереферству»¹¹, их охватывало упоенное востанье, и они желали выкатить себя безответственными и вполне независимыми. Генерал-губернатор Гаццария даже подозревал, что он хотел отделить Сибирь и сделать независимым. Другие правители не уступали ему в пышности и гордости. Стремление к вицереферству отзывалось и далеко почитнее в сибирской истории: оно вошло в привычку правителей. Сибирские правители, привыкая распоряжаться независимо, часто даже сами начинали убеждаться, что они никому не обязаны отчетом, и не признавали являвшихся на смену личностей. Отдавшись провинция поэтому не раз попергалась вширь. На смену взошел Жолобов, например, в 1733 г. явился новый губернатор Сатин, но по приезде он захворал и вскоре умер, поручив исполнение своей должности полковнику Бухольцу. Но Бухольц, не зная предостережения свыше, не смел ехать в Иркутск. Жолобов также не признавал своей смены. Тогда в Иркутске составилось временное правительство из полковника Татаринова, атамана Лисовского и откопца Иваницы. Члены этого временного правительства убедили иркутское общество просить сибирскую канцелярию назначить губернатором *маленького сына Сатина*, под опекою полковника Бухольца. Но Жолобов путем интриг, упрости бургомистра и купцов подать голос за него, снова добился исправления должности. Получив указ опять о назначении, он обрушился местью на подьячю Татаринова и всех, кого считал врагами, в том числе Литвищеня. Он ставил их на пырьж¹², бил палками и истязал. Покояничини с одним, Жолобов принимался за других. Наконец, приехал следователь, бригадир Сухарев, и помогли концы этим тонениям. Для обуздания Жолобова и гонимых им лиц Сухареву дана была целая рота солдат. Подобно Жолобову и многих других правителей приходилось сменять только сиюю; точно так же только при помощи военной команды могли сменить следователя Крылова; сменяли также же путем и других чиновников. Из этого уже видно, как разра-

стала власть сибирских правителей. Нечего говорить, что перед такою силою все должно было преклониться, все трепетало. В случае сопротивления, при мажорских жалобах и оппозиции, на жителей обрушался террор правителей, каким ознаменовали себя Жолобов, Крылов и другие. Не только пытки и кнуты были в употреблении, но прежние правители нередко применяли и смертную казнь.

В этот древний период единственным обузданием местных начальников для правительства служила их строгая кара. Но как их ни подвергали ответственности, как часто ни сменяли, положение дел не изменялось. Являлись изрядка ревизоры для обследования дел на месте, но, подобно Крылову, посланному при Екатерине, преследуя предшественников, они сами доходили до пепелища своего и сами начинали обирать жителей, пользуясь предоставленною им силою. Словом, каковая власть, каковая только не являлась в Сибирь, немедленно же в силу особых обстоятельств преобразовывалась, усваивала самовластие и предавалась наживе.

Мы уже указали, что причины этого крылись не в отдельных личностях, но в том положении, каковое предоставлялось правителям в этой отдаленной стране. Они незаметно приобретали привычки самовластия издали от контроля, при неоправданных уполномочиях, точно так же, как развитие злоупотреблений, не встречая ниоткуда препятствий, явилось естественным при отдаленности края и при тех искушениях к обогащению, какие представлял край. На это указал впоследствии Кородавлев в записке своей, внесенной в Государственный совет.

Конец и начало нынешнего столетия повторили характер и нравы предшествовавшей эпохи в сибирском управлении. В это время думали уничтожить зло большим доверием главным начальникам и усмирением их власти. Для этого в 1783 г. было открыто в Иркутске нместничество. Первым нместником иркутским и калыванским был генерал-поручик Якоби. «Губерния была разделена на четыре области, и все это чиновникам деспотствовало», — говорит иркутский летописец. Сам Якоби был сатрап-сибарит. «Одно осталось о нем в памяти иркутян: пышно-весело жил». Пол-конца он отдан был под суд и томился под ним десять лет. «Местное население, поласканным, истощенным самовластием и поборами, — говорит г. Вагин, — имело только одно средство — бороться с ними жалобами и доно-

сами». В прошлое столетие жалоба и донос наказывались весьма жестоко, тем не менее видим, как во время террора Жолобова и Крылова жители и подсудимые выкрикивали «слово и дело», чтобы как-нибудь добиться правосудия; тогда подсудимого заковывали, под строжайшим присмотром отсылали в Москву или в Петербург, где вновь ставили па правах, причем он должен был объявить, о чем знал. Иногда успевали подсудимые разъяснить, что делается в Сибири, и приносили свои жалобы, и тогда-то вот посылались рескрипты, как при Жолобове. В конце прошлого столетия общество стало смелее в жалобах и доносах по поводу злоупотреблений. Вероятно, этому способствовало уничтожение «тайной канцелярии». Но поверка доносов была затруднительна, обвиняемые всегда тахилили умозрительно средства оправдаться. Действительно, управители Сибири долго и много отписывались, пока совершенно не запутывали дела. Пример можно было видеть на деле Якоби. По этому поводу Екатерина написала на нем: «Читано перед нами несколько тысяч листов под пачанием сибирского якобиевского дела, из коего мы иного ничего не усмотрели, кроме ибсады, сплетей и клеуз». Этими словами, было положено позорение на сибиряков, позорение совершенно не оправдавшееся, которое послужило к дальнейшим непорозумениям. «Слова эти были клеветам на сибиряков, — говорит Иркутский летописец, — за которое они впоследствии дорого поплатились. Горе отдаленной провинции, — прибавляет он, — ежели правительство поставит между ей и собою опиги предубеждения». Тем не менее к правителям Сибири правительство начинало быть бангильнее. Так, Нател при Павле I был привезен из Иркутска с фельдлетерем для личного объяснения с государем по поводу какого-то доноса и спова возвращен, когда имп. Павел вспомнил, что его знал в каком-то полку. В это время смена правителей делается только чаще. Так, после Штрацмаца был в Иркутске Лешаю, гордый, надменпый и сухой, как говорит о нем летописец. Лешаю этот не подадет с комиссариятским начальником Новицким и вызвал жалобы иркутских жителей, увлеклись разведением отгородов, обвинившем города березкам и проч., чем типотились жители. На ревизию прибыл немедленно сенатор Сеидифонтов. Он сошелся с Новицким и представил Иркутскую губернию «в таком бедственном положении, что на нее без слез взглянуть невозможно». Лешаю был удален немедленно от должности, а Сеидифонтову приказано от правительства представить, какими

мерами думает он исправить положение в Сибири. Его мнение состояло в том, чтобы Сибирь разделить на три губернии и соединить ее под управление одного генерал-губернатора, облеченного *особенною высочайшею доверенностью*. Таким образом, Селифонтов вновь проектировал одно усиление власти. Остался вопрос: кого облечь властью. Назначили Селифонтова. При этом дана была ему особая инструкция для управления, существовавшая 20 лет вплоть до назначения Сперанского. Сибирские правители в это время усневают склонить притворство к мнению, что все беспорядки в Сибири происходят от ябеды и клевет местных жителей, а не от неистовств администрации. Селифонтову говорится в инструкции, что «по духу ябеды, издана замеченному между сибирскими жителями», тех, которые имеют беспокойный характер и могут влиянием своим на общество препятствовать благим мерам правительства, сослать в отдаленные места. Это послужило для сибирских губернаторов правом карать чепухой. Спираясь на это право впоследствии, Трескин и Пестель раздружили свою строгую систему. Селифонтов сочувствовал беззастенчивой Иркутской губернии, как видно, только до тех пор, пока не въехал в Сибирь. Облеченный громадною властью, он явился «как вице-рой», — говорит летописец, — все пало ниц и безмолствовало». Селифонтов оставил жену в Тобольске, а в Иркутск привез свою наперсницу малом Бойе; она остановилась в генерал-губернаторском доме. «Сейчас, — говорит тот же летописец, — догадаться, через кого надобно *обдывать дела* и обдывали». При Селифонтове управляли, таким образом, мадам Бойе и секретарь Бакулин, который, разделив Сибирь на комендантств, провозглашал их управителями, кто бывшие даят. Попробовали явиться пружине. При Селифонтове проезжал посольство Голямина. Губернатор Корнилов, между тем, не ладил с Селифонтовым, как Новицкий с Лещиано, он передал положение дел Голямину. Дошло дело до Петербурга, и указом был сменен Селифонтов с запрещением въезжать в столицу. Так кончилось его видерождение. После Селифонтова назначается Пестель³¹ и привозит с собою Трескина. В эту эпоху мы видим, что сами смены управителей и обличение злоупотреблений, не прекращавшихся, в Сибири являются только орудием для чиновничьих интриг. Доносы и обличения сыпались из Сибири, но каждый обличал предшествовавший порядок с тем, чтобы сесть на место предшественника и, забрав власть, подражать ему и делать то же. Таким

образом, самый беспорядок в России служит поводом играть в места для сибирских чиновников. Смена генерал-губернаторов не помогла делу, а усиление их власти и доверие становились только средством для них разделить отдаленную провинцию между своими любимцами. Управление Пестелем послужило завершением всего предшествовавшего и последней попыткой приложить способ управления самовластия и подавления.

Пестель, понимая ошибки своих предшественников, решил первым делом упрочить свою власть в Сибиря и обеспечить ее на долгие. Он управлял Сибирью 14 лет до Сперанского и в это время возвел предшествовавшую систему до крайнего развития, опираясь на все предыдущие упоминания и вытребовал новизны. Пестель решился начать управление не с разоблачения злоупотреблений, как его предшественники, но с уничтожения жалоб и пресечения всякой возможности жаловаться. Тупой и ограниченный по способностям, но злой и самолюбивый, он явился в Иркутск с тем, чтобы вместо приветствия объявить обществу: «При назначении меня генерал-губернатором в Сибирь первая моя бесподаннейшая просьба была, чтобы переманить здесь белые воротники. Я был в Вятке на следствии, и там тоже белые воротники и все наголо ябдуются». И Пестель засмеялся глумливым, злоеющим смехом». (Пояснен. к иркутской лет. в член. 1853 г., кн. 3, стр. 72).

Таким образом, Пестель отнесся с явным нежеланием к обществу и объявил, что будет искать причины зла в нем. По убеждению это был защитник всякого начальнического авторитета: утвердить такой авторитет он поставил свою целью, а общество должно было погрузиться в безмолвное повиновение. В помощники он выбирает расторопного и распорядительного почтамтского чиновника Трескина, без которого не решался ехать в Сибирь. Это был раб и наперстик Пестеля. Пестель ему безусловно перил во все время своего управления, он предоставил ему полную свободу и власть, какую только мог ему передать на основании инструкции; а инструкция эта была всемогуща. Личность Трескина так характеризует г. Вагин: «Это был человек умный и деятельный», до известной степени, конечно, «но его ум и деятельность были не государственного человека, а каштелярского и польшейского чиновника. Они были чуждыми только на мещани и многоопекаемые. Трескин был превосходный исполнитель, как большая часть людей этого рода, он мог быть только хорош в хороших руках. Его предос-

тавили самому себе, облекли высокой властью. В нем вполне развились полудейские замашки, и из него вышел пеньюносный деспот». Как человек, как семьянин Трескин даже был добр, прочее, подобных качеств не чужды самые кровожадные звери, любящие своих детенышей.

В своем управлении Трескин руководствовался вполне собственным усмотрением. «Законов он не исполнял, на министерские приказания не обращал никакого внимания», — сообщают исследования г. Вагина, он позволял себе величайшее самоуправство. Его зажиточных и поклонных Геленитром говорит, что «губернию он считал вотчиною, а себя — помещиком в ней приказчиком или управляющим» — Даже домашний провоз никогда не достигал в России такого развития, как трескинский провоз в Иркутской губернии. Его можно только сравнить с провозом и мелочным вмешательством Аракчеева в военных поселениях». Оставив распоряжение и самоуправство Трескина распоряжаться в Сибирь, Пестель уехал в Петербург и все время пребывал там. Здесь он влиял и направлял по-своему сибирские дела.

14-летнее управление Пестеля в Трескина было ознаменовано крупными злоупотреблениями, которые достаточно выжились благодаря ревности Сперанского и собранным ныне материалам. Выточничество в этот период не только не уменьшилось, но еще лучше организовалось. Пресечение всякой гласности, всяких жалоб превратило его в обыкновенный порядок. «Трескин имел достойных сподвижников, — пишет г. Вагин на основании своих исторических материалов. — Жены и любимцы его бесчинствовали открыто. Агния Фаворина, жена Трескина, была «женщина домовитая», как о ней говорили, и весьма притом нестрогих правил». «К ней отправлялся всякий, кто хотел дать, — пишет иркутский летописец. — Испухивники, комиссары без доступа могли входить в уборную, даже в спальню. Она называла чиновников своими детьми». В самом деле, места под конец все были заняты чиновниками, привезенными Пестелем и Трескиным «из Москвы» (Вагин, С. 11). Сам Трескин пользовался, что при затопке хлеба в каменные моткины чрез комиссаров он имел «зачатый доход». Что касается выточничества его жены, то оно было открытое: «Довольно странно было видеть, — пишет иркутский летописец, — в передней сидящего ласка, фаворита барыни самой, записывающего, кто что принес, и толпу кушеров с кульками, со свертками, шибками¹⁸, с анкерями¹⁹ и тому по-

добилью». Жители Иркутска, имевшие дела, говорили, по словам старожилов: «Вот, Агнесе Федоровне надо поклониться. — Купи мех собольи! Принесут мех, сторуют его за нить, за шесть тысяч, и мех возьмут, и деньги. Другому, третьему — то же. Одино-то мех раз 50 пропавши!» (Рассказ Обохова, приложение к т. I, Стр. 565) Она брада собаками, муфтами, рассказывает другой старожил, взятки давали губернаторше, пропирывая часто в карты. «Она за вязки, — сообщает третий современник, — раздавала места. У нее был подставной Третьяков *Ушак в домашнем дворе был и лавочки, где они продавали, что им надобно*» (Посельский. Прилож. к исслед. Вагина. Т. I. Стр. 582). Агния Федоровна жила в связи с Бельским, секретарем мужа, который упивался не только за Трескина, а и за Пестеля; он был также цыпочник. Кроме того, отличавшийся цыпочничеством, главный доверенный жезлы Трескина, Третьяков, заведатель Геленитром, человек образованный, но в то же время, по словам Корфа, «доносчик и развратник». Г-н Вагин силится смягчить приговор Корфа за ум и образование Геленитрома, но в сущности это был образованный вор. Наконец, прославился Лоскутов, который, неистовствуя, нажил огромные состояния.

Такой порядок должен был прикрывать Трескин, участвуя сам в наряде, как свидетельствуют исторические материалы. Трескину оставалось на выбор — или изменить свою систему, или сойтись со своего попрания, или стереть недовольных с лица земли, и он выбрал последнее. Бельский был правой рукой и злым гением Трескина. «Все бездельники, в бараний рог надобно согнуть», — беспрестанно твердил он губернатору. «И подлинно нули», — говорит современник. Это было тем легче сделать, что, как мы видели, сам Пестель старался запянуть всякий донос и преследовать недовольных. Начало своего управления Пестель ознаменовывает гонениями двух губернаторов, тобольского и томского, Хвостова и Каринцова, за то, что те не соглашались с его мнением, и один папаш, помимо Пестеля, занеску министру внутренние дел об улучшении края. «К преданию их суду были выставлены не эти, а другие доводы, но они были так же внятны и грязны, как и первые» (Истор. исслед. Т. I. Стр. 6). Начальник провиантского депо в Тобольске генерал Куткин о чем-то поспорил с Пестелем, и тот нарочно выхлопотал право себе предавать суду провиантских и комиссариатских чиновников. Тогда он открыл *мнимые* злоупотребления по провиантской части и предал Куткина суду и домашнему аресту, устроив

около дома его гауптвахту. Дом, имение его, фабрики около Тобольска были разорены. Сам он посылал постоянно прошения и ничего не мог добиться. Снял несколько раз предписания освободить Куткина, но Пестель оставал без исполнения сенатские указы. 11 лет Куткин содержался под арестом, разорился, наполнил Сибирь воплями своих прошений и умер под стражею в 1817 г.; жена его умерла от горя, дочь ослепла от слепо открыто гонение. «как на жадю». «Употребляя во зло свое звание сенатора, а потом члена государственного совета, Пестель настоячивым образом требовал самых жестоких наказаний тем лицам, которых преследовал. Страх его к преследованию лохиди до мелочности. Нередко сибирские судные дела переходили в общее собрание сената и в государственный совет, единственно по несогласию Пестеля с решением других сенаторов» (Истор. свед. Стр. 7). «Крайнее самодобие, страсть к произволу, потворство своим любимцам, невозможная мстительность — вот были отличительные черты Пестеля», — говорит материал. Личное бескорыстие Пестеля было поворотную большому сменению. «Не верьте белизны моего предместника», — писал Сперанский.

Но если Пестель мог простирать гонения на лиц сильных и значительных, то в преследовании менее значительных обывателей и подчиненных он переходил все границы. Произвольные действия Трескина на первых же порах вызвали сопротивление иркутского общества. Хозяйственная регламентация жизни и вмешательство Трескина превзошли все ожидания, как ни приучены были сибирские жители ко всякому вмешательству предместественниками Трескина. Трескин вдумал распланировать и перестроить заново Иркутск, который не слывал в это время опртною, и решился провести это дело необыкновенно энергично. Он приказал к такому-то времени все старые дома сломать, а когда хижины не были снесены, то к сломке приступила полиция (Г. I. Стр. 573-574). Он обходил город, заходил к жителям, вмешивался в хозяйство, пробовал кушанья, чинил расправу, ежели что дурно приготовлено (Стр. 573). От преследования, говорят, пиле чая, запрещал в огороде садить табак, насильственно заставлял бурят заниматься земледелием и, наконец, пробовал отвести реку, затопляя суда. В одной из жалоб, поданных на него, говорится: «Господин генерал-губернатор Пестель и губернатор Трескин приказали собирать в полицию в городе кузнецких и мешанских, а по деревням крес-

тынских дочерей под тем предлогом, чтобы отдавать их в замужество за поселенцев, и что одним только отцам, матерям и родственникам известно, чего стоила свобода, сопряженная с бесславием детей их» (Записка Сибирякова. Прилож. к истор. свед. Вагина. Стр. 547). Иркутское общество, приунывшее уже ранее зашить свои жалобы и пытавшееся к обидужению злоупотреблений и неправды в Сибири при Якоби и Лешано, выставило кандидатом в иконы Михаила Ксенофоновича Сибирякова, личность умную и уважаемую в городе. Такой представитель общества не мог быть приятен Трескину; он видел, что общество хочет с ним бороться. Приправившись к прежней посуздности Сибирякова, он предложил выбрать другого, но дума объявляла, что она «делает новые выборы единственно из повиновения распоряжениям начальства». В то же время дума и магистрат отказались исполнить требование назначения купцов при осмотре пушных товаров, оправдав справедливо, что это неуставная повинность. Таковы были официальные причины, которыми было прикрыто неудовольствие Трескина и Пестеля. Но тайные причины состояли в подозрении Сибирякова и Мыльниковца в составлении доноса, досланного в министерство внутренних дел на действия губернского начальства.

Действительно, Трескин и Пестель выставили Сибирякова и Мыльниковца «вредными нарушителями общественного спокойствия» пред высшим начальством. Пестель при этом решился оклеветать общество и указать, что благому его управлению мешает только беззастенчивость и пороки умышленых. «Какое местное начальство может установить порядок общественный там, где разврат и самовольство состояются с законными распоряжениями, — писал он во всеподданнейшем рапорте 1808 г., — где уже меры строгих взысканий тщетно были испытываемы и где дерзость укоренилась в средоточии общественном? Одни только примеры неуспешного строжайшего взыскания с неповинующихся могут подать способы и надежду восстановить по премиям колеблемое развратом спокойствие, которого желают многие, но которое терзается в собственном их расположении к заблуждениям». Пестель просил поэтому подвергнуть общество «чуждителям и примерным козаканиям», Сибирякова же «за явное измущение и проч.» в пример другим, как равно и Мыльниковца, разослать по уездным городам Иркутской губернии. Добившись их ссылки как бы «в наместку над соседними», Трескин доно-

сил, что им vybrаны города, удобные для продолжения коммерческих оборотов, но вместо того им не выдавали даже паспортов, прошения не принимались. Когда родственники Сибирякова хлопотали в Петербурге, Пестель хабро и бойко отписывался, что «иркутское общество только без них может накопиться в спокойствии». Вступился за Сибиряковых Сперанский, бывший тогда в силе, вступился Державин, но Пестель умел представить все по-своему и даже постоянно обижался запросами. Сибиряков так и умер в ссылке.

Установив в глазах правительства свои воззрения на ябедников, Пестель и Трескин уже смелее начали преследовать своих врагов. Мы не имеем возможности подробно излагать все случаи, записанные в материалы, даже в сухом изложении полные самых потрясающих подробностей и напоминающих какую-то мартирологию, да это и не отнесется к нашей цели, имеющей в виду рассмотреть только самую систему местного управления до Сперанского, не останавливаясь на частности. Достаточно сказать, что так же, как в Иркутске, Сибиряков и Мыльников, в Тобольске нарушителем тишины выставлялся купец Полуянов. При Пестеле же был отзван под суд откупщик Переловников, бывший винные откупа в Сибири, которые Трескин предварительно отдал уездным местным откупщикам.

Председатель уголовной палаты Гарновский и прокурор Петров протестовали против неправильного начатия дела, но были удалены от должности. Переловников же принесясья на допросы, его заставляли подписывать показания против себя и, наконец, разорив, сослав в каторжные работы (Ист. свид. Стр. 20-22 и прил.). Такие поступки власти не могли возбуждать в местном населении особого расположения к ней. Кроме того, у Переловникова, Сибирякова и Мыльникова были родственники, знакомые, придерержны. Все это называлось «*мартирей* недовольных», и употреблялись все меры, чтобы уничтожить ее. Из Иркутска были высланы брат Сибирякова в Жиганск и за ним купец Дубровский. Подвергся преследованию купец Киселев, человек умный, смелый и горячий. Не было благовидного повода поступить с ним, как с прочими, поэтому прислали другой способ. Киселева обвинили сумасшедшим и посадили в больницу. Там он пропал без вести. Народная молва обвиняла в этой смерти Третьякова, доверенного и любимца Трескина, который был тогда смотрителем больницы. Гонимая

обрушились даже на людей мелких и незначительных, как, например, на какого-то титулярного советника Петухова; служа в уездном суде, он решил дело не так, как хотел Пестель. Петухов этот протестовал против решения уездного суда, постановленного в угоду губернатору: за это он был отрешен от должности, а когда он подал жалобу на высочайшее имя, — это послужило поводом к ссылке его в Туруханск, потом — в Мезень. Но и здесь преследует его Пестель. Когда он принят был в Мезени на службу, Пестель просит сослать его в Колу, «так как мезенская округа граничит с Тобольской губернией, и потому пребывание Петухова вредно для Сибири». Это была последняя попытка повредить Петухову. Пятилетние преследования потрясли его, несчастный сошел с ума. «Мы сообщили только крупные факты, — говорится в конце материалов г. Вагина, — которые в свое время наделали большого шума, которые заверены и официальными актами, и записками современников, и преданиями. Но сколько личностей, подобных Петухову, страдало и гибло бесследно, не сохранив о себе известий даже в архивной пыли!» Множество чиновников отдавалось под суд по самым ничтожным причинам: один — за неправильную переписку прошений, другой — за продажу чужой телеги, третий — за неприличные проступки, короче, за пьянство. Основною же причиною были подосревки в недоброжелательстве начальству. Трескин держался в этом случае такой тактики: он позволял чиновникам наживу и злоупотребления, но тем самым держал их в руках. При малейшем недовольстве он их унекал. В этом случае прощались язвочки, и всегда назывались донос и невольство.

Вся система Пестеля сложилась, таким образом, к тому, чтобы в Сибири предоставить своему губернатору распоряжаться при помощи огромной власти по своему усмотрению и во избежание жалоб подавлять их на месте, а что доносится в Петербург — самому перехватывать и перерешать. Таким образом Пестель отрезал Сибирь от всякого правосудия. Во время своего управления он устроил строгий наезд за всем, что писалось из Сибири; он оцепил Сибирь таможенными, начал перехватывать письма, тушил прошения и бумаги в присутственных местах, наконец, обрушился на челобитчиков. Благодаря этому долго не доходило ничего до высшего правительства без веденія Пестеля, который всему давал свои объяснения. По словам старожилы С. С. Шуккина, Трескин не мог видеть, чтобы печатали что-нибудь из Иркутска в газетах, особенно о ценах на хлеб, кото-

рые он выставлял по-своему. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь вел переписку с Петербургом, и, заполярники, например, в этом монголизме Игунова, «образованнейшего человека своего времени», как сообщает г.Вагин, его гнали притеснять, отдали под суд, отпустили от должности и запретили въезд в Иркутск. «Ужасными мерами уничтожения непокорных, — говорит современник, выписка которого приведена в материалах, — при неограниченном доверии высшего правительства к представлениям Пестеля или — что все равно — Трескина в Иркутске наконец все части погали если не в формальную, то, по крайней мере, в политическую зависимость от губернатора, не исключая ни военной, ни даже духовной» (Т. I. Стр. 32). Таким образом, рядом с развитием злоупотреблений усиливались и самовластие, и сила Пестеля. Производ и злоупотребления существовали не только в Иркутске, но и в других частях Сибири. Сверхполномочия губернаторов усиливали и подчиненные — так бываает всегда. Енисейский горючий, по словам Корфа, катаясь по городу на чиновниках за то, что они осмелились написать просьбу об его смене. Охотский начальник самовольно удаляет от должности своих чиновников. Третьяков, Геденштром берут пример расправы с Трескина. Лоскутов дошел до такой необузданности и смелости, что высек нижеудинского протоиерея Орлова шельмами. «Но не одни только личные преследования были отличительною чертою сибирского управления за время Пестеля. Управление это представляло поразительный пример самых вопиющих беспорядков и злоупотреблений, привнесенных в систему», — пишет далее г.Вагин. Даже и там, где выражалось стремление к внешнему порядку: чистоте улиц, правильной застройке домов и т.д., даже и там стремление это выражалось действиями, явно противными тем самым законам, которые оно, по-видимому, старалось исполнить. Некоторые отрасли по управлению были крайне запущены. По всей северной окраине Сибири народ в буквальном смысле умирает с голоду. По Иркутской губернии Трескин вел насильственные закупки хлеба и казенную монополию хлебной торговли. Наконец, повинности населения были в высшей степени обременительны. Средством скрывать эти беспорядки служило постоянно представлять отдаленный край в самом цветущем положении и закрывать глаза бюрократическими отчетами, на которых был мастер Трескин. Все прикрывалось самой наглою официальной ложью. Пестель и Трескин обманывали не толь-

ко правительство, но они хотели обмануть и местное население в противянье тому, что последнее видело собственными глазами. Так, например, в 1807 г. Трескин опроверг слух, разнесшийся между жителями, что начальство не выпускает крестьян в город для продажи хлеба, а жителей принуждает закупать хлеб в казенных магазинах. Трескин публикует, что заперенный таких не было, и доносит Пестелю, что слухи эти идут «от известной и оглащенной ябеднической партии». А между тем принудительная закупка хлеба во все время трескинского управления вошла в систему. «Жители Иркутска и окружающих селений очень хорошо знали, знают и потомство, — говорят материалы, — что у Трескина на бумаге делалось одно, а на деле другое».

«Публикации эти имела в виду одну цель: пустить Пестелю пыль в глаза и предупредить доноску на новые злоупотребления» (Т. I. Стр. 34). Трескин искусственно повышал цены на хлеб, звал странный скуп его, монополии, отдал их в руки комиссаров и купцов, выставлял фальшивые цифры о ценах и в то же время доносил об увеличивающейся производительности края и его благосостоянии. Последствием монополий и злоупотреблений по продовольственной части на отдаленных окраинах происходил ужасный недостаток в хлебе, начинался голод. Так, в 1811 г., а потом в 1815—16 годах, в Туруханском крае между инородцами обнаружилось людоедство. Но когда начали доноситься слухи об этом в Петербург, Пестель представлял огромные книги с бюрократическими отчетами и уверял в противном. Массами фальшивых сведений и перестройкой он старался закрыть правительству глаза. Точно так же он отбивался и от всех жалоб, называя их клеветой и доносом. «Но если и был кто самым вредным и опасным доносчиком, — говорят материалы, — то разве один Пестель. В своих донесениях он осыпал клеветами сибирское население и показывал все правительству в превратном виде. В такое мрачное время стоном стояла Сибирь, и особенно Иркутская губерния» (Т. I. Стр. 34).

Останавливаясь на этой эпохе, предшествовавшей реформе Сперанского, мы несвольно поражаемся массой злоупотреблений, обрушившихся на этот отдаленный и бедный край. Управление Пестеля нам рисуется каким-то темным пятном на фоне сибирской истории. Оно действительно кажется мрачно и поразительно, но это потому, что мы представим его отдельно, без связи с предыдущей историей, как оно рисуется нам в материалах. Но, смотря ныне более хладнокровно и с истори-

ческой точки зрения, мы не найдем в нем ничего более обыкновенного, ничего, принадлежавшего исключительно системе Пестеля и Трескина. В сущности, оно руководствовалось теми же правилами и традициями, как и предшествование; оно было плодом системы и отражало все черты управления, дано укоренившегося в Сибири. Управление Пестеля было только окончательным и более ревнивым применением системы, подготовленной ему в том же направлении предшественниками. Последствия этой системы отражались таким же образом и ранее. «Но в этой одной эпохе, которая подверглась ревизии, обнаружены злоупотребления, — писал Сперанский Котубею из Сибири, — и нельзя утверждать, чтобы при прежнем управлении Сибирь была в другом или лучшем положении. Напротив, с переменою людей переменались только виды и степень злоупотреблений». Таким образом, Сперанский с высоты государственной точки зрения уже определил управление Пестеля как часть предшествовавшей системы. В управлении Пестеля действительно как в спектре отразились все крайности сибирской истории. Присутствие его времени злоупотребления были в связи с административным порядком целой эпохи и основывались на свойствах управления, дано принятого. Главными недостатками этого управления могут быть отмечены явное самовластие и произвол. Произвол этот развился естественно при том просторе действий и власти, какие сама система давала огромные уполномочия. Власть жеских, губернаторов и генерал-губернаторов постоянно усиливалась, расширялась и подчиняла все ведомства. Все предоставлялось личной воле и усмотрению администратора, конечно, имея в виду соображение с законами и справедливостью. Но правитель незаметно терял почву и приобретал привычку действовать по личному произволу. «Власть личная нередко обращается в самовластие, — писал Сперанский по поводу управления Сибири. — Люди с лучшими намерениями могут оплодотвориться личными взглядами — и, действуя по совести, действовать противозаконно» (Истор. свед. Т. II. Стр. 321-322). Действительно, эти черты произвола быстро усваивали люди при огромной власти в отдаленной стране. Личность здесь пользовалась тем, в чем не была ограничена, ее поведение было продуктом того положения, в которое она ставилась. Правители, недурные в России, преобразовались, являясь в Сибирь. «До 1819 года нигде не было такой пресловутой самовласти и жестокости над подчиненными, как в

Сибири у некоторых начальников, высших и средних, — выказывал свое мнение граф Блудов. — Все они были посылаемы туда из внутренних губерний, и казались, что не только со вступлением и отправление им данных в сем крае должностей, но непосредственно по переезде через Урал в них исчезало всякое к ним остраданье» (Истор. свед. Т. I. Стр. 31-32). Тот же грозный Трескин является другим человеком в другой обстановке. «Долг справедливости обязывает сказать, — говорит историк, — что как частное лицо Трескин считался весьма добрым человеком и что впоследствии, когда он был уже отрешен от должности и жил в своей деревне, в нем не было и следов прежнего иркутского деснота» (Мат. Т. I. Стр. 11).

Селифонтов, плакавший над Сибирью, точно так же преобразуется здесь. Правители вследствие своего положения понекому сами начали убеждаться, что действительно все зависит от их личной воли. Они становились нетерпимы, своевольны, понекому в управление они вносили свои личные страсти. Увлекаясь положением, они сами от себя создавали вице-роев, обставляли себя пышной обстановкой, требовали абсолютного поклонения, торжество в честь свою и полного обожания. Закон и правительство они отодвигали на второй план, выдвигая только свою особу, внушая жителям, что только от одних их все зависит. Нигде так начальство не приучало преклоняться себе, как в Сибири, нигде оно не управлялось более в самодушество, как здесь. «Сибирь не испытывала крепостного права, — говорит один из историков, — но она испытала гораздо худшее — административный произвол, так же, ежели не хуже, воспитанный обществом». Привычки своеволия распространились и на низших исполнителей; они шли от губернатора до отдельного заседателя. Если первые ограничивались безусловным приказанием и требованием покорности, последние вволили дисциплину и внушали к себе уважение страхом. Только одного Доскутова почему-то простили, но Доскутов был один из титов того времени. В Западной Сибири был подобный же заседатель Ярцев. Сам образованный Геленингом высказывает мнение после Сперанского, что «филиантропия неуместна в Сибири», она вреднее холеры, что положение алтайских горных крестьян лучше, ибо горные правители «управляют крестьянами как хозяева и *лозими* могут, если хотят, принуждать к добру» (Истор. исслед. Т. II. Стр. 317). Это был общий взгляд тогдашних администраторов.

Таковы были и средства управления. Результат самоцарства заключался в неограниченности власти главных сибирских правителей и в примсах необузданности, подававшихся низшим.

Вторую главную чертою управления этой эпохи является наклонность к самой широкой регламентации, проявляющей через всю историю Новоказанский и прусский край действительно сначала требовал устройству и деятельной инициативы правительства. Его необходимо было снабжать продовольствием, основывать промыслы, воздвигать гражданственность, но впоследствии привычка распоряжаться общественною жизнью вошла в нравы правителей и принята была за необходимую принадлежность управления. Но Сибирь постоянно менялась глазами, а потому предельная новизна меры и производилась беспредельные эксперименты. Сначала Сибирь считалась колонией шероховатой, затем с начала XVIII века на нее имеют виды как на колонию горнозаводскую, далее обращают ее в колонию иглафуну, потом земледельческую, наконец, призмещиваются виды торговли с Азией и т.д. Все это давало случай каждому из администраторов выжить свои планы и претривать приуготовленную жизнь общества. Достаточно припомнить такие опыты, как десятичную пашню Сомоїнова с притиском 3400 боязей в обязательные работы, обязательное сеяние пшеницы, притиски и переселение людей на рудники и заводы, чечеринское проведение дорог на Барабе, неудавшуюся ланд-милицию Лепцано, в Камчатке искусственное сеяние камчатского войска с притиском крестьян и поселенцев, бесчисленные опыты устройства ссыльных, приурочения бурт обращались к земледелию при Трескине, учреждение и распорядок носкутовских поселений, продовольственное снабжение инородцев, каменные монополии, подержание монополии и привагетий частных, как русско-американской компании, кахтинского торго и проч., и проч. Регламентация частной жизни в прошлом столетии доходила до необыкновенной мелочности. В прошлом столетии деловые приказы не получались крестьянам на ночь из домов: один управитель, как Лещанно, заставляет обсаживать города берегами, другой, как Трескин, иширирует вьюн город, ломает дома, отводит реку, проследит сеяние табака в огородах, вмешивается в домашнюю жизнь, преследует питье чаю. Лескутов приписывает молитвы крестьянам, дает инструкции, как печь хлеб, ревузает кашпы и т.п. Губернатор Чернин с командою ехидл павловать окоя города за полевыми работами крестьян.

Наконец, при Трескине казна покупает весь хлеб в магазины для продажи частным лицам по высоким ценам ввиду «поощрения к хлебопашеству». Можно представить при этом, какие размеры принимала регламентация, как действовала на общество и какой простор давала злоупотреблениям.

Развитию злоупотреблений в стране способствовали ее отдаленность, отсутствие контроля и невозможность создать его. Власть сильная кому-нибудь должна была быть поручена. Обыкновенно она поручалась одному лицу. Это единичное управление могло менее всего способствовать надзору и выбору безкорыстных агентов. На Сибирь, кроме того, удержались с самого древнего времени воззрения, как на запечатанную и промышленную колонию. Навьян и тюбэр развились ссылавия. Дух спекуляции переходил с частных лиц и на служащих людей. Воеводы торговали мехами, вином, зерном и протом. Они делали бесцеремонные поборы: впоследствии после преследований и кар, а также с учреждением бюрократического управления с Петра набор стал утонченным и скрытым. Нравы прежних служивых людей перешли и к старым приказным, при крутой реформе Петра, от бояр-воисов* к губернаторам. Отваженная страна представляла все шансы скрывать злоупотребления. В случае доносов и жалоб канцелярский мир прикрывается челябми массами бумаг, зашумив дела еретической, и казуистическая процедура облегчала выход взыскникам. Невозможно было уследить за подчиненными ни главному начальнику, ни правительству за главным начальником. Контингент служивших людей был постоянно один и тот же в отдаленной провинции, и людей добросовестных негде было взять. Существовало одно приказное состояние, которое только постоянно перенималось и перетисовывалось. Новые начальники привозили с собою свежих чиновников, но это всегда оказывались любимцы, на которых еще менее простирался контроль и которым еще более дозволялось, как Трескину. Надо заметить, что злоупотребления были источником несколько же обогащения и частных лиц. В Сибири промышленные люди создали кабалу и рабство инородца, торговое сословие жлобо монополистами. Все это было в связи с казностроительной и кананено друг друга деморализировало. Купцы в этом случае искали поощрения у правителей, забавляя крестьян и инородцев, а правитель спирался на общество и устрашала стачку с богатыми. Так было при Трескине, который давал случай наживаться одним купцам и преследовал других.

В злоупотреблениях были замешаны целые сословия. Правительство не могло знать, что совершается в Сибири, и скоро администраторы здесь выработали целую систему представлять и сочинять картину совершенно иную, чем представлял край. Отсутствие гласности представляло все удобства для развития злоупотреблений.

Когда начинались жалобы и доносы недовольных, и недовольные эти являлись часто из того же торгового сословия, которое искало выгоды и монополий, то местные власти разоблачали подобных людей, как лиц, заинтересованных в злоупотреблениях, приносили их грехи, а потому и правительство делало часто основание не придавать значения жалобам подобных людей. Этим воспользовались впоследствии Трескин и Пестель, чтобы зажать рот всяким жалобам.

Таковы были главные черты системы, существовавшей во Сперанского. Эта система, как мы видим, выработывалась из особенного положения края, вдали от центра управления. Кроме того, в начертаниях управления виден был след участия самих местных правителей, проводивших свои мнения и требования на высшие сферы. Таким образом, между исполнителями часто руководили и законодательством, и первернул его для Сибири. Что ненормальности управления лежали в общем свойстве принятых начал, доказывает то, что порядки пестельского управления существовали в начале либерального царствования Александра I. Многие жалобы из Сибири находились в руках Сперанского, но правительству не представлялось возможности узнать истинное положение дел.

Во все управление Пестеля и Трескина общество, конечно, пыталось вести подпольную борьбу. Когда открыты были все средства гласности, оно прибегало к доносам. Погонец управления Пестеля жалобы и доносы дель, от дря становились многочисленнее, все важнее по содержанию, все разительнее по общему содержанию в показаниях, пишет барон Корф. Сначала Пестель отпирал эти доносы. По новому доносу 1808 года министр просил Пестеля «прекратить незаконные действия местного начальства». Но Пестель, сообщив отношение министра Трескину, предписал *не прекращать* злоупотребления, а принять меры против подобных «ответов». Представив свои объяснения министру, он пишет, что «объяснения его (Пестеля) приняты с уважением, что в его усердии не сомневаются и что сообщение ему дошедших до правительства сведений служит

доказательством доверия к нему. Содержание бумаги он сообщил Трескину, чтобы «неблагонмеренные люди» знали, как правительство относится к их доносам (Мат. Стр. 35). Словом, Пестель угрожал, что все жалобы будут представлены ему. Но жалобы не прекращались. Сначала их подавали купцы, видимо, не сошедшиеся с Трескиным в своих делах. Наконец, они проникают из всех слоев общества. Генерал Куткин пишет из своего заключения пролные послания, выдвигаются мелкие чиновники и, наконец, простонародные. Донос в это время получает как бы общественное значение и сливается в единодушный протест. Местное общество употребляет в борьбе этой все усилия, чтобы дать о себе знать. Доносы выносятся в хлеб. В 1818 году иркутский мещанин Саламатов берет за величайшей тайной добраться до Петербурга и вручить донос лично государю. Он пробирается через Китай, через степи и сибирские леса, добравшись до Петербурга, подает лично донос государю и «просит приказать его убить, чтобы избавить от тиранства Пестеля». Он был отдан на особую ответственность государю петербургскому генерал-губернатору Милорадовичу. Об этом мещанине писал в 1819 году Сперанский Голлицину: «В числе доносителей на злешнему краю был некто иркутский мещанин Саламатов. Бумаги его мне препровожены от графа А. А. (Аракчеева), но где он сам — мне неизвестно. По слухам же, он должен быть в Петербурге под стражею или под надзором. Человек сей, — пишет Сперанский, — разорен глубинным начальством до основания и разорен несправедливо; у него здесь семеро малолетних детей почти без пропитания, бумаги его написаны глупо и бессвязно, но главные статьи о поступках Лоскутова и других в существе своем теперь обнаружены и найдены справедливыми» (Ист. зап. публ. библиот. в пам. графа Сперанского. Стр. 239-260). Это предприятие Саламатова, брошенное детей и идущего под страхом смерти в Петербург, носит печать как бы гражданского подвига. К этим протестам присоединился, наконец, кроткий архиепископ иркутский Михаил. Но независимо от жалоб до правительства доходили сведения о страшных беспорядках в Сибири и голодах у инородцев. При таком положении дел пребывание Пестеля в Петербурге вызвало всеобщее негодование и насмешки. В 1815 г. в комитете министров предложено возвратить сибирского генерал-губернатора к своему посту или назначить ревизию. Но Пестель долго еще продолжал жить в Петербурге. По связям своим с Таукевым он пользо-

вался покровительством и поддержкой Аракчеева и только когда Аракчеев разошелся с Пакулевым, Пастель потерял поддержку. В то же время в кабинете министров было высказано решительное мнение, что в Сибири необходима реформа и сменил Пестеля. Вместе с этим подана была записка Козьмычовым о необходимости изменить самые начала управления Сибирью и дать ей новое учреждение.

Оставался вопрос: кого почитать для такой многотрудной задачи, на кого можно положиться? Выбор пал на Сперанского.

Как ни печально было положение Сибири в XVII и XVIII столетиях, но, по мере заселения ее, она приобретала все более и более значение. Довольно давно уже правительство обращало внимание на богатство этой страны. Во все XVII столетие из нее вывозили меха, устраивали рыбные и другие промыслы, добывали мамонтовую кость, откапывали руду. Приток польской нарочной колонизации в первое время был обширный: богатство соболей, лисиц, белки, медведей и т. п. привлекали сюда промышленников, истронутые естественные запасы природы обогатили богатством. В начале XVIII столетия сложилась поговорка: «Сибирь — золотое дно». Ряд путешественников, начиная с Мессершмидта, произвели исследования над обширной страной и ее минеральными богатствами. Петр Великий сосредоточивает особенное внимание на Сибири ивиду развития здесь горных промыслов; в XVIII столетии заводятся повсюду рудники и заводы с припискою к ним крестьян, в XVIII же столетии присоединяется киргизская степь, и начинается торговля с азиатскими государствами, особенно с Бухарою, бухарцы находят от Сибири товарами, караваны тянутся из Китая. Рядом с этим страна приобретает более и более гражданского и оседлого населения; с половины XVIII столетия пионеры колонизации и промышленники выхаживают из лесов и селятся деревнями, остроги и посады обстраиваются. Сибирь, таким образом, превращалась из звероловной и горной колонии поочемку в земледельческую и вместе с прочной гражданственностью начинала показывать задатки промышленного развития, но в значительной части своей страны еще оставалась неизведанной: промышленные люди, купцы, мореходы, пионеры, казаки все еще продолжали делать открытия, то отыскав мысы Ледовитого океана, то углубившись на Амур и в киргизские степи. Страна эта потому была во многом западной, и это — таинственность еще более возбуждала ожидания таившихся в ней сокровищ. Петр Великий направляет экспедицию к Бу-

харе за поисками буржуйского золота; при Екатерине точно так же снижаются весенние экспедиции в глубь Азии, является мечта о сношениях Сибиряк через Среднюю Азию с Индией; при Павле, говорят, даже была мысль предпринять поход в Индию в союзе с Наполеоном; при Александре I точно так же обращается внимание на Среднюю Азию и Индию — между прочим, мы видим, что правительство намеревается приобрести кашмирских коз.

Все это составляло государственными людьми сооружать множество планов и вообще относиться восторженно к этой стране будущего. Козодавцев называл Сибирь, в официальных бумагах не иначе как «Мексика и Перу наше». С пессимизмом в Сибирь Сперанского по этому поводу возлагали на него обширные надежды в деле устройства и упорядочения края. Козодавцев писал, поинтересу Сперанского, что «история Сибири будет делиться на две только эпохи: первая — от Ермака до Сперанского, вторая — от Сперанского до X». Козубей в письме к Сперанскому выражался так: «От вас, конечно, никто ожидать не может, чтобы вы остановились на каких-нибудь мелочах, кои какого-нибудь пустого реинзора, подобного Седифонтоу, останавливать могут. От вас ожидать будут видов государственного человека, и, если смею я сказать, виды-то сии и полезны быть могут, ибо при всех ваших способностях можно ли ожидать большого добра там, где не существует собственных оснований к произведению оного? Вы можете составить систематическое обозрение края, представить план к образцовому управлению в сих колониях наших и пр., и пр., и сие, так сказать, удивить людей, мало привыкших к произведению сего рода». Козодавцев немедленно при отправлении Сперанского, приветствуя его, посылает записку свою, читанную в комитете министров, о новых основаниях сибирского управления и прилагает книгу Прыта «Sur les Colonies» о мексиканских колониях для руководства. Граф Нессельроде пишет Сперанскому, что «друзья его будут следить за ним с участием и симпатиями». Одним словом, от Сперанского, как от смелого реформатора, ожидали все «виды государственныя» или установления новой государственной точки зрения на страну. Друзья его ожидали даже чего-то грандиозного.

Не так относились сам Сперанский к своему положению. Из его переписки и материалов видно, что он далеко не разделял восторженных увлечений своих друзей. Он немало не увлекался новой ролью, назначенной ему, он даже не имел определенных воззрений на край, в который ехал. Из его писем

к дочери из Сибири видно, что при въезде в Сибирь он питал к ней даже предубеждение. Мрачным взглядом своим на страну он был обман во многом исключительности своего положения. Известно, что поездка в Сибирь никогда не входила в план его деятельности. Самое назначение его сюда было случайно. Только что возвратясь из ссылки и находясь в Пензе губернатором, он ожидал сжесточенно своего возвращения в Петербург, и новое назначение его застало врасплох. Он принял его за приличное удаление. Хотя поездка его была обставлена всеми наружными знаками доверия, обширными полномочиями, почетом, — говорит биограф Сперанского барон Корф, — тем не менее Сперанский понимал, что это назначение — продолжение ссылки. Все пребывание его в Сибири было отражено этим горьким чувством*.

Самое свое назначение в Сибирь Сперанский считал частным поручением и «последним нештатным», как он выражался в письме к дочери. «На Сперанского возложены были и ревизия края, — пишет Г. Вагин, — и труды административные, и законодательные, издрядо их указаны достигшие цели — возвращение в Петербург».

Но всему этому Сперанский смотрел на пребывание в Сибири, как на ступень к скорейшему приближению, но в то же время доказывал, что ему приходится пройти эту ступень. После этого неудивительно, что он к своему назначению отнесся без энтузиазма, без того увлечения, которое шатало его в прежних реформах. Он спешит как бы выполнить формальность, показать свою деятельность в наиболее выгодном свете и потом поскорее оставить ее. Такое настроение не было особенно благоприятно для реформаторской деятельности. Все, что он здесь видел, это «труд Геккула при ошлуплении Алиосовых колюш», как выразился в письме к нему граф Нессельроде. Действительно, с самого начала поездки в Сибирь Сперанскому предстояла кропотливая ревизия, которой он посвятил свое пребывание здесь. Ревизия эта не представляла особой важности ввиду других задач, возложенных на него, однако она заняла много времени. С государственной точки зрения сам Сперанский не придал ей особого значения, и она может быть только характеристична для выяснения того положения, в каком стоял Сперанский в Сибирь, и личного его отношения к делу искоренения злоупотреблений. В этом случае она может

* См. Чувства Сперанского в Сибири. Сборник «Сибирь», 1875 г.

быть примерна и замечательна только относительно тех при-
 сьмов, какие употреблял он. Мы указывали, до чего в предше-
 ствующее управление Пестеля и Трескина развились злоупотре-
 бления и как они искусно прикрывались. Когда донесся слух
 о назначении Сперанского в Сибирь, в Иркутске произошла
 паника. Некоторые чиновники сошли с ума, как правитель дел
 Беляевский, Кузнецов и другие. Трескин струсил. Никто не ожи-
 дал, чтобы Сибирь посетил человек бескорыстный; однако мно-
 гие надеялись, что при помощи прежней системы можно за-
 маскироваться. Но Сперанский нашел средства разоблачить зло-
 употребление, он дал место гласности и постарался опереться
 на общество. Первым делом по приезде его в Тобольск было
 уверить жителей, что жалобы на местное начальство не состав-
 ляют преступления и что их можно приносить. Действительно,
 во все время проезда через Сибирь Сперанский общается с
 местными жителями, останавливается у купцов, идет часто пеш-
 ком за экипажем, расспрашивает крестьян. Местное общество
 так привыкло ко взятничеству и поборам, что в Тюмени са-
 мому Сперанскому поднесли блюдо. «Хлеб был взят, блюдо во-
 вращено». — отмечает он в дневнике.

Понемногу порядки сибирские открылись пред его глазами.
 Выход в Тобольскую губернию, он замечает: «Главные жалобы
 были на земскую полицию, преимущественно на дозиметра,
 потому рения не выдала здесь особенно строгих мер». Ис-
 правив важнейшие беспорядки, показав несколько примеров
 строгости и «доправив взятки» с земских чиновников, он двинулся
 далее. Но чем более он полагался в глубь Сибири, тем
 положение края более поражало его. «Положение дел в Том-
 ской губернии было гораздо хуже, поборы тягостнее, чиновники
 лезвониснее, преступления очевиднее, на самого губернатора
 падали сильные покровения», — говорит он. «Если бы в То-
 больске я отдал всех под суд», — писал Сперанский, — что и
 можно было бы сделать, то здесь оставалось бы уже всех пове-
 сить. Злоупотребления вопиющие и по гласности губернатора
 Иличевского, по жалости его жены, по строптивому корысто-
 любию брата его, губернского почтмейстера, весьма худо при-
 крыты». «Чем далее спускаюсь я на дно Сибири, тем более
 нахожу зла, и зла почти нестерпимого, — пишет он в другом
 письме к Стенькину, — слухи ничего не увеличивали, и дела
 хуже еще слухов.» «При обозрении Тобольской губернии пред-
 ставлялась еще возможность пресечь или, по крайней мере, от-

раничить злоупотребления и до времени охранить порядок средстами, в инструкции определенными. — доносит Сперанский государю 31 июля 1819 г. — Но в Томской губернии сметки сии будут недостаточны. Здесь жалоб более, существенно их важнее, чиновников, не только способных, но и посредственных, еще менее и перемны их тем затруднительнее. Злоупотребления, доселе открытые, вступят к другим, еще не обнаруженным. Поэтому Сперанский спрашивал разрешения в случае надобности сменить томского и иркутского губернаторов. Из Томска уже назначался следственные комиссии для расследования беспорядков в Нарыме и Туруханске. Из Туруханска гинет посланный на следствие Осинов: «Бесчестность здешних чиновников до того велика, что я с самого прислада не могу получить ответ на свои отношения...» «Бежат бы отсюда без оглядки», — восклицает в другом письме к Сперанскому этот следователь. В Томске также учреждена была комиссия, и Сперанский спешил в Иркутск. Настоящим глецом злоупотреблений была Иркутская губерния. Воля жителей продолжалась только до границ Иркутского уезда. В этом уезде и в самом городе жалобы вступали смелости, таков был ужас перед местным управлением». Исправник Лоскутов перся приездом Сперанского отобрал в своем уезде все чернила и бумагу, говорит предания. На берегу Кана Сперанского встретили воинищие жалобы на Лоскутова, крестьяне выходили из лесов с прощаниями. Лоскутова Сперанский арестовал немедленно. Говорят, что обыкновенно хладнокровный и сдержанный Сперанский здесь не выдержал. С. С. Шукин приводит в своих записках рассказ об этой встрече. Лоскутов был в мушкере и едва произнес: «Исправник Лоскутов...» — «Лоскутов?... Арестовать его, бездельника!» — воскликнул Сперанский. С него сорвали шляпу и арестовали. «На границе Иркутской губернии встречен я был первым министром Трескина, — пишет Сперанский Столыпину, — пресловутым Лоскутовым, исправником нижнеудинским. С двух первых слов я его отрепил и тут же арестовал, оставил за границею губернии, за Каном, как за Стиком²⁷. Мера сия была нужна, — продолжает он. — Страх его десятилетнего железного управления был таков, что на первых станциях не смели иначе приносить жалоб, как выбегая тайно на дороге из лесов». Корф прибавляет: «Когда Сперанский приказал взять Лоскутова, бывшие при этом крестьяне упали на колени и, хватая за руки Сперанского, воскликнули: «Ватюшка! Да вель это Лоскутов!»

Неприятные думали, что и Сперанский бесслен пред этим человеком. В Нижнеудинске Сперанский назначил сейчас же следственную комиссию и приказал описать имение Лоскутова. У него было найдено 138243 р., кроме разных вещей, серебра, меха, который описан не сделан. Все это имущество было отправлено торжественной процессией в Иркутск. Иркутск ожидал Сперанского в вооружении. Трескин пригласил изюмщиц и музыкантов. Показалась лодка. — идет один современник — Внимание было напряжено. «Не генерал ли губернатор? Кто такой?» — окликают иркутяне с берега. — «Имущество Лоскутова!» — отвечает прибывший офицер. Трескин победил. Кто-то заметил: первый батарея сбитая. Из Нижнеудинска же Сперанский послал бумагу Трескину с приказом, прийти ли, что принести жалобы поселенцам на Лоскутова было запрещено самим Трескиным? Сперанский здесь был буквально завален жалобами. По день отъезда из Нижнеудинска их поступило 280. Сумма предъявленных на Лоскутова изъятий простиралась до 129000 рублей. Много жалоб поступило впоследствии. «Это были жалобы на вымогательства, жестокости, принуждения к дровяной работе, насильную продажу хлеба и скота по произвольным ценам, невозможные ссуды денег за чрезмерные проценты, притеснения по закупкам хлеба и натуральным повинностям, чрезвычайные денежные сборы, наконец, что тург с инородцами был захвачен исключительно в руки Лоскутова и двух его клеветов», — рассказывает г. Вагин.

По приезде Сперанского в Иркутск также были учреждены следствие и ревизия. Но жалобы в Иркутске и первые дни боялись даже подавать. При объявлении Сперанским, что Трескин устранен от должности, жители страшались, что впоследствии снова он займет место и отомстит. Иркутские припомнили пример с губернатором Жалобовым. Трескин, кроме того, составил себе в Иркутске партию не только из чиновников, с которыми делился, но и из купцов, с которыми торговал. Но когда увидели, что подавать жалобы не опасно, то они последовали в страшном количестве. Число их достигало до 300 в день. В скором времени в иркутском канцелярстве была роздана вся гербовая бумага, так что делались надписи на простой, употребленной вместо гербовой. Крестьянам разрешены были словесные жалобы, и двор иркутской следственной комиссии не мог помешать просителей. Сперанскому в первое время приходилось «развешивать клубок с меленностью и востиком терпением», пока

Трескин оставался на должности. «Корыстолюбивая, жадная монополия обанкротится естественным путем, — писал Сперанский, — но пред законом должно облечься законными мерами...» «Злоупотребления очевидны, но должно доказать их. Трескин — человек цапгасый, отменно смелый, легкага, хотя плехо воспитан, но хитр и дукав, как демога»...

Сперанский, однако, успел открыть и разоблачить трескинскую организацию. Комиссия, учрежденная под председательством Цейера в Иркутске для расследования злоупотреблений, привлекла к ответственности до 216 лиц; сумма одних частных выписаний простиралась свыше *двух миллионов*. «Все то, что о заксных делах говорили в Петербурге, — писал Сперанский, — не только есть истина, но — и это редко бывает — истина не увеличенная». Злоупотребления были так велики, что, по мнению Сперанского, всякий другой край, менее обильный, был бы поплавлен или сожжен». «При старании злоупотреблений даже Цейер, человек с добродушным характером, — говорит г. Вагин, — при виде неизвестных безвкусной жестокости, расстроил свое здоровье, сделался мрачным и недолгим, стал опасаться за его расудок». Положение Сперанского было тем тяжелее, что он видел свою невозможность усовестить зло, вкоренившееся годами. Он старался по возможности облечь это положение. «Ревизия Сперанского была более собственная, нежели формальная, — говорит г. Вагин. — Он отбросил всякие формальности. Жалоб на лихоимство было так много, а законы против него так жестоки, что Сперанский решил исключить слово *заявка* из сибирской ревизии. Большую часть дел подобного рода он обращал в гражданские иски и приказывал удовлетворять обиженных. Словом, он прекращал множество дел домашним образом. Многих виновных он прощал и старался сохранить полную беспристрастность правосудия. В этом случае он часто выказывал даже великодушие и отрывался от того личного чувства и страсти, с какою часто совершаются дела такого рода». Напротив, эта роль по его личному характеру была неприятна. «Мое ли дело раздвигать, преследовать, обличать, ловить преступлений?» — не раз с горечью восклицал он в письмах к Столыгину. «По совести я нико-то не обвинял, кроме тех, кои получали злоупотребления, — пишет он ему, — но по закону *не без разбору виноваты*, и спешек по сие время по всем трем губерниям составляет уже около 150 человек... «Если бы успех порученного мне дела должно было измерять количеством обнаруженных злоупотреблений, — писал

Сперанский Гурьеву, — то было бы мне чем утешиться. Но какое же утешение! Преследовать толпу мелких исподтиписей, увлеченных примером и подулывание главного их начальника! Дела его начальства приведены теперь в такую ясность, что чудрено было бы их забыть».

В этом случае Сперанский хорошо понимал, что причины злоупотреблений лежали не в людях, а в целой системе, что злоба и греселование тут не помогут. Несмотря на то, что Сперанский множество дел разрешил сам, он должен был передать суду двух губернаторов, 48 чиновников, всех же замещано было 681 человек. Взыскания насчитывались до 2847000 руб. Все эти дела были представлены в Сибирский комитет, лица, участвовавшие в злоупотреблениях, были разделены на категории, но к более строгому наказанию были приговорены только 43 человека. Эти лица были отрешены от должности и должны были удалиться во внутренние губернии, но и тут были сделаны исключения. Трескин лишен был чинов и знаков отличия.

Как ни могла казаться снисходительной подобная реакция по своим последствиям ввиду огромных злоупотреблений, лоскутовских неистовств и т.п., но враги Сперанского в Петербурге находили ее жестокою. До какой степени, между тем, слабы были взыскания, видно из многих фактов, приведенных в материалах. Между прочим, Сперанский сделал сначала распоряжение обвиненных в злоупотреблениях и отдаленных под суд отдать под надзор полиции, но вскоре и это отменил. Геленитром, уволенный за взятки, снова поступил на службу. Лоскутов отпросился в Иркутск и жил свободно. Сперанский отдавал даже такие распоряжения относительно посаудности избличенных чиновников: «Если казенный недостаток похоронен или достаточно обеспечен, оставить дальнейшее исследование, тем более, что при настоящем положении дел и при недостатке чиновников и употребить к нему некого». И действительно, многие замещанные в делах совершенно были оставлены без взысканий, а когда были получены сведения о наложженных взысканиях, то некоторые из посаудных, как Геленитром, задали даже пирушку.

Что Сперанский не преследовал с особенной яростью мелких чиновников старого управления, это, конечно, могло объясняться только высотой его взгляда и пониманием, что всякие преследования тут будут бесполезны; но не может не показать

ся странным, что в своей ревизии и избличении Сперанский преднамеренно обошел главного виновника — Пестеля, а Трескина не обвинил даже во взятках, несмотря на улики. «Дела могли ему доставить множество материалов для обвинения Пестеля не только в крайнем произволе, но и в недобросовестности пред высшим правительством», — говорят г. Вагин. Из писем видно, что Сперанский хорошо знал ту связь, которая существовала между Пестелем и Трескиным. Он знал, что все бумаги составлены для Пестеля в Иркутске, что Пестель покрывал Трескина и был его участником. В одном письме он говорит: «Связь с Трескиным у Пестеля другого рода, чем служебная. Не верьте беспечно моему предместнику». О талантах Пестеля он отзывался предвзято: «Не только Сибирью, мне кажется, ему трудно было бы управлять и Олонецкою губернию; это самая слабая голова, какую я когда-либо знал». При всех уликах, однако, Сперанский пожелал «сделать исключение из общего правила и не говорить ничего худого или, по крайней мере, малочел о своем предместнике», как он выразился в одном письме Аракчееву. Он сначала умолчал было об ответственности Пестеля в сибирских беспорядках; но когда его был вынужден от государя с повелением постановить заключение и о Пестеле. Действительно, указывая на причины зла, невозможно было не предстать, каким образом главный управитель в продолжение нескольких лет скрывал и перерывал дела сибирского управления во всех инстанциях, пребывая постоянно в Петербурге. Но здесь, вероятно, обнаружился бы тесные отношения некоторых лиц к Пестелю, как, например, Аракчееву, а это не входило в план Сперанского, заданного для себя за ревизию новые поприща в Петербурге. Оной ревизии, как человек государственный, Сперанский не мог придать никого-либо значения в улучшении дел и прекращении злоупотреблений в крае. Представляя краткий отчет о своей ревизии государю в 1820 г., Сперанский говорит: «Но сии меры и сами по себе недостаточны, и в исполнении их непрочны. Никакое начальство не может ручаться в продолжительном их действии, если не постановлен будет порядок управления, местному положению сего края свойственный». «Ревизия есть дело временное; — писал он там же Голыцину, — и повторять ее часто на сих расстояниях невозможно. Порядок управления, местному положению свойственный, может один упрочить добро на долгое время. Учреждения без людей тщетны; но и люди без добрых учрежде-

ний мало доброго произвести могут». После ревизии люди остались те же в Сибири; страна терпела недостаток не только в чиновниках честных, но вообще в чиновниках. «Здесь вопрос, — писал Сперанский, — не в выборе людей честных или способных, но в положительном и совершенном недостатке даже и посредственных, даже и людей неспособных». «Я не могу даже составить своей канцелярии, — жаловался он, — и должен довольствоваться тем, что поступило ко мне от моего предместника» ... «У меня управление без людей, обширное производство дел почти без канцелярии», — прибавляет он.

У Сперанского было немного своих помощников, так как остальной штат управления нечем было заменить после Трескина. Вместо Трескина назначен был иркутским губернатором вице-губернатор Зеркачев, «человек без больших способностей и даже малотраотный», «в бумагах он терпеть не мог кавык». После него был определен комендант Шейдлер, человек добрый, но по своим понятиям об управлении он, как все современники, скорее приближался к Трескину. Томским губернатором оставался Изличевский, при котором было открыто стоило злоупотреблений; о способностях его Сперанский отзывался довольно пренебрежительно. Тобольским губернатором считался 70-летний фон Брин. Про начальника Якутской области говорит материалы, что бескорыстие его было, быть может, *небезусредно*, но он остался потому, что в те времена и долго еще после на этот недостаток смотрели сквозь пальцы, если только он не выходил из известных границ». Этого начальника, между тем, считали еще за дельного человека. Но в это же время оставались на местах и такие начальники, как управитель Охотского порта Ушинский, о котором в 1823 году отзывался Рикорд: «Ушинский во всех действиях своих руководствуется одною только властью начальника, не почитывая ни чести, ни совести, и потому решительно осмеливается объявить свое мнение, что дальнейшее его управление Охотским портом противно человеческим и божеским законам». Сперанский должен был большинство чиновников, избалованных во взяточничестве по суду, оставить на местах, потому что «нечем было заменить». Несмотря на всю строгость ревизии в Иркутской губернии, Сперанский и здесь по недостатку в людях упустил очень немногих наиболее обвинявшихся чиновников. В отдаленных местах он принужден был смотреть снисходительно даже на явно виновных в злоупотреблениях. Сперан-

кий, смывая и замывая другими, приходил к необходимости призывать уже отрешенных за взятки только потому, что они иногда казались мисс жадными тех, кого смывали.

Характеристический анекдот по этому поводу приводит один из старожидов С. С. Шукин. «Сперанский, славший по Сибири и в качестве генерал-губернатора в 1819 г., изумлялся неслабым количеством взятками разных лиц, — говорит Шукин в своих записках. — Он отпустил первого исправника Зинова, на которого несл жалоба состояла в удержании 50 руб., следовавших крестьянам за постройку моста; но чем ехал далее, тем жалобы возрастали. Сказывали, что по приезде в Томск он приказал написать отрешенному исправнику Зинову, чтобы он, как *честнейший из исправников*, приехал в Иркутск, где получил новое назначение». Самым разительным примером недостатка в чиновниках, говорит г. Вагин, служит дело об определении исправника в Туруханск. Назначив следствие в Туруханске в первом проезде по Сибири, Сперанский отпустил бывшего исправника Стыртова. Вместо него Сперанский определил Корсакова. Этот Корсаков, являясь, делаясь с крестьянами, инородцами и вахтерами, не исполнял требований следователя Осипова, посланного Сперанским, хвастался тем, что брат его служит прителем дел у Сперанского, притеснял Стыртова в слаче дел, а сам не занимался делами. О нем писал Осипов, что «ни малейшей нет надежды, чтобы по строптивости своей этот исправник приобрел любовь инородцев». «От него уже бегают, я уж не понимаю, на что он походит». — прибавляет следователь. Сперанский предписал Корсакова сменить и назначить опять Стыртова, уже смененного по ревизии. Пока дело шло, «человек, о котором говорили, что «он не знаю, на что походит», оставался на месте почти год после этого отъезда и заведен был на лучший. То же самое было и с другими перемещениями. Чиновники не могли изменить своих привычек и возрений и при Сперанском. «Нравственный уровень тогдашнего чиновничества был немалок, — замечает г. Вагин. — Пример продажности подавали высшие чиновники, кроме того, у средних и низших были свои пороки: пьянство и разврат, сопряженные с буйным разлулом...» «Этих пороков были не чужды и некоторые из способнейших людей того времени, — прибавляет следователь (Матер. Вагина. Стр. 140). — Но лучшим примером, до чего могли пасть нравы в среде сибирского чиновничества, служит опять рассказ Шу-

книга об ожигании Сперанского. В важных случаях у Трескина собирались для совета исправники и главные лица управления. Перед приездом Сперанского на чрезвычайном конгрессе один из приближенных Трескина Третьяков предложил следующий вопрос Трескину: «А что, Н. И., Михайло Михайлович ест хлеб?» — «Как же, Алеша, не ест?» — «А если ест, то трудно ли будет с ним познакомиться? Пусть кум Андрей (один из исправников) даст столько-то, Евстафий Фомич (другой исправник) столько-то». Таким образом пересчитал всех, и решено было собирать, как тогда говорили, несколько сот тысяч рублей и поручить их Лоскутову подлость при первом вступлении Сперанского на гранду Иркутской губернии».

При таких условиях ревизия осталась почти без последствий. Мы видим, что Сперанский и сам понимал, что без учреждения, без более удовлетворительного контингента чиновников, наконец, без новых «оснований» управления невозможно дальнейшее управление Сибирью. Совершив ревизию, он и считал свое поручение конченным. «Считая пребывание свое здесь временным, — писал Сперанский, — я должен сего держаться и потому, что управление Сибири при настоящем вешей порядке есть вещь для меня невозможная: да и никто, думаю, с здравым смыслом на сие не откажется». «К марту месяцу все следствия будут окончены и все сведения изготовлены. После сего мне здесь делать будет нечего. Сменю даже утверждать, что пребывание мое здесь было бы вредно. Правительство решится к себе последнего доверия, если, обнаружив беспорядки, оно не поспешит ввести лучшего устройства; а введение сие от меня не зависит», — так пишет он к Кочубею.

В плане Сперанского было, раскрывши беспорядки и злоупотребления в сибирском управлении, немедленно уехать из Сибири и участвовать только в составлении для нее нового положения и новых оснований управления. Но он был оставлен еще на год управлять Сибирью в качестве генерал-губернатора на старом положении. Лишь для себя, как мы указали, он получил с горем новую отсрочку, приняв ее за немилость, но, кроме того, он понимал и всю трудность что-нибудь сделать здесь при прежних средствах. Как ни предполагают биографы Сперанского, увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора, что одно пребывание Сперанского в Сибири уже могло изменить порядок дел, но сам Сперанский справедливо не предавал

такого значения своему управлению. В этом смысле он делает следующие характеристические замечания насчет своего управления в качестве генерал-губернатора Сибирью: «Какою колоссною силою человек, брошенный сюда из Пензы, — пишет он Котубею, — без всяких знаков особенного доверия, не получив и не прельщая никакими новых и значительных инструкций, мог вступить в борьбу со всеми почти чиновниками, со всем составом управления, мог один с Пейсром обладать известными сибирские дерзости, обнаружить злоупотребления, потрясти фортуны, в 13 лет составление, и искоренить целую систему связей твердых, обдуманных и привычного скрепленных? Мы не в том веке живем, и Сибирь не тот край, где бы истина могла произвести сия явления! Как я могу управлять без моральной власти? Скажут — законами, как будто существуют законы в Сибирь, всегда управляемой самовластием, и как будто законы могут исполняться без исполнителей. Страх есть дело внезапности, род очарования; надобно знать его меру, чтобы им пользоваться. Вопрос: кто наиболее всего пострадает от сего положения дел? Сибирь, ибо первое последствие всякого пренебрежения власти есть собственный свой вред. А что власть, «не данная, будет пренебрегаема, в сем не могу иметь я ни «дальшего сомнения». Таким образом, Сперанский, поставленный в прежнее положение нравителей, сознавал полную невозможность управления краем. Он понимал, что злоупотребления и при его управлении по-прежнему будут развиваться. Свои воззрения на дальнейшее управление Сибирью он откровенно высказывает в письме к князю Голицыну: «Когда все дела, порученные мне (то есть ревизия) окончены, мне остается владеть здесь целый год почти в бездействии. Я называю бездействием поверхностное отправление текущих дел и терпимость беспорядка и злоупотреблений. Я мог их остановить, — говорит он, — но не истребить, ибо порядок управления, краю сему несвойственный, остается тот же, исправлять я его не могу; люди остаются те же, переменить их нечем. Я не могу даже дать движение суду над ними: ибо те, кои должны их судить, сами подлежат суду по другим делам необъемным. Людей, отрененных в одном узле или в одной губернии, я принужден употреблять в другой, дабы воас не остановить течения дел». Таким образом, Сперанский был достаточно откровенен в этом случае, чтобы не закрывать глаза себе и другим, и не желал быть рыцарем, вы-

Управление Сибирью и реформа Сперанского 317

ставляющем личную борьбу с злоупотреблениями за их искоренение и прекращение, а своим предписаниям и циркулярам придавать значение, как бы дела от этого изменились.

Управление его действительно ничем особенным и не могло отнестись к себе. Одна личность, окруженная массой совершенно другого рода деятелей, не могла изменить порядок дел, и в общем влияние ее было не особенно заметно. Проявление злоупотреблений не прекращалось. «В то время, когда Сперанский преследовал прежние, — замечает справедливо г. Вагин, — под его управлением, под самой грозой его ревности, почти в его присутствии совершались новые злоупотребления и возбуждали необходимость в новых преследованиях». Так же дело шло во все время его управления. Если чем могло отличаться его управление, то разве некоторыми попытками ослабить прежний административный гнет, мелочность прежней регламентации и предоставить более свободы обществу. В этом случае весьма любопытны следующие его изъятия на управление. Первым делом он пытался заглянуть вековой разрыв между обществом и управителями. Он пробует жить в мире с обществом. В раскрытии злоупотреблений он обратился к гласности, к общественному мнению, и только благодаря этому мог открыть многие злоупотребления, покрывавшие Сибирь. Он пользовался помощью общества кабинетным, частным образом и сближался с ним для своих целей. Во время поездки он знакомится с купцами, мещанами, выслушивает крестьян и издается их мнениями. Материалы, ныне собранные, указывают, что и его законодательная деятельность не лишена была частного влияния. «Сохранилось предание, — говорит г. Вагин, — что в Иркутске Сперанский совещался о некоторых частях своего законодательства с известными лицами из местного купечества. Некоторые из купцов и мещан, бывших в киргизской степи, были даже прямыми сотрудниками Битенькова при составлении учреждения о киргизах». Этот дух его управления, а именно, при помощи сближения с обществом и установления с ним солидарности, конечно, был делом его личной тактики и не перешел ни в законы, проектируемые им, не мог быть и перешел его последователям и наместникам.

Далее видно, как говорит г. Вагин, что «он был решительный враг того полицейского *хвалаша*, до которого были такие большие охотники многие администраторы не только его, но и позднейшего времени; он отнюдь не видел в стеснениях личной

свободы нападет против всевозможных преступлений». Действительно, в своих распоряжениях он постоянно умеряет пыл исполнителей, приученных прежними порядками не щадить личность и не церемониться с ней. Второго чертога своего управления было ослабление прежней регламентации, к которой так склонны были его подчиненники. «Крутые меры, принятые Трескиным, — сообщает г. Вагин, — часто были прямо отменены Сперанским, частью значительно ослаблены». Мы говорили до какой степени регламентация влезла в нравы сибирского управления. Крестьяне обращаются с просьбами к Сперанскому, чтобы их пощадили от плашировки селений и обязательной пострйки каких-то форменных колодцев с валом и колесом. Некоторые города просят дозволить им навозом укрывать берег, так как это было запрещено, несмотря на то, что это было единственное спасение от разливов рек. Трескин откопал устье Иркутка под тем предлогом, что река имеет «неправильное течение», и старался дать ей новое русло, но река дождавшись своего «неправильного течения» наперекор Трескину, Сперанский, конечно, был других взглядов на управление, чем Трескин и предшественники. Он административные задачи не возводил до архитектурских обязательств, до насильственного «устройство» — до украшения заборов, ломки домов, как это делали другие, даже вельяне Сперанского; с высоты своего поста не лез для вмешательства в городское хозяйство, не собирал и не резервировал городских дум и пользу любимица. Он предоставлял самому обществу вести дела свои.

Из его распоряжений и предписаний видно, что он был приверженец свободы торговли, и в этом случае был поклонник Смигудской⁹ школы. Он издавал постоянно инструкции и правила, и предметом их было, как он выражался, «всеммерно благоприятствовать всякому свободному движению торговли и удалить все препятствия, какие при прежнем управлении нередко возникали из ложного понятия о ярмарках, о сборе ясака и тому подобных мерах». В Сибири относительно торговли с иппородами существовали до 1819 г. две системы. Одна из них была основана на опеке администрации над иппородами в прелупредительные казны и злоупотреблений купцов взвозом к иппородам волки и т.п. Но при этом понятие и местные чиновники и обращение иппородов от злоупотреблений купцов сами принались за торговлю и вели ее к общему благополучию — и охраняя иппородов, и не забывая себя. Другой системы домогался

постоянно купцы в своих выгодах, и ее привычки понимать под именем «свободной торговли». Сперанский склонился к этой последней и особенно способствовал ее развитию, покровительствуя местным купцам. В этом случае было не только замечательно его упущение, но излагая этим пропущенно и составленное им положение, послужившее основой к позднему законодательству для Сибири. Меры эти замечательны были по одному, а именно: по результатам, какими они отразились в сибирской истории. Система запретительная и отска над инородцем, как мы видим, привели здесь к тому, что чиновники захватили в свои руки торг и стали куншами. Что касается новой «свободы торговли» и покровительства купца кунши с инородцами по идее Сперанского, то она казалась тоже не особенно выгодной. Некоторые кунши, пользуясь покровительством и отсутствием всякой защиты инородца, взяли себе целые местности, как Нерчинский край, на откуп, закабалели торговое население и делали с инородцами и крестьянами, что хотели. Кунши закабывали в Сибири при помощи долгов не только крестьян, но и мелких чиновников. Злоупотребления их остались необнаруженными и безнаказанными и при Сперанском. В Якутске существовала та же система грабежа под видом торговли, и это тянулось до времен Муравьёва* (то есть до шестидесятых годов). Многие администраторы поздне Сперанского поэтому должны были начать борьбу с этим злом. Торговая кабала над инородцем и крестьянином до последнего времени составляет язву страны. Из этого видно, что как система вмешательства, так и дурно понятая «свобода торговли» в Сибири при известных порядках вели одинаково к печальным последствиям, а поощрения Сперанского «свободе торговли» только проявили другое зло, не менее опасное. Не изменились и другие злоупотребления сибирского брата при Сперанском. Система взятых подязов при Трескине, сопряженная с разграблением казны посредством непомерных подяжных цен, часть которых шла на взятки, конечно, доходила до крайности, но злоупотребления эти не уменьшались и после Сперанского. Реформа Сперанского ничего тут не сделала.

Собственно управление Сперанского в Сибири, как мы сказали, не могло ни принести заметных результатов, ни послужить к изменению дел. Управление это прошло поэтому незаметно ни дух его, ни меры Сперанского, ни личные качества не были

оценены и поняты в Сибири даже теми, кому он наиболее покровительствовал, как, например, торговым сословием. Сибиряки так приучились к регламентации, к вмешательству администрации, к «строительству» Трескина и ему подобных, что невмешательство Сперанского в дела общества и его осознанное «laissez faire, laissez passer»⁶ просто было объяснено ленью, неисполнением своих обязанностей и поставлено ему иркузянами в вину. Трескин же, наоборот, превознесен за его радикальность вместе со своей системой. «Трескин был прекрасный распорядительный начальник, — говорит сторожница Иркутска, рассказы которых помещены при материалах г. Валгина. — Трескин всегда *милов* был, *административный* человек. Он терпеть устроил, ведь это все, и уюды, и... все это Николай Иванович. До него — стыд сказать — «отходы» на улицу были. Брегские даже, -- на что уж! — и тех пахать заставлял. Словож, он ввел всю эту *цифру*. Ну, и *исправки* у него были *хорошие*, и *защедтели*...» «Трескина я глубоко уважаю, — говорит другой. — Это был *дегизнейший администратор*. В этих отзывах извиняют даже деспотизм и эгоцентризм Трескина. Лоскутов, по мнению современников, был *также отличный администратор*. Он устроил вьючные судские поселения, и тут же приводит рассказ в доказательство его способностей, как он *учил* поселенцев, «старшая всю шкуру с головы до пятки». «Сперанский же *не был администратор*, — прибавляет тот же мудрец сторожки. — Он был только умный человек на бумаге». Так, управление Сперанского было понято современниками, выдрессированными Трескиным.

Об управлении Сперанского с исторической точки зрения можно только сказать, что при старых условиях и при существовавшей обстановке, без солидных учреждений, на отсутствие которых он жаловался, при поголовном невежестве общества, злоупотребления исполнителей он и не мог произвести существенных изменений в ходе дел сибирской администрации. Как мы видим, он создал это и силится даже разъяснить другим, разрушая иллюзию, будто *одна его личность* могла что-либо сделать.

Составлением Сибирского учреждения⁶ Сперанскому выщало на долю расцесь горюча ужас 200-летнего сибирского управления и раз и навсегда прекратить послонно возникшие беспорядки и злоупотребления в Сибири. Но в силах ли он был это сделать? Управление Пестеля и Трескина отражало только вековой режим сибирской администрации. Таким образом,

чтобы искоренить неудобство и беспорядки управления, необходимы были не частные, а общие меры. Ревизия Сперанского, хотя и лучшего человека своего времени, не помогла, как не помогало прекращению злоупотреблений его управление. Средство оставалось одно: создать новое основание управления, усилить причины зла. Общие недостатки сибирского управления состояли в самовласти, бесконтрольности, безакунии и личном произволе, развившимися благодаря отдаленности страны. Правительство създавна сознавало, что управлять этим новопробретенным и отдаленным краем на общих основаниях не было возможности, а потому дано старалось создать в нем особенный порядок управления, свойственный местным условиям. Попытки эти проходят через всю историю Сибири. Когда-то при воеводском управлении был учрежден в Москве особенный «Сибирский приказ», которому всеведи были обязаны отчетом и который был вроде колониального департамента. С 1708 г. по 1764 г., то есть с Петра, Сибирью управляли уже губернаторы, жившие в Тобольске. Вся Сибирь называлась сибирской губернией и имела пять провинций. В состав ее управления входили не только Сибирь, но и часть нынешних Вологодской, Вятской, Пермской и Оренбургской губерний. Этим огромным районом заведывал один губернатор с огромною властью. Какова была эта власть, это видно по первому из губернаторов князю Гагарину, создавшему из себя сибирского воеводу. Губернаторская власть после Гагарина не только не уменьшалась, но постоянно увеличивалась. Между тем, устроена была военная омская линия с особым начальством, и к России присоединено было новое инокордское царство в лице киргизов. Тогда, при Екатерине, вздумали и в Сибири устроить особое наместничество. Екатерина вилала в Сибири обширную инокордскую колонию и решила дать ей права подчиненного царства. Она принимает меры в улучшение быта инокордцев, воздвигает покровительством торговле бухарцев, обещает из них создать особую торговую палату для пелов Сибири с делопроизводством на бухарском языке, уничтожает казенные монополии, накопел, наименоывает Сибирь «царством», дает ему особый герб с двумя соболами и чеканит особую сибирскую монету. В Тобольске символом царской власти, под покровительством которого считается это инокордское царство, поставлен был трон, на котором сибирский наместник принимал свидетельство верноподданства от хана средней киргизской орды и

оставших кивчей. Конечно, было странно видеть, что край, все более и более заселяемый русскими, вдруг как бы обратно назван илордическим царством, с предоставлением особого покровительства и даже автономии илордцам. Но это объясняется не столько тем, что Екатерина Великая хотела обратить Сибирь в первобытные формы татарского царства, сколько ее реформаторскими идеями, которые она имела в виду относительно целой России и которые не могли не коснуться и Сибири. В этом случае она скорее пробовала здесь создать нечто вроде отдельного и местного управления наподобие колониальных европейских держав. План этот не был окончательно приведен в исполнение и не был завершен, что от него осталось в Сибири обширная местническая власть. Уже первый местничек вместо того, чтобы стоять на ступеньках трона, учрежденною в Тобольске и илордическую власть одной монархини, возбрелся сам на него и таким образом возвел себя как бы о царское достоинство; то же произошло и в деле управления. Наконец, в 1799 г. местничество было отменено в Сибири, и трон отправлен в Петербург, а Тобольская и Иркутская губернии восстановлены в прежнем виде. Нечего говорить, что ни местничества, ни губернаторства не могли вполне обеспечить хорошего управления. Уже иркутский местничек Якоби попал под суд, за дим Лешало, наконец, последовали реинизации Селифонтова и снова илордичества. Мысль устроить в Сибири порядок управления, отдельный и собранный с ее положением, высказанная при введении общего управления в 1775 г., снова повторилась правительством и инструктору Селифонтову. «Сибирский край требует изменения как в разделении его, так и в самом образе управления особенно постановлением». С этой целью и был послан Селифонтов «для личного обозрения, собрания сведений, — как говорил инструктор, — статистических, географических и камеральных, и основания на самых достоверных сведениях раздела и порядка управления краем». Самое управление Селифонтову поручилось с временною целью, «прежде, нежели будут приведены к концу все предположенные к лучшему его образованию меры». Наконец, в 1803 г. учрежденное комиссарство было претерпело более общих преобразований, причем опять упомянуто, что эта мера принадлежит «прежде — пока возможно будет составить полное описание края».

Даже во время генерал-губернаторства в Сибири Селифонтова и Пестеля мысль об издании новых правил для управления

Сибирью не оставался правительство. По сибирским делам был учрежден особый комитет, подчиненный комитету министров. В 1814 году сибирскому генерал-губернатору предположительно была выдана новая инструкция. В 1816 году было предположено восстановить в России на всем пространстве наместничества — казенно, в этот план входила и Сибирь. Вероятно, в то время таким образом выражалась мысль о децентрализации. Сведения и материалы, в видах составления нового особого положения для Сибири, пролежали собираться и при Трескине. Правительство не могло только приступить к преобразованию сибирского управления, отложившее войнами 1812—1814 годов. Несмотря на то, в видах удобства местного управления и быстрого решения дел правительство делало постоянно частные изменения в сибирском управлении, между прочим, предоставляя главным администраторам особые уполномочия. Это дало повод последним самим хлопотать об увеличении власти. Таковы, собственно, были особенности в основанных сибирского управления в эпоху, предшествовавшую Сперанскому. Но в конце управления Пестеля взгляд правительства изменился: оно должно было усомниться в пользе увеличения этой власти, и министр Козодавлев выразил в своей записке решительное мнение против такого порядка. «В первое время открытия беспорядков в Сибири, — писал он, — они были приписываемы слишком ограниченной власти начальников, а потому она была усиливается постоянно и всегда, как новые и сильнейшие беспорядки открывались». Таким образом, явилось вновь сознание о необходимости ограничения власти правителей. Мысли эти высказаны довольно определенно в проекте министра внутренних дел Козьмичева, который обыкновенно ставит в параллель с проектом Сперанского. Рассматривая причины существовавших беспорядков, Козодавлев приходит к заключению, что для предотвращения их возникновения «необходимо начертать более сообразное с местными условиями управление». Проект его заключал следующие основания: «не распространяясь в исчислении всех эол, происходящих от самоуправления местных начальников, — пишет министр, — мне кажется, что власть их должна быть ограничена, а не распространяема и увеличиваема. Учреждение верховного в сибирских губерниях правительства совета или комиссии, частью определяемых из чиновников от правительства, частью избираемых из тамошних жителей разных сословий, может одно ограничить власть начальника, ко-

торий, как председатель сего места, имеет только перевес в случае равных голосов. Впрочем, в случаях, чрезвычайных и по делам, времени не терпящим, главный начальник может дело остановить или приказать исполнить без отлагательства, невзирая на несогласие совета, но в ту же минуту без малейшего промедления он должен сообщить об оном тому министру, до части которого произволимое дело касается». «Кроме того, — прибавляет Козодавлев, — мне кажется, что при ограничении власти местного начальника неизбежно будет усилить и власть магистратов и городских чиновников. Магистраты городов сестренских губерний доказали и доказывают пользу, какую они принесли и приносят промышленности, торговле и вообще образованности жителей тех губерний». Таковы были мысли министра, высказанные в заседании комитета, которые он предложил положить в основание реформы и перешел Сперанскому.

Что касалось мнения Сперанского, то после совершенной ревизии он видел также необходимость произвести коренную реформу сибирского управления согласно местным условиям края. Он сознавал, что управление на общем положении при отдаленности Сибири невозможно, и требуется создание особых оснований «Есть бы расстройство сего края было частное, то можно было бы и исправить его частными переменами, но Сибирь требует общего и совокупного во всех частях образования», — писал он, обозрев сибирские порядки: «Она не может быть управляема, как Новгородская и Тверская губернии, между тем настоящий порядок и правила олянокова», — присовокупил он в письме к Кочубею.

Трудность административных задач в Сибири состояла в том, что здесь не прилагались, не прилаживались вовсе те начала управления, которые проектировались в других областях, порождая совершенно иные результаты. Здесь не удавалось управление ни на общем основании, ни на особом. При том и другом порядке являлись особого рода неудобства. Если при одном порядке страна терпела от самовластия при увеличении власти, которая предоставлялась местным начальникам для скорейшего решения дел, то, с другой стороны, замедление дел и зависимость их от дальних центральных учреждений приводили в Сибири к другим затруднениям. Решения дел или какхлибо необходимых для края распоряжений приходилось ждать по несколько лет, так, раз пришедший груз в Камчатку со съестными припасами должен был дожидаться разрешения о при-

пятих их до Петербурга. Дела уголовные длились десятки лет. Таким образом, усиление власти и предоставление ей значительных полномочий посеяло произвол, а уменьшение власти и подчинение хода дел отдаленным высшим инстанциям рождало замедление и неудобства для края. Одни меры парализовали другие; сибирское управление требовало, между тем, местного управления со всеми гарантиями от произвола администрации. Централизация здесь привязала к одним злоупотреблениям, а предоставлявшие независимой власти начальникам на месте — к другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории. Эти задачи должно было разрешить и пришить Сперанскому.

Сперанский хорошо видел, что после управления Сибирью основывался на личном доверии к администраторам и что их власти не было положено оснований. Он поставил целью поэтому сибирских правителей подчинить законам и сделать орудием правительства. Но само ограждение законами не могло достигнуть цели, по его мнению, без особых прочных учреждений, могущих следить за этой властью. Самые лучшие начальники, предоставленные себе, могли ошибаться. Вот что чрезвычайно справедливо высказал он по этому поводу: «Если бы личная власть в Сибири, — говорит он, — предоставленная до 1819 года бывшим в Сибири главным правителем, и ограждалась подробными и самыми верными правилами, то и тогда, была удалена от падежи и не имел вокруг себя ни прегреша, ни предостережения, она легко могла бы перейти в самовластие. Доверие к личным свойствам тут не защита, ибо в самовластие впадают постепенно, нечувствительно и не всегда с худым намерением. Напротив, при намерениях самых лучших, по самому усердию к добру и желая дойти к нему кратчайшею дорогою или избрав решительнейшие меры, увлекаются и заблуждения, сперва для сокращения паруют формы маловажные, потом идут к минимизму, наконец, касаются и сущности дела и, таким образом, поступая всею по добрым побуждениям, ниспровергают порядок и, действуя по совести, действуют противозаконно». Главною программною и целью своей реформы он поставил поэтому: 1) преобразить личную власть начальников в установление и, соединив единство ее действия с *гласностью*, охранить ее от самовластия и злоупотреблений законными средствами, упредить ее действия (то есть распоряжения), чтобы они не были личными и домашними, а служебными и пуб-

личным; 2) усилить надзор, собрать раздробленные и бессильные его части в одно *установление*, и таким *учреждением изменить*, с одной стороны, *удаленный от Сибири надзор высшего правительства*, а с другой — *недостаточный надзор общественного мнения*; 3) разделить и определить те административные функции, которые были прежде смешиваемы в разных учреждениях; 4) привести в соответствие все части управления; 5) приспособить управление к особенному положению тех сибирских областей, которые при огромном пространстве имеют весьма мало населения; 6) ввести простоту и удобство обрядов в видах успешности и быстроты разрешения дел.

Как ни были благонамеренны и соответственны обстоятельствам эти цели, но, конечно, при всяких благих намерениях важнее всего их выполнение. А потому любопытно взглянуть, какими путями Сперанский стремился осуществить их? Имея в виду содействовать быстрому разрешению дел на месте и усилить контроль в сибирском управлении, Сперанский проектировал составить отдельное высшее управление для Сибири. Он предложил образовать в каждой части Сибири «главное управление под председательством генерал-губернатора»; главное управление должно было служить и высшим правительственным местом в Сибири. Генерал-губернаторская власть являлась исполнительной, она составляла только часть установления. Деятельность ее состояла только в надзоре и исполнении. Таким образом, он проектировал ограничение власти и специальное ее назначение. В помощь генерал-губернатору учреждались советы из чиновников местного управления и частью от министерств. «Мнение этого совета необходимо по всех важных предметах, присвоенных совету». «Но мнения совета без утверждения председателя недействительны, члены совета не могут останавливать исполнения, но они имеют право непринятое мнение представлять высшему началству». Роль советов была совещательная. Подобные же советы установились в помощи губернаторам из чиновников главного управления по губерниям и окружные советы у окружных начальников.

Таков был план, на котором построено сибирское учреждение. План этот основывался на введении коллегиального управления во всех частях вместо единичного и опирался на взаимный контроль одних учреждений другими. «Введенным коллегиального управления, — говорит г. Вагнер, — Сперанский имел в виду предохранить власть от ошибок и увлечений

Но это *никак* не ослабляло исполнительной власти, от нее зависело, принять или не принять мнение совещ. Одно уже это показывало теоретичность проекта, имеющего в виду раздм соединить и *ограничение*, и *независимость* исполнительной власти, то есть два противоположных начала. Присоединение сенатов к тому же не было собственно мыслью Сперанского. Еще в проекте наместничеств в 1816 г. предлагалось по всей России устроить при наместниках *советы* с правом совещательного голоса, в списке Козлядского упоминается о применении совета собственно к Сибири. Самый совет притом у Козлядского имеет более широкую программу, чем у Сперанского. Учреждение советов имело разительное сходство с теми учреждениями, которые Сперанский приволил в действие в первую счастливую эпоху своей деятельности в министерствах». Насколько они близки были этим учреждениям, по мнению Корфа, далеко не удались и не соответствовавшим первоначальным планам Сперанского, это трудно сказать, но что они были по плану, давно принятому для общего управления, с этим нельзя не согласиться, потому что главное управление Сибиря было скопком с областными губернскими правлениями. Известных в России с некоторым выделением совета и правом обсуждать только дела в большем размере. Точно так же они соответствовали и принятому принципу коллегиального порядка обсуждения дел в присутственных местах, принципу, существовавшему довольно давно и, как видим, не раз предлагавшемуся. Если чем и отличались проектируемые для Сибири губернские и главные управления с советами, заключавшимися в подчинении у губернаторов, то очень незначительно от прочих присутственных мест в России; принципиального же различия между ними не было. Сперанский старался примирить неудобства сибирского управления соединением коллегиального порядка с единоличным и гарантировать обыкновенной комбинацией при помощи зависимости одних чиновников от других.

В общем изменения и проекты Сперанского были столь скромны и столь соответственны обыкновенному канцелярскому поряку, что прошли чрезвычайно легко в комитете и разномыслия здесь были незначительны, исключая его проект об освобождении поземельных крестьян, что и было отклонено. Но Сперанский почему-то боялся, что его проекты и в этом виде не пройдут. Это дает повод г. Вагину задать вопрос: вышли ли проекты Сперанского в том виде, в каком они были

представлены или были значительно изменены? «Некоторые сибирские старожилы, — отвечает г. Вагин, — рассказывали нам, что изданное учреждение о Сибири значительно разнится от первоначального проекта, что в последнем, например, был дан простор выборному началу, которого вовсе нет и утвержденном учреждении, что сибирскому управлению предполагалось дать устройство, гораздо более свободное от централизации, что в Сибири предполагалось устроить особый департамент селата и т.п.». Некоторые из этих рассказов могли быть вымышленны, но другие согласны с мнением Сперанского, говорившем «о силе» своих предположений. Это дало повод заключить, что проекты Сперанского были увезены вверте и что он «по обыкновению своей уступчивости» решился переделать их в Петербурге, видя невозможность провести их целиком. Из материалов, биографий, сведений и писем Сперанского ныне ничего, однако, не подает повода заключить, что его проекты были изменены. Опасался же Сперанский, вероятно, того, что вследствие потери его влияния и вследствие оппозиции ему в Петербурге Аракчеева даже самые незначительные его проекты будут отвергнуты. Такое объяснение гораздо проще.

Как бы то ни было, из всех этих предположений видно, что новое учреждение сибирского управления не удовлетворяло ожиданиям и страдало недостатками, которые с первого же раза были замечены. Учреждение это обвиняли в том, что оно ведет к последствиям, совершенно противоположным, чем было высказано в программе, начертанной на основаниях. Наконец, ставили в вину, что проект Сперанского основан был на одном бюрократическом начале. Обвинения эти раздвигались как из лагеря консерваторов, недовольных заменою старого режима бюрократическими формами взамен приказного порядка, так и людьми, ожившими от Сперанского бодрейшей реформаторской инициативы. Один из противников сибирского учреждения Геленштром замечал при его введении: «Сперанский должен был восстановить в Сибири действие законов и с ними навлек гибель на Сибирь, потому что исполнителями законов стали чиновники, чтящие только удовлетворение своей прихоти и корысти...» «Вместо общего железного пека учреждение висело бумажный, увеличив до крайности письменное производство». «Власть генерал-губернатора только по видимому ограничена советом, в действительности все дела решаются по его произволу». Такие и подобные отзывы раздава-

лись об учреждении. Но мы остановимся на более современной критике сибирского учреждения, принадлежащей добро-совестному исследованию г. Вагина.

«Сибирское учреждение имеет другие, более очевидные в наше время недостатки, возбуждает другие, более серьезные вопросы, — говорит он. — Первым условием программы Сперанского были гласность и публичность действия власти. Но именно этого условия и не выполняет учреждение. Оно замыкает деятельность власти в тесный круг канцелярий и присутствий и тем самым налагает на нее характер бюрократизма, а не гласности и публичности. В сибирском учреждении нигде не постановлено того, чтобы постановления советов обнародовались во всеобщее сведение. Слова программы о публичности и гласности действий власти остались без всякого приложения в самом законе. При отдаленности правительственного надзора, при слабости общественного мнения недостаток публичности и гласности давал исполнителям возможность обходить и даже прямо нарушать его без опасения, что такие поступки их получат полную известность», — замечает г. Вагин.

Другой важный недостаток составляет, по мнению г. Вагина, та слабая степень самостоятельности, какую по учреждению Сперанского представляет организация местных советов. Членам советов предоставлено важное право — право инициативного, и коллективного протеста; но члены советов, хотя высоко поставленные в составе местной администрации, находятся в прямой зависимости от генерал-губернатора или губернатора и потому не могут с полной свободой употребить свое право протеста. «Всякий дорожит своим местом», — справедливо замечает Геденштром. Притом само право протеста было весьма ограничено. К тому же можно было всегда обойти протест и принять самую противозаконную меру, не внося ее в совет. По делам же, лично зависящим от начальника, право протеста вовсе не имеет места, и произвол может царить во всей силе. Таким образом, самое главное установление, на котором создавалось управление, не достигло своей цели⁴. Сибирское учреждение, кроме того, было составлено «наскоро», присовокупляет г. Вагин, и, ясное и полное лишь для самого Сперанского, оно оставляло широкий простор для произвольных толкований другим.

⁴ Однако меры, предложенные Сперанским, едва ли были ничтожны и неудовлетворительны, что «сибирский комитет» признал нужным составить совет главного управления, хотя отчасти из особых чиновников, не назначивших генерал-губернатору.

Мало того, в своем проекте о сибирском управлении Сперанский не только не был прогрессивнее других, но стоял даже ниже в своих требованиях других государственных людей. Указывал главные и существенные недостатки и проекте Сперанского, г. Вагин говорит: «Невольно является вопрос: почему Сперанский не использовался мыслью Козодавлева — ввести выборный элемент в высшее сибирское управление? Ему были известны личности, совершенно способные для выборов в этом случае, довольно незлобинного ума и поразочно образованные для того времени. Вероятно, он поразился, — говорит г. Вагин, — тем безвольным, порабощенным состоянием, в каком даже ныне находятся служащие по выборам во всех смешанных учреждениях. Эта зависимость объяснялась, однако, очень просто как положением городских и сельских обывателей в общей лестнице сословий, так и их невежеством». Но недостатки эти, по мнению г. Вагина, были незначимы. Тем не менее, участие выборных лиц, приспособившись они, в местных главных советах могло быть устроено и на лучших началах. При хорошей организации выборов могли избираться лучшие люди страны, люди независимые и по уму, и по характеру, и по своему положению. Так как таких людей требовалось бы немного, то и выбор их не был бы особенно затруднителен. Если бы даже большинство их и превалило обычной нашей апатии к общественным делам, то из среды их могли время от времени выдаваться личности, которые вполне сознавали бы свое назначение и выполняли его с энергией и достоинством. Появление таких личностей в кругу зависимого чиновничества, участие их в делах и влияние их принесло бы несомненную пользу. Во всяком случае, участие выборных и в известной степени независимых лиц в высшем управлении страной служило бы обеспечением против произвола и — что еще важнее и что принесло бы положительную пользу — участие людей, близко знакомых со страной и тесно связанных с ней своими интересами, могло помогать вышней администрации в знакомстве с положением и нуждами края, особенно в экономическом отношении. По всему этому нельзя не пожелать, что Сперанский не воспользовался мыслью Козодавлева, если это зависело от него, а не от обстоятельств.

Из материалов видно, что проект Козодавлева был известен Сперанскому, что доказывается письменным ответом на записку его. «В теории я совершенно встретился с вашими

мыслями, — писал Сперанский, — на практике — не знаю, но употреблю все усилия согласить их». Но, вероятно, в это время убеждения Сперанского вообще не особенно склонились к выбранному началу. Ну его удивления в Сибири видно, что он полагал и учитывал его даже там, где оно существовало прежде, как в городской и земской палатах. «Сибирским обывателям выборы нередко обременительны», — писал он в сибирском положении. Поддавшие выборного начала было тем гибельнее, что общество лишалось последней среды и средства защиты. Один из Иркутских стариков Н. П. Буляев говорит, что «кученство до Трескина было так сильно, что пять или шесть губернаторов сразу были сменены по их жалобам». После террора Пестеля и реформы Сперанского городские общества навсегда потеряли свою силу и самостоятельность. Меры его были совершенно противоположны в это время мыслям Козьмакина о значении выборного начала в городах.

В своем проекте, как видно, Сперанский не решился ввести в советы даже других должностных лиц, кроме занимающих уже известные должности на месте. Совет предполагалось составить из губернатора и председателей губернских мест. Эти недостатки сам Сперанский признавал и делал такие объяснения в своем отчете: «Давление было бы составить такой совет из лиц местного управления посторонних. Но, во-первых, составить его из дворянства и купечества невозможно потому, что там, в Сибири, нет дворянства и весьма мало купечества; во-вторых, составить совет из чиновников посторонних было бы противно экономии в людях. Впрочем, когда Сибирь более будет иметь населения, когда богатства ее привлекут в большое движение и доходы умножатся, тогда можно будет составить совет главного ее управления из людей высшего сословия, сие не сделает существенной перемены в предполагаемом ныне учреждении». Такое повеление Сперанского в Сибири, не оправдавшее ожиданий, несильно возбуждало удивление исследователей, припомнивая прежнюю роль его как реформатора, а потому старалось объяснить эту непоследовательность Сперанского только исключительностью его положения.

Исторические материалы указывают, что положение Сперанского в Сибири действительно не было спокойным и уверенным. Из писем к Котлубею видно, что во время отъезда Трескина он даже опасается, чтобы тот не вернулся в Сибирь,

снопа опрощались. Точно так же он знал, что Пестель в Петербурге имел связи у Аракчеева. Враги не оставляли Сперанского и в Сибири, как видно из той же переписки. В Петербурге интриговали и старались уверить, что он даже «безбожник, не верует во Христа» и т.п., хотя Сперанский был религиознее врагов своих. В одно время цинизм на него отчаяние и решимость выйти в отставку и ехать умирать в Пензу. Такое положение для реформатора не особенно было выгодно, особенно при его стремлении во что бы ни стало добиться приезда в Петербург. Стремления Сперанского в эту эпоху ограничивались, как видно, устранением произвола и взяточничества в администрации, что он думал сделать, закрыв деятельность администраторов в строгие формы и правила, ограничив их законом и взаимным контролем. Он предполагал, что «точно определенное правило для чиновников поставит оград от злоупотреблений и неразумения». Проведение строгого коллегияльного и канцелярского порядка составляло постоянный предмет его деятельности. Принимая во внимание, что такой порядок в свое время составлял замену староприказного произвола и произвольности, мы должны признать, что стремления Сперанского были до известной степени прогрессивны. В голове Сперанского вырабатывался новый административно-бюрократический тип бескорыстного чиновника. Он стремился к введению законности вместо прежнего произвола, хотя обстоятельства и не оправдали его ожиданий.

Достигло ли учреждение Сперанского всех целей, к которым он стремился? Установление Сперанского существовало около 50-ти лет, и после него этот шаг дал дополнительные результаты в Сибири, чтобы судить о нем. Принудительные Сперанским советы далеко не оправдали своего назначения: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантией от злоупотреблений, ни ограничивали власть отдельных начальников. Советы явились вполне им подчиненными и были только «ширмами для генерал-губернаторской власти», как выразился один из критиков позднейшего сибирского управления Дм. Заваляшин в письмах о Сибири, и «Маскировка ведомств» 1865 и 1866 гг. Генерал-губернаторская власть, по-прежнему усиливаясь и сосредоточивая в себе все части управления, по-прежнему воротилась к прежнему вичерейству, к прежней регламентации, а губернаторская власть или была бессильна против злоупотреблений, или отклонялась равнодушно к ним. Та-

ким образом, план Сперанского в главных чертах совершенно оказался практически несостоятельным, он имел слабые гарантии, а потому и начал разрушаться при его преемниках. Правила, начертанные Сперанским, никем не исполнялись, и один путешественник в Сибири отзывался, что уложение было утопией, дарованной испорченнейшему в мире обществу. После Сперанского Руперт, управлявший Камчаткой, выразился, что от так связан, что может зла сделать сколько угодно, а добра нисколько (Sibirien, Kotrell. Dresden und Leipzig, 1846 г.). Правда, вину в бездеятельности соданных учреждений трудно сваливать на одного Сперанского: этому было много причин, а между прочим и кратковременность пребывания Сперанского: его личное влияние в Сибири не могло еще укрепить в народе чувства законности и независимости от произвола. Невозможно было также, чтобы уложение дел вдруг изменилось потому только, что Сибири даны новые законы, тогда как *все другие условия сибирской жизни остались по-старому*. Большинство исполнителей вовсе было неспособно понять идеи Сперанского и провести их в свою деятельность, а те, кто понимал их, искал только орудия для своих интересов. Многие из преемников и исполнителей плана Сперанского далеко не стояли на высоте своего призвания. По отъезде Сперанского явились наместники, которые стремились парализовать его план и действовать противно ему. Уже первый генерал-губернатор Западной Сибири Кашевич (протже Аракчеева) с самого поступления в это звание стал приспосабливать те правительственные начала, коих введение и охранение составляло его обязанность. Вообще мы не ошибемся, если скажем, что сибирские законы Сперанского никогда не действовали в полной силе. Некоторые части их даже вовсе не были приведены в исполнение. Так, например, особые законы для суда над инородцами и особое сельское положение для суда крестьян даже нигде не были изданы. Стелные думы, проектируемые для инородцев, должны были доставить самостоятельное управление, подчиненное только общим окружным управлениям, на практике же они подчинились земским судам и сделались чем-то вроде волостных приказаний. Вмешательство земской полиции в дела инородцев, устранимое Сперанским, явилось прежде. Права хозяйственного самоуправления, данные Сперанским якутским казакам, были нарушены на первом же шагу и впоследствии постоянно нарушались. Заселение сельскими Сибири и приручение их к осел-

лости согласно уставу о ссыльных, проектировавшему Сперанским, вовсе не удалось. Кроме того, начинали развиваться прежние порядки. После Сперанского усилилась централизация министерств и парализована власть и самостоятельность местных учреждений; последние же, по примеру министерств, стремились усилить местную централизацию. Сибирские генерал-губернаторы приобрели прежнюю силу и независимость, чему способствовало присоединение различных ведомств. Искусственная регламентация снова входит в привычку администрации. Кашиевич создавал военные поселения. В Западной Сибири делались попытки введения опеки государственных имуществ, отживших свое время до внутренних губерниях. В Восточной Сибири после поселения закончились в казана, которые напоминали арабские поселения, и снова стали переходить до трескинского строительства и вмешиваться в мелочи городского хозяйства и архитектурной части. Одни украшали города, другие ломали дома, третьи проектировали поселения, а главные задачи управления усложнялись. Проявлялись отпрыски прежнего произвола и злоупотреблений. Таким образом, даже те слабые предположения и обещания, к которым стремился Сперанский, не оправдались. Местная администрация не улучшилась, и дела шли по-прежнему. Уже в 1827 г. накопившиеся злоупотребления вызвали вновь ревизию в Западной Сибири. Эта ревизия произведена была сенаторами князем Куракинским и Безярдным, в 1846-м и 1847 г. обстоятельства вызвали ревизию графа Толстого в Восточной Сибири и в 1851 г. следовала третья ревизия члена государственного совета генерал-адъютанта Анненкова. Все эти ревизии, и особенно последняя, открывали подлей беспорядки в Сибири и множество злоупотреблений. После этого полноты отныне местных жителей, приведенные в 1851 г. Великим о времени Сперанского: «При нем было получше — типе несколько, а там опять все пошло по-старому». С 1851-го и до 1881 г., в течение 30 лет, в Сибири ревизий не было. Между тем, нельзя не припомнить выражения Сперанского: «Двадцать лет без ревизии и без надзора достаточны, чтобы расстроить и привести в беспорядок благоустроенную губернию». Понятия отсюда беспрепятственно несущиеся из этого края жиды, как и создавшаяся идея своего рода мещанства, господствующая в сибирском обществе. Каждый приезд нового генерал-губернатора вызывает здесь сенсацию и ожидания, но надежды эти постоянно раздумались, и общество терпело разочарование.

рования. До последнего времени с отъездом каждого генерал-губернатора из Сибири открывалась та же картина беспорядков. Так было с отъездом графа Муравьёва, генерала Ступеликова и генерала Казначёва. В последние 23-летие бывал период полной распухлости и злоупотреблений, напоминавших время до Сперанского².

Режим генерал-губернаторской власти в Сибири поэтому вызвал следующий приговор: «В самом деле, что может сделать один сановник, не знающий края, не опытный в сибирских делах, перед кучею злоупотреблений, веками утвердившихся, когда за рутину стоит весь подчинённый ему персонал, когда с существованием старых порядков связаны материальные и моральные интересы всего чиновничества? Генерал-губернатор Сибири не оскверняет себя взяткой, а любимцы его ведут интригу и подсовывают назначения. Целью соим исправников, становых, урядников, распоряжающихся по-прежнему, сильнее генерал-губернатора. Они делают беззакония ежедневно, ежегодно, в тысячах сел и деревень, без всякого опасения. Риск попасться — самый ничтожный! из сотни тысяч беззаконий доносится одно; да и попробуйте уличить, найти свидетелей для опытного «старого воробья», хитрого на увертки и казуистику! Сибирский заседатель и исправник привык схватить куш, а там хотя бы и под суд: он обеспечен, делается домовладельцем и землевладельцем.

Прямой интерес местной бюрократии и политики ее состоит в том, чтобы предубедить приезжего начальника края против местного общества и населения, чтобы закрыть дорогу к жалобам и доступ к правде.

И этого не раз добивалось местное чиновничество. Оно старалось внушить власти, что Сибирь, изобильная и пристрастная к «ябедничеству». Такая политика практикуется с Пестеля и Трескина в Сибири. «Ябедник!» Известно, что значил прослать в Сибирь ябедником: это то же самое, что доносчиком на начальство, протестантом, крамольником, который истерит в обществе, и всякий поймет, чего это стоит при всемогуществе сибирской власти. Ябедникам угрожают острог и высылка в места отдаленные, и не раз сибирские челобитчики и искатели правды платились таким образом. Наконец, сибирское чиновничество, ведя интригу, старается удержать, что сибирское об-

² См. Нужны ли реформы в Сибири? Москва. 1881 г. Дореформенная Сибирь. Голос. 1881 г., № 162.

щество нецело, недоразвито, невежественно, грубо, что ему требуются «ежовые рукавицы», и, таким образом, играя властью и огромными полномочиями начальника, созданными на страх ему, обращает его силу в другую сторону. Такое предубеждение и борьба с обществом внушающая в Сибири самым лучшим сановником, присажившим принести пользу краю. Что же выигрывает от этого власть в Сибири? Во-первых, она остается одинокою, разобщенною с обществом, которое жило само по себе и ницало только страх к этой власти, не умевшей выникать и его нужды. Во-вторых, управитель Сибири чувствовал полное свое бессилие, находился без почвы и вне жизни населения. Испытыв горечь уединения, убеждая в бессодержательности, пригоревте и низости чувств местной бюрократии, окружавшей его, он спешил, как Сперанский, поскорее оставить эту неблагоприятную страну». До правительства доходили одни частные случаи, более общие понятия о положении дел оно могло иметь только из отчетов. Но отчеты составляли сами исполнители, и поверять их на месте было невозможно. Ревизию захватывали только один известный период времени, и по окончании их все могло идти по-старому. Общественное мнение если и было, то не имело для себя выражения. Многие вновь вводимые законы ослабили впоследствии прежние учреждения, силившиеся ограничить генерал-губернаторскую власть, а других учреждений не возникло. Самые существенные, самые последние реформы прошлого царствования после освобождения крестьян, как новый суд и земские учреждения и проч., еще не коснулись Сибири. Все это мало способствовало изменению к лучшему сибирского управления, и недостатки этого управления столь явно выте обнаружались, что, по мнению правительства, требуется вновь рассмотреть более удобных и сообразных с местными условиями начал управления. В последнее время в печати вновь начали появляться мнения о необходимости реформ в Сибири. Неудовлетворительное положение дел в сибирской администрации выразилось в последнее время циркулярами генерал-губернатора Симеоникова, точно так же публикуемыми распоряжениями генерала Фридерика, указывавшего на медленный ход дел и другие беспорядки. То же обнаружилось и в Западной Сибири: тобольский губернатор указывал недавно на накопляющиеся дела в судебных местах.

Настоящее положение администрации характеризуется, наконец, следующими отрывками местных начальников губерний.

Вот как отзывался начальник Иркутской губернии в своем отчете о положении дел: «В административных и судебных учреждениях губернии таким образом сохранились прежняя централизация, смешение власти, неравномерность в распределении труда и бедность его вознаграждения. Судебные учреждения страдают скоплением дел в судах первой степени, так что дела лежат по пяти и шести лет без движения; судебная деятельность полиции характеризуется тем фактом, что из ста семидесяти опию уголовного дела, представленного на утверждение начальника, отменено в 1872 году — 100». О сельском правлении говорит следующее: «В местных правлениях таловы безграмотны, выправляют за них писаря. Делопроизводство в местных правлениях громадное, выпускают до 20000 номеров в год исходных бумаг; разнообразие обязанностей требует такой всесторонности, какой не может добиться от своих органов даже губернская администрация. Кроме того, приносятся жалобы на злоупотребления в инокладских управах». Все это может исчезнуть, говорит начальник, когда будут в Сибири учреждения, коими пользуются в европейской России. Сибирские же учреждения оживили свое время. Относительно сибирского общества делаются им следующие замечания: «Общественные потребности здесь не создаются; нет крепко организованного общества, которое создало бы свою солидарность и умело управлять своими интересами. Недостаток этот обнаруживается тем, что золотопромышленники жертвуют сотни тысяч на устройство театра, богадельни и юнкерской школы, а между тем никто ничего не пожертвовал на дело изучения причин эпидемии и проч.» (Отчет начальн. Иркут. губери. за 1873 год). Точно так же характеризуется положение дел в Томской губернии: «Главный недостаток судебных и административных мест в Западной Сибири заключается в постоянной медленности и накоплении дел, — говорит начальник Томской губернии, — что происходит от недостатка развитых деятелей. Местные учебные заведения хотя и выпускают каждый год известное число воспитанников, окончивших курс, но лучшие из них отправляются в университеты и уже не возвращаются сюда; кто остается — не удовлетворяет потребности. Ожидать притока на службу способных людей из внутренних губерний империи невозможно, потому что там представляется ныне более обширное, нежели в Сибири, поприще правительственной и общественной службы при весьма хорошем вознаграждении. В Сибири же цитаты прежние и ограни-

чешные: столичный чиновник губернского правления получает 285 рублей жалования в год; помощник его — 215 рублей. Между тем, по нынешним ценам даже уже получает 10 рублей в месяц, этого 120 в год. Волостные правления, по отъезду, не представляют ничего отдаленного, волостные начальство безграмотно. Фактически удельноют или писари из мешков и других знаний, например, из ссыльных, не связывающиеся с местным обществом никакими интересами, часто безразветвенные и заботящиеся только о собственной своей выгоде; отсюда растраты, причем писарь остается в стороне, а отпечаток волостные начальники. Устранить это может единственно давление грамотности и выборы из местных крестьян, говорит начальник края. Административный и судебный строй остается для Сибири тот же со времени Сперанского, то есть с 1822 года, прибавляет он, особенно судебные учреждения, несмотря на увеличение населения и переполнение края элементом ссыльных; поэтому ныне действующие учреждения не могут справиться с громадным количеством уголовных и гражданских дел. До сих пор принятые меры оказываются паллиативными, и все вызывает необходимость судебной реформы в Сибири во всем составе (Отчет начальника Томской губернии за 1873 год). Понимание же отъезды мы находим о других областях Сибири. Наконец, это свидетельствуется и другими фактами: последнее время генерал-губернатор Казанков заставил Западную Сибирь далеко не в утешительном виде, как об этом писалось. Приезд его напомнил приезд Сперанского в Сибирь, жители осыпали его прошениями и жалобами. Во время его ревизии обнаружены многие злоупотребления и недостатки. Не вдаваясь в подробности, мы можем заметить, что настоящий момент во многом сходствует с эпохой, которую переживала Сибирь перед приездом Сперанского — так же чувствуется потребность перемен и обновления. Как тогдашняя Сибирь во многом отставала от России, так и нынешняя отстает и не похожа на внутренние губернии, живущие после реформ прошлого царствования другой жизнью. Эпоха, на которую простиралось учреждение Сперанского, как видно, оканчивает свое существование и отжило свое время, а с этим вместе является к учреждению Сперанского более несвязанное и критическое отношение.

Как бы мы ни объясняли обстоятельствами неудачи учреждения Сперанского, которое было и не вполне введено, тем не менее мы приходим к заключению, что основные цели его про-

Примеры — Китайская, греческая и швейцарская реформы — не были им известны. Косвенно существенных недостатков самому учреждению, названного им. И ошибка была в принципе. Сперанский слишком полагался на свои официальные, хозяйственные учреждения и не обратил внимания на другие стороны общественной жизни, которые должны были способствовать администрации и питать сами учреждения. Он мало подумал: значима общественному развитию и плодотворности общества и администрации та деятельность, которую должен был всегда иметь законодатель, в будущем. В этом случае несли бы сотрудничество с законодателем г. Вагнер: «Но жизнь народа зависит не от одних учреждений административных. Они развиваются под влиянием самых разнообразных условий. Эти условия никогда гармонизируются между собою, иногда противодействуют одно другому. От взаимности и противоположности их зависит большая или меньшая быстрота народного развития, то или другое направление народной жизни, но ни в каком случае народная жизнь не может зависеть исключительно от одного из этих условий. Учреждение страны именно только одно из условий народной жизни — правда, одно из важнейших, но не в каком случае не единственное. Невозможно переписать одним только учреждениям успех или упадок народной жизни; можно только показать место, какое они имеют в кругу других благоприятных и неблагоприятных условий. Слется важная одна и та же учреждений на народную жизнь может быть совершенно различна; здесь многое, если не все, зависит от обстоятельств». По этому поводу автор указанного сочинения о Сперанском старается обратить внимание на те аспекты, из которых складывалась сибирская жизнь и общее ее течение под влиянием различных условий. Сибирь никогда не была крепостного права, но, к сожалению, внимание и прилежание крепостного права отразилось и в Сибири — они выразились в самодержавии и слепом, переносимом из России разном законодании «Права и быт людей», — говорит г. Вагнер, — под влиянием тех-ких действий изменилось, являло не к лучшему, и нередко повлилось между нами то царство террора, к которому были способны только начальники, воспитанные в духе аракчеевских повелений или бывших кадетских корпусов». К числу важных, значивших развитие общества условий, кроме того, автор описывает существование и недостатки на месте образования Народное образование шло здесь чрезвычайно медленно. Сельские

училища, так сильно поддержанные Сперанским, были большей частью закрыты при его преемнике. В Западной Сибири только после 50-х годов сделаны попытки к учреждению этих училищ. Кроме двух гимназий, существовавших при Сперанском, только в конце 30-х годов была открыта третья гимназия в Томске и затем в 1869 г. в Красноярске. Число училищ осталось то же, какое было при Сперанском!

При Сперанском была мысль о высшей школе для Сибири, мысль об университете, которая существовала еще с 1803 года, но не была решительно ни поддержана, ни настойчиво проведена. Конечно, в местной администрации этот вопрос долго игнорировался, хотя потребность просвещения все более росла. Отсутствие высшего учебного заведения в Сибири лишило административно возможности приобрести на месте свой контингент образованных людей. Сперанский писал, что учреждения без людей тщетны и что законы не могут исполняться без исполнителей. Недостаток людей он считал величайшим препятствием к осуществлению наилучших даже узаконенных; Сибирь же должна была довольствоваться только приезжими образованными людьми. Сам Сперанский думал не только о количественном образовании для местных деятелей, сколько о преимущественном привлечении чиновников; так, он проектировал раздачу земель на заслугу, которая не повела ни к чему и благо-разумно была отменена правительством. В период зрелости Сперанский замечал уже с горечью, что в Сибирь едут только «ти-тулярные сонетники», то есть люди невежественные, которые вследствие указа, изданного об университетских экзаменах, не имеют никакой надежды служить в России. Впоследствии также вводились различные приваждения на службу в Сибирь, как двойные прочины и половина годового жалования, но контингент чиновников не был удовлетворительным. «Большинство всегда увлекали в Сибирь слухи, что Сибирь — «юпитово дно», — говорит г. Вагин, — что в ней можно найтись службой лучше и скорее, чем в других местах торговою. Все эти фантазии не имели ничего общего с Сибирью; им были чужды ее нужды и интересы; они не имели ни малейшего понятия о положении и учреждении края, которому намечивались посвятить свою деятельность, ни желания принести этой деятельностью действительную пользу краю. Они заботились исключительно о своих личных целях, а эти цели нередко стояли в разрез с нуждами края. Эти люди могли быть полезны только случайно, только

туда, если это было согласно с личными их выгодами: при этом у них не всегда доставало и умения на что-нибудь полезное. Такими-то лицами долгое время наполнялась нищая администрация Сибири. Одним словом, в Сибири выражались резко лютепие. Известное в наше время под именем *ташкент-ство* и носившее свое местное название. Явившиеся на службу образованные люди точно так же не могли дать прочного развития обществу, так как они приезжали на время и далеко не сливались с обществом, не составляли ничего с ним единого. В силу этого недостаток людей самые лучшие администраторы оставались одиночками и бессильными в борьбе с сибирскими беспорядками. В таком положении находились граф Муравьев-Амурский, Деспот-Зенович и мн. др., пребокавшие искоренить местные злоупотребления. Местные начальники жалуется на постоянный недостаток людей и на то, что истинно образованных лиц едва привлечь трудно. При недостатке образования само общество грубое; оно не имело у себя никакой интеллигенции, не могло создать ни ученых, ни человеколюбивых, ни литературных учреждений, ни сколько-нибудь смягчить свои нравы. При общем невежестве не могло выработаться ни здорового общественного мнения, ни чувства собственного достоинства. То, что в других местах ограничивало произвол или самодержавие, здесь полагало ему. Смысл состав общества в отдаленной Сибири, состоявший из торгового класса, подчиненных чиновников, белых мешан, безземельных крестьян и диких инородцев, не имел никакого настоящего значения и не мог противопоставить никакого отпора произволу. Дмитрий Завалишин в «Письмах о Сибири» выражается, что магическое слово «острог» могло наложить в Сибири всегда печать молчания на местного обывателя. Правильного слова поэтому не раздалось, а общество искало других путей, что способствовало как развитию злоупотреблений, так и понижению нравов. Подобострастие, грубая лень невежественного общества была всегда к услуживанию самого маленького начальника в Сибири и былошла его самого, если он только не был достаточно от нее гарантированной собственным достоинством. Обеды, торжества и овании начальству, как пишет один турист, вошли здесь в приятную обязанность. Эта лень деморализировала обе стороны. Сибирских начальников уверили, что остатки, например, жаждут поставить монумент в честь их и собрали на это пожертвования, или что иркутские буряты называли стипендии в иркутском благород-

ном институте девиц и т. п., между тем как подобные обольщения давали повод к новым поборам. При неслезности, при заботности жителей Сибирь оставалась страной беззастенчивости. Если в России с реформами развились новые требования жизни, гласность, общественное мнение, мешавшее злоупотреблениям, если русское общество оживилось при помощи многочисленных университетов, то в Сибири ничего этого не было, и она жила, полная дореформенных нравов.

Ко всему этому нало присоединить крайне ненормальные условия экономической жизни в Сибири, точно так же дававшие особое направление жизни. Откупа, золото, винокурение, монопольное пароходство, разные спекуляции в 30-х годах наполняют сибирскую жизнь и ошлепывают ее. Чиноничество не могло удержаться от общего лютства, оно пускается спекулировать. Уровень его бескорыстия сильно падает. В коротких годах администрация Сибири представляет множество слабых сторон, а прелатия сохраняют грандиозные подвиги сибирского чиновничества на поприще обогащения. Подле сурового генерал-губернатора Корчакова под боком являются чиновники, которые составляют громадные состояния спекуляциями. Советники губернских правлений пустились в золотопромышленность. Полкмейстеры и жандармские штаб-офицеры получали доход от тайной торговли и копировали золото, как и поборами с золотопромышленников. Горные исправники приобретали по сотне тысяч, потякая злоупотреблениями золотопромышленников и откупщиков, даже вольные писаря от найма рабочих приобретали по 6000 р. годового дохода. Были уголки в Сибири, потонувшие в неизмерной роскоши, как Алтайский горный округ с горным чиновничеством, расхищавшие промысла и богатства кабинета*. Разные монополии, откупа, золотопромышленность развили частные злоупотребления. Золотопромышленность приобрела вскоре преобладающее влияние на весь экономический быт. Вместе с ней развились спекуляции, разращение нравов, подкупы. Благодаря ей, с одной стороны, формировалось могучее сословие монополистов, с другой — эксплуатация населения. В общем своем развитии, привлекая капиталы, она значительно сдерживала развитие в Сибири некоторых наиболее свойственных ей отраслей промышленности.

* См. Администрация в Сибири. Газета «Неделя», 1873 г. № 15. История торгового мира. «Неделя», 1881 г.

В стране не развивалось долго прочной заводской промышленности, зато как в стране, стоявшей на низкой степени культуры, пользуясь привозной мануфактурой в кредит, в ней распространилась громадная зависимость крестьян и инородцев от торговца и кулака и все злоупотребления долгового закабаления, в которое поставлены целые области, вроде Березовского, Турханского края, Забайкалья и других мест.

Особенно было печально положение инородцев, обреченных на притеснения, бедствия и, наконец, вымирание. Инородческий быт представляет самую мрачную картину местной жизни, и борьба администрации против угнетения инородца до последнего времени была бессильна.

Подобные условия, задерживая развитие края, отвлекают жизнь общества в другую сторону, покрывают страну злоупотреблениями и ставят затруднения для администрации. Общество злее требует поэтому особенных забот о его воспитании, пробуждения в нем законности, нравственных чувств, солидарности и общественной деятельности в помощь администрации. А этого и не могли дать учреждения Сперанского, напротив, они сами постоянно парализовали общественную жизнь. Чтобы пробудить общество к жизни и призвать его к деятельности, необходимы были другие средства, о которых не думал Сперанский и мысль о которых, может быть, не созрела в сознании тогдашнего общества. Только в последнее время высказываются, что Сибири необходимы университет, земство, гласный суд, просвещение, развитие литературы и науки, открытие путей гласности и создание здравого общественного мнения, могущих двинуть жизнь общества на новую дорогу.

Выборное начало, что считал необходимым министр Козлов и имел в виду для будущего Сперанский, всего легче может быть ныне выполнено при посредстве земства. Там, где администрация, как убеждает трехсотлетний опыт, употребляет тщетные усилия к искоренению злоупотреблений, естественнее всего обратиться к самоуправлению и дать большой простор ему, создан из него самой действительный контроль.

Что касается установления вообще новых взглядов Сперанским на страну, то мы видим, по крайней мере в первое время, — они не отличались ничем особенным, взгляды его во многом сходились даже со старинными воззрениями на Сибирь. В первое время он смотрел на нее, как на место, «при-

годное только для ссылки, но не как на место для жизни и гражданственности, основанное на хлебопашестве и промышленности. «Сибирь — просто Сибирь», — писал он к дочери.

Впоследствии более ознакомившись с краем и особенно обследав юг Сибири, он несколько разубедился. В это время о юге Томской губернии он писал Гурьеву, как о «крае — благожелательнейшем не только в Сибири, но и в целой России». «Природа его назначила к сильному и богатому населению, — говорит он, — металлы составляют только часть и, можно сказать, не самую важную часть внутреннего его достоинства. Все почти руды копейства и в самом большом размере могут быть в нем устроены». Впоследствии точно так же он изменил и другое мнение, а именно, что Сибирь населена исключительно скляными. Наконец, он выразил мнение, что «Сибирь достойна и во всем отношении требует государственных соображений», и говорил, что он открыл Сибирь как Ермак, для России; конечно, он разумел под этим то, что он установил своим управлением на нее гражданскую точку зрения, но ознакомился вполне с нуждами края она, конечно, не мог. К сожалению, лучшие взгляды и воззрения Сперанского не получили популярности и не прошли в общество, зато другие взгляды давно продавались еще жить. Сибирь оставалась и после него по-прежнему «просто Сибирью». В сороковых годах думали даже, что Сибирь не может принести никакой выгоды России, что все пространство от Алтая до Ледовитого океана осуждено природой оставаться дедовой пустыней и не иметь никакого ни промышленного, ни гражданского значения. Мнения эти, конечно, были в высшей степени странны относительно местности в 240000 кв. миль с разнообразным климатом и неисчислимыми, нетронутыми богатствами.

Многие нужды и потребности края при Сперанском еще не были выяснены. Так, Сибирь остается штрафной колонией. Благодаря штрафному назначению гражданственность сибирских областей немного задерживалась, точно так же они не могли воспользоваться многими правами, доступными другим областям России: для сельских, конечно, не полагалось реформ. Только ныне, по мере развития гражданственности и с лучшим выяснением промышленного, экономического и политического значения этого края, устанавливаются на него более благоприятные воззрения. Вместе с тем и жизнь края выдвигает целый ряд местных вопросов о значении ссылки, о свободной колонизации, о соеди-

нения края с Европой железными путями, вопрос инородческий, промышленный, вопрос о развитии сил края и пробуждения общественной жизни и т.д. Вместе с тем краю придется все более государственное значение. В деле культуры, цивилизации и торговли в Азии ему указывается уже теперь видная роль в будущем, точно так же, как широкое и богатое развитие в условиях его гражданской жизни.

Нечего говорить, что многое не могло быть предугадано во времена Сперанского. Высший законодатель и реформатор может стоять уже на другой точке зрения: то, что при Сперанском могло быть главным, то может считаться побочным, и наоборот.

Неумудрено понять поэтому, что современные нужды управления, а также административная реформа в Сибири рассматриваются ныне несколько с иной точки зрения. Прежним сибирским учреждениям с их сложным бюрократическим механизмом и генерал-губернаторской властью не приписывается более всеисцеляющая сила*.

Все соображения по этому поводу заставляют ныне склоняться скорее за управление и в крайнем случае за уменьшение генерал-губернаторства на Востоке, чем за их поддержание. Сокращение Оренбургского генерал-губернаторства в 1881 году делает весьма видный шаг в управлении восточными областями и степями по преимуществу. От подобных сокращений выигрывает только бюджет и ускоряется прояснение гражданских и культурных начал в жизнь населения. Что касается управления сибирскими губерниями Восточной и Западной Сибири, то, обладая русским полноправным населением, они не нуждаются более в «особенностях управления». Весьма продолжительный опыт доказал ясно, что такие особенности не послужили гарантией ни от злоупотреблений, ни от самовластия, напротив, сибирские генерал-губернаторы со времени Сперанского наперекор духу «сибирских учреждений 1822 г.» и существующему законодательству стремились расширить свою власть, сосредоточить полномочия всех ведомств и этим уничтожить всякий взаимный контроль и почву правильной организации законности. Во все время трехсотлетнего существова-

* По последним известиям, есть предложение образовать только пограничные генерал-губернаторства на Амуре, в Туркестане и в киргизских степях. Остальные же губернии Сибири привести на общее положение с уничтожением существовавших особенностей.

нии края не было обстоятельств, когда бы генерал-губернаторские уполномочия явились необходимыми. Все, что мы видим в истории управления края, — это постоянную борьбу центральной власти с заместническими наклонностями, лицедейством и закононарушениями местных управителей. Такова история генерал-губернаторств, начиная с Гагарина, Якоби и кончая игрою в честотобие позднейших администраторов. Многие деятели, знавшие историю края, с упреждением генерал-губернаторств на Востоке предвидели устранение последних препятствий и противопоставляющих сил гражданским реформам в Сибири. Такая власть, по существу, не могла переносить каких-либо самостоятельных и отраженных законом учреждений, и том числе даже и «Нового городского положения». Вот почему общественный голос и высшая власть ордитакво признают своевременность упразднения сибирских генерал-губернаторств. Из этого следует, что административная реформа в Сибири не может ограничиться в данную минуту одною внешностью и размежеванием районов управления. Вероятно, потребуются изменения по существу и замены старых учреждений новыми. В Сибири, как и везде, предстоит выделение военной власти от гражданской, которые ныне сослинены в лице генерал-губернаторов и военных губернаторов, выделение функций суда от администрации, что может быть достигнуто выделением новых судебных учреждений, уничтожение особенностей административного управления и введение общего положения по управлению губерниями с починением губернских учреждений министерствам, а не генерал-губернаторам, наконец, выделение от администрации дел по земскому хозяйству и призвание общественных и земских сил к содействию и удовлетворению насущных своих потребностей. Одно губернское управление мало принесет еще пользы. Губернская и особенно земско-полицейская администрация бессильно сощадит с чуждосторонними земскими нуждами, она не может ни содействовать грамотности и просвещению, ни помочь народному здравью, ни регулировать повинности. Это сознают хорошо сами местные администраторы, представляя единственным оправданием, что у них нет других органов, кроме заседателей и исправников. Таким образом, одна реформа губернской администрации темельсима ныне без помощи других учреждений, общественных и земских. Это те самые органы, о которых мечтали Сперанский и Козодавлев.

Управление Сибири и реформа Сперанского 367

К введению тех же реформ в Сибирь, какие введены в европейской России, теперь не может истрепиться присутствия, принимая во внимание гражданское развитие населения, земскую силу его, податные обязанности, общественные повинности, которые несет местное население наравне с другими областями империи. Только при участии земских сил достигнется тот контроль в земском хозяйстве, к какому стремиться сыздавна высшая власть, уничтожатся существующие злоупотребления и устранятся другие затруднения по управлению. Вместе с тем администрация будет иметь под рукою живую силу общества, а не мертвый механизм. Призвание этих лучших земских и народных сил на общественную арену, соединение общих усилий администрации и общества на благо и пользу населения будет единственным разрешением административного вопроса в Сибири. На Востоке по причине его отдаленности, отсутствию контроля и согласия в деятельности администрации, при отсутствии связи приезжих чиновников с местной средой призвание общественных элементов может оказать услугу более важную, чем где-либо. Рядом с этим апатичное доселе к своим делам общество лучше научится понимать свои гражданские обязанности, пробудит в себе самостоятельность, уразумеет цель своего существования и в идее гражданского развития осуществит залог лучшего своего будущего.

Потребность знания на Востоке и образование в Сибири 369

оказало влияние на всю мировую цивилизацию, то открытия русских в Азии имели сравнительно весьма ничтожное значение и оказали слабое влияние даже по отношению к России. Чтобы определить, насколько научные знания участвовали в открытиях, сделанных нами в Сибири, достаточно вспомнить, что ее завоеватели были простые казаки, невежественные простотолпы, а колонизаторами — «уездные люди», промышленники и беглые крепостные рабы, точно так же, как достаточно исполнить о степени умственного развития России в XVI и XVII столетиях. Значение открытий на Востоке долго не сознавалось самим русским обществом. Открытия Дежневым Берингова пролива, Адамовым — на льдах северка, Поярковым — в Охотском море и Хабаровым — на Амуре не имели европейского значения до тех пор, пока они не были исследованы Берингом, Врангелем и другими. Не пылкий дух знания, не интересы мировой науки двигали нашими открытиями в Сибири; вторжение в нее было последствием бесчуждей и слепой отваги, энергии, искавшей выхода из стесненных обстоятельств, в каких жила русский народ в XVI столетии. Большинство же дальнейших открытий и завоеваний наших в этом крае руководил дух наживы и погоня за богатствами. Торговые и промышленные люди в XVII и XVIII столетиях, выселившиеся в Сибирь, занимавшиеся здесь промыслами и торговлей, были также люди, совершенно невежественные; начало сибирским поселениям было положено людьми без всякого образования, неграмотными. Даже те из них, которые стояли во главе обширных предприятий, как Шапаров, открывший Таймырский берег, или Баранов, глава русско-американской компании, были люди полудикарские и грубые. Что касается крестьянства, то, конечно, оно представляло темную массу и стоицикую силу, двинувшуюся на Восток без всякого сознания своей роли здесь. Культурное развитие населения в XVI и XVII стол. соответствовало тогдашнему положению невежественной Руси. Оно с собой принесло земледельческий промысел, и это было все. Словцов прав, давая следующий отзыв о первых колонистах Сибири: «Они же принесли мастеров, кроме навыка срубить дом и затопить упряж, да пахотные способы; женщины их умели только соткать толстый холст и сержажное сукно для своего обихода». При своих скудных средствах переселившиеся крестьяне, отпущенные государством вперевод от оставленного русского населения, долго находилось в Сибири оставленным на произвол и на борьбу с суровой природой в лесах и тундрах.

Жизнь Сибири до начала нынешнего столетия и даже далее была жизнью страны *невежества* и варварской в полном смысле слова. Искание и разработка сибирских богатств совершалось слепо и хаотично, открытатели золота и серебра, были людьми без всяких технических знаний. Эксплуатативная лезла, мехов, рыбных промыслов и минеральных богатств была, по выражению одного историка сибирской культуры, историей расхищения естественных запасов природы.

Конечно, нельзя сказать, чтобы новый край не возбуждал любознательности в переселенцах; известно, например, что некоторые из них чертили самодельные карты, по которым составлена чертежная книга Ремезова или карты Шалаурова, одобренная Врангелем; некоторые являлись знаками трав, вроде Этингера, составившего первый трапник, и с.д., но эта любознательность, этот порыв ума к личности замирали, не находя средств опереться на науку. Русские открытия в Азии и приобретение нового неизвестного континента не освежили русского общества и не дали ему толчка.

Что касается самой колонизации и культуры Сибири, то она также в XVI, XVII и XVIII столетиях не отличалась ничем замечательным, в ней также не существовало влияния. Русский просидевший колонизатор Сибири наугад, без всякого расчета: он начал сперва север, захватил тунды и оставил в пренебрежении юг, который начал заселяться долго спустя. К тому же езда ли не большинство колонистов состояло из бродяг и авантюристов, которым क्या должна была выслезистия подносить хлеб, чтобы они не умерли с голоду. Массы народа гибла и терпалась по лесам, бросаясь наобум вперед; русские чаще оставили уже занятые земли, как, например, по Амуру. При невежестве населения очень туго развивались торговля и промышленность. Китай долго не привлекал нашего внимания. Торговля с Джунгарским ханством и Бухарою, достигшая значительных размеров в половине прошлого столетия, внезапно прекратилась в начале нынешнего. Владения на Восточном океане несколько не способствовали международной торговле и не создали у нас торгового флота. Русские долго эксплуатировали инородцев и кончили их разорением. Переезд колонизацию в Северную Америку и добыв в своих исканиях богатства до Калифорнии, русские в самой Сибири до начала нынешнего столетия не могли завести торговля с киргизскою степью. Они не сумели воспользоваться ни своим географическим положени-

Потребность знания на Востоке и образование в Сибири 371

см, ни топографическими условиями, ни естественными произведениями богатого и обильного края. Гражданственность в Сибири туго прививалась, население росло медленно: только с половины прошлого столетия оно начало выходить из лесов. На всем пространстве Сибири были раскинуты только белые остроги; как население было ничтожно, можно судить по тому, что к началу нынешнего столетия оно составляло миллион с побольшим, а на всем Камчатском полуострове считалось только две тысячи мужского населения. Русские переселенцы не оказали никакого влияния на литературный и культурный облик. Самой России Сибирь приносила менее пользы, чем можно было рассчитывать. По мере приобретений на Востоке на Сибирь возлагались пылкие надежды, но после первых увечений авантюризма вслед за обольщениями и ожиданиями выгоды явилось полное разочарование, бывшее результатом пагубной культурной несостоятельности, и Сибирь сделалась надолго забытым и заброшенным краем, судьба которого вызвала следующую характеристику местного историка Словцова. «Сибирь, как страна, заключала в себе жалкое дно, но, как часть государства, представляла ничтожную и бездешную область».

Такой жизнью жила Сибирь до второй четверти XIX столетия. Проводившими проселения здесь в XVI и XVII столетиях могли бы явиться служилые люди и духовенство, но, к сожалению, военные и служилые люди редко чем отличались от массы остального населения; в Сибирь их приплывала та же масса. Что касается духовенства, то даже в прошлом столетии в Сибири еще встречается масса священников безграмотных. В XVIII столетии старые служилые люди сменили цыганские люди и старые подьячие, которые также не могли быть представителями образованности. Уровень понятий и знаний в тогдашнем сибирском обществе характеризуется следующими примерами: когда Петр Великий предписал сибирскому начальнику собирать для музеев всевозможные «раритеты» из области сибирской природы, доставлять замечательные экземпляры местной флоры и фауны, то служилые люди были поставлены в величайшее недоумение, не понимая, чего от них требуют. При Екатерине II хотели предпринять топографическую съемку, но в Сибири не нашлось для этого сколько-нибудь знающих людей; местное начальство не могло доставлять самых элементарных географических сведений. Первое духовное лицо в Тобольске в начале нынешнего столетия, по свидетельству аббата Шанпа,

не хотело перить, что Земля обращается вокруг Солнца. Не богаче была научными познаниями Сибирь и впоследствии: в 1840-х годах в Сибири был разослан местным начальством циркуляр, приказывающий разыскать и доставить где-то будто бы убитого шаржа соболей, который по величине должен был равнятьсяся, по крайней мере, слону.

Жизнь сибирских городских обществ в начале XIX ст. обрисована в последнее время местными исследователями Вагиным и Шаповалом по мемуарам и запискам старожилов. По словам современников Трескина, и обществе иркутском в конце XVIII и в начале XIX в. «была дичь совершеннейшая, образования не было почти никакого». И это свидетельство действительно подтверждается фактами. Кроме существовавших некогда панитатерских школ, в Иркутске до начала XIX столетия не было никаких училищ. Только при содействии Трескина в 1816 — 1817 гг. открыто было по Иркутской губернии до 18 кое-каких приходских училищ; но до Сперанского да и после существование их было самое жалкое и шаткое. Крестьяне желали вовсе избавиться от училищ, «как от некоторой обременительной повинности».

Не менее равнодушно относились к образованию и городское общество. Еще в 1821 году иркутский губернатор Цейдлер писал: «Чинovníки заешно стараются только обучать детей своих грамоте и спешат записывать в канцелярскую службу для достижения скорейшего офицерского чина, и потому обучаются они плохо и поступают без сведений и малолетние на службу, и потому нет надежды, чтобы кто сыну своему предназначил трудный путь наук, и потому скоро развращаются и делаются неспособными к прилежанию и занятию трудною наукою; купечество, имея в виду только приобретение богатства, ведет детей своих особливо дорогою, причая ходить с ободами, закупать в Якутске белку, лисиц, соболей, отвозить их в Иркутск, и оно довольно, ежели 14-летний мальчик преодолевет трудности дальней дороги». В Сибири есть целые волости, не умеющие ни читать, ни писать, и только немногие имеют понятие о том, что делается за их околицей.

Еще недавно в Сибири были безграмотные священники, управлявшие службою на память. До какой степени распространены здесь суеверия, свидетельствуют следующие, опубликованные местной этнографией факты. Так, например, в дневнике Поменцова, домашнего секретаря Трескина, а впоследствии члена

совета главного правления, следовательно, самой интеллигентной личности по положению, под 1819 годом записано: «Мня 21 докладываю губернатору, что лесной в старом генерал-губернаторском доме давил часового. Прощестствие случилось, пополуночи в 6 часов. Солдат сказывал, что сначала приподнял к нему военный офицер, потом старик, который попочувал его табаком, просил сделать на караул, что часовой исполнил, но старик не был этим доволен и ударил его по щеке. Затем поехали из старика маленькие безобразные чертенята. Они напали на бедного солдата и издавили его, и он к вечеру отправлен в лазарет. Предание говорит, что в наместническом доме давно показывались разные привидения: то старик с тремя глазами, то волк с ишаментною пастью, то криворотый папереш и т.п. В полночь, отворялись двери, пол полом бременди кандалы, выходил Лещиано и проч. В мае же часовой от каначейства видел в старом наместническом доме несимую большую свету с огнем, а другой, стоявший на противной стороне, был осыпан камнями и видел человека в белой рубашке». Иркутская духовная семинария, этот единственный вертоград¹⁰ высшей сибирской интеллигенции, как ныне, так и прежде, по своей замкнутости и по схоластическому направлению науки не имела и не могла иметь живого влияния на умственное развитие иркутского общества. Но все-таки в прежнее время при жалком состоянии губернской гимназии, при отсутствии интеллигентного класса в обществе наиболее любознательные граждане иркутские, по-видимому, интересовались несколько и семинарским учением. Впрочем, и тут для них, кажется, только и были гиперены какие-нибудь высокоторжественные выражения семинарских муз или описания каких-нибудь особенных случаев, вроде посещения семинарии санитором и т.п. Самостоятельная умственная работа и критическое отношение к действительной жизни в сибирском обществе в начале XIX века, разумеется, были немислимы. Граждане иркутские тогда еще без разбору и с одинаковым искусом читали как и условия оптимистические, так и кое-какие критические статьи разных сочинителей. Они увлекались всяким забавным балагурством, всякими смехотворными изречениями и потешными афоризмами, имевшими некоторую претензию на юмор или сарказм, всякими песнями и одами, отзывавшимися хотя бы самыми слабыми сатирическими тенденциями. Об общественной жизни городов Восточной Сибири историк замечает, что в Западной Сибири, в Усть-Каменогорской крепости, общественная жизнь даже, как

вною, была живая иркутской, а Усть-Каменогорск, надо заметить, походило на ту линейную крепость, которая описана у Пушкина в «Капитанской дочке». В самой столице Сибири, в Иркутске, в этом центре сибирской интеллигенции, общественная жизнь была так же дика, как и на далеких окраинах Востока. Н. П. Булатов, современник Трескина и Сперанского, характеризует ее следующим образом: «В старину, я помню, здесь в общественной жизни была совершеннейшая дичь. Разделение полов было чрезвычайное не только в купеческом, но даже в чиновничьем классе. Если вы только знакомый или даже родственник хозяину дома, но не близкий, то вы могли быть с ним тридцать лет знакомы и никто не видел из его женского семейства. Бывало, соберутся на вечер, даже не на протест, а на парадный, с танцами; мужчины сидят в одной комнате, женщины — в другой, и никто ни слова слышно, как муха пролетит. Начинается танцы: кавалер с дамой движется молча, как марионетки. Выдумали вы поговорить со своей дамой — слышите от нее одно-сложные «да» и «нет», а если вы услыхаетесь разговаривать, то увидите, что какая-нибудь маменька или тетюшка попойдет к вашей даме и скажет: «Пойдем, Дуниша, пора домой». Вы упрашиваете, чтобы по крайней мере позволили кончить танцы. Вам отвечают: «Нет, батюшка, нам здесь не компания». С приходом Сперанского общественная жизнь оживилась, начались праздники, вечера. Они внесли и натуру житейскую обстановку новый элемент. Разумеется, при общей неокрепости Сперанскому приятно беспрекосно и это нововведение. Бывали и скандалы, не крутые скандалы, а так, разные недоразумения, скорее, следствие нашей дикости: взглядов ни все новое. С его времени мы стали видеть новых людей; а прежде было, если пройдет по улице человек с крестиком, то за ним, наискосок, бегут ребяташки». Сам Сперанский в одном письме из Сибири к дочери так описывал специальный склад и характер сибирского общества: «Сибирь есть просто Сибирь, то есть прекрасное место для осмысленных, выгодное для некоторых частей торговли, добычное и богатое для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования. Худое управление сделало из Сибири сущий вертеп разбойников. Едва верят земные обыватели, что они имеют некоторую степень свободы и могут без страха и наказания собираться, паченать или ничего не делать. Мы впервые зашли здесь общественные собрания, и та собрания этих я, например, польский веду со стадухой, олетой в платочную юбку

Потребность знания на Востоке — обрявание в Сибири 375

и шумом и повязанной платком. У нас спектакли, а у нас своего рода маскирады: это сущая история всех наших диких костюмов. Тут китаицы, японцы, якуты, шаманы и Бог знает, что тут нет, и все суето с большой тошнотой. Умного разговоры в обществе почти нет никакого. Я привлек здесь к удивлению, не с кем слова перекинуть. Спокойно, один здесь умный и несколько острый человек, болел и стар: ло потухающий огонек, который горелка только искривает. Какое невыносимо тяжелое положение! Три почти года не слышать ни одной нити, прибавь к сему — *ни одного почти умного слова*, три года ни разу с удовольствием не смеяться. Видел и здесь на бере у тобольского губернатора и *эвенское общество*, *сужь да крат, да две-три набальные лани*. Таково было мнение первого образованного человека своего времени о сибирском обществе и его жизни.

При господстве эстетических, кулацки-приобретательных и семейно-ролевых интересов в сибирских городских обществах крайне недостаточно было развитие общественной солидарности, социального общечужия. Например, о городе Неринске иркутский епископ Миданов писал в 1821 году: «Тамошние граждане *стали уже несовоестны в сердцах своих*, как дамы их, распадались на большие расстояния, подобно пчелам луковичным». О жизни и физиономии Иркутска после Сперанского мы можем судить по одному любопытному памятнику 1827 г., измышляющему у нас в руках: «Внешность города крайне непривлекательная, ветхие дома выходили на улицу углами, пыле задницами, надворными стенами, иные подуривавшимися садами; тесулкиже и дырявые тротуары существовали только на двух улицах; берег Ангары, *исключительный по своему местоположению, начная от триумфальных ворот до сибирского дюпора завален был мусором*». Этот же путешественник передает свои впечатления, произведенные на него городом, так: «Я не слышал нигде ни одного *музыкального звука*, ни одной рудыды вокального *пения*. Все было тихо, как в пустой хранилище, только *исрека в торговых домах звучали цепи сторожевых собак* и раздавался тревожный набат *покалотки*!». Если случались заподозленные дропки, то они зчались по пустой улице опрометью и моментально исчезали во дворе за массивными воротами. Потом снова *попяркаясь могильная тишина* — и *какая-то безотчетная тоска* закардывалась в мою душу». Практически-умный и эстетически-деловой характер иркутского общества довольно хорошо обрисован одним местным поэтом тогошнего времени:

У нас пока в Сибири два предмета:
 Мозольный труд и галовой расчет.
 Всем нужен хлеб да всякая монета,
 Так любознание кому на ум пойдет?
 Кулея сидит, как филин, на прамане,
 Его жена чашек с кумою пьет;
 Чиповный халат хлещет о *придавке*
 И прочно гвозди себе не вьет.
 Сноузия здесь, а завтра — за Уралом,
 Кто здесь-то, тот одет генералом,
 Кто не сумел, тот с пашком идет.
 Паробочник несет армя тортолки;
 Кто здесь-то *сплошь*, а те *оболты*.
 Он тоже спит в твоей пашной крольке,
 Его примет — походный балаган.
 Он тоже гавкает на Завала, как астролем,
 Он бредит вля Денев, вля Волыню, вля Довом;
 Там у него отчины, там родня
 (И эти все пожитки для меня).
 Пшеничные с утра до поздней ночи,
 С пером в руках, жмочат дашь о том,
 Как свисть игол крутелей и повороче,
 И своим азбуке двенадцать уже просточе...
 А тот, кого судьба сбавбавала
 И гневдишко отвадил его свяла,
 Гладет: не нам учить себя сначала,
 Молоденьком ты ечерь пришла.
 Сумел пожить с немурдильким улитком
 И пеньку, а пражку, а почет,
 И кое-что в наследство ребятишкам —
 Коиты коитом! Закован наш расчет...³

Среди отсутствия всякого умственного и общественного интересов местное общество, привычки к своему старому образу жизни, прожило десятки лет как улитка в раковине. Его не возбуждали ни интеллектуальные, ни литературные и эстетические потребности. Путешественники, как Шатт, Паллас и другие, отменили эту жизнь безобразными кутежами. Одна туристка рассказывала, что, остановившись в сибирском городе, она увидела музыкальный «орган». «Что это, у нас иродот?» — спросила она. «Нет, ксириен, не итрасть» — «Оуево?» — «Да в него шампанское льют». Оказалось, что перстившиеся гости избавились таким путем от утомления. Такова была судьба музыкального инструмента на Востоке. Иногда эта тупая жизнь на окрестной окра-

³ Этот замечательный памятник сибирской этнографии носит название «Воспоминание посылки по Достопной Сибири» А. Александрова.

По требности знания на Востоке и образование в Сибири 377

после до того уже огуливая людей, что взгляды и мироощущения их ничто не могло изменить; самый сильный свет и масса новых впечатлений не поражали человека: он был слеп и глух ко всему. Примером этого может служить сибирский купец Мальков, посетивший Петербург в 60-х годах, в то время, когда было все оживлено и одушевлено движением общественной жизни. Что же делает этот сибирский выловец среди этого движения? Вот что сообщают труды алтайской местности о г. Малькове и его воззрениях на Париж, куда случайно занесла его судьба.

«Вавилон, — говорит Мальков. — Вавилон, злейший дрянесто; котлы мяса и плоти услаждение волшебное; хождение в волях сердец своих, единый закон, кумир, задача, цель жизни! Либерализм, обладавший Вавилоном этим, распорядится так же черنو и самовластно своими поклотниками, как бубен шамана и щесты с повернутым на них трезем и конским волосом — своим; фасон и материалы другие, дух — тот же. Все неутоменно, тревожно, второпях и угорелой многопопечительности, почти неестественной, пекут этот «насушенный хлеб свой»; и высоко всходит и пучится это тесто из трех сотой муки: тщеславия, спастюбия и самоволия; на закваске духа безверия и, следовательно, безнравственности, глубокой, уже не сознаваемой, вошедшей в натуру тамошнего человека» и т.д.

Таков взгляд сибирского купца на западноевропейскую жизнь. Он же обратится к благотворительности не под влиянием каких-нибудь гуманных или христианских побуждений, а потому, что ему сказала томская жордывица Домна Карповна, что на него будет возложено дело, от которого он не смеет отказать, и дала записку, повторяя: «Бяи, Бяи, булени с хозяйками богатыми и тому подобную чушь. Это пророчание сибирской кликуши решило судьбу сибирского купца.

Сперанский, явившись реформатором в Сибирь, думал хоть чем-нибудь оживить эту жизнь, всколыхнуть ее. Занимаясь составлением для нее законов, он посещал общества, делал вечера, прививал вкусы и потребности социального обществия. Сперанский, видимо, проникнутый господствовавшим тогда в образованном русском меньшинстве сентиментально-филантропическим духом, считал первым долгом устроить и в Сибири эти примитивные «образчики филантропии», такие же благотворительные человеколюбивые общества, какие учреждались тогда и в России по примеру и образцу императорского человеколюбивого общества. В то же время он и в самом

обществе сибирском, особенно в культурном, всеми мерами поощая чувства и наклонности к общественной благотворительности, поручая думать городским призывать общество «к делам человеколюбия и милосердия». Учреждением человеколюбивых обществ в Сибири он особенно интересовался. Далее, чтобы начать уничтожение общественных зла в Сибири в самом их корне — невежество народном, Сперанский обратил внимание и на дело народного образования. Как ни были велики усилия Сперанского, но это только единичные попытки и мечты; ни вначале, ни впоследствии его не оставили в жизни Сибири никаких следов по многим обстоятельствам. В книге г. Вагина о Сперанском приведены многие отзывы современников, и один из них говорит: «Практические Сперанского в Сибири ничем не замечательно; была только заботливость и неравнодушность, целые годы просидел уезды, а некоторые даже не прочитаны» (Извест. сиб. отдела, т. V, 1874 г., стр. 41). Сибири также не помнил Сперанский о. Они, как видно из отзывов современников, отдавали и отдали до сих пор предпочтение Трескину, который имел на послухах Лоскутова, свирельствовавшего при цесаревском управлении Сибирью, распространил вяточничество, жена которого продавала места засекам, который наполнил Иркутск ужасами, но настроил в Иркутске «ртираль»⁶ и пробовал приучить бурят к земледелию. Так худо относилось большинство сибирского населения к реформе Сперанского, замечает его-рик. «А после него все пошло по-старому», — сказал один из современников, передавая г. Вагину свой рассказ о Сперанском. Конечно, Сперанский в роли организатора ничего не мог сделать там, где пужено было прежде расчистить черноземную почву и пахать как сечь. Он бессильно был созвать и гражданские идеалы для этого общества и поднать его ум. Для этого нужны были громадные образовательные средства. С успехом его все лучшее его наделения рудными, и грязная волга, случайно ископанные, опять пришла в свое прежнее столчее положение. Если, по словам Сперанского, и в России, и в Петербурге остались излишними все его желания и предположения «сдвинуть грубую толпу, которую никак с места сдвинуть не можно», то тем более трудно было ему расшевелить азиатскую кость сибирского общества, вдруг смягчить, гуманизировать эту непроходимую дичь (Извест. сибир. отдела, № 1, т. 5, 1874 г., ст. 42).

По этим характеристикам можно судить, до какой степени было важно и необходимо просвещение в Сибири. Обратить же внимание на историю развития образования.

Как-же школы начинают зарождаться в Сибири только в половине прошлого столетия. Вероятно, поводом для этого послужили различные государственные планы Петра I и Екатерины II по отношению к Сибири. В числе первых школ в Сибири учреждены школы специальные: навигацонные в Иркутске и Нерчинске и геодезические в Тобольске и Томске. Навигацонная школа в Иркутске была основана в 1754 году. В 1781 году здесь открыта горольская школа, а в 1789 г. она преобразована в главное пародное училище. Училища эти открывались и в других городах, но, говоря вообще, дело шло медленно и туго. Некоторые из школ, открытые в прежнее время, до приезда Сперанского, были или закрыты, или преобразованы; так, например, закрылся класс монгольского языка в Иркутске, приготовлявший переводчиков. К памятникам просвещения прошлого столетия относятся, кроме того, горные училища в Барнауле и Нерчинске. Эти специальные училища при своем формальном существовании и ничтожном влиянии имели чрезвычайно слабое значение в деле развития Сибири: в них получали образование очень немногие туземцы, например, талантливый Лосев, выпущенный из навигацонной школы и выдвинувшийся при Сперанском своими дарованиями. Самыми крупными учебными заведениями в Сибири были в то время две семинарии — в Тобольске и Иркутске, но существование их точно так же не ознаменовалось ничем заметным в деле местного просвещения, кроме разве того, что при Тобольской семинарии сохранились некоторые сибирские летописи о покорении Сибири. Воспитание в этих семинариях в начале нынешнего столетия отличалось схоластичностью: они были рассадником семинарской педантичности; на своих экзаменах и актах они выпражвали целую массу хрип⁶, од и напыщенных сочинений. Наука их ничем не была связана с сибирской жизнью. В 1791 году в Тобольске издавался даже при главном народном училище под редакцией Сумарокова литературный журнал «Иртыш», превратившийся в «Ипокрену»⁶; издание это наполнялось псевдоклассическими подражаниями и риторическим стихоплетством, за что получил достойный приговор от образованного человека того времени — Словцова, сказавшего в своей истории, что «вместо того, чтобы заняться сообщением интересных сведений о Си-

бири, издатели пустились обезьянничать словесности и поэзии пошлою. Стремление к образованию в сибирском обществе в это время было еще очень слабо, иркутские чиновники, по словам Дешлера, старались только научить детей своих грамоте и отдать их поскорее на службу; купцы прудучали детей с ранних лет ходить с озовами и торговать в Якутске и Ирбите, и образованию же не нуждались. В начале нынешнего столетия, перед приездом Сперанского, были основаны две гимназии: тобольская и иркутская в 1806 году. В тобольской до 1823 года число учеников не превышало 27; увеличению числа их препятствовала теснота училищных помещений. В иркутской гимназии при основании было 35 учеников, а в 1825 году — 47. Около этого же времени открыты уездные и пригородские училища в Тобольске, Иркутске, Ковленюрске и Енисейске. В Томске продолжало существовать простое народное училище. Кроме того, в 1821 году учреждено было в Тобольске училище для детей почтовых служителей на 40 воспитанников, которые должны были, окончив курс, поступать в почтовое ведомство. В Омске учреждено омское казачье училище, закрытое учебное заведение собственно для детей казачьего сословия, со средним гимназическим курсом. В некоторых местах Сибири открыты восточно-сибирские отделения, преобразованные впоследствии в батальоны военных кадетских корпусов¹; по словам Ватина, из этих батальонов вышло немало людей способных, конечно, для торговли Сибири.

Нельзя умолчать также о попытках устройства народных училищ. В 1816 году, по настоянию Слоцова, бывшего директором иркутской гимназии, основано было в Иркутской губернии до 18 народных школ. На устройство училищ пожертвовано было 5003 р.; кроме того, изгородские крестьянские общества обязались содержать училища на свой счет. Училища эти, однако ж, не нашли сочувствия и поддержки в администрации Трескина и Пестеля. Открыв школы, Трескин отказался отпустить содержание учителям из общественных сумм; общества также перестали заботиться о содержании училищ и, видя равнодушие к ним начальства, пожелали уничтожить их; вопрос об этом возбуждался несколько раз. Нельзя без удивления видеть, замечал по этому поводу губернатор Зеркалев, что губернское начальство, содействуя открытию училищ, в то же время возбуждало вопрос об их уничтожении.

В таком положении находились образовательные средства Сибири к приезду Сперанского.

II. Требность знания на Востоке и образование в Сибири 351

Сделавшись генерал-губернатором Сибири, Сперанский обратил внимание на устройство учебной части в этом крае: деятельным помощником ему явился Словцов, образованный сибиряк, преданный душой и делом Сибири. Как образованный человек, Сперанский не мог не нравиться невежеством сибирского населения, чужо так же, как почти неслыханым еще богатством края, его обширностью и значением для Азии; экономическое разлитие русских владений на Востоке стало занимать его не менее, чем гражданское и политическое. 250 лет мы владели Сибирью, и из этого разлития ничего не вышло. Сперанский пытался установить на Сибирь определенную политическую точку зрения. «Я преек много возмущающих насильий, — писал он, — но, может быть, того важнее — открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях. Край этот заслуживает государственного внимания вполне». Сперанский нашел край в крайне беспомощном положении. Сибирь страдала от массы страшных злоупотреблений; в ней не было людей, кому бы можно было доверить управление, что сильно мешало реформам Сперанского. Невежество сибирского общества было поразительное. «Для бога не видеть вокруг себя ни одного образованного человека, не слышать ни одного умного слова — это ужасно!» — писал Сперанский. За столом у себя он часто принимал людей, вернувшихся из Камчатки, с Алеутских островов, с Ледовитого моря, из Китая, прошедших Яблоновый хребет: «Сибирь — истинная страна донкихотов», — замечает он в одном из своих писем. Он видел в то же время, что необыкновенная энергия и предприимчивость пропадали бесплодно и самая кипучая деятельность без знания дела, при темноте отдаленных предпринимателей, не приносила никакого результата. Страна представляла богатый научный материал, но им никто не пользовался. Генерал-губернатор, занимаясь отправкой экспедиций то к полюсам, то в степи, принужден был сам показывать обращение с компасом и учить, как следует дрессировать верблюдов для путешествия. Он же первый ботанизировал около Иркутска. Поинтно, до какой степени он поражен был поражать отсутствием даже самых элементарных научных знаний в Сибири.

Одним из первых попыток его было учреждение в Иркутске ланкастерской школы, за устройство которой он принялся с личностной деятельностью, едва спустя месяц по приезде в Иркутск. «К счастью, со мной была книжка о сей методе, и все

«вешело», — пишет он 23 сентября 1819 года. Он пообещает устройство народных училищ, погибавших при Трескине, и поручает их попечению Словцова и Зеркалева. Снесся с митром, он обеспечивает жалование народным учителям, предлагает крестьянским обществам открытие школ, дает титочко основанно инородческим училищ. Он оказывает свое покровительство всем, кто берет на себя заботу об открытии учебных заведений. Он подписывает уставную наставленную школу в Омске, заботу о ней принимает на себя князь Шаховской и Удильский, по приглашению которых в нее начинают поступать дети казаки, мешай и якутов. Содержание этой школы было обеспечено Сперанским. В то же время в Гижиге основывается школа на пожертвование купца Баранова. Во время пребывания Сперанского в Кяхте тамошний бургомистр Игуменов изъявил желание основать училище и поддерживать на свой счет ремесленное воспитание для мешан. Слонцов развивает мысль соединить учение в сибирских сельских училищах с ремеслами, как было когда-то предложено для Качаки. В изданных Сперанским сибирских учреждениях и уставах постановлено было заволить школы не только у казаков и кочевых инородцев, но и в полудикой киргизской степи, только что присоединенной к Сибири.

С отъездом Сперанского сибирские училища, основанные при нем, начали быстро падать: сельские училища Иркутской губернии были большею частью закрыты, так как теперь они не находили уже энергичной поддержки в местном начальстве. Скромный сибиряк Слонцов, единственный способный сорудник Сперанского в учебном деле, перестает пользоваться уважением, оставляет практическую деятельность, поселяется в Тобольске и погружается в скромные архивные и исторические изыскания о Сибири. Учебное дело начинает опять двигаться чрезвычайно медленно на Востоке и получает безжизненный, казенный характер. 8 декабря 1828 года сибирские учебные заведения переданы в ведение губернаторов. Тогда же повелено было каждой сибирской губернии иметь по одной гимназии. Как туго и медленно приводилось в исполнение это повеление, можно судить по тому, что, кроме двух гимназий, открытых в начале нынешнего столетия, только в конце тридцатых годов открыта третья гимназия — в Томске, а предписанная по указу 1828 года красноярская гимназия открылась только через сорок лет после проектирования — в 1869 году!

II. требность знания на Востоке и образование в Сибири 383

Число уездных училищ долго оставалось то же самое, какое было при Сперанском. По указу 1828 года было назначено их в Иркутской губернии 7, в Томской — 3, в Тобольской — 4 и в Енисейской — 2; прибавились они тут, и претодвавшие в них находилось еще в большем преобладании, чем во всех других училищах. Из остальных учебных заведений Сибирь имела только несколько узкоспециальных, и притом для известных слоев: омское казачье училище, теперь военная гимназия; до последнего времени, как и при Сперанском, оно считался первым по средствам и объему преподавания учебным заведением края; горное училище и духовные семинарии, которых, кроме двух прежних — тобольской и иркутской, открыты в последнее время две — в Томске и Якутске. О женском образовании до шестидесятых годов в Сибири почти не было и речи: в 1838 году было учреждено первое женское учебное заведение в Иркутске — сиротинский дом. По плану Цейлера, он должен был положить основание женскому образованию в крае, но заведение это иркутским обществом под влиянием попечительства купеческого сословия было обращено просто в заведение для приготовления прикладн. В 1845 году открыт в Иркутске же девятый институт. Иркутский институт основан на началах, принятых в дворянских институтах внутренних губерний, и с самого начала стремился к аристократической исключительности, хотя в Сибири не было ни резкого разделения сословий, ни коренного дворянства, в силу чего цескому было туда поступить, кроме разве десят присяжных чиновников да немногих почетных граждан. В шестидесятых годах, при общем пробуждении сознания необходимости женского образования, открыто было несколько женских училищ и гимназий в Омске, Красноярске, Томске и Иркутске. Сибирское образование не шло выше средних учебных заведений.

Какую пользу принесли Сибири поименованные учебные заведения в эти 50 лет, можно отчасти судить по числу учащихся в гимназиях. Из недавно опубликованных отчетов о числе учеников в разные годы видно, что в первые годы после открытия гимназий в Сибири число учащихся в тобольской и иркутской гимназиях не превосходило 27 — 35 человек. В 1838 году число учеников едва доходило до 117 — в первой и 150 — во второй. Затем с конца тридцатых годов начинается такой же медленный рост томской гимназии; только в 1853 году в ней число учеников доходит до 95, а в 1861 году достигнет 160.

В 1873 году в четырех сибирских гимназиях находилось следующие число учащихся: в тобольской — 179, в томской — 298, в иркутской — 238 и в красноярской — 183, всего 898 на всю Сибирь. Слабое возрастание числа учащихся, далеко не пропорциональное росту населения, не говорит в пользу развития учебного дела в крае. Впрочем, этот медленный рост объясняется отчасти и тем, что сибирские гимназии далеко не удовлетворяли ни местным потребностям, ни местному складу жизни. Склад сибирского общества несколько иной, чем в русских губерниях. Элементов, которые могли бы доставлять наибольшее число учащихся для гимназий, сравнительно было очень мало. Потомственных дворян и помещиков в Сибири вовсе не было; гимназии существовали преимущественно для детей чиновников, так как гимназическое воспитание мало удовлетворяло другие сословия. В одном из отчетов мы читаем, что на 688 гимназистов в сибирских гимназиях приходилось 431 гимназист из детей дворян и чиновников, 236 — городских сословий, т. е. купцов, мещан и разношцов, и 21 — сельского сословия, которому гимназическое воспитание было почти недоступно. По характеру жизни Сибирь была исключительно промышленной; в ней господствовали материальные интересы, стремление к наживе и ссари было преобладающим. Общество, несомненно, ничем не убежденное в пользах знания, не видело никаких наглядных примеров применимости гимназического образования в практической жизни; самая богатая часть его, купечество, не располагало было отдавать детей своих в гимназия, а учило их в лавках. Выше мы привели отзыв губернатора Цейдлера, жалующегося на отсталость купцов. Один из путешественников по Сибири в тридцатых годах приводит следующие слова одного из даровитых представителей иркутского общества: «Мальчики наши, — говорит он, — научившись читать и писать и познакомившись с первой частью арифметики, принимаются за аршин и счеты, потом съездив раза по два в Якутск и в Москву и, так сказать, оперившись торговыми опытами, замешляют жениться и сами прозябают детей». Другой старожил, жалующийся на ограниченность воспитания, говорит, что самым модным воспитанием считается у почетных и зажиточных граждан отдавать детей выучиться только грамоте, а потом пристроить их к коммерции, т. е. делать надирателями за приказчиками (Путешествие Александрова 1828 года).

II. требность знания на Востоке и образование в Сибири 485

Хотя формальное образование очень мало затрагивало сибирское общество, по последнее, тем не менее, отпиралось передливностью, способностью к усвоению вышности, некоторого лоска и даже известной степени вышности, более вышнего по сравнению с соответственными словами населения в русских губерниях. Это подмечено многими исследователями, сравнивавшими сибирское население с великорусским. Точно так же в сибирском обществе встречались самородки, люди замечательно даровитые, пробивавшие себе дорогу к образованию из самых темных слоев, из школ, по видимому, самых неблагоприятных для развития и ухищ по назначению. Все это обуславливалось особыми свойствами сибирской жизни. Сибирское население было свободным триста лет ранее, чем остальная Россия, недавно окончившая с крепостным правом. Простор и богатство нового края, предприимчивость, кипучая промышленная деятельность — все это способствовало развитию умственных способностей населения. Благодаря материальному достатку оно познакомилось с внешним комфортом, а с ним приобрело и новые привычки жизни. Великорусский ум, не связанный в Сибири ни традициями, ни предрассудками, избавленный от заскорузлого старороства, способен был к восприятию нововведений. Население в Сибирь стекалось со всех сторон, как в страну поисков за богатством; передвижение здесь было довольно значительное, а сношения поддерживались от Иркутска до Москвы по транзитному пути азиатской торговли. В Сибири жила масса людей бывалых, обмен сведений поэтому был более значительный. Граней между сибирскими слоями было менее; жизнь с народом шла теснее, сибирское население составляет как бы одну народную массу, а поэтому все заимствования, всякие сведения, всякая мода переходят в нем быстро по все свои населения. Привычки сибирского населения, как замечено исследователями, ближе подходят к привычкам цивилизованного общества, чем во всех других местностях России. Интересы науки, случайно занесимые в сибирское общество, иногда затрагивали людей, по видимому, не имеющих ничего общего с образованною и цивилизованною средой, но это были большей частью самородки или люди, всего менее обремененные сибирским учебным заведением. Многие сибирские купцы как прошлого, так и нынешнего столетия отличались замечательными даровани-

людей, любознательностью и довольно высоким развитием". Иркутский устроитель Александров указывает на некоторых иркутских купцов, обязанных самим себе известною степенью образования, людей замечательных во всех отношениях. Таких людей можно найти и в мешатской среде, в которой они остались до смерти; например, небогатый торговец Андрей Пигугин в Томске и другой, служивший приказником на тринисках и которшикам по откутам, люди, поражающие дарованиями, смежкою ума, дивными, особенно последний в области исторической. Пунды и Бабурица в Сибири были не редкость. Из сибирских убогих школ, из навигационных классов, из кантонистских полубатальонов выплывали личности, которые впоследствии делались образованными людьми. Недавно в Тобольске умер весьма замечательный по образованию человек, целую жизнь сдвинувший за наукой, оставивший замечательную библиотеку, хотя вышел из учебнаго кадетов и принадлежал к дворянскому и детстве киргизам, когда-то покупаемым в пашей степи на иждолении рабов. Достаточно проследить имена ученых и литераторов, выходивших из сибиряков, чтобы получить понятие, откуда они вышли и как шла их социализация. Здесь мы видим детей купцов, причетников, мешан и казаков, отцы из ученых историков Шалов, составивший себе имя в литературе, сын дьячка и земцы тулгузиды, один из выдающихся естественников — сын простого казака. Обращавший на себя внимание филолог Даржи-Батзаров был бурятом, талантливый путешественник в Камгар Чокан Волковичев — киргиз⁴. Мы не считаем известных личностей, вышедших из среднего сословия. Большинство сибирских путешественников совсем не были в учебник заведениях, из литераторов малые не окончили курса в местных гимназиях — словом, здесь мы не так часто видим патентованной учености. Вообще, учебные заведения в Сибири играли второстепенную роль по своему влиянию. Жизнь и развитие общества шли независимо от влияния учебных учреждений, которые стояли в сибирской жизни как-то в стороне, и это будет совершенно понятно, если мы примем во внимание качество и учное достоинство преподав сибирских гимназий. Эти гимназии основывались три самых убогих средьных, зато они не находили учителей, недостаток в которых

⁴ В путешествии Фрейля по Сибири упоминается о владельце Черепанова и Тобольске один из них оставил в 1760 г. возмездное звание, известное под именем Черепановской шляпки, другой был казачьим.

чувствуется даже и теперь, и наполнились лицами случайного подбора, почему-нибудь претендовавшими в Сибири на педагогическую компетентность. В сороковых и пятидесятых годах эти гимназии имели учителей из отставных чиновников разных ведомств, из семинаристов, из частных приставов; в томской и тобольской гимназиях, по воспоминаниям вышедших учеников, между учителями были голубоменишние, сельские, Хромые, страдающие запоем; понятно, что при таких педагогах сибирские гимназии не могли пользоваться никаким влиянием.

Если взять число грамотных в Сибири, то их оказывается очень немного. По сведениям военно-статистического сборника, в прибалтийских губерниях приходится 1 грамотный на 19 жителей; в губерниях с земскими учреждениями — 1 на 168; в губерниях, не имеющих этих учреждений, — 1 на 471; в Сибири же — 1 на 664 человека всего населения. Относительно числа получающих среднее учебное образование Сибирь стоит также на последнем месте; сравняв различные округа, мы увидим, что в Финляндии приходится 1 гимназист на 284 жителя; на Кавказе — 1 на 462, в Одесском округе — 1 на 467; в Киевском — 1 на 516, а в Сибири — 1 гимназист на 1100 жителей. Все это показывает решительную отсталость Сибири в учебном деле пред всеми другими областями России. Число учебных заведений в Сибири точно так же весьма ограничено. По сведениям статистического временника за 1865 год, средних учебных заведений в Сибири было 3 с 575 учащимися; низших — 16 с 1321 учащимся; народных, приходских училищ 86 с 2671 учащимся; заводских школ 14 с 144 учащимися; при этом 5 с 414 учащимися; притом в Сибири не было ни одного технического, ни одного земледельческого и ни одного высшего учебного заведения. В настоящее же время в четырех гимназиях — 700 учеников; в уездных училищах по четырем губерниям — 1441 человек. Недостаток средних и вообще учебных заведений в Сибири выступает особенно ярко при сравнении Сибири с другими областями, когда на всю Сибирь приходится 4 гимназии, в Финляндии — их 6, на Кавказе — 6, в Одесском учебном округе — 9, в Киевском — 12. В Сибири между тем более 4000000 жителей; в Кавказском учебном округе 4160000 жителей; в Одесском учебном округе 4200000, а в Финляндском всего 1200000 жителей. К тому же надо принять во внимание расстояния одной местности от другой в Сибири, что несомненно имеет большое значение для распределения учащихся в Сибири. Достаточно вспом-

нить, что четыре сибирские гимназии расположены на пространстве 250000 квадратных миль и присоединяются к Казанскому учебному округу, который сам равняется 26705 квадратных миль. Иначе сказати, сибирские гимназии растянуты по протяжению и девять тысяч верст.

По сословию ученики сибирских гимназий распределяются следующим образом: детей дворян и чиновников 495, городских сословий — 184, сельских — 21, следовательно, сельскому населению почти недоступно гимназическое образование. В девяти уездных училищах Тобольской губернии по отчетам 1863 года видно, что детей крестьян было столько же, сколько и детей чиновников, т. е. ровно 18% общего числа учеников. В 1861 году из 1441 учащегося во всех уездных училищах Сибири было детей крестьян 275, а детей дворян — 276. Несмотря на значительную численность инородцев в Сибири, дети их почти совершенно не пользуются учебными заведениями. В других областях России, где инородцев значительно меньше, чем в Сибири, они несравненно шире пользуются школами: на Кавказе в гимназиях инородцы составляют 27% всего числа учеников, в одесской гимназии их было 22%, в Казанском округе — 2%, в Сибири они не составляют и одного процента. В прежние времена инородцы принимались в омский кадетский корпус, преобразованный теперь в военную гимназию; сюда поступали дети киргизских султанов, но в настоящее время их перестали принимать и сюда.

Какое слабое влияние имели сибирские учебные заведения на увеличение образованного сословия, можно судить по числу окончивших курс в гимназиях: в иркутской гимназии в 1860 и 61 годах окончили курс по 14 человек; с 1862 до 1865 года среднее число выпущенных из гимназии было 9 человек; затем ежегодно выходило от 6 до 11. В томской гимназии в 1871 г. окончивших курс было 23; в 1872 г. — 12 и в 1873 году — 3 человека. В 1872 г. было получено известие, что в кадетской тобольской гимназии окончил курс всего 1 ученик. В 1872 и 1873 годах в красноярской гимназии в VII классе находилось только 3 ученика; в 1874 г. окончивших курс было 3. Все это показывает, что прибавка образованных людей в Сибири из существующих там учебных заведений была ничтожна и почти незаметна. Гимназии, дававшие кажись от 3 до 9 лиц ежегодно на 4000000 населения, едва ли могли оказывать заметное влияние.

III. Требность знания на Востоке и образование в Сибири 389

Состояние учебных средств в Сибири, о котором в последнее время мы знаем из местных корреспонденций, далеко не приглядное. Об учебном деле в Томской губернии являются следующие достоверные сведения: число школ далеко не соответствует обширности территории и числу жителей; они наводятся без нахоро, с плохими учителями; школы в селских государственных крестьян страдают отсутствием того же правильного присмотра. Содержание сельских учителей ничтожно — 100 р. в год; хорошие наставники не идут; в большинстве преподают священники, но они исполняют требы на больших расстояниях, заняты домашними делами, а потому не имеют времени заботиться о школах и поручают обучение лицам, увлеченным из низших духовных званий, людям неравитым и сомнительной нравственности. При таких учителях дети получают отвращение к обучению, а родители берут их из школ и отдают сельнопоселенцам на выучку, оканчивает курс едва треть детей, остальные две трети выходят ранее. Поэтому чувствуется особенная потребность в учительской семинарии. Уездные училища существуют только в городах Томске, Кайнаке и Кузнецке; они страдают недостатком учебных пособий. Томская гимназия поставлена в невозможность быть рассадником образования в губернии, говорит один официальный отчет, по скудости в ней преподавателей. Многие из учителей не соответствуют своему назначению. Губерния стоит вдали от университетов, способные люди не идут сюда, поэтому оканчивающие курс не приобретают достаточно основательных сведений; однако же, несмотря на эти неблагоприятные условия, гимназия в последнее время переполнена учащимися: в некоторых классах в 1873 году было до 70 учеников, тогда как по уставу допускается не более 40. Тоснота здесь страшная, на каждого ребенка приходится половина кубической сажени воздуха, между тем известно, что норма необходимого воздуха определяется тремя саженьми.

Переполнение гимназий учащимися побудило начатство отказать в приеме многим желающим. Томская гимназия до сих пор не имеет своего собственного дома. Осенью 1873 года, однако же, открыто было в ней три параллельных класса.

О состоянии учебного дела в Енисейской губернии имеются также данные: уездных и прихорских училищ здесь 4; кроме того, открыта учительская семинария, в которую в 1873 году поступили 15 человек. Несмотря на то, по отчету губернатора, в семи первоначальных школах учение не про-

инвалидов за исключением учителей. Открывающаяся красноярская гимназия находится в младенческом состоянии: она также страдает недостатком учителей: кроме окончивших здесь курс троих учеников, все остальные, до пятидесяти человек, выжили из II-го, III-го и IV-го классов.

Число учебных заведений в Иркутской губернии довольно значительно: в Иркутске считается 19 учебных заведений, по неудовлетворительности их рисуетя следующим словом одного из местных корреспондентов: «Учебные заведения Сибири не имеют почти учителей, и их приходится набирать из людей, не подготовленных к учебному делу. Так, например, в личном составе иркутской губернской гимназии только четыре учителя носят по справедливости это имя; остальные — юристы, топографы, старые инженеры, музыканты и проч.; заведующий гимназией не получил высшего образования. Нынешний генерал-губернатор отнесся с большим вниманием к этому явлению сибирской жизни. По его настоянию в иркутской гимназии проискулят ревизия, говорят, намеренно поручившая тому лицу, которое произвело ее в 1874 году и признало, что все обстоит благополучно. Признавая же ревизию по предложению генерал-губернатора в 1875 году, оно признало, что не все обстоит благополучно». Реальная программа, преобразование в технический институт, вынуждает пасть за неимением средств и учителей.

Состояние учебного дела в Тибольской губернии лучше всего характеризуется тем, что Тюмень, большой промышленный город, не имел до 1879 г. гимназии, а сибирские богачи воспитывали детей и уездном училище. В городе Акмолинске только в 1874 году открыто первое городское училище. А вот что пишут из Барнаула, богатейшего города Томской губернии: «В Барнауле, при населении в 13529 человек, до сих пор нет среднего учебного заведения, население его, промышленное и торговое, нуждается в образовании своих детей и поставлено в необходимость отправлять их в томскую гимназию, за 400 верст, и в омскую, за 900 верст, которые до того переполнены местными учениками, что илюгородским не хватает места. Четыре года тому назад последовало высочайшее повеление об открытии в Барнауле гимназии, но до сих пор оно не приведено в исполнение». Нечего говорить о слабом развитии учебного дела в отдаленных областях: в Семипалатинской области, по отчету 1873 года, число народных-учебных заведений сократилось на три.

Потребность знания на Востоке и образование в Сибири 391

О народном образовании в Якутской области говорится в отном отчете следующее: «В области недостаток начальных народных школ, в существующие или открытые школы невозможно приискать способных учителей по весьма ограниченному содержанию, им назначенному, сравнительно с ценами, существующими теперь на все вообще потребности. Инокандеское население, и при желании распространения грамотности, как было ввечено в самом отдаленном Колымском округе, по слобам весьма ограниченными средствами и бедности жителей не может помочь делу образования открытием и своих селенных школ. Живя и имея хозяйство свое за несколько сот верст от городов, где учреждены учебные заведения, инородцы не имеют средств посылать туда детей: в самом отдаленном крае, как Якутская область, где большая часть населения находится почти в диком состоянии и исключительно в бедном положении; следовательно было бы весьма ценно из котны доставляющие суммы на открытие и содержание начальных школ, тем более что якуты уже получают пользу грамотности, как видно из того, что наиболее состоятельные отправляют детей в городские учебные заведения и при составлении приговоров на открытые школы ближайшие к Якутску по возможности дают часть денег на содержание при школе мальчиков из бедных семейств».

«До какой степени относительно образования и других необходимых для развития мер обеспечены некоторые обширные части Восточной Сибири лучше всего можно видеть на Забайкальской области, — пишут в «Московские ведомости». — Население ее уже достигло 450000 человек, следовательно, уже далеко превосходит население губерний Архангельской, Астраханской, Оренбургской, Ревельской, которые все имеют гражданские гимназии, а первые три — и духовные семинарии. По положению своему Забайкальская область важнее всех сибирских губерний, потому что чрез нее идут все те торговые пути из Китая, на которых совершаются главные торговые сношения Китая с Россией; чрез нее же сообщаются с Сибирью и Россией и Амурской край, и Великий океан. Политическое значение Забайкальской области еще значительнее: она одна может служить опорой Амурскому краю и через нее только можно действовать на Китай, а между тем Забайкальская область не имеет ни гражданской гимназии, ни духовной семинарии».

Между тем потребность образования в сибирском обществе с каждым днем чувствуется все сильнее и сильнее: гимна-

зии переполнены учащимися и вынуждены отказывать многим желающим по неимению помещений для более обширного числа учеников. В красноярскую учительскую семинарию явилось такое множество желающих, что их некуда было поместить. Особенно усилился прилив в сибирские школы с введением общей воинской повинности. Потребность образования обнаружилась за последнее время основанном на счет самого общества реальной гимназии в Иркутске, ходатайством об открытии такой же гимназии в Томске, в Барнауле, в Тюмени, из которых поселения теперь уже открыты. Висейск просит об открытии в нем классической мужской прогимназии. В то же время пишут из Акмолинска: «Открытие женской прогимназии было бы у нас величайшим благодеянием».

Все показывает, что стремление к образованию за последние годы в Сибири постоянно растет. «Местное население всегда сильно оупущало эту потребность, — говорит г-н Вагип в своей истории учебного дела в Сибири при Сперанском и позднее, — оно отдавало учить детей своих всем, кого хотя сколько-нибудь считало способным к этому, оно встретило всеобщим ропотом расстройство последнего времени, которым обучение детей запрещалось сосанным повякам, оно открывало школы везде, где находило к тому средства и где ожидало подызы от школ. Только весьма немногие города отказывались заводить у себя народные и женские школы, частью — от недостатка средств, частью из буржуазной расчетливости, и надежде, что заведение этих школ примет на себя правительство. Частные лица времени о времени жертвовали значительные суммы на народное образование, хотя и менее того, что жертвовалось на благолетие храмов. По мере увеличения числа средних учебных заведений увеличивалась и число сибиряков, стремившихся к университетскому образованию. Стремление это достигло в последнее время весьма высоких размеров. Можно почти положительно сказать, что в последнее время не идут на университетский курс только те, кто или чувствует совершенную неспособность к тому, или принадлежит к тем счастливицам, которым не тужно ни знаний, ни труда, чтобы занять известное положение в обществе, или, наоборот, находится в тяжелой зависимости от семейной обстановки... Они из молодых сибиряков пользуются казенными стипендиями, другие, иногда без всяких средств, пеншком идут в Казань, Москву, Петербург и там слушают универси-

тетский курс, перебиваясь изо дня в день частью уроками и литературными трудами, частью пособием более зажиточных земляков-товарищей. Любовь к науке доходила иногда у них до самоотвержения. Между тем недостаток средних учебных заведений по необходимости сдерживал стремление сибиряков к высшему образованию. Можно судить, как велико было бы оно при других, более благоприятных условиях; можно судить и о том, как много потеряла Сибирь от того, что мысль о высшем заведении в течение почти 50 лет оставалась одним только проектом», — замечает в заключение г-н Вагит.

Стремление облегчить доступ сибирякам к высшему образованию выразилось основанием в Сибири нескольких обществ для пособия нуждающимся студентам местного происхождения. Такое общество действует уже несколько лет в Тобольске; подобное же общество основано в Томске. Предложено было открыть общество содействия учащейся молодежи в Иркутске для поощрения как местного населения, так и для содействия высшему образованию. Учреждение это мотивировано следующим образом: «Неизбежно высших учебных заведений в Восточной Сибири при невозможности ожидать, чтобы край в близком будущем приобрел их, поставило и поставляет в крайнее, можно сказать, бесполое положение учащийся молодежь. Так называемые казенные и общественные стипендии, во-первых, ограничены в числе, во-вторых, учреждены преимущественно в столичных университетах и медико-хирургической академии; в специальных учебных заведениях их нет; в-третьих, рассчитаны исключительно на высшее образование, тогда как подготовка к нему на месте довольно затруднена, и, в-четвертых, ограничиваются по отношению к сумме пособием от 300 до 350 рублей, в полном смысле этого слова недостаточным для обеспечения материальных нужд учащегося, тем более, что, выдвывая на руки пособие, часто совершенно бесполезному, пособие это расходуется по адресу проволочательно...

Мы держимся того убеждения, — пишут далее учреждение, — что важнейший недостаток настоящей системы заключается в том, что, выслывая пятых летей за пять тысяч верст, забрасывая их в незнакомую сферу, мы оставляем их без почетительного надзора, который, с одной стороны, служил бы центром соединения для юношей, с другой, не представляясь отнюдь каким-либо опекуном, стесняющим самостоятельность, являлся бы на помощь молодым людям всегда, когда

они в этой помощи встретят нужду, притом безразлично, будет ли это помощь материальная или чисто нравственная».

Сибирь много терит от недостатка специалистов, в ней нет техников, почему промышленность находится в застое. Промышленности развиваются тут; Сибирь поэтому не может удовлетворить себя никакими собственными производствами, она пользуется всем иностранным, начиная с гвоздя, при массе своего железа, и кончая сукнами — при огромном количестве шерсти и скота. Все товары доставляются Сибирь по необыкновенно дорого и самого дурного качества, многие сорта русских фабрик и даже кустарной промышленности имеют сбыт только в Сибири. Сибирь находится под торговым игом отдаленных местностей с их мануфактурными центрами. Между тем, потребности сибирского населения все более растут, и тяжесть, ложасьшая на потребителей и силу дороговизны привозного, за отсутствием своего, все более дает себя чувствовать. Не поможет Сибири и изобилие сырья, с которым она не знает, что делать, — меха, кожи, сало она не умеет обрабатывать, хлеб ей некуда сбывать; для основания металлургического производства нет знаний и средств. Местное изобилие в виде скота и хлеба только подбуждает цены и дает прибыль одним приезжим торговцам, закабаляющим население. Таково экономическое положение Сибири. Сельское хозяйство, скотоводство, рыболовство и пчеловодство страдают отсутствием всяких рациональных способов ведения дела. Масса скота падает в Сибири от язва, от эпидемий, от небрежного ухода, и пособить этому недостает знаний. Молочные и скотоводческие продукты пропадают даром; множество сортов морской и речной рыбы за неумением готовить и солить ее гниет на берегах; самые богатые улусы не служат ни к чему для населения. Недостаток образованных людей дает себя знать во всех сферах труда и промышленности.

В Сибири большой недостаток учителей для учебных заведений. Недавно еще в наших газетах была публикация от министерства народного просвещения, которое делало вызов на вакантные и незанятые должности штатных смотрителей и учителей в следующих городах: Ачинске, Бергском, Иркутске, Красноярске, Нижнеудинске, Киренске, Енисейске, Верхнеудинске и Троицкосавске. Еще больший недостаток в Сибири медиков. На целые округа величайшей в европейские государства приходится один медик, да и тот в расхлябых; целые ино-

родческие области находятся без медицинской помощи. В Березовском крае, по словам доктора Соколова, остихи умирают от шинги, тифа, сифилиса и простуды; болезни здесь осложняются и принимают невиданные нигде формы. По официальным сведениям, в Восточной Сибири развитие сифилиса в Киренском округе принимает тростичные формы, зараженными являются поголовно целые семьи и даже иногда рождаются дети с уже испорченными костями. Якутская область в 70000 квадрат миль с 230000 жителей имела только трех уездных врачей; в последнее время в этой части Восточной Сибири свирепствовала оспа на пространстве 7000 верст; инородческое население было заражено поголовно; в Камчатке, Гюконе и Охотске постоянно свирепствуют разные болезни; чтобы хотя несколько поубавить бедствующему населению, из Петербурга командированы три врача. Мы не перечисляем подробно недостатков медицинской части в Сибири, так как это не касается предмета нашей статьи; мы упомянули об этом для того, чтобы показать, как страдает Сибирь от недостатка здесь образованных людей. Вопрос о расширении образования в Сибири стал теперь самым существенным жизненным вопросом. Но недостаток образования, кроме непосредственного влияния на практические стороны жизни, должен был отражаться и на всем умственном складе сибирского общества и его общественной жизни.

Обращаясь к современной общественной жизни сибирских городов, мы должны указать, что вообще проявление ее крайне бедно и печально. Приводим местные известия об этом предмете: «Наше сонное общество только изредка подает признаки жизни, — пишу из Омска в 1875 году, — но и то по поводу смены какого-нибудь начальствующего лица, местного скандала и т.п. Омск — тип провинциальных трасин. Проходят годы, десятилетия — и никаких признаков разумной жизни в нем не заметно. Там, где-то за Уралом, вдали, за 3, за 5 тысяч верст, происходит событие: человечество вырабатывает лучшие формы жизни, борется за идею, страдает и побеждает или временно отдыхает, устаете и побитое врагами прогресса, а у нас что? Беспросынная косность, непоглядные сучерны и никакая надежда!».

«Судя по нынешнему благоустройству, никто не задумался бы назвать Красноярск городом вполне европейским, — пишу в том же году из другого места Сибири. — Но, всматриваясь глубже, не найдешь здесь и следа серьезных общественных

интересов; в подтверждение достаточно привести следующее: у нас считается весьма естественным, что ежегодно очень значительный контингент учащихся залодило до окончания курса из женской гимназии выходит замуж, а из мужской — раскоидается по разным присутственным местам. В большинстве случаев это делается по настоянию самих родителей. Но это бледнеет перед тем, что совершилось на днях: закрылась публичная библиотека за неимением читателей... При этом самое закрытие для самого общества прошло незаметно...» Подобные жалобы исходят из Томска, где также давно закрыта библиотека, из Тобольска, из Енисейска и других городов. Об одном из городов Сибири, Барнауле, Финч отзывался в своем дневнике, как о городе, где только любят вкусно поесть. Таков же отзыв дал о нем 100 лет назад Падис.

Наконец, вот картина жизни Иркутска — столицы Сибири — нарисованная одним из недавно посетивших его путешественников: «Нет в Сибири города, о котором бы заботились так много и начальство, и общество, как Иркутск, — говорит Г-н Ровинский, — а между тем, местные удобства жизни и гигиенические условия нигде не находятся в таком ужасном пренебрежении. Смотри на эту деятельность со стороны, нельзя не заметить, что все это было не что иное, как поправание. В Иркутске вы найдете много учреждений, которых нет ни в одном городе России, общество основывает приюты, благородные институты, юнкерские училища, театры, но дело в том, что все это делается обществом не добровольно, а по предложению начальства, и каждый жертвователь горюит, чтобы его подачка подошла кстати, выставляя бы его на вид. Таким образом, это со стороны некоторых людей составляет средство к достижению известных целей и к забвению начальства. Иркутск, по-видимому, создал ученые и учебные учреждения, имеет благотворительные общества, клубы, как бы общественную жизнь, но все это только так кажется. Общество тут ни при чем. Надеюсь, что никто не упрекает нас в несправедливости, если мы скажем, — продолжает Г-н Ровинский, — что в Иркутске между купечеством, играющим в общественной жизни самую важную роль, царствует крайняя необразованность, потому что им негде было получить образование, а многие из них вышли из простых ямщиков или обозных приказчиков. Что касается общественных проявлений жизни, то все это делается не коренным, туземным обществом, а чиновниками, которые нынче здесь, а

II. требность знания на Востоке и образование в Сибири 397

запре там, которые в Иркутск попали случайно, предаются общественной деятельности от скуки и потребности фигурировать там, где, по пословице, на безрыбье и Фема — дворянин. Судебственило их иллово помогает только их внимательное положение. Неумелость этих людей роишет часто дело и компрометирует его на будущее время, а более талантливые при удаче могут внести в общество такие воззрения, в духе которых действия, можно внести в край громадное зло. Искусственно созданные, без сознания самого общества, учреждения поэтому беспрестанно падают, к таким принадлежат: отдел Иркутского географического общества, общество грамотности, юридическое, меланинское, несколько провалившихся иркутских газет и, наконец, местная публичная библиотека, на которую очень быстро была собрана сумма в 4353 рубля, не считая подписчиков, но в конце концов она пришла к полному недостатку средств для своего поддержания, а городское общество показало участие в ней только тем, что хотело раз продать ее с публичного торга на толкучку. Подобную же судьбу, говорят, испытывает ныне иркутская реальная гимназия, осполонная на общественные суммы и на обещания, которые вела за тем остались невыполненными.

Учебная жизнь Сибири при таком состоянии городов ничем себя не занимает. В Сибири, по сведениям «Военно-статистического сборника». 19 типографий и 4 литографии, но в них не печатается ничего, кроме официальных ведомостей, худших во всей России, и официальных бланков. Участь частных типографий, недавно основанных, еще плачевнее: в Иркутске только одна частная типография; она попыталась издать календари и, глубоко разочаровавшись, потерпев убытки на первом шагу, бросила это предприятие. В Красноярске один чиновник выписал машину и литографский станок для развития местного книгопечатания и просвещения и принужден был печатать этикетки для водок и наливок: такая же участь постигла типографию в Тюмени. На всем протяжении Сибири до последнего времени, вплоть до Иркутска, всего 2 книжных магазина или специальных продаж учебных пособий; книги в Сибирь завозятся случайно и продаются вместе с сапогами и детем; нечего и говорить о выборе книг. Иногда достоинство книги ценится одним переплетом; только в Иркутске и Томске в последнее время основана специальная книжная торговля. Мы отмечаем это потому, что по странной случайности в одном из русских статистических сборников

дали известие, что в Сибири находятся 11 книжных лавок и 12 библиотек. Что касается публичных библиотек, то, возникавшие в шестидесятах годах в некоторых городах Сибири, они давно прекратили свое существование. Значительное книгохранилище находится при Тобольской семинарии, богатая библиотека — при омской военной гимназии и довольно значительная — в Томске, куда жертвовали али общественного пользования книги даже большие золотопромышленники, как Горохов, но все они остаются недоступными для публики. Есть только кое-какие библиотечки при разных ведомствах и батальонах для собственного употребления. Местное же общество довольствуется газетami при клубах, заливными вином. И Правда, при таких читальных бываюи и книги, но в подобных книжных магазинах можно судить по семалинатинской клубной библиотеке, помещенной в последнее время 15 периодических изданий и «18 разных наименований книг»! По всей Сибири нет музеев⁴, кроме небольшого горного кабинета в Барнауле, принадлежащего специальному ведомству и никем не посещаемого. Нет собрания сибирских горных пород в стране золотопромышленности, нет никаких образцов местной минералогии, и на всем протяжении Сибири вы не увидите никаких доказательств алтайских и пермских болотств, хотя наш Эрмитаж хранит изысканнейшие произведения из чудовищнейших яшм, выделанных в Сибири на колыванской фабрике, а Байский округ изобилует 515 различными породами цветных камней. Четыре года тому назад одно частное лицо в Красноярске хотело основать музей, составивший из пород, вывезенных с золотых россыпей, но это ему не было разрешено, потому что одно ученое учреждение, разрешавшее этот вопрос, думало, что подобные камни с содержанием золота должны быть оценымы пощипной, но определить ее решительно отказывалось за незнакомством с удельным весом. Но и существующие уже в Сибири ученые учреждения ведут свое дело валю за неимением умственных сил. Так, сибирские отделы географического общества существуют только трудами приезжих путешественников и чиновников. Оставшееся в Иркутске техническое общество не имеет заседаний, а основанное в Омске общество для изучения Западной Сибири имело всего одно заседание со времени своего открытия, где произнесена была вступительная речь и придумана печать. На приглашение его никаких исследователей не последовало, и память о существовании его исчезла. Но не одни искусственно созданные ученые учреждения на Востоке терпят круше-

Потребность знания на Востоке и образование в Сибири 399

ние: в последнее время и силу недостатка интереса к общественным делам, в силу первичности здесь не прививается даже новое героическое подражание, как ищущих местные корреспонденты.

Нам оставалось бы сказать о судьбе сибирской печати, как характеристике местной умственной жизни. Попыток создать эту печать, начались давно. Собственно периодическая печать серьезно зародилась в Иркутске, начиная с газеты «Амур». По странности, этот орган должен был служить Амуру прежде всего, а потом уже всему краю. Затем явился «Сибирский вестник» Б.А. Милотина, но продержался недолго. Содалася «Кяхтинский листок» и небольшие газеты на Амуре, но это были скорее домашние газеты, чем публичные. С 1875 года в Иркутске местная печать явилась более постоянной. Частный орган «Сибирь», привлечши лучшие местные силы и став во главе разработки местных вопросов, служит уже несколько лет сибирскому обществу. В 1880 году основалась частная газета в Томске.

Едва ли, однако, кто решится сказать, что печать получила прочную почву в Сибири. Потребность в ней чувствуется очевидно многими видами множества возникающих общественных вопросов, но для нее существует много неблагоприятных условий. Роль местной печати и важность ее далеко не вполне и не всеми еще осознаны. Эта печать переживает самый тяжелый кризис на почве самой элементарной гласности. То, что доступно обличениям в европейской России, то почти не допускается в Сибири. При существовании известной свободы печати в столицах положение печати окраинной представляет горький контраст. К тому же само общество или часть местных сословий часто недружелюбным и враждебным образом относится к местной печати за разоблачение многих злоупотреблений. Сибирские кулаки и монополисты являются ее первыми врагами. Сибирское общество еще не сознает, что эта печать может оказать серьезные услуги, что она — залог будущей умственной жизни, залог разумного и солидарного движения, что пока она единственное выражение общественной мысли.

Роль местной печати в Сибири уже поспешно, однако, намечается. Многие местные вопросы исключительно обязаны разработкой этой порождающейся печати на Востоке. Несомненно, что в будущем она ожидает еще более гражданских услуг местному обществу и, главное, воспитает в нем его гражданские обязанности.

Но еще чувствительнее на Востоке и в Сибирь вследствие недостатка образования является отсутствие местного образованного сословия или интеллигенции. Сибирь много терпит от недостатка в ней людей образованных: все лучшее, что воспитывается в местных учебных заведениях и стремится получить высшее образование, никогда уже не возвращается в Сибирь. В Сибирь же приезжают из прочих губерний России по большей части люди с ильняном или с сомнительным прошлым. Недостаток честных и образованных людей здесь давно чувствовался, на это жаловались Сперанский, Капцевич⁴, это чувствовался до последнего времени⁵. В Сибирь вывозили искусственно людей, увеличивая оклады, давая поощрения, но и эта мера почти не привносила к цели. Являлась масса людей, соблазненных содержанием и окладами, но самый мотив, побуждающий их ехать в отдаленный край, показывал, что сам край не играл никакой роли в их соображениях. Конечно, приезжали в Сибирь и люди дровяные, честные, которые посвящали свои силы и способности на служение стране, но их было немного, и деятельность их была временная: это были слишком много авантюристов, которые искали возможности приютиться в краю. Представители интеллигенции и знания, забравшись в Сибирь, спешили как можно скорее выбраться из нее, вывозя очень много и взамен оставляя очень мало. Ученые вывозили из Сибири редкости и отсутствовали архивы; инженеры и техники — лучшие образцы коллекций; предприимчивость, закинутая в Сибирь, — богатство. Обмен, таким образом, не уравновешивался, и край мало выигрывал. Из него вышло много дровяных людей, художников, писателей, государственных деятелей, ученых туземцев, которые много поработали для отечества, но вообще мало сделали в частности для Сибири. Сами учебные заведения при таком фатальном законе играли странную роль: отчасти они сами понижались в своих достоинствах под влиянием невежественной среды, а основываемые самим обществом под впечатлением каких-нибудь случайных импульсов не поддерживались им; с другой стороны, они способствовали выезду из

⁴ Число лиц по образованию в сибирском обществе и местной администрации, конечно, трудно было определить, но все-таки и по этому поводу имеются некоторые сведения, а именно по Иркутскому кадетскому 1875 года видно, что в 1861 году в числе штаб-служащих в Восточной Сибири было в трех губерниях, с Забайкальской областью, только 39 человек с университетским образованием, 101 — гимназическим и 271 — кончивших курс в низших училищах.

По требности знания а Востоке и образование в Сибири 401
края всего наиболее широкото, оставили его без последних
ресурсов и ничем не могли возмездить его за потери. Поэтому
Сибирь представляла доселе странное и исключительное явле-
ние, это было общество без образованного молодого поколе-
ния, дерево без цветов и плодов. Положение образованного че-
ловека в сибирском обществе было невыносимо тяжело, среди
невежественной среды, полной грубых недостатков, он являлся
одиноким, не имел почвы, не было даже небольшого кружка
людей, к которым он мог бы примкнуть и принять в них свое
отечество. Он не находил себе поддержки и сочувствия; ученые
в Иркутском географическом отделе называют себя «акципути-
ми» в этот печальный край. Люди со слабыми силами сплели и
рядом погибали здесь и падали нравственно (так погибла здесь,
например, масса медиков и учителей).

Один из поэтиков в Сибири поэтом, горный инженер
Баульбуф, следующим образом выражает это одиночество:

Как хотелось славою жить,
Славою чистой, славою грозной,
Но в Даурии с ногомкой
Трудно славу познать,
Что уступы диких скал,
Что Даурию умам,
И из глыб вытеска славы.

Отдел Иркутского географического общества завидовал даже своей
целью поддерживать нравственные силы ученых, заслуживших в
Сибири. Понятно, что многие образованные люди находили един-
ственным спасением своих сил бегство из Сибири, и только не-
многие труженики решались отдавать свои силы краю. Но самое
трагическое положение доставалось на долю тех зрелых и мест-
ной интеллигенции, какие времена промывались здесь, начи-
ная со Слонова, друга Сперанского. Такой труженец, желая при-
нести пользу, находил самый упрямый отпор в нравах и жизни.
Положение развитой, интеллигентной и открытой сердцем лич-
ности среди грубого, невежественного, живущего исключительно
промышленно-кулацкими интересами и пропитанного уз-
коэкономическими взглядами и корыстными побуждениями об-
щества с горечью обрисовано историком Шаповалом в статье «Об
отсутствии высших нравственных чувств у сибиряков». Положе-
ние это тяжело, неважело, но оно несравненно какое было
по своим социальным и историческим последствиям. Между мес-
тной интеллигентной личностью и обществом образовывался

тот антагонизм и та грань, нетерпимости, которые не приносили пользы ни той, ни другой стороне. Они обе страдали недостатками и ошибками. Общество в силу своего непонимания не пользовалось способностями и талантами человека, который мог принести ему большую пользу: человек же интеллигентный под влиянием раздражения презирал это общество, а с ним — и местные общественные вопросы. Таким образом, нарушалась та связь, которая необходима для гармонического развития; живые части его жили отдельно, не оплодотворяя друг друга. Между тем, нигде, может быть, образование не способно принести таких благодетельных плодов, как в Сибири. Русское население окружено инородцами и азиатскими народами. К местному населению применялась масса элементов, понижавших его достоинство. В это общество входили масса сословных сква преступников, которые растлевали нравственность общества и постоянно разрушали понятия о собственности, о праве, о личной неприкосновенности и т.д. Все это способствовало только падению и регрессу общества, а в крае не было никаких средств противодействовать этому растлению и сколько-нибудь поднять это хосное общество, не поднимавшиеся ни до высоты гражданского долга, ни до понятия собственных интересов в целой совокупности, ни до собственного сознания. Здесь не было примеров гражданской честности, самоотверженности, возвышенных стремлений. В то время, когда Россия переживает реформы, изменяющие ее быт, сибирское общество остается в прежнем неподвижном положении. Вот каковы были последствия отсутствия местного образования.

Стремление к просвещению, однако, все сильнее чувствовалось, а потребности образования пропихли в сознание общества. Что местное общество не нуждо этого сознания, доказало сочувствие и выделение на сибирской почве идея о сибирском университете.

Вопрос о сибирском университете получил особенное значение в крае ввиду отсутствия в нем какого-либо просвещенного класса и отсутствия умственной жизни, той дирижирующей, управляющей функциями жизни силы, которая составляет необходимое свойство социального живого организма.

Университетский вопрос, как вопрос гражданский, был хорошо понят местным обществом, отсюда в продолжение многих лет проявлялись весьма определенные стремления

Ц. **Требность знания на Востоке и образование в Сибири** 403

этой идеи занять свое место. Ход подготовлений и состояний университета в Сибири составляет весьма видный акт в истории просвещения, чтобы не остановиться на нем.

Мысль об основании сибирского университета явилась весьма давно. Еще в высочайше утвержденных императором Александром I предварительных правилах народного просвещения, опубликованных при указе правительствующего сената 24 января 1803 года, постановлялось, между прочим (пун. 14), что в учебных округах учреждаются университеты «для преподавания наук в высшей степени», коих в то время назначалось 6, а именно, кроме существовавших уже в Москве, Вильне и Дерпте, в округе Санкт-Петербургском, в Казани и Харькове, и затем предназначаются для университетов городов *Киев, Тобольск, Устюг Великий и другие*, «по мере способов, какие найдены будут к тому удобными». Вследствие такого заявления правительства о намерении учредить, когда окажется возможным, университеты в Киеве и Тобольске, известный П. Г. Демидов, делая свои знаменитые пожертвования на пользу отечественного просвещения, между прочим, пожертвовал в том же году 100000 рублей для предназначенных к открытию Киевского и Тобольского университетов. В письме министра народного просвещения графа Заводковского к Демидову от 6 июля 1803 года относительно этого капитала говорилось: «Что касается до сумм, которые вы располагаете за благодеяние своим ученикам, то к тому ближайшее средство положить оные в юспитальный дом вечным капиталом, назначив доход от процентов, по мере капитала, каждому месту определенному; а доколе причислет время к открытию университетов в Киеве и Тобольске, то капиталы, сим ученикам от вас определенные, росли бы обращением своим, без прикосновения к оным».

Итак, уже в начале нынешнего столетия в правительственных сферах и в кругу образованных людей ясно созрела мысль о необходимости учреждения в Сибири университета. Не приводилась она в исполнение целых 75 лет по многим причинам: отчасти ввиду более близких забот о просвещении в европейской России и о создании здесь университетов, отчасти потому, что самое осуществление сибирского университета казалось многим преждевременным по имевшемуся незначительному числу средних учебных заведений в крае и по незначительности населения в Сибири вообще, а также вследствие возникавших опасений, что в универси-

тете будет слишком мало число слушателей, что трудно будет привлечь достаточное число хорошо подготовленных преподавателей, и, наконец, что таким образом значительные расходы, необходимые от казны на содержание университета и на возведение лужных ему зданий, не вознаграждаются в достаточной мере и не дадут желаемых результатов.

Действительно, просвещение в Сибири развивалось весьма медленно. Сперанский жалеет Сибирь с обрывками специальных учреждений, существующих в крае без всякой системы, как когда-то миссионерские школы¹¹ без мореплавателей. Он увидел эту обширную страну страной «невежественной черни и отверженных преступников», хотя она представляла «все удобства для гражданского развития», как выражался он, и при умении пользоваться своею природою и богатствами могла стать величайшею колонией России.

Сделавшись генерал-губернатором и распорядителем судеб Сибири, Сперанский не мог не обратить внимания на жалкое и беспомощное положение учебной части в этом крае. Своими заботами и хлопотами о развитии просвещения в Сибири Сперанский привнес к этому делу генерал-губернатора Западной Сибири Капцивича и вызвал сочувствие даже попечителя Казанского учебного округа Магницкого. Сибирский комитет согласился с предложениями Сперанского, Капцивича и Магницкого, найдя, что выработанные учебные проекты и высшее образование для Сибири «полезно и согласно с принятыми для управления Сибирью правилами». Таким образом, мысль о сибирском университете снова возникает.

Генерал-губернатор Капцивич во всеподданнейшем рапорте 20 марта 1823 года указывал на недостаток нравственных начал в сибирском населении, на недостаток в крае просвещенных чиновников и на невозможность сибирякам по белости получать образование в университетах европейской России. Он докладывает о необходимости учреждения в Сибири высшего учебного заведения. Тогда же Магницкий представил проект об учреждении в Барнауле высшего училища в виде отделения Казанского университета с целью приготовить в нем учителей для сибирских гимназий и училищ, студентов для нежинской школы, детей сибирских чиновников — к гражданской службе, а купеческих детей — к торговле с Китаем. На содержание училища Магницкий исчислил 66750 рублей в год, кроме поправки здания и содержания пансионеров. При осуществлении

II **Грешность знания на Востоке и образование в Сибири** 405

своего проекта он, между прочим, имел в виду употребить пожертвованный Демидовым капитал в 50000 рублей на учреждение университета в Тобольске, который через приращение процентов в 1822 году представлял сумму в 121301 руб. 75 коп. и давал 600 дохода. Изыскавая новые средства, Капцевич проектировал отдавать в оброчное содержание рыболовные озера Западной Сибири, Чаны, и оброчную плату обратить на содержание высшего училища. Предполагалось на сибирский университет употребить также доходы с имения бывшей Виленской иезуитской коллегии. Но Демидовское пожертвование было передано в Московский университет, и мысль о высшем учебном заведении в Сибири, возбужденная Капцевичем и одобренная сибирским комитетом, осталась, к сожалению, без исполнения надежд. Взамен университета в 1835 году позволено было содержать в сибирских гимназиях и в Казанском университете казенных воспитанников из сибирских уроженцев, число которых было ограничено. В представлении Капцевича мы находим все те мотивы необходимости высшего учебного заведения для такого одавленного и богатого края, как Сибирь, которые вошли в позднейшее представление. Всякий сколько-нибудь дальновидный государственный человек не мог не предвидеть, что промывной край, изобилующий в большей его части разными естественными произведениями, обладающий несметными минеральными богатствами, должен был привлечь население, которое будет нуждаться в средствах образования для подрастающих поколений, не говоря уже о значительном числе людей, живущих в Сибири вследствие служебных обязанностей, и дети которых также нуждаются в образовании. Невозможность удовлетворения такой потребности в самом крае неминуемо должна была привести к постоянный отлив молодого поколения из Сибири в европейскую Россию, где представлялись все средства для получения образования, и эта часть сибирского населения в большей части случаев для Сибири была потеряна навсегда, так как, свыкнувшись с большими удобствами жизни, лишь немногие из удавшихся решились возвращаться в тот край, лишая его тем самым совершенно естественного и надежного элемента для занятия должностей по волею местной администрации и на всех поприщах разнородной частной деятельности.

Несмотря на сознательную потребность и постоянно ощущаемый недостаток в Сибири в образованных людях, дело уни-

верситета с 1835 года умолкло лет на 20. В это время на Сибирь всего менее обратилось внимание, она стала страной забытой, и даже период золотопромышленности в 40-х годах не привлек забот о просвещении края. Это был весьма темный период в жизни сибирского общества. Нечего говорить, что две тридцати могли дать самый ничтожный компонент людей среднего образования, даже если бы они стояли на уровне своего призвания. К сожалению, эти гимназии, отдаленные, не снабженные достаточно учебными средствами и преподавателями, представляли очень дурно картину убогого существования. В сибирские гимназии неохотно являлись преподаватели, а потому множество кафедр оставалось вакантными, остальные замещались людьми, случайно на них попавшими, или разными авантюристами, напомиавшими Сибирь. Среди них встречались слепые, хромые, полусумасшедшие, сивавшиеся с крута, люди жестокого нрава и крайне скудных познаний. «Я помню свою гимназию, — пишет один сибиряк в своих воспоминаниях, — как собрание монстров-преподавателей, которые ежедневно перед нами не столько излагали познания, сколько давали разные комические и жандармические представления; один рассказывал забытые анекдоты, над другим, немцем, глумились и хохотали до упаду, третий гонялся за нами с костью; в коридорах и на окнах артель учеников ставила часовых, чтобы предупреждать пьяных в коридоре водку учителей о появлении инспектора. Тут было не до науки!» Гимназии в таком виде существовали до 60-х годов. Кто же пополнил роль образователей в нескольких губерниях и областях Сибири за отсутствием просвещения? Состав местных канцелярий снабжали семинарии, бурса, наконец, полубатальоны военных капоинстов. Понятно, каких деятелей из них получала сибирская администрация. Если из низших школ выходили иногда люди способные и с дарованиями, как сообщает г-н Вагиз, то не нужно забывать, что из тех же бурс и кантонистов выдвигались забитые розгами идиоты, воронки казенного имущества, безремонтные писаря, выслужившиеся интелли до высших должностей халатством и прощрапством. Другую часть сибирского общества воспитывали семейные преступники или заезжие спекулянты, которые вместе с просвещением развивали у детей пороки. Инте глумились над претензией сибирских жителей «обучаться», и какой-то смышленый иностранец филолог обучил сына купца в насмешку ты-

тарскому языку вместо французского. Такова была судьба края, где не было правильной системы воспитания, где не было представителей настоящей науки, не было здорового воздуха умственной жизни. В такой среде настоящий просвещенный человек рисковал или задохнуться, или спешить бежать, бежать из нее, и из Сибири бежали.

Университетский вопрос между тем накопился как бы под спудом. Это происходило оттого, что Сперанский и другие администраторы, мечтали о привитии просвещения, а также поднимая вопрос о высшем учебном заведении для края, к сожалению, слишком понадеялись на обыкновенный административный прием поднятия этих вопросов путем канцелярской переписки, забывая одно, что в таком деле, как просвещение, должно быть привлечено и общество своим участием, что в нем самом должна быть затронута потребность жизни — искра сознания, и что только на этом фундаменте прочны и осуществимы подобные учреждения. Мысль о высшем образовании в Сибири не могла, однако, совершенно заглохнуть, она появляется снова и по половине 50-х годов. Это совпало уже с началом прошлого царствования.

Что мысль о сибирском университете не была совершенно забыта в официальных сферах, свидетельством служит востановленный доклад министра народного просвещения Норова по некоторым вопросам народного образования, представленный им государю императору 5 марта 1856 года; из доклада видно, между прочим, что правительство в то время уже признало полезным учреждение в Сибири университета. Заявляя об этом, Норов присовокупил, что «эта благотворительная мера, если признана будет возможною, обещает великие последствия краю, которого природные богатства и местные обстоятельства ожидают также животного содействия науки, чтобы доставить государству неисчислимые выгоды». Но предположение Норова осталось невыполненным отчасти по причинам, приведенным выше, отчасти же вследствие того, что в течение 20 лет, протекших со времени его заявления, министерству было озабочено различными работами по устройству других училищ, преобразованиями их и учреждением новых учебных заведений в европейской России.

Среди непроглядных сумерек сибирской жизни можно сказать, что это был единственный вопрос, который временами освещала царивший мрак и соседняя около себя обще-

ственные симпатии. В то время, когда вопрос об университете на Востоке временно замолк в Сибири и реже вызывал толки вообще в русском обществе, мы находим о нем статью в берлинском журнале, в «Архиве Эрмана», которая довольно подробно затрагивает вопрос о значении русской науки на азиатской окраине, говорит о предстоящем основании в Сибири университета, знакомит с пожертвованиями, сделанными на него, и довольно основательно разбирает преимущества различных городов, где его можно было бы открыть.

Таким образом, вопросу о сибирском университете суждено было познать первоначески. Пожертвование Девалдовым было в 1803 году, представление Каптевича — в 1823-м, доклад министра Норова — в 1856 году, а последнее представление генерал-губернатора Западной Сибири, предшествующее открытию особой комиссии, было в 1875 году. С 1856 года настоятельную необходимость открыть высшее учебное заведение в Сибири начали заявлять весьма часто как лучшие администраторы, так и лица, заинтересованные просвещением края. В Тобольской губернии сторонником этой мысли явился бывший тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович²⁰; в Восточной Сибири особенно сочувственно отнеслись к этой мысли учебное ведомство. Шестидесятые годы, столь богатые надеждами на будущее и ознаменованные реформами, не могли не вызвать ожидания и в отдаленной Сибири, сосредоточившейся на заветной идее об университете. В это время Иркутск, получивший значение наиболее интеллигентного и образованного центра Сибири, принял под свое покровительство и деятельно разрабатывал ту же идею. В Иркутске об этом шли учебные советы, и были делаемы неоднократные представления. В это время вся Сибирь была убеждена, что университет должен быть основан в Иркутске. Некоторые частные лица также пробовали подвигать этот вопрос. Покойный профессор Эйхвальд в это время вел переговоры по поводу сибирского университета с одним золотопромышленником. 1-н Смирнов предложил пожертвование 20 площадей притсков, а также до 10000 рублей в год на разработку этих площадей, но пожертвования: это, о котором говорилось уже в печати, почему-то было отклонено. В тех же 60-х годах мысль об университете явилась любимой мыслью молодых выступавших сибирских писателей. Об этом писались статьи, читались публичные лекции в Красноярске, Томске и Омске, проектировалось целое общество для собрания пожертвований. Одним

словом, университетский вопрос сосредоточил надежды и идеалы будущего, он отождествился вообще с лучшем будущностью края, на нем покоилась вся сила убеждения и жар молодого сердца. В 60-х годах создавалась целая литература о сибирском университете. Он сделался не чужа и массе населения. Последний горожанин, последний мещанин в глухом уездовом городе говорил о нем. Бедные городские классы в Сибири и мелкое чиновничество было заинтересовано в нем более, чем кто-либо. Так как в Сибири нет крупного и богатого дворянства, то контингент гимназий наполняется в большинстве бедняками. Окончившая курс средние-учебных заведений, эти бедняки не могли получить дальнейшего образования, так как проезд до университетов обходится дорого. В то время, когда только некоторые счастливы благодаря средствам или казенным стипендиям пробирались в университет, люди способные, с жаждой знания, талантом и определившимися часто призванием тонули в безвестных сферах местных канцелярий или ехали в глухую сибирскую тайгу на присяжки, уходили в приказчики и целую жизнь чувствовали горечь неудовлетворенных желаний знания. Некоторые из сибирской молодежи без всяких средств путешествствовали чуть не пешком, с обозом в дальние университеты; это было своего рода пилигримство*. Оны, расставшиеся наскоро с детьми, глубоко чувствовали разлуку; некоторым уж никогда не было суждено увидеть детей своих. Лучшие силы из Сибири исчезали навсегда, чего бы не было, если бы высшее учебное заведение было на месте. Этого не могли не сознавать самые простые люди. От этого в вопросе о просвещении звучали далеко наиболее жалобы и семейные слезы, но университет создавался в смысле и общих потребностей. Часто при недостатке знающих людей, специалистов, техников, химиков (золотопромышленники для анализа какого-нибудь камня или руды возили их в Петербург, отсылавшая специалистом, и т.д.) само собою рождалось заключение: вот был бы университет, не то бы было.

Но вопрос, столь понятный даже для простых людей, не всегда был доступен для людей, считавших себя авторитетными, но не разделявших интересов края. Некоторые умудря-

* До последнего времени видно, какими испытанием подвергнется сибирское население в вопросе за просвещением. В ответах тобольского и томского сообществ вспомоществования студентам и бедным учащимся приводятся примеры, как бедствуют дети бедных университетцев, практикантов, детей городских ремесленников, шурших просвещения (см. газету «Сибирь», 23 и 24 номера 1879 года).

лись даже выставлять какие-то политические мотивы препятствием к обывательскому общечеловеческому образованию. Так, один из видных администраторов Восточной Сибири, приобретший громкое имя в 60-х годах, по поводу вопроса об университете в Сибири выразил следующую парадоксальную мысль: «Сибирякам опасно давать высшее университетское образование, горюдо более благонадежными могут быть здесь вызванные на службу из европейской России чиновники». Такое странное заключение, не говоря уже о том, что оно совершенно неуместно, высказало сибиряков, таких же русских пощанных, какою-то враждебной народностью и адобалок отличалося светобоязнию.

Вот несколько точек зрения, с которых этот вопрос рассматривался в местной и столичной печати в течение последних восемнадцати лет.

1) Потребность высшего учебного заведения в Сибири обуславливается отдаленностью страны и затруднением для туземцев отправлять за 3—6 тысяч верст для обучения в русских университетах.

2) Необходимость высшего образования для приобретения технических и естественноисторических знаний, без которых богатства страны оставались и остаются мертвым капиталом, а уровень материального благосостояния населения был крайне низок.

3) Необходимость высшего образования вследствие недостатка медиков и учителей.

4) В видах доставления лучших сил администрации.

5) В видах учреждения и поддержания таких ученых и общественных учреждений, которые теперь падают за недостатком образованных людей.

6) В видах вообще воспитания общества, создания в нем образованного класса и лучших умственных сил, поднятия уровня нравственности и создания гражданской честности.

7) В видах разработки науки на Востоке и открытий в области знаний географическою, исторических, филологических и проч., которыми должна обогатиться наука, принимающая во внимание обширность непочатого для науки азиатского материка.

8) В видах общечеловеческих целей цивилизации и распространения ее в Азии.

9) Ввиду воспитания инородцев и дипломатических сношений наших с соседними странами Востока.

П. требность знания на Востоке и образование в Сибири 411

10) Для усиления и сохранения русской национальности ввиду новых приобретений и присоединений на Востоке.

11) Ввиду ожидаемых реформ в Сибири, которые без этого являлись немасляемыми.

Во многих статьях, посвященных этому предмету, выражались следующие мысли, рисовавшие в то время настоятельные нужды края.

«Число средне-учебных заведений в Сибири, — говорит г. Вагин*, — до последнего времени было очень невелико, они страдали более или менее серьезными недостатками. Это по необходимости сдерживало стремление сибиряков к высшему образованию. Можно судить, как оно было бы велико при других, более благоприятных условиях, можно судить также, какую огромную пользу принесло бы здесь обещанное уже с 1825 года высшее учебное заведение, особенно если учреждение это будет предшествовать увеличению числа и улучшению качества средне-учебных заведений. Можно судить и о том, как много потеряла Сибирь от того, что мысль о высшем заведении в течение почти пятидесяти лет оставалась одним только проектом...». «Потребность и жажда учиться у сибиряков в последнее время достигла весьма высоких размеров, — пишет тот же автор, — одни из сибиряков пользуются казенными стипендиями, другие иногда без всяких средств пешком идут в Казань, Москву, Петербург и там слушают университетский курс, пробыавши частью уроками и литературными трудами, частью пособием более зажиточных своих земляков-товарищей. Любовь к науке доходит у них иногда до самопожертвования... Просвещенная Сибирь должна была доселе пользоваться только от лиц приезжих, но большинство всегда увлекали в Сибирь слухи, что «Сибирь — золотое дно», что в Сибири можно *нажитися служебно* скорее и лучше, чем в других местах торговли. Еще Сперанский заметил, что в Сибирь едут одни «титularные советники, то есть люди, которым за недостатком образования была закрыта дальнейшая дорога».

«Мы предоставляем судить, — говорит по этому поводу другой автор, — насколько подобный случайный приезжий контингент, часто с не совсем безупречной репутацией и познаниями, мог удовлетворять действительным потребностям края; насколько он окажется пригодным при введении новых учреж-

* Исторические сведения о гр. Сперанском в Сибири, т. II, стр. 388 и след.

депей в Сибири. Признавая важное значение университета на Востоке в связи с введением реформ, без которого они не достигнут своей цели, — говорит та же статья, — мы должны прийти к тому заключению, что этим учреждением должна начаться самая реформа. Создание высшего образования в Сибири будет иметь столь же важное значение, что одно уже оно повлечет за изменение всего склада сибирской жизни. От университета создастся целая умственная атмосфера. Можно сказать, что только с ним наступит сознательная жизнь местного общества, а самый край вступит в новую эру исторической жизни. Те же статьи, представляя ненормальное положение общества, из которого лучшие интеллигентные силы уходят, избирая ученую, литературную и гражданскую карьеру вне родины, где они не находят деятельности, указывают на недостаток гражданских чувств, бескорыстных стремлений и идеалов в крае, без которых жизнь становится эгоистической, суево, черствой и тупо животной.

Наконец по поводу будущего значения университета на Востоке в печати указывалась ему следующая роль: «Оставляя в стороне те благотворные последствия, которые может иметь это учреждение для края, мы хотим определить, какое он будет иметь значение для цивилизации в мировом значении в смысле просвещения и изучения Азии. Известно, что материк Азия остается отчужденным от европейской жизни, европейская цивилизация имеет весьма мало путей проникнуть сюда. Не говоря о шемаллах и инородцах, целые миллионы азиатских народов остаются соседние русскому азиатские страны. Открытие этих народностей для европейской науки и призвание их к жизни может составить эпоху в истории человечества. Единственное европейское население, примыкающее с севера к Азии, — население русское, чрез него должен, между прочим, пролагаться путь просвещения. Посмотрите же, какими средствами обладает это русское население для своей великой миссии. Население этого края нежесточе не много других провинций европейской России, оно не обладает никакими культурными средствами, не снабжено никакою умственною силою. Русское население среди могучей дикой природы часто диачет и стоит беспомощным, окруженное инородческими племенами, влияющими на него более, чем оно на них. Повидно, что отсюда является постоянное отступление от культуры русского населения, понижение расы вследствие метисации, а также вырождение русского элемента» Приводя многочисленные при-

II. потребность знания на Востоке и образование в Сибири 413

меры этого поглотения русских инородцами, местный публицист заключает: «Ежели Сибирь еще на 50 лет останется в ам-кнутом состоянии и без образования, можно ручаться, что мы увидим вырождение и преобразование здесь русских в самослов, якутов, бурят и киргиз...». «Единственное спасение сохранить нам свою национальность, укрепить ее и, усвоив цивилизацию, извратить ее к другим народностям — это образование. Не нужно забывать, что просветительная миссия на Востоке должна иметь в виду, кроме света знания, внесение гуманных христианских начал в жизнь азиатских народов, принятие идей человечности и равноправия. Сослужа подобную службу делу цивилизации и просвещения на Востоке, Россия окажет услугу не одной себе, но и всему человечеству».

Вслед за этим в печати указывались и примеры, как давно уже заботятся о развитии просвещения европейские народы в своих колониях, делались ссылки на пример английских университетов в Индии, Новой Голландии, в Капской колонии. Со клядами наших противников просвещения на окраинах могли быть сопоставлены разве взятки полуцивилярской Испании, когда в прошлом столетии явилось запрещение училища в Лиме для благородных индейцев, когда основание училища в Буэнос-Айресе было отвергнуто, испанским колониям запрещено было мечтать об университете, а епископ Санга-фе настаивал на том, что креолы для того, чтобы остаться верноподданными, не должны учиться ничему, кроме закона Божия.

Истощив массу аргументации, литература об университете испытывала крайнее напряжение, и ее ноты начинали уже звучать грустной безнадежностью: «Довольно к вопросу об университете, — говорит автор статьи «Сочувствие к науке на Востоке», — выражая наши желания, мы, жители Востока империи, можем утешиться одним, что среди нашего поколения есть души, которые стремятся к просвещению. Может быть, нам не удастся дожить до основания великого образовательного учреждения на Востоке. Пусть глаза наши будут засыпаны песком, но наше сердце горячо близко надеждами. Пусть не обвинят все поколение, что оно не имело возвышенных стремлений. Ролина вспомнит всех, кто ратовал за ее просвещение и милою науку на Востоке, она вспомнит добрые ей пожелания и день своих радостей, как они помнят ее в дни ее скорби».

Такою скорбью отзывались все эти долгие ожидания, и при таких условиях идея сибирского университета дождала до

половины семидесятых годов, к ней все более примыкали чувства местных писателей, образованных людей и местного общества, она становилась излюбленною мечтою и явилась потому не случайно, не плодом одной административной фантазии, без всякого отношения к жизни окраин, как думалось людям, в первый раз узнавшим о существовании этой идиллии и не знакомым с жизнью края, напротив, вполне созревшая, она ждала благоприятной минуты для своего осуществления.

В 1875 году появилось радостное для сибиряков известие в газетах о том, что новый генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков⁵, ознакомившись с нуждами и потребностями края при вступлении в управление, решился сделать государю императору представление о необходимости высшего образования в Сибири. 25 апреля 1875 г. состоялось тридцатипятилетие г.-ад. Казнакова Высочайшее повеление: «*Повыше уровень общего образования, дать возможность сибирским уроженцам подготовиться из среды своей людей сведущих и образованных в числе, по меньшей мере, достаточном для удовлетворения нужд местного населения, и по ближайшему и всестороннему обсуждению этого предмета поощрять через министерство народного просвещения на высочайшее воззрение соображения об учреждении общего для всей Сибири университета*».

Начались приготовления, которые состояли в том, что генерал-губернатор предложил открыть новые гимназии для усиления среднего образования, как подготовительного средства для образования. С этою целью положено было открыть гимназии в Омске и в Тюмени. Но при этом новая администрация Сибири пришла к убеждению, что учреждение новых заведений этого разряда в числе, соответствующем действительным потребностям края, представляется в последнее время почти невозможным вследствие недостатка преподавателей. Без местного в Сибири университета вновь учреждаемые в ней, хотя бы в самом малом числе, гимназии, подобно тобольской и томской, будут затруднены в привлечении необходимых для них учебных сил, и по-прежнему лучшие воспитанники гимназий с выездом для получения высшего образования в европеизскую Россию в большинстве случаев будут исчезать бесследно для Сибири. По-прежнему выписанные за тысячи верст и со значительными для казны издержками преподаватели, равно юристы, врачи, даже наполовину образованные чиновники, будут проживать в Сибири, тяготясь своим положением и помышляя после

II. требность знания на Востоке и образование в Сибири 415
трехлетнего обязательного служения возвратиться обратно на родину. Сибирь же все будет продолжать испытывать недостаток в образованных деятелях.

В новом представлении по повелю сибирского университета все эти затруднения были предвидены, и потому в нем говорилось, что к осуществлению сибирского университета приступить является вполне своевременным, в этом убеждает все чаще повторяющиеся заявления местных начальников и генерал-губернаторов о крайнем недостатке в Сибири деятелей на всех поприщах государственной службы и в особенности о крайней затруднительности замещения вакансий медиков и учителей в средних учебных заведениях, о весьма одутливом неудобстве замещения всех этих вакансий исключительно пришлыми лицами, которые в большей части случаев оказываются не вполне соответствующими занимаемым им местам, и, наконец, о безвыходном положении родителей, вынужденных для предоставления детям их высшего образования посылать их в европейскую Россию, где они вполне отчуждаются от семейств и их родных обычаев. Сверх сего, Сибирь — страна, еще почти непочатая в научном отношении; ученые экспедиции, отправлявшиеся туда для исследования края, успели разработать только весьма незначительную часть имеющегося в нем научного материала, борясь с затруднениями, сопряженными с огромными перепадами, экспедиции эти могли заниматься своим делом лишь урывками, извлекать научные сведения только частями. Научный центр в самой Сибири дал бы возможность сосредоточенным и нем ученым силам исследовать край с большим удобством и с необходимыми для успешности работ последовательностью и постоянством. Обилие подлежащего научному исследованию материала в Сибири доказывалось уже тем, что она издавна привлекала и привлекает в последнее время исследователей не только из европейской России, но и из некоторых стран Западной Европы. С начала прошлого столетия начали посещать Сибирь знаменитые путешественники. В начале нынешнего столетия посетили для изучения богатств ее Гумбольдт, Розе, Эренберг, Леддур, наконец, в последние годы Миддендорф, Котта, Брем и другие.

Прошло более тридцати лет, заключает представление, с тех пор, как дарованы преимуществу приезжающим на службу из европейской России в Сибирь, и тем не менее прискорбяная действительность показывает, что ни администрация, ни суды,

ни народное здоровье, ни учебное дело в этом крае не обеспечено достаточным числом сведущих, образованных и преданных своему делу лиц. В подтверждение этого достаточно сказать, что в двух только гимназиях ведомства министерства народного просвещения, существующих в Западной Сибири, недостает в настоящее время *шести итальных преподавателей* по важнейшим предметам гимназического курса, древним языкам и русскому языку со словесностью, одного по истории с географией и двух по новым иностранным языкам, и что *недостаток врачей превышает 31%* штатного числа сих должностных лиц при разных учреждениях этого края, а именно: врачей положено штатом 122, *недостает же 39 человек*. Независимо от сего Сибирь и вне служебного поприща не менее, если не более нуждается в полезных деятелях, без которых ее произвольные средства, связанные с естественными богатствами, остаются мало использованными. Примеры такого явления очевидны: не имея университета, Сибирь из своих уроженцев не могла воспитать ни одного ипотен образованного поколения, которое бы всецело посвятило ей, как родному месту, свои полезные силы. Мало того, в ней постоянно повторяется следующее неутешительное явление, общее для обеих половин ее: лучшие воспитанники, окончившие курс в местных гимназиях и поступившие в университеты империи, по приобретении там высшего образования в весьма редких случаях возвращаются в Сибирь, но несравненные в преимуществе службы с уроженцами не сибирскими и увлекаемые либо служебными выгодами, либо неведомыми доголе удобствами жизни в столичных и больших городах избирают местом своей деятельности европейскую Россию. Таким образом, Сибирь представляет то редкое и в высшей степени прискорбное зрелище, что учрежденные в ней средние-образовательные заведения вместо того, чтобы обогатить ее достаточно образованными людьми, служат как бы средством для отвлечения из нее свежих житейских умственных сил в европейскую Россию, из которой взамен их нередко являются на службу, не без значительных для государства денежных затрат, искатели счастья, не успевшие в ней пристроиться по недостатку сведений, а иногда и сомнительной нравственности, в большинстве случаев люди, смотрящие на службу в Сибири, как на дело временное, и пытающиеся при первой возможности оставить ее и возвратиться в европейскую Россию. Со времени первого заявления мысли об учреждении университета,

III. требность знания на Востоке и образование в Сибири 417

говорит представление, народонаселение в Сибири возросло до 5000000, открытых в ней *четырёх* гимназий ведомства министерства народного просвещения оказывается недостаточно для удовлетворения потребности края, и учреждение новых средне-образовательных заведений встречает затруднение по недостатку подготовленных преподавателей. Сибирь вообще крайне нуждается в людях с высшим образованием, и удовлетворить этой нужде не могут высшие учебные заведения империи, куда учащиеся должны следовать за 4—5, а иногда и более тысяч верст; словом, представляется ныне настоятельная необходимость возвысить уровень образования в Сибири, дать местным ее уроженцам средства развивать и обернуть своим умственным силам на пользу самой Сибири, что может быть достигнуто только учреждением университета в этом крае.

По вопросу о том, найдется ли достаточное число слушателей для сибирского университета, вопросу, служившему аргументом для многих противников университета в Сибири, выяснилось следующее: 1) в гимназиях Западной и Восточной Сибири в 1875 году выдержали испытание зрелости 38 молодых людей (в том числе в Тобольске — 9, Томске — 14, Иркутске — 10 и Красноярске — 5) и 2) в 1875—1876 учебном году в четвертых классах духовных семинарий (где оканчивается общий курс и из коих дозволено поступить в университет) тобольской и иркутской числится 31 ученик и в среднем отделении томской духовной семинарии, соответствующем четвертому классу преобразованных по новому уставу семинарий, 34, всего в трех семинариях (из четвертой, благовещенской, сведений не имеется) 65 учеников. Имел в виду эти данные как более или менее постоянные, а также принимая во внимание стремление молодых людей к высшему образованию, что подтверждается, между прочим, тем, что из 23 выдержавших в минувшем году в гимназиях тобольской и томской испытание зрелости 20 заявили желание поступить в университеты и в С.-Петербургскую медико-хирургическую академию, можно допустить, что и при нынешнем числе средне-образовательных учебных заведений университет в Сибири имел бы ежегодно от 60 до 70 новых слушателей, считая в том числе и воспитанников духовных семинарий. Такое число слушателей вначале, бесспорно, небольшое по сравнению с другими университетами, впоследствии, по мере открытия новых гимназий и выпуска из них воспитанников, возросло бы, и во вся-

ком случае университет в Сибири в самом начале своего открытия не остался бы без такого контингента учащихся, при котором возможна его деятельность с довольно значительными результатами для края. Поставив, таким образом, вопрос об университете и при объясненном выше небольшом составе слушателей на почве практической возможности его осуществления, представление полагает, что отсрочить учреждение сего заведения до времени подготовки большего числа слушателей значило бы замедлить открытие новых средне-образовательных учебных заведений и оставлять на долгое, если не на неопределенное время, неудовлетворенными потребности края в образовании достойных для него деятелей. Вот данные, которые приведены были в проекте 1875 года*.

Затем были выражены следующие предположения: а) университет полезно бы было учредить из четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского; б) число кафедр по каждому факультету можно было бы на первое время ограничить наиболее необходимыми и основными с тем, чтобы со временем, по мере приискания достойных профессоров и увеличения числа студентов, число их постепенно поспевало до нормы, положенной общим уставом университета; в) особенно ограничению числа кафедр предполагалось уменьшить число преподавателей, а следовательно, и сумму падающих на государственное казначейство расходов, произведя также возможные сокращения издержек и по некоторым другим статьям, определенным действующими планами университета; г) за необходимыми изъятиями проектируемый университет подчинить действию общего устава университетов в империи.

Вообще по составленному в Западной Сибири проекту штата университета предполагались значительные сокращения расходов сравнительно со штатом 1863 года, например, сокращение 63000 рублей вследствие уменьшения числа профессоров и лекторов, 12985 рублей — от предложения не учреждать на первое время факультетских клиник, па стипендии студентам начиналась сравнительно небольшая сумма — 10 тысяч рублей. Всего относительно штата среднего по стоимости содержания университета (Харьковского) расход сокращен на 126609 рублей. Таким образом, сумма, необходимая для содержания уни-

* Три года спустя представлялись уже новые данные об учебном деле в Сибири, которые мы приведем ниже.

Целебность здания на Востоке и образование в Сибири 119
верситета в Сибири, числена первоначально в проекте в 212220
рублей. Сумма эта, по мнению генерал-губернатора Западной
Сибири, может быть еще сокращена на 6000 рублей, отпускае-
мых ныне на 20 сибирских стипендиатов в университетах по
мере окончания курса или вообще выбытия этих стипендиатов.

Кроме того, ввиду экономической и финансовой стороны
дела обращено было внимание на слишком крупные издерж-
ки, которые в настоящее время несет государство вследствие
преимуществ, предоставляемых присягающим из европейс-
кой России на службу в Сибирь. Собранные по этому пред-
мету сведения показывают, что в одной Западной Сибири на
прибавочные за сибирскую службу жалованья достигают к
расходу в 1875 году 67032 руб. 81½ коп. и что в 1874 году
выдано пособий (окладов готового жалованья) вновь опреде-
ленным на службу в этот край 12804 руб. 80 коп. По получен-
ным же от генерал-губернатора Восточной Сибири сведениям
назначено в этой части Сибири на 1875 год на прибавоч-
ное жалованье за сибирскую службу 65430 руб. 86 коп., а на
выдачу годовых окладов жалованья вновь определенным на
службу в Восточную Сибирь чиновникам употреблено в 1874
году 21687 руб. 73 коп. Таким образом, в совокупности из-
держки эти процаракаются для обеих частей Сибири до 167000
рублей в год. Необходимо допустить, что с учреждением си-
бирского университета и по мере приготовления в нем деле-
тей из уроженцев Сибири потребность в будущем элементе
служащих постепенно падала бы, а с тем вместе и расход на
означенные предметы значительно бы сократился.

Сумма, необходимая на постройку университета, в пред-
ставлении сибирского начальства была исчислена в 500000
рублей, причем первоначально университет должен был быть
без клиник с заменою их местными госпиталями. Сумма
эти была слишком ничтожна даже по местным средствам,

принимая во внимание, что в то же время на постройку
длителей сибирской военной гимназии было ассигновано
425000 рублей*. Сверх того было указано, что часть необхо-
димых для постройки денег находится уже в пожертвовании

* Постройка других учреждений, как, например, Харьковского техноло-
гического института, обошлась в 200000 руб., и сумма эта не была
найдена обременительной. Штатские на сооружение рисовальной
школа пожертвованы 100000 р. Конечно, для сибирского универси-
тета на постройку скорее необходимо было бы 500000 р. казенных
призывать к частым пожертвованиям.

Демидова, и капитал этот достигает 151000 рублей, затем на эту сумму предмет может быть еще обращено пожертвование г. Шибуйского в 100000 рублей, а следовательно, и 1875 году от казны понадобилось бы не более 350000 рублей. Наконец, в изыскании средств к сокращению издержек казны на этот предмет генерал-губернатор Казанков указывал на могущую произойти экономию для казны 200000 рублей при введении вольных почт. Хотя соображения относительно вольных почт не оправдались*, но они служили свидетельством всей напряженности в изыскании средств к облегчению казны в этом деле. Одним словом, требования по расходам на создание сибирского университета были доведены, как указывают документы, до последнего минимума. Относительно предоставления прав и преимуществ для привлечения профессором и доцентом в новый университет не испрашивалось ничего, как только те преимущества, которые установлены вообще для служащих в Сибири; затем предполагалось открытие на первое время лишь самых необходимых кафедр**. Сумма на личный состав должна была по смете не превышать 212200 рублей. Основание отделения *восточных языков*, столь необходимого для Сибири, отлагалось на неопределенное время.

Предположения и требования эти были до того умалены, ограничены, и состав университета мог явиться столь небольшим, что министерство народного просвещения в своих замечаниях сочло нужным указать, что при недостаточных штатах едва ли можно рассчитывать на привлечение достойных профессором и доцентом, без чего самый университет не станет на

* Вольные почты в руках монополистов были бы только бременем для Западной Сибири, как доказало обстоятельное рассмотрение этого вопроса.

** В историко-филологическом факультете по проекту генерал-губернатора предполагалось только 6 кафедр при 8 профессорах и 3 доцентах вместо положенных по уставу 1865 года 11 кафедр при 12 профессорах и 7 доцентах. В филоло-математическом факультете предполагалось 8 кафедр при 12 профессорах и 4 доцентах вместо положенных 12 кафедр при 16 профессорах и 3 доцентах. В юридическом факультете предполагалось вместо 13 кафедр при 13 профессорах и 6 доцентах иметь 8 кафедр при 8 профессорах и 3 доцентах, причем политическая экономия и статистика соединились в одном лице. История восточных иностранных законодательств, международное право и история славянских законодательств совсем отсутствовали. Медицинский факультет предполагалось сократить до 11 профессоров и 9 доцентов. По штату сибирского университета полагалось только два лектора иностранных языков (в по общему уставу их должно быть четыре).

подобающую высоту, почему необходимо для привлечения профессоров и доцентов увеличить оклады в полтора раза более, чем в других университетах. Относительно состава и числа кафедр министерство, соглашаясь в общем, нашло нужным сделать только некоторые изменения, так, на филологическом факультете вместо шести кафедр и восьмью профессоров назначить до семи кафедр и девяти профессоров; на юридическом факультете прибавить также по кафедре и по профессору. Вместе с тем высказано было желание не устранять для сибирского университета кафедру истории иностранных законодательств, а включить ее в состав энциклопедии права, нельзя также исключить международное право, так как оно имеет не один исторический интерес, а потому, чтобы дать хотя бы общее понятие о нем, полезно соединить в один предмет «государственное право» и «общую теорию международного права». Считено нужным прибавить также несколько профессоров и доцентов на медицинском факультете. В общем же увеличение против представленного проекта генерал-губернатора предполагалось только до четырех профессоров, двух доцентов и одного помощника профессора. Относительно постройки университета без клиник министерство народного просвещения также не нашло удобным согласиться и в общей смете полагало бы на постройку университета определить не менее 600000 рублей. Размер статей расходов на лабораторию и кабинет до 1000 руб., на ботанический кабинет 400 руб. и выписку журналов 750 руб., найден уменьшенным, так как по отдаленности сибирского университета и затруднительности высылки и получения необходимых предметов расходы эти должны бы быть увеличены. Вообще министерство нашло нужным на постройку университета увеличить расход до 600000 рублей, а на личный состав и на учебные принадлежности просить 307820 рублей*. Министр финансов со своей стороны не встретил препятствий к внесению в смету министерства народного просвещения 1878 и 1879 гг. потребных на постройку университета сумм, но с тем, чтобы в число их были зачисляемы не только суммы, уже пожертвованные на сибирский университет, но и те, которые ввиду окончательного решения вопроса об учреждении университета вновь поступить могут. По мнению министра народного просвещения

* По штатам 1863 года с присоединением других сверхштатных сумм другие университеты получают: С.-Петербургский — 375586 руб., Московский — 466950 руб., Харьковский — 357973 руб., Казанский — 376872 руб., Киевский — 373160 рублей.

422 *Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония*

ния, предполагалось открытие сибирского университета с 1 июля 1879 года в составе четырех факультетов. Министр же финансов находил, что отпуск денег следует назначить с июля 1880 года с ассигнованием 100000 рублей на предварительные расходы. Скопить гостройку университета пришлось только к 1880 году. Местом основания университета по первоначальному проекту была избран Омск. В таком виде согласно высочайшему повелению 24 апреля 1876 г. вопрос о сибирском университете внесен был в министерство народного просвещения, а послелним — в государственный совет.

Проект сибирского университета при таких условиях не встретил, по-видимому, особых препятствий к своему осуществлению. Можно было ожидать, что открытие университета после долгих ожиданий наконец осуществится, и надежды Сибири сбудутся, но и на этот раз ожиданиям сибирского края суждено было исполниться не столь скоро, как ожидалось. Славянское движение и война с Турцией, как и финансовые обстоятельства России еще раз отодвинули этот вопрос, почти решенный, на второй план и приостановили практическое осуществление начатого дела. Самый проект учреждения университета, к сожалению, далеко не привлекая должного внимания столичной печати и общества и не вызвав всестороннего обсуждения, может быть, благодаря тому, что самый проект не был опубликован. Один только пункт этого проекта вызвал внимание общества и печати, напомнив, что проект этот рассматривается. Пункт этот касался избрания города для сибирского университета и, иррав, по-вашому, второстепенную роль, получив тем не менее первоочередное значение для края. При этом нужно иметь в виду обстоятельства, которыми избрание места для университета сопровождалось.

Когда-то по мысли жертвователя Демидова предполагался местом для основания университета Тобольск, но город этот давно потерял свое значение центра и митрополии Сибири. В 60-х годах предполагалось основание университета в Иркутске как приятное, получившее особое развитие в крае, но впоследствии не раз высказывались преимущества Томска, как центрального пункта для обеих частей Сибири. При поднятии вопроса об университете в 1875 году большинство полагало, что выбор падет на Томск, как на самый видный город Западной Сибири, обладающий всеми необходимыми для университетского города условиями. Таково же было ожидание жертвовате-

Пь трeбнoсть знaния нa Вoстoкe и oбрaзoвaниe в Сибири 123

ля, двaдцaтo в числe пeрвoх 100000 рублиe пa oснoвaниe Тoмскoгo унивeрситeтa. Нo администрaтивнoе сoбoрeжeниe зaстaвлялo прoект выскaзaтьсe зa Омск — гoрoд, нaхoдящийся нa oкрaинe, a нe в цeнтрe Сибири. Нeсмoтрe нa вce аргумeнтa в пoльзу Омскa кaк гoрoдa будущeгo и eгo администрaтивнoе прeимущeствa, мьсль избрaния eгo рeзидeнцeй унивeрситeтa, прoтивoрeчaющaя вooбщe интeрeсaм сибирскoгo крaя и oбщeствa, явилась aдoбoк нeoжидaннoстью для сибирякoв и, пoнятнo, вызвaлa сaмьe гoрyчe прoтeсты. Омск прeдстaвляeт в Зaпaднoй Сибири дoвoльнo бoльшoй, нo прeимущeствeннo тoпoничeский гoрoд, имевший кoгдa-тo вoеннoе и администрaтивнoе знaчeниe при зaвoeвaнии киргизскoй стeпи; нo и этo знaчeниe с пoкoрeниeм стeпeй в знaчитeльнoй стeпeни утрaтилoсь. Нaхoдясь в стoрoнe oт глaвнoгo Сибирскoгo трaктa и цeнтрa нaсeлeния, oн утрoжaл сдeлaть унивeрситeт пустым. Нaкoнeц, гoрoд Омск пeрeпoлнeн исклoчитeльнo элeмeнтoм нaсaжнoгo, врeмeннoгo и никaкoй связи с стрaнoй нe имeющeгo; для сaмьx приeзжaющих oн и грaет рoль тoлькo врeмeннoй стaнций*. Вoт пoчeму oбщeствeннoе мнeниe Сибири вeсьмa рeшитeльнo выступилo прoтив Омскa, a мeстнaя и стoличнaя пeчaть рeшитeльнo oтдaвaлa прeимущeствo гoрoду Тoмску.

Истoрия этoй бoрьбь и сoпeрничeствa гoрoдoв зa унивeрситeт сoстaвляeт яркий эпизoд и живую стoрoну oбщeствeннoй сибирскoй жизни. Сибирскie гoрoдскie oбщeствa пo этoму пoвoду сoстaвлялi мнoгoчeлeннeе aдeрeсa и прeдстaвлeния. Вoт чтo писал, нaпримeр, тoмский гoрoдскoй гoлoвa: «Пoслeдниe пeтeрбургскie гaзeтe и тeлeгрaф принeсли в Тoмск дaвнo oжидaeмoу с пeтeрлeниeм вeсть o близкoм oкoнчaтeльнoм рeшeнии вoпрoсa oтнoситeльнo дaрoвaния Сибири пeрвoгo унивeрситeтa. Тaкoe вaжнoe, мoжнo скaзaть, истoричeскoe сoбытиe для Сибири нoбудилo нeскoлькix глaвньx, кaк прeдстaвитeлeй вceх слoвeс oбщeствa, oбрaтить кo мнe с зaявлeниeм нaзнaчить в oднo из зaсeдaний думы вoпрoс oб oбсуждeнии oбстoятeльств, oтнoсящихся к этoму дeлу. Рaзрeшaя утвeрждeниe в Сибири унивeрситeтa, прaвитeльствo в блaгoм пoпeчeнии o нуждaх крaя имeлo нeсoмнeннo цeльнo прeдoстaвить житeлям Сибири дaть дeтям свoим высшee oбрaзoвaниe бeз излишних зaтрaт, неиз-

* Из зaлoжeнных и рaссмoтрeнных дoвoдoв и числoвoх дaнньx, рaссмoтрeнных в oсoбoй кoмиссии при гoсудaрствeннoм сoвeтe, oкaзaлoсь, чтo Омск нe oблaдaeт ни oдним из прeимущeств для унивeрситeтскoгo гoрoдa пo срaвнeнию сoгo с Тoмскoм.

бежно сопряженных с отправкою для обучения в университетские города европейской России. Для достижения этой цели месторобование университета, конечно, должно быть избрано в том из городов, который не только находился бы в центре Сибири по своему географическому положению, но и в то же время был бы в тесной связи со всеми городами не одной только Западной Сибири, но и всей Восточной. Таким центральным пунктом является город Томск.

Разобрав все аргументы за Томск и Омск, а также указав значение этих городов вообще для края, представитель томского городского съезда говорит в заключении: «Все эти повторы и факты приводят, с одной стороны, к несомненному убеждению, что учреждение университета в гор. Томске было бы далеко полезнее для обеих частей Сибири, и указывает, с другой стороны, что университет г. Омска рискует остаться вовсе без слушателей и быть закрытым или переведенным в тот же Томск. Но газеты сообщают за положительное, что университет учреждается в Омске. По предложению генерал-губернатора Западной Сибири, последовавшему в декабре 1875 года, об уступке в гор. Томске места под университет, граждане этого города с глубокою признательностью и готовностью в 19 день января единогласным решением думы спелили уступку 35000 квадратных сажен лучшего места под университет, и в тот же день гражданин города Томска Шибильский пожертвовал 100000 рублей на устройство предлагаемого в гор. Томске университета. Если бы даже отведенное место по каким-либо причинам было признано неудобным, то граждане Томска ввиду того громадного значения, какое имеет университет для Сибири, не затруднились бы отвести другое место, которое будет избрано, лишь бы только учреждаемый университет по своему месторобожению удовлетворял удобствам жителей всей Сибири; причем можно надеяться, что в таком случае местное купечество не затруднится на пожертвования, и пример Шибильского найдет многих подражателей. Известие о предлагаемом открытии в городе Томске университета было встречено сочувственно всеми жителями Восточной Сибири, как это было видно из личных записок и отзывов в газетах. Зная убеждение всех сибиряков, что г. Томск есть центральный город Сибири, граждане города Томска не сомневались, что университет будет учрежден здесь, и потому не принимали никаких ходатайств и им до сих пор неизвестны причины перемены первоначального взгляда правительства, если

III. Требность знания на Востоке и образование в Сибири 425

таковая действительно состоялась, как видно из газет. Если принять за основание учреждение университета в Омске большую возможность, падера за учащимися высшего центрального управления, находящегося в том городе, то граждане города Томска полагают, что было бы удобнее перевести высшую учебную администрацию в город Томск, чем рисковать университету остаться без студентов».

Точно так же характеристичен и другой документ, адресованный министру народного просвещения от имени жертвователя на сибирский университет Захара Михайловича Цибульского:

«Ни в одной части России общество не почувствовало так глубоко недостаток высшего образования, как в отдаленной от умственных центров Сибири. Поэтому известие о намерении правительства учредить в Томске университет было встречено сибиряками с невыразимым восторгом. Нани начинания, касались ли они науки и воспитания, городского хозяйства или промышленности, почти всегда оказывались дурно исполненными вследствие недостатка знания; мы жаждем исследовать Сибирь для себя, а между тем к нам присажают норденшлеллы, бремены, представители чужих интересов. Мы жертвуем деньги на приюты, городские и сельские школы, но завсдения эти не приносят всей ожидаемой от них пользы по неизменно хорошим преподавателям. Нам должно заботиться о городском благоустройстве, ассенизации наших жилищ и улиц, но где взять исполнителей? Неисчерпаемые естественные богатства Сибири лежат нетронутыми, ожая умелых рук для их разработки. Приведенные и другие подобные задачи не вымышленные, а действительные и насущные, разрешаются в благоприятном смысле, когда в Сибири будет расадник высшего образования. Вот почему весть об университете была встречена единодушным сочувствием, которому в особенности содействовало удачное избрание Томска университетским городом... Не буду повторять доводы за Томск, — говорил жертвователь, — изложенные в представленном ходатайстве Томской городской думы. Взгляды Томской думы разделяют другие города Сибири, из которых некоторые присоединились к ходатайству за Томск. Услышная о намерении избрать Омск университетским городом, Енисейская дума по постановлению 15 июня 1877 года ходатайствовала через местного губернатора и посылала телеграмму вашему сиятельству, доказывая преимущества Томска. То же самое сделала

426 П. М. Ядринцев. Сибирь как колония

Верхнеудинская дума по постановлению своему 12 июля. Красноярский городской голова в письме от 5 июля за № 1169 выражал томскому голове, что его общество сочувствует устройству университета в Томске, но что, к сожалению, прения для ходатайства о том, по мнению этого общества, упущено. Барнаульский городской староста писал в июле, что томское общество, безусловно, разделяет воззрение Томской думы, но оно не может официально высказаться, потому что там не введено городское положение. Это ясно доказывает, что сочувствие к Томску не вытекает из эгоистической заботы одних лишь его граждан о выгодах своего города; такое ужое воззрение не заслуживало бы поощрения. Пусть откроют в Сибири две полнские на университет в Омске и на университет в Томске, тогда увидят наглядным образом, что первому писки не сочувствует, да второй же последние приношения деньгами, учреждением стипендий и т. п. потекут широкой рекой. Ошибаться в выборе пункта для университета значило бы дискредитировать здесь самую идею высшего образования, отдалить ожидаемые для Сибири от университета благие результаты, может быть, на целое столетие.

Таким образом, в Томске сосредоточивались сочувствующие ему заявления со всех городов Сибири. Иркутская дума сделала в полном собрании открытое заявление и представила министру народного просвещения следующий адрес: «Зачреждение университета в Сибири будет, без сомнения, призвано третьей эпохой в исторической жизни этой страны. Университет с начала нынешнего столетия был заветным желанием Сибири, и город Иркутск может с уверенностью сказать, что в нем и зародилась, и долгое время зрела мысль об университете. Но когда эта мысль вполне созрела и стала близка к осуществлению, когда возник практический вопрос: где быть университету, город Иркутск, движимый чувством справедливости и интересами не одной Восточной, но и всей Сибири, уступил свое право Томску. Никто в Восточной Сибири не возражал против преимуществ географического положения Томска. Не то произошло, когда прошла весть, что местом основания сибирского университета предполагается Омск. Если нам придется посылать своих детей за три тысячи верст, то не лучше ли по-прежнему отправлять их в Казань или в столицу, где более и образовательных средств, и самая жизнь удобнее и поучительнее. Таково общее мнение Восточной Сибири. Иркутская городская дума введет в исполнение Томской думы

II. потребность знания на Востоке и образование в Сибири 427

уполномочила меня почительнейше заявить нашему сиятельству, что основанием университета в Омске только вполтину будет исполнено желание Сибири, жаждущей высшего образования, что университет в Омске далеко не будет иметь того значения, какое имел бы, находясь в центре и на великом пути от Атлантического к Тихому океану, и что, наконец, если Иркутск охотно уступил Томску великое право иметь в своих стенах рассадник высшего образования, то уступить это право отдаленному и малоизвестному Омску для него больно и при-
скорбно. Исполняя поручение Иркутской городской думы, имею честь заявить вашему сиятельству о желании моих сограждан, чтобы дело о даровании университета Сибири завершенно было в духе общих желаний сибиряков, которые питают надежду, что в деле такой важности голос их будет выслушан и их соображения приняты во внимание при указании места, где быть сибирскому университету. Заступающий место иркутского городского головы Николай Лапунцев».

Значительная часть городов Сибири и обществ группировались, таким образом, около Томска, города Восточной Сибири, все высказались за него; из городов Западной Сибири только Тобольск и Тюмень заявили некоторый партикуляризм. Тобольск по традиции решил сам заявить себя в кандидаты, а Тюмень высказалась за Омск, как ближайший к ней город. Комиссия, учрежденная для рассмотрения вопроса о выборе города для университета, взвесила все аргументы, высказанные за тот и другой город, оценила их вполне беспристрастно и отдала предпочтение центральному пункту Сибири — Томску.

Вслед за результатами суждений комиссии и окончательным решением вопроса государственным советом в пользу Томска* местные симпатии общества к сибирскому университету выразились новыми пожертвованиями. Томское общество внесло 25000 рублей на клиники и 5000 рублей на покупку книг для библиотеки. На притяжение генерал-губернатора Западной Сибири А.М. Сибиряков пожертвовал 100000 рублей на устройство кабинетов, он же внес на покупку библиотеки 10000 рублей. Из других жертвователей Градеников внес 10000 рублей, Пермикин — 1000 рублей, Бог-

* 1 мая 1878 года вопрос о сибирском университете окончательно решен в государственном совете в пользу Томска, и состоялось затем высочайшее повеление.

данович ассигновал сумму на стипендию; наконец несколько лиц заявили желание пожертвовать библиотеки, вместе с тем начали стекаться приношения для музеев. Вопрос, таким образом, снова приобрел прежние симпатии и сочувствие сибирского общества. Нельзя было упрекнуть в этом случае сибирское общество в равнодушии. Весть об утверждении университета в Томске принята сибирским обществом с живую радостью и восторгом. «Да булет эта радостная весть для Сибири действительной радостью», — писала одна местная газета. При всяком благоприятном известии об университете телеграфные денегини в Томске печатались зодотым шрифтом, выставлялись в лавках и расходились по рукам. Частные пожертвования производились без всякого вынуждения, добровольно и с сознанием важности дела.

Финансовая сторона университетского вопроса между тем находится, как известно из опубликованных данных, в следующем положении:

демядовский капитал составляет ныне	150000 руб.
пожертвование коммерции советника Цибульского	с проц.* 100000 руб.
пожертвование А. М. Сибирякова	100000 руб.
им же пожертвовано на библиотеку	10000 руб.
томском обществе на устройство клиник пожертвовано	25000 руб.
томошняк жителями на покупку книг для университета	5000 руб.
Триезиловым пожертвовано	10000 руб.
Пермякиным	1000 руб.
Красноярским почттым гражданином Кузнецовым	500 руб.

Пожертвования эти, не считая стипендий, как Богданович и томского общества, а также жертвуемых библиотек, простираются одними деньгами более 400000 рублей.

Как бы в ответ, однако, на выраженные опасения и высказываемые затруднения жертвователей на университет З. М. Цибульский внес в 1879 году вновь 40000 рублей для осуществления скорейшей закладки университета. Эта новая жертва прибавила частный капитал**.

Правда, некоторые находят, что

* Демядовский капитал, как известно, в 1863 году состоит из 50000 р. ассигновки, с процентами он должен был составить герардо более 150000 р. сер., но по какой-то случайности он, как говорят, несколько лет накопился без всякого приращения.

** Из речи профессора Флоринского при закладке университета в 1880 году видно, что к этому времени частные пожертвования достигли 350000 р., на учебные пособия 100000 р., на стипендии 30000 р., всего 480000 р., и, кроме того, скопилось 350000 томов пожертвованных и купленных книг.

II. **Требность знания на Востоке и образование в Сибири** 429

предполагаемая сумма по смете 500000 рублей на постройку слишком ограничена даже для Сибири, принимая во внимание постройку клиник, кабинетов, музеев и т.д., но на это отвечают: «Пусть будут заложены первые камни на университет, в крайнем случае в Сибири найдутся средства окончить дело, этому учительство — уже существующие пожертвования. Пусть университет наш не будет отличаться пышностью, — говорят местные патристы, — пусть это учреждение будет на первое время скромным и небогатым, как дом пионер-колониста. Высшее учебное заведение должно блистать не внешностью, пусть оно блистает ярким лучом знания и истины».

Действительно, слишком много пропущено времени, чтобы не желать самого скорого осуществления этого учреждения. Открыть его предполагено было по внесенному проекту в 1880 году. Как видим, университетский вопрос в Сибири пережил много перипетий, чересчур долго ждал своей очереди, и как бы ни было неравно и нерадо сибирское население, епта ли на нем одном лежит за это ответственность. Причина, почему университетский вопрос в Сибири, выступая не раз, не мог получить надлежащего направления и разрешения, заключалась не в том, что вопрос этот являлся преждевременным и недостаточно выясненным, но в том, что на него не было обращено достаточно внимания, и что стремление сибиряков и ожидание ими реформ не всегда совпадало с ходом и настроением общественной жизни в европейской России. Это объясняется отдаленностью сибирских провинций, где жизнь несколько отстает, а требования ее опаздывают. Положение окраин между тем нисколько не улучшилось, и нужды просвещения дают себя по-прежнему чувствовать.

Вот что говорит по этому поводу один из официальных отчетов Сибири за 1878 год: «Народное образование в Западной Сибири далеко не находится на надлежащем уровне. Стремление к образованию проявляется во всех слоях общества, но желюшие учиться поставлены в весьма неблагоприятные условия по недостаточному числу учебных заведений. Большинство населения, особенно женщины, до сих пор еще остаются безграмотными. В развитии общественной жизни явно сказывается недостаточность местных средств высшего образования. Хотя правительство постоянно старается привлечь на службу в Сибирь образованных лиц, предоставляя им разные льготы, но эти усилия не достигают цели. Если в Сибирь и попадают

плоние достойные лица, то они скоро до такой степени натискают тьготиться суровыми, непривычными для них условиями с быта и отдаленностью от центра империи, что при первом удобном случае покидают Сибирь. Даже уроженцы ее, более способные из учеников местных учебных заведений, уезжая для своего образования в европейскую Россию, снимаются там с лучшим обстоятельством жизни и редко возвращаются на родину. Вследствие этого население остается без врачей, сельские и городские училища нуждаются в учителях, судебные места — в лицах, имеющих юридическое образование.

Но, кроме практических целей, еще важнее является паряду с высшим образованием поднятис вообще уровня общества и создание образованного класса, которое сознательно отнесется к своей жизни, выдвинет передовые задачи развития и, может быть, изменит самую будущность края, создав зародки цивилизации в Азии.

В университете, таким образом, лежит все будущее страны и нашей роли на Востоке. Это весьма плохо понимали люди, не принимавшие во внимание положение края и не знавшие историю сибирского просвещения. К сожалению, университетский вопрос в Сибири имел своих антагонистов и противников.

Некоторые находили, что университет для Сибири преждевременно, потому что она еще мало населена, что ей недостает гимназий, другие же отнеслись к вопросу совершенно равнодушно, так как были в Сибири людьми временными, заезжими и, стремясь управлять судьбами края, не заботились узнать о его нуждах. Во всех этих мнениях сквозила та грустная черта нашего характера, которая делает нас непростительно невежественными в разрешении наших народных и внутренних вопросов. Изрекая свои приговоры, мы не заботились узнать наших окраин и в провинциях, связанных тесными узами с остальным Россией, не хотели признавать прав на человеческое развитие и образование, доступное каждому человеческому обществу. Кроме консервативных и реакционных аргументов, слышались нерешко мнения о равновременности университета для Сибири и из другого, более либерального лагеря. Так, одним из серьезных и заслуживавших внимания высказывается тот довод, что при малочисленности слушателей университет для Сибири будет слишком дорогой роскошью, что средства, предполагаемые на него, лучше употребить на стипендии в других универ-

Потребность знания на Востоке и образование в Сибири 131

ситетах или на народное образование, в котором масса населения более нуждается. Опыт России доказывает, говорили по этому поводу, что одню высшее образование не составляет полного развития страны, что университетская наука часто дает одностороннее развитие, и университеты поспитывали «баричей»: в Сибири университет также будет достоянием богатых классов, а не народа. Сами учреждения приносят пользу только при подготовке народа, доказательством чего приводили неудачи земского сельского самоуправления за недостатком народного развития и воспитания. Преувеличенные надежды сибиряков на университет поэтому люди такого сорта старались охладить. Напротив, как молвой катонии и всему обществу, начинающему свое развитие, ей предлагали сделать *опыт развития* на япках начлах. Ей предлагали все средства и силы направить на первоначальные школы, предпочли их всем реформам: земской, судебной и самому университету, подобно Американских Штатам, ей советовали широко раскинуть сеть первоначального народного воспитания, а потом на этом фундаменте устраивать дальнейшую судьбу свою и строить другие учреждения.

Как ни были серьезны и доброжелательны подобные доводы, по они не могли переменить сложившегося убеждения и не всегда выдерживали критику. Местные жители, правда, возлагали чересчур большие надежды на университет и выставляли его пионером реформ, но нельзя сказать, чтобы образованные сибиряки утескали из виду и другие реформы. Напротив, они смотрели на университет, как на могучий рычаг, который дает средства создать и другие учреждения. Сравнение отдаленной Сибири с Америкой и рекомендации следовать ей в деле подготовительного народного воспитания как ни были лестны для местного патристического чувства, но они слишком расходились с грустной действительностью и положением края, чтобы быть принятыми.

Кто мог явиться творцом народной школы в широком смысле, и какие для того существовали средства в Сибири? Заботы о сельской школе здесь должны были выпасть на долю тех же заседателей и земской полиции. Насколько бы подобные школы удовлетворяли своему назначению — это вопрос. Большинство сельских школ в Сибири существует номинально, крайне искусственно и не достигает цели при крайне неудовлетворительном составе преподавателей. Творцом настоящей народной школы могло явиться только зем-

ство, которого в Сибири еще нет. Поэтому совет сосредоточить все внимание на народной школе, обойти все реформы, без средств и учреждений, которые должны бы были руководить ею, являлся весьма мало практичным. В отлет — не обобщаться реформами земской, судебной и другими так же, как ролью русских университетов, сибиряки с полной справедливостью могли ответить своим противникам: «Вам хорошо говорить о недостатках этих учреждений и относиться к ним критически, когда вы их достигли и ваши идеалы и требования расширились, позвольте же нам самим достигнуть тех же учреждений, которым вы обязаны своим более широким мирозерцанием». Говоря о народной школе, не нужно забывать, что земство, гласные суды — такая же школа в народном воспитании и что первая без последних точно так же будет весьма мало действительна.

Недостаток средне-учебных заведений и гимназий хорошо ощущался сибиряками, но само увеличение гимназий, а стало быть, и контингента лиц для будущего университета, зависело не от них, оно было немалым без учреждения высшего учебного заведения, так как создание гимназий не подвигалось за недостатком в существующих гимназиях преподавателей. Таким образом, устранение университета и недостаток гимназий ставили Сибирь в безвыходный *circle visceris* прежнего существования. Вот почему сибирское общество и местные сторонники университета не могли удовлетвориться представляемыми им возражениями, а самые идеальные обещания заставляли их только горячее желать вместо заоблачных журавлей получить реальную синицу в руки. Желание и стремление местного общества стояли на более действительной почве местных нужд и формулировались в определенные тезисы.

Трудно, конечно, сказать что-либо против первоначального народного образования Сибири, на важность которого указывают многие опекунки, но оно не устраняет вопроса среднего образования и вопроса университетского. Напротив, именно при развитии последнего оно должно будет сосредоточить особое внимание общества ввиду особенностей сибирской жизни. Просвещение массы и рабочего населения совершается обыкновенно посредственно и непосредственно. Около цивилизованных центров и вблизи больших городов просвещение проникает в сельскую массу всеми путями. В стране, изолированной и отдаленной, как Сибирь, где нет больших просвещенных

III. Требность знания на Востоке и образование в Сибири 433

не имеется этих условий. Благодаря свободному, равноправному и передвижному бывалому населению в Сибири, правда, замечается в крестьянине и простолюдине несравненно большая развитость и сметливость, но оно малорамотно*. Культурные привычки хотя и быстро принимаются, но редко проникают. Нравы населения грубы. Поэтому знание здесь более чем необходимо, ибо борьба с природой выступает здесь сильнее: благодаря удаленности жизни в лесах и промыслам одиночные совершаются быстро. Местное население притом находится в соприкосновении с инородческими племенами, которые, невольно влияя, понижают расу и заставляют еще ниже отступать невежественного человека. Кроме того, она живет под влиянием деморализующего сытного элемента. Вследствие того здесь происходит успешное разращение и разнуздывание природы, ничем не уравновешиваемое и не смягчаемое. Распространение же народного образования должно иметь, по всем вероятностям, значение гуманизирующее.

Мы имеем основание говорить о нуждах народного образования в Сибири, особенно теперь, когда идет дело о создании университета; причем необходимо позаботиться, чтобы само знание не стало достоянием одного класса общества; чтобы сам университет не сделался орудием, которым воспользуются одни люди, ставшие своей задачей эксплуатировать труд, иначе — чтобы он не послужил для одних промышленных шельм монополистов и богатого торгового класса. Без сомнения, плохой бы был выигрыш, если бы из грубых кабатителей образовались в стране только более утонченные. При односторонности развития местного общества этого можно опасаться. Вот почему необходимо желать, чтобы распространение народного обучения и образования дало ту же возможность знаний и для трудящегося населения. Оно явится полезным дополнением и помощью самому университету.

Если в европейской России можно еще мечтать — и только мечтать — об одном культурном классе из землевладельцев, то в Сибири по историческим условиям, по составу населения, по условиям земледельческого хозяйства даже и мечтать об этом невозможно. Здесь образование должно состоять

* В европейской России, в прибалтийских губерниях с земскими учреждениями — 1 на 168, в губерниях без земства — 1 на 471, в Сибири же — 1 на 664 человека.

вить силу и средства народной жизни, непосредственно раздаваемое всем населением.

Только при извештом развитии население найдет средства помочь себе.

Не забывая левиза, что от просвещения и прирвтия знания на Востоке зависит наша сила, могущество, богатство и вся будущность его, пора нам обратить внимание на наш Восток, пора сделать что-нибудь и для него. Обширный сибирский край с его разнообразными нуждами требует разрешения в нем многих существенных вопросов, касающихся не только его одного исключительно, но и целого русского общества. Край богатый и разнообразный, пролежавший века без пользы, требует, наконец, разработки. Непрерывное соединение железною дорогою Дальнего Востока с центром России, т. е. Азии с Европой, должно вызвать в крае предприимчивость, необходимо, чтобы на помощь ей пришли наука и знания, иначе предприимчивость будет направлена не туда, куда следует, а задвинется под давлением невежества. В жизни края выступает целый ряд вопросов: колониционный, торговый и промышленный, вопрос о прекращении ссылки, об уничтожении кабалы инородца и эмансипации азиатского раба наряду с освобождением других дает здесь другой жизни и света!». Не пора ли в самом деле дать свет этому краю?..

Будущность страны и условия ее преуспеяния

XI.

Наступающий момент самительного отношения к своей истории. — Сибирь, как колония России. — Характер экономического климата по определению Рихтера. — Углекислотная колония у различных народов. — Азиатская и испанская колонизация. — Всегда колонизаторность вносит свой характер и историю. — Общее начало колоний. — Что не достигнет русским колониям. — Необходимые условия процветания. — Будущность края.

Обзор современное положение Востока и Сибири с ее современными нуждами и вопросами, совершенно естественно будет подвести итог ее прошлому существованию и направить взгляд на будущее. Сделать это тем своевременнее, что край заканчивает 300-летие и вступает в новый фазис исторической жизни. Наступает время сознательно отнести к его жизни, определить момент, переживаемый им, создать ему роль в будущем и рассмотреть те условия, которые могут благоприятствовать его развитию.

Русский народ своим расселением на севере и Востоке достаточно доказал свои колонизационные способности. Что России суждена по положению колонизаторская роль и что она сама пошла скорее на огромную калонию между Западом и Востоком, это указывают европейские писатели, занимающиеся ее судьбой. Такой взгляд проведен Леруа Боле в последнем его сочинении о России*. Тем более характеристика колонии приложима к Сибири. Действительно, сравнение Сибири с Америкой весьма часто встречается и, так сказать, само напрашивается. «Вместо края, притонного только для ссылки, Сибирь, и особенно Западная, — говорит одна статья по поводу преобразования Сибири, — представляется обширным запасом земель для переселения того избытка русского населения, который, естественно, будет образовываться при существующей си-

* L'Empire des Tsars et les Russes, par Leroy Beaulieux, p. 40, 41, 42.

стеме земледельческой культуры. Здесь наши «Соединенные Штаты» и ни одно государство не поставлено так выгодно, как Россия, в отношении возможности нислать своих эмигрантов не за моря, а селить у себя рядом». Другая статья по тому же поводу делает то же сближение: «Мы обращаемся к сравнению Сибири с другой страной, которая имеет много общего с ней в своем физическом устройстве и в первоначальной истории. Мы говорим о северноамериканских Соединенных Штатах, которые отличаются от Сибири только своими южными провинциями и широким развитием береговой линии. Но причины быстрого развития Соединенных Штатов лежат не на юге, и притом близкое соседство с двумя океанами для американской республики важно только в торговом отношении, для Сибири есть другие выгодные условия, которые, может быть, даже переменяют преимущества Америки: близость и соседство разных азиатских государств, которые, наконец еще могут быть обширными рынками для нашей внешней торговли, обмен произведений собственно с европейской Россией и т.д. Рассматривая карту Америки, невольно любующая на ее равнины, горные цепи и многочисленные речные системы, которые имеют так много общего с равнинами, горами и реками Сибири, затем резко континентальный климат, суровые, обширные пространства, богатство царства растительного и животного, сокровища, скрытые в недрах гор, и здесь мы видим много общего с Сибирью, конечно, не выходя из пределов аналогии, которая, как всякая аналогия, не может быть приведена до мельчайших подробностей»**.

Сибирь представляет колонию земледельческую, и в этом скрываются значительные ее преимущества. «Земледельческие колонии, — говорит эмигрант-колоний Роллер, — отличаются от военных и торговых колоний тем, что они развиваются и местных путейцами, резко населенных зернопахотными или пастушескими народами: им свойственно присваивание земель и обилие лесов, поэтому земледельческие колонии до прибытия колонистов представляют лесистую страну, и колонисты находят свою жизнь с трудной, опасной для здоровья обработкой почвы. Колонисты должны быть здесь оседлы со всем своим имуществом и семейством и оставаться на всю жизнь колонией, потому что только дети могут покинуть ее, что пережили отцы. Таким путем из коло-

* «Новое Время», 26 октября 1881 г., № 2034. Сибирский край.

** «Русские Ведомости», 23 ноября 1881 г., № 205, 200-летний юбилей завоевания Сибири.

ции нередко вырастают нации — самостоятельная отрасль метрополии. Эти колонии происходят от излишка накопления рук в метрополии и потому к созданию их способны успешнейшие страны. Обыкновенно вследствие трудности отлаженных путей шествий большими массами и неудобстве перевозки сельскохозяйственных продуктов такие поселения основываются вблизи метрополии, примеры тому — Северная Америка и Англия, Южная Америка и Испания, Сибирь и Россия, северные малоазийские греки и Эолия⁶⁴, южные малоазийские греческие колонии и дорийцы⁶⁵. Климат подобных колоний должен быть не слишком отличен от климата метрополии. Рошер приводит в пример каньон плато в Мехико, орошаемый с юго-востока Кастили. Еще лучше, если колонии прилегают непосредственно к метрополии, как долина Миссисипи к Атлантическим штатам. Внутренний характер таких сельскохозяйственных колоний, по словам Рошера, демократический. Кто шаг за шагом завоевывает в поте лица свой двор, кто каждую минуту должен быть готов защищаться от набегов диких людей или хищных животных, тот не имеет ни малейшего желания отправлять барщину. При избытке земли, которую можно брать даром, редко создается помещичья зависимость, что касается личности, то культиватор в девственной стране воспитывает замечательную самостоятельность и независимость характера. Принимаю во внимание, что богатые люди считают тяжелым принимать участие в земледелии колоний, пролетариям же — даром, земледельческие выселяются преимущественно людьми среднего состояния, людьми равного достатка. Событиями просвещенным земледельческие колонии достигают весьма быстро гражданственности и известного совершенствования. В древности такую колонию представляла Сицилия, которая до времени самого Цицерона считалась житницей. Здесь прошептали земледелие и скотоводство, победителями же конских ристалищ были сицилийцы, здесь даже расцвела буколлическая поэзия⁶⁶ Феофрита. В новейшее время тип земледельческих колоний представляют Северная Америка, Сибирь и Новая Голландия. Проводя подобную аналогию, не должно забывать, однако, что это сравнение только внешнее, так сказать, в общих типических признаках всех заселенных стран.

В частности же жизнь и история колоний до бесконечности различается. Каждая нация создавала свой тип колоний и вела свою колониальную политику. Так, с данного времени отличаются греческие земледельческие колонии (клерухии) от римских

военных колоний (апохики). Английские колонии отличаются от испанских. Сравнение жизни и условий существования этих колоний у различных народов ввиду исключения колониализационного вопроса весьма поучительно. В истории европейской колонизации мы видим несколько периодов: точно так же, как и различные побуждения, которые руководили тацями в основании колоний. Прежде чем выработалась определенная колониальная система и политика, различные народы пользовались колониями различно, находив их основными пунктами, торговыми факториями, местами сбытки, наконец, делами колониями горнозаводскими или плантаторскими. Колонии торговые и плантаторские были первыми формами поселений. Нации кидались на редкие произведения новой страны и стремились вывести ее богатства; так, испанцы и англичане киднулись на золото и мехи Америки, на табак, сахар в Вест-Индии, слоновую кость и пряности в Индии, алмазы в Бразилии и т.п. Скоро потребовалось для разработки этих богатств привести рабочие руки. Так образовывались плантаторские невольничьи колонии. Характеристика их сделана также Рошером. В XVII столетии спекуляция на колониальные богатства явилась страстью. Испания, Португалия, Голландия, Франция и Англия одинаково соперничали в этом. Старая колониальная политика свелась к обширному спекулятивному компаниям в метрополии, иращим на богатство колоний и к системе кредита вывоза и ввезедения сырья в колониях. Способы эти соответствовали времени грубости и невежества наций и основывались единственно на самой жадной эксплуатации. Увлечение богатствами и хищнический способ в колониях был, однако, не вечен. Несостоятельность и невыхода первоначального извлечения сокровищ была сознана, она повела к опустошению и расхищению. Сами колонисты создали же невыгоды потоги за золотом. «Честные и достойные сокровища, — говорил один из первых ширинских поселенцев, знаменитый Смит, — да не пугает вас простое слово «рыба», рыба вам даст такое же хорошее золото, как рудники Гвианы и Потоди». Действительно, новая Англия через несколько лет давала доходу уже 100000 фунтов в год.

Помбиль скорбел о тех богатствах, добывание которых влекло за собой разорение Бразилии. Основанием земледельческих колоний, покровительством торговых обществ, созданием караванного судоходства он надеялся добыть сокровища драгоценнее тех, которые доставались работами в золотых рудниках.

Таким образом, в рудных и горных колониях являлась реакция и стремление вывести их на лучшую дорогу сельскохозяйственной и промышленной деятельности, одновременно началась борьба против рабства в колониях. Вместе с тем колониям давались первичные формы плантаторских, горнозаводских превращаются постепенно в колонии сельскохозяйственные. Судьба колоний сельскохозяйственных также была незавидна в первое время. Англия и другие нации создали колониям торговую зависимость. «Когда поселения были уже заведены и получили такое значение, что обратили на себя внимание метрополии, — говорит Адам Смит, — то первые заботы последней постоянно имели своим предметом захватить в свои руки монополию их торговли, стеснить их рынок и расширить на их счет свой собственный, и, стало быть, они не только не содействовали и не ускоряли движения колоний к благосостоянию, но подрывали и замедляли его» (Смит, о богатстве народов).

Такова была система протекционизма и меркантилизма, господствовавшая в XVIII в. во всех колониях. В это время Англия стремилась быть единственным фабрикантом для своих колоний, создать из них рынок для сбыта своих произведений и искусственно запретить все отрасли промышленности в колониях — вот что было ее целью. Колонии обрекались, обыкновенно, производить одно сырье. И барыши падали на долю фабрикантов метрополии. За эту систему грубой эксплуатации как Англия, так и Испания платились горькими уроками, когда колонии созревали.

Иное отношение к колониям является в XIX веке. После отпадения Америки Англия провозглашает принцип «свободы торговли». Укрепив за собою рынки, подняв свою мануфактуру и набрав «колонии покупателей», она обеспечивает свои рынки, ей неважно запрещать промышленность колоний, когда ее убийственная конкуренция господствует. Она смело становится на этот путь. Оставляя за собою экономическое господство, и то же время она предоставляет колониям полную политическую свободу, движимая ее новой колониальной политикой является «покровительством гражданскому развитию колоний»⁸. Этот оборот обнаружил блестящие результаты. Английские колонии представляют ныне сформировавшееся гражданское общество и развернули богатую культуру.

⁸ Новая колониальная политика выражена в речи Джона Росселя 8 февраля 1850 г. в Палате Общин.

Не то представляли испанские колонии, где опека, влияние феодальных начал, дух каст, монополии, католическое духовенство и гражданские стеснения и невежество населения сделали владения эти гораздо менее полезными. Как в антильской, так и в испанской системе колонизации отразились свойства и характер латифундий, их создававших. Англо-американская раса принесла своей дух независимости, личной свободы и представление о лучших учреждениях. «В успехах североамериканских колоний обнаружилось главным образом превосходство английских политических учреждений», — говорит Адам Смит. Английские колонии поселились отборными элементами реформаторов в лице пуритан, вслед за колонистами перенесли понятия и просвещение Англии. Все, кто мечтал осуществить лучшие формы жизни, стремился в Америку. Англия в первое время предпочитает уклоняться колонистам, как они хотят, и не вмешивается в их дела. Американские общины устроившись самобытно и оригинально. Опека является чуждой английской политике. Англия для поднятия сил колонии даже более расширила их права, чем в самой метрополии. Совсем наоборот происходит в испанских, португальских и французских колониях, где господствовали старые воззрения, где стеснения жизни явились сильнее, низшие представители администрации пользовались неограниченной властью, в таких колониях производ был шире и управление хуже за отдаленностью. Строгая регламентация жизни, опека развились до крайней степени, метрополия стремилась руководить экономической жизнью колонии, назначая ей быть то звероловной, то пастушеской (Мексика), то горной (Бразилия), то земледельческой низшей формы, обрекая ее на выделку только сырья и препятствуя развитию промышленности. Июгда целые отрасли занятий запрещаются, как, например, земледелие или заводская промышленность, на привозную и отпусковую торговлю налагаются провозные пошлины. «Стеснение всякой промышленности, небрежность в продолжении дорог и судоходства по великолепнейшим водным пространствам, наконец, обременение колоний на невежество было как бы систематической политикой Испании обессилить колонии и тем удержать их в зависимости», — говорит Герингус. Но такая ложная система повела к обратным результатам. Колонии действительно представили ничтожные и невежественные владения, они были истощены, но Испания все равно потеряла их и не сохранила с ними связи. Мало того,

испанские владения в Америке, предоставленные себе в силу предшествующей истории, явились полуварварскими.

Различия в системе политики, колонии различались и в учреждениях. Каждая из наций стремилась исподить в своих колониях свои национальные учреждения. Проводя свою промышленную систему, свой меркантилизм, протекционную систему своей мануфактуры, Англия пробует утвердить в колониальных поселениях свое владение и личную собственность. Попытки эти не удалась в Северной Америке, перенеслись в Австралию и в Индию. Плодороднейшие земли Америки раздавались при Карле II испанцам. Те же привилегии и раздача земель продолжались при Сьюартах. В Австралии средством к созданию крупного землевладения явилась система Уэджфильда распредачи земель и призыва работников в колонию, как необходимых рук для обработки. В Индии Англия стремилась разрушить древнюю общину и создать особый класс из земледаров и антипов. Система землевладения, однако, далеко не утвердилась, исключая плантаторские колонии Англии и южных штатов Америки, что породило впоследствии все бедствия рабства и междоусобной войны. Напротив, в северных штатах колонисты впоследствии должны были выкупить родовые земли и создать государственную систему более равномерного распределения земель*. Американские Союзинные Штаты склонились к мелкой поземельной собственности. Когда новая Голландия создавая собственной законодательницей и в колониях были созданы избирательные палаты, она приняла законы, ограничивающие распределение земель и установившие более благоприятные для переселенцев условия (Lind — act., 1862). Но раз совершенная раздача и продажа земли заторскими земельное хозяйство в колониях.

Как Англия проводила свою экономическую систему протекционизма, а потом фриртердерства, как создавала крупный класс землевладельцев и затем привила свои учреждения**, так Испания ввела в колонию свои права, возгорая и институты. Прежде всего она привела испанскую опеку в управление и свои завоевательные взгляды, создала разнь между завоевателями и туземцами, утвердила систему майордатов в колониях, ввела господство духовенства в лице иезуитов, приобрела огромное влияние, и образовала политекратичес-

* Histoire des Etats-Unis par Vaugot. L. II. Истор. Америке. Непризна Землевладения, Васильчиков.

** См. очерк Английской колонизации Ядринско. «Дело» 1872 г. кн., 8 и 9.

кое правление. Последствием этого в испанских колониях пошатнулись суеверие, деспотизм, невежество и рабство туземца. Жизнь колоний и окружающие условия только покоем ослабляли и уничтожали эти традиции метрополии.

Кроме свойств племени и наследственных черт метрополии, в колониях развертывается, однако, под влиянием новых условий самостоятельная жизнь, эти новые факторы в девственной стране совершенно преобразят общество, изменят его характер и придают ему небывалые подлинность и энергию, которые не доступны старым обществам. Уже Алеху Смит замечает, что обширные земли и плодородие их создают широкое поприще для приращения труда каждому переселяющемуся. Девственная природа производит ободряющее впечатление и воспитывает отвагу, поиски за богатствами, предприимчивость, отсутствие сословной розни и возможность всем одинаково трудиться, воспитывают равноправность и сохраняют демократический характер новому обществу, отсутствие предрассудков и традиций, склонность к новизне, восприимчивость и необходимый практический ум — вот отличительные черты колонии. При благоприятных условиях подобное общество весьма быстро развивается, усавивая же просвещение, так быстро прогрессирует в духовном отношении, что в короткий период жизни не только сравнивается, но и перещаживает старые общества.

Успехи развития земледельческих колоний замечены еще в древности.

Известно положение древних греческих колоний, как Сиракузы и Агригент в Сицилии, Тарент и Лакры в Италии, Ефес и Милет в Малой Азии, которые не уступали в духовных качествах багвейшей метрополии своей — Греции. Несмотря на то, что существование их началось позже, мы встречаем в них науку и искусство, философию, поэзию и красноречие в те же эпохи и на той же степени развития, как где бы то ни было в их метрополии. Школы Фалеса и Пифагора были основаны не в Греции, а в колониях*. Еще более близкие примеры представляют рост новейших колоний. Развитие американских штатов в три столетия и успехи Австралии, сформировавшейся в одно столетие, слишком известны, чтобы повторять о них.

* См. «Принципы благоустройства новейших колоний», гл. VII. О колониях, «Исследования о природе и причинах богатства народов» Адама Смита.

Из всех европейских колоний самые быстрые успехи были сделаны американскими колониями. Успехи эти заключались не столько в применении старого, сколько в создании новых форм жизни, имевших огромное значение в истории мира и оказавших влияние на судьбу Европейского континента. С таким противием эти колонии обладали гражданской свободой, дарованной Англией. В числе других условий, способствующих развитию, важную роль играет просвещение и степень распределения образования среди колонистов. Андэксаксонская раса и в этом случае имела все преимущества перед голландявской Истинной. Она поселилась в Америке, начиная с тридцати, лучших и процветающих граждан в лице Пэна¹⁾ и других. Это была великая мать великих мужей — «мать великих мыслителей». При таких условиях колонии могли быстро прогрессировать, благодаря новой почве они достигают замечательного благосостояния, и развитие их идет быстрее старых обществ. Вот откуда приговор А. Смита, что колонии просвещенного общества, утвердившиеся в малолюдной и бедной стране, трудящееся жители которой уступают место новым поселенцам, скорее венки другого человеческого общества движутся к богатству и благосостоянию.

По мере гражданского развития зарождаются и высшие духовные потребности колонистов. «В первый период колонизации мысли колонистов исключительно направлены к приобретению богатств», — говорит Леруа Болье. — «Наклонность к накоплению и бережливости является главным стимулом, стремление к материальному благополучию есть почти единственная цель. В жизни колониста нет места умозрительным идеям; частная жизнь переполнена событиями и трудом до того, что для жизни общественной не остается ничего. В эту эпоху замечается поразительное равенство между колонистами; троты их бывают трудны, отсутствие высшего образования порождает невежество». Но с ростом колонии являются все потребности гражданского общества, в которых трудно отказывать. «Плхо знает человеческую природу тот, — пишет Болье, — кто воображает, что с нес достаточно одних материальных благ и пассивного счастья. Это может быть и справедливо в периоде детства или истощения, последовавшего за каким-нибудь кризисом, но это временное состояние не обрешется в нормальное и постоянное. Настает момент, когда человек, создав в себе силу и свободу распоряжаться собою, пожелает лучше верить своей звезде и на свой риск отдаваться всем случайностям темного будущего чем валю

пастись по торному пути под руководством другого, к спокойному и верному благополучию. К части человеческой природы, есть чувства более могучие, более исполнимые и пленительные, чем склонность к спокойному, доставшемуся без труда наслаждению. Есть другие удовольствия, кроме стремления к пище, и хотя в первый период существования колоний жажда прибыли, по-видимому, преобладает над всеми другими интересами, но наступает время, когда после устранения величайших препятствий и образования достатка, а иногда богатства являюся другие побуждения, овладевающие душой и сердцем колониста» (Колонизация новейших народов Леруа Боле, с. 514–515).

Нало заметить, что жизнь колоний бьет сильнее; зарождающееся общество кипит избытком сил, это молодой организм, в котором складается гражданская жизнь, и поэтому здесь требуется более простора. Организм детей для своего развития требует более деятельности для упражнения сил, чем организм взрослого. От напряжения этой деятельности зависит рост и накопление богатств, выгодное прежде всего для метрополии.

Современная колонизация, таким образом, дает важные уроки и разрешает вопрос как относительно выгоды колонизации, так и условий процветания колоний. Когда-то являлся вопрос о том: 1) получает ли государство выгоду, лишаясь значительной части своего населения путем эмиграции, и 2) стоит ли хлопотать об основании поселений, которые при достижении гражданской зрелости в силу исторического закона могут выделиться в отдельные государства?». Опыт показал всю неосновательность подобных возражений. Метрополия, выселяя излишек населения, избегает экономических кризисов и дает возможность выселяющимся лучше устроиться; население в собственные колонии предпочтительнее всякой чужеземной эмиграции; убыль выселяющихся быстро покрывается приростом населения, создание же колоний в новых местах, в смысле расселения племен и народов, приносит новые выгоды для всего человеческого рода. Успехи развития благосостояния и процветания колоний выйдут для метрополии, чем их беспечие и жалкое существование. Мы видим, в конце концов, что успехи этого развития зависят: 1) от внесения труда, прилива колонизации и обогащения колонии силами; 2) от свободы пользования землей и низкой цены на нее; 3) свободы экономического и промышленного развития, устранения монополии; 4) от переизбытка капитала старой стра-

ны в страну новую, 5) от просвещенны колонистов и 6) от прав гражданских, даруемых им по мере их зрелости.

Обращаясь к русским колониям на Востоке, мы видим, что они ничуть не менее обладают благоприятными природными зачатками для развития. Тот же простор, те же привольные места и еще шире, чем у других народов, богатая природа, благодатная почва, предприимчивость и смелый ум русского колониста — все благоприятствует новой жизни и, следовательно, едва ли мы можем сказать, что янки колонии достигли полного развития и совершенства.

Несмотря на то, что русский народ своим расселением на севере и Востоке ясно доказал свои колонизационные способности, что перед нами находится обширнейшие владения в мире, моющей край, полный зачатков жизни, способный к развитию, край, которому предстоит, может быть, великое будущее, мы не можем скрыть от себя, что мы далеко еще не используемъ всеми благоприятными условиями своего положения, или, лучше сказать, колонизаторской позиции. На многих странах современной жизни и истории этого края звучит горькая нота и рисуетя мрачная картина сто настоящего положения. Вот что гласит одна статья по поводу 300-летия, и ее слова звучат особой угрозой: «Америка в течение одного столетия достигла таких успехов и развития, о которых мы не смеем и помыслить еще, даже крошечные индейцы грездили скальпировать своих братьев собратьев, и между ними уже есть люди, с высоты кафедры проповедующие научные истины; недавние рабы-негры также цивилизовались, и немого времени им нужно будет, чтобы сделаться культурным народом. Австралия, и та в текущем веке далеко шагнула вперед, развивая у себя такую высокую культуру, о которой сибиряки, вероятно, ничего не знают даже по слухам. Тавитане, еще недавно отрицавшие необходимость листика стыдливости, заседают уже в парламенте и решают весьма приятно и благоприятно свои дела; даже смертную казнь отвергли, как не отвечающую достоинству человеческого достоинства. А Сибирь!...». При всей отсталости этой страны мы мало заботимся об обновлении ее колонизацией. Колонизационный вопрос у нас только что нарождается. Мы задумываемся еще: заселить ли нам наши окраины? У нас часто люди переловые и государственные говорили против заселения окраин*. Вопрос о колонизации Сибири,

* В 1862 г. во время прений в политико-экономическом комитете по вопросу о колонизации Мейергоф высказывает мнение, что метрополия южна не сле-

разрешаемый в настоящую минуту, может иметь роковое значение. От чего будут зависеть рост, сила и прочность наших владений. Должно помнить, что колонизация есть дело народов, а не расхождение их. Тропа, проторенная русским народом, и из года в год тянувшиеся переселения в богатые места, на свободные земли, указывают сами собой разрешение этой задачи.

Нельзя не признать, что в этих пространствах свободных земель созданы самим народом гарантии, которые надолго обеспечивают судьбу славянского населения от случайностей будущей истории. Русские колонии отличаются от западных: английских, испанских и голландских той счастливой случайностью, что в них более, чем где-либо, сохраняется за колонистом и переселенцем право *baronorum possessionis* земель. Это великое божье право. Другой стороной, отличающей наши колонии, служит общинный быт нашего крестьянства, зарождающийся и в новых странах. Эта типическая общественная форма может получить богатое развитие при общем довольстве в новой стране на богатых землях. Как англосаксонская раса отразила лучшие черты своей природы и характера в своих колониях, так славянская раса должна выразить те же лучшие черты в своих.

Что недостает нашим колониям, это еще полного гражданского развития, и мы еще недостаточно обратили на это внимания. Без этого гражданского развития они могут остаться вместо цветущих и богатых пладений, приносящих огромные выгоды своим праматери, жалкими областями, остающимся от цивилизации, глухими и забытыми, какими оставались до сих пор. Весьма странно видеть, как после временных восторгов и патристической гордости приобретением и величиной завоеванных владений мы как будто забываем о них и нимало не заботимся о их внутренней жизни. Страна будущего, «наша Мексика и Перу», наше «золотое дно» завтра является заброванным местом ссылки и каторжного труда, безжизненной пустыней и краем, не имеющим политического значения.

дуге заботиться о колониях ввиду их будущей жизни. Прочие эти помещики в газете «Восток» 1862 г. Генерал-губернатор Горчаков высказывал опасения относительно поселения Сибирью с Америкой и был против приобретения Амура, доказывая, что, войдя в сношения через Амур, Сибирь получит какие связи с Россией, и американцы получат их неизбежно (Рус. архив, 1878 г. III, 263). Таково же было мнение старшего секретаря Буткова о проекте Муравьева-Амурского (воспоминания Вельямова «Русская старина», XIV, с. 211). Подобные же опасения высказываются по поводу проекта заселить Амур «одним, как эти помещики *** же мечтали и заговорили» «защитником» «чести». Через несколько лет после богатых приобретений на Амуре в силу Амурского трактата пришлось обратиться снова к вопросу о колонизации Амура.

Поэтому преемник Мидлера, друг Сперанского историк Словцов произнес над историей ее следующий горький приговор: «Из черт, живописующих быт сибирский, видно, что Сибирь, как страна, заключающая в себе золотое дно, но как часть государства представляла ничтожную и безблагодатную область» («Ист. Сибири», Словцов, гл. VI, стр. 265).

Вопрос в том, надолго ли она такою останется? Не наступает ли время дать этой области развитие, создать в ней внутреннюю жизнь и гражданственность. Сибирь пережила все периоды, которые свойственны всем новооткрытым странам. Она была колонией звероловной, колонией горнозаведской, местом поисков золота, наконец, местом ссылки. Постепенное заселение, сельскохозяйственный склад, оседлость и гражданские формы жизни созданы в ней ныне задатки жизни гражданской, воспользоваться которыми для создания прочного общества будет зависеть от нас самих. Задерживать гражданские потребности этого общества мы будем не в силах, хотя бы и хотели.

Необходимыми условиями дальнейшего существования этой страны, как зде чужа пол², ее развития и жизни являются: 1) колонизация и заселение, 2) право на безвозмездное пользование землей каждого прибывающего, 3) свобода сельскохозяйственного труда и поощрение развития местной промышленности, 4) облегчение и создание внутренних путей для обмена жизни на огромных расстояниях Востока, 5) предоставление полных прав гражданства жителям этих областей наравне с гражданами метрополии, 6) просвещение и простор духовной жизни.

Мы оканчим несколькими мыслями, высказанными нами по поводу 300-летия Сибири.

Рассматривая периоды пережитой сибирской истории, мы видим период завоевания, покорения, усмирения, бунтов, далее период колонизации, заселения, самоупреждения и обезлюдения, затем период искания богатств, уличения ими, период эксплуатации даров и запасов природы, еще позднее наступает период культурного сельскохозяйственного развития и складывающейся гражданственности, но мы не видим еще пока признаков духовной жизни народа. Между тем kloжить дух в это огромное тело и есть одна из величайших исторических задач, остающаяся на очереди.

В наступающую минуту, на грани трехсотлетия, наступает и для Сибири уже этот период соматической жизни и понимания своей роли в будущем. В сложившемся обществе с четырьмя миди-

онами русского населения на Востоке выступают стремления к развитию своих экономических, материальных и умственных сил; гражданские и образовательные потребности в этих стремлениях начинают занимать известную роль. Этим сознанием своего общечеловеческого существования и сознательным отношением к сложившейся жизни начинается новый период сибирской истории.

В последнее время выдвигается несколько весьма видных местных потребностей и нужд этого общества, которые не могут остаться без ответа в государственной жизни России. Они состоят в распространении на Сибирь гражданских прав, которыми пользуются уже подданные европейской России. Сибирское общество жлет введения земства, нового гласного суда, распространения образования, гарантий личности и лучшего общественного существования.

Дарование самоуправления, возмездие правосудия и справедливости для этого несчастного края становится тем необходимым, что Сибирь в продолжение всего прошлого существования испытала много притеснений, несправедливости и неустойчивости. Эти бедствия начались с новгородского управления; произвол господствовал в Сибири более чем где-либо; край подвергался возможному злоупотреблению, и жизнь его остается далеко не устроенной до последнего времени.

Между тем ныне выступают многочисленные общественные вопросы и нужды, требующие настоятельного удовлетворения. К таким принадлежит: отмена уголовной ссылки, меншая безопасность и развитие гражданской жизни, организация поселений, устройство быта изюмщиков, принятие мер против мироедства и кулачества, улучшение участи золотопромышленных рабочих и многие другие. Наконец, в крае является потребность умственной жизни, стремление к гласности, желание разработать общественные нужды путем печати; общество желает гарантий для личности и защиты от местного произвола. Выражение всех этих нужд проявляется в последнее время довольно определенно и ясно не только в печати, но в ряде заявлений представителей обществ, выраженных ко дню трехсотлетия. Такие заявления посланы Енисейской, Иркутской и Томской думами, причем должно ходатайствовать о введении реформ. Как выражение этих общественных желаний мы приведем предложение гласной Енисейской думы Скорнякова, принятое думой:

«В нынешнем году, как известно, минует 300 лет Сибири; период, кажется, слишком долгий для того, чтобы развиваться, ок-

репутит и встать на ноги, но, оглядываясь на прошлое, сердце невольно сжимается, не видя ничего отрадного и ничего прочного. Есть только слабые кое-где зачатки, но все это бледно, точно; видно, что чего-то для развития не хватает. Мертвенность эта может удовлетворять только человека, долго жившего исключительно личными интересами, которому чужды всякие интересы своей родины; но для человека, который хоть сколько-нибудь заглядывает в будущее, для человека интеллигентного, для человека, так или иначе заботящегося о благе своей родины, мертвенность эта способна убить всякую энергию к деятельности, дескать, опасное чувство равнодушия к жизни своей родины и таким путем убить в ней всякую живительность и способность к развитию. Не пора ли очнуться нам? Не пора ли занять свои кровные: нужны теперь, на рубеже трехсотлетия Сибири, на ее трехсотлетней тризне? В чем состоят ваши нужды, нужно ли говорить об этом; нужно ли повторять то, что давно уже высказано передовыми людьми Сибири и ее представителями — истинно? Мне кажется, говорить об этом всегда нелишнее, а тем более теперь, когда правительство выступило на путь преобразований и улучшений, когда лица, стоящие во главе управления, призывают общество к совместной с ними деятельности и, наконец, когда с высот престола раздались радостные слова государя, что, вступая на него, он посвятит себя прежде всего делу внутреннего развития, будет служить России, ее благоденствию, надеясь, заслужить любовь. Наше трехсотлетнее существование дает нам право говорить о своих пользах и нуждах, и теперь, мне кажется, лучшее для этого время. Нужды Сибири, нужды наши слишком велики и обширны, велики потому, что мы дома почти 300 лет были пасынками России, были обделены всем, за исключением лишь известного законодательного акта 16 июня 1870 г., распространявшегося и на сибирскую окраину. Наша мать Россия уже пользовалась многими коренными реформами, мы же, сибиряки, страдавшая от наших неурядиц, могли только плакаться и завидовать ей. Поэтому-то наши нужды и требования и должны быть обширны и велики; но это не должно смущать нас, потому что, приобретая коренные изменения и улучшения в нашей жизни, мы приобретаем злато для нашего лучшего будущего, вступим в общечеловеческие права, сделаем жизнь человека похожей на жизнь человека в полном смысле слова.

Наши первые и настоятельные нужды — это введение земства, гражданского суда, свободы печати и слова, свободы личнос-

и имущественной неприкосновенности, свободы переселения и преобразования селения в Сибирь.

Приобретая их, мы приобретаем нужную и великую силу для борьбы с невежеством, с бедностью нашей жизни, произволом суда и администрации, обезопасим свою личность и имущество от вторжения разных хищников Сибири. Вот об этих-то нуждах наших наступила теперь пора, гг. гласные, позаботиться. Нам предстоит об них ходатайствовать пред государем на рубеже нашего 300-летия, чтобы с новыми полномочиями вступить на новый путь общественной самостоятельности для служения благу нашего края*.

В этих заявлениях сказываются те ожидания, которые волнуют общество, а также сказывается вся важность переживаемого исторического момента.

Нет никакого сомнения, что развитие страны достигло в настоящее время известной гражданской зрелости, и момент трехсотлетнего юбилея совпадает с моментом ожидаемого полноправия. Необходимость сибирских реформ до такой степени ясно сознается ныне правительством и обществом, что трудно предположить, чтобы настоятельные нужды населения не были удовлетворены. Русский народ, совершивший немало заслуг на окраинах, приобретший целую страну, доставивший в эти три столетия огромные богатства государственной казне, конечно, не будет лишен общих гражданских прав. Его способности к самостоятельной жизни, его таланты к самоуправству и общественному хозяйству достаточно выразились в новой стране при самых трудных обстоятельствах. Сибирское население, жившее вне опеки крепостного права, давно приобрело навык к самоуправлению, а борьба с обстоятельствами сделала его развитым, бойким и предприимчивым. В правоспособности свободного сибирского населения слава ли могут встретиться сомнения.

К этому самоознанию и самостоятельности уже призывал сибирское общество Сперанский 50 лет тому назад.

* 26 октября 1881 г. по случаю празднования первой победы Ермака появилось немало оборонен и статей, речающих современное положение этого края. Всей русской печатью были высказаны в это время отнюдь не пожелания гражданского преуспеяния края, введения гражданских реформ, земства, нового суда и проч. Сибиряки того же 26 октября единодушно и гордо выразили надежды на общенациональную разницу и равнение ей общих прав. Осуществятся ли эти желания и что ждет Сибирь к 300-летию вековой присоединения и 1883 г., покажет будущее.

Таким образом, после предшествовавшей работы для этого края ожидается еще большее развитие внутренних сил. Если до сих пор Народная жизнь и народные стремления в обширной колонии России, слагаясь инстинктивно и почти бессознательно, совершили многогранную историческую работу, то есть полное основание предполагать, что те же силы, прилившие к более сознательной жизни, способны будут тем более доказать свою жизненность при условиях внутреннего самоусовершенствования.

Пробуждение общественной самостоятельности, развитие образования на Востоке и осуществление подготовляющегося университета может создать иную, лучшую роль сибирской окраине, а европейские условия существования придать этому безжизненному краю свет и тепло цивилизации.

Должно принять во внимание, что, несмотря на трехсотлетие, сибирское общество все-таки исторически молодое общество, а судьба монополий общества и колоний весьма часто представляет завидное существование сравнительно со старыми обществами, пережившими долгую жизнь. Если первые изжили многое, потерпели много разочарований и огорчений, исчерпали богатства, истощили земли, накопили к сохранению старины и к ксности, обладают часто предрассудками старчества, принуждены бороться с неодолимыми препятствиями, созданными предшествовавшими ошибками, то вторые свободны от многих из этих неудобств. Они кипят избытком сил производительности, обладают многими дарами природы, стоят у начала истории; дорога их торная, может быть, не сулящая многих превратностей; они не имеют предрассудков старого мира и, так сказать, на обломках старых цивилизаций свободны создать новую, лучшую жизнь, обитую свежими разумами.

Нередко великие идеи и плоды человеческого прогресса доступны колониям, и они прогрессируют быстрее метрополий. На Западе нередко из них развратываются новые государственные организмы, создающие новые цивилизации. Мы далеки, чтобы мечтать о подобном будущем и сблизить судьбы европейских колоний с нашей, далекой и глухой окраиной. Нечего говорить, как она стоит неизмеримо их ниже, здесь нет даже отдаленного сходства Америка и Австралия, на которые часто указывают, в гораздо кратчайший период оказали величайшие успехи в смысле развития гражданской и культурной промыш-

лешей жизни. Но тем не менее и здесь есть известная разница в прожитых днях, в условиях нового существования и в задатках жизни, и здесь не может не чувствоваться жизнь молодого, восприимчивого организма. Культурное развитие благодаря естественным богатствам и простору может идти быстрее и богаче, общественный склад — самобытнее и оригинальнее, и поворот положения страны могут явиться и новые задачи.

Географическое положение в Азии, связывающее европейский мир с азиатским, указывает этому краю некоторую своеобразную политическую роль и значение в будущем. Конечно, азиатские народности не всегда останутся в периоде косности, замкнутости и полуварварства. Когда-нибудь здесь предвидится великая общечеловеческая работа. Для того чтобы выполнить ее, необходимы все средства цивилизации, и прежде всего собственное развитие.

Нельзя не предсказать, таким образом, для этого края все-таки известного значения и участия его в мировой истории. Стоя у начала исторического процесса, у колыбели нарождающегося существования, естественно остановиться мыслями на его будущем и созвать задачи, налагаемые современностью.

В интересах человечества, как и в интересах русской народности, наступает время привать наши окраины к новой жизни, побудить их общественные силы к самостоятельности и тем положить начало новому историческому периоду. Признание совершенности общества, дарование ему гражданских прав, удовлетворение общечеловеческих стремлений есть священнейший долг метрополии по отношению ко всякой молодой, развивающейся на ее руках стране: великая обязанность налагается на нее Провидением перед лицом всего человечества и будущей истории.

Какова бы ни была история этого края, у него нельзя отнять известной будущности. С верою в его жизнь, в его привязи соединяются ныне лучшие ему пожелания. Они окрыляют влечением людей, ему преданных, и придадут энергию труду в новой стране. Нет сомнения, что русским колониям на Востоке при условиях просвещения и цивилизации не менее, чем другим народам, суждено будет пожать плоды общечеловеческого счастья.

**Статистические сведения
о современном состоянии Сибири**

Пространство и население азиатской России в 1879 г.

	Кв. верст	Кв. миль	Жителей	
			об.	тогда на 1 кв. в.
Тобольская губерния	1297853	26749,8	1206430	0,92
Томская губерния	759068	15686,6	1032579	1,36
Алтайская область	479700	9913,9	454205	0,94
Среднеазиатские области	428528	8856,7	525979	1,22
Енисейская губерния	2299982	46699,8	428517	0,19
Иркутская губерния	703650	14542,8	383378	0,54
Якутская губерния	3422656	71158,2	242001	0,07
Тайбальская область	547966	11325,2	488000	0,89
Амурская область	544984	11163,4	34859	0,06
Приморская область	1661373	34336,7	73217	0,04
	12134840	247625,1	4568365	0,4

* Пространство Сибири определяется в 226924,2 кв. миль, или 10979687 кв. верст, включая две области — Акмолинскую и Семипалатинскую, 24701 кв. миль, или 118834,3 кв. верст. По императору Баранкову 26885 кв. миль, но сюда присоединены земли Пермской и Оренбургской губерний за Уралом и земли оренбургских, саратовских киргизов и закулий чингис, без учета пространства равны 26189 кв. верст.
 * Исходя из домысла, что все пространство деления равно в своем действительности.

Тобольская губерния по Копену	28928 кв. м	
Тобольская губерния по Тобольскому ведомству 1864 г.	28999 кв. м	
Тобольская губерния по консулянту Петрова	29403 кв. м	
Тобольская губерния по календарю Селарина	25621 кв. м.	или 1216877 кв. м
Тобольская губерния по Стрелинскому	—	или 1247853 кв. м
Тобольская губерния по губернской привокзальной	—	или 1295758 кв. м
Томская губерния по Копену	18711 кв. м	
Томская губерния по Савельеву 1864	18733 кв. м	
Томская губерния по Денисову	18566 кв. м	
Томская губерния по Плесову	18711 кв. м	
Томская губерния по ведомству Копену	12476 кв. м.	или 758819 кв. м
Томская губерния по Шелье, стар. кабинету	15688 кв. м.	или 759068 кв. м.
Томская губерния по военно-стат. сборнику	—	или 725000 кв. м
Томская губерния по сен. И. Завалишину	—	или 723027 кв. м

**Сведения
о количестве земель и крестьянских наделов
в Западной Сибири**

Земли государственные	Всего земель в частном владении, в саж. кв.	Удельных земель	В полтора-удельной собственности	Наделы по ведомствам					
				1. Земельные участки, принадлежащие государству	2. Земельные участки, принадлежащие частным лицам	3. Земельные участки, принадлежащие обществу	4. Земельные участки, принадлежащие государственным учреждениям	5. Земельные участки, принадлежащие частным учреждениям	6. Земельные участки, принадлежащие обществу
Округа:									
Тобольский	11119062	487714	284884	15	3	—	—	—	23
Телецкий	1275208	609973	370935	20,7	6	—	—	—	5
Туруханский	7967708	475068	159948	21,3	6	—	—	—	12
Якутский	2037916	1193168	784835	16,4	5	—	—	—	23
Тарский	7339791	19,9922	645231	25,6	8	—	—	—	109
Томские округа:									
Омский	6183332	2516339	985793	11	10	—	—	—	7
Иркутский	3769792	2283299	1488159	26,7	16	—	—	—	19
Кураганский	2147917	1511943	1043760	17,4	7	—	—	—	22
Тарский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сургутский	9961609	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	134976795	10517256	5773609$\frac{1}{2}$	24,8	61	70	—	—	166
Томская губерния:									
Томский	2821100	582283	703589	22,6	5	—	—	—	5
Маринский	1341111	1341111	391107	59,4	7	—	—	—	—
Кежеская	7303460	1349870	1460914	28,5	7	—	—	—	4
Итого	33024650	3243264	2555610	34,5	17	—	—	—	9

* Сведения эти разработаны нами по местным официальным данным ввиду полного отсутствия помещичьей статистики в Сибири.

Земельный кабинет Итого в процентах	Земельная площадь в кв. метрах	Сколько приходится на душу населения	Пропорция земель по категориям
Алтайский край округ Томский член Томского Евразийский Банк Колхоз "О"	7204787	101,44 кв. м 1330 кв. м	в 25 раз, в 77 раз меньше в 47 раз, по 100-150 раз.
Иркутский район Алтайской области	11201200	29,9	в 17 раз, в 50 раз, в 30 раз, по 40 раз, в 2 раз, по 30 раз, и 1 раз, по 100 раз.
По всей Западной Сибири земель предоставлено	2533999 кв. м ⁴		
Земельный кабинет	328000 кв. м		
Кавказская земля	2302 кв. м, или 985223 кв. м	на кв. метр по 150 кв. м	

⁴ Из числа этих земель пожизненно и продано до 250 000 десятин и частную собственность и 78945 десятин в числе оборонных статей.

Всегость
о перечислении крестьян в Томскую губернию
с 1870 по 1879 гг.
по сведениям Томской казенной палаты

Из каких губерний переселены	в 1870 г.		в 1871 г.		в 1872 г.		в 1873 г.		в 1874 г.		в 1875 г.		в 1876 г.		в 1877 г.		Всего
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.									
Вятской	149	374	295	210	310	120	184	358	236	288	2729						
Тамбовской	206	241	446	185	184	94	131	202	194	203	2177						
Тобольской	30	147	79	203	236	125	254	303	234	377	2104						
Воронежской	86	171	644	225	129	27	138	71	23	122	1455						
Пермской	31	250	157	148	96	76	137	122	272	338	1639						
Самарской	43	123	118	218	311	31	51	60	64	25	1054						
Оренбургской	—	39	58	—	127	72	54	52	10	30	574						
Нельзиской	55	47	108	12	10	26	34	26	24	45	389						
Курской	13	—	105	—	54	92	25	23	19	52	387						
Владимирской	250	12	8	13	5	36	26	13	5	15	383						
Тамбовской	4	2	234	—	2	9	8	16	37	24	256						
Рязанской	3	28	13	4	67	42	43	64	49	38	551						
Вологодской	119	9	36	46	14	9	55	18	21	9	336						
Самарской	105	—	10	—	2	13	34	10	31	32	237						
Орловской	18	—	2	—	17	38	3	11	2	14	123						
Нижегородской	5	17	13	—	3	21	26	9	4	10	108						
Уфимской	—	37	2	—	—	40	8	5	—	4	96						
Рязанской	7	32	4	2	14	3	—	10	12	84							
Калужской	—	4	—	—	—	45	1	2	6	6	64						
Казанской	25	17	11	3	—	2	6	7	1	3	75						

И в а м к и г у б е р н и й п е р е с е л е н и я	в 1877 г.		в 1878 г.		в 1879 г.		в 1880 г.		в 1881 г.		в 1882 г.		И т о г
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	
Саратовской	54	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	57
Заповедской	—	—	—	1	22	—	—	—	—	—	—	—	24
Самаринской	—	8	—	—	—	—	13	16	—	—	—	—	36
Семиреченской	—	2	5	—	5	10	2	—	—	13	19	—	32
Архангельской	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	3
Сампалдинской	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	16	—	28
Калужской	—	—	—	—	—	15	2	—	—	—	—	—	17
Маджарской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Гривинской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Амурской	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Астраханской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Томской	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	4
Московской	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Актюбинской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Екатеринославской	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	4
Одесской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Минской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Новгородской	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Черниговской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Якутской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Еврейской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Венгской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Тифлисская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Киевская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Итого	1419	574	2216	1393	608	1009	1254	1477	1600	952	15501		

**Веломость
о переселении крестьян из внутренних губерний России
в Алтайский Горный округ
по сведениям Алтайского Горного правления**

Из каких губерний переселены	в 1872 г.		в 1873 г.		в 1874 г.		в 1875 г.		в 1876 г.		в 1877 г.		
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	
Велютов	36	2	57	0	226	165	75	76	144	66	11	14	131
Самарской	84	9	111	6	59	69	181	237	219	4	13	906	
Шиховской	40	22	70	41	107	94	82	182	58	11	21	26	
Палладинской	5	—	1	5	7	12	11	—	—	—	—	43	
Ольнебулакской	7	8	7	8	26	28	64	92	146	25	12	3	432
Рыбинско-ков.	4	112	34	17	7	2	8	25	55	3	2	—	174
Тулеской	6	5	—	4	10	2	2	5	9	2	1	67	
Иртышской	33	2	17	8	70	402	226	155	7	3	90	50	1217
Славгородской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
Гусевской	19	1	—	5	—	3	26	16	—	2	—	—	59
Курской	1	—	—	—	5	75	11	45	67	3	—	—	215
Тамбовской	39	—	17	2	100	239	242	265	124	44	15	16	1076
Астраханской	6	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	11
Костромской	1	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	3
Лысковской	2	—	—	—	4	—	—	—	6	—	—	—	5
Митинской	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Тверской	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
Орловской	—	—	—	1	—	78	30	9	—	—	1	—	119
Иркутской	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Могилевской	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Саратовской	—	—	—	16	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Алтайский	—	—	—	—	—	4	1	32	28	—	—	—	61
С.-Зем.-В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
С.-Днепр.-В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Тобольской	68	1	9	33	9	30	147	79	303	40	19	29	1111
Енисейской	1	1	5	2	7	32	2	2	14	2	—	—	72
Итого	382	6	2253	4	648	1295	1066	475	12	2	221	145	7979

Источники сведений	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
Источники сведений	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100

из кажде округа Томской губернии

Источники сведений	с кни		кни		Всего
	с кни	с кни	кни	кни	
Всего в 12 лет переселившихся:					
Пермской	393	566	96	76	1131
Самарской	315	591			906
Волжской	450	205	207	63	955
Владимирской	20	23			43
Оренбургской	281	151			432
Вологодской	28	112			141
Тульской	40	27			67
Воронежской	244	972	1		1217
Нижегородской	5	6			11
	30	29			59
	162	53			215
Курской					1
Уфимской					1
Тамбовской	364	936	72	4	1376
Астраханской	11				11
Костромской	2		1		3
Перской	9				9
Архангельской	15	3			18
Магилевской		10			10
Московской	4				4
Орловской	15	104			119
Симбирской	1	1			2
Саратовской	28	33			61
Харьковской					1
Иркутской	484	586	37	4	1111
Тобольской	36	24	11	2	74
Енисейской					
Итого	2912	4460	427	150	7979

Статистические сведения о семье

	Перепись населения Сельских местечек	Распределение по категориям за 11 лет																						
		Каторжных На поселение На жительство Административных	1858г. 23383 2557 78986 125202																					
В 1867 г.	12393	Распределение сельских с 1870 по 1877 гг. <table border="1"> <thead> <tr> <th></th> <th>В Финляндии Средне</th> <th>В Восточную Сибирь</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Каторжных</td> <td>1195</td> <td>11925</td> </tr> <tr> <td>На поселение</td> <td>1488</td> <td>22711</td> </tr> <tr> <td>На жительство</td> <td>292</td> <td>15244</td> </tr> <tr> <td>Административных</td> <td>1513</td> <td>376</td> </tr> <tr> <td></td> <td>5729</td> <td>6193</td> </tr> <tr> <td></td> <td>61767</td> <td>32009</td> </tr> </tbody> </table>			В Финляндии Средне	В Восточную Сибирь	Каторжных	1195	11925	На поселение	1488	22711	На жительство	292	15244	Административных	1513	376		5729	6193		61767	32009
	В Финляндии Средне			В Восточную Сибирь																				
Каторжных	1195			11925																				
На поселение	1488			22711																				
На жительство	292			15244																				
Административных	1513			376																				
	5729			6193																				
	61767			32009																				
В 1868 г.	8970																							
В 1869 г.	16861																							
В 1870 г.	12451																							
В 1871 г.	14034																							
В 1872 г.	13124																							
В 1873 г.	17048																							
В 1874 г.	18786																							
В 1875 г.	19051																							
В 1876 г.	19062																							
В 1877 г.	17424																							
В 1878 г.	17780																							
В 1879 г.	18274																							

	Распределение сельских по сезонам в среднем 1876 г.		Семейства, добровольно следующие за сельскими			
	муж.	женщ.	взрослых		детей	
Каторжных	1993	157	4	248	716	510
На поселение	3252	139	2	598	358	571
На сулу на жительство	185	11	—	18	26	30
На водворение	1335	59	—	8	5	4
Административных	9687	231	7	1367	1514	1266
	12442	597	13	2035	2113	1863
Всего или	14568	4495				
	83%	17%				

Болезни и смертность в партиях по сведениям 1878 года

	Заболело	Умерло
В Томской пересыльной тюрьме на 17191 осмыленных	767 муж. 276 женщ. 479 детей	80 21 220
В Томской пересыльной тюрьме на 9425 осмыленных	1798	321
На баржах до Тюмени в 1878 г. на 10400	624	27
В Ачинске	1074	56
В Красноярске	1205	96
В Канске	982	27

Число осмыленных в Западной Сибири				Число арестованных осмыленных в городах Западной Сибири	
Округа	Ссылаемых	Сосчит. в. не осмыленных, в том числе: за Царск. номере		Ссылаемых	Местн. строжим.
Тобольский	2309	13 1/2			
Томский	2014	14 3/4	В Тобольске	539	2545
Туринский	2965	7 1/2	В Ирбите	632	345
Лытовровский	4866	15	В Дудоровске	658	249
Кузнецкий	6145	14	В Таре	955	1436
Тарский	8737	4 1/2	В Кургане	789	696
Тюкалинский	1931	3 1/2	В Тюкалинске	180	397
Ишимский	16167	5 1/2	В Туринске	416	769
	59134		В Мариинске	1501	1497
В Томской губ.			В Канске	1149	693
Томский	13642	1 1/2	В Тарыме	387	917
Канский	7343	4 1/2	В Томске	1030	4470
Мариинский	7843	2 1/2			
	28828				

	Число осмыленных		Недовольно осмыленных		Число осмыленных
			в 1878 г.	в 1879 г.	
В Тобольской губернии по сведениям 1876 г.		В Тобольской губ.	64930	23	
Было прописано	46726	И Томской губ.	121-98		
Налицо было	34293	И вообще, по сведениям губерний			181
Безвестной отсутств.	16829	На помещиках сельских обществ			
		Содержалось в тюрьмах за новые преступления в 1870 по 1876 г.			1347
В Томской губернии в 1878 г.	28828	В Тобольской			
Налицо	19032	В Томской			9828
В неизвестной отсутств.	9796				6728

Статистические сведения об иждордах Западной Сибири*

Тобольская губерния Округа:	Тюркского племени		Финского племени		сам себе	Всего иждордского населения	Процент иждордцев в числе русских
	бузарис	тагар	жорюлов	остяко			
Тобольский	3774	11010	2158	1270	—	18212	16,92
Тюменский	2844	6255	—	—	—	9099	9,34
Тарский	1975	6755	—	—	—	8730	7,06
Дарьковский	134	5133	—	—	—	5267	3,03
Туринский	—	—	3913	—	—	3913	6,72
Березовский	—	—	—	15160	7916	23076	445,90
Сургутский	—	—	—	5923	—	5923	354,67
	8727	29153	6071	22353	6916	74220	13,12

Томская губерния Округа:	Тюркского		Финского		Алтайцы монгольско-сибирские племена			Всего иждордцев	Процент иждордцев в числе русских
	атра	буларин	буряты	остяк	калмыки и переносившие с собой язык калмыков	казахи	татары		
Томский	5891	152	2916	4211	1385	—	—	14155	7,94
Барнаульский	—	—	—	—	1236	—	—	1236	0,56
Муромский	1870	—	—	—	—	—	—	1870	2,42
Кузнецкий	—	—	—	—	2985	17803	—	20788	16,48
Вийский	—	—	—	—	225	5791	17018	22034	12,84
Катанский	2225	—	—	—	—	—	—	2225	1,83
Всего	9986	152	2916	4211	5731	23594	17018	46368	7,0

Области	К и р г и з ы				Всего	Процент иждордцев в числе русских
	у них аулов	кыбиток	муж. п.	жен. п.		
Семипалатинская	560	106413	254528	218228	472656	428,04
Акмолинская	349	66106	171185	154629	328164	854,92

* Настоящие сведения составляют результат наших самостоятельных исследований о современном числе и положении иждордцев

Земледелие

В 1879 г.	Тобольской губ.		Томской губ.		Акмодинской обл.		Семирпатинской обл.		Восток и Западная Сибиря	
	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято	посеяно	снято
	Ч е т в е р т в я									
Озимой пшеницы	3382	4954	5488	74018	—	—	—	—	8270	29772
Озимой ржи	257496	1042971	162886	720628	9836	38903	1146	4353	431264	1806855
Яровой пшеницы	284661	1037965	255138	227934	21269	50461	17678	53544	573746	2369892
Овся	495297	1952140	370181	4604936	14065	93397	6360	36988	1036105	1663481
Ячменя	58875	181035	52436	234663	971	3476	1212	8362	113494	427336
Рожь	10706	24017	4919	31313	20	75	2	8	15650	55415
Картофель	154415	616428	66603	335013	—3306	20529	3386	16450	228713	988420
Прочие яровые хлеба	75704	321107	126282	536829	870	1768	1060	9587	203916	869231
Итого	1540536	5420605	994135	516156	51340	44629	25847	129211	2611858	10210602
									Средний урожай — 3,95	

Промышленность

Наименование фабрик и заводов. 1880 г.	Тобольской губ.			Томской губ.			Акимовинской обл.			Семипалатинской обл.			Всего в Западной Сибири		
	число заводов	сумма производительности в рублях	мощность в лошадиных силах	число заводов	сумма производительности в рублях	мощность в лошадиных силах	число заводов	сумма производительности в рублях	мощность в лошадиных силах	число заводов	сумма производительности в рублях	мощность в лошадиных силах	число заводов	сумма производительности в рублях	мощность в лошадиных силах
Бумажных	1	2505	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2505	24
Виннокурных	11	714374	669	15	1269915	514	1	62992	80	1	211728	117	28	2259009	1380
Воскобойных	—	—	21	21	13287	63	—	—	—	—	—	—	21	13287	63
Водочных	5	173000	33	—	—	—	3	87479	20	—	—	—	8	259479	53
Теплярных	26	4580	45	25	4801	57	—	—	—	—	—	—	51	9381	102
Для швейной машин	80	956560	522	—	—	—	1	3429	13	—	—	—	81	959989	535
Канитных	15	7690	51	13	6060	51	—	—	—	—	—	—	28	13785	104
Кафельных	—	—	2	2	574	4	—	—	—	—	—	—	2	574	4
Кирпичных	178	16199	190	78	47621	006	24	20093	231	60	9060	182	140	92973	1616
Кожевенных	391	2324060	1111	81	255612	592	27	322217	226	23	174644	66	528	3026533	2001
Кирпично-печурных	17	137905	214	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17	137905	214
Котельных	4	4487	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4487	8
Клеверных	4	7700	16	—	—	—	5	7800	24	—	—	—	9	15500	60
Лесных и лесных	3	800	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	800	6

Машинных	39	57194	66	18658	702	1	855	5	1	150	1	280	77112	471
Исследовательских	19	13280	50	37597	81	1	249300	182	1	14654	0	2	259454	206
Опытных	6	1773	10	—	—	1	111940	48	1	—	—	16	113713	59
Дальнейшая	—	—	—	—	—	2	200000	11	—	—	—	2	308000	311
Учебных	—	—	—	30456	56	—	—	—	—	—	—	1	30456	56
Пилотаж	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
исследовательских	5	23020	2	204785	117	3	17897	15	—	—	—	28	294702	154
испытательных	26	8400	1	90862	45	1	20200	4	—	—	—	26	111852	37
Специальных	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	111852	49
Специальных	19	73390	7	45450	58	4	11200	8	—	—	—	38	130160	117
Специальных	92	918394	27	41500	58	43	871426	8	5	6275	14	157	1848595	534
Специальных	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Специальных	3	3740	11	13460	35	—	—	—	—	—	—	6	17200	44
Специальных	14	56600	196	2	37520	238	—	—	—	—	—	6	94130	434
Специальных	1	193446	329	—	—	—	—	—	—	—	—	1	193446	329
Специальных	3	792	1456	—	—	—	—	—	—	—	—	3	792	48
Специальных	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Специальных	3	138750	381	11	128	—	—	—	—	—	—	3	138750	381
Учебных	—	—	—	—	—	14	—	—	—	—	—	14	11689	128
Итого	1095	9938164	506642	2104496	33721295	991344	1253198	67334	41	1747	0591038	10109		

Просвещение

К 1880 г.	Тобольская губерния					Томская губерния				
	Число учебных заведений		Число учащихся			Число учебных заведений		Число учащихся		
	в губернии	в окруж. городах	в окр. утах	муж. ш.	женщин	в губернии	в окр. жид. городах	в окр. утах	мужчин	женщин
Мужские гимназии	1	—	—	239	—	—	—	—	239	—
Высшие гимназии	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Женские гимназии	—	—	—	—	—	—	—	—	—	169
Духовные семинарии	1	—	—	149	—	1	—	—	80	—
Учительские семинарии	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Военная прогимназия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Женские прогимназии	—	6	—	—	518	—	—	—	—	1
Реальные училища	—	1	—	42	—	1	—	—	—	203
Духовные окружные училища	1	1	—	289	—	1	1	—	238	—
Горное окружное училище	—	—	—	—	—	—	—	1	—	207
Женские училища	—	—	—	—	16	—	—	—	—	—
2 разряда	1	7	—	439	—	1	2	—	224	—
Уездные училища	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Войсковые окружные училища	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мариинская женская школа	1	—	—	—	253	—	—	—	—	—
Городские приходские училища	2	15	—	854	48	9	10	—	1022	554
Видные сельские училища	—	—	—	—	—	—	—	—	11	407
Сельские училища	—	—	199	3632	792	—	—	—	137	2609
Войск. отряд. и ред. школы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Миссионерские школы	—	—	2	53	20	—	—	—	—	—
Ветеринарные и фельдшерские школы	1	—	—	23	—	—	—	—	—	20
Повышенные школы	1	—	—	—	39	1	—	—	—	20
Ремесленные школы	1	—	—	23	—	—	—	—	—	—
Привыты и благотворительные школы	2	1	—	126	160	—	—	—	—	—
Михоетанские школы	—	1	26	435	125	2	—	—	80	3
Интернаты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Киргизские школы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Еврейские школы	—	—	—	—	—	1	—	—	17	6
Народные школы	—	—	—	—	—	1	—	—	128	—
Итого	12	33	227	6344	1971	21	16	148	5465	1146

Акмолитская область				Семирпатинская область				Всего в Западной Сибири				
Число учебных заведений		Число учащихся		Число учебных заведений		Число учащихся		Число учебных заведений		Число учащихся		
в областном городе	в уездных городах	в уездных поселках	в уездных деревнях	в уездных городах	в уездных поселках	в уездных деревнях	в уездных деревнях	в уездных городах	в уездных поселках	в уездных деревнях	в уездных городах	
												мужчин
1	1	160	332	1	1	2	1	1	1	649	718	
1	1	88	349	1	1	2	1	1	1	352	400	
1	1	224	1	1	1	1	1	1	1	229	188	
94	2	293	1	1	1	99	1	10	1	224	1056	
1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	527	1	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	207	1	
1	1	145	1	1	1	92	3	10	1	900	16	
1	1	48	1	1	1	27	1	1	1	75	1	
2	9	581	97	1	7	337	131	14	41	2834	830	
6	1	1	1	1	1	1	1	1	1	407	1	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	16	1213	
1	1	80	1494	445	1	5	7	1028	167	1	5	
1	1	114	30	1	1	1	1	1	1	2522	612	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	53	20	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	157	1	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	89	1	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	156	160	
1	7	2	213	80	7	5	1	642	92	10	13	
2	6	2	52	76	1	1	1	20	1	8	1370	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	112	74	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	9	1	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	27	1	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	128	1	
130	35	85	3500	1730	12	19	2	2156	489	50	103	
										07	17465	5349
										660	22	14

Комментарии

- Делевер Клео Фредрик (1781–1851) — немецкий богатырь, путешественник. Собрано богатейшее фотолитическое коллекция по России. Автор четырехтомного научного труда «Флора России».
- ² Х. Г. Эрзенберг и Г. Розе — немецкие естествоиспытатели, профессора Берлинского университета, сотрудничавшие вместе с А. Тумбольфом (об его приглашении) в 1829 году в первую экспедицию на Урал в Алтай. Эрзенберг был биологом, известен как исследователь природы Палестины, Абиссиния и Турки, а Розе — зоологом, минералогом.
- ³ Исключая в виду устаревания и самодвижущие народы: халды, маньчжунцы, селькупы и проч. Словесные современной этнолингвистической классификации за последние десятилетия к «финским» относятся. Этнолингвист устаревает данный термин и соотносится с язычными традициями XIX века как аналог сарыгинской этнолингвистической «таблицы «язык вой семей», в которую, кроме уэльских и самодийских, входят финноязычные. Последние выделялись из финно-угорской группы от уральской языковой семьи в начале IV тыс. до н.э. и проживают к западу от Урала.
- ⁴ Татищев Василий Никитич (1686–1750) — известный русский историк, государственный деятель. Автор ряда сочинений философского, исторического и географического содержания, в том числе и петитовой «Истории Российской с самых древнейших времен.», вышедшей в 1769–1784 гг. и в 1848 г. Считал «умнопрогрессивные» основой исторического прогресса.
- ⁵ То есть смешанный антропологический тип, сочетающий европеоидные и монголоидные черты. Часто сибирский устаревший термин, выходящий от прежнего названия бурят — «бравские (бравские) татары».
- ⁶ Североазиатские ослы — устаревшее, фактически ошибочное название кист, принятое в литературе XIX–XX ввек. С ослыми ослыми (вотта) кисты связаны в национальной культуре, но не родственны им. Язык кист весьма своеобразен и занимает особое место среди языков сибирских народов. Он не входит ни в одну из известных языковых семей.
- ⁷ Здесь и далее Ядринцев употребляет неопределенные или неточные варианты названия Западно-Сибирского округа императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО).
- ⁸ Полтавля — «многоязычие» (дрек). В данном случае речь идет о многоязычии.
- ⁹ В приведенной ниже таблице за 100% берется численность русского населения округов. Отсюда в Березовском округе, где коренное население преобладает над русским более, чем в 4 раза, их соотношение выражено: 445,90%. Если же за 100% взять все население округа, то численность аборигенов составила 81,69%.
- ¹⁰ Рыбинков Павел Николаевич (1831–1885) — этнограф, один из пионеров изучения русского фольклора. Главный труд — «Песни, собранные

- дные П.И. Рыбниковым» в четырех частях — издавался дважды: в 1861—1867 гг. и в 1909—1910 гг.
- ¹¹ Комптол — заговор, от *comptol*.
- ¹² «Этнологическая борьба» — неудачное выражение, так как этнология — наука об этносах. Здесь имеется в виду процесс формирования новых этнографических групп русских сибиряков, в ходе которого взаимодействовали («боротиса») различные этнические и субэтнические сообщества.
- ¹³ Кинимистры — побегители, от *dom. кинста* — побег и приставка *com* — с.
- ¹⁴ Болезнь *elephantiasis* — элевфантинизм (от *элевфического* «элевфант» — слон), слоновья болезнь, элевфическая язва/блефарит, выражающаяся в гипертрофии отдельных частей тела, чаще всего — ног и лица.
- ¹⁵ Герой древнегреческой мифологии Тантал, сын Зевса, в наказание за ряд тяжелых преступлений был отправлен олимписскими богами в подземные царство и обречен на вечные муки. Он стоял по горло в воде, но не мог напиться, так как вода отступала; над ним висели ветви с плодами, которыми он кормился, как только Тантал протягивал к ним руку, и т.д. Отсюда выражение «Танталовы муки».
- ¹⁶ Имеется в виду первая современная казавка, которая в начале XX века называлась киргизами или киргиз-кайсаками.
- ¹⁷ Страна, «где люди ходят под землей... дни да ночь с огнем», упоминается в древнерусском рукописном сочинении (XV век) «о чюдесах незнаемых в восточной стране». Из контекста следует, что речь в данном случае шла об Алтае, откуда берут начало Обь и Иртыш, и о дополнительных реках в полярных краях.
- ¹⁸ «Вологуды святители», т.е. укрепленные дома и поселки русских воинов-крестьян, зимовых и пастухов промысловиков в приграничных районах Сибири и на землях владения наместников-адмиралов. Исключительно использование автором подобных антагонизмов объясняется его увлечением историей колонизации Америки и попытками найти аналогии в сибирской истории.
- ¹⁹ Тетя *искогда* — неизменная, неизменная земля (*там*). В тексте парадоксально дано в м надеже.
- ²⁰ *Асиринский кузнец* — шимонизм распределения и (*там*).
- ²¹ Норманншлях Нунне — Агустин Эрнк (1832—1901) — датский путешественник. В 1878—1879 годах совершил первый морской переход из Атлантического океана в Тихий по морям Северного Ледовитого океана. Зимовал у Колычонской губы в Чукотском море. Автор ряда работ по исторической картографии. Его именем названы залив и мыс Новой Земли и архипелаг в Карском море.
- ²² Улукунинки — члены военных отрядов Великого Новгорода, промышлявшие рабством на реках Русского Севера, Прикамья и Северного Урала и сопровождавшие экспедиции новгородских купцов. Название произошло от *улакун* — присосаженной ладки с папусом и веслом. Улакунничество прекратилось задолго до присоединения Сибири к Русскому государству, сразу после присоединения новгородских земель к Московскому князю (1478 г.).
- ²³ Восточный океан — прежнее название Тихого океана.
- ²⁴ Автор «Золотого дна» (полное название — «Древняя дословия Сибири — золотое дно») — Федор Иванович Соймонов, человек, несудьбыного таланта, с драматической судьбой. Любимец Петра Великого, военный моряк, генерал-кригс-комиссар, главный интендант флота, талантливый картограф, он знал Сибирь не понаслышке. В царствование Анны Иоанновны был явден ротмистр, действительный ишущества и даже имени и сослан на вечную каторгу в Олонец. Прощеный и освобожденный от ссылки Елизаветой Петровной, Соймонов остра-

- крит Уильямс назвал «первым основателем» был и сам Николай Михайлович Макабало (1812–1887), генерал-майор И. Я. Савинко-основатель музея в Томе и др.
- ⁹ Капитан Петр Михайлович (1777–1848) начал службу в 1798 году в полку артиллерии в Западной Сибири в 1822–1828 гг. Похоронен в Иркутске, генерал от артиллерии, член Общества любителей наук в 1842 году. Вышел в отставку в чине генерал-майора, имел высокие награды (ордена Св. Екатерины 4-й и 3-й степеней, золотая шапка). Энергичный, влиятельный и просоветский правитель, проponent административной реформы Сибирского края.
- ¹⁰ Петр Честинцевич, чиновник шована в Иркутске и Березовке, отправлен в Сибирь в 1811 году по VIII воле Императрицы.
- ¹¹ Дистон-Богданов Александр Иванович (1829–1893) служил в Сибирь в 1851–1867 гг., сначала чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Н.Н. Муравьеве, затем кавалерским советником в Томске. С 1867 по 1883 году был назначен губернатором Иркутской губернии. На Иркутской службе посетил в частности Березовку из уважительнейшей и кавалерской службы. Основатель казенной библиотеки. Имел в своем распоряжении библиотеку в 1000 томов. Имел в своем распоряжении казенную библиотеку в 1000 томов. Имел в своем распоряжении казенную библиотеку в 1000 томов. Имел в своем распоряжении казенную библиотеку в 1000 томов.
- ¹² Князь Николай Гюльденберг (1824–1885) с 1875 по 1881 года был генерал-губернатором Западной Сибири. Внес много содействия развитию науки, образования и культуры края. При его участии был основан в 1850 году Сибирский университет в Томске, открыты мужская (1876) и женская (1878) гимназии в Омске. Он являлся одним из учредителей и покровителей Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества (1877). В 1881 году был избран членом Государственного Совета.
- ¹³ Эдвард, или Эдвард, — историческая область на северо-западной побережье Малой Азии, куда в начале XIX века до н.э. переселились около из четырех основных дриетических племен — иллирийцы. Позднее происходил от иллирийской династии римских императоров — Траянов.
- ¹⁴ Дириалда — одно из четырех основных дриетических племен, существовавших в середине XII века до н.э. на Пелопоннесе, а затем участвовавшие в колонизации юго-восточного побережья Малой Азии, а также Крита, Родоса и других островов Средиземного моря.
- ¹⁵ Буконическая (от буксено — пастух) племя — дриетический племя исторического жителя. Представители этого племени воссоздали беспримесный быт деревенских жителей, адаптировали сельскую жизнь и провозгласили демократическую, светскую городскую. Содействуя жителям Диокрита жил при дворе Птоломея II (3 в. до н.э.).
- ¹⁶ Пит Томас (1737–1809) — американский просветитель, публицист, общественный деятель. Активный боец за независимость американского народа от Англии. Убежденный республиканец, противник расовой дискриминации и рабства, призывавший к национализации земли и уничтожению имущественного неравенства.
- ¹⁷ Сине шия поп — «белое чело» (лат.), от иллирийского.

Оглавление	
<i>С. Пархимович. Из племен областников</i>	6
От автора	11
Русская народность на Востоке	13
Областной тип русской народности на Востоке	61
Инородцы и инородческий вопрос Сибири	96
Условия разрешения инородческого вопроса	115
Колонизация Сибири и современные переселения	134
Ссылка в Сибирь и положение ссыльных	171
История эксплуатации богатств на Востоке	228
Экономическое положение Сибири	268
Управление Сибирью и реформа Сперанского	300
Потребность знания на Востоке и образование в Сибири	368
Будущность страны и условия ее преуспеяния	435
Статистические сведения о современном состоянии Сибири	454
<i>С. Пархимович. Комментарий</i>	474